

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2ВМ
А

28397

9
+ 94

Г. Е. Леонасьевъ.

Докторъ Исторіи.

*Удостовереніе
Владимиру Леонасьеву
Грушевскому
на*

Историческія и Экономическія статьи.

ТОМЪ I.

КІЕВЪ.—1909.

Типографія Первой Кіевск. Артели Печатнаго Дѣла, Трехсвятительская 5.

37.8

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Г. Е. Леонасьевъ.

До́кторъ Истори́и.

Историческія и Экономическія статьи.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ПОЧИТАТЕЛЕЙ И ДРУЗЕЙ.

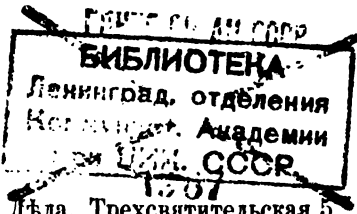
28397

П

КІЕВЪ.—1908.

Типографія Первой Кіевск. Артели Печатнаго Дѣла, Трехсвятительская Б.

H 259.8

(1)

F. Braun

1869 r.

T. Maurer

1908 r.

Digitized by Google

1

Вмѣсто предисловія.

Въ сентябрѣ текущаго года исполнилось сорокалѣтіе общественной и педагогической дѣятельности Георгія Емельяновича Аванасьева. Желая отмѣтить это событіе въ исторіи нашей общественности, кружокъ друзей и почитателей Г. Е. остановился на мысли собрать и выпустить въ свѣтъ его публичныя лекціи, читанныя имъ въ разныхъ городахъ, преимущественно въ Одессѣ и Кіевѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны раньше въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, другія вовсе не появлялись въ печати. Общественно-просвѣтительное значеніе этихъ лекцій станетъ несомнѣннымъ для каждаго, кто познакомится съ ихъ содержаніемъ, и въ наши многотрудные дни значеніе это не менѣе велико, чѣмъ было оно на зарѣ общественной дѣятельности Г. Е., когда его лекціи были одними изъ немногихъ проявленій пробуждающагося общественнаго сознанія. Публичныя лекціи Г. Е. играли большую роль и въ его личной жизни: въ теченіе долгихъ лѣтъ онѣ были едва-ли не единственной живою связью его съ огромной аудиторіей, съ которой онъ дѣлился своими обширными знаніями, передъ которой выступалъ, какъ ученый историкъ и блестящій ораторъ. Публичныя лекціи Г. Е. тѣсно и неразрывно сплетаются съ необычно сложившимися условіями его жизни и дѣятельности.

Родился Г. Е. въ февралѣ 1848 г. въ г. Уфѣ въ дворянской семьѣ. Отецъ его, полковникъ, „испытанный трудами бури боевой“,

много рассказывалъ въ семьѣ о своихъ походахъ, о Кавказѣ. Оригинально отразились эти рассказы въ чуткой дѣтской душѣ: Г. Е. съ братомъ рано стали мечтать о поѣздкѣ на Кавказъ, чтобы устроить тамъ школу... Часто отецъ сообщалъ сыновьямъ разныя свѣдѣнія изъ русской и всеобщей исторіи въ видѣ простыхъ эпизодическихъ рассказовъ. Бесѣды отца пробудили въ Г. Е. любовь къ исторіи и географіи; она развилась и окрѣпла въ гимназіи подъ вліяніемъ учителя исторіи М. Д. Крылова. О гимназіи вообще Г. Е. сохранилъ свѣтлыя воспоминанія; педагогическій составъ ея былъ таковъ, что могъ развить въ средѣ учениковъ ихъ природныя способности и стремленіе къ знанію. Да и время стояло бодрое. Лучи „эпохи великихъ реформъ“ озаряли юныя головы будущихъ дѣятелей, проникали въ ихъ души и создавали тамъ запасъ свѣта и тепла на всю жизнь. Г. Е. окончилъ гимназію въ 1865 г. Въ этомъ же году онъ лишился отца и по приглашенію своего дяди переехалъ въ Одессу, гдѣ и поступилъ на историко-филологическій факультетъ. Живой, впечатлительный юноша, Г. Е. уже тогда импонировалъ товарищамъ своей внѣшней выдержкой, тѣмъ „европеизмомъ“, который былъ какъ бы природнымъ его качествомъ и котораго такъ мало было вокругъ. Тогда уже на студенческихъ сходкахъ Г. Е. обнаруживалъ свой ораторскій талантъ, свое умѣнье быстро схватывать, кратко и мѣтко характеризовать сущность вопросовъ. Всѣ эти качества обращали на Г. Е. вниманіе какъ студентовъ, такъ и профессоровъ. Извѣстные профессора—историкъ А. Г. Брикнеръ, философъ Р. В. Орбинскій и особенно славистъ В. И. Григоровичъ охотно оказывали ему содѣйствіе въ занятіяхъ и принимали участіе въ его судьбѣ. По рекомендаціи Орбинскаго Г. Е., будучи студентомъ 4-го курса, получилъ уроки въ частной женской гимназіи Гауэншильдъ. Двадцатилѣтній историкъ съ рвеніемъ принялся за дѣло. Молодой энтузіазмъ, любовь къ наукѣ, вѣра въ свои силы замѣняли отсутствіе дидактическихъ свѣдѣній и педагогической опытности. Ученицы Г. Е. увлекались исторіей, читали книжки, писали рефераты. По окончаніи курса въ 1869 г., Г. Е. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ всеобщей исторіи. Но вскорѣ надъ головой Г. Е. стали сгущаться тучи. Въ учебномъ мірѣ Одессы разыгралась такъ называемая „Стратоновская исторія“, искалѣчив-

шая жизнь нѣсколькимъ выдающимся людямъ, задѣвшая и Г. Е. Во главѣ Одесскаго учебнаго округа съ 1866 г. стоялъ С. П. Голубцовъ, человекъ невѣжественный, случайно попавшій на свой постъ. Врачъ по профессіи, бывшій мировымъ посредникомъ въ имѣніи гр. Д. А. Толстого, Голубцовъ былъ назначенъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, какъ только гр. Толстой сталъ во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вѣрный проводникъ идей гр. Толстого, Голубцовъ преслѣдовалъ всѣ живыя силы педагогическаго міра. Директоромъ старѣйшей въ Одессѣ Ришельевской гимназіи былъ въ то время Стратоновъ, человекъ прогрессивный и гуманный, чуждый политикѣ и умѣренно-либеральный въ сферѣ общественныхъ взглядовъ. Между нимъ и попечителемъ учебнаго округа начались нелады, и, наконецъ, Стратоновъ, раздраженный придирками Голубцова, подалъ въ отставку. За¹ Стратоновымъ ушли лучшіе учителя Ришельевской гимназіи. Это событіе всколыхнуло не только педагогическій міръ. На обѣдѣ, данномъ въ честь Стратонова представителями одесскаго интеллигентнаго общества, Г. Е. Аванасевъ сказалъ рѣчь, въ которой разъяснилъ общественное значеніе Стратоновской исторіи. Рѣчь была подхвачена прессой, сначала мѣстной, потомъ столичной,—и Голубцовъ не забылъ оратора.

Въ 1872 г. Г. Е. выдержалъ магистерскій экзаменъ и былъ избранъ исполняющимъ должность доцента, но Голубцовъ секретной бумагой на имя ректора университета наложилъ свое veto на это избраніе. Г. Е. сосредоточилъ тогда всю свою энергію на педагогической дѣятельности. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ состоялъ преподавателемъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Одессы: въ женской гимназіи г-жи Гауэншильдъ, въ Маріинской городской женской гимназіи, въ Коммерческомъ и въ Реальномъ училищахъ и, наконецъ, сталъ во главѣ педагогической корпораціи гимназіи г-жи Пиллеръ. Эта корпорація, привлекая въ свою среду многія лучшія силы мѣстнаго педагогическаго міра, подняла дѣло воспитанія и обученія въ гимназіи Пиллеръ на значительную высоту. Кромѣ того, Г. Е. въ это же время вступилъ въ члены Одесскаго Славянскаго Общества, ставшаго впоследствии однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ мѣстныхъ просвѣтительныхъ обществъ, и много лѣтъ велъ тамъ энергичную работу. Наконецъ, съ 1877 по 1878 г.

Г. Е. велъ политическій отдѣлъ въ одесской газетѣ „Правда“, гдѣ за это время было помѣщено болѣе 200 его статей.

Въ концѣ 70-хъ годовъ волна общественнаго движенія въ Россіи шла на подъемъ, и въ культурныхъ центрахъ пульсъ жизни бился быстрѣе. Тамъ и здѣсь вспыхивали разряды общественной энергіи, не находя спокойнаго русла для своего обнаруженія и принимая поэтому тяжелыя формы. Атмосфера сгущалась, въ ней чувствовался избытокъ напряженія. Въ началѣ 1879 г. были учреждены генераль-губернаторства по всей Россіи. Генераль-губернаторомъ Одессы назначенъ былъ графъ Тотлебенъ. Неизвѣстно, какими намѣреніями лично одушевленъ былъ знаменитый защитникъ Севастополя, но съ нимъ пріѣхалъ его злой геній и ближайшій совѣтникъ Панютинъ. Въ Одессѣ начались гоненія, направленные противъ всѣхъ, кто когда-нибудь и гдѣ-нибудь выступалъ въ болѣе или менѣе замѣтной роли на общественномъ поприщѣ. Въ эту тяжелую пору Голубцовъ попробовалъ свести счеты съ Г. Е. и въ маѣ 1879 г., ссылаясь будто бы на требованіе гр. Тотлебена, предложилъ Г. Е. въ 24 часа подать въ отставку. Г. Е. исполнилъ требованіе, но сдѣлалъ попытку отстоять себя. Ему удалось узнать и доказать, что гр. Тотлебенъ не требовалъ его удаленія отъ должности. Голубцову, попавшему въ трудное положеніе, оставалось отмѣнить свое предписаніе, и Г. Е. уже въ октябрѣ 1879 г. снова дѣйствовалъ на педагогическомъ поприщѣ. Въ апрѣлѣ того же года на общемъ собраніи членовъ Одесскаго Общества Взаимнаго кредита Г. Е. былъ единогласно избранъ въ члены Правленія и впослѣдствіи сталъ предсѣдателемъ Общества. Г. Е. выговорилъ себѣ здѣсь условіе имѣть ежедневно два свободныхъ часа для занятій уроками.

Въ 1880 г., когда въ Одессѣ уже не было гр. Тотлебена, а мѣсто Голубцова занялъ профессоръ П. А. Лавровскій, въ жизни Г. Е. блеснулъ свѣтлый лучъ. Сильная рѣчь „о гуманномъ значеніи Пушкина“, произнесенная Г. Е. въ соединенномъ засѣданіи Университета, Городской думы и Славянскаго общества по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, обратила на себя вниманіе попечителя учебнаго округа: проф. Лавровскій снялъ запретъ, тяготѣвшій надъ университетскою дѣятельностью Г. Е. Тогда Г. Е. рѣшилъ энергично взяться за магистерскую диссертацию, надъ ко-

торой онъ урывками работалъ уже нѣсколько лѣтъ. Въ 1885 г. онъ защитилъ въ Кіевѣ свою диссертацию— „Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго“—и былъ назначенъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ исторіи въ Новороссійскомъ университетѣ. Теперь его жизнь была полна кипучей дѣятельности: лекціи въ университетѣ, привлекающія не только филологовъ, но и студентовъ другихъ факультетовъ, служба въ Обществѣ Взаимнаго кредита, дѣятельность въ Славянскомъ Обществѣ и учебная работа. Такъ прошло три года, и Г. Е., стремившемуся къ профессурѣ, стало ясно, что при такомъ разнообразіи труда нельзя работать надъ докторской диссертацией, и что единственная возможность написать ее—поѣздка за-границу. Въ 1888 г. ему удалось получить командировку отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія безъ денежнаго пособія и отпускъ изъ Общества Взаимнаго кредита, и онъ уѣхалъ съ семьей въ Парижъ, гдѣ отдался весь усиленной научной работѣ въ Национальной бібліотекѣ, въ Архивахъ Национальномъ и Министерства Иностранныхъ дѣлъ. „Два года большого труда были пройдены тамъ“,—говоритъ Г. Е. въ автобіографической замѣткѣ, вспоминая о своемъ пребываніи въ Парижѣ. Тамъ у него возникли и окрѣпли ученныя связи съ профессорами Сорбонны, Католическаго университета и членами Академіи Наукъ. Въ 1890-мъ году Г. Е. возвратился въ Россію съ почти готовой докторской диссертацией „О хлѣбной торговлѣ во Франціи въ XVIII в.“, которую и защитилъ въ 1892 г. въ Петербургскомъ университетѣ, получивъ за нее степень доктора исторіи. По единогласнымъ отзывамъ петербургской печати этотъ диспутъ былъ блестящимъ. Оцѣнка диссертации русскими и иностранными учеными была также единодушна. Ученый комитетъ Мин. Нар. Просв., профессора-оппоненты и Парижская Академія Наукъ признали диссертацию Г. Е. выдающимся историко-экономическимъ трудомъ. Часть ея, объ „Обществѣ Голодовки“, еще въ рукописи доложена была проф. Левассеромъ въ засѣданіи Академіи Наукъ Нравственныхъ и Политическихъ и напечатана въ ея изданіи („Comptes Rendus de l'Academie“) *). Затѣмъ почти одновременно съ появленіемъ

*) По поводу этого доклада въ Journal Officiel (1890 г. № 204) напечатано слѣдующее: „M. Afanassiev, après de nombreuses recherches, et uniquement préoccupé de remplir sa mission en historien impartial, a fait la lumière sur ce point de notre histoire, et son travail présente un grand intérêt“.

емъ диссертациі въ печати на русскомъ языкѣ она была напечатана и на французскомъ, и о ней былъ сдѣланъ тѣмъ же профессоромъ Левассеромъ докладъ въ засѣданіи Академіи Наукъ. Въ этомъ докладѣ профессоръ Левассеръ, между прочимъ, говоритъ: „Этотъ трудъ, сдѣланный иностранцемъ, который безъ устали перерывалъ въ нашихъ архивахъ всѣ документы, могущіе освѣтить эту исторію (хлѣбной торговли въ XVIII в.) дѣлаеть большую честь его автору и будетъ несомнѣнно полезенъ всѣмъ тѣмъ, кто будетъ заниматься экономической исторіей восемнадцатаго вѣка“. Въ нѣсколькихъ специальныхъ историческихъ журналахъ были напечатаны лестные отзывы объ этой книгѣ.

Но не смотря на такой успѣхъ, не смотря на талантливость Г. Е., на его большія знанія и научную работоспособность, не смотря на ту популярность, которой пользовались его лекціи въ университетѣ и въ обществѣ, (а можетъ быть, и благодаря именно этой популярности) ему не удалось получить профессуру въ Новороссійскомъ университетѣ. Учебная администрація относилась съ подозрѣніемъ къ его лекціямъ, считая ихъ слишкомъ либеральными, въ университетѣ въ профессорской средѣ были лица, враждебныя Г. Е. Попытка его занять кафедру всеобщей исторіи по смерти профессора Надлера въ 1894 г. кончилась неудачей. „Тогда“,—говоритъ Г. Е.,—„послѣ 20 лѣтъ настойчиваго стремленія къ профессурѣ, я рѣшилъ сдаться и сказалъ себѣ: «насильно милъ не будешь». Я пошелъ туда, куда давно меня тянула судьба столь же настойчиво и ласково, сколько упорно я стремился остаться на педагогическомъ поприщѣ и сколько враждебно на немъ относились ко мнѣ люди, власть имущіе“.

Въ 1895 г. Г. Е. былъ назначенъ управляющимъ конторой Государственнаго Банка въ Кіевѣ. Съ этихъ поръ банковая служба становится главной сферой дѣятельности Г. Е., но онъ не оставляетъ и той просвѣтительной работы, которая является идейной основой всей его жизни. Горячо сочувствуя частной инициативѣ въ дѣлѣ образованія, Г. Е. вскорѣ становится дѣятельнымъ членомъ попечительныхъ совѣтовъ при трехъ кіевскихъ частныхъ гимназіяхъ и предсѣдателемъ одного изъ этихъ совѣтовъ. Лишенный возможности дѣлиться своими знаніями, своими строго выработанными убѣжденіями съ постоянной университетской аудито-

ріей, Г. Е. находитъ себѣ болѣе обширную и болѣе разнообразную аудиторію, выступая въ качествѣ лектора то въ блестящихъ залахъ, переполненныхъ интеллигентными слушателями, то въ скромныхъ помѣщеніяхъ, порою лишенныхъ самыхъ элементарныхъ приспособленій, но переполненныхъ тоже тою толпою, которая жадно ловитъ крохи знанія, падающія на ея долю.

Эти скромныя аудиторіи Г. Е. всегда любилъ. Какъ членъ Правленія Одесскаго Славянскаго Общества и предсѣдатель той Комиссіи Общества, которая устраивала народныя чтенія, общедоступныя лекціи и литературно-музыкальные вечера, Г. Е. еще въ Одессѣ обнаруживалъ кипучую дѣятельность и не отказывался ни отъ какой работы въ этомъ направленіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ стоя во главѣ этого дѣла, онъ шелъ читать и въ ночлежныя пріюты и въ сараи, на-скоро оборудованные для этой цѣли. Толпа слушателей, которая являлась на его чтенія и лекціи, такъ краснорѣчиво свидѣтельствовала о ростѣ умственныхъ запросовъ въ средѣ одесскаго рабочаго населенія, что городская дума пошла навстрѣчу этимъ запросамъ и дала средства на постройку Одесской Городской Народной Аудиторіи.

Въ Кіевѣ, въ качествѣ почетнаго члена Общества Грамотности и Общества Содѣйствія начальному образованію, Г. Е. велъ и ведетъ еще ту же просвѣтительную работу.

Свои публичныя лекціи Г. Е. началъ рано. Первый опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ имъ въ 1875 г., когда онъ лѣтомъ прочелъ 10 лекцій по исторіи Французской революціи кружку лицъ изъ высшаго одесскаго общества. Въ числѣ слушателей Г. Е. тогда были адмиралъ Чихачевъ и извѣстная Т. П. Пассекъ, по инициативѣ которой устроились эти лекціи. Вскорѣ послѣ того, въ 1876 г., Г. Е. выступилъ съ двумя публичными лекціями по исторіи сербовъ, прочитанными имъ въ пользу организовавшагося въ Одессѣ комитета помощи южнымъ славянамъ въ ихъ борьбѣ съ турками. Съ того времени имя Г. Е. стало извѣстно всей интеллигентной Одессѣ, какъ имя лучшаго лектора. Богатыя по содержанію, увлекательныя и выдержанныя по формѣ, его лекціи всегда привлекали толпу слушателей. Какъ въ университетѣ, въ аудиторію, гдѣ читалъ Г. Е. Аванасьевъ, сходились студенты разныхъ курсовъ и разныхъ факультетовъ, такъ на его публичныхъ лекціяхъ встрѣ-

чаются люди различныхъ направлений, различныхъ возрастовъ, различнаго образовательнаго ценза, которыхъ привлекаетъ не только слава Г. Е., какъ блестящаго оратора, но и та сила глубокаго убѣжденія, которая неотразимо дѣйствуетъ на слушателей.

Въ теченіе своей дѣятельности Г. Е. прочелъ около 100 публичныхъ лекцій. Почти всѣ свои лекціи Г. Е. читалъ въ пользу разныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений въ Кіевѣ, Одессѣ, Кишиневѣ, Тирасполѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и другихъ мѣстахъ. Читалъ онъ въ пользу Одесскаго Комитета помощи южнымъ славянамъ, Одесскаго Славянскаго Общества, Краснаго Креста, Общества домовъ трудолюбія, Кіевскаго Общества дневныхъ пріютовъ, Санаторіи для туберкулезныхъ больныхъ, Пріюта для выздоравливающихъ, Херсонской Общественной библіотеки, въ пользу недостаточныхъ студентовъ, Кіевскаго Общества Грамотности, Кіевскаго Общества Содѣйствія начальному образованію, Общества Лѣтописца Нестора и друг. Иногда онъ читалъ лекціи въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ напр., о Наполеонѣ I въ Одесскомъ Юнкерскомъ училищѣ для воспитанниковъ. Лекція на ту же тему была прочитана впослѣдствіи для офицеровъ въ Одесскомъ Военномъ собраніи. Общедоступныя лекціи читаны имъ въ Одесской Городской Народной Аудиторіи, въ аудиторіяхъ по окраинамъ Одессы, въ Кіевскомъ Народномъ домѣ и въ Кіевской Народной Аудиторіи. Этотъ безкорыстный просвѣтительный трудъ Г. Е. длится многіе годы.

Лекціи его имѣютъ большое общественное значеніе. Процессы исторической жизни разсматриваются въ нихъ съ научной точки зрѣнія; причинная связь явленій выступаетъ ярко; намѣчаются „законы исторіи“, дающіе возможность предугадывать вѣроятныя послѣдствія соотношенія силъ въ странѣ въ данный историческій моментъ. Большая эрудиція автора позволяетъ ему широко ставить вопросы и разносторонне освѣщать ихъ. Наконецъ, всѣ лекціи Г. Е. проникнуты однимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что сознательно воспринятая обществомъ идеи представляютъ непреодолимую силу, но только тогда, если люди, исповѣдывающіе эти идеи, обладаютъ той стойкой солидарностью, которая способна къ длительному напряженію, которая не падаетъ духомъ передъ препятствіями, которая проявляется не чередованіемъ героиче-

скихъ эксцессовъ и глубокой апатіи, а спокойнымъ мужествомъ, стойкой выдержкой и культурными формами. Въ лекціяхъ Г. Е. Аванасьева отражается вполне обликъ его, какъ общественнаго дѣятеля.

Г. Е. принадлежитъ къ типу людей, еще рѣдкому на Руси. Какъ-то въ шутку, характеризуя себя, онъ сказалъ: „я—человѣкъ порядка“. Эта краткая характеристика очень мѣтко опредѣляетъ одно изъ основныхъ свойствъ его психологіи. Г. Е.—человѣкъ порядка; но не въ смыслѣ мертваго застоя и неизмѣняемости формъ жизни, не въ смыслѣ порядка для порядка. Для него „порядокъ“ есть синонимъ правильно и хорошо организованной жизни, не руководимой прихотливыми настроеніями чувства, а постоянно контролируемой разумомъ. Такой „порядокъ“ не исключаетъ благородныхъ порывовъ; онъ только сдерживаетъ и направляетъ ихъ властью разума къ достиженію той цѣли, во имя которой возникаютъ эти порывы и которую они часто бессознательно губятъ. „Порядокъ“ Г. Е. это—умная, сильная, мужественная и стойкая „организованность“, съ готовностью къ самопожертвованію во имя глубоко продуманныхъ убѣжденій, но съ строго культурными и этическими приѣмами общественной работы и борьбы. Такіе люди, какъ Г. Е., не мѣняются во время общественныхъ приливовъ и отливовъ. Волна общественнаго подъема не заставляетъ ихъ терять голову отъ несбыточныхъ надеждъ; волна общественной реакціи не погружаетъ ихъ въ апатію. Они не измѣняютъ разъ избранному знамени. Глубоко и твердо вѣря въ конечное торжество лучшихъ идеаловъ человѣчества, любя свою родину и горячо желая ей счастливой доли, они знаютъ, что формы общественной жизни прочно измѣняются къ лучшему только тогда, когда для общественнаго сознанія прежнія формы становятся узкими и тѣсными, какъ старое платье. Они знаютъ, что для измѣненія устарѣлыхъ формъ нужны знанія и умѣнье, какъ для всякаго сложнаго и труднаго дѣла; что эти знанія даетъ знакомство съ жизнью народовъ, даетъ исторія; а исторія учитъ насъ тому, что „не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ“, что экономическій факторъ не всеисленъ въ жизни народовъ, что наряду съ огромнымъ значеніемъ народныхъ массъ отдѣльныя личности и вся интеллигенція страны играютъ громадную роль и въ еще большей степе-

ни „творять исторію“, а потому являются отвѣтственными за каждый переживаемый историческій моментъ.

Въ наши дни общаго смятенія, усталой мысли и замершихъ чувствъ высокую цѣнность имѣютъ тѣ „уроки исторіи“, которые выносятъ слушатели Г. Е. изъ его публичныхъ лекцій, важное значеніе имѣетъ вся его просвѣтительная дѣятельность. Пусть же эти лекціи, теперь издаваемые нами, пробудятъ въ читателяхъ бодрую вѣру въ возможность осуществленія лучшихъ идеаловъ и вызовутъ передъ умственнымъ взоромъ читателей серьезный и вдумчивый обликъ Г. Е., убѣжденно и стойко проводящаго въ жизнь идеи прогресса, этики и культуры.

*Сентябрь
1908.*

Списокъ публичныхъ лекцій Г. Е. Афанасьева.

I.

Читанныя въ Одессѣ.

Исторія сербовъ. Двѣ лекціи въ пользу сербовъ и герцеговинцевъ	1876	году.
Кольберъ и Протекціонизмъ. Одна лекція	1880	"
Два момента конституціонной исторіи Англій въ XIX вѣкѣ. Двѣ лекціи	1882	"
Тюрго. Двѣ лекціи	1883	"
Внѣшняя политика Наполеона III. Три лекціи	1884	"
Судьбы Ирландіи. Три лекціи	1886	"
Марія Стюартъ. Двѣ лекціи	1887	"
Наполеонъ I (въ одной и въ двухъ лекціяхъ). Два раза	въ 1892 и 1902	"
Эразмъ Роттердамскій	1893	"
Мирабо. Одна лекція	1894	"
Вильямъ Питтъ	1902	"
Денежный кризисъ	1900	"
Лалли Толандалъ	1899	"
Ричардъ Кобденъ и свобода торговли	1902	"

Всѣ эти лекціи, за исключеніемъ первой, читаны въ пользу Славянскаго общества *). Одна лекція о Наполеонѣ читана въ Одесскомъ юнкерскомъ училищѣ, для воспитанниковъ, а двѣ были читаны въ Одесскомъ Военномъ Собраніи для офицеровъ.

*) Чистый доходъ ихъ составилъ 3373 руб. 32 коп.

II.

Читання въ Києвъ.

1. Ричардъ Кобденъ. Два раза (первый разъ въ пользу Народной Аудиторіи) въ 1895 и 1902 году.
 2. Джонъ Ло (въ пользу дневныхъ пріютовъ) 1896 "
 3. Исторія Англіи и Франціи въ XIX вѣкѣ.
19 лекцій. Читаны отъ Общества Нестора Лѣтописца. 1896—97 "
 4. Политическое движеніе Англіи въ XIX вѣкѣ. 1897 "
 5. Отношеніе Франціи и Германіи при Наполеонѣ III (въ пользу Краснаго Креста) 1897 "
 6. Гугеноты при Людовикѣ XIV. Два раза въ 1897 и 1907 "
 7. Наполеонъ I. Двѣ лекціи 1898 "
 8. Тюрго. Одна лекція. 1897 "
 9. Общество голодовки. Одна лекція 1898 "
 10. Отношенія Франціи къ Италіи при Наполеонѣ III. 1899 "
 11. Лалли Толландадь (въ пользу недостаточныхъ студентовъ) 1899 "
 12. Денежный кризисъ. 1900 "
 13. Марія Стюартъ. Двѣ лекціи 1900 "
 14. Мирабо. Двѣ лекціи (въ пользу домовъ трудолюбія). 1900 "
 15. Борьба Нидерландовъ за независимость. Три лекціи. 1901 "
 16. О'Коннель 1901 "
 17. Монтескье (въ пользу туберкулезной санаторіи) . . . 1906 "
 18. Тюрго и децентрализація во Франціи въ концѣ XVIII вѣка (въ пользу пріюта для выздоравливающихъ). 1906 "
 19. Яковъ II, король Англіи (въ пользу Народной Аудиторіи) 1907 "
 20. Исторія Ирландіи. Шесть лекцій. Читаны отъ Общества Нестора Лѣтописца въ 1904—05 "
 21. Объ образовательномъ значеніи Исторіи.
Двѣ лекціи 1907 "
- Почти всѣ лекціи читаны въ пользу разныхъ благотворительныхъ учреждений Києва.

III

Читання въ Херсонѣ.

(о значеніи Потемкина (въ пользу Обществ. Библіотеки) въ 1891 году.

Наполеонъ I (въ пользу Обществ. Библіотеки) . . . въ 1892 году.

Кромѣ того, были читаны публичныя лекціи въ Кишиневѣ, въ Тирасполѣ и въ Черниговѣ.

РЕФЕРАТЫ.

I.

Читанные въ Парижѣ.

Общества Взаимнаго Кредита въ 1888 году.

Русскія артели 1889 „

Кризисъ капиталовъ въ Россіи 1900 „

Всѣ три реферата читаны на французскомъ языкѣ въ публичныхъ засѣданіяхъ общества „Reforme Sociale“.

II.

Читанный въ Петербургѣ.

Общество голодовки (въ Историческомъ Обществѣ) въ 1890 году.

III.

Читанный въ Одессѣ.

О мѣрахъ и вѣсахъ, бывшихъ въ употребленіи въ хлѣбной торговлѣ во Франціи въ XVIII вѣкѣ (въ Историко-Филологическомъ Обществѣ).

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ ЛЕКЦІИ.

I.

Читанныя въ Одессѣ.

О бумажныхъ деньгахъ и Джонѣ Ло въ 1894 году.

Гугеноты при Людовикѣ XIV 1895 „

Обѣ читаны въ Народной Аудитории.

II.

Читанныя въ Кіевѣ.

О религіи и праздникахъ славянъ въ 1904 году.

О Лютерѣ 1905 „

Объ Иванѣ Грозномъ 1905 „

О Татарскомъ нашествіи	1903	году.
О Новгородѣ	1903	„
Екатерина II и Восточный Вопросъ	1904	„
Борисъ Годуновъ и Дмитрій Самозванецъ	1906	„
Объ англійской конституціи въ XVII вѣкѣ	1907	„
Возрожденіе наукъ и Реформація. Пять лекцій	1908	„

Эти лекціи читаны въ Народномъ Домѣ Общества Грамотности и въ Народной Аудиторіи Общества Содѣйствія начальному образованію.

Воспоминанія о Викторѣ Ивановичѣ Григоровичѣ.

М. Гь!

В. И. Григоровичъ принадлежалъ не только нашему Обществу, но и всей Россіи. Мы, по справедливости, можемъ гордиться тѣмъ, что считали его своимъ сочленомъ. Странно поэтому, что вотъ уже третій годъ пошелъ со времени его смерти, а его еще не почтили воспоминаніемъ ни на одномъ изъ нашихъ торжественныхъ засѣданій. Такую забывчивость могу приписать лишь тому, что вниманіе соратниковъ Григоровича по наукѣ было увлечено великими событіями восточнаго вопроса. Если я теперь рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ словомъ о немъ, то это, главнымъ образомъ, вслѣдствіе желанія снять съ нашего Общества укоръ въ томъ, что оно забыло своего знаменитаго сочлена; къ тому же чувствую, что я, какъ ученикъ Григоровича, обязанъ помянуть его передъ Вами добрымъ словомъ, если до сихъ поръ этого не было сдѣлано.

В. И. Григоровичъ родился въ Подольской губерніи и воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ. Будучи еще юношей, если не ошибаемся, 18 лѣтъ онъ окончилъ курсъ въ университетѣ; но не разстался съ студенческими занятіями, которыя продолжались въ Дерптскомъ университетѣ. Но тутъ они приняли болѣе спеціальный характеръ, сосредоточившись на греческомъ языкѣ и его литературѣ. Эти занятія были хорошей подготовкой къ будущимъ лингвистическимъ изслѣдованіямъ, которыя интересовали Григоровича въ теченіе всей жизни. Въ знаніи греческаго языка, да и латинскаго точно также, онъ могъ поспорить съ любымъ специалистомъ. Вѣроятно въ это время въ немъ сложилась та страсть къ языкознанію, въ силу которой онъ изучилъ всѣ славянскія нарѣчія, новогреческій, нѣмецкій, французскій и итальянскій языки,

и въ концѣ своей жизни онъ познакомился еще съ англійскимъ языкомъ на столько, чтобы читать книги, писанныя на немъ. По англійски онъ не говорилъ; но на другихъ упомянутыхъ языкахъ онъ объяснялся свободно. Не разъ намъ, студентамъ, приходилось быть свидѣтелями, какъ Викторъ Ивановичъ велъ бесѣду съ представителями разныхъ національностей, съ каждымъ на его родномъ языкѣ.

По окончаніи своихъ занятій въ Дерптѣ, Григоровичъ отправился въ Казань адъюнктомъ по кафедрѣ греческой словесности и тамъ начинаетъ заниматься славянскимъ языкомъ и его нарѣчьями, литературой славянъ, ихъ исторією и вообще всѣмъ, что касается славянства. Какимъ образомъ онъ перешелъ къ славянщинѣ, вслѣдствіе-ли внѣшняго толчка, такъ какъ въ это время открылись въ нашихъ университетахъ кафедры славянской филологіи, или вслѣдствіе другихъ причинъ, мы не знаемъ; фактъ, однако, тотъ, что его назначили профессоромъ на эту кафедру, и отнынѣ Григоровичъ мало по малу завоевываетъ себѣ имя извѣстнаго слависта и очень скоро приобрѣлъ славу даровитаго преподавателя. Его лекціи были такъ увлекательны, что студенты совершенно забывались, слушая ихъ, и, наслаждаясь, не замѣчали, какъ проходили часы. Выходя съ лекціи, они находились въ такомъ состояніи, какъ будто только что были свидѣтелями великолѣпной игры артиста или слушали прекрасную музыку. (Мнѣ говорили это два старшихъ студента Казанскаго университета—Варенцовъ и Благовѣщенскій). Стройность и богатство рѣчи, сильное одушевленіе, богатое содержаніе и остроумныя, часто неожиданныя сближенія, вотъ что составляло силу Григоровича, какъ преподавателя. Прибавьте къ этому ясность изложенія, доступную каждому, и вы поймете цѣну его какъ преподавателя и восторгъ казанскихъ студентовъ. Студенты первыхъ выпусковъ здѣшняго университета бывали свидѣтелями проблесковъ этой силы. Не безъ препятствій, однако, приходилось Григоровичу исполнять свою миссію — проводника идеи славянскаго единства. Однажды даже было объявлено въ свѣтѣ Высочайшее повелѣніе ни словомъ не упоминать о западныхъ славянахъ и объ ихъ родствѣ съ нами. Это относится, вѣроятно, къ 48 году. Фактъ я слышалъ отъ Григоровича. Викторъ Ивановичъ поднималъ смѣло голосъ противъ такого распоряженія и, конечно, дорого поплатился бы за свою наивность, если бы не помощь попечителя Малостова (?), который душевно любилъ Григоровича и самъ интересовался его занятіями.

Изъ Казани В. И. отправился въ командировку въ Европейскую Турцію. Тогда онъ впервые побывалъ въ Одессѣ и, какъ онъ говорилъ мнѣ, ему приходила мысль жениться на гречанкѣ, чтобы выучиться говорить по ново-гречески, но потомъ онъ нашелъ, что можно и безъ такого средства скоро одолѣть эту премудрость.

Путешествіе по Турціи было сопряжено съ большими затрудненіями. Въ Солунѣ ему едва удалось вырваться изъ рукъ турокъ. Не меньше приходилось терпѣть и отъ подозрительности и невѣжества монаховъ, особенно на Аеонѣ. Не понимая цѣли путешествія Григоровича, не смысля ничего въ своихъ книгохранилищахъ, они догадывались о цѣнѣ послѣднихъ по страстности, съ которою онъ рылся тамъ; но, какъ невѣжды, они не знали, во что цѣнить свои книги, заламывали Богъ знаетъ какія цѣны за нихъ, не позволяли ему дѣлать копіи съ нихъ и т. д.¹⁾ Нужно было пускаться въ дѣло хитрость, чтобы добыть нужное. Говорили даже, что В. И. взялъ тайкомъ какую то рукопись, найдя ее между разнымъ хламомъ на подволкѣ. Я помню, что онъ, говоря о какой то рукописи на лекціи, сказалъ, что ее одинъ русскій ученый добылъ въ Турціи, и при этомъ ужасно покраснѣлъ.

Результатомъ поѣздки явилась извѣстная въ ученомъ мірѣ книга „Путешествіе по Европейской Турціи“. Какъ не специалистъ, я не рѣшусь говорить ни объ ея содержаніи, ни о ея достоинствахъ; скажу только, что она содержитъ въ себя ученое описаніе важныхъ богатствъ Балканскаго полуострова. Прибавлю къ этому, что во время путешествія Григоровичъ пораженъ былъ скудостью въ Солунѣ и около него слѣдовъ дѣятельности славянскихъ апостоловъ, и тогда у него мелькнула мысль искать слѣдовъ изобрѣтенія письма славянскаго въ Корсунѣ. Съ этой цѣлью онъ впоследствии три раза (въ 61, 68 и 70 годахъ) посѣтилъ Севастополь. Но и тутъ не обошлось безъ непріятностей, если не со стороны турокъ и Аеонскихъ монаховъ, то со стороны казанской полиціи, которая, какъ кажется, возымѣла мысль заподозрить въ Григоровичѣ кочурганскаго корреспондента Герцена. „Этимъ зловѣщимъ поискомъ казанской полиціи“,— говорилъ Григоровичъ, — „вызвана была первая возможность посѣтить Корсунь“. И такъ, я уже въ 1861 г. посѣтилъ Севастополь, но мнѣ было не до по-

¹⁾ Намеки на это есть въ его брошюрѣ „Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ“, стр. 10 и 11.

исковъ въ Корсунѣ. Можно понять изъ этихъ намековъ, что онъ, только ради подозрѣній казанской полиціи, вынужденъ былъ путешествовать въ Севастополь.

Послѣдующія путешествія были, во всякомъ случаѣ, добровольными и привели его къ слѣдующимъ догадкамъ: 1) „извѣстіе житія св. Кирилла о русскомъ Евангеліи, обрѣтенномъ св. Кирилломъ въ Херсонѣ — есть сказаніе западныхъ славянъ. Это сказаніе имѣетъ свои поводы“.

2) „Что сербское извѣстіе, найденное въ Македоніи, о переводѣ на русскій языкъ Св. Писанія есть сказаніе Солунское, гдѣ его усвоили себѣ сербы въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ“.

3) „Что извѣстіе, записанное въ хронографѣ 1406 года, о томъ, что грамота русская явилась въ Корсунѣ русину, отъ него же научился философъ Константинъ, есть достовѣрное сказаніе русское, вошедшее въ хронографы изъ русской лѣтописи первоначального состава“.

4) „Что, наконецъ, сказаніе апокрифа, сохранившагося въ рукописи Волоколамской, нынѣ моск. духовн. акад., что херсоняне въ память посѣщенія Корсуня апостоломъ Андреемъ сотвориша андреевъ алфавитаръ, есть прекрасная быль, которая такъ же заслуживаетъ довѣрія, какъ сказаніе слова о полку Игоревѣ о Готахъ, Венедицѣхъ и Моравѣ“.

„Такъ, гадая по доступнымъ намъ источникамъ и взирая на развалины Корсуня, можемъ и догадываться, что тамъ могла засіять въ душахъ св. Кирилла и Меѳодія мысль о славянскомъ богослуженіи“.

Придавая развалинамъ Корсуня важное значеніе, какъ и вообще остаткамъ старины на югѣ Россіи, Григоровичъ побуждаетъ общество позаботиться о томъ, чтобы эти остатки были пощажены „рукою корысти“. Позвольте, говорить онъ въ заключеніе своей рѣчи, питать мысль, что не изучать ихъ (остатковъ старины), значитъ грѣшить противъ русской земли.

И здѣсь, на югѣ, можно-ли пройти мимо побережій Днѣпра, Днѣстра, не справившись съ стариною; можно ли съ равнодушіемъ кощуну взирать на развалины Корсуня, развалины Севастополя и не вперявъ пытливаго вниманія туда, куда стремятся воспоминанія всего русскаго народа, „зане тамъ мѣсто свято есть“.

Въ 1864 году Викторъ Ивановичъ оставляетъ Казань и переселяется на югъ. Около года онъ пробылъ въ Херсонѣ. Въ 1865 году онъ былъ назначенъ профессоромъ Новороссійскаго универ-

ситета и вслѣдъ затѣмъ былъ избранъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Это обстоятельство въ значительной степени отвлекло его отъ ученыхъ занятій. Какъ деканъ, онъ считалъ своей обязанностью заботиться о пополненіи факультета новыми преподавателями. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ въ Петербургъ. Затрудненія не покидали его; такъ, онъ повелъ тамъ рѣчь о приглашеніи (послѣ смерти Билярскаго) г. Котляревскаго на кафедру русской литературы, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны министерства. Въ то же время надо было позаботиться и объ организациі преподаванія на факультетѣ; вопросъ о раздѣленіи факультета на отдѣленія былъ разрѣшенъ во время деканства Григоровича. Объ немъ онъ также хлопоталъ во время своей поѣздки въ Петербургъ.

Отъѣздъ туда Григоровича былъ свидѣтелемъ выраженія любви къ нему студентовъ. Они спозаранку собрались на практической гавани, чтобы проводить его. Какъ теперь вижу эту сцену. Приходимъ мы, нѣсколько товарищей, довольно рано на практическую гавань и застаемъ Григоровича уже тамъ. Онъ стоялъ въ своемъ неизмѣнномъ синемъ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и въ парусиновыхъ панталонахъ. Стоялъ онъ, облокотившись, кажется, на бочку съ саломъ, а рядомъ съ нимъ на той же бочкѣ сидѣлъ студентъ Южаковъ. Послѣдній не больше перваго заботился о чистотѣ своего костюма. Изъ разспросовъ оказалось, что у Южакова часы стали на 7-ми; проснувшись и боясь, что Григоровичъ опоздаетъ, онъ опрометью побѣжалъ къ нему и разбудилъ старика ни свѣтъ ни заря.

У Григоровича-же часы всегда шли на нѣсколько часовъ впередъ, такъ что только при помощи вычисленій можно было опредѣлить, который часъ. Взглянувъ на нихъ мелькомъ и повѣривши на слово Южакову, онъ отправился на пристань и явился туда въ шестомъ часу.

Григоровичъ былъ въ восторгѣ, видя, что всѣ его питомцы собрались проводить его. Онъ прощался съ каждымъ, какъ съ роднымъ, и обѣщалъ намъ, что будетъ хлопотать о раздѣленіи факультета и о профессорахъ.

Однимъ изъ свѣтлыхъ моментовъ его жизни былъ 1867 годъ, когда представители славянскихъ племенъ съѣхались въ Москвѣ и были привѣтствованы въ Петербургѣ монаршимъ словомъ. Завѣтная мечта В. И. о взаимности славянской осуществлялась во очію. Съ какою радостью и надеждою на будущее онъ рассказы-

валъ намъ въ аудиторіи объ этомъ событіи. Въ связи съ этимъ событіемъ было открытіе славянскаго благотворительнаго общества. Открытіе его послѣдовало въ 1870 году. Григоровичъ былъ первымъ секретаремъ его. Всею душой онъ преданъ былъ идеѣ общества, въ немъ видѣлъ средство культурнаго единенія славянъ; задачу его видѣлъ въ развитіи національнаго самосознанія славянскихъ племенъ и распространеніи въ русскомъ обществѣ знакомства съ другими славянскими племенами. Онъ мечталъ о славянской книжной торговлѣ въ Одессѣ, о славянской читальнѣ. Въ торжественныхъ собраніяхъ Общества онъ произносилъ рѣчи, въ которыхъ касался того или другого вопроса славянской науки, или же общественныхъ отношеній славянъ.

Первая его рѣчь касалась вопроса о значеніи изученія славянскаго языка и вообще славянской жизни. (Изъ лѣтописи науки славянской, 1871 г.) Въ другой рѣчи онъ беретъ за вопросъ о взаимности славянской (О значеніи взаимности славянской въ русскомъ спорѣ о старинѣ и преобразованіяхъ), причемъ нисколько не становится на сторону тѣхъ славянофиловъ, которые отрицательно относятся ко всему не-русскому въ цивилизаціи. Григоровичъ доказывалъ, что съ одной стороны взаимность съ славянами выяснитъ намъ сущность нашей національной природы и заставитъ понимать, что наше, а что чужое, а съ другой стороны примиритъ насъ съ необходимыми преобразованіями нашей жизни. Онъ находилъ, что наши братья-славяне могутъ быть лучшими судьями въ нашемъ спорѣ старины съ преобразованиемъ.

Въ то же время Григоровичъ зорко слѣдилъ за жизнью славянъ, особенно южныхъ. Греко-болгарскій церковный споръ родилъ въ немъ отзвукъ, и онъ въ своей рѣчи „Что принесъ намъ годъ прошедшій?“ выступаетъ въ защиту славянства противъ византійскихъ притязаній. Герцоговинское возстаніе, возбудившее надежды на освобожденіе балканскихъ славянъ, также нашло откликъ въ въ душѣ Григоровича. Онъ не находилъ словъ для порицанія промедленія сербовъ; онъ находилъ, что всякое промедленіе только увеличиваетъ препятствія и приписывалъ медленность и нерѣшительность сербской политики недостатку способностей и предприимчивости сербскаго князя. За то съ какою радостью онъ встрѣтилъ вступленіе сербовъ въ борьбу, съ какимъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ ихъ первые успѣхи. Онъ старался возбудить наше сочувствіе указаніемъ на „Участіе сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ“. Такое названіе носила рѣчь, сказанная имъ въ 1876 г., въ

которой онъ сдѣлалъ обзоръ услугъ, оказанныхъ сербами нашей внутренней жизни. Выражая свое горячее сочувствіе жертвамъ, которые несли русскіе люди на алтарь славянской борьбы, жертвуя самъ щедрою рукою, онъ говорилъ: „Это послѣдняя война за идею, послѣ пойдутъ войны за концессіи“. Онъ пережилъ только Дюнишскую катастрофу; ему не довелось быть свидѣтелемъ вступленія въ борьбу русской рати и освобожденія болгаръ.

Указанная дѣятельность Григоровича несомнѣнно отвлекала его отъ ученыхъ занятій, не давала ему достаточно досуга, чтобы сосредоточиться. Это не значитъ, однако, что въ Одессѣ имъ ничего не было сдѣлано. Нѣтъ, мы видимъ, что его ученныя работы принимаютъ даже новое направленіе. Побуждая другихъ къ изученію побережій Днѣпра, Днѣстра и вообще сѣвернаго берега Чернаго моря, онъ самъ показываетъ примѣръ. Что побуждаетъ его къ этому? Исканіе греческихъ поселеній? Отыскиваніе кочевій скивовъ? Нѣтъ, онъ славянъ искалъ. Съ этой цѣлью онъ считалъ нужнымъ познакомиться съ мѣстными названіями, которыя долго-долго переживаютъ тѣхъ, кто далъ ихъ, съ надгробными памятниками, съ народными преданіями и, наконецъ, съ письменными памятниками. При этомъ онъ обратилъ вниманіе на молдавскую письменность, такъ какъ подъ оболочкою молдавскаго языка могли скрываться славянскіе памятники.

Съ самаго начала своего пребыванія въ Одессѣ Григоровичъ принялся за изученіе молдавскаго языка, въ чемъ и успѣлъ настолько, что могъ говорить на немъ. Совѣту университета онъ подалъ „Записку объ археологическомъ изслѣдованіи Днѣстровскаго побережья“, самъ сдѣлалъ двѣ поѣздки туда, результатомъ чего было описаніе нижняго теченія Днѣстра въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи съ приложеніемъ подробной карты. Эти поѣздки не обошлись безъ приключеній. Въ Маякахъ его задержали мѣстныя власти, которымъ показался подозрительнымъ интересъ Григоровича къ задворкамъ и кладбищамъ. Документы о личности были въ порядкѣ, а потому „недоразумѣніе“ кончилось благополучно; но недоумѣніе властей еще усилилось, когда они изъ документовъ узнали, что этотъ странный человѣкъ—генераль.

Мы говорили о поѣздкахъ Григоровича въ Севастополь; кромѣ того онъ совершилъ поѣздки на берега Кальміуса и въ его окрестности, а оттуда проѣхалъ проселками до Днѣпра. Описаніе этого путешествія тоже было напечатано.

Мы видимъ, что пытливость Григоровича хотя и приняла

иное направлєніе, но все же оставалась въ области славянщины и сами поиски его были вызываемы желаніемъ изслѣдовать старобывое славянства на здѣшнихъ мѣстахъ. Послѣ изслѣдованій, которыя всѣ были направлены на изученіе остатковъ греческой культуры на этихъ мѣстахъ, желаніе узнать о своемъ родномъ болѣе чѣмъ умѣстно и своевременно.

Но и лингвистика не была въ забросѣ, хотя Григоровичъ въ Одессѣ и не занимался чисто лингвистическими вопросами, но зато онъ пропагандировалъ занятія славянскими нарѣчіями и особенно старо-славянскимъ языкомъ, мотивируя ихъ полезность тѣмъ, что „изученіемъ древне-славянскаго языка мы какъ бы напутствуемъ себя въ исторіи не славянскаго только міра, но и въ исторіи человѣчества“. Древне-славянскій языкъ уясняетъ наши стародавнія отношенія, нашу родовую связь съ другими народами, а потому „смѣю утверждать,—говорилъ Григоровичъ,—что мы обязаны дорожить изученіемъ славянскаго языка не потому только, что мы славяне, а потому, что мы европейцы“.

Говоря вообще объ ученой дѣятельности Григоровича, нельзя не замѣтить, что она была довольно разнообразна, касаясь, кромѣ лингвистики, палеографіи, литературы, археологіи, исторіи и географіи. Сочиненія, имъ изданныя, выходили въ весьма небольшомъ числѣ экземпляровъ, а потому многія совершенно неизвѣстны публикѣ. Припомнимъ, что возможно. „Путешествіе по Европейской Турціи“, „Записки по слав. нарѣчіямъ и слав. языку“ (литографированныя), „Изъ лѣтописи науки славянской“, „Опытъ обозрѣнія славянскихъ литературъ“, „Объ отношеніяхъ сербовъ къ Византіи въ XIV и XV столѣтіяхъ“, „Объ отношеніяхъ византійской церкви къ славянскимъ племенамъ“, „Значеніе взаимности славянской въ русскомъ спорѣ о старинѣ и преобразованіяхъ“, „Замѣтка о Солунѣ и Корсунѣ“, „Записка антиквара“... (1874 г.) „Объ археологическомъ изслѣдованіи Днѣстровскаго побережія“, „І. А. Коменскій—славянскій педагогъ-реалистъ XVII в.“, „О нѣкоторыхъ явленіяхъ русской жизни XVIII в.“ (рѣчь на юбилей Петра Вел.), „Объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ“, „Что принесъ намъ годъ прошедшій?“, „Рѣчь на тысячелѣтіе Россіи“ (написана на старо-славянскомъ языкѣ)... Очень можетъ быть, что многое нами здѣсь не указано; но все-же Григоровичемъ напечатано было немного; онъ самъ говорилъ, что если собрать все напечатанное, то наберется тома два-три. Это очень мало, если принять въ соображеніе его громадную эрудицію. Попытаюсь объ-

яснить это странное явление. Первая причина заключается въ замѣчательной обработанности произведеній Виктора Ивановича. Есть ученые, которые пишутъ свои сочиненія такъ, что вы найдете тамъ весь сырой матерьяль, которымъ располагалъ авторъ, такъ что самое сочиненіе представляетъ характеръ конспекта, переполненнаго длинными выписками. Если вы захотите передать мысль такого сочиненія, то это можно сдѣлать на нѣсколькихъ страницахъ. Григоровичъ работалъ совершенно иначе. Онъ умѣлъ, какъ говорятъ французы, *faire le livre*. Въ своемъ сочиненіи онъ передавалъ публикѣ только результатъ своей работы, а матерьяль оставлялъ у себя дома, въ ящикѣ стола. Самый результатъ онъ передавалъ въ самой общей формѣ. Какъ на образецъ, укажу на „Опытъ обозрѣнія литературъ“ и „Отношенія сербовъ къ Византіи“, а также на „Замѣтку о Солунѣ и Корсунѣ“.

Вотъ почему его сочиненія доставляютъ наслажденіе образованному человѣку и, можетъ быть, не понравятся невѣждѣ, тогда какъ сочиненія перваго рода поражаютъ послѣдняго массой учености, а на читателей свѣдущихъ и развитыхъ нагоняютъ сонъ. Писать сочиненія такъ, какъ это дѣлалъ Григоровичъ, нельзя, какъ блины печь; вотъ въ чемъ одна причина его малой производительности.

Другая причина заключается, несомнѣнно, въ томъ, что собственно профессорская дѣятельность брала у него много времени, а заботы о поддержаніи близкихъ отношеній со студентами еще больше. Не мало брали времени и другія заботы общественнаго характера.

Но болѣе важной причиной я считаю то обстоятельство, что Викторъ Ивановичъ обладалъ замѣчательной жадностью къ знаніямъ. Онъ учился до конца своей жизни, знакомился со всѣмъ, не только относившимся къ его спеціальности. Въ послѣднее время своей жизни онъ внимательно читалъ сочиненія Дарвина. Когда ни придешь къ нему, всегда застанешь его за книгой или скорѣе за книгами, потому что диванъ, на которомъ онъ пребывалъ, всегда былъ заваленъ грудой книгъ. Эта-то постоянная погоня за знаніями и служила, по моему мнѣнію, весьма важной причиной, мѣшавшей Григоровичу писать; она разъясняетъ вмѣстѣ съ вышеуказанными причинами недоумѣніе Срезневскаго, который говорилъ: „я не знаю человѣка способнѣе Григоровича; но не знаю также кого либо, меньше его написавшаго“. Онъ много питался, а мало отдавалъ,—въ этомъ разгадка дѣла.

Викторъ Ивановичъ чувствовалъ самъ потребность расквитаться съ обществомъ, заплатить, какъ онъ говорилъ, свой долгъ. Я видѣлъ у него множество исписанныхъ тетрадокъ, массу всевозможныхъ замѣтокъ, разныхъ набросковъ, которые ждали обработки. Онъ нарочно удалился съ этой цѣлью въ Елисаветградъ, чтобы вдали отъ шума большого города подвести и сдать обществу итоги своей ученой жизни; но онъ опоздалъ, смерть стояла уже за спиной и помѣшала „заплатить долгъ обществу“.

Обращаюсь къ нему опять, какъ профессору. Занятія его со студентами шли очень успѣшно, и это не только благодаря той увлекательности его лекцій, о которой я говорилъ выше. Самый методъ его обученія языку былъ сильнымъ орудіемъ успѣха. За основаніе изученія онъ бралъ типъ—старо-славянскій языкъ, знакомилъ съ существенными признаками его фонетики и съ важнѣйшими формами. Сдѣлавъ это, онъ слѣдилъ въ каждомъ нарѣчій за тѣми измѣненіями звуковъ и формъ типа, которыя составляютъ объясненія отличительныхъ признаковъ этого нарѣчія. Стоило только измѣненные звуки возвратитъ къ ихъ первообразу и чуждое, повидимому, слово становилось яснымъ. Начиналось сравнительное изученіе съ болгарскаго нарѣчія, потомъ переходило къ сербскому, хорутанскому, чешскому, польскому, лужичскому и русскому. Родство нарѣчій при такомъ изученіи выступало съ непомѣрною осязательностью. Быстрота ученія была такова, что къ концу учебнаго года студенты могли читать на главныхъ нарѣчійхъ безъ большой помощи лексикона.

Преподаваніе литературы тоже отличалось важными достоинствами; оно велось такъ, что литературныя произведенія представлялись слушателямъ логически необходимымъ продуктомъ даннаго настроенія общества. Исторія литературы Григоровича была не номенклатурной, ни даже исторіей произведеній съ біографіей авторовъ, а исторіей идей и формъ, въ которыхъ онѣ воплощались.

Любили Григоровича, какъ профессора; но не только на кафедрѣ былъ онъ профессоромъ, онъ оставался имъ и дома; но тамъ и тутъ онъ былъ человѣкомъ, и эта то человѣчность отношеній привлекала къ нему студентовъ. Человѣкъ науки,—онъ любилъ учащихъся. Онъ заботился объ нихъ, помогаль имъ своими средствами. Онъ выдаваль, черезъ университетское казначейство, пособія филологамъ, употребляя на то свои средства. Намъ говорили, что какая-то богатая старуха прислала сумму для раздачи пособій, и

только послѣ мы узнали, что этой старухой маскировался Григоровичъ.

Дороже было намъ нравственное вліяніе его. Онъ любилъ, чтобы у него собирались студенты. Собранія бывали часто, приходилъ кто хотѣлъ и церемоній никакихъ не было. Бесѣда шла о всякой всячинѣ, говорилъ и Григоровичъ, хотя очень мало. Чаще онъ только спрашивалъ о чемъ либо или вставлялъ свое словцо въ разговоръ гостей; но всегда у него былъ большой интересъ къ бесѣдѣ нашей ¹⁾. Любилъ онъ и угостить студентовъ, особенно на Пасху или на Рождество, и весьма снисходительно относился къ тому, если ктонибудь и хватить лишняго. Но угощеніемъ постояннымъ и дорогимъ были книги; онъ давалъ ихъ всегда, даже тогда, когда онѣ были самому нужны. Казалось, онъ просто радовался, когда у него берутъ книги. Все это вмѣстѣ привлекало къ нему молодежь. Его странности, по которымъ иные только и знали Григоровича, само собою разумѣется, не замѣчались. Студентъ слишкомъ мало зараженъ китайщиной, чтобы на первомъ планѣ ставить внѣшность. Къ тому же беспорядочность Григоровича въ костюмѣ, его забывчивость, ради которой онъ ставилъ часы чуть не на полъ сутокъ впередъ, его разсѣянность, въ силу которой онъ могъ надѣть короткое пальто сверхъ длиннаго или зафабрить всю лысину, казались совершенно естественными при томъ полномъ увлеченіи наукой и ея міромъ, которое было постояннымъ удѣломъ Григоровича. Можно было видѣть, что это человѣкъ не отъ міра, а потому все переставало быть страннымъ.

Напротивъ, это полное отреченіе отъ міра, безавѣтное увлеченіе наукой не могло не дѣйствовать на насъ обаятельно,—такъ какъ именно въ пору юности сильны идеальныя стремленія; такъ какъ именно въ эту пору дѣйствительной жизни съ ея противорѣчіями дается мало значенія. Этой то сторонѣ его личности нельзя не приписать того, что многіе полюбили славянщину, хотя и не занимались ею специально, у многихъ явился интересъ къ вопросу о славянской взаимности и къ изученію славянскихъ народовъ и судьбы ихъ.

Каждый разъ когда я вспоминаю Григоровича,—какъ и теперь вмѣстѣ съ вами, Мм. Гг.,—передо мной встаетъ на первомъ

¹⁾ Эти собранія прекратились съ 68 года, ибо Григоровичу стало известно, что учебная администрація относится къ нимъ подозрительно. Онъ же былъ человѣкъ робкій.

планѣ его искреннее отношеніе къ дѣлу; оно производитъ освѣжающее, ободряющее впечатлѣніе, подавляетъ эгоистическія побужденія. Не могу забыть его привязанности къ идеѣ. Она горѣла яркимъ ровнымъ свѣтомъ въ теченіи всей его жизни. Пусть будетъ она и намъ путеводной звѣздой въ нашемъ общеніи, пусть память этого труженика науки ободрятъ насъ въ нашихъ стремленіяхъ.

Англійская парламентская реформа 1832 года.

Мм. Гі. и Мм. Гі.!

Исторія новаго времени представляет собою все большее и большее развитіе идеи народоправства: идея эта осуществляется на практикѣ все шире и шире, обхватываетъ все большій и большій контингентъ населенія данной страны, привлекая его къ участію въ руководствѣ судьбами ея. Но развитіе самой идеи народоправства пережило нѣсколько стадій, приче́мъ нерѣдко шагъ впередъ сопровождался болѣзненными симптомами и массою страданій. Сначала право общества на участіе въ государственной жизни основывалось на бумажныхъ договорахъ, допускавшихъ къ управленію дѣлами страны извѣстные привилегированные классы общества; затѣмъ мало по малу получали значеніе закона разныя „историческія начала“ и обычаи, въ силу которыхъ иногда такое право пріобрѣтало и все населеніе страны. Въ томъ и другомъ случаѣ народоправство обосновывалось болѣе или менѣе случайно. Наконецъ, провозглашеніе естественныхъ „правъ человѣка и гражданина“ дало широкое основаніе этой идеѣ и повлекло за собою коренныя измѣненія въ государственномъ правѣ многихъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ народовъ.

Хотя Англія въ этомъ отношеніи и осталась позади своей заатлантической соперницы, тѣмъ не менѣе ее все-таки слѣдуетъ признать классическою страню свободы. Идея народоправства нигдѣ не прогрессировала столь правильно, какъ въ Англіи. Конституція англійская не разъ становилась въ противорѣчіе съ дѣйствительными отношеніями общественныхъ силъ страны, съ практикою дѣйствительной жизни и, соотвѣтственно новымъ условіямъ, была измѣняема и дополняема. Исторія возникновенія одного

изъ такихъ противорѣчій и затѣмъ устраненіе его составляетъ предметъ настоящей лекціи.

Въ прежнее время, приблизительно до начала прошлаго столѣтія, англійскій парламентъ еще довольно вѣрно отражалъ въ себѣ англійское общество, но съ теченіемъ времени явилась масса новыхъ условій и связь между парламентомъ и обществомъ становилась все слабѣе и слабѣе. Англійскій избирательный законъ, не представлявшій собою, вообще говоря, чего нибудь цѣльнаго и примѣнявшійся совершенно случайно, пересталъ соотвѣтствовать дѣйствительному состоянію общества, пересталъ выражать соотношеніе общественныхъ силъ. Случилось же это не вслѣдствіе какихъ нибудь войнъ или иныхъ внѣшнихъ потрясеній, а въ силу экономическихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ англійскомъ обществѣ, внутренняя исторія котораго представляетъ собою весьма интересную картину экономической эволюціи. Въ средніе вѣка Англія была страной земледѣльческою по преимуществу; нынѣ это — страна почти исключительно промышленная и торговая. Само собой разумѣется, что подобный экономическій переворотъ, совершавшійся мало по малу, не могъ не отразиться на политической жизни англійскаго народа, на его законодательствѣ и учрежденіяхъ. Развитіе промышленности и торговли произвело, прежде всего, перемѣщеніе и центрированіе населенія. Изъ деревень и сель народъ устремился въ промышленные центры, въ города и, вмѣсто земледѣлія, сталъ заниматься мануфактурою. Первое послѣдствіе этого явленія состояло въ томъ, что прежніе избирательные округа и центры потеряли свое значеніе, а между тѣмъ за образовавшимися вновь избирательныя права не были признаны закономъ. Явились, такъ называемыя, „гнилыя мѣстечки“, т. е. захолустья, посылавшія въ парламентъ членовъ и въ то же время не имѣвшія избирателей, что давало возможность аристократическимъ и богатымъ фамиліямъ при помощи подкупа или иного давленія располагать по своему произволу назначеніемъ депутатовъ отъ этихъ мѣстечекъ и затѣмъ также произвольно распоряжаться голосами этихъ депутатовъ во время парламентскихъ голосованій.

Изобрѣтенія Аркрайта и Уатта еще болѣе усилили процессъ централизаціи населенія въ промышленныхъ городахъ. Мануфактурное производство замѣнилось машиннымъ и введеніе машинъ, уменьшивъ количество человѣческаго труда, необходимаго для производства фабриката, увеличило количество инструментовъ, орудій производства. Явился избытокъ рабочихъ, что позволило рас-

ширить размѣры производства; стало выгоднымъ организовать производство въ большихъ размѣрахъ и на началахъ проведеннаго до мелочей принципа раздѣленія труда. Всѣ эти условія требовали огромнаго скопленія рабочихъ въ промышленныхъ центрахъ.

Съ другой стороны новые экономическіе порядки вліяли на структуру общества еще иначе. При новыхъ способахъ производства, количество труда, потребное для возстановленія издержекъ на содержаніе самаго труда (т. е. рабочаго), чрезвычайно сократилось. Такъ, напримѣръ, если при 9-ти часовомъ рабочемъ днѣ прежде на возстановленіе издержекъ производства употреблялось 7 часовъ и только остальные 2 часа шли на производство прибыли, то теперь на производство прибыли обратились 5 часовъ рабочаго дня. Это имѣло двоякое вліяніе. Съ одной стороны продукты производства сдѣлались несравненно дешевле, съ другой — развился новый общественный классъ, классъ капиталистовъ. На экономическую арену выступилъ капиталъ со всѣми его средствами и быстро поглотилъ мелкую ремесленную промышленность. Цѣлые классы мелкихъ промышленниковъ просто вымирали. Такимъ именно образомъ исчезло огромное прежде сословіе англійскихъ ткачей. Паровой ткацкій станокъ сдѣлалъ ручную работу невыгодною. Но громадное производство требуетъ громаднаго сбыта — отсюда въ интересъ капиталиста развитіе торговли, погоня за новыми рынками сбыта фабрикатовъ.

Все это не могло не отразиться на политикѣ. Избирательный законъ устарѣлъ и не отвѣчалъ уже потребностямъ общества. Законодательство страны встало въ вопіющее противорѣчіе съ дѣйствительнымъ отношеніемъ общественныхъ силъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ началась ожесточенная борьба за устраненіе этого противорѣчія. Для иллюстраціи несоотвѣтствія избирательнаго закона съ дѣйствительнымъ состояніемъ общества, вотъ нѣкоторыя данныя. Въ парламентѣ 1793 года было: 37 членовъ отъ 19 мѣстъ, каждое всего во 100 избирателей; 90 членовъ отъ 46 мѣстъ въ 50 избирателей; 70 членовъ отъ 35 мѣстъ вовсе безъ избирателей! Во всей Шотландіи было всего 4000 избирателей, а въ такихъ центрахъ, какъ Эдинбургъ и Глазго всего по 33 избирателя. Вслѣдствіе этого во время выборовъ происходили иногда въ высшей степени комическіе факты. Въ графствѣ Бэть было 20 избирателей, изъ которыхъ на лицо былъ одинъ, который самъ изъ себя составилъ избирательный комитетъ, назначилъ себя предсѣдателемъ этого комитета, затѣмъ приступилъ къ выбору члена въ

парламентъ, предложилъ самого себя въ кандидаты, поддерживалъ предложеніе, спросилъ, нѣтъ-ли возраженій и выбралъ себя въ члены парламента единогласно.

Аристократамъ очень не трудно было подкупать небольшое число избирателей, нерѣдко въ данномъ околоткѣ вполнѣ зависѣвшихъ отъ богача лэндлорда. Такимъ образомъ всѣмъ было извѣстно, что у фамиліи Норфолькъ имѣется въ парламентѣ 11 голосовъ, что Бокингемъ располагаетъ 6-ю голосами и вообще, что 350 членовъ парламента зависятъ отъ 180 патроновъ. На парламентскія мѣста была даже установлена какъ-бы извѣстная такса. Такъ, напримѣръ, мѣсто отъ Лейчестера стоило 137 тыс. руб., но въ другихъ округахъ и городахъ стоимость парламентскаго кресла доходила до 270 тыс. руб. (30 т. ф. с.). Продажа и покупка парламентскихъ мѣстъ совершалась явно и открыто, какъ нѣчто вполнѣ естественное и законное. Такъ, напр., мэръ и альдермены города Оксфорда открыто продавали парламентскія мѣста названнаго города. Мѣста эти нѣсколько лѣтъ подрядъ покупались двумя господами: Ли и Степльтономъ. Но вотъ оксфордскіе мэръ и альдермены заблагоразсудили потребовать отъ своихъ представителей еще 5600 ф. с., на что послѣдніе не согласились и пожаловались спикеру палаты общинъ на подкупность оксфордскихъ избирателей. Спикеръ очутился въ весьма щекотливомъ положеніи, но въ концѣ-концовъ посадилъ мэра и альдерменовъ въ ньюгетскую тюрьму. Но они нисколько не упали отъ этого духомъ и изъ Ньюгета открыли переговоры съ другими лицами о переуступкѣ парламентскихъ мѣстъ отъ Оксфорда. Переговоры эти тоже были обнаружены, но тутъ уже виновные вовсе оставлены были безъ преслѣдованія.

Само собою разумѣется, что подобныя вопіющія злоупотребленія не могли оставаться безъ протестовъ со стороны честныхъ и благонамѣренныхъ людей. Еще лордъ Чатамъ горячо возставалъ противъ подкупа и патронатства, называя ихъ гнилою частью англійской конституціи; а въ 1776 году въ парламентъ внесенъ былъ билль Вилькса о реформѣ парламента, но билль этотъ не имѣлъ успѣха. Въ 1782 и 1785 гг. подобныя билли вносимы были Питтомъ младшимъ, причемъ билли Питта интересны въ томъ отношеніи, что онъ предлагалъ выкупить у „гнилыхъ мѣстечекъ“ право посылать представителей въ парламентъ. Такимъ образомъ, даже Питтъ считалъ это право чѣмъ то въ родѣ собственности, которую, подобно движимому и недвижимому имуществу, можно отчуж-

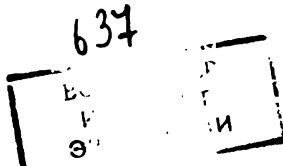
f. c. j

дать. Но и предложеніе Питта не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій.

Въ 1789 году началась великая французская революція, и событіе это сообщило дѣлу парламентской реформы въ Англии живѣйшій толчекъ. Англійскій народъ воспрянулъ, и въ пользу реформы началась усиленная агитація, притомъ агитація цѣлыми союзами, составлявшимися въ промышленныхъ центрахъ. Въ началѣ XIX в., какъ агитаторъ, особенно прославился Гунтъ, фабрикантъ ваксы. Издавались брошюры, журналы, распространявшіеся въ народныхъ массахъ. Журналъ В. Коббета „Политическій Реестръ“ въ 6 мѣсяцевъ разошелся въ 1.200,000 экземпляровъ. Въ народѣ все болѣе и болѣе распространялось сознаніе необходимости реформы, а примѣръ французовъ еще болѣе воодушевлялъ англійскій народъ. Но революція французская своимъ терроромъ испугала англійскую аристократію, которою овладѣвалъ ужасъ при одномъ воспоминаніи о французскихъ идеяхъ, и реакціонный образъ мыслей сдѣлался господствующимъ въ высшихъ классахъ общества; во главѣ правительства стали тори. Борьба съ Наполеономъ I затормозила на время агитацію въ пользу реформы, но не прекратила ея, и она, послѣ окончательной побѣды надъ Наполеономъ, загорѣлась съ новою энергіею. Гунтъ и Коббетъ агитируютъ именно въ это время.

Между тѣмъ аристократы еще болѣе возбудили стремленіе къ реформѣ изданіемъ „хлѣбныхъ законовъ“, законовъ, воспрепятствовавшихъ ввозу заграничнаго хлѣба въ Англию. Запрещеніе это обогащало еще болѣе богатыхъ землевладѣльцевъ, а бѣдняковъ обложило контрибуціей въ пользу нихъ. Рабочіе продолжали по прежнему работать на фабрикахъ и заводахъ, но за хлѣбъ приходилось платить дороже. Кромѣ того цѣны на хлѣбъ, не регулируемые болѣе состояніемъ заграничныхъ хлѣбныхъ рынковъ, стали подвергаться всевозможнымъ колебаніямъ и зависѣть отъ произвола не только торговцевъ, но и аристократовъ-землевладѣльцевъ, по своему усмотрѣнію назначавшихъ арендную плату фермерамъ.

Но все это только усилило агитацію въ пользу реформы и возбудило въ народѣ раздраженіе, прорывавшееся по временамъ наружу въ видѣ болѣе или менѣе серьезныхъ беспорядковъ. Въ 1817 г. въ Манчестерѣ состоялся громадный митингъ въ пользу реформы; полиція хотѣла разогнать этотъ митингъ; произошла схватка, во время которой пущено было въ ходъ оружіе и 300 человекъ было убито. Тори задумали подавить агитацію репрессали-

ями и правительство провело въ парламентѣ отмѣну Habeas corpus act'a. Начались аресты и преслѣдованія. Но тутъ то сказалось все преимущество англійской государственной жизни. Арестованные предавались суду, но правительство не рѣшилось учреждать спеціальныя судилища, напр., военные суды. Обвиняемые предавались обыкновенному суду присяжныхъ, а присяжные постоянно оправдывали обвиняемыхъ, которыхъ, такимъ образомъ, приходилось выпускать на свободу. Благодаря такой особенности англійскаго уваженія къ закону, репрессалии, созданныя партіей, не имѣли силы, и агитація въ пользу реформы все усиливалась и усиливалась. Въ парламентъ отсылались массы петицій, требовавшихъ радикальной реформы парламентскаго закона и вскорѣ затѣмъ стали вноситься въ парламентъ новые билли. Билль о реформѣ съ 1810 г. вносимъ былъ нѣсколько разъ Бердеттомъ, а съ 1820 года лордъ Дж. Россель сталъ ежегодно вносить въ парламентъ подобный же билль. Хотя онъ ежегодно и отвергался, тѣмъ не менѣе лордъ Россель имѣлъ удовольствіе замѣчать, что съ каждымъ годомъ число голосовъ въ пользу билля все увеличивалось и увеличивалось.

Между тѣмъ произошло нѣсколько благопріятныхъ для реформы событій. Къ такимъ событіямъ слѣдуетъ, прежде всего, отнести раздвоеніе въ средѣ партіи тори, произведенное поведеніемъ Канинга. Партія эта распалась на двѣ: на чистыхъ тори, закоренѣлыхъ консерваторовъ и реакціонеровъ, и приверженцевъ Канинга, канингитовъ, какъ ихъ называли. Канингиты заняли среднее положеніе между вигами и тори и хорошо уже было и то, что партія тори была значительно ослаблена. Другимъ благопріятнымъ же реформѣ событіемъ было введеніе въ парламентъ ирландцевъ, которыхъ хотя было немного, но они по силѣ вещей стали сторонниками виговъ, а слѣдовательно и парламентской реформы.

Въ 1830 году умеръ Георгъ IV и на престолъ вступилъ Вильгельмъ IV. Согласно англійскому государственному обычаю, въ такихъ случаяхъ старый парламентъ распускается и назначаются новые выборы. Между тѣмъ во Франціи произошла іюльская революція, и король Карлъ X былъ низверженъ. Это событіе произвело въ Англійи подавляющее впечатлѣніе. Реставрированная французская монархія, во главѣ которой стоялъ такой человекъ, какъ Карлъ X, считалась въ Англійи весьма прочною и сильною, и вдругъ эта сила въ три дня была разбита въ прахъ. Англійскіе либералы воодушевились и въ результатѣ выиграли на выборахъ въ парла-

ментъ 50 мѣствъ, принадлежавшихъ до того консерваторамъ. Происшедшая во время выборовъ неожиданная смерть Гускиссона разстроила канингитовъ и ослабила связь ихъ съ консерваторами. Смерть эта была интересною случайностью. Въ это время построена была въ Англіи первая желѣзная дорога, и открытіе этого двигателя новѣйшаго времени совпало съ выборами, рѣшавшими будущее Англіи. Строители пригласили многихъ государственныхъ людей почтить открытіе перваго рельсоваго пути своимъ присутвіемъ. Было снаряжено восемь парадныхъ поѣздовъ и были приглашены, между прочими, герцогъ Веллингтонъ и Гускиссонъ. Веллингтонъ и Гускиссонъ оба были консерваторы, но находились во враждѣ со времени билля о католикахъ. Поэтому тори задумали воспользоваться представившимся торжествомъ съ цѣлью примирить враговъ. На одной маленькой станціи остановились набирать воду; Гускиссонъ случайно прошелъ мимо вагона, въ которомъ находился герцогъ. Тотъ поздоровался, Гускиссонъ подошелъ къ окошку, и начался разговоръ. Въ это время налетѣлъ слѣдующій поѣздъ. Гускиссонъ хотѣлъ вскочить въ вагонъ, но упалъ на рельсы, и паровозъ раздробилъ ему обѣ ноги. Черезъ нѣсколько часовъ онъ скончался.

Всѣ поименованныя событія чрезвычайно усилили агитацію въ пользу реформы. Между тѣмъ недовольство народа, вызванное хлѣбными законами, стало принимать угрожающій характеръ и выражалось активно въ цѣлой серіи пожаровъ гумень и мельницъ со складами хлѣба. Пожары охватили всю Англію, подобно эпидеміи. Это еще болѣе усилило агитацію. Коббетъ уже требовалъ радикальной реформы парламента, въ пользу ея то и дѣло собирались въ разныхъ концахъ Англіи многочисленные митинги и распространялась масса всевозможныхъ изданій. При такихъ условіяхъ послѣдовало открытіе новаго парламента.

При открытіи парламента король или его представитель, первый министръ, читаетъ такъ называемую тронную рѣчь, въ которой обрисовывается общее положеніе внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ въ данную минуту. Прочтенная Веллингтономъ тронная рѣчь вышла довольно своеобразною. Она прошла молчаніемъ іюльскую революцію и низложеніе Карла X и въ то же время третировала событія въ Бельгіи, какъ вопіющее нарушеніе права; о злобѣ-же дня, парламентской реформѣ, не было сказано ни слова.

Это смѣлое игнорированіе общественной потребности возбудило сильное негодованіе не только либераловъ, и они сплотились

въ дружную оппозицію. Высокомѣрный Веллингтонъ вскорѣ самъ подалъ поводъ къ нападенію. Лондонскій лордъ-мэръ давалъ торжественный обѣдъ, на которомъ должны были присутствовать король и министры. Такъ какъ народъ терпѣть не могъ Веллингтона и нерѣдко устраивалъ ему враждебныя демонстраціи, бросалъ камнями и грязью въ карету герцога, то, ожидая подобныхъ-же овацій и на этотъ разъ, Веллингтонъ уговорилъ короля отмѣнить торжество подъ предлогомъ опасности для послѣдняго. Члены парламента оскорблены были недоувѣріемъ герцога къ вѣрноподданническимъ чувствамъ націи и нарушеніемъ вѣковаго обычая. Черезъ нѣсколько дней, когда министерство внесло въ парламентъ на утвержденіе бюджетъ дворцовыхъ расходовъ, палата отвергла этотъ бюджетъ. Тутъ ужъ даже такой человѣкъ какъ Веллингтонъ понималъ, что надо подавать въ отставку. Во главѣ новаго министерства сталъ лордъ Грей, человѣкъ извѣстный, какъ горячій сторонникъ парламентской реформы. А необходимость реформы ощущалась крайне настоятельно. Подкупъ и злоупотребленія оказались и на послѣднихъ выборахъ. Парламенту предстояло 93 разслѣдованія о правильности выбора такого же числа своихъ членовъ. Министерство рѣшилось внести билль о реформѣ и Дж. Росселю предоставлена была честь внесенія его. Основныя положенія этого билля состояли въ слѣдующемъ: возрастъ избирателей опредѣлялся въ 31 годъ, а затѣмъ, вслѣдствіе новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ, 56 бурговъ вовсе лишились представителей, 30 теряли по одному, 22 получили по два, 20—по одному, а графства получили 65 новыхъ представителей. Городской имущественный цензъ опредѣлялся: 10 фунтовъ стерлинг. за наемъ дома въ годъ; въ графствахъ—владѣніе землею и аренда ея за 50 фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Въ день внесенія билля парламентъ биткомъ набитъ былъ публикой. Около зданія парламента стояли верховые, чтобы подхватывать сообщенія репортеровъ и скакать съ ними въ конторы редакцій. Прилежащія къ парламенту улицы были наполнены толпами народа. Рѣчь Дж. Росселя, въ которой онъ излагалъ мотивы своего билля и необходимость реформы, была выслушана въ глубокомъ молчаніи. Всѣми чувствовалась важность наступающей минуты. Какъ ни были приготовлены къ тому, что билль о реформѣ будетъ внесенъ, но основныя положенія его произвели на партію тори подавляющее впечатлѣніе: законопроектъ сразу устранилъ 168 членовъ палаты общинъ, а потому, хотя необходимость рефор-

мы была совершенно очевидна, но консерваторы естественно не желали поступиться своими правами. Поведение тори во время обсуждения билля было весьма знаменательно. Вождь партии, сэр Роберт Пиль, оставался нѣмъ и ни однимъ словомъ не вмѣшивался въ пренія. Противъ законопроекта выступилъ Инглисъ, личность ничѣмъ не замѣчательная. Сущность возраженій Инглиса состояла въ томъ, что законопроектъ не соотвѣтствуетъ „историческимъ началамъ“ англійской жизни, что новый законъ усилить значеніе демократіи и поколеблетъ основы государственнаго строя въ Англіи. Инглису отвѣчалъ знаменитый историкъ Маколей, сказавшій при этомъ блестящій парламентскій спичъ.

„Куда бы мы не обращались,—говорилъ онъ,—внутри или наружу, отовсюду слышится голосъ могучихъ событій, требующій реформы; имъ вы побѣждены. Итакъ, теперь, когда все грозитъ разрушеніемъ тѣмъ, кто въ безнадежномъ упрямствѣ противится духу времени; теперь, когда грохотъ разрушенія самаго гордаго трона континента еще раздается въ нашихъ ушахъ; теперь, когда кровля британскаго замка служитъ позорнымъ убѣжищемъ наслѣднику сорока королей; теперь, когда мы видимъ, какъ вокругъ насъ рушатся старыя учрежденія, распадаются старыя связи; теперь, когда сердце Англіи еще здорово, когда древнія узы и чувства еще сохраняютъ свою силу и обаяніе, которыя скоро могутъ исчезнуть, обратите ваши взоры на столь пріятное вамъ время, на дни в а ш е г о благополучія, тамъ найдете вы совѣтъ, продиктованный ни предразсудкомъ, ни духомъ партіи, ни ложною гордостью, опасною послѣдовательностью,—совѣтъ исторіи, разума. Спасите собственность, спасите массу народа, которая стремится къ опасности среди своихъ бѣдствій. Спасите аристократію, навлекающую на себя опасность своею собственною нелюбимою властью. Спасите величайшее, лучшее, образованнѣйшее общежитіе, какое когда-либо видѣлъ свѣтъ, отъ несчастья, которое въ нѣсколько дней можетъ разрушить наслѣдіе вѣковой мудрости и славы. Опасность ужасна. Времени мало. Если этотъ билль будетъ отвергнутъ, то я молю Бога, чтобы никто изъ тѣхъ, кто въ этомъ приметъ участіе, не испыталъ бесполезныхъ угрызений совѣсти во время крушенія законовъ, уничтоженія сословій, расхищенія собственности и разрушенія общественнаго порядка“. Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе.

Каждый билль долженъ выдержать въ англійскомъ парламентѣ три чтенія. Первое представляетъ собою не болѣе какъ формальность. Всего важнѣе второе чтеніе: смотря по тому, какъ при-

нимается законопроектъ во второмъ чтеніи, можно судить проидеть ли онъ въ третьемъ, окончательномъ. Настоящій билль Дж. Росселя во второмъ чтеніи прошелъ большинствомъ только одного голоса—ясно было, что новый законъ будетъ отвергнутъ палатою. Въ третьемъ чтеніи билль былъ отвергнутъ большинствомъ 8-ми голосовъ (201 за, 209 противъ). Послѣ такого результата министерству Грея ничего болѣе не оставалось какъ выйти въ отставку, или посовѣтовать королю распустить парламентъ, низвергнувшій одно за другимъ два противоположнаго направленія министерства: очевидно, парламентъ состоялъ изъ весьма разнородныхъ элементовъ и надежды на прочное большинство быть не могло. Назначены были новые выборы. Вся страна понимала всю важность этихъ выборовъ, и избирательная агитація вышла особенно оживленною. Аристократіи оказано было неожиданное сопротивленіе. Даже самыя преданныя и подчиненныя вліянію аристократическихъ фамилій мѣстечки вдругъ оказались на сторонѣ оппозиціи и выбрали либераловъ. Новый парламентъ 1831 года заключалъ въ себѣ значительное большинство виговъ.

Немедленно послѣ открытія засѣданій билль о реформѣ снова былъ внесенъ и на этотъ разъ онъ былъ принятъ 345-ю голосами противъ 236-ти. Но это не значило еще, что дѣло было уже выиграно: еще палата лордовъ должна была принять новый законъ, для того чтобъ онъ могъ пойти на утвержденіе короля. Лорды оказали упорное сопротивленіе. Сущность ихъ доводовъ противъ закона состояла въ выраженіяхъ опасенія передъ демократіей и всепоглощающемъ вліяніи нижней палаты. Лордъ Пленкеттъ (Plunkett) особенно энергично возражалъ, ссылаясь на основы государственнаго права Англіи. Билль былъ отвергнутъ 199 голосами противъ 158 8-го октября, въ 6 часовъ утра. Впечатленіе, произведенное на публику такимъ результатомъ, было самое неблагоприятное для палаты лордовъ. Послѣдовалъ взрывъ негодованія и лордовъ пришлось охранять вооруженною силою отъ народнаго гнѣва.

Между тѣмъ министры находились въ самомъ затруднительномъ положеніи. Единственный способъ провести законъ представляло собою назначеніе новыхъ пэровъ. Король Англіи имѣетъ право назначать пэровъ по своему усмотрѣнію: стоило, значить, назначить достаточное число новыхъ пэровъ изъ людей, преданныхъ реформѣ, и сопротивленіе лордовъ было бы парализовано. Грей и обратился съ подобнымъ совѣтомъ къ королю. Но тутъ случилась загадочная исторія. Неизвѣстно достоверно, обѣщаль ли король

категорически назначеніе новыхъ пэровъ, или же министерство приняло за таковое обѣщаніе какія либо неопредѣленныя обнадѣживанія короля въ его поддержкѣ и понадѣялось на его рѣшимость провести реформу. Какъ бы то ни было, оно начало снова дѣло проведенія билля въ расчетѣ на возможность назначенія новыхъ пэровъ.

Въ декабрѣ 1831 г. внесенъ былъ третій билль о реформѣ и уже заранѣе были начаты переговоры съ палатою лордовъ. Нижняя палата приняла снова билль и снова онъ поступилъ на разсмотрѣніе верхней палаты. Пять ночей подрядъ шли пренія въ верхней палатѣ и, наконецъ, при баллотировкѣ 175 голосовъ подано было за—и 180 противъ основныхъ положеній закона. Дальнѣйшее обсужденіе было отсрочено.

Это новое fiасо реформы отразилось въ народѣ безпорядками. Ожидалась революція. Въ одинъ день изъ лондонскаго государственнаго банка взято было 1,800,000 фунтовъ. На стѣнахъ домовъ появились афиши, требовавшія окончательнаго упраздненія палаты лордовъ, какъ совершенно лишней и противящейся народному благу. Въ Бристолѣ произошло кровавое столкновеніе, а въ Лондонѣ домъ Веллингтона подвергся нападенію: всѣ окна были выбиты. Торговля остановилась, биржею овладѣла паника и всѣ цѣныя бумаги значительно упали.

Министерство обратилось къ королю, требуя назначенія новыхъ пэровъ. Но король находился въ крайнемъ затрудненіи. Если пользоваться неограниченно правомъ назначенія новыхъ пэровъ, то, такимъ образомъ, можно свести къ нулю значеніе верхней палаты, а это противорѣчило конституціи. Поэтому король отказалъ въ назначеніи новыхъ пэровъ и министерство Грея подало въ отставку.

Это послѣднее событіе еще болѣе усилило народное волненіе. Митинги и самые бурные слѣдовали одинъ за другимъ; въ Бирмингамѣ состоялось собраніе 100,000 человекъ, постановившее взяться за оружіе и идти на Лондонъ въ случаѣ, если парламентская реформа не состоится. Король поручилъ составленіе новаго министерства Веллингтону съ обязательствомъ провести реформу. Герцогъ согласился на это условіе, но ему не удалось составить министерство: значительныя лица партіи тори,—и между ними сэръ Робертъ Пилль,—отказались принять поставленное условіе, такъ какъ имъ пришлось бы войти въ противорѣчіе съ собою. Тогда Веллингтонъ возвратилъ королю данное полномочіе и посовѣтовалъ снова обра-

таться къ Грею; съ своей же стороны обѣщаль не противиться болѣе принятію билля. Призванный для составленія министерства лордъ Грей согласился принять на себя эту задачу не иначе, какъ послѣ категорически даннаго обѣщанія короля назначить, въ случаѣ надобности, новыхъ пэровъ для обезпеченія большинства въ пользу билля. Обсужденіе билля въ палатѣ лордовъ возобновилось. Подѣйствовали ли личные переговоры короля съ нѣкоторыми лордами, или, что вѣроятнѣе, подѣйствовала угроза назначенія новыхъ пэровъ, только многіе тори отказались отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Иные изъ нихъ не посѣщали вовсе палаты въ теченіе обсуждения билля, иные подали голосъ за него. Такимъ образомъ, наконецъ, послѣ затрудненій, каждую минуту грозившихъ вызвать серьезную опасность, билль былъ принятъ палатою лордовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ (7 іюня 1832 года) былъ утвержденъ и сталъ закономъ. Такъ состоялась первая реформа парламента.

По этому закону 515 мѣстечекъ совершенно лишены были представителей, у 32 число депутатовъ было уменьшено; за то 42 городскихъ округа получили право посылать по два или по одному представителю. Число депутатовъ графствъ было увеличено съ 94 до 159. Въ городахъ владѣніе домою (собственностью или арендой) или лавкой, арендная цѣна коихъ равна была 10 ф. въ годъ, давала избират. право. Въ графствахъ къ фригольдерамъ съ 40 шил. дохода (2 ф.), которые прежде пользовались избирательнымъ правомъ, присоединены были копигольдеры (наслѣдственные арендаторы) съ 10 ф. дохода и срочные арендаторы съ 50 ф. дохода.

Переходъ къ парламентской реформѣ 1867 года.

Мм. Гі. и Мм. Гі.!

Въ прошлой лекціи я старался выяснитъ тотъ фактъ, что идея народоправства въ одной старѣйшей конституціонной странѣ стала въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. На самомъ дѣлѣ власть оказалась въ рукахъ высшей поземельной аристократіи. Вслѣдствіе частью внѣшнихъ, частью внутреннихъ условій, идея народоправства проявлялась нѣсколько разъ и потомъ опять замолкла. Благодаря этимъ проявленіямъ, многія такъ называемыя „гнилыя мѣстечки“ лишились права представительства. Реформа 1832 г. имѣетъ очень важное значеніе: ею было признано господство права общественнаго; новое начало не вытѣснило совсѣмъ стараго, но теперь представительство допущено для большаго числа избирателей. Съ этого момента господство поземельной аристократіи лопається, хотя оно не угагло. Не только такіе города, какъ Манчестеръ, Бирмингемъ и др., но и менѣе важные торговые центры получаютъ право представительства въ парламентѣ для своихъ интересовъ. Капиталистическій классъ пріобрѣтаетъ къ этому времени важное значеніе не только въ Англіи, но и во всей Европѣ, проявляется вліяніе фабрикантовъ и купцовъ, и парламентъ является выразителемъ этого вліянія. Разъ въ обществѣ появился этотъ интересъ, разъ онъ сталъ въ обществѣ силой, его должны были допустить въ парламентъ. Это совершенно сообразно съ англійскимъ конституціонизмомъ, который, по признанію всѣхъ, всегда допускалъ представительство интересовъ разныхъ классовъ, а не представительство числа. Характеристичная сторона, проявляющаяся при всякомъ движеніи англичанъ, это стойкость ихъ и высокая степень способности къ

ассоціаціи. Въ какой странѣ можно найти такое быстрое образованіе ассоціацій, какое мы видѣли въ Англіи? Въ какой другой странѣ найдутся такія ассоціаціи, въ которыхъ члены считаются сотнями тысячъ и дѣйствуютъ, какъ одинъ человекъ?

Реформа 1832 года заключаетъ въ себѣ, однако, и существенные недостатки. Аристократическіе тори много потеряли, но аристократическіе виги сохранили свое вліяніе. Затѣмъ мы видимъ, что рабочее населеніе не получило права участія въ государственной жизни. Въ прежнее время можно было представить аргументы противъ этого участія, основываясь на неразвитости и дикости массъ, но теперь, въ силу прогресса въ ихъ развитіи, эти аргументы потеряли значительно свою силу. Этотъ недостатокъ реформы выразился въ очень высокомъ цензѣ въ графствахъ и въ большихъ городахъ. Въ сущности, поземельная аристократія сохранила свое преобладаніе, а въ городахъ избирательное право предоставлено только богатымъ классамъ. Эти недостатки существенно уменьшили значеніе реформы.

Все-таки реформа 1832 года имѣла большія послѣдствія какъ для самаго парламента, такъ и для жизни англійскаго общества. Прежде всего она отразилась на фізіономіи парламента.

Насколько парламентъ измѣнилъ свою фізіономію, видно изъ того, что партія реакціонеровъ совершенно исчезаетъ. Мѣсто ихъ занято болѣе умѣренной партіей. Съ 1832 г. названіе торіевъ хотя и не совершенно исчезаетъ, но становится менѣе употребительнымъ. Представители этой партіи чаще носятъ названіе консерваторовъ и часть ихъ получаетъ названіе пилитовъ. Нынѣшній министръ Гладстонъ также принадлежитъ къ этой партіи. Съ 1832 до 1841 г. консерваторы ни разу не захватили власти въ свои руки. Въ общественной жизни реформа 1832 года имѣла еще болѣе вліянія, еще болѣе послѣдствій. Однимъ изъ такихъ послѣдствій является оппозиція противъ хлѣбныхъ законовъ, которые, правда, просуществовали послѣ 1832 г. еще четырнадцать лѣтъ, но судьба ихъ была рѣшена, такъ какъ по существу дѣла они противорѣчили интересамъ промышленныхъ классовъ. Запрещая ввозъ иностраннаго хлѣба, они поднимали цѣну труда и тѣмъ самымъ цѣну продуктовъ. Такимъ образомъ они мѣшали англійской промышленности, сокращая сбытъ ея продуктовъ, такъ какъ послѣдніе становились относительно болѣе дорогими. Скоро послѣ реформы усилилась агитація противъ хлѣбныхъ законовъ.

Въ Манчестерѣ образовалась „Лига противъ хлѣбныхъ зако-

новъ“ и начала въ Англіи всеобщую агитацію. Во главѣ этой агитаціи сталъ Ричардъ Кобдэнъ. Противъ хлѣбныхъ законовъ собирались огромные митинги. Когда лига перенесена была въ Лондонъ, то въ Ковентгарденѣ стали читаться лекціи противъ хлѣбныхъ законовъ; онѣ печатались затѣмъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и разсылались по всей странѣ. Средства лиги, собиравшіяся для цѣлей агитаціи, достигли нѣсколькихъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ, когда въ 1845 году выдался неурожай, стало ясно, что безъ иностраннаго хлѣба обойтись никакъ нельзя. Зимой, съ 1845 на 1846 г., агитація приняла громадныя размѣры: Ричардъ Кобдэнъ удваиваетъ свою энергію для усиленія агитаціи. Въ своихъ рѣчахъ въ парламентѣ онъ указывалъ на опасность положенія самой аристократіи. „Англійскій народъ,—говорилъ онъ,—видитъ въ аристократіи и дворянствѣ страны вождей своихъ. Я вамъ не свой, но я не колеблюсь сказать, что въ нашей странѣ существуетъ въ вашу пользу предубѣжденіе, глубоко укоренившееся и переходящее отъ отца къ сыну. Не борьбой съ духомъ времени пріобрѣли вы его и не тѣмъ его сохраните. Если вы останетесь равнодушными къ новымъ средствамъ употребить съ пользою людей, населяющихъ ваши земли; если вы будете препятствовать успѣхамъ, которымъ суждено тѣснѣе связать народы мирными узами торговаго размѣна; если вы будете бороться съ новыми открытіями, которыя, можно сказать, одушевляютъ вещество; если вы вздумаете останавливать преобразованія, предназначенныя судьбою,—тогда вы перестанете быть дворянствомъ (gentry) Англіи; другіе займутъ ваше мѣсто. Я предупреждаю васъ: вы въ опасномъ положеніи. Въ публикѣ зародилось подозрѣніе, что вы въ настоящемъ случаѣ воспользовались добрымъ расположеніемъ и прямодушнымъ довѣріемъ вашихъ избирателей и не оправдали ихъ надежды на васъ. Вамъ предстоитъ случай доказать, что вы не исключительно политики. Политики возстанутъ противъ моего предложенія; они не хотятъ слѣдствія, но вы послѣдуйте за мной въ этотъ комитетъ. Тамъ я берусь привлечь къ вамъ большинство членовъ нашей партіи. Я прошу васъ только розыскать добросовѣстно причины бѣдствій вашего населенія. Что бы ни было, мои или ваши убѣжденія возьмутъ верхъ, слѣдствіе, во всякомъ случаѣ, принесетъ важныя и благотворныя результаты“.

Тогдашній министръ, глава консерваторовъ, сэръ Робертъ Пиль дрогнулъ предъ предстоящимъ народнымъ бѣдствіемъ, смутился размѣрами общественнаго движенія. Послѣ нѣкоторыхъ ко-

лебаній, колебаній человѣка, которому трудно разстаться съ старыми убѣжденіями, онъ уступилъ, и въ февралѣ 1846 г. хлѣбные законы были отмѣнены. Они находились въ связи со всей системой покровительственныхъ пошлинъ, а потому за паденіемъ ихъ послѣдовало паденіе и послѣднихъ и настала эра свободной торговли.

Другимъ не менѣ важнымъ послѣдствіемъ реформы 1832 г. было вмѣшательство правительства въ отношенія фабрикантовъ къ рабочимъ. До этого господствовалъ режимъ „laissez faire, laissez passer“. Теперь вмѣшательство правительства было поддержано торіями. Вступаясь за рабочихъ, они дѣйствовали, отчасти, вслѣдствіе вражды и антагонизма къ аристократіи капитала. Рабочій день доходилъ на фабрикахъ прежде до 15 часовъ; къ тому же, къ труду на фабрикахъ притягиваются женщины и дѣти, которыхъ тоже заставляютъ работать по 15 часовъ въ сутки и даже ночью. Семейная жизнь поэтому потрясена. Малолѣтки остаются безъ присмотра и мрутъ, какъ мухи. Подобнаго рода явленія не могли не вызвать вмѣшательства правительства. При такомъ порядкѣ вещей націи грозило вырожденіе, а это уже задѣваетъ существенный интересъ государства. Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ средняя жизнь человѣка составляла только 3 года. Такова была смертность дѣтей!

Явилось сомнѣніе въ справедливости принципа „laissez faire, laissez passer“, и аристократы соединяются съ демократической партіей, чтобы вмѣшаться въ отношенія фабрикантовъ къ рабочимъ. 1833 года для подростковъ полагалось 12 час. работы, для дѣтей 8 часовъ и непременно днемъ. Въ 1844 году для женщинъ назначено 12 часовъ дневной работы и 6½ часовъ для дѣтей. Съ 1844 до 1847 года устанавливается, какъ обычай, 12-часовой день для взрослыхъ, а въ 1847 году трудъ подростковъ закономъ опредѣляется десятью часами дневной работы. Наконецъ въ 1850 году назначенъ періодъ работы съ 6 час. утра до 6 час. вечера. Эти шаги парламента по пути регулированія отношеній фабрикантовъ къ рабочимъ были не только результатомъ усилій демократической партіи въ парламентѣ, но и тѣхъ стремленій, которыя настойчиво преслѣдовались такъ называемыми „Trades Unions“.

Этимъ словомъ обозначаются ассоціаціи рабочихъ. Онѣ образуются одновременно съ развитіемъ фабричнаго производства. Онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ прежними цехами; но существенно отличаются отъ нихъ тѣмъ, что захватываютъ собою только инте-

ресы рабочихъ въ ихъ противоположности къ интересамъ работодателей, тогда какъ въ цехахъ принимали участіе и играли видную роль мастера, иначе говоря, работодатели. Trades Unions признаны были закономъ въ 1825 году. Распространеніе ихъ было довольно быстро, и въ 1867 году насчитывали до 2,000 ассоціаций, захватывающихъ 10% всего рабочаго населенія Англіи. Въ большихъ-же промышленныхъ центрахъ къ Trades Unions принадлежало 90% рабочихъ данной мѣстности.

По своимъ цѣлямъ, они могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: 1) одни, которые посвятили себя борьбѣ въ защиту рабочихъ отъ произвола фабрикантовъ, и 2) другіе, которые къ этой задачѣ присоединяли еще взаимную помощь въ разныхъ невзгодахъ жизни рабочаго. Для той и другой цѣли служили денежные взносы, дѣлаемые членами ассоціаций. Собранныя, такимъ образомъ, суммы особенно важную услугу оказывали во время забастовокъ, предпринимавшихся съ цѣлью понудить фабрикантовъ къ уступкамъ. Надо замѣтить, что эти стачки были палліативомъ, который далеко не всегда оказывался дѣйствительнымъ. Главная сила Trades Unions была въ ихъ крѣпкой организаци и въ томъ вліяніи, какое они оказывали на общественное мнѣніе. Кромѣ того, они содѣйствовали общественному развитію самихъ рабочихъ, что и создало изъ нихъ политическую силу, съ которой съ каждымъ днемъ становилось необходимѣе считаться.

Вотъ эти-то Trades Unions сосредоточили свои усилія на сокращеніи рабочаго дня. Конечно, не вслѣдствіе теоретическаго пониманія вопроса, а скорѣе по необходимости, созданной немѣрной длиннотою рабочаго дня, они выбрали такую цѣль; но надо сказать, что они попали въ самый центръ экономической задачи. Какъ я говорилъ въ прошлой лекціи, рабочій день распадается на двѣ части: на необходимый и прибавочный рабочій день. Подъ первымъ разумѣется та часть, въ теченіе которой возстановляются издержки производства, въ число которыхъ входитъ и содержаніе самаго труда; подъ вторымъ—та часть, въ теченіе которой вырабатывается прибыль. Введеніе машины сильно измѣняетъ отношеніе между необходимымъ и прибавочнымъ днемъ: ускоряя производство продукта, или усиливая производительность труда, машина сокращаетъ первый и удлиняетъ второй, не измѣняя абсолютной длины рабочаго дня. Очевидно, что для того, чтобы доставить труду облегченіе, выгоды, созданныя великими изобрѣтеніями Уатта и Аркрайта, слѣдуетъ сократить абсолютную длину рабочаго дня, и

это сокращеніе въ большинствѣ случаевъ не отразится неблагопріятно на высотѣ заработной платы.

„Grades Unions“ инстинктивно, а потомъ и сознательно стали стремиться къ этой цѣли. Путемъ агитаціи они вліяли на общественное мнѣніе, тогда какъ ихъ вожди дѣйствовали въ парламентѣ. Какъ мы видѣли, они добились исполненія нѣкоторой части своихъ желаній.

Если англійскій рабочій классъ добился исполненія части своихъ желаній, добился, главнымъ образомъ, чрезъ парламентъ, то онъ, ставъ силой, не могъ не поставить себѣ задачей добиться избирательнаго права, чтобы дать голосъ своимъ интересамъ въ этомъ учрежденіи, бывшемъ искони представителемъ интересовъ различныхъ классовъ населенія.

Агитація въ пользу расширенія избирательнаго права началась вскорѣ послѣ реформы 1832 года и уже въ 1839 году парламенту представлена петиція, покрытая 1½ милл. подписей. Эта петиція извѣстна подъ именемъ „Народной хартіи“; отсюда и названіе всей партіи: „чартисты“. Она заключала въ себѣ пять главныхъ пунктовъ: 1) всеобщая подача голосовъ, 2) тайная баллотировка, 3) ежегодные выборы, 4) распредѣленіе избирательныхъ округовъ соразмѣрно численности населенія и 5) назначеніе жалованья депутатамъ. Послѣдній пунктъ, очевидно, рассчитанъ на то, чтобы членами парламента могли быть и люди несостоятельные.

Народная хартія была привезена въ парламентъ на особомъ, нарочно для нея изготовленномъ возу, потребовалось устройство особыхъ приспособленій, чтобы ее втащить въ залъ засѣданій, и, когда ее свалили, она загромоздила весь партеръ. Требования чартистовъ были цѣликомъ отвергнуты парламентомъ; но агитація продолжалась и временами достигала опасныхъ размѣровъ.

Такъ, въ 1848 году, возбужденные событіями на континентѣ, чартисты довели дѣло до беспорядковъ, которые были подавлены силой. Сорокъ восьмой годъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ силы чартистовъ; съ этого времени агитація по поводу избирательной реформы выставляетъ болѣе умѣренныя требованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ больше шансовъ на успѣхъ.

Въ теченіе этого новаго періода руководителемъ движенія является Дж. Брайтъ. Свою агитацію онъ развилъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, особенно въ 1859 году, что она напомнила собою агитацію Кобдена противъ хлѣбныхъ законовъ. Проектъ реформы, интересъ къ которому возбужденъ былъ Брайтомъ въ

массахъ англійскаго населенія, сводился къ двумъ существеннымъ требованіямъ: 1) пониженіе ценза въ графствахъ до 10 ф. с. арендной платы и 2) предоставленіе въ городахъ избирательнаго права всѣмъ плательщикамъ налога въ пользу бѣдныхъ. Но окончательному успѣху агитаціи 59 года помѣшали внѣшнія событія, отвлекшія общественное вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ. Война за объединеніе Италіи, завязавшаяся между Франціей и Австріей, поглотила все вниманіе. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить успѣховъ агитаціи. Причина ихъ кроется въ усилившемся значеніи рабочаго класса. Это была уже не безформенная масса, а организованная сила, сознающая свое значеніе и свои цѣли. Требования такого класса людей не могли остаться безъ всякаго вліянія. Другая причина большей успѣшности усилій Брайта, сравнительно съ усиліями чартистовъ, лежитъ въ большей умѣренности его требованій. Между ними и существующими порядками была генетическая связь, тогда какъ требованія первыхъ стояли слишкомъ далеко.

Какъ бы то ни было, вопросъ о новой реформѣ парламента, волновавшій общественное мнѣніе, становится на очередь и въ парламентскихъ дебатахъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ взяла на себя партія виговъ; но усилія ея пали предъ сопротивленіемъ консерваторовъ, а отчасти и ея собственныхъ членовъ, боявшихся реформы. Замѣчательно, однако, что и консервативная партія, хотя и не безъ своекорыстныхъ цѣлей, брала этотъ вопросъ подъ свое покровительство. Какая перемѣна обнаруживается въ этомъ фактѣ, насколько ушли впередъ консерваторы 50-хъ годовъ отъ предразсудковъ тори временъ реформы 32 года! Не малая заслуга въ этомъ преобразованіи торійской партіи принадлежитъ Дизраэли, хотя, конечно, слѣдуетъ непремѣнно имѣть въ виду и общее движеніе идей и событій, которое не могло не отразиться на консерваторахъ.

Личность этого государственнаго человѣка играетъ очень важную роль въ реформѣ 1867 г., вмѣстѣ съ тѣмъ она настолько характерна и интересна, что на ней стоитъ остановиться.

Веніаминъ Дизраэли—потомокъ еврейской фамиліи, выселившейся въ Англію въ половинѣ XVIII вѣка. Отецъ его, Исаакъ Дизраэли, отличался религіознымъ равнодушіемъ и въ 1817 г. порвалъ связи съ юдаизмомъ и окрестилъ дѣтей своихъ въ англиканскую вѣру. Воспитанъ былъ Веніаминъ дома и дома же по преимуществу получилъ свое образованіе; оно было по преимуществу литературное. Убѣжденія молодаго Дизраэли принадлежали къ убѣжденіямъ такъ называемой молодой Англіи. Они были демократичны и ис-

полнены терпимости и гуманности. Довольно сказать, что онъ сходилъ съ послѣдователями Бэнтама.

И однако, выступая на политическое поприще, Дизраэли примкнулъ къ торійской партіи. Это объясняется его первоначальными знакомствами, начатыми въ салонѣ лэди Блэссингтонъ: они всѣ были торійскія; съ другой стороны, еще тѣмъ, что въ средѣ виговъ ему гораздо легче было затеряться, такъ какъ тамъ было слишкомъ много признанныхъ знаменитостей. Самъ Дизраэли объяснял свое вступленіе въ ряды консервативной партіи тѣмъ, что она одна способна на дѣйствительно радикальныя реформы.

Но мнѣ кажется такое положеніе слишкомъ наивнымъ, и я скорѣе готовъ склониться къ мнѣнію, что честолюбіе играло главную роль въ первыхъ рѣшеніяхъ будущаго лорда Биконсфильда. Что онъ не былъ разборчивъ въ средствахъ къ достиженію цѣли, есть многія доказательства. Между прочимъ, въ своемъ романѣ „Вивіанъ Грей“ Дизраэли рисуетъ красиваго, живого, остроумнаго молодого человѣка, успѣвающаго хитростью и ловкостью подчинить себѣ знатнѣйшихъ представителей аристократіи. Въ этомъ изображеніи многіе видѣли портретъ самого автора, и нельзя сказать, чтобы главные моменты его карьеры не были сходны съ судьбою героя романа. Начало его карьеры не было, однако, удачно. Два раза, въ 1832 и 1834 году, онъ провалился на выборахъ и былъ выбранъ только въ 1837 году. Сначала онъ выступаетъ въ качествѣ совершенно независимаго кандидата, объявляя себя не принадлежащимъ ни къ какой партіи. Онъ даже пользуется поддержкой О'Коннеля и Юма, хотя въ то же время ему оказывали содѣйствіе и его друзья тори. Затѣмъ онъ открыто примыкаетъ къ послѣднимъ и подъ ихъ крыломъ вступаетъ въ парламентъ. Первый дебютъ его и тутъ былъ не изъ удачныхъ. Его крикливый голосъ и рѣзкая жестикуляція вызвали смѣхъ.

„Вы смѣтаетесь теперь, — сказалъ Дизраэли, — но настанетъ время, когда вы будете меня слушать“. И дѣйствительно онъ добился того, что его слушали со вниманіемъ. Онъ говорилъ часто по важнымъ вопросамъ и оригинальность его мыслей (въ устахъ консерватора), остроуміе и настойчивость доставили ему вліяніе. Когда сэръ Р. Пилль предложилъ отмѣну хлѣбныхъ законовъ, Дизраэли понялъ, что насталъ рѣшительный моментъ возвыситься и выступилъ на защиту интересовъ аристократіи, забывъ объ интересахъ низшихъ классовъ. Его оппозиція противъ Пилля сдѣлала его вожакомъ консерваторовъ. Выходъ Пилля изъ рядовъ консерваторовъ,

бывшій неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его политики по вопросу о хлѣбныхъ законахъ, укрѣпилъ положеніе Дизраэли. Но только въ 1851 г. онъ становится министромъ въ качествѣ лорда-канцлера казначейства. Его первый дебютъ на финансовомъ поприщѣ былъ крайне неудаченъ. Его бюджетъ былъ составленъ безъ системы и развѣ только могъ нравиться поземельной аристократіи. Одни налоги, какъ то: подоходный, квартирный и нѣкоторые другіе были увеличены безъ всякаго основанія; другіе уменьшены безъ большаго основанія, хотя и не безъ политическаго расчета (налогъ на солодъ). Рѣчь, сопровождавшая внесеніе бюджета, вызвала смѣхъ. (Кларини, новѣйшій біографъ Биконсфильда и поклонникъ его, говоритъ, что она очаровала слушателей). Дизраэли, однако, мужественно защищался и язвилъ сарказмами своихъ противниковъ. Наконецъ, противъ него выступилъ Гладстонъ. Онъ началъ свою рѣчь выговоромъ вожаку консерваторовъ: „Я долженъ замѣтить высокоблагородному джентльмену, что хотя онъ и многому учился и многое знаетъ, но онъ не научился сдержанности, скромности и терпимости; незнаніе этихъ правилъ составляетъ всегда недостатокъ, но оно непростительно въ человѣкѣ, состоящемъ лидеромъ палаты общинъ“. Этотъ выговоръ Дизраэли долженъ былъ принять, такъ какъ онъ его вызвалъ своими оскорбительными выходками. Затѣмъ Гладстонъ подвергъ подробному разбору весь бюджетъ. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, судьба бюджета, а вмѣстѣ и министерства была рѣшена. Большинство высказалось противъ него, и оно вышло въ отставку.

Въ 1859 году Дизраэли снова, въ качествѣ министра, выступаетъ предъ палатою съ важной мѣрой. То былъ проэктъ избирательнаго закона. О немъ мы будемъ говорить въ слѣдующей лекціи; теперь скажемъ только, что онъ былъ составленъ къ выгодѣ поземельной аристократіи. Эта тенденція погубила проэктъ, и Дизраэли вмѣстѣ съ министерствомъ Дерби выходитъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ до 1865 года онъ оставался въ оппозиціи.

Остается удивляться, какъ въ 60-хъ годахъ этотъ человѣкъ могъ достигъ власти и неограниченнаго вліянія на всю консервативную партію. Онъ поставилъ задачей преобразование консервативной партіи послѣ погрома 32 года на болѣе либеральныхъ основаніяхъ и хотѣлъ, какъ онъ говорилъ, поставить ее на стражѣ интересовъ низшихъ классовъ. Послѣдняя задача не была выполнена, да и едва ли могла быть выполнена, это утопія. Первая же задача, т. е. преобразование консервативной партіи на болѣе либе-

ральных (конечно, относительно) основаніяхъ, была дѣйствительно задачей своевременной, и заслуга Биконсфильда, въ томъ, что онъ первый замѣтилъ существованіе ея; въ этомъ же и разгадка его успѣха. Преобразование это для него легче было выполнить, такъ какъ онъ консерваторомъ по убѣжденію не былъ; ловкости же и ума ему не занимать-стать. Съ другой — возвышеніе Дизраэли объясняется недостаткомъ способныхъ людей въ торійской партіи. Но успѣхъ не доказываетъ еще всегда вѣрности идеи, а тѣмъ менѣе оправдываетъ измѣну убѣжденіямъ. Между тѣмъ Дизраэли несомнѣнно своими дѣлами противорѣчилъ своимъ объявленнымъ убѣжденіямъ. Его реформа парламента была построена не на демократическихъ, а на аристократическихъ началахъ. Между тѣмъ онъ заявлялъ, что его программа заключается въ развитіи парламентской реформы 32 года въ демократическомъ духѣ. Система подачи голосовъ, предложенная имъ въ 1859 году, противорѣчила внесенной имъ когда то въ свою программу тайной подачѣ голосовъ. Общая религіозная терпимость, которую онъ написалъ на своемъ знамени, защищая гражданскія и политическія права евреевъ, осталась на дѣлѣ пустымъ звукомъ: человекъ, равнодушный въ дѣлахъ вѣры, онъ возстаетъ противъ допущенія похоронъ протестантовъ на англійскихъ кладбищахъ и оказываетъ оппозицію учрежденію свѣтскаго университета въ Ирландіи.

Поставивъ въ первыхъ своихъ манифестахъ отмѣну налога на бумагу составною частью своей программы, онъ отмѣняетъ, вмѣсто того, къ выгодѣ фермеровъ, налогъ на солодъ, но налогъ на бумагу оставляетъ. Объявляя себя другомъ низшихъ классовъ, отъ возстаетъ противъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, хотя, правда, до конца жизни продолжалъ твердить рабочимъ, что отъ консерваторовъ должны они ждать благодати.

Такія противорѣчія я не могу объяснить недостаткомъ пониманія. Умъ Дизраэли не позволяетъ дѣлать такого объясненія. Скорѣе слѣдуетъ согласиться, что всѣ эти противорѣчія объясняются честолюбіемъ и отсутствіемъ определенной политической программы. Его можно сравнить въ этомъ отношеніи съ Пальмерстономъ. Послѣдній по внутреннимъ вопросамъ шелъ рука объ руку со всѣми партіями. Разница, однако, та, что Пальмерстонъ былъ хорошимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, тогда какъ внѣшняя политика Дизраэли оставляетъ желать многого.

Полный контрастъ съ Дизраэли представляетъ Гладстонъ, имѣвшій большое вліяніе на парламентскую реформу 1867 г. Онъ

началъ свою политическую карьеру одновременно съ Дизраэли, но только въ то время, когда послѣдній былъ демократомъ и исповѣдывалъ полную религіозную терпимость, Гладстонъ былъ тори чистой воды. Такимъ его сдѣлали семейныя традиціи и школьное воспитаніе. Онъ учился въ Итонѣ, а потомъ въ Оксфордѣ. Оба эти учрежденія были оплотомъ торизма, особенно Оксфордъ. Еще во время пребыванія своего въ Оксфордѣ Гладстонъ защищалъ положеніе, что предоставленіе евреямъ равноправности было-бы скандаломъ для государства, которое-бы это допустило. Впослѣдствіи онъ не могъ вспомнить безъ сожалѣнія объ этомъ тезисѣ. Въ области политики онъ тоже держался многихъ предразсудковъ и, между прочимъ, горячо возставалъ противъ парламентской реформы 1832 г. Когда онъ вступилъ въ парламентъ, Маколей назвалъ его восходящею надеждою тори. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе логичностью и искренностью своей рѣчи.

Но Гладстонъ былъ одаренъ сильнымъ умомъ, школа развила его въ смыслѣ строгости и выдержанности мысли. Оставаться съ предразсудками долго онъ не могъ. И вотъ, въ концѣ 30 годовъ, мы видимъ, что онъ отказывается отъ религіозной нетерпимости. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ, подъ руководствомъ Пилля, изучаетъ экономическія дѣла Англій и вмѣстѣ съ нимъ совершаетъ первые шаги по пути къ свободной торговлѣ.

Затѣмъ, не отдѣляясь отъ своего руководителя, онъ участвуетъ въ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ.

Систематичный умъ Гладстона не могъ допустить отмѣны части системы безъ того, чтобы другія стороны ея остались безъ пересмотра. Когда онъ замѣтилъ, что одно звѣно въ цѣпи его понятій лопнуло, онъ подвергъ критическому разбору всю торійскую систему, и съ этого момента начинается его переходъ на сторону политической свободы.

Рѣшительнымъ моментомъ въ этомъ направленіи было путешествіе Гладстона въ Неаполь въ 1850 году.

Пріѣхавъ туда, онъ сталъ свидѣтелемъ безумной и жестокой реакціи. Около 20.000 томилось въ тюрьмахъ; между ними было болѣе ста депутатовъ. Гладстонъ посѣщаетъ лично тюрьмы въ подземельяхъ, куда даже доктора боялись спускаться, опасаясь заразы, добивается того, что ему показаны дѣла, изучаетъ ихъ массами и приходитъ къ убѣжденію, что всѣ эти несчастные, гнѣющіе въ тюрьмахъ, терпятъ вопіющую несправедливость. Тогда Гладстонъ адресуетъ два письма къ лорду Абердину, въ которыхъ ярко

нарисоваль картину неаполитанскихъ ужасовъ. Письма эти были разосланы Пальмерстономъ всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Всеобщее негодованіе вызвали эти смѣлыя разоблаченія. Неаполитанское правительство пыталось опровергнуть ихъ; но ему удалось указать неточности въ десяти случаяхъ; сотни же фактовъ тѣмъ самымъ были подтверждены.

Письма Гладстона много содѣйствовали паденію неаполитанскаго королевства; но неаполитанскія событія въ свою очередь ускорили переходъ самого Гладстона въ либеральный лагерь. Въ Неаполѣ онъ впервые почувствовалъ значеніе общественной свободы.

Въ неаполитанскихъ письмахъ, замѣтимъ кстати, слышится авторъ „Болгарскихъ ужасовъ“. Возвратившись домой, онъ все сильнѣе уклоняется въ сторону либераловъ и даже опережаетъ виговъ. Въ 1864 г. онъ приходитъ къ убѣжденію въ необходимости реформы парламента въ демократическомъ смыслѣ и находитъ, что рабочіе классы не должны считаться стоящими по развитію ниже торговцевъ, а потому и не должны быть лишены избирательнаго права. „Намъ говорить,— прибавляетъ онъ,— что рабочіе не агитируютъ въ пользу своихъ избирательныхъ правъ, но желательно ли намъ ждать, пока они начнутъ агитацію? Я полагаю, что не слѣдуетъ ждать агитации рабочихъ классовъ по какому бы то ни было вопросу и дѣлать ее непремѣннымъ, предварительнымъ условіемъ для всякаго парламентскаго рѣшенія; но, напротивъ, подобную агитацію надо предупреждать мудрыми и своевременными мѣрами. Агитація среди рабочихъ классовъ не имѣетъ ничего общаго съ агитаціей въ высшихъ классахъ, имѣющихъ много свободного времени. Когда рабочіе покидаютъ свой трудъ, отъ котораго зависитъ ихъ насущный кусокъ хлѣба, то значитъ, говоря желѣзнодорожнымъ языкомъ, данъ сигналъ опасности и чувствуется необходимость энергическаго дѣйствія“. Это заявленіе Гладстона ознаменовало окончательный разрывъ съ консервативною партіей. Оксфордскій университетъ, представителемъ котораго онъ былъ до сихъ поръ въ парламентѣ, лишилъ его своего довѣрія и выбралъ на его мѣсто Готорна Гарди. Тогда Гладстонъ выступилъ кандидатомъ въ округѣ южнаго Ланкашира. Обращаясь къ своимъ избирателямъ, онъ сказалъ: „Наконецъ, друзья мои, я являюсь передъ вами безъ намордника“. Общій энтузіазмъ при этомъ не имѣлъ границъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ не могъ вымолвить ни слова отъ оглушительныхъ криковъ. Когда водвори-

лось молчаніе, Гладстонъ продолжалъ: „Я любилъ университетъ глубокой, пламенной любовью и, пока живъ, я сохраню эту привязанность. Я рѣшительно не знаю никакой другой причины, побудившей большинство въ Оксфордскомъ университетѣ высказаться противъ меня, кромѣ того факта, что самое сильное убѣжденіе, къ какому только можетъ придти человѣческій умъ, всепоглащающее сознаніе общественныхъ интересовъ и практическая мудрость опыта, которымъ съ юности Оксфордъ научилъ меня повиноваться, обнаружили передо мной все безуміе, скажу болѣе, все бѣшенство отказаться отъ сочувственнаго единенія съ благородными стремленіями моихъ соотечественниковъ, примкнувъ къ политикѣ, препятствующей всякому прогрессу“.

Говоря при другомъ случаѣ объ измѣненіи своихъ убѣжденій, Гладстонъ замѣтилъ: „Оксфордъ въ мое время имѣлъ большой недостатокъ. Можетъ быть это моя вина, но я долженъ признаться, что въ Оксфордѣ я не выучился тому, чему научился впоследствии, а именно цѣнить по ихъ достоинству вѣчные принципы человѣческой свободы. Настроеніе, слишкомъ часто господствовавшее въ академическихъ сферахъ, располагало смотрѣть на свободу ревниво. Теперь я нисколько не боюсь расширенія конституціонныхъ правъ, приближеніе котораго я вижу. Напротивъ, я его привѣтствую съ радостью. Я научился цѣнить по справедливости человѣческую свободу и если я измѣнился въ чемъ либо, то вотъ ключъ этихъ измѣненій“.

Но знаменитость Гладстона основывается на его финансовыхъ познаніяхъ. Какъ финансистъ, онъ не имѣетъ соперниковъ. Въ первый разъ онъ выступилъ со своимъ бюджетомъ въ 1853 г. Его пятичасовая рѣчь, объяснявшая детали бюджета, отличалась такою ясностью, живостью и даже поэзіей, что произвела на всѣхъ присутствующихъ чарующее впечатлѣніе. Долгіе, неумолкаемые крики и рукоплесканія раздались въ парламентѣ, когда онъ ее окончилъ. Нѣсколько недѣль послѣ того въ газетахъ, ресторанахъ и гостинныхъ только и занимались бюджетомъ Гладстона. Основные принципы его финансовой политики заключаются въ томъ, чтобы создавать налоги, наименѣе обременительные и падающіе по возможности на всѣхъ, погашать займы и не дѣлать новыхъ. Даже вести войны онъ предпочитаетъ на средства, приобрѣтенныя отъ возвышенія налоговъ, а не на счетъ займовъ, такъ какъ послѣдніе связываютъ руки будущему. Въ своемъ бюджетѣ

1853 г. онъ, между прочимъ, отмѣнилъ налогъ на бумагу, признавая его тормазомъ умственной жизни страны.

Въ вопросахъ внѣшней политики Гладстонъ является поборникомъ права и справедливости. Впервые высказался онъ по дѣлу Пачифико противъ Пальмерстона. Англійскій подданный Пачифико возбудилъ противъ себя неудовольствіе аѳинянъ, которые и разнесли его домъ. Пальмерстонъ не задумался объявить въ блокадѣ греческіе порты и даже приказалъ захватить греческія торговыя суда. Общественное мнѣніе было на сторонѣ Пальмерстона. Гладстонъ возсталъ противъ него, находя, что министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ защищать не только честь и интересы своей страны, но и вѣчные принципы международнаго права. Мы знаемъ, какъ во время послѣдней славянской войны Гладстонъ сталъ на сторону права и защищалъ угнетенныхъ. Не смотря на то, что его обвиняли въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ подкупленъ Россіей, что ему грозили даже побить камнями, онъ отстаивалъ свою мысль, нападалъ на дѣятелей болгарскихъ ужасовъ, совѣтуя перебросить „на ту сторону Босфора неисправимую Турцію съ ея пашами, визириями и со всѣми сундуками и чемоданами“. Въ данномъ случаѣ Гладстонъ, какъ и прежде, находилъ, что задача мудрой иностранной политики заключается въ томъ, чтобы сочетать интересы Англии съ интересами права, тогда какъ его противникъ, лордъ Биконсфильдъ, умѣлъ играть только на дудкѣ британскихъ интересовъ.

Таковъ государственный мужъ, вступившій въ борьбу съ Дизраэли по поводу парламентской реформы и имѣвшій также, какъ и послѣдній, большое вліяніе на ея осуществленіе.

Реформа 1867 года.

Парламентскія реформы 1832 и 1867 годовъ представляютъ собою два характерныхъ и весьма интересныхъ момента англійской общественной жизни. Мы видѣли, чѣмъ была вызвана и какъ произошла, какъ осуществилась реформа 1832 года. Развитие промышленности и торговли, замѣна мануфактурнаго производства машиннымъ, кореннымъ образомъ измѣнили экономическія условія жизни англійскаго народа, населеніе стало все болѣе и болѣе центрироваться въ городахъ, явились спеціальныя городскіе интересы, интересы буржуазіи и капитала и это не могло не отразиться на политической жизни страны. Реформа 1832 года значительно усилила въ парламентѣ буржуазію и высшія сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ появляется и радикальная партія. Дальнѣйшее развитіе тѣхъ же экономическихъ условій создало многочисленный рабочій классъ, у котораго явились свои интересы, требовавшіе представительства и долженствовавшіе найти себѣ мѣсто въ парламентѣ. Рабочіе стали стремиться пріобрѣсти и себѣ политическія права, политическое вліяніе и такое, вполне законное и справедливое, стремленіе породило новую энергическую агитацію въ пользу новой реформы парламента. Эта агитація, о которой мы говорили прошлый разъ, отозвалась въ парламентѣ появленіемъ реформистскихъ проектовъ. Путь и средства, при помощи которыхъ осуществилась реформа 1867 года, были совершенно аналогичны пути и средствамъ, при помощи которыхъ достигнута была реформа 1832 г.

Первый проектъ новой реформы былъ внесенъ въ парламентъ въ 1852 г. все тѣмъ же неутомимымъ и настойчивымъ въ преслѣдованіи своей идеи Джономъ Росселемъ. Предложеніе Росселя раз-

считано было на расширение избирательного права посредством понижения имущественного ценза. Въ общихъ чертахъ предложеніе это состояло въ слѣдующемъ. Избирательный цензъ понижается: въ графствахъ до 5-ти фунтовъ арендной платы для срочныхъ арендаторовъ и до 20 фунтовъ для безсрочныхъ; въ городахъ до 5 фунтовъ наемной платы. Кромѣ того право избирать представителя въ парламентъ распространилось и на всѣхъ плательщиковъ прямого налога въ размѣрѣ не менѣе 40 шиллинговъ въ годъ. Этотъ законопроектъ даже и не обсуждался въ парламентѣ. Потребность въ новой реформѣ не достаточно еще назрѣла, не достаточно проникла въ общественное сознаніе. Виги испугались излишне, по ихъ мнѣнію, демократическаго отбѣнка, приданнаго Росселемъ своему новому биллю, а отъ тори ничего другого и ждать нельзя было, кромѣ самаго энергическаго сопротивленія. Въ 1854 году Россель снова повторилъ свое предложеніе, слегка видоизмѣнивъ его. Но общій характеръ остался тотъ же. Новый законопроектъ установилъ избирательный цензъ въ городахъ въ 6 фунтовъ стерлинговъ и въ графствахъ — 10 фунтовъ. Плательщики прямого налога въ 40 шиллинговъ тоже получили избирательное право. Кромѣ того избирателями становились и лица, внесшія въ сберегательныя кассы капиталъ не менѣе 50 фунтовъ, а также лица, имѣющія университетскій дипломъ. Такимъ образомъ, въ этомъ биллѣ новостью было распространеніе избирательнаго права на владѣльцевъ движимости и на лицъ съ образовательнымъ цензомъ. И этотъ билль постигла участь предшественника. Его тоже не обсуждали, но на этотъ разъ помѣшала разыгравшаяся къ тому времени крымская война. Вниманіе страны было поглощено внѣшнею политикою и военными событіями; агитація въ пользу реформы затихла, почти вовсе прекратилась.

Но послѣ парижскаго мира вопросъ о парламентской реформѣ снова всплылъ наружу и агитація возобновилась съ прежнею энергіею. Въ 1859 году, т. е. въ разгаръ агитаціи Брайта, въ парламентъ внесенъ былъ новый билль, и на этотъ разъ предложеніе исходило отъ Дизраэли, вожака консервативной партіи, что весьма знаменательно. Поднимая вопросъ о реформѣ въ министерствѣ, Дизраэли представилъ особыя мотивы. Онъ полагалъ, что оставлять безъ вниманія, игнорировать происходящую въ странѣ агитацію нельзя, что билль необходимо внести и принять для того, чтобы вырвать оружіе изъ рукъ противниковъ, изъ рукъ либеральной партіи. Такимъ образомъ, Дизраэли мотивируетъ свое предло-

женіе не сознаніемъ его общественнаго значенія и общественной пользы, а соображеніями совѣтъ иного рода, расчетами партійными. Консерваторамъ не хочется уронить свой престижъ въ пользу либераловъ, не хочется доставить возможность при помощи не избѣжной реформы усилиться либеральной партіи, и вотъ тори сами становятся сторонниками реформы, сами начинаютъ хлопотать объ ея осуществленіи, поднимаютъ о ней вопросъ. Поэтому отъ билля Дизраэли, естественно, слѣдовало ожидать общаго либеральнаго отгѣнка и окраски и болѣе или менѣе скрытыхъ консервативныхъ стремленій. Таковъ былъ этотъ законопроектъ и билль на самомъ дѣлѣ. Дизраэли тоже предлагалъ пониженіе имущественнаго ценза и распространилъ избирательныя права. Городской цензъ опредѣленъ былъ въ биллѣ въ 10 ф. ст. для собственниковъ или нанимателей дома, или лицъ, получающихъ равноцѣнный доходъ отъ государственныхъ процентныхъ бумагъ. Избирательное право получали также лица, имѣвшія капиталъ въ сберегательной кассѣ на сумму не ниже 60 ф. ст., а также и лица, получавшія пенсію въ размѣрѣ не ниже 20 ф. ст. въ годъ. Избирателями же становились профессора, учителя, лица съ университетскимъ дипломомъ, имѣющія ученые степени, литераторы и вообще люди, занимающіеся такъ называемыми свободными профессіями. Въ графствахъ цензъ опредѣлялся 10 фунтами. Нельзя не видѣть, что городской цензъ, сравнительно съ 1832 г., оставляемъ былъ Дизраэли безъ измѣненій, понижался же цензъ только въ графствахъ, къ выгодѣ землевладѣльцевъ. Но важнѣйшимъ пунктомъ, такъ сказать центромъ тяжести билля, было условіе относительно жителей предмѣстій, т. е. относительно тѣхъ изъ городскихъ жителей, которые обитали за предѣлами прежней (1832 г.) городской черты. По проекту Дизраэли, жители эти, вотировавшіе до сихъ поръ въ графствахъ, теперь должны были вотировать въ городахъ. Условіе это было къ выгодѣ тори, потому что значительно усиливало значеніе аристократіи въ парламентѣ. Избиратели въ графствахъ, фермеры и арендаторы находились въ значительной зависимости и подчиненности у лэндлордовъ, и такихъ избирателей не трудно было побудить вотировать въ пользу землевладѣльца; жители же предмѣстій представляли собою въ графствахъ независимый избирательный элементъ и являлись для аристократовъ весьма существенною помѣхою на выборахъ. Дизраэли хотѣлъ упразднить эту помѣху; этимъ усиленіемъ, вмѣстѣ съ сохраненіемъ неизмѣннымъ городского ценза, онъ обращалъ весь либерализмъ

своего билля въ оптическій обманъ. Аристократическій характеръ билля тотчасъ же замѣченъ былъ либеральною партіею и при парламентскомъ обсужденіи билля либералы подвергли его такой рѣзкой и основательной критикѣ, что онъ и былъ отвергнутъ во второмъ чтеніи большинствомъ 60 голосовъ.

Около года спустя, Дж. Россель снова внесъ билль о реформѣ, понижавшій цензъ въ графствахъ до 10 ф. ст., а въ городахъ — до 6. Палата, однако, хотя и не отвергла сразу этого билля, но нѣсколько разъ отсрочивала его обсужденіе до тѣхъ поръ, покамѣстъ правившее тогда страною либеральное министерство не сочло билля безнадёжнымъ и не взяло его обратно, не настаивая на обсужденіи.

Наконецъ, въ 1864 году билль о реформѣ рѣшился предложить сэръ Эвардъ Гладстонъ. Общій характеръ гладстоновскаго билля состоялъ опять-таки въ пониженіи ценза и, составляя этотъ билль, Гладстонъ очень многое заимствовалъ изъ прежнихъ биллей Росселя. Въ графствахъ цензъ опредѣлялся въ 14 ф. ст., а въ городахъ — въ 7 ф. Кроме того, избирательное право давалось взносомъ 50 фунт. въ сберегательную кассу въ теченіи 2 лѣтъ. Въ общемъ, гладстоновскій билль увеличивалъ число избирателей на 400,000, и это крайне испугало не только консерваторовъ, но даже либераловъ. Въ партіи виговъ произошелъ расколъ: сэръ Лоу и нѣкоторое число другихъ членовъ либеральной партіи отказались поддерживать Гладстона. Пылкій Брайтъ чрезвычайно рѣзко обличалъ за это Лоу и его единомышленниковъ, окрестивъ всѣхъ ихъ кличкою „адуламитовъ“, кличкою, ставшею исторической. „Главный недостатокъ этой партіи,— сказалъ онъ,— заключается въ томъ, что она походитъ на мохнатую шотландскую собаку, до того заросшую шерстью, что не разберешь, гдѣ у нея голова, а гдѣ хвостъ“. Дж. Ст. Милль тоже сильно нападалъ и на отступниковъ, и на консерваторовъ. Когда ему сдѣлали упрекъ, что онъ называетъ консерваторовъ дураками, онъ отвѣтилъ: „Я никогда не думалъ говорить, что консерваторы дураки, я говорилъ только, что дураки обыкновенно консерваторы.“ По этимъ примѣрамъ можно судить о страстности, съ которою велись пренія. Билль былъ отвергнутъ, и министерство Гладстона подало въ отставку, но при этомъ Гладстонъ сдѣлалъ серьезное и знаменательное пророчество. „Вы можете,— сказалъ онъ во время преній, обращаясь къ своимъ противникамъ,— вы можете отвергнуть нашу реформу, но помните, что она неизбѣжна и что вскорѣ вы сами, отвергающіе ее нынѣ, вынуждены будете ее предложить“.

На смѣну министерства Гладстона явилось министерство Дизраэли -- Дерби; консерваторы овладѣли кормиломъ правленія. Въ парламентскомъ засѣданіи 9 іюля 1866 года Дизраэли, говоря отъ имени новаго министерства о задачахъ новаго правительства, прямо и опредѣленно заявилъ, что онъ считаетъ парламентскую реформу совершенно ненужною и что поэтому займется вопросами другого рода, гораздо болѣе важными. Это ужъ слишкомъ походило на наполеоновское *jamais* и возбудило крайнее неудовольствіе. Лига реформы удвоила свою агитацію, и вотъ на 23 іюля въ Гайдъ-Паркъ назначенъ былъ народный митингъ для постановленія резолюціи относительно необходимости реформы. Министерство рѣшилось не допустить этого митинга, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что Гайдъ-Паркъ не долженъ быть мѣстомъ политическихъ сходокъ и митинговъ. Тѣмъ не менѣе, митингъ отмѣненъ не былъ и на сборный пунктъ явилось около 100,000 человекъ. Полиція вздумала помѣшать собравшимся и принудить ихъ разойтись, между народомъ и полиціей произошла схватка, нарушившая правильный ходъ занятій митинга. Полиція была отозвана, когда митингъ сталъ собираться.

Собравшіеся громко высказались въ пользу реформы. Консервативныя газеты всячески старались унизить и умалить значеніе гайдъ-паркскаго митинга, говорили, что значеніе его вообще слишкомъ преувеличено либеральною прессою, что въ Гайдъ-Паркъ просто собралась толпа сорванцевъ и буяновъ, желавшихъ учинить беспорядокъ и подраться съ полиціей. Но вслѣдъ за гайдъ-паркскимъ митингомъ послѣдовали митинги въ Глазго, въ Бирмингамъ, въ Бристолѣ, въ Манчестерѣ, причемъ каждый разъ собиралось болѣе 50 тыс. человекъ. Тутъ ужъ нельзя было говорить, что собирались толпы буяновъ и сорванцевъ, съ цѣлью подраться съ полиціей. Полиція не вмѣшивалась, митинги шли чинно и въ порядкѣ, резолюціи единодушно принимались въ пользу реформы. Явленіе было слишкомъ грозно, и консервативныя газеты замолкли, а Дизраэли въ интимномъ разговорѣ съ Дерби выразилъ твердое рѣшеніе внести немедленно билль о реформѣ, сдѣлавшейся необходимою. Объ этомъ рѣшеніи было объявлено по возобновленіи засѣданій парламента.

Положеніе Дизраэли было чрезвычайно затруднительно. Противорѣчіе между двумя министерскими заявленіями было слишкомъ очевидно. Что могло теперь предпринять министерство? Какимъ образомъ заставить консервативную партію принять новую мѣру

послѣ объявленія ее ненужною? Наконецъ, можетъ ли министерство предложить такую реформу, которою удовлетворился бы Гладстонъ и его сторонники либералы? Всякій истый консерваторъ на мѣстѣ Дизраэли не нашелъ бы другого выхода изъ подобнаго положенія, какъ подать въ отставку. Но подать въ отставку значило бы лишить консервативную партію правительственной власти въ пользу либераловъ, а этого допускать не слѣдовало. И вотъ тутъ то во всемъ своемъ блескѣ сказалась двойственность природы знаменитаго Диззи, какъ звали Дизраэли, тогда еще не лорда Биконсфильда, лондонскіе сатирическіе листки. Въ прекрасной парламентской рѣчи Дизраэли объявилъ, что вопросъ о реформѣ не есть такой вопросъ, который можетъ быть дѣломъ той или другой партіи — нѣтъ! это вопросъ всего парламента въ его цѣломъ, всѣхъ его членовъ. Поэтому министерство считаетъ возможнымъ провести эту реформу въ согласіи со всѣми партіями. Министерство не связываетъ этого вопроса съ существованіемъ кабинета и, оставаясь вѣрнымъ своимъ принципамъ, предлагаетъ, чтобы самъ парламентъ поставилъ свои резолюціи о реформѣ, въ которыхъ указаны были бы главныя основанія реформы, а потомъ уже министерство, согласуясь съ парламентскими резолюціями, внесетъ билль, согласный съ этими основаніями. Парламентъ одобрилъ предложеніе Дизраэли и принялся выработать резолюціи. Но еще резолюціи далеко не были выработаны, какъ уже комбинація Дизраэли, только и рассчитанная на предотвращеніе министерскаго кризиса, оказалась несостоятельною. Оказалось, что желанія парламента идутъ гораздо дальше желаній нѣкоторыхъ членовъ кабинета, и вотъ часть его, министръ Кранборнъ, вполсѣдствіи маркизъ Салисбюри, генер. Пиль и Канарвонъ — объявили, что подаютъ въ отставку (23 февр. 1867 г.). Дизраэли напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы уговорить ихъ остаться, онъ представлялъ имъ, что реформа далеко не будетъ такою либеральною, какъ они полагаютъ; но министры упорствовали и стояли на своемъ. Оставалось уже всего 10 минутъ до конца министерскаго за сѣданія, какъ вдругъ Дизраэли встаетъ изъ за министерскаго стола и удаляется въ другую комнату. Тутъ онъ въ 10 минутъ набросалъ новый проэктъ билля, такъ и прозваннаго десятиминутнымъ биллемъ. Это былъ въ высшей степени скороспѣлый законопроэктъ, существенныя положенія котораго заключались въ слѣдующемъ: цензъ въ городахъ 6 ф. ст. наемной платы, въ графствѣхъ 20 ф.; кромѣ того, предоставлялось право двойного голоса для плательщиковъ прямого налога, для вкладчиковъ въ сберега-

тельные кассы и для владѣльцевъ процентныхъ бумагъ. Министры согласились остаться.

Легко было предвидѣть неудачу этого билля. Всѣмъ была извѣстна цѣль и обстоятельства, его вызвавшія, а потому парламентъ встрѣтилъ его въ засѣданіи 25 февраля совершенно равнодушно. Такимъ образомъ, эта мѣра не удалась Дизраэли, и притомъ неудача была двойная, потому что 1 марта упомянутые министры все же вышли въ отставку. Но консервативная партія не распалась. Ободренный этимъ обстоятельствомъ, Дизраэли сдѣлалъ въ парламентѣ объясненія на счетъ того, что предложенный билль созданъ былъ лишь съ цѣлью предупрежденія министерскаго кризиса; разъ министры вышли въ отставку, то онъ становится лишнимъ и правительство беретъ его обратно съ цѣлью замѣнить другимъ.

Черезъ нѣсколько времени обѣщаніе это дѣйствительно было исполнено. Дизраэли предложилъ парламенту новый законопроектъ. Этотъ билль до крайности изумилъ какъ либераловъ, такъ и консерваторовъ новизною своихъ основаній, являвшихся просто радикальными. Имущественный цензъ отмѣнялся вовсе и вмѣсто него избирательныя права доставлялись наймощъ квартиры съ собственнымъ хозяйствомъ, съ собственною кухнею и соединеннымъ съ этимъ платежемъ квартирнаго налога. Такой законъ превосходилъ самыя сангвиническія мечтанія либеральной партіи, а консерваторамъ казалось, что Дизраэли измѣнилъ ихъ партіи и перешелъ въ радикальный лагерь. Но радикализмъ билля былъ только видимый. Дизраэли обставилъ свой законопроектъ столькими оговорками и ограниченіями, что онъ явился какъ бы сильною крѣпостью, доступъ къ которой чрезвычайно затруднялся множествомъ брустверовъ и траншей. Дизраэли требовалъ: 1) чтобы квартиранты получали избирательное право только послѣ двухлѣтняго пребыванія на квартирѣ; 2) чтобы квартирный налогъ вносился бы нанимателемъ квартиры лично, и 3) чтобы владѣльцы вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ, владѣльцы государственныхъ процентныхъ бумагъ и т. п. имущіе люди имѣли бы право двойного голоса, дабы, такимъ образомъ, имущіе классы населенія имѣли перевѣсъ надъ пролетаріями. Въ виду этихъ ограниченій изумленные сначала радикализмомъ билля консерваторы рѣшились теперь поддержать его. Съ другой стороны, либералы продолжали оставаться подъ вліяніемъ пріятнаго впечатлѣнія отъ первой части билля; ограниченія же они рассчитывали удалить во время его обсужде-

нія. Притомъ же всѣмъ партіямъ вопросъ о реформѣ достаточно уже надоѣлъ и замѣтно было общее желаніе такъ или иначе покончить съ нимъ. Правда, Гладстонъ сразу разгадалъ, въ чемъ дѣло, и въ особомъ засѣданіи либеральной партіи предлагалъ провалить билль въ первомъ же чтеніи. Но на этотъ разъ Гладстона не хотѣли уже слушать. Между тѣмъ Дизраэли, узнавъ о результатахъ засѣданія либераловъ, сразу сообразилъ, что авторитетъ Гладстона поколебался и что можно рассчитывать на поддержку билля и со стороны части либераловъ. Это придало ему бодрости во время парламентскихъ преній, и въ первомъ чтеніи билль получилъ большинство. При второмъ чтеніи, въ засѣданіи 18 марта, противъ билля выступилъ Гладстонъ. Въ превосходной четырехчасовой рѣчи Гладстонъ подвергнулъ билль сильной и основательной критикѣ, просто уничтожилъ его. Съ цифрами въ рукахъ опровергалъ онъ всѣ ограниченія, созданныя Дизраэли, и доказалъ неопровержимо, что новый законопроектъ реформы упраздняетъ всяческое представительство рабочихъ, что обязательство личного внесения квартирнаго налога сразу устраняетъ 600.000 избирателей. Дѣло въ томъ, что по закону мелкія квартиры отдавались на условіи, что квартирный налогъ вносится домовладѣльцемъ и причисляется къ цѣнѣ квартиры и выплачивается квартирантами уже какъ составная часть послѣдней. Такіе наниматели квартиръ и получили названіе compound house holders — „составные квартиранты“. Понятно, что по биллю Дизраэли всѣ такіе квартиранты лишались избирательныхъ правъ, и Гладстонъ, на основаніи статистическихъ, вполне достовѣрныхъ данныхъ, доказалъ, что такія лица составляютъ 600.000 человекъ, $\frac{1}{8}$ нанимателей квартиръ съ платою 10 ф. ст. въ годъ и $\frac{2}{3}$ нанимателей, платящихъ ниже этой суммы. Далѣе Гладстонъ выяснилъ, что не одни только compound house holders лишаются избирательнаго права по биллю Дизраэли, но что перестаютъ быть избирателями и множество другихъ лицъ, не нанимающихъ квартиръ съ собственнымъ хозяйствомъ, а живущихъ въ меблированныхъ комнатахъ и именуемыхъ въ Англіи lodgers. Сюда относятся, обыкновенно, профессора, литераторы, художники, вообще люди свободныхъ профессій. Затѣмъ Гладстонъ разобралъ значеніе двухъ-годичнаго пребывания на квартирѣ и двойнаго вота, ограниченій направленныхъ противъ рабочихъ и дававшихъ огромное преимущество людямъ состоятельнымъ надъ неимущими.

Рѣчь Гладстона произвела глубокое и роковое для билля

впечатлѣніе на парламентъ. Краснорѣчію цифръ и неопровержимыхъ данныхъ противустоятъ было невозможно — билль былъ уничтоженъ, а для Дизраэли наступилъ второй кризисъ. Что дѣлать? какъ извернуться съ честью, не подавая въ отставку, не роняя своей партіи и не роняя себя въ ея глазахъ? Послѣ гладстоновской критики нельзя было заставить вотировать за билль не только либераловъ, но и часть консерваторовъ. Замѣчательная находчивость и тутъ спасла Дизраэли. Послѣ Гладстона сталъ говорить онъ въ отвѣтъ на рѣчь своего противника. Онъ не пытался опровергать цифръ и аргументовъ Гладстона — это была невозможная задача. Онъ произнесъ рѣчь, полную сильныхъ сарказмовъ и ѣдкой ироніи и уснащенную рѣзкими выраженіями по адресу Брайта и Гладстона. Консерваторы рукоплескали; они были довольны, что Брайта и Гладстона, что называется, отдѣлали; что послѣднимъ досталось таки отъ вожака консервативной партіи. Задобривъ такимъ способомъ консерваторовъ, Дизраэли объявилъ въ заключеніе, что онъ не настаиваетъ на неизмѣнности билля и готовъ на уступки. Но онъ прибавилъ, однако, что на вопросѣ о личномъ внесеніи квартирнаго налога онъ настаиваетъ и въ этомъ пунктѣ не уступитъ. Гладстонъ снова собралъ либераловъ въ отдѣльное частное засѣданіе и убѣждалъ ихъ отвергнуть билль, если упомянутое ограниченіе не будетъ устранено. Либералы не возражали своему руководителю, но когда 11 апрѣля дѣло дошло до голосованія билля во второмъ чтеніи, то за Гладстона было подано 289 голосовъ и противъ — 300. Дизраэли торжествовалъ; теперь, послѣ побѣды, самыя уступки дѣлать было легче, если бы это оказалось неизбѣжнымъ. Но еще не былъ точно извѣстенъ размѣръ этихъ уступокъ, какъ наступили пасхальныя вакаціи; парламентъ пріостановилъ свои занятія и члены его разъѣхались, такъ что судьба новаго закона оставалась нерѣшенной.

Произошло два событія, существенно повліявшія на дальнѣйшій ходъ билля. Первое, это письмо, напечатанное Гладстономъ, въ которомъ онъ заявлялъ рѣшеніе отказаться отъ руководства либеральною партіею, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ дисциплины въ средѣ либераловъ, въ рѣшительный моментъ покидающихъ своего вожака и отказывающихся отъ своихъ принциповъ, принимая никуда негодный законъ. Письмо Гладстона произвело на всю страну глубокое впечатлѣніе, а также и на его партію. Дальнѣйшее шатаніе въ ея средѣ было предупреждено. Въ странѣ началась серьезная агитація противъ ограничительныхъ

статей билля Дизраэли. Лига реформы рѣшилась всеми мѣрами поддержать Гладстона. На 6 мая назначенъ былъ въ Гайдъ-Паркъ колоссальный митингъ. Министерство рѣшительно объявило, что не допустить митинга и во что бы то ни стало воспрепятствуетъ ему. На этотъ разъ для охраны Гайдъ-Парка командированы были уже не полицейскіе въ недостаточномъ числѣ, а линейныя войска. Изъ Альдершота было вызвано нѣсколько полковъ пѣхоты и кавалеріи; изъ Вульвича было приведено нѣсколько баттарей. Но устроители митинга не отѣнили его. Казалось, что кровопролитіе неизбежно. Вдругъ, наканунѣ 6 мая, министръ внутреннихъ дѣлъ, Вальполь, обнарудовалъ разрѣшеніе митинга и распорядился, чтобы войска и артиллерія были удалены.

Почему министерство взяло назадъ свое запрещеніе? Какія причины такъ внезапно измѣнили образъ мыслей правительства? Почему оно, приготовивъ все для борьбы, вдругъ отступило передъ нею? Отвѣтить на эти вопросы трудно, за неимѣніемъ данныхъ. Существуютъ лишь догадки. Правительство убѣдилось, что для запрещенія нѣтъ твердыхъ легальныхъ основаній. Увидѣвъ же, что митингъ не отѣняется и что вожаки „лиги“ готовы даже на борьбу, правительство не нашло благоразумнымъ и возможнымъ брать на себя отвѣтственность за пролитіе крови. Но если, съ одной стороны, мы видимъ, что правительство уступило вслѣдствіе скрупулезнаго отношенія къ праву, то нельзя же не подивиться стойкости его противниковъ, защищавшихъ до послѣдней крайности свое право. При этомъ невольно вспоминается поведеніе вожаковъ реформистской агитации во Франціи въ подобномъ же случаѣ. Когда въ 1848 году назначенъ былъ въ Елисейскихъ поляхъ извѣстный реформистскій банкетъ, то тогдашнее французское министерство, съ Гизо во главѣ, тоже запретило его. Устроители банкета торжественно объявили это распоряженіе незаконнымъ и свое рѣшеніе не повиноваться ему. Но когда увидѣли, что министерство не отѣняетъ своего запрещенія, то наканунѣ объявленнаго дня они отѣнили банкетъ. Они не рѣшились отстаивать свое право, хотя, какъ извѣстно, ихъ отступленіе не устранило столкновенія, ниспровергшаго не только Гизо, но и короля Луи-Филиппа. Здѣсь же, въ Англии, дѣло происходитъ какъ-разъ наоборотъ. Ни полки пѣхоты и кавалеріи, ни даже пушки не колеблютъ стойкости людей, отстаивающихъ свое право. Съ такими чертами характера не разъ являются англичане на стезѣ исторіи. Это ихъ сила.

Какъ сказано, митингъ состоялся. Въ Гайдъ-Паркъ явилось

50—70 тысячъ человекъ и единодушно постановлены были резолющи въ пользу требованій Гладстона. Теперь Дизраэли приходилось уступить уже не либераламъ, а требованіямъ общественнаго мнѣнія. Это было неизбѣжно. Съ 7 мая, со дня открытія засѣданій парламента, траншеи и верки, окружавшіе избирательное право, сдаются одна за другой и защищаются лишь для видимости. Предложеніе объ отмѣнѣ закона о „составныхъ квартирантахъ“ внесъ въ парламентъ на этотъ разъ не Брайтъ или Гладстонъ, а одинъ изъ второстепенныхъ членовъ палаты, и Дизраэли, не прекословя, уступилъ. Принято было также предложеніе Гладстона о lodgers'ахъ и о замѣнѣ двухгодичнаго пребыванія на одной и той же квартирѣ годичнымъ. Предложеніе Милля о допущеніи женщинъ въ парламентъ нашло только 40 сторонниковъ. Въ такомъ видѣ билль прошелъ въ палатѣ общинъ. По новому закону, число мѣстъ въ парламентѣ увеличивалось на 38, причемъ оставшіяся еще послѣ первой реформы „гнилыя мѣстечки“ лишены были представителей, а число послѣднихъ въ большихъ городахъ увеличено.

Но оставалась еще палата лордовъ. Ожидали, что лорды, по примѣру 1832 года, и на этотъ разъ окажутъ упорное сопротивленіе, которое, пожалуй, могло бы погубить билль. Но оказалось, что лорды поддались вліянію времени. Тѣмъ не менѣе, биллю грозила опасность. Въ самый критическій моментъ, Дерби, руководившій преніями лордовъ, вдругъ заболѣлъ припадкомъ ревматизма и слегъ въ постель. Почувствовавъ отсутствіе узды, тори вдругъ стали возражать и упорствовать и вносить поправки за поправками. Узнавъ объ этомъ, Дерби, больной, велѣлъ нести себя въ парламентъ, принялся снова руководить преніями и убѣдилъ лордовъ не дѣлать биллю затрудненій. Оригиналенъ одинъ аргументъ, который, между прочимъ, употребилъ Дерби для убѣжденія лордовъ. Онъ напоминалъ имъ, что уже наступило 1 августа, обычный срокъ прекращенія занятій парламента, начинается сезонъ охоты, скачекъ и путешествій, и выразилъ надежду, что не станутъ же лорды затягивать пренія и нарушать обычай, свои привычки; поэтому необходимо скорѣе принять законъ, чтобъ уже разъ навсегда покончить и раздѣлаться съ вопросомъ. Доводъ этотъ, не смотря на свою легковѣсность, повліялъ на палату пэровъ и, послѣ ничтожныхъ поправокъ, билль былъ принятъ, а вслѣдъ затѣмъ палата общинъ приняла поправки лордовъ.

Закономъ 1867 г. избирательное право распространено было на всѣхъ съемщиковъ домовъ и владѣльцевъ ихъ, обязанныхъ

платить налогъ въ пользу бѣдныхъ, и на квартирантовъ, нанимающихъ квартиры безъ мебели не дешевле 10 ф. въ годъ. Въ графствахъ цензъ копигольдеровъ и наслѣдственныхъ арендаторовъ пониженъ съ 10 ф. на 5, а срочныхъ арендаторовъ съ 50 ф. на 12 ф. ст. Въ 1872 г. введена тайная подача голосовъ, а въ 1884 г. Гладстонъ провелъ законъ, распространившій права городскихъ квартиронанимателей и на соответствующихъ лицъ, живущихъ въ графствахъ.

Такимъ образомъ совершилась реформа 1867 года. Сравнивая ее съ реформою 1832 года, мы видимъ, что пути и средства, при помощи которыхъ осуществились обѣ реформы, аналогичны. Какъ та, такъ и другая представляютъ собою результатъ двухъ фазисовъ эволюціоннаго развитія англійскаго общества. Мы видѣли, что реформа 1832 года вызвана была постепенною эволюціею экономическихъ условий. Успѣхи промышленности, явившіеся вслѣдствіе введенія машинъ въ фабричное дѣло, кореннымъ образомъ измѣнили условія политической и общественной жизни. Явился новый общественный классъ, какъ бы новое сословіе, классъ капиталистовъ, потребовавшій для себя представительства и добившійся его путемъ реформы 1832 года. Но общественная эволюція на этомъ не остановилась. вмѣстѣ съ классомъ капиталистовъ образовался и развился его антиподъ, классъ рабочихъ, и оттого, вмѣстѣ съ усиленіемъ буржуазіи, усиливалась, съ другой стороны, и радикальная, рабочая партія. Сознаніе солидарности интересовъ мало-по-малу проникаетъ въ умы рабочихъ, они начинаютъ организоваться, составлять рабочіе союзы, такъ называемые *trades unions* и, такимъ образомъ, создается новая сила, измѣняющая общественныя отношенія и имѣющая свои особые, сознанные интересы, а это неизбѣжно должно было отразиться на политической жизни. Въ результатъ является реформа 1867 года, давшая мѣсто въ государственной дѣятельности рабочему классу, хотя и не вполне. Интересное различіе въ исторіи обѣихъ реформъ: это различіе въ періодахъ времени, которые необходимы были для осуществленія той и другой. Сознаніе въ необходимости реформы 1832 года обнаружилось еще въ 1776 году, но осуществилась она лишь въ 1832 г., т. е. черезъ 70 лѣтъ; реформа же 1867 года отдѣлена отъ реформы 1832 г. только 35-ю годами. Положимъ, различіе эта нѣсколько уменьшается, потому что необходимо скостить вліяніе французской революціи, испугавшей аристократію и, такимъ образомъ, затормозившей дѣло реформы 1832 года; во вто-

ромъ случаѣ подобное тормозящее условіе отсутствовало. Но все таки на вліяніе революціи слѣдуетъ отвести ну, 10—15 лѣтъ, во всякомъ случаѣ не всѣ 35. И такъ, приходится констатировать фактъ ускоренія политической жизни. Главною причиною такого ускоренія необходимо слѣдуетъ признать усиленіе умственного развитія и большую интенсивность общественной жизни. Широкое развитіе гласности чрезвычайно способствовало поднятію умственного уровня во всей странѣ. Простолюдины стали читать газеты, брошюры, стали слушать политическія рѣчи, стали интересоваться политикою, стали думать и разсуждать, относиться сознательнѣе къ условіямъ общественной жизни. Съ другой стороны, паровыя машины, желѣзныя дороги, телеграфы ускорили значительно всякую дѣятельность, всякія сношенія и, такъ сказать, участили пульсъ общественной жизни. Ускоряя сношенія, паровые двигатели центрировали населеніе, а гдѣ много людей, гдѣ существуетъ возможность быстрого обмѣна мыслей, тамъ умственное развитіе всегда быстро прогрессируетъ, общественное сознаніе дѣлаетъ быстрые успѣхи и ассоціація интересовъ происходитъ скорѣе.

Наблюдая процессъ созданія реформы 1867 года, нельзя не замѣтить, какъ законосообразно и послѣдовательно идетъ онъ. Вслѣдствіе высокаго избирательнаго ценза, избирателями могли быть только люди состоятельные, люди капитала. Посылая въ парламентъ своихъ представителей, фабриканты, естественно, требовали отъ нихъ защиты и покровительства ихъ интересамъ преимущественно. Но вотъ создавшіеся интересы рабочаго класса вызываютъ потребность въ представительствѣ для этого класса. Потребность сознается, сознаніе распространяется все шире и шире, охватываетъ, наконецъ, большинство общества, и тогда общественная идея, идея реформы, усвоенная общественнымъ мнѣніемъ, претворяется въ законъ.

И такъ бываетъ почти со всѣми законами въ Англии. Нельзя не удивляться этой правильности и послѣдовательности, но не надо забывать, что въ этомъ прочность и сила поступательнаго движенія, которыми гордятся справедливо англичане. Законъ, прошедшій чрезъ горнило общественнаго мнѣнія, не можетъ встрѣтить серьезныхъ противниковъ. Въ этомъ существенное отличіе англійской политической жизни отъ жизни другихъ государствъ. Тамъ законы или идутъ сверху, являясь иногда плодомъ кабинетной работы, не считающейся съ общественнымъ сознаніемъ, или создаются какъ то вдругъ, въ пылу увлеченія и, не находя почвы

и поддержки въ дѣйствительныхъ, назрѣвшихъ интересахъ и въ общественномъ мнѣніи, пропадаютъ, погибаютъ, забываются, не исполняются или, просто, мертвыми на свѣтъ рождаются.

Въ дополненіе къ тому, что говорено въ прошлый разъ, взглянемъ еще разъ на роль, сыгранную въ дѣлѣ реформы 1867 года Гладстономъ и Дизраэли. Внося въ парламентъ свой билль, Дизраэли, прекрасно сознавая его необходимость, а также и то, что реформа должна отличаться либеральнымъ характеромъ, дѣйствовалъ не во имя этой необходимости или надобности, а во имя интересовъ своей партіи. Онъ понималъ, какая выгода можетъ произойти для нея, если реформа будетъ произведена ею. Еще въ 1859 г. онъ предложилъ реформу парламента, какъ средство вырвать оружіе изъ рукъ либераловъ. Если бы онъ дѣйствовалъ во имя убѣжденія въ необходимости реформы, или во имя желанія удовлетворить назрѣвшей общественной потребности, то противился ли бы онъ такъ страстно проэку Гладстона въ 1866 г.? Отрицалъ ли бы онъ такъ рѣшительно надобность въ реформѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до предложенія ея имъ же самимъ? Онъ предложилъ ее тогда, когда увидѣлъ ея неизбѣжность, вслѣдствіе возбужденія общественнаго мнѣнія; предложилъ ее потому, что не желалъ терять власти, доставшейся ему и его партіи послѣ долгаго ожиданія.

Чего же желалъ однако Дизраэли, обставляя свой законопроектъ разными траншеями и брустверами, которые потомъ самъ же оставилъ? Нѣтъ ли тутъ противорѣчія? Неужели убѣжденія Дизраэли вдругъ измѣнились во время преній въ парламентѣ? Или Дизраэли не понималъ значенія вносимыхъ оговорокъ? Нѣтъ, онъ выставилъ свои оговорки вполне сознательно. Въ интересахъ партіи необходимо было покончить съ вопросомъ о реформѣ; но заставить всю консервативную партію прыгнуть на мостъ къ радикальной реформѣ нельзя было; надо было сдѣлать это осторожно, незамѣтно, и вотъ для этой то цѣли и послужилъ билль съ радикальнымъ основаніемъ и консервативнѣйшею обстановкою. Первое служило приманкою для либераловъ, второе—для успокоенія консерваторовъ. Но Дизраэли не предрѣшалъ заранѣе судьбы этой обстановки, онъ готовъ былъ сохранить изъ нея все, что окажется возможнымъ и отступалъ только шагъ за шагомъ, отстаивая каждую свою оговорку. Но каковы же были убѣжденія самаго Дизраэли? Дѣйствовалъ ли онъ во имя ихъ или противъ нихъ? Ни за, ни противъ. Дизраэли не былъ консерваторомъ, нѣтъ, въ своей

молодости онъ былъ радикаломъ и присталъ къ консервативной партіи, какъ мы видѣли, по расчету. Ставя радикальный принципъ реформы, онъ не противорѣчилъ, поэтому, своимъ воззрѣніямъ, какъ бывшаго радикала; ставя консервативныя оговорки, онъ дѣйствовалъ въ качествѣ консерватора. Не трудно рѣшить, можетъ ли быть рѣчь объ убѣжденіи тамъ, гдѣ мы видимъ дѣйствія, исходящія изъ противоположныхъ принциповъ, гдѣ чело-вѣкъ уподобляется Янусу двуликому. Но эта то двойственность натуры Дизраэли, отсутствіе въ немъ убѣжденій облегчало ему торгъ объ уступкахъ и о всей реформѣ; въ его положеніи ее могъ провести только чело-вѣкъ, свободный отъ всякихъ убѣжденій и традицій. Истинный консерваторъ дѣйствовалъ бы совершенно иначе: онъ не могъ бы допустить радикальнаго основанія билля и вышелъ бы въ отставку, какъ только увидѣлъ бы невозможность сохранить консервативный характеръ его.

Поведеніе Гладстона было сообразно съ достоинствомъ серьезнаго государственнаго чело-вѣка. Онъ дѣйствуетъ, какъ чело-вѣкъ глубоко убѣжденный и чрезвычайно высоко ставящій вѣрность своимъ убѣжденіямъ. Онъ настойчиво и мужественно борется за реформу, которую признаетъ необходимою и благодѣтельною. После паденія его билля въ 1866 году, Гладстонъ вышелъ въ отставку, но при этомъ произнесъ пророчество, которое потомъ блистательно оправдалось. Противники его внесли тотъ же билль о реформѣ, и Гладстонъ не увлекается, не поддается ложному самолюбію, но, выше всего ставя благо родной страны, не препятствуетъ и поддерживаетъ билль своихъ политическихъ враговъ, поскольку онъ того заслуживалъ. Многіе упрекали Гладстона за то, что онъ возставалъ противъ билля Дизраэли въ первомъ чтеніи и, такимъ образомъ, бралъ на себя отвѣтственность за неудачу реформы. Да, это вѣрно, но какой реформы? Которая никуда не годилась, потому что устраняла цѣлыхъ 600,000 избирателей. Спротивленіе подобной реформѣ въ упрекъ поставлено быть не можетъ, ибо трудно было предвидѣть конечный результатъ преній. Во всемъ остальномъ онъ постоянно держитъ себя съ замѣчательнымъ тактомъ и всегда поступаетъ послѣдовательно, зрѣло обдумавъ свое поведеніе.

Въ заключеніе остановимся на одномъ чрезвычайно важномъ моментѣ обѣихъ разсмотрѣнныхъ нами реформъ. Онѣ осуществились совершенно своевременно. Это общій характеръ англійскихъ реформъ; онѣ совершаются туго, но не запаздываютъ и осущест-

вляются какъ разъ во время, а это въ высшей степени важное условіе. Чрезвычайно важно, чтобъ реформа совершалась ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно, потому что въ первомъ случаѣ она не будетъ соотвѣтствовать степени общественнаго сознанія, общество не будетъ ея понимать и она останется мертвою буквою; а во второмъ случаѣ она не поправитъ зла. Мы видѣли, съ какимъ трудомъ вырваны были реформы 1832 и 1867 годовъ, какъ туго поддавался парламентъ самой идеѣ этихъ реформъ, тѣмъ не менѣе обѣ онѣ осуществились во время и, принеся свою долю пользы, создали новыя условія, при которыхъ продолжали правильно развиваться далѣе.

Вообще вопросъ о современности поступательнаго движенія имѣетъ важное философско-историческое значеніе. Нарушеніе требованій современности, запоздалое устраненіе устарѣвшихъ формъ жизни не спасало общество и государство отъ гибели. Въ исторіи мы можемъ найти нѣсколько примѣровъ запаздыванія реформъ и происходящихъ отъ того гибельныхъ послѣдствій — я выберу для иллюстраціи моей мысли только два такихъ примѣра — одинъ изъ міра древняго, а другой изъ новаго.

Древній міръ, древняя римская исторія погибла отъ рабства, которое не сумѣли во время упразднить, вслѣдствіе подавляющаго преобладанія міровоззрѣнія, гармонизировавшаго съ этимъ институтомъ. Неуничтоженное во время рабство развѣло окончательно древнее общество, а за нимъ и государство, и имперія быстро стала клониться къ гибели. Во время императоровъ, правда, рабство исчезаетъ и замѣщается колонатомъ, но уже было поздно, оно уже сдѣлало свое дѣло: общество разложилось, а частью просто вымерло. Государство было распатано, развѣдено и не могло уже выдержать напора варваровъ. Жители нѣкоторыхъ областей сами призывали варваровъ, какъ избавителей: такъ тяжела смертная агонія! Сама смерть казалась легче гнетущихъ страданій.

Другой примѣръ представляетъ намъ исторія Польши. Это могущественное нѣкогда государство страдало отъ преобладанія аристократіи и господства клерикализма. Устранить эти неблагопріятныя условія было время въ XVII вѣкѣ. Но потребное переустройство сдѣлано не было, зло усиливалось, Польша слабѣла и, наконецъ, пришла въ такое состояніе, что послужила легкою добычею сильнымъ сосѣдямъ, не замедлившимъ воспользоваться ея слабостью. Въ концѣ XVIII столѣтія просвѣщенные патріоты страны спохватились, съ лихорадочнымъ жаромъ бросились реформировать свое

государство, но было уже поздно и реформы не удержали Польшу отъ гибели.

Я могъ бы представить еще нѣсколько фактовъ, но думаю, что и этихъ довольно для выясненія высказанной мысли. По этому приведу я, въ заключеніе, слова нашего знаменитаго историка Н. И. Костомарова, высказанныя имъ въ его соч. „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“: „Исторія не ждетъ опоздавшихъ“.

Очеркъ дѣятельности Тюрго.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Вторая половина XVIII-го столѣтія ознаменовалась появленіемъ цѣлаго ряда государственныхъ людей-реформаторовъ, между которыми встрѣчаются и коронованныя лица. Сознвая неудовлетворительное положеніе общественнаго строя, они задавались цѣлью бороться ради общественнаго блага съ недугами того времени. Люди эти, одновременно появившіеся въ различныхъ странахъ Европы (Иосифъ II въ Австріи, Фридрихъ II въ Пруссіи, Струэнзе въ Даніи, Пабло Аранда въ Испаніи и Помбаль въ Португаліи), являются лучшими людьми своего вѣка, и дѣятельность ихъ не руководится преслѣдованіемъ личныхъ интересовъ; но, не смотря на это, они возбуждали къ себѣ мало симпатій среди тѣхъ, на пользу которыхъ они трудились, и даже, напротивъ, дѣятельность ихъ была иногда причиной недовольства ими. Что же было причиной этого явленія? Главнымъ образомъ то обстоятельство, что они желали осчастливить общество, не справляясь съ его понятіями о счастіи. Они дѣйствовали совершенно независимо, игнорируя общественное мнѣніе, руководствуясь лишь своими личными убѣжденіями. Однимъ словомъ, это были деспоты, хотя и просвѣщенные. Ихъ реформы, хотя и прогрессивныя, навязываются насильно. Единственными руководителями ихъ являются философы-раціоналисты, съ выводами которыхъ они согласуютъ всѣ свои дѣйствія. Авторитаризмъ и рѣшительность, съ которыми они стремятся къ разъ задуманной цѣли, приводятъ ихъ къ открытой борьбѣ съ освященнымъ и временемъ и обычаемъ учрежденіями, какъ, напр., церковь или, вѣрнѣе, ея представители, духовенство и монашество. Изъ ряда этихъ политическихъ дѣятелей выдѣ-

ляется Тюрго, французскій министръ финансовъ, который какъ по широтѣ своихъ воззрѣній, такъ и по умѣнію проводить ихъ въ государственную жизнь, и по строгой послѣдовательности своей программы долженъ быть поставленъ выше Помбала, Фридриха II и другихъ.

Аннъ-Робертъ-Жакъ Тюрго былъ сынъ Мишеля Тюрго. Отецъ его былъ человѣкъ недюжинный по своему уму, отличался мужествомъ и въ должности городского головы Парижа выказалъ большія способности въ управленіи финансами. Если признавать наслѣдственныя способности, то Тюрго наслѣдовалъ отъ отца неподкупную честность и непоколебимое мужество. Воспитывался онъ сначала дома, затѣмъ въ школѣ и, наконецъ, поступилъ въ Сорбонну, гдѣ слушалъ лекціи богословія и философіи, готовясь выступить на поприщѣ священника, согласно волѣ своего отца. Будучи еще 20 лѣтъ отъ роду, онъ заявилъ себя, какъ искусный ораторъ и глубокой мыслитель. Въ пылкой рѣчи защищалъ онъ значеніе христіанской религіи для цивилизаціи, находя его въ томъ, что она, выставивъ принципъ человѣчности, имѣла вліяніе на чувство своихъ послѣдователей, и это то преобразование чувства и стало главнымъ условіемъ общественнаго прогресса.

Другая рѣчь его озаглавлена: „О прогрессѣ человѣческаго духа“. Въ этомъ разсужденіи Тюрго противорѣчитъ теоріи Вико объ историческомъ развитіи человѣчества и становится на сторону проповѣдниковъ вѣчнаго прогресса. Въ этой рѣчи онъ, между прочимъ, касается вопроса объ отношеніи колоній къ метрополіямъ и роли ихъ въ развитіи цивилизаціи и высказываетъ увѣренность, что американскія колоніи неизбежно скоро отдѣлятся отъ Англіи. Вообще, изъ рѣчей юнаго Тюрго можно заключить о новыхъ взглядахъ и интересахъ, развившихся въ немъ при изученіи философіи; результатомъ этого и было его рѣшеніе измѣнить прежде принятому намѣренію посвятить себя духовной дѣятельности, и избрать карьеру свѣтскаго характера; его честность исключала возможность лицемерія: приходилось оставаться вѣрнымъ слугою католицизма и послѣдователемъ школы рационалистовъ. Онъ написалъ отцу о своемъ рѣшеніи, на что и получилъ согласіе со стороны послѣдняго. Друзья его, изъ которыхъ многіе занимали впослѣдствіи высшія мѣста въ церковной и государственной іерархіи (де-Бриеннъ), иначе взглянули на дѣло. Они соблазняли его перспективою быстрого повышенія и приобрѣтенія связанной съ нимъ возможности приносить пользу обществу въ ши-

рокихъ размѣрахъ. На всѣ ихъ увѣщанія Тюрго отвѣчалъ, что онъ не можетъ заставить себя носить маску въ теченіи всей жизни. Это рѣшеніе и нѣкоторыя другіе поступки характеризуютъ его, какъ человѣка искренняго и настойчиваго, не смотря на застѣнчивость, перешедшую въ зрѣломъ возрастѣ въ нѣкоторую нелюбимость. Многіе принимали послѣднюю за гордость и презрительное отношеніе къ людямъ.

Окончивъ образованіе въ Сорбоннѣ, Тюрго поступилъ чиновникомъ въ парижскій парламентъ на должность рекетмейстера (maitre de requêtes). Какъ на примѣръ его честности, указываютъ на слѣдующій случай, относящійся къ этому періоду: одинъ мелкій чиновникъ, служившій по откупу, обвинялся въ злоупотребленіи по службѣ, и дѣло его было передано Тюрго. Явленіе это было столь заурядное, что послѣдній, ни на минуту не сомнѣваясь въ виновности чиновника, замедлилъ разсмотрѣніемъ этого дѣла на нѣкоторое время. Однако, разсмотрѣніе дѣла показало правоту обвиняемаго. Тогда будущій министръ самъ отправился къ обвиняемому и, узнавъ, что онъ потерялъ должность, не ограничился признаніемъ своей вины, но изъ своихъ личныхъ средствъ вознаградилъ его за все потерянное.

Живя въ Парижѣ и интересуясь умственнымъ движеніемъ французской интеллигенціи, онъ сталъ посѣщать салонъ г-жи Жофренъ, у которой въ то время собирались многіе сильные умы Парижа. Здѣсь онъ познакомился съ Монтескье и двумя экономистами Кенэ и Гурнэ. Кенэ извѣстенъ, какъ основатель школы фізіократовъ, ученіе которыхъ вытѣснило меркантильный взглядъ на деньги, какъ на богатство страны. Ученіе Кенэ имѣло основной положеніе, что богатство страны исключительно зависитъ отъ земледѣлія; обрабатывающая же промышленность и торговля не прибавляютъ ничего къ этому богатству, видоизмѣняя лишь форму вещи или перемѣщая продукты. Однако, Тюрго, познакомившись съ теоріей фізіократовъ, не остался слѣпымъ послѣдователемъ этого ученія, а составилъ себѣ самостоятельный взглядъ на теорію матеріальнаго богатства страны. На практикѣ познакомясь, во время своихъ поѣздокъ, вмѣстѣ съ инспекторомъ промышленности Гурнэ, со сложной организаціей народнаго хозяйства, онъ пришелъ къ убѣжденію, что промышленный и торговый трудъ нельзя назвать бесполезнымъ и тѣмъ самымъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ развитіи политической экономіи, по пути къ тезису, что источникомъ богатства служитъ трудъ. Честь впервые вы-

сказать это положеніе принадлежитъ Адаму Смиту, а ученіе Тюрго является, такимъ образомъ, звеномъ, составляющимъ переходъ отъ фізіократовъ къ знаменитому шотландцу. Поѣздки Тюрго съ Гурнэ имѣли для перваго то значеніе, что во время ихъ онъ познакомился съ тѣми недостатками промышленной жизни, противъ которыхъ впоследствии пришлось ему бороться впродолженіе всей его дѣятельности. Вскорѣ ему представился случай приложить свои идеи и пріобрѣтенныя свѣдѣнія на практикѣ, такъ какъ въ 1761 году состоялось его назначеніе интендантомъ въ Лиможъ.

Въ административномъ отношеніи Франція дѣлилась на 35 интендантствъ, каждое подъ управленіемъ интенданта (гражданскаго губернатора), подчинявшагося непосредственно министерству. Нѣкоторыя изъ этихъ провинцій носили названіе *paus d'états*, большинство же — *paus d'élécion*; первыя отличались отъ послѣднихъ тѣмъ, что въ нихъ сохранились провинціальныя собранія, которымъ принадлежало право раскладки налоговъ, приходящихся на провинцію, и завѣдываніе путями сообщенія. Въ *paus d'élécion*, не смотря на ихъ названіе, административная власть интенданта была всеобъемлющею. Лиможъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Въ распоряженіи интенданта находились субделегаты, являвшіеся исполнителями его распоряженій въ округахъ (уѣздахъ) интендантства. Собственно говоря, власть интенданта была довольно велика, и отъ него зависѣло все совершавшееся въ провинціи. Полиція, финансы, пути сообщенія, сборъ рекрутъ и отчасти даже судъ входили въ кругъ его дѣятельности; но, съ другой стороны, онъ былъ слишкомъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ министерствомъ, у котораго онъ долженъ испрашивать разрѣшеніе даже самаго пустого вопроса, въ родѣ разрѣшенія починить крышу деревенской церкви и т. п. Въ финансовомъ отношеніи французская провинція была безправна передъ центромъ. Въ королевскомъ совѣтѣ опредѣлялся размѣръ контингента, приходившагося на долю каждаго интендантства изъ общей массы государственныхъ налоговъ. Главными изъ прямыхъ налоговъ были *taille*, *capitation* и *vingtièmes*; распредѣленіе ихъ между жителями провинціи принадлежало власти интенданта. Такъ какъ это распредѣленіе въ Лиможѣ было крайне неравномѣрно, то главною заботою Тюрго во время его интендантства, было добиться того, чтобы распредѣленіе *taille*, хоть сколько нибудь соотвѣтствовало доходности имуществъ податныхъ лицъ и не касалось бы скота, земледѣльческихъ орудій и другихъ необходимыхъ средствъ производства. Съ этой цѣлью

онъ предпринялъ кадастръ провинціи и, хотя не кончилъ его вполнѣ, но все же успѣлъ устранить самыя вопіющія несправедливости. Но существа дѣла онъ не могъ исправить: онъ не могъ переложить часть налоговъ на болѣе богатые, привилегированные классы, а также не могъ добиться отъ королевскаго совѣта уменьшенія контингента податей, приходившагося на долю Лиможа. Каждый годъ, въ продолженіи 13 лѣтъ, Тюрго ходатайствовалъ предъ министерствомъ объ уменьшеніи *taille* на 700,000 ливровъ, и каждый разъ его донесеніе оставалось безъ послѣдствій. Между тѣмъ недоимка въ 1771 году возросла до 900 тысячъ ливровъ. Кромѣ этой поголовной подати существовала еще натуральная повинность (*coignée*). Эта повинность, заключавшаяся въ томъ, что крестьяне обязаны были являться на нѣкоторыя работы, какъ напр., на ремонтъ и постройку путей сообщенія, и работу эту исполнять даромъ, была также несправедливостью тѣмъ болѣе, что она падала даже не на все податное сословіе, а только на часть его. Такъ, напр., исправлять дороги лежало на обязанности придорожныхъ жителей; всѣ же остальные не несли этой обязанности. Мало того, для исполненія натуральныхъ повинностей крестьянъ требовали въ самое дорогое для нихъ время года, а это тяжело отзывалось на ихъ хозяйствѣ. Благодаря Тюрго, повинность эта была замѣнена въ Лиможѣ денежнымъ взносомъ, разложеннымъ на всѣхъ податныхъ обывателей.

Наиболѣе энергіи и желанія служить своей странѣ проявилъ Тюрго во время страшнаго голода, случившагося во время управленія его Лиможемъ. Голодъ въ то время, при крайне плохомъ экономическомъ состояніи государства, былъ явленіемъ зауряднымъ и общество, а также государство при всѣхъ своихъ желаніяхъ помочь голодающимъ оказывались безсильными противъ этого бича. Голодъ, случившійся въ 70—71 годахъ въ Лиможѣ, былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ. Еще лѣтомъ не достало у крестьянъ хлѣба, и голодающій народъ сжалъ зеленый хлѣбъ для своего пропитанія. Хлѣбъ былъ съѣденъ, и еще до наступленія зимы голодъ достигъ своего апогея. Тюрго обратился за помощью къ правительству, которое ассигновало 1,240,000 ливровъ для раздачи голодающимъ. Этой суммы оказалось весьма недостаточно, и Тюрго передержалъ 90,000 ливровъ сверхъ ассигнованной суммы. Разумѣется, онъ не насытилъ этимъ голодающихъ, положеніе которыхъ съ каждымъ днемъ все ухудшалось. Тогда Тюрго пустилъ въ ходъ всѣ средства для помощи. Его трудами были учреждены *Ateliers de chari-*

tés, гдѣ голодающій народъ могъ находить себѣ работу. Онъ обратился къ обществу, возбуждая его къ благотворительности, причемъ самъ подалъ примѣръ ея, помогая народу своими средствами и сдѣлавъ заемъ въ 20,000 ливровъ. Словомъ, если нельзя сказать, что Тюрго удалось совершенно уничтожить зло, то во всякомъ случаѣ не одна сотня людей была обязана ему своимъ спасеніемъ. Такимъ образомъ мы видимъ въ Тюрго дѣятеля, который 13 лѣтъ своего управленія Лиможемъ былъ вѣрнымъ слугою тѣхъ, на пользу которыхъ онъ призванъ былъ трудиться, рѣзко отличаясь отъ своихъ товарищей по должности. Интенданты вообще пользовались дурною славою. Мирабо-отецъ называетъ ихъ хищными волками, пущенными въ овчарню. Вольтеръ въ письмѣ къ Тюрго по поводу его назначенія выражается такъ: „про интендантовъ говорятъ, что они созданы дѣлать только зло. Вы докажете, что они могутъ дѣлать и добро“.

Въ концѣ служенія Тюрго въ качествѣ интенданта замѣчается въ немъ горечь безплодныхъ усилій сдѣлать то добро, которое желательно, и онъ радостно привѣтствуетъ назначеніе свое въ министры, ибо это освобождало его отъ положенія бѣлки въ колесѣ. Назначеніе его въ министры послѣдовало въ 1774 г. по смерти Людовика XV, когда на престолъ взошелъ Людовикъ XVI. Вступленіе этого молодого короля на престолъ вызвало всеобщую радость, такъ какъ этимъ кончилось постыдное время господства королевскихъ любовницъ и публичныхъ женщинъ. Началу царствованія Людовика XVI предстояло рѣшить вопросъ объ измѣненіи стараго порядка, который становился не въ моготу французамъ. Никто не сомнѣвался въ неизбежности переворота, и самое осуществленіе его было лишь вопросомъ времени; равнымъ образомъ вопросомъ времени было рѣшеніе, какъ произойдетъ этотъ переворотъ: путемъ ли энергическаго дѣйствія верховной власти, или же онъ станетъ дѣломъ народнаго движенія. Абсолютизмъ королевской власти со времени Людовика XIV достигъ своего апогея. Всѣ законы королей заканчивались фразой „*car c'est notre bon plaisir*“. Вся жизнь государства, начиная международными отношеніями и кончая полиціей, находилась въ рукахъ короля. Личность гражданъ также находилась въ рукахъ короля, такъ какъ посредствомъ *lettre de cachet* безъ всякаго суда и слѣдствія каждый французъ могъ быть посаженъ въ тюрьму и содержимъ въ ней безсрочно. Но, взявши на себя роль полновластнаго опекуна, могъ ли король исполнить принятую на себя задачу? Разумѣется

нѣтъ. Не могъ же онъ ее выполнить потому, что жизнь короля была полна исполненіемъ цѣлаго ряда церемоній, которыхъ требовалъ этикетъ того времени. Государственная же жизнь, усложняясь, дѣлала управленіе непосильнымъ даже очень способному лицу, если бы даже въ его распоряженіи было не 24, а 48 часовъ въ сутки. Между тѣмъ Людовикъ XV не отличался выдающимися способностями, а тѣмъ менѣе трудолюбіемъ. Царствованіе его возбудило противъ него его подданныхъ; они смотрѣли на него, какъ на своего тирана, и авторитетъ его, какъ короля, былъ подорванъ. Если такой слухъ, какъ слухъ, что король принимаетъ ванну изъ дѣтской крови, находилъ вѣру въ народѣ, то это достаточно характеризуетъ то, какъ смотрѣли подданные на своего повелителя. Впрочемъ, самъ король вполнѣ равнодушно относился къ интересамъ своихъ подданныхъ и смотрѣлъ на свое положеніе исключительно съ точки зрѣнія человѣка, ищущаго удовольствій. Послѣднія были верхомъ безобразія и безстыдства. Онъ даже не брезгалъ участвовать въ эксплуатаціи народа, которая скрывалась за ширмою желанія помочь ему уравненіемъ цѣнъ на хлѣбъ. Составилось общество Мелиссэ, получившее въ народѣ названіе „общества голодовки“ (*pacte de famine*), которое занималось скупкою хлѣба съ цѣлью перепродавать его по неимоვნю-высокимъ цѣнамъ. Это общество, пользуясь министерскимъ veto на вывозъ хлѣба, скупало этотъ продуктъ по низкой цѣнѣ; затѣмъ, пользуясь разрѣшеніемъ министерскимъ, вывозило его на островъ Джерси и, наконецъ, при сильномъ поднятіи цѣнъ, снова ввозило во Францію, получая отъ этой операціи громадныя барыши. Въ этомъ обществѣ Людовикъ XV былъ пайщикомъ вмѣстѣ со своимъ министромъ финансовъ, аббатомъ Террэ, и не только личныя деньги короля, но и казенныя суммы шли на спекуляціи этой достойной компаніи. Такія дѣйствія уронили до послѣдней степени авторитетъ короля и уваженіе къ его сану. Это неуваженіе было столь велико, что, для избѣжанія скандала, похороны Людовика XV были сдѣланы ночью, и похоронная церемонія, походившая болѣе на карнаваль, чѣмъ на печальный обрядъ, слѣдовала обходнымъ путемъ изъ Версаля въ Сень-Дени. Радостно было для французовъ вступленіе на престолъ Людовика XVI (*Desiré*), но имъ горько пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Этому человѣку надлежало возстановить достоинство королевской власти и произвести коренную перемѣну въ общественномъ строѣ; но ни умъ его, ни образованіе не соответствовали важности задачи, на него возложенной. У него не бы-

ло никакой политической программы, которая освѣтила бы ему путь для совершенія реформъ, необходимость которыхъ онъ сознавалъ. Другая черта, дѣлавшая ему задачу непосильной, это была его умственная лѣнь и крайняя безхарактерность. Стоило лишь поставить малѣйшую преграду его рѣшенію, и это рѣшеніе разбивалось объ нее. Не разъ въ теченіе его царствованія случались моменты, когда эта черта характера рѣшала дѣло. Вспомнимъ первые шаги учредительнаго собранія въ 89 году. Людовикъ XVI несомнѣнно искренно желалъ блага всему народу; онъ былъ честнымъ человѣкомъ въ личной жизни; семейная жизнь его составляла противоположность жизни дѣда, при всемъ томъ онъ не зналъ, какъ помочь горю и не имѣлъ силы идти противъ теченія. Въ этомъ заключается трагизмъ его положенія.

Финансовое положеніе Франціи въ моментъ вступленія Людовика XVI на престоль было довольно затруднительно: дефицитъ равнялся 46 милл. Онъ былъ не случайнымъ явленіемъ, а начался еще въ 1726 году и, ежегодно увеличиваясь, достигъ до вышеупомянутой суммы. Государственный долгъ равнялся 110 милл. и, кромѣ того, забранные впередъ доходы опредѣлялись въ 161 милл. Затруднительность этого положенія была велика потому, что поправить его, не дѣлая коренныхъ реформъ, было невозможно, такъ какъ податное сословіе, низшій классъ народа, обнищалъ въ концѣ. Невозможность поправленія финансовъ, безъ кореннаго измѣненія соціальнаго строя, будетъ ясна изъ нижеслѣдующаго бѣглаго очерка положенія cadaго изъ сословій старой Франціи.

Населеніе Франціи было приблизительно 25 милл. На долю этого населенія приходилось круглымъ числомъ 140,000 дворянъ и 130,000 духовныхъ. Эта незначительная часть привилегированнаго сословія владѣла большею половиною всей французской территоріи. Владѣнія одного лишь духовенства оцѣнивались въ 4 миллиарда ливровъ и приносили доходу своимъ владѣльцамъ вмѣстѣ съ десятиною 250 мил. ливр., т. е. въ 10 разъ больше, чѣмъ стоитъ французамъ содержаніе духовенства въ настоящее время. Что же касается до дворянъ, то они получали меньше, такъ какъ, не живя въ своихъ помѣстьяхъ, они отдавали ихъ въ аренду. Въ общей сложности духовенство и дворянство, помимо своихъ земельных доходовъ, получали до 223 мил. ливр. только въ силу своихъ феодальныхъ правъ; кромѣ того, народъ уплачивалъ въ пользу феодаловъ 2¹/₂ мил. ливр. таможенныхъ пошлинъ, 276 милл. ливр. государственныхъ податей и отбывалъ натуральныхъ повинностей на 210 м. л.,

если къ этому прибавить расходы по взиманію податей въ 156 м. л., то оказывается, что народъ ежегодно выносилъ налогъ въ 876 мил. ливр., что на наши деньги составляетъ 1,700 милліоновъ франковъ, т. е. онъ давалъ все или почти все, что извлекалъ изъ своего труда. Но это еще не все: крестьянинъ былъ опутанъ сѣтью различныхъ феодальныхъ правъ его господъ. Эти привилегіи были крайне разнообразны, начиная отъ смѣшныхъ, не приносящихъ матеріальнаго убытка вассаламъ, до такихъ, которыя тяжело отзывались на карманъ послѣдняго. Крестьяне обязаны были, наприм., молоть свой хлѣбъ на мельницѣ феодала, печь хлѣбъ не иначе, какъ въ его пекарной печи, они обязаны были давить свой виноградъ непремѣнно его прессомъ. За все это платилась извѣстная пошлина. Вассалы не имѣли права собирать виноградъ раньше своего сюзерена и не имѣли права, въ теченіе 40 дней послѣ уборки винограда, продавать своего вина и обязаны были въ теченіе этого времени покупать вино только у него. Эти, и имъ подобныя, привилегіи носили названіе *banalités*. Тяжесть налоговъ и привилегій привели земледѣліе къ упадку, ибо землѣ не давалось ничего взамѣнъ взятаго отъ нея. Да и что могъ вложить нищій, которому за всѣ труды его оставалось, по словамъ Тюрго, едва лишь 25—30 ливровъ для удовлетворенія всѣхъ его жизненныхъ потребностей? Такая хищническая эксплуатація земли истощала производительныя силы почвы, такъ что доходъ французскихъ земель относился къ доходу англійскихъ, какъ 9 : 14; данная единица земли, приносившая въ Англіи 36 ф. стерлинговъ доходу, давала во Франціи лишь 25. Урожай самъ 5 считался самымъ большимъ. Обѣдѣвшій крестьянинъ походилъ скорѣе на дикаря, чѣмъ на обитателя цивилизованной страны.

Одежда его и жилище были ужасны. Пища его тоже отличалась скудостью. Возможное потребленіе хлѣба на душу равнялось тогда 125 литрамъ, тогда какъ въ 1860 г. дѣйствительное потребленіе каждаго жителя Франціи равнялось 220 л. пшеницы и 100 л. ржи. Мясо ѣли лишь 41 %; въ 1860 году $\frac{2}{3}$ населенія потребляли этотъ продуктъ. Изъ всего сказаннаго очевидно, что поправленіе финансовъ на счетъ прежнихъ податныхъ сословій было немислимо, такъ какъ больше взять съ нихъ было нечего. Сохраняя базисомъ финансовыхъ операцій обнищавшую часть населенія, можно было прійти только къ банкротству, но и самое банкротство не исправило бы дѣла, такъ какъ за нимъ увеличеніе доходовъ не послѣдовало бы. Такимъ образомъ сама необходимость

ставила задачу государственной политики: уничтожить податныя привилегіи высшихъ классовъ и сдѣлать ихъ богатство главнымъ источникомъ государственнаго дохода. Отмѣна же феодальныхъ привилегій и установленіе равенства предъ закономъ равнозначительно отмѣнѣ сущности прежняго общественнаго и государственнаго быта и замѣнѣ его новыми началами. Эта революція, какъ сказано выше, могла произойти двумя путями: или путемъ реформъ, предпринятыхъ королемъ, или же помимо его воли. Но во всякомъ случаѣ она была неизбежна. Лучшіе умы Франціи сознавали это положеніе и забросили въ общество сомнѣніе въ законности феодальнаго порядка. Вольтеръ говорилъ: до тѣхъ поръ, пока мнѣ не покажутъ дворянина, родившагося со шпорами на пяткахъ, и крестьянина съ сѣдломъ на спинѣ, я не повѣрю, въ право дворянъ ѣздить на крестьянахъ. Въ другомъ случаѣ онъ говоритъ, что все, совершающееся вокругъ него, показываетъ ему близость переворота, который долженъ непремѣнно наступить, хотя, быть можетъ, онъ и не доживетъ до него. Тюрго также ясно видѣлъ грозящія опасности и не разъ откровенно говорилъ о нихъ королю.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Въ прошлой лекціи о Тюрго былъ, между прочимъ, сдѣланъ очеркъ его дѣятельности въ качествѣ интенданта въ Лиможѣ, и указано нѣсколько фактовъ, характеризующихъ его міровоззрѣніе. Мы видѣли, что интендантская дѣятельность Тюрго нѣсколько разочаровала его, такъ какъ она доказала ему невозможность принести благо народу въ томъ размѣрѣ, въ которомъ ему хотѣлось. Затѣмъ былъ сдѣланъ бѣглый очеркъ финансоваго положенія Франціи, которое въ то время до такой степени было плохо, что грозило банкротствомъ государству; улучшеніе же этого положенія тѣсно было связано съ коренными реформами въ общественномъ строѣ, и поправленіе финансовъ, помимо этихъ реформъ, было немислимо. Чтобы убѣдить въ неизбежности послѣднихъ, были сопоставлены привилегіи и богатство дворянъ и духовныхъ, не доставляющихъ почти никакихъ матеріальныхъ средствъ государству, съ крайне бѣдственнымъ положеніемъ крестьянства, на которомъ лежала вся тяжесть налоговъ. Этимъ сопоставленіемъ имѣлось въ виду доказать, что оставлять долѣе базисомъ финансовыхъ опера-

цій обнищавшее податное сословіе было немислимо; неизбежно было перенести этотъ базисъ на болѣе богатые, привилегированные классы, т. е. произвести коренную реформу въ социальномъ строѣ французовъ.

Вотъ задача, рѣшить которую надлежало началу царствованія Людовика XVI. Отъ политики молодого короля зависѣло рѣшеніе вопроса, будетъ ли упомянутая реформа совершена по инициативѣ верховной власти, или же проведеніе ея произойдетъ помимо короля, путемъ общественнаго движенія. Ему же надлежало уничтожить то сомнѣніе въ способности королевской власти служить дѣлу прогресса, которое порождено было постыднымъ царствованіемъ его предшественника.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Людовика XVI Тюрго былъ назначенъ министромъ финансовъ, т. е. сталъ во главѣ той части государственнаго хозяйства, которая требовала наибольшихъ и неотложныхъ заботъ. Для принятія на себя такого важнаго поста, Тюрго, по своимъ личнымъ качествамъ, былъ человѣкомъ весьма подходящимъ. Приступая къ дѣлу, онъ сознавалъ, гдѣ кроется причина зла, и необходимость скорѣе произвести реформы для устраненія его. Но этого, конечно, было бы недостаточно для государственнаго дѣятеля. Онъ имѣлъ опредѣленный идеалъ, освѣщавшій ему путь будущихъ реформъ. Главнымъ основаніемъ этого идеала, или, точнѣе говоря, программы, было: по отношенію къ распредѣленію налоговъ — перенести центръ тяжести ихъ на землевладѣльцевъ, по отношенію къ промышленности и торговлѣ — нейтралитетъ правительства и уничтоженіе излишней регламентаціи; такое положеніе правительства выражалось формулою: „laissez faire, laissez passer“; въ отношеніи политическомъ онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ свободы личности, съ религіознымъ благоговѣніемъ относился къ праву собственности и праву труда и признавалъ необходимость общественной автономіи въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ.

Тюрго былъ человѣкъ широко образованный. Мы уже знаемъ, что еще въ Сорбоннѣ онъ основательно занимался богословіемъ и философіею; послѣдняя вмѣстѣ съ политической экономіей стала его любимымъ занятіемъ. Кромѣ того, онъ изучилъ древніе языки. Это знаніе языковъ было знаніемъ филолога, а не любителя-дилланта: мало того, что онъ свободно владѣлъ латинскимъ и греческимъ языками, на нихъ свободно писалъ онъ стихами и прозой. Когда Мопертюи выпустилъ свое сочиненіе, въ которомъ высказы-

вая мысль, что языкъ есть нѣчто искусственное, предлагалъ создать новый языкъ, общій для всѣхъ, Тюрго написалъ рецензію на это сочиненіе, въ которой доказывалъ, что языкъ — не случайное, не искусственное явленіе, а имѣетъ естественные законы построенія и развитія. Положеніе это, какъ извѣстно, составляетъ основаніе современной науки языковѣдѣнія. Объ его историческихъ работахъ мы говорили; географія также интересовала его сильно, до насъ дошелъ планъ построенія этой науки, набросанный имъ для его будущихъ занятій ею. Его ученая переписка съ Бюффономъ свидѣтельствуетъ о его компетентности въ естествознаніи, а отношенія къ Лавуазье, отцу химіи, указываютъ на интересъ Тюрго къ этой новой отрасли знанія. Словомъ, это былъ сынъ XVIII вѣка въ смыслѣ энциклопедизма. Но, будучи превосходнымъ теоретикомъ онъ былъ и хорошимъ практикомъ. Интендантская дѣятельность его въ Лиможѣ свидѣтельствуетъ, до какихъ подробностей онъ вникалъ въ мелочи жизни, и какъ хорошо ему были извѣстны эти подробности. Пребываніе Тюрго въ Лиможѣ имѣло для него большое значеніе въ смыслѣ основательнаго ознакомленія съ государственнымъ механизмомъ Франціи; здѣсь онъ приготовился къ той роли, въ которой ему пришлось выступить впоследствии. Такимъ образомъ, мы видимъ въ Тюрго человѣка, хорошо подготовленнаго къ роли министра-реформатора. Прибавимъ къ этому твердость его характера, неподкупную честность и беззавѣтное стремленіе служить общему благу.

Тѣмъ не менѣе, однако, положеніе Тюрго, какъ дѣятеля въ роли преобразователя, было весьма трудное. Задача реформы была сложною, такъ какъ затруднительность финансоваго положенія предоставляла реформатору мало времени, а между тѣмъ для финансовыхъ преобразованій требовались перемѣны въ общественномъ строѣ, не могшія произойти безъ борьбы. Для успѣха борьбы Тюрго долженъ былъ бы быть человѣкомъ извѣстнымъ, со связями, но ни тѣмъ, ни другимъ онъ не обладалъ. Правда, онъ былъ извѣстенъ, но извѣстность его была лишь въ кругу интеллигентномъ. Вольтеръ, Дидро, д'Аламберъ, Кондорсе и друг. были людьми къ нему близкими. Они всѣ имѣли вліяніе на общество, даже на коронованныхъ лицъ, но они не составляли политической силы во Франціи. Пользуясь вліяніемъ въ Парижѣ, простирая его даже до Оренбурга, они не имѣли силы въ Версали, при дворѣ.

Тюрго былъ популяренъ въ Лиможѣ. Жители этой провинціи боготворили его. Когда была получена вѣсть о назначеніи его ми-

нистромъ, то крестьяне побросали свои работы и отправились въ церкви возблагодарить Бога за то, что ихъ добрый Тюрго получилъ повышеніе. Горожане устроили празднество въ честь этого событія, закончившееся иллюминаціей. На городскихъ воротахъ Лиможа горѣлъ громаднѣйшій транспарантъ съ именемъ и гербомъ Тюрго. Но, разумѣется, и эти люди не могли быть ему поддержкой въ смыслѣ политической силы.

Трудность положенія Тюрго заключалась въ томъ, что его программа должна была неминуемо привести его къ столкновенію съ дворянствомъ и духовенствомъ. Главнѣйшіе представители этихъ классовъ, пока, въ силу закона переживанія, пользовавшихся силою, находились при дворѣ, у кормила правленія. Придворные, которые пользовались наибольшими выгодами отъ привилегій и отъ злоупотребленій должны были стать на сторону враговъ Тюрго. Новый министръ вполне понималъ свое положеніе. Получивъ назначеніе, онъ написалъ королю письмо, въ которомъ, между прочимъ, высказываетъ это. „Я предвижу,— говоритъ онъ,— что я буду одинъ въ борьбѣ противъ злоупотребленій всякаго рода, противъ усилій тѣхъ, которые выигрываютъ отъ злоупотребленій всякаго рода, противъ массы предрасудковъ, возстающихъ на всякую реформу, и которые составляютъ могущественное орудіе въ рукахъ всѣхъ заинтересованныхъ въ увѣковѣченіи безпорядка. Мнѣ придется бороться противъ природной доброты и великодушія Вашего Величества и противъ лицъ, которыя ему особенно дороги. Меня будутъ бояться, я буду ненавидимъ большею частью двора, всѣми тѣми, кто ищетъ милостей. Мнѣ будутъ приписывать всѣ отказы, меня будутъ изображать человѣкомъ черствымъ, потому что я буду представлять Вашему Величеству, что вы не должны обогащать въ ущербъ благосостоянію народа даже тѣхъ, кого вы любите“.

„Народъ такъ легко ввести въ заблужденіе, что, можетъ быть, я навлеку на себя его ненависть тѣми самыми мѣрами, которыя будутъ мною приняты для защиты его отъ притѣсненій. На меня будутъ клеветать и, можетъ быть, съ вѣроятностью, достаточною для того, чтобы лишить меня довѣрія Вашего Величества. Я не буду жалѣть о потерѣ мѣста, на которое я не рассчитывалъ; я буду готовъ отказаться отъ него тотчасъ же, какъ я потеряю надежду быть полезнымъ Вашему Величеству; но Ваше уваженіе, репутація честнаго человѣка, общественное расположеніе, которое склонило Вашъ выборъ въ мою пользу, мнѣ дороже жизни, и я рискую по-

терять ихъ, даже не заслуживъ въ собственныхъ глазахъ никакого упрека“.

Король былъ тронуть этимъ письмомъ и, встрѣтясь съ министромъ, крѣпко взялъ его за обѣ руки, увѣряя его въ своей поддержкѣ.

Первымъ дѣломъ Тюрго былъ эдиктъ о свободѣ хлѣбной торговли. Въ августѣ 1774 г. состоялось назначеніе его въ министры, и 13 сентября издаетъ онъ этотъ эдиктъ. Чтобы понять значеніе послѣдняго, надо знать положеніе хлѣбной торговли въ то время. Она была стѣснена въ высшей степени. Стѣсненія внѣшней торговли начались при Кольберѣ, который запретилъ свободный вывозъ хлѣба. Это запрещеніе имѣло цѣлью понизить цѣну хлѣба, чтобы, такимъ образомъ, уменьшить издержки производства французской промышленности и дать французскимъ фабрикантамъ по цѣнѣ преимущество предъ иностранными. Но, вслѣдствіе запрещенія свободного вывоза зерна, производство хлѣба сократилось до уровня мѣстнаго потребленія. Чуть неурожай, — и хлѣба не хватало. Такъ, наприм., Парижъ въ теченіи 80 лѣтъ 12 разъ терпѣлъ сильную дороговизну; голодовки же въ провинціи, какъ, наприм., въ Лиможѣ, Пуату, Гиѣни стали явленіемъ частымъ и періодическимъ. Мало этого: стѣсненіе свободы торговли хлѣбомъ привело къ спекуляціямъ *Pacte de famine*, которыя были бы невозможны при свободной торговлѣ.

Внутренняя торговля была также стѣснена въ высшей степени, и эти стѣсненія появились гораздо раньше запрещеній по внѣшней торговлѣ.

Въ Руанѣ существовали 112 торговцевъ-монополистовъ; кромѣ ихъ никто не могъ покупать хлѣба на рынкахъ Нормандіи. Въ Ліонѣ признавалась монополія городскихъ булочниковъ на продажу хлѣба въ городѣ и, кромѣ того, ліонскій муниципалитетъ, подъ предлогомъ пополненія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, затормозилъ движеніе хлѣбныхъ грузовъ на Ронѣ. То же препятствіе было для рѣки Гаронны, благодаря бордоскимъ регламентамъ по хлѣбной части. Они требовали, чтобы каждый, привезшій хлѣбъ въ Бордо, складывалъ его въ предѣлахъ городской черты не болѣе, какъ на три дня; по истеченіи этого срока хлѣботорговецъ лишался права вывезти хлѣбъ изъ города и обязанъ былъ продавать его тутъ.

Парижъ въ теченіи столѣтій издавалъ цѣлый рядъ регламентовъ, стѣснительныхъ для хлѣбной торговли. Такъ, наприм., ни-

кто не имѣлъ права по дорогѣ къ Парижу продавать хлѣбъ и даже развязывать мѣшки; это запрещеніе издано для того, чтобы скупщики не купили бы его на дорогѣ; привезшій хлѣбъ въ Парижъ не имѣлъ права везти его обратно; продавецъ, разъ начавъ продавать свой хлѣбъ по опредѣленной цѣнѣ, не имѣлъ права измѣнять ее и обязанъ былъ въ теченіе 11-ти дней продать весь свой товаръ; въ противномъ случаѣ хлѣбъ продавался полиціей по цѣнѣ ниже рыночной; наконецъ, хлѣбъ, попавшій въ районъ круга, радіусомъ въ 45 лье отъ Парижа, не могъ быть вывезенъ изъ этого района. Всѣ эти мѣры принимались для того, чтобы обезпечить Парижъ хлѣбомъ, но мы уже видѣли, какъ достигалась эта цѣль: 12 разъ въ теченіи 80 лѣтъ Парижъ голодалъ. Для того, чтобы слѣдить за точнымъ исполненіемъ этихъ регламентовъ, были созданы многочисленныя полицейскія должности, которыя стоили хлѣбной торговлѣ 4 милл. ливровъ въ годъ. Разумѣется, противорѣчія и мелочность регламентовъ давали полный просторъ придирамъ полиціи, и она могла разорить и обезчестить всякаго хлѣботорговца; это обстоятельство, по словамъ Тюрго, негоціантовъ Руана и другихъ современниковъ, отталкивало отъ торговли хлѣбомъ всѣхъ солидныхъ и честныхъ людей.

Эдиктъ 13 сентября 1774 г. объявилъ свободу хлѣбной торговли внутри страны и уничтожилъ всѣ тѣ общія постановленія, которыя препятствовали какъ циркуляціи хлѣба, такъ и собиранію его въ большіе хлѣбные склады. Затѣмъ въ концѣ 74 г. и въ теченіе 75 года рядомъ отдѣльныхъ эдиктовъ Тюрго уничтожилъ мѣстныя установленія Руана, Ліона, Бордо и Марсели, безъ отмѣны которыхъ свобода внутренней торговли оставалась бы мертвой буквой. Последнимъ изъ его распоряженій была отмѣна регламентовъ Парижа. Поздняя ихъ отмѣна объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Тюрго нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ на изученіе ихъ. Только тогда, когда онъ увидѣлъ, что эти постановленія, созданныя въ теченіе вѣковъ и именованныя „плодомъ мудрости предковъ“, есть ничто иное какъ абракадабра распоряженій, противорѣчащихъ другъ другу, онъ рѣшился на ихъ отмѣну, что и было сдѣлано въ мартѣ 76 г. Это обстоятельство служитъ возраженіемъ обвиненіямъ, направленнымъ противъ Тюрго въ томъ, что онъ бросался въ реформы, очертя голову. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить точно также и то, что онъ не рѣшился допустить свободный вывозъ хлѣба, отлагая эту мѣру до того времени, когда свобода внутренней торговли установится болѣе прочно.

Тѣмъ не менѣе, однако, первыя распоряженія Тюрго о хлѣбной торговлѣ вызвали неудовольствіе всѣхъ монополистовъ, частныхъ постыднымъ спекуляціямъ *Pacte de famine*. Съ другой стороны они наводили страхъ на всѣхъ людей, смотрѣвшихъ на свободу хлѣбной торговли, какъ на источникъ народныхъ бѣдствій. Такимъ образомъ, монополія съ одной стороны, а предразсудки съ другой соединились въ данномъ случаѣ противъ Тюрго. Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что урожаемъ 1774 г. былъ плохъ.

При вступленіи на престолъ Людовика XVI цѣна на хлѣбъ была 24 ливра за сетье (5 $\frac{1}{2}$ су килограммъ). Чтобы доставить удовольствіе королю, монополисты понизили эту цѣну до 13 ливровъ за сетье. Потомъ, естественно, она стала снова подниматься и достигла прежней нормы. Это новое повышение цѣны было тѣмъ болѣе непріятно, что оно слѣдовало за пониженіемъ. Желая удержать дальнѣйшее повышение цѣны хлѣба, и имѣя въ виду, что неустановившіяся торговля сношенія не могутъ этого сдѣлать своими собственными средствами, тѣмъ болѣе, что цѣна хлѣба въ Польшѣ стояла въ это время почти на одномъ уровнѣ съ цѣнами во Франціи, Тюрго назначилъ преміи на ввозимый хлѣбъ въ Парижъ и въ другія мѣстности. Но эти мѣры не предупредили движенія противъ реформъ его. Въ Дижонѣ произошло возстаніе. Были разбиты и разграблены булочныя; толпа напала на дома двухъ лицъ, принадлежавшихъ къ *Pacte de famine*, и избила ихъ. Тѣмъ возстаніе и ограничилось. Затѣмъ въ концѣ апрѣля появляется шайка грабителей около Парижа. По дорогамъ къ Парижу и по рѣкѣ шайка эта нападаетъ на транспорты съ хлѣбомъ, грабитъ ихъ и хлѣбъ истребляетъ; уничтожаетъ запасы хлѣба по деревнямъ и на мельницахъ. Замѣчательно то, что эти грабители не берутъ хлѣба себѣ и вообще не имѣютъ вида возставшихъ отъ голода. Движеніе ихъ къ Версали происходитъ очень правильно, какъ бы по заранѣе обдуманному плану.

Прибывъ въ Версаль, шайка эта прямо направляется ко дворцу короля. Не смотря на то, что въ Версали въ то время было до 10 тыс. солдатъ, эти послѣдніе остаются въ бездѣйствіи, не оказывая сопротивленія толпѣ, насчитывавшей не болѣе 1 $\frac{1}{2}$ тысячи человекъ. Король, застигнутый врасплохъ, выходитъ на балконъ, пытается говорить къ толпѣ, но шумъ заглушаетъ его слова, и онъ въ смущеніи удаляется назадъ. Затѣмъ онъ приказалъ объявить толпѣ, что онъ издастъ таксу на хлѣбъ, и она разошлась.

Тюрго, находившійся въ это время въ Парижѣ, тотчасъ отправился къ королю и разъяснилъ ему нетактичность его распоряженія и противорѣчіе его такъ недавно изданному эдикту о свободѣ торговли. По его настоянію король издалъ новый эдиктъ, воспрещавшій требовать хлѣбъ ниже рыночной цѣны.

Вслѣдъ затѣмъ безпорядки начались въ Парижѣ; были разбиты булочные, но хлѣбный рынокъ былъ сохраненъ. Возстаніе прекратилось, но ждали повторенія безпорядковъ на другой день. Были усилены патрули и запрещенъ пропускъ въ Парижъ. Но многіе изъ бунтовщиковъ, подъ видомъ продавцевъ овощей, успѣли проникнуть въ городъ и произвести безпорядокъ, кончившійся, впрочемъ, ничѣмъ. Это возстаніе въ Парижѣ и въ его окрестностяхъ извѣстно подъ именемъ „Мучной войны“. Враги Тюрго утверждали, что возстаніе это было результатомъ непрактичности эдикта о хлѣбной торговлѣ. Но, по изслѣдованіямъ Жобеза, Анри Мартена и Фонсена, мы видимъ, что за исключеніемъ возстанія въ Дижонѣ, оно было актомъ дѣйствія враговъ министра. Это подтверждается арестами людей, болѣе или менѣе зажиточныхъ, которые притомъ стояли близко къ лицамъ, враждебнымъ Тюрго. Такъ, между прочимъ, былъ арестованъ нѣкто Карре, оказавшійся служащимъ у герцога Артуа. Сильныя подозрѣнія высказывались современниками противъ Конти. „Мучная война“ есть первый симптомъ реакціи противъ Тюрго со стороны заинтересованныхъ классовъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ очерку другихъ важныхъ реформъ Тюрго, усиливавшихъ неудовольствіе противъ него, остановимся на его финансовыхъ операціяхъ. Когда онъ вступилъ въ министерство, то дефицитъ по бюджету на 1774 годъ былъ 48½ милліоновъ, хотя Террэ увѣрялъ, что онъ равенъ лишь 5 милл. Бюджетъ, составленный имъ на 75 годъ, давалъ дефицитъ въ 37 милліоновъ. Тюрго занялся измѣненіемъ этого послѣдняго бюджета. Находя, что расходы при дворѣ слишкомъ велики, онъ сократилъ содержаніе военнаго штата короля, а также произвелъ нѣкоторыя другія сокращенія въ военномъ бюджетѣ, всего на 9 милл. ливровъ. Были также сокращены расходы по взиманію податей. Свое жалованье съ 142 тысячъ Тюрго уменьшилъ до 80 тыс., отказавшись притомъ въ пользу государства отъ обычнаго „pot de vin“ въ 45 тыс. ливровъ, который до того времени откупъ давалъ министру финансовъ въ обезпеченіе снисходительности; но, дѣлая эти сокращенія, Тюрго вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличивалъ нѣкоторые расходы. Такъ, онъ увеличилъ расходы на выдачу пенсій, преиму-

шественно мелкихъ (не свыше 400 ливровъ), и на погашеніе государственнаго долга.

Однимъ изъ крупныхъ недуговъ того времени для экономическаго благосостоянія страны были откупы косвенныхъ налоговъ (*ferme*). Тюрго сознавалъ, что разомъ покончить съ этимъ зломъ нельзя и рѣшилъ ограничиться уничтоженіемъ важнѣйшихъ злоупотребленій, съ нимъ связанныхъ. Онъ потребовалъ списокъ откупщиковъ и изъ этого списка узналъ, что откупщики, въ числѣ десяти человекъ, платили за свои мѣста государству 6 милл. ливровъ, и что 33 % этой суммы уходило на пенсіи придворнымъ и на „*groupes*“. Словомъ *groupes* обозначались синекуры по откупу, раздаваемая разнымъ вліятельнымъ лицамъ. Въ списокѣ пенсионеровъ стояли высокопоставленныя лица, и Людовикъ XV не постыдился въ своемъ завѣщаніи на ряду со своими любовницами поставить имена своихъ дочерей. Не рѣшаясь предложить королю отмѣнить это завѣщаніе, Тюрго взялъ съ него слово, что онъ не будетъ увеличивать числа этихъ пенсионеровъ. Затѣмъ министръ издалъ циркуляръ, касающійся тяжбъ откупщиковъ съ плательщиками, въ силу котораго неясности въ постановленіяхъ объ откупѣ должны были толковаться въ пользу плательщиковъ, а не откупщиковъ. Этотъ циркуляръ Тюрго, равно какъ и всѣ его финансовыя распоряженія, указываютъ на то, что ему и тогда была извѣстна истина, гласящая, что доходность налоговъ обратно пропорціональна ихъ обременительности.

Мы видѣли, что въ годъ вступленія Тюрго въ министерство, дефицитъ равнялся 48½ милл.; благодаря его финансовымъ операціямъ, бюджетъ на 76-й годъ давалъ дефицитъ только 23½ мил., а между тѣмъ въ число расходовъ входила уплата 23.883.080 ливровъ государственнаго долга. Дѣятельностью своею Тюрго возстановилъ кредитъ Франціи. Голландскіе банкиры предложили ему ссуду въ 60 милліоновъ ливровъ по 4 %, а между тѣмъ, благодаря мѣрамъ его предшественниковъ, кредитъ этотъ былъ такъ подорванъ, что заемъ обходился государству слишкомъ дорого; приходилось платить по 42 %. Помянутые 60 милл. Тюрго предполагалъ употребить частью для покрытія дефицита, частью на погашеніе высокопроцентныхъ долговъ, частью, наконецъ, для того, чтобы облегчить себѣ возможность произвести реформу въ налогахъ. Съ тою же цѣлью онъ имѣлъ въ виду получить 10 милл. отъ „учетной кассы“, которая была учреждена въ концѣ его министерства въ Парижѣ. Эта „учетная касса“ была ни чѣмъ инымъ, какъ акціо-

нернымъ банкомъ, почти такимъ же, какъ теперешній французскій банкъ, только безъ права выпуска билетовъ. Съ отставкою Тюрго голландскіе банкиры и акціонеры учетной кассы отказались дать правительству обѣщанныя суммы. Бюджетъ на 76-й годъ, сравнительно съ бюджетомъ 74-го, а также и подъемъ государственнаго кредита представляютъ собою блестящій результатъ финансовыхъ операцій Тюрго; сами враги его признавали это, и если на что жаловались, то только на то, что дефицитъ не исчезъ совершенно изъ бюджета Франціи. Неосновательность подобныхъ жалобъ не требуетъ разъясненій.

Реформы, касающіяся промышленнаго класса и натуральной повинности, были важнѣйшимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднимъ актомъ дѣятельности Тюрго.

Реформа въ промышленномъ классѣ заключается въ уничтоженіи цеховъ. Цехи образовались еще въ самомъ началѣ борьбы средняго класса противъ феодаловъ и имѣли цѣлью защиту труда противъ насилія первыхъ. Ремесленники одной и той же специальности составляли корпорацію, раздѣленную на 3 класса: учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ. Отношенія между ними, а также и способы производства были строго регламентированы. Съ начала своего существованія, цехи были довольно открытымъ учрежденіемъ и приносили несомнѣнную пользу, но съ теченіемъ времени, чѣмъ меньше становилась опасность со стороны феодаловъ, тѣмъ болѣе въ цехахъ развивались духъ эгоизма и кастовой замкнутости и тѣмъ ревнивѣе относятся цеховые мастера ко всякой конкуренціи. Въ XVII стол. распоряженіями Кольбера цеховое устройство было введено между всѣми промышленниками Франціи и цеховые регламенты достигли полной степени развитія. Регламентами постановлялось, что производствомъ на свой счетъ могъ заниматься мастеръ, выдержавшій на это званіе экзаменъ; подмастерья же и ученики находились въ полномъ подчиненіи у мастера и не могли самостоятельно вести дѣло. Было строго опредѣлено, чѣмъ имѣеть право заниматься данный цехъ; каждый цехъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы мастеръ, принадлежащій къ другому цеху, не дѣлалъ бы предметовъ, производство которыхъ составляетъ монополію перваго. Понятно, что отсюда проистекала масса столкновеній между цехами; суды были завалены жалобами одного цеха на другой; эти тяжбы разоряли цехи, но они ни мало не обращали вниманія на это и продолжали судиться. Какъ на примѣръ тяжбъ, можно указать на знаменитый процессъ старьевщиковъ съ порт-

ными, который продолжался вплоть до уничтоженія цеховъ, и 1.600 рѣшеній парламента, постановленныхъ съ цѣлью опредѣленія границы между старымъ и новымъ платемъ, не привели къ желаемымъ результатамъ. Такимъ образомъ, корпоративная замкнутость цеховъ, привилегія, принадлежавшая членамъ ихъ, исключительно заниматься промысломъ, убивали всякую конкуренцію и служили тормозомъ къ развитію промышленности. Цеховые регламенты неизбежно задерживали развитіе способовъ производства, препятствуя всякимъ изобрѣтеніямъ и нововведеніямъ. Кроме того, такъ какъ они были рассчитаны на мастерскую, то при ихъ господствѣ не было мѣста ни мануфактуръ, ни фабрикъ. Этотъ недостатокъ цеховыхъ регламентовъ сдѣлался особенно чувствительнымъ, когда мануфактура въ XVIII вѣкѣ, въ силу своей выгоды, должна была сдѣлаться преобладающимъ типомъ производства. Если во Франціи были мануфактуры, то они появились не благодаря цеховымъ регламентамъ, а противъ нихъ и въ силу особыхъ распоряженій правительства.

Тюрго порѣшилъ покончить съ цехами и издалъ эдиктъ объ уничтоженіи ихъ, предоставляя всѣмъ полную свободу заниматься всякимъ промысломъ. Какъ исключеніе, эта свобода не была предоставлена такимъ отраслямъ труда, какъ, наприм., трудъ аптекарей и дрогистовъ, которые оставались въ прежнемъ положеніи, впредь до особыхъ распоряженій.

Второй эдиктъ, какъ мы уже знаемъ, относился къ отмѣнѣ натуральной повинности и замѣнѣ ея денежнымъ налогомъ, въ которомъ должны принять участіе и привилегированныя сословія, какъ наиболѣе пользующіяся выгодами хорошихъ путей сообщенія. Оба эти эдикта, предложенные на разсмотрѣніе королевскаго совѣта въ февралѣ 1776 года, встрѣтили сильную оппозицію въ немъ со стороны хранителя печатей. Впрочемъ, здѣсь они были утверждены по распоряженію короля, причемъ, обращаясь къ членамъ совѣта и какъ бы въ отвѣтъ на замѣчанія хранителя печатей, онъ сказалъ: „Я вижу, что только я и г. Тюрго любимъ народъ“. Предстояло еще добиться регистраціи парламента, который всегда являлся оплотомъ привилегій и имѣлъ право отказывать королевскимъ эдиктамъ въ регистраціи, а безъ этого они не имѣли силы закона. Противовѣсомъ этому праву было „Lit de Justice“, „Подушечное засѣданіе“, гдѣ пренія допускались не иначе, какъ съ разрѣшенія короля, а регистрація эдиктовъ происходила въ личномъ его присутствіи и по личному его распоряженію. Противъ обоихъ

упомянутыхъ эдиктовъ парламентъ представилъ ремонстраціи и отказался регистрировать ихъ. Тогда парламентъ созданъ былъ въ Lit de Justice, въ которомъ король приказалъ регистрировать эдикты, не смотря на рѣчи адвоката парламента Сегье. Въ этихъ рѣчахъ онъ доказывалъ, что эдиктами Тюрго нарушаются неотъемлемыя права дворянъ, что они ставятъ послѣднихъ на ряду съ прочими сословіями, а это можетъ ослабить ихъ воинственный духъ; что отмена цеховъ можетъ повлечь за собою безпорядки, ибо подмастерья — дикія существа, надъ которыми нужна опека мастеровъ, и что принять эдикты — значитъ подорвать основы общественнаго порядка. Возражая противъ уничтоженія цеховъ, онъ сказалъ, между прочимъ, что различные классы населенія и корпораціи съ ихъ многочисленными правами и привилегіями составляютъ великую цѣпь, созданную мудростью предковъ, послѣднее звено которой находится въ рукахъ короля. Цехи составляютъ, по его словамъ, звѣно этой цѣпи; уничтожая ихъ, эдиктъ грозитъ разрушеніемъ всему порядку. Говоря о натуральныхъ повинностяхъ, Сегье высказалъ, что эдиктъ, ихъ уничтожающій, нарушаетъ принципъ, по которому „le peuple français est taillable et corvéable à volonté“. Адвокатъ старины не замѣчалъ, что въ программѣ Тюрго старому порядку не было мѣста.

Какъ только вѣсть объ утвержденіи эдиктовъ пришла въ Парижъ, подмастерья и ученики побросали мастерскія, собрались въ ресторанахъ, устроили тамъ пирушки въ честь своего освобожденія и разбѣжали по улицамъ Парижа съ криками: „да здравствуетъ Тюрго“.

Принятіе эдиктовъ было послѣднимъ успѣхомъ Тюрго. 4 марта 1776 г. онъ одержалъ побѣду надъ своими противниками, а 12 мая послѣдовала отставка его. Въ этотъ день онъ читалъ королю проектъ распоряженія касательно ліонской шелковой торговли; въ введеніи къ эдикту онъ излагалъ свои принципы свободы вообще. Король съ нетерпѣніемъ слушалъ его, и когда министръ кончилъ чтеніе, онъ спросилъ его: „Все?“ — „Все, Ваше Величество“, — отвѣчалъ Тюрго. — „Тѣмъ лучше“, — сказалъ король и, повернувшись къ нему спиной, вышелъ изъ комнаты.

Отставка эта представляется на первый взглядъ чѣмъ то страннымъ, непонятнымъ: 20 только мѣсяцевъ прошло, какъ король увѣрялъ Тюрго въ своей къ нему симпатіи, увѣрялъ его въ своей поддержкѣ, и затѣмъ, безъ видимой причины, увольняетъ его. Чтобы понять такую перемѣну, надо знать, какое озлобленіе

вызывали реформы Тюрго въ приближенныхъ короля. Монополисты и финансисты видѣли, что съ каждымъ днемъ, благодаря Тюрго, барыши ихъ станутъ все меньше и меньше, и предусматривали въ ближайшемъ будущемъ еще большія потери. Духовенство также было возбуждено противъ него, такъ какъ также видѣло въ немъ посягателя на свои права. Впервые оно было возбуждено противъ Тюрго, благодаря разрѣшенію повсемѣстно продавать мясо въ постъ, на каковую продажу до того имѣлъ право лишь „Hôtel Dieu“. Монополія „Hôtel Dieu“ основана была на фикціи, что никто, кромѣ больныхъ, не ѣстъ мяса въ постъ. Такъ какъ эта фикція потеряла свой смыслъ въ XVIII вѣкѣ, то монополія эта была лишь стѣсненіемъ. Тѣмъ не менѣе распоряженіе Тюрго вызвало со стороны духовенства обвиненіе его въ безбожїи и посягательствѣ на религіозныя установленія. Еще болѣе озлобилось духовенство во время коронаціи. Королю предстояло коронованіе. Согласно обычаю, король во время коронованія, между прочимъ, давалъ клятву преслѣдовать гугенотовъ. Тюрго уговаривалъ короля не давать этой клятвы и предлагалъ измѣнить текстъ присяги. Король, по обыкновенію убѣжденный доводами Тюрго, согласился на это; но подъ другимъ вліяніемъ сдѣлся на сторону его противниковъ. Когда во время коронаціи въ Реймсѣ пришлось королю читать текстъ присяги, то онъ былъ крайне смущенъ, и то мѣсто присяги, гдѣ говорилось объ обязательствѣ преслѣдованія гугенотовъ, произнесъ совсѣмъ невнятно. Съ этого времени, т. е. съ лѣта 75-го года, духовенство примиряется съ парламентомъ и вступаетъ съ нимъ въ союзъ для совмѣстныхъ нападеній на Тюрго.

Придворные, почувствовавъ въ Тюрго врага расточительности и наживы насчетъ казны, возненавидѣли его и старались, при посредствѣ королевы, вооружить короля противъ его любимаго министра. При дворѣ были два кружка очень близкихъ королевѣ. Центромъ одного изъ нихъ была герцогиня Ламбаль, а другого — Полиньякъ; въ этомъ послѣднемъ постоянно бывалъ герцогъ Артуа. Озлобленные на Тюрго за то, что онъ уговаривалъ короля не подписывать тѣхъ ордеровъ, которые идутъ для подарковъ придворнымъ, они вооружили королеву противъ ненавистнаго министра. Герцогиня Ламбаль возстала противъ Тюрго съ тѣхъ поръ, какъ Марія Антуанета хлопотала о назначеніи ея министромъ двора королевы, съ окладомъ 150 тысячъ. Тюрго противился этому прозекту, чѣмъ раздражалъ королеву, а въ особенности — герцогиню

ню Ламбаль. Кружокъ Полиньякъ вооружился противъ него съ тѣхъ поръ, какъ онъ воспротивился пенсіи родственнику герцога Артуа, герцогу Кариньянъ и предоставленію ему командованія однимъ изъ гвардейскихъ полковъ.

Такимъ образомъ, къ началу 1776 года онъ имѣлъ противъ себя монополистовъ, людей финансоваго міра, высшее духовенство, вельможъ, придворныхъ и королеву, которая находилась подъ сильнымъ вліяніемъ герцогини Полиньякъ.

Нанависть придворныхъ, ихъ озлобленіе выразились рядомъ памфлетовъ противъ Тюрго. Въ послѣдній мѣсяць службы Тюрго они появлялись почти ежедневно. Кроме того, ходили въ публикѣ разные рассказы, свидѣтельствовавшіе о раздраженіи противъ Тюрго людей, близкихъ къ королю. Однажды королева возвратилась изъ оперы въ раздраженномъ состояніи духа. На вопросъ короля о причинѣ этого, она рѣзко отвѣчала: „посмотрѣла бы я на васъ съ вашимъ Тюрго, какъ бы васъ тамъ освистали“. Другой рассказъ показываетъ, что близкіе къ королю люди не стѣснялись даже публичными выходками противъ его министра. Весною 76 года вошли въ моду плоскія, круглыя табакерки, называвшіяся „platitudes“. Герцогиня Бурбонъ, пріѣхавъ однажды въ Парижъ, зашла въ магазинъ и, требуя модную табакерку, назвала ее „тюргогиною“. На замѣчаніе приказчика, что табакерки называются „platitude“, а не „turgotine“, она отвѣтила: „Platitude et turgotine c'est la même chose“. Эта выходка надѣлала много шума и всѣ высокопоставленныя лица покупали модныя табакерки, называя ихъ тюргогинами.

Такими безвредными выходками дѣло не ограничилось. Противъ Тюрго были пущены въ ходъ поддѣльныя письма, какъ будто писанныя имъ, въ которыхъ онъ неодобрительно отзывался о королѣ. Эти письма писались и сдавались на почту врагами Тюрго; тамъ перехватывались и затѣмъ представлялись королю. Развязкою всѣхъ интригъ были два случая. Первымъ былъ отказъ Тюрго платить по ордеру короля въ 500 тыс. руб. для королевы. Тюрго обратился къ Людовику, и тотъ разрѣшилъ ему не платить этихъ денегъ, объяснивъ, что его захватили врасплохъ.

Королева была очень разсержена. Это было за нѣсколько дней до отставки Тюрго. Другимъ случаемъ, происшедшимъ почти одновременно, было увольненіе герцога де-Гинна. Послѣдній, будучи посломъ въ Лондонъ, спекулировалъ на биржѣ казенными деньгами. Когда это обнаружилось, то онъ взвалилъ вину на своего

секретаря. Для оправданія себя онъ просилъ разрѣшенія опубликовать дипломатическую переписку; разрѣшеніе на это ему было дано, благодаря ходатайству королевы, не смотря на сопротивленіе министровъ и особенно Тюрго. Кромѣ того, посоль продолжалъ себя вести такъ безтактно, что легко могъ поссорить Францію съ Англіей, которая занята была въ это время войной съ Сѣв.-Амер. Штатами. Министры просили короля уволить де-Гинна, что тотъ и сдѣлалъ. Представленіе королю о необходимости увольненія де-Гинна было высказано Тюрго на королевскомъ совѣтѣ по просьбѣ и полномочію его товарищей. Королева, узнавъ объ этомъ, отправилась къ королю и, требуя удовлетворенія де-Гинна, настаивала на увольненіи Тюрго и заключеніи его въ Бастилію. Впрочемъ, послѣдней просьбы король не исполнилъ, но не рѣшился больше отстаивать министра, возбудившаго противъ себя, по выраженію королевы, „всеобщую ненависть“. Черезъ одного изъ придворныхъ 12-го мая Людовикъ XVI приказалъ Тюрго подать въ отставку.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что отставка Тюрго была результатомъ придворныхъ интригъ, а также недовольства людей высокопоставленныхъ, интересы которыхъ нарушались его реформами. Посмотримъ теперь, какъ относилось къ нему общественное мнѣніе, и каково было значеніе его дѣятельности.

Если понимать подъ словами „общественное мнѣніе“—мнѣніе знати,—какъ тогда и понимали—то оно, разумѣется, было не въ пользу реформатора. Эта знать видѣла въ немъ заклятаго врага своихъ интересовъ, ибо дѣятельность его была направлена къ уничтоженію ея привилегій. Но это мнѣніе ни въ какомъ случаѣ нельзя считать за общественное мнѣніе, такъ какъ подъ общественнымъ мнѣніемъ слѣдуетъ разумѣть мнѣніе общества, людей, солидарныхъ между собою во имя идеи, притомъ идеи общаго блага: солидарность же во имя личныхъ интересовъ не можетъ сдѣлать изъ круга людей, связанныхъ такими интересами, ничего иного, какъ клику, которію или что хотите, только не общество. Тюрго возстановилъ противъ себя мнѣніе клики, весьма многочисленной, которую тогда при дворѣ принимали за общественное мнѣніе. Что же касается до мнѣнія людей, безкорыстно, во имя идеи общаго блага, стремившихся къ одной цѣли, то они были на сторонѣ Тюрго. Мы уже разъ видѣли, какъ къ министру относился Вольтеръ; Кондорсе былъ его нѣжнымъ другомъ, д'Аламберъ всегда отстаивалъ его. Эти люди, представители передовой части націи, видѣли въ Тюрго честнаго реформатора, работавшаго во имя развитія

прогресса. За ними была вся тогдашняя интеллигенція, ставшая политической силою страны тринадцать лѣтъ спустя.

Заканчивая нашу бесѣду о Тюрго, остановимся на минуту предъ вопросомъ о значеніи его дѣятельности. Въ теченіи своего двадцатимѣсячнаго пребыванія въ министерствѣ онъ несомнѣнно сдѣлалъ больше, чѣмъ многіе другіе министры дѣлаютъ въ нѣсколько лѣтъ. Тѣ немногія мѣропріятія, о которыхъ намъ удалось упомянуть, далеко не исчерпываютъ всего содержанія министерской дѣятельности Тюрго. Они только составляютъ главные моменты ея; поэтому то мы на нихъ и остановились, не имѣя времени и не чувствуя необходимости входить въ подробности. Все же, однако, то, что было сдѣлано Тюрго, представляется весьма незначительнымъ сравнительно съ размѣрами той задачи, разрѣшить которую, какъ мы сказали, предстояло новому царствованію. Но и это небольшое было отчасти отмѣнено вскорѣ послѣ удаленія Тюрго. Цехи были возстановлены, хотя и не совсѣмъ въ прежнемъ видѣ. Натуральныя повинности также были возобновлены. Та же рука, которая подписала указы объ уничтоженіи этихъ учреждений, какъ несправедливыхъ и неразумныхъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ подписала указы о ихъ возстановленіи, но уже безъ всякой мотивировки.

И, однако, не смотря на свою немногочисленность, не смотря на свое недолговременное существованіе, реформы Тюрго не остались безъ слѣда. Причина этого заключается въ томъ, что онѣ были принципіознаго характера: онѣ задѣвали самую сущность „старого порядка“. Съ другой стороны, онѣ коснулись интересовъ огромнаго большинства городского и сельскаго населенія. То, что до сихъ поръ казалось неизбѣжнымъ зломъ, а для многихъ даже и не казалось зломъ, объявлено было съ высоты трона несправедливостью и неразуміемъ, и не только объявлено, но и отмѣнено, какъ таковое. Ореолъ священной неприкосновенности, которымъ былъ окруженъ старый порядокъ, былъ разрушенъ.

Реформы Тюрго приводили къ этому результату и инымъ путемъ. Онѣ доказали на практикѣ возможность улучшеній, хотя бы и связанныхъ съ отмѣною сущности старого порядка. То, что возможно желается энергичнѣе; къ осуществленію возможнаго стремятся охотнѣе и настойчивѣе. Вотъ почему послѣ Тюрго осталось меньше шансовъ сохранить неприкосновенность старого порядка и задержать наступленіе переворота.

Наконецъ, самая неудача попытки Тюрго реформировать ста-

рую монархію имѣла свое значеніе. Мы говорили выше, что царствованіе Людовика XV сильно подорвало авторитетъ королевской власти; умственное движеніе XVIII вѣка подкопало основанія феодальнаго строя и абсолютизма; финансовыя и экономическія условія дѣлали неизбѣжнымъ въ близкомъ будущемъ переходъ къ новымъ основаніямъ государственной и общественной жизни. Началу царствованія Людовика XVI предстояло рѣшить вопросъ, какъ произойдетъ переходъ къ новой жизни? Подъ предводительствомъ потомка Генриха IV, или же помимо королевской власти, путемъ общественнаго движенія? Въ послѣднемъ случаѣ, вмѣстѣ съ феодальнымъ строемъ, неизбѣжно было и крушеніе феодальной монархіи.

Реформы Тюрго были попыткой избѣгнуть этого крушенія, попыткой совершить переходъ подъ предводительствомъ короля. Его удалили; Людовикъ XVI оказался неспособнымъ слѣдовать за нимъ. Этимъ рѣшенъ былъ вопросъ. Попытка Тюрго разоблачила эту неспособность. Реакція же его реформамъ, наступившая такъ скоро и притомъ такъ немотивировано только усилила разочарованіе, смѣнившее надежды, которыми встрѣчали вступленіе на престолъ „желаннаго“ короля.

Вѣдалъ ли Тюрго значеніе своей работы? Отвѣтомъ служатъ слова прощальнаго письма его къ Людовику XVI. „Все мое желаніе,— говоритъ онъ въ заключеніе письма,— заключается въ томъ, чтобы вы всегда могли думать, что я плохо видѣлъ, что я вамъ указывалъ на опасности призрачныя. Я желаю, чтобы время не оправдало меня и чтобы ваше царствованіе было настолько счастливо, настолько спокойно для васъ и вашего народа, насколько это обѣщаютъ ваша справедливость и ваша доброта“. Къ этимъ словамъ прибавлять нечего. Ими мы и закончимъ нашу бесѣду.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Одесскаго славянскаго благотворительнаго общества, въ память И. С. Тургенева, 18-го сентября 1883 года.

Задача моей краткой бесѣды по поводу смерти И. С. Тургенева заключается, между прочимъ, въ томъ, чтобы отвѣтить на нѣкоторые недоразумѣнія, высказываемыя въ публикѣ. Спрашиваютъ: почему славянское общество считаетъ своею обязанностью чествовать память дѣятелей науки и литературы? Этотъ и подобные ему вопросы являются результатомъ неяснаго представленія о задачахъ славянскаго общества. На эту неясность жаловалось правленіе здѣшняго славянскаго общества еще въ началѣ существованія общества; съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ, и снова приходится считаться съ тѣмъ же самымъ фактомъ, хотя нѣсколько въ иной формѣ. Упомянутое недоумѣніе вытекаетъ не столько изъ полного непониманія задачъ общества, сколько изъ невѣрнаго ихъ пониманія. Отчасти въ этомъ виновато само славянское общество, и не только одно наше; отчасти виновата и публика, которая не присмотрѣлась ко всему тому, что дѣлаютъ славянскія общества, а, замѣтивъ лишь немногое, поспѣшила по немногому сдѣлать свое заключеніе. Одни приписали славянскимъ обществамъ, какъ задачу, распространеніе православія между славянами другихъ исповѣданій и ссылались въ доказательство на посылку колоколовъ въ Прагу и на нѣкоторые заявленія московскихъ славянофиловъ, неотличившіяся, правда, религіозною терпимостью. Другіе приписывали славянскимъ обществамъ панславистическія цѣли съ панруссификаторскою подкладкою; третьи, а именно заграничныя газеты и,

главнымъ образомъ, нѣмецкія, видѣли въ нихъ орудіе русской интриги среди славянъ, живущихъ внѣ Россіи. Во время пролога восточной войны нѣмецкія газеты прямо называли славянскія общества инсуррекціонными комитетами. Четвертые, наконецъ, указывали на эти общества, какъ на особый родъ заграничной благотворительности. Въ виду такихъ разнообразныхъ цѣлей, приписываемыхъ славянскимъ обществамъ, трудно, дѣйствительно, дать себѣ отвѣтъ на поставленный выше вопросъ объ умѣстности чествованія памяти литератора въ славянскомъ обществѣ.

Не будемъ отвѣчать за всѣ славянскія общества, выскажемся только за наше общество, и притомъ за настоящій моментъ его жизни, представителемъ коего является настоящее правленіе. Мы не беремся обращать кого-либо въ православіе; наши отношенія къ славянскимъ племенамъ основываются на началѣ полной вѣротерпимости; но, конечно, въ силу этого же начала мы не останемся нѣмы тогда, когда на сцену явится утѣсненіе религіи предковъ, или іезуитская политика выживанія чуждыхъ вѣроисповѣданій. Не мечты о панславизмѣ руководятъ нами въ отношеніяхъ нашихъ къ междуславянскимъ вопросамъ и не мысль о поглощеніи однимъ племенемъ другихъ; нѣтъ, наше общество съ самаго начала устами проф. Григоровича провозгласило „взаимность“, какъ базисъ отношеній славянскаго общества къ междуславянскимъ вопросамъ.

Но что же такое эта взаимность? Это не что иное, какъ развитіе такихъ связей и отношеній между представителями славянства, которыя влекли бы за собой развитіе въ обществѣ славянскаго самосознанія. Сознать свою національность важно; безъ этого сознанія немислимы правильные прогрессивные пути по пути національнаго развитія. Сознать себя, какъ члена болѣе широкой группы родственныхъ племенъ, опредѣлить свое мѣсто въ ней и понять стремленія ея въ ея цѣломъ, это значитъ выйти на болѣе широкую арену, увидѣть болѣе широкіе горизонты историческаго развитія, за предѣлами которыхъ стоитъ еще болѣе обширная семья, семья индоевропейскихъ народовъ и т. д. Какъ чрезъ посредство славянскаго праязыка мы находимъ свою связь съ этой обширной семьей, такъ чрезъ познаніе и сознаніе существенныхъ свойствъ и стремленій славянства мы примыкаемъ сознательно къ историческому шествію этой огромной группы. Но это отдаленное будущее, котораго, можетъ быть, и наши внуки не увидятъ. Что же въ ближайшемъ? Взаимное знакомство, взаимное изученіе, взаимная помощь и поддержаніе постоянныхъ связей; все это какъ средство

сознать свое національное родство, чтобы не называть себя братьями безсознательно, съ вѣтру, а напротивъ, знать себя, знать, что въ насъ особеннаго, а что общаго. Такое знаніе создаетъ почву въ будущемъ для общей дѣятельности. Само собою разумѣется, слѣдуетъ помнить, что и развитіе нашего, русскаго національнаго сознанія должно занимать видное мѣсто въ этихъ стремленіяхъ.

Что же мы дѣлаемъ? Мы стараемся знакомить публику съ тѣмъ, что дѣлается въ славянскомъ мірѣ, давая ежегодные отчеты о событіяхъ славянской жизни. Мы поддерживаемъ, по силѣ возможности, учебно-воспитательное заведеніе, подготовляющее учительницъ изъ среды славянокъ; а онѣ, воспитанницы „питомника славянскихъ дѣвицъ“, несутъ къ себѣ на родину знакомство съ нашей культурой. Мы стараемся содѣйствовать развитію нашего народа и возбудить въ немъ интересъ къ внѣшнему міру путемъ устройства народныхъ чтеній. Вездѣ тутъ цѣль одна, хотя и преслѣдуемая на разныхъ ступеняхъ; цѣль эта — развитіе самосознанія.

Но кто же можетъ быть признанъ по преимуществу носителемъ національныхъ и общественныхъ идей и стремленій, какъ не дѣятели литературы? Кто лучше ихъ воплощаетъ чувства и порывы общества и затѣмъ, перерабатывая ихъ въ своей душѣ, создавая чудные поэтическіе образы, вызываетъ къ жизни идеалы. Ихъ можно назвать свѣточами національности, свѣточами человѣчества. Напоминать о нихъ при каждомъ случаѣ, перебирать въ памяти содержаніе ихъ нравственной сокровищницы, не значить ли это содѣйствовать развитію самосознанія? Съ другой стороны не вспоминать о нихъ, когда воспоминаніе само напрашивается, не заявлять своего сочувствія къ правдѣ, носителями которой они являются, — не значить ли это обречь себя на бездушіе и полное ослѣпленіе лучшихъ человѣческихъ чувствъ?

Славянское общество пользуется сокровищницей славянскихъ писателей для вышеуказанной задачи развитія самосознанія. Оно напоминаетъ о нихъ своимъ сочленамъ, и одинаково относится къ писателямъ всѣхъ славянскихъ племенъ, лишь бы они были проводниками свѣта и правды для своего народа. Оно вспомнуло польскаго писателя Крашевскаго, хотя не по своей винѣ не успѣло принять участія въ его юбилеѣ, малорусскаго писателя Барвинскаго, русскихъ писателей Достоевскаго и Писемскаго и мыслителя-педагога Пирогова. Теперь совершенно естественно оно вспомнило объ И. С. Тургеневѣ.

Едва ли кто болѣе его содѣйствовалъ развитію нашего об-

щественнаго самосознанія! Едва ли кто болѣе его содѣйствовали знакомству съ нами другихъ народовъ и нашихъ братій славянъ въ томъ числѣ! Французы и нѣмцы и англичане, итальянцы и норвежцы, всѣ глубоко чтутъ его творческій геній и высоко ставятъ его имя. „Revue Politique“ начинаетъ такъ статью о немъ: „Франція и Россія понесли тяжелую утрату“. Популярный американскій романистъ называетъ себя его ученикомъ и считаетъ Тургенева величайшимъ писателемъ нашего времени. Наши братья по племени не менѣе высоко цѣнили нашего писателя и признали его своимъ. Знаменитый польскій писатель Крашевскій посвятилъ его памяти слѣдующія слова:

„Нѣтъ уже среди насъ того великаго артиста, золотого сердца, благороднаго и симпатичнаго человѣка. Тургеневъ скончался. Всѣ знавшіе его лично, или знавшіе его только по произведеніямъ, исполненнымъ оригинальности и величайшаго обаянія, почувствуютъ эту невозвратимую утрату.

Превозноситъ произведенія Тургенева и ихъ значеніе въ литературѣ — трудъ излишній. Рѣдко кто изъ писателей можетъ похвалиться такимъ всеобщимъ призваніемъ. Впрочемъ, весьма немногіе, подобные ему, заслужили такую всеобщую дань дивною артистическою художественностью, своеобразіемъ и прелестью картинъ, въ которыхъ дѣйствительность и истина сочетаются съ фантазією и идеалами.

Почти всегда Тургеневъ представляется намъ черезчуръ сжатымъ, никогда растянутымъ. Это поэтъ и мастеръ формы, хотя въ немъ нѣтъ и малѣйшаго усилія или напряженія, а все, что онъ пишетъ, выливается, кажется, изъ подъ его пера съ легкостью необычайною. Какъ точные снимки съ общества и вѣка, произведенія его единственныя въ своемъ родѣ. Истина проявляется въ нихъ всегда именно тамъ, гдѣ она очерчивается наиболѣе рельефно.

Не теряя самообладанія, Тургеневъ никогда не переступалъ границъ, за которыми реализмъ становится отталкивающимъ. Въ его герояхъ никогда нѣтъ недостатка чего то, что ихъ возвышаетъ, облагораживаетъ, къ нимъ манитъ и дѣлаетъ ихъ интересными. Каждое изъ тургеневскихъ дѣйствующихъ лицъ имѣетъ свою собственную мысль, языкъ и свой родной отгѣнокъ. У него нѣтъ двухъ одинаковыхъ лицъ, или ординарныхъ, или же просто вставленныхъ, чтобы занять пустое мѣсто.

Литература не только русская, но и европейская, утрачиваетъ въ немъ несравненнаго новеллиста, или, вѣрнѣе долженъ былъ бы я сказать, поэта и художника.

Какъ человѣкъ, Тургеневъ въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его оставляетъ неизгладимую печаль и память. Кроткій, добрый, крайне простой и естественный въ обращеніи съ людьми, онъ самъ не придавалъ себѣ значенія и добровольно умалялъ свои заслуги — но будущность сдѣлаетъ его исполнимомъ“.

На похоронахъ его будутъ присутствовать представители польскаго кружка въ Петербургѣ. Ренанъ въ Парижѣ будетъ прово-

жать надгробнымъ словомъ прахъ его на родину. Всѣ шлютъ послѣднее прости его праху. Словомъ, въ лицѣ Тургенева мы вошли въ культурную семью европейскихъ народовъ, вокругъ его имени группируются всѣ славянскіе народы, всѣ люди, для которыхъ слова: правда, просвѣщеніе, гуманность, прогрессъ не стали ни пустымъ звукомъ, ни пугаломъ.

„Тургеневъ западникъ, скажутъ намъ; онъ самъ сказалъ это. Вотъ разгадка его популярности на западѣ, и, можетъ быть, это обстоятельство достойно сожалѣнія“. Да онъ западникъ; но вотъ что говоритъ онъ о своемъ западничествѣ. „Я никогда не признавалъ той непреступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но малосвѣдущіе патріоты непремѣнно хотятъ провести между Россіей и Западной Европой, той Европою, съ которою порода, языкъ, вѣра такъ тѣсно ее связываютъ. Не составляетъ ли наша славянская раса въ глазахъ филолога, этнографа — одной изъ главныхъ вѣтвей индо-германскаго племени? И если нельзя отрицать воздѣйствія Греціи на Римъ, и обоихъ ихъ вмѣстѣ на германо-романскій міръ, то на какомъ же основаніи не допускается воздѣйствіе этого — что ни говори — родственнаго, однороднаго міра на насъ? Неужели мы такъ мало самобытны, такъ слабы, что должны бояться всякаго посторонняго вліянія и съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ бы оно насъ не испортило? Я этого не полагаю: я полагаю, напротивъ, что насъ хоть въ семи водахъ мой — нашей, русской сути изъ насъ не вывести. Да и что бы мы были въ противномъ случаѣ за плохенькой народецъ!“ Въ другомъ мѣстѣ, говоря о мужикѣ Хорѣ и его любознательности, онъ высказываетъ такой взглядъ: „изъ нашихъ разговоровъ (съ Хоремъ) я вынесъ одно убѣжденіе... что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — то ему и подавай, а откуда оно идетъ — ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ, но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ“. Тургеневъ въ этомъ смыслѣ истый русскій человѣкъ. Его сильная натура не побоялась усвоить, то что хорошо въ началахъ западной жизни; но его русской сути и въ семи водахъ не вымоешь. Мало того, оставаясь русскимъ, поэтизируя русскую природу, изображая

русскую жизнь, онъ явился, отчасти, и самъ образцомъ для Западной Европы. Славяне не цурались знакомства съ внѣшнимъ міромъ, они не были китайцами, и быть вѣрнымъ славянству не значить отрещиваться отъ преобразованій, хотя бы они и шли къ намъ изъ чужихъ краевъ.

Тургеневъ послужилъ одному изъ самыхъ крупныхъ преобразованій, послужилъ всей силой своего таланта, и въ этомъ его заслуга предъ Русью и предъ славянствомъ. Онъ боролся съ врагомъ, который, говоритъ онъ, „въ моихъ глазахъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца — съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться. Это была моя аннибаловская клятва, и не я одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и на западъ ушелъ, чтобы лучше ее исполнить“. Оружіемъ нападенія послужили „Записки охотника“, плѣвившія всѣхъ, и тѣхъ, противъ кого были направлены. Повидимому, это чрезвычайно объективныя описанія природы, нравовъ, жизни и обычаевъ. И дѣйствительно нельзя сказать себѣ, что тутъ вотъ прикрашено, а тутъ черной краской подмазано. Жизнь выходитъ предъ вами настоящая, во всей правдѣ; но авторъ самъ обратилъ вниманіе и вниманіе читателя направили туда, гдѣ былъ центръ тяжести вопроса.

Предъ вами умница Хорь, человѣкъ смѣтливый, хозяйственный, который даже не хочетъ освободиться отъ своего барина, находя выгоднымъ быть его захребетникомъ. Рядомъ съ нимъ Калинычъ,— поэтическая натура,— который любитъ своего барина такъ сильно, что даже и слова дурнаго про него не смѣй сказать. Баринъ ихъ Полутыкинъ — добрый человѣкъ, но полное ничтожество. Можетъ быть потому имъ и хорошо за нимъ? А, можетъ быть такъ, случайность простая. Но все же напрашивается вопросъ: почему эти люди составляютъ чью то собственность? Этотъ вопросъ связывается уже съ болью въ сердцѣ, когда предъ вами приподнимается уголь завѣсы, закрывающей помѣщичье самоуправство, и вы мелькомъ видите частицу драмы, разбившей жизнь несчастной Ариши (Ермолай и Мельничиха). Когда же господинъ Звѣрьковъ рассказываетъ вамъ ея дѣло и жалуется на ея „черную неблагодарность“, вся желчь поднимается противъ него... нѣтъ, не противъ него, а противъ такъ называемаго права, отдавашаго самую завѣтную чувства Ариши, самое неприкосновенное чувство, чувство любви въ распоряженіе другихъ людей, даже непонимающихъ

возможности существованія чего либо не для нихъ и помимо ихъ. Въ судьбѣ Татьяны („Контора“) дѣйствуетъ та же роковая сила, и предъ вами снова разбитая молодая жизнь, а съ ней рядомъ и другая. И какъ это просто: „госпожа Лоснякова оставила и Павла и Николая у себя въ услуженіи, а дѣвку Татьяну сослала: видно не понадобилась“. А Касьянъ съ Красивой Мечи? За что этотъ горемыка выгнанъ съ своего мѣста родимаго? А вѣдь онъ его такъ любитъ; такъ поэтически описываетъ онъ свои поля, рѣчки, луга, и перелѣски, что его заслушаешься. Онъ философъ съ поэтической подкладкой, моралистъ; онъ выше нравственно тѣхъ, которые безжалостно вырвали его изъ гнѣзда... и только ли это сдѣлали? На немъ лежитъ какая то тайна; что то тяжелое произошло. Только Аннушка, которую онъ боится назвать дочкой, осталась утѣхой его горемычной жизни. Старикъ Сучекъ, этотъ рыболовъ на безрыбьи, тоже метался отъ этой роковой силы, именуемой „крѣпостнымъ правомъ“. То козачекъ, то актеръ; то поваръ, то кучеръ; то кофишенекъ, то ученикъ въ сапожникахъ, пока, наконецъ, не почилъ въ рыболовахъ. Это по истинѣ комедія жизни, но только не на подмосткахъ, а взаправду, на самомъ дѣлѣ. Только вы сѣли на берегу пруда и разговорились съ Туманомъ о былыхъ временахъ, о банкетахъ, о пирахъ вельможескихъ, а уже предъ вами горе проходитъ: дядя Власъ домой идетъ. Ходилъ въ Москву просить у барина сбавки оброка. Дѣти померли, работать некому, сынъ извошикъ померъ въ Москвѣ,—онъ и оброкъ то вносили; все это такъ, да баринъ ничего знать не хочетъ: осерчалъ вовсе. И вотъ идетъ Власъ домой, гдѣ, по его словамъ, жена, чай, теперь съ голодухи въ кулакъ свиститъ.— Что жъ, это плохо, братъ Власъ, съ разстановкой произнесъ Туманъ.— „А чѣмъ плохо? Нѣ... (у Власа голосъ оборвался). Эка жара стоитъ,—продолжалъ онъ, утирая лицо рукавомъ“.

Нѣтъ надобности припоминать всѣ лица и силуэты, которые идутъ предъ читателемъ въ „Запискахъ Охотника“. Предъ вами люди, за которыми не признавали человѣческаго достоинства, которыми торговали, мѣнялись, которыхъ дарили, отдавали по наслѣдству, женили, выдавали замужъ,—а то и вовсе выходить замужъ и жениться запрещали, отдавали въ солдаты, переселяли, словомъ все дѣлали съ ними, что хотѣли. Предъ читателемъ раскрыта ихъ душа: она человѣческая, настоящая человѣческая. Да какая еще! Сколько силы въ страданьи, сколько доброты и иногда беззавѣтной привязанности даже къ тѣмъ, кто ими владѣеть! Съ другой

стороны авторъ выводитъ господъ. Онъ ихъ не извергами рисуетъ; нѣтъ, это обыкновенные люди, но они испорчены крѣпостнымъ правомъ. Бездѣлье, кутежи, самодурство и эгоизмъ, доведенный до послѣдняго градуса,— вотъ главныя черты ихъ. Полутыкинъ самый добрый изъ нихъ, но и онъ не думаетъ о другихъ и отбиваетъ отъ хозяйства Калиныча и жалуется ему за это въ годъ гривенникъ. За нимъ идутъ Звѣрьковы, Пѣночкины, Лосняковы и другіе помѣщики, изъ которыхъ иные встаютъ живыми предъ вами, другіе проходятъ силуэтами. Всѣ они испорчены крѣпостничествомъ.

„Записки Охотника“ рисуютъ такую привлекательную и вмѣстѣ щемящую картину русской жизни, что вся душа поднимается на ноги. Если бы въ этой жизни не видно было силы, тогда бы можно было рукой махнуть. Но, нѣтъ, вы чувствуете, что сила есть, что этотъ народъ хорошъ, вы начинаете любить его и надѣяться на него, и вамъ страстно хочется освободить его изъ рабства... Вотъ гдѣ крылся ударъ, нанесенный Тургеневымъ крѣпостному праву; вотъ въ чемъ его заслуга въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Мы не можемъ не вспомнить этой заслуги на краю его еще не закрывшейся могилы.

Внѣшняя политика Наполеона III.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Считаю не бесполезнымъ для читателей указать на нѣкоторыя сочиненія, которыми я пользовался при составленіи моихъ лекцій. Это указаніе можетъ быть полезно для тѣхъ, кто пожелалъ бы познакомиться съ внѣшнею политикою Наполеона III-го, или съ отдѣльными моментами ея, подробнѣе, чѣмъ это позволяетъ содержаніе моихъ лекцій.

Taxile Delord. Histoire de la seconde Empire 6 in 8°.

Heinrich v. Sybel. Napoleon III.

Rud. Gottschale. Napoleon III. Eine biographische Studie.

De-Senior. Caractère de Napoleon III — Rev. polit. et litter. 1883 (Conversations with distinguished persons during the second empire. 2 in 8°).

Prince Napoleon. Des idées Napoléoniennes. 1840.

Leroy Beaulieu. La politique de la seconde Empire. Revue de deux Mondes. 1872.

Ancien diplomate. La Guèrre de Crimée d'après les documents inedites. Nouv. Revue. 1880.

Богдановичъ. Исторія Крымской войны. 4 in 8°.

Rambaud. Moscou et Sevastopol.

Rüstow. Der italienische Krieg 1860, politisch-militärisch beschrieben. 1 in 8°.

Mazade. Le comte de Cavour. Revue de deux M. 1876 et 1877.

Klaczko. Les preliminaires de Sadowa. Ibidem. 1868.

La Marmora. Un peu plus de lumière sur les événements politiques et militaires de l'année 1866. 1 in 8°.

Oscar Meding. De Sadowa à Sedan. Mémoires d'un ambassadeur secret aux Tuilleries, publiés par V. Tissot. 1885. 1 in 8°.

Rothan. L'Allemagne au mois de Juillet. 1870. Revue polit. et littér. 1883. T. II.

Cherbuliez. La Prusse et l'Allemagne en 1869. Revue de deux Mondes 1869 et 1870.

Duret. Histoire de quatre ans. 1870—1873. T. I. 1876.

Рѣшаюсь еще указать на „Севастопольскіе разсказы“ графа Л. Толстого. Можно прочитать всѣ четыре тома соч. Богдановича о Крымской войнѣ, даже проштудировать ихъ и все же не получить такого живого представленія о севастопольской борьбѣ, какое получаешь послѣ прочтенія очерковъ нашего знаменитаго художника.

Луи-Наполеонъ и бонапартизмъ.— Крымская война.

20 декабря 1848 года Луи-Наполеонъ признанъ былъ президентомъ республики и, принявъ ея присягу, обратился къ національному собранію съ слѣдующими словами: „избраніе и присяга, которую я сейчасъ принесъ, опредѣляютъ мое будущее поведеніе. Моя обязанность указана; я исполню ее, какъ честный человѣкъ“.

„Я буду считать врагами отечества всѣхъ тѣхъ, кто будетъ покушаться измѣнить незаконными путями то, что установила вся Франція“.

Почти три года спустя, 2 декабря 1851 года, совершился государственный переворотъ. По приказу Луи-Наполеона представители народа были арестованы и отвезены въ тюрьмы, сопротивление департаментовъ и Парижа было подавлено. Вооруженная борьба въ Парижѣ разыгрывается 4-го декабря страшнымъ ураганомъ пуль и картечи на главныхъ парижскихъ бульварахъ. Въ теченіи четверти часа массированныя на бульварахъ пѣхота и артиллерія стрѣляли почти въ упоръ въ безоружныхъ жителей, собравшихся густою толпою на широкихъ тротуарахъ бульваровъ Магдалины, Капуциновъ, Итальянскаго, Монмартрскаго, Пуассоньеръ и Доброй Вѣсти, и въ тѣхъ, которые находились въ окнахъ и на балконахъ по всей линіи названныхъ бульваровъ. Исторія, по всей вѣроятности, никогда не будетъ знать числа жертвъ этой пальбы. Официально число ихъ показывалось въ 380 человѣкъ только убитыхъ, что, конечно, гораздо ниже дѣйствительности. Вечеромъ 4 декабря бульвары были покрыты трупами мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, тротуары были залиты кровью, въ углубленіяхъ мостовой она скопилась лужами. Стѣны домовъ были

избиты пулями, нѣкоторые дома были разбиты ядрами, окна выбиты, двери выломаны. Событія на бульварахъ, которыя Гранье-де-Кассаньякъ скромно называетъ „замѣчательнымъ случаемъ“, навели ужасъ на парижское населеніе. На другой день борьба окончилась. Тысячи людей или разстрѣляны, или сосланы въ Кайенну. До самаго изданія книги Тэно (1868 г.) событія, сопровождавшія государственный переворотъ, не были изложены съ необходимою точностью и съ достаточною полнотою. Появленіе этой книги произвело такое сильное впечатлѣніе, что оно само по себѣ стало историческимъ событіемъ.

Государственный переворотъ сдѣлался исходной точкою учрежденія второй имперіи. Менѣе чѣмъ черезъ годъ она была провозглашена и принцъ Луи-Наполеонъ принялъ титулъ императора подъ именемъ Наполеона III. Постановкой этой цифры онъ краснорѣчиво говорилъ, что онъ признаетъ себя законнымъ преемникомъ Наполеона I и его сына герц. Рейхштадтскаго. Дѣйствительно ли Наполеонъ III считалъ себя представителемъ имени, которое наполнило своею славою начало XIX вѣка и оставило по себѣ политическій завѣтъ? Вопросъ этотъ надо будетъ, по всей вѣроятности, разрѣшить въ утвердительномъ смыслѣ.

Прежде всего основаніемъ для такого рѣшенія служатъ собственные сочиненія Луи-Наполеона, относящіяся къ тому времени, когда онъ не могъ быть увѣреннымъ, что онъ будетъ императоромъ, и которыя дышатъ полною искренностью. Къ тому же стремленія, высказанныя въ одномъ изъ нихъ, такъ объясняютъ дѣятельность будущаго императора, что не можетъ быть сомнѣнія, что Наполеонъ-императоръ осуществлялъ то, о чемъ мечталъ уже Наполеонъ-принцъ. Я говорю о „*Réveries politiques*“ (1832 г.) и въ особенности объ „*Idées Napoléoniennes*“ (1840 г.). Въ первомъ сочиненіи мы имѣемъ лишь самую общія указанія на идеалы автора. Онъ приверженецъ свободы и равенства и въ этомъ смыслѣ преклоняется предъ революціею 1789 года и полагаетъ прогрессъ въ осуществленіи ея принциповъ. Въ эту же пору жизни мы встрѣчаемъ его на поляхъ Романьи, борющимся противъ австрійцевъ въ рядахъ итальянскихъ карбонаровъ. Но во всѣхъ этихъ порываніяхъ было очень много именно мечтательнаго, какъ и въ цитируемой нами книгѣ. Замѣтимъ здѣсь же, что въ натурѣ этого человѣка была склонность къ фантастическому, къ мечтательности. Его мать, которая сама обладала этимъ качествомъ, говаривала часто друзьямъ объ этой

сторонѣ характера своего сына и называла его поэтому „mon doux gēveur entêté“. Въ сочиненіи „Наполеоновскія идеи“, мы видимъ уже человѣка возмужалаго, который мечтаетъ не столько о свободѣ, сколько о примиреніи ея съ порядкомъ и объ осуществленіи наполеоновской миссіи, которую онъ считаетъ для себя священной.

Но въ чемъ же заключаются эти Наполеоновскія идеи? Онѣ опредѣляются ходомъ исторіи. Наполеонъ I представляется уму племянника человѣкомъ провиденціальнымъ. Онъ призванъ Богомъ служить мостомъ между старымъ порядкомъ и новымъ, грядущимъ за революціею 89 года. Послѣдняя не въ силахъ была организовать общество на новыхъ началахъ, на началахъ свободы. Для этого нужна была сильная рука и воля Наполеона. Наполеонъ не былъ деспотъ, его деспотизмъ лишь былъ временнымъ средствомъ, чтобы заставить и приучить людей жить на началахъ свободы, его деспотизмъ поэтому авторъ „Наполеоновскихъ идей“ называетъ „деспотизмомъ свободы“. Эта школа должна взять много времени, ибо раньше, чѣмъ наступитъ свобода, должно произойти много переменъ въ обществѣ. Да не удивляется поэтому читатель, что ни дядя, ни племянникъ, осуществлявшій его идеи, не дожили до того момента, когда наступилъ чередъ свободѣ смѣнить собою деспотизмъ. Государственная организація, созданная Наполеономъ, представляетъ слѣдующій видъ: верховный народъ, дающій свое согласіе на основные законы и избирающій главу государства, даруя ему наследственную власть; законодательныя палаты, имѣющія скорѣе совѣщательный, чѣмъ рѣшающій голосъ, и во главѣ всего императоръ, дающій тонъ всей жизни.

Но новыя идеи не могутъ торжествовать въ одномъ мѣстѣ, не возбуждая надеждъ на ихъ осуществленіе въ другомъ мѣстѣ и не вызывая соотвѣтственныхъ опасеній. Они, кромѣ того, стремятся къ распространенію. Отсюда, по мнѣнію автора „Наполеоновскихъ идей“, вытекали войны Наполеона. Самъ онъ былъ приверженцемъ мира, но необходимость поскорѣе вывести народы на новую дорогу жизни заставляла его воевать. Въ результатѣ этихъ войнъ должно было быть подчиненіе всѣхъ народовъ общему режиму при осуществленіи универсальной монархіи. Такимъ образомъ, долженъ былъ наступить всеобщій миръ. Читатель видитъ, что это утопія; но она то вѣдь и служила подкладкою знаменитаго изреченія Наполеона III: „имперія — это миръ“. Много смѣялись надъ этимъ изреченіемъ, надъ противорѣчіемъ между

нимъ и дѣйствительностью, но для человѣка, его сказавшаго, оно имѣло смыслъ. Предъ нимъ носилась яко-бы мирная миссія Наполеона I и онъ думалъ, что ему выпало на долю довести ее до конца.

Глядя на эту картину, такъ далекую отъ дѣйствительности, мы склонны думать, что она нарочно выдуманна, что авторъ самъ не вѣрилъ въ ея правдивость. Но мы теперь уже прожили много. Эпоха Наполеона I обработана научно. Мы знаемъ его личность со всѣми ея дурными и хорошими сторонами. Время его для насъ понятно, и мы знаемъ, что именно создало Наполеона и что неизбежно должно было погубить его. Но отрѣшимся на минуту отъ нашихъ знаній, забудемъ Ланфре, забудемъ только что явившееся соч. Юнга и станемъ на мѣсто Людовика-Наполеона. Мы застаемъ его въ 1814 году шестилѣтнимъ мальчикомъ. Онъ еще слишкомъ малъ, чтобы отнестись ко всему сознательно; но онъ уже кое что понимаетъ и можетъ многое помнить. вмѣстѣ съ матерью онъ бѣжитъ изъ Парижа, подвергаясь не малымъ опасностямъ. Во время возвращенія Наполеона съ Эльбы, онъ съ матерью опять въ Парижѣ. Императоръ выноситъ ребенка на балконъ, гдѣ громовые раскаты „ура“ ликующей арміи и народа встрѣчаютъ и императора, и ребенка на его рукахъ. Смутны воспоминанія человѣка изъ этого возраста; но тѣмъ рѣзче запечатлѣваются выдающіяся событія. Луи-Наполеонъ былъ свидѣтелемъ величія дяди, и это впечатлѣніе осталось неизгладимымъ.

Затѣмъ, во время тихой жизни въ Арненбергѣ, рассказы матери Гортензіи Богарне, ярой поклонницы Наполеона, могли только развивать въ мальчикѣ культъ этого человѣка. А затѣмъ? Затѣмъ наступаетъ пора, когда смерть примиряетъ съ Наполеономъ потомство, а мелкота реакціи необходимо дѣйствуетъ такъ, что образъ его все растетъ и растетъ, пока не достигаетъ сверхъестественныхъ размѣровъ. Онъ становится какимъ то полубогомъ. Вспомните произведенія нашихъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова:

„Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру *вѣчную свободу*
Изъ мрака ссылки завѣшалъ“.

Такъ кончаетъ Пушкинъ свое произведеніе „Наполеонъ“, написанное въ 1821 г., т. е. вскорѣ послѣ смерти Наполеона.

„Ты погибалъ“, — говоритъ Лермонтовъ, обращаясь къ фран-

пузскому народу въ годъ перенесенія останковъ Наполеона съ о—ва св. Елены въ Парижъ:

„Ты погибаль... и онъ явился съ строгимъ взоромъ
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И миръ трепещущій въ безмолвіи взираль
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣваль“.

Вспомнимъ „Воздушный корабль“, гѣсни Беранже (наприм., „Старый капраль“), стихотвореніе Гейне „Два гренадера“, „Ночной смотръ“, и мы скажемъ себѣ: да, это была пора обоготворенія Наполеона. „Исторія консульства и имперіи“ Тьера давала этому апоѳеозу яко бы научное основаніе. Встрѣча праха Наполеона и церемонія перенесенія его въ домъ инвалидовъ, были не только актомъ отданія чести памяти великаго человѣка; это былъ актъ идолопоклонства. Въ этой атмосферѣ жилъ Луи-Наполеонъ, наслѣдникъ великаго имени. Что же удивительнаго, что онъ тоже боготворилъ своего дядю? При такомъ настроеніи онъ обобщилъ дѣятельность своего предшественника, далъ ей свое толкованіе и создалъ нѣчто въ родѣ наполеоновской религіи, а себя воображалъ ея апостоломъ. Въ своихъ „Наполеоновскихъ идеяхъ“ онъ прямо ставитъ Наполеона I-го на одну доску съ Магометомъ, Моисеемъ и Иисусомъ Христомъ, и вотъ почему я говорю, что „Наполеоновскія идеи“ были для Луи-Наполеона чѣмъ то въ родѣ религіи. Я не хочу сказать, что личное честолюбіе было не причеиъ въ созданіи этой наполеоновской вѣры, я только думаю и, надѣюсь, вы согласитесь со мною, что Луи-Наполеонъ былъ болѣе фанатикомъ наполеоновскихъ идей, мономаномъ, вѣрившимъ въ свое наполеоновское призваніе, чѣмъ авантюристомъ, не имѣвшимъ ничего святого. Нѣмецкій біографъ его справедливо замѣчаетъ, что къ нему вполне примѣнима характеристика г-жи Сталь: „это Робеспьеръ на конѣ“.

Сдѣлавшись императоромъ французомъ въ силу государственнаго переворота, установивъ во Франціи „деспотизмъ свободы“, Луи-Наполеонъ не могъ держаться мирной политики. Тьеръ въ разговорѣ съ Сеньоромъ очень мѣтко сказалъ: „Правительство, запрещающее намъ удовлетворять наши страсти на трибунѣ, должно дать имъ полный просторъ на полѣ сраженія. Затрудненіе будетъ

заключаться не въ томъ, чтобы затѣять войну, а въ томъ, чтобы избѣжать ея“.

Да и въ силу внѣшняго положенія Франціи Наполеонъ не могъ обойтись безъ войны. Его возведеніе на престолъ было протестомъ противъ Вѣнскаго конгресса и трактата 20 ноября 1815 г., объявлявшаго потомство Наполеона на вѣки устраненнымъ отъ французскаго престола. Но вопросъ о томъ, гдѣ начнется война и съ кѣмъ ее будутъ вести, рѣшался отношеніями европейскихъ государствъ того времени.

Выдающееся значеніе въ международныхъ дѣлахъ принадлежало голосу Россіи. Дѣла средней Европы въ значительной степени зависѣли отъ ея голоса. Она только что спасла абсолютизмъ въ Австріи, подавивъ движеніе въ Венгріи. Этотъ ударъ отозвался упроченіемъ Австрійскаго вліянія въ Италіи и сохраненіемъ прежняго порядка вещей въ Германіи. Положеніе Пруссіи и положеніе Австріи по отношенію къ Россіи было въ началѣ 50 годовъ положеніемъ слабыхъ союзниковъ, неимѣющихъ вполнѣ самостоятельнаго голоса. Съ другой стороны вліяніе Россіи въ Турціи увеличивалось прямо пропорціонально развитію ея черноморскаго флота и обратно пропорціонально — внутренней силѣ Оттоманской Порты. По договору въ Хункиаръ-Скелесси Турція обязалась не пропускать въ проливы ни чьихъ военныхъ флотовъ, пока сама Турція находится въ мирѣ съ Россіей. Этотъ договоръ былъ подтвержденъ Лондонскимъ протоколомъ. Настолько были сильны надежды на скорое распаденіе Турціи, что еще въ 1844 году императоръ Николай, во время своего пребыванія въ Лондонѣ, поднималъ вопросъ о соглашеніи между Россією и Англіей на случай разложенія Турціи. Затѣмъ, въ 1852 году, онъ поднялъ снова тотъ же вопросъ (во время спора о св. мѣстахъ) въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ Гамильтономъ Сеймуромъ, назвавъ при этомъ Турцію больнымъ человѣкомъ. Вступившій вскорѣ послѣ того въ управленіе дѣлами Англіи лордъ Кларендонъ выразилъ, однако, полную увѣренность въ живучести Турціи и прекратилъ переписку по поводу предвидимой случайности.

Англія относилась съ крайнею опаскою къ усиленію вліянія Россіи на Турцію и къ развитію ея морской силы на Черномъ морѣ. Въ теченіе XIX вѣка она переживала послѣдствія постановленій Вѣнскаго конгресса и избобрѣтеній Уата и Аркрайта. Вѣнскій конгрессъ щедро надѣлилъ Англію внѣевропейскими владѣніями, предоставивъ ей и въ Средиземномъ морѣ хорошую

морскую станцію въ видѣ острова Мальты. Континентальная система Наполеона дала сильный толчекъ развитію англійской внѣевропейской торговли. Изобрѣтенія Уата и Аркрайта даютъ сильное оружіе для торгово-промышленнаго преобладанія. Разъ изобрѣтенъ былъ механической ткацкій станокъ и изобрѣтенъ былъ паровой двигатель, характеръ промышленности получаетъ совсѣмъ иной видъ. Ускореніе выдѣлки предметовъ влечетъ за собою необходимость въ ускореніи ихъ перевозки. Отсюда изобрѣтенія Фултона и Стефенсона. Пароходъ и желѣзная дорога,— это необходимое дополненіе къ изобрѣтенію ткацкой и прядильной машины и парового къ ней двигателя. Все это вмѣстѣ создало крупную промышленность, раасчитанную на иностранное потребленіе. Отсюда созданіе въ Англій колоссальной промышленности съ колоссальными богатствами фабрикантовъ, арматоровъ, желѣзнодорожниковъ и купцовъ; создается въ лицѣ ихъ и новая общественная и политическая сила.

Владѣнія, предоставленныя Англій на Вѣнскомъ конгрессѣ, становятся для нея всемірнымъ рынкомъ и развиваютъ ея коммерческіе интересы по всему земному шару. Усиленіе Россіи на Черномъ морѣ, казалось, задѣвало или угрожало въ будущемъ этимъ интересамъ и заставляло ее искать союзника для предотвращенія предвидимой опасности. Такимъ союзникомъ могъ быть Наполеонъ. Вотъ и объясненіе послѣдствій, съ которою обратился Пальмерстонъ съ поздравленіями къ Наполеону по поводу успѣха государственнаго переворота. Это поздравленіе возмутило общественное мнѣніе Англій. Пальмерстонъ лишился портфеля; но государственные люди Англій понимали значеніе для нихъ Наполеона — властителя Франціи, и Англія первая признаетъ его императоромъ французовъ.

Еще въ нотѣ кн. Шварценберга, министра Австріи, отъ 23 декабря 1851 года, поднятъ вопросъ о предстоящемъ появленіи новой имперіи во Франціи. Въ этой нотѣ австрійскій министръ совѣтуетъ въ Берлинѣ и въ Петербургѣ признать трактатъ 20 ноября 1815 года относительно Наполеонидовъ устарѣвшимъ и рекомендуетъ дворамъ сблизиться съ Франціею, чтобы предупредить сближеніе съ нею Англій. Этотъ совѣтъ оставленъ въ Петербургѣ безъ послѣдствій. Напротивъ, 19 января 1852 года французскій посолъ Кастельбажакъ получилъ изъ устъ императора Николая предостереженіе относительно провозглашенія имперіи во Франціи и совѣтъ по адресу Наполеона, въ случаѣ предложенія ему коро-

ны, принять ее лишь на 10 лѣтъ. Въ то же время Киселевъ, русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, сообщилъ Наполеону мнѣніе своего правительства, что провозглашеніе имперіи во Франціи было бы опасно для интересовъ мира. На это сообщеніе Наполеонъ отвѣчалъ увѣреніемъ въ неосновательности опасеній петербургскаго кабинета и прибавилъ къ этому, что онъ готовъ отразить всякую попытку задѣть честь и достоинство Франціи, олицетворенныя въ его лицѣ. Тѣмъ не менѣе послѣ провозглашенія имперіи Нессельроде послалъ французскому правительству ноту съ возраженіями противъ провозглашенія имперіи. Министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ де-Луисъ отвѣтилъ Киселеву, что онъ не можетъ вступать въ переписку по поводу совершившагося факта и что ему, поэтому, нечего сказать въ отвѣтъ на депешу гр. Нессельроде, „развѣ только восхищаться элегантносью ея стиля“.

Замѣтивъ разногласіе между Россіей и Франціею, Англія поспѣшила протянуть руку Франціи и заявила, что она не начнетъ войны съ цѣлью навязать Франціи другое правительство, и просила лишь дружественныхъ объясненій, которыя и были тотчасъ же даны. Когда затѣмъ 3 декабря 1852 г. секретнымъ протоколомъ въ Лондонѣ Англія, Россія, Пруссія и Австрія согласились признать Наполеона императоромъ, Англія поспѣшила съ этимъ дѣломъ и уже 6 декабря заявила Наполеону о своемъ признаніи его въ санѣ императора французовъ. Пруссія и Австрія промедлили до конца мѣсяца, а императоръ Николай, хотя и призналъ Наполеона императоромъ, но отказалъ ему въ обычномъ наименованіи „братомъ“. Такимъ образомъ уже тогда образовалась группировка державъ: Франція и Англія, съ одной стороны, а Россія съ другой. Пруссія и Австрія въ счетъ не шли. Хотя императоръ Николай и думалъ, что онѣ будутъ идти вмѣстѣ съ нимъ, но для Наполеона стало скоро яснымъ, что обѣ державы не будутъ помогать Россіи.

Случай для столкновенія не замедлилъ вскорѣ представиться въ вопросѣ о ключахъ отъ храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ. Поднимая вопросъ объ этихъ ключахъ и возобновляя забытый договоръ 1740 года, Наполеонъ не имѣлъ въ виду столкновенія съ Россіей, но разъ изъ этого дѣла появился крупный политическій вопросъ, онъ позаботился о томъ, чтобы довести дѣло до войны. Съ самаго начала посольства кн. Меншикова въ Константинополь въ Парижѣ угадали, что не только вопросъ о ключахъ составляетъ предметъ посольства. Въ самомъ дѣлѣ, кн. Меншиковъ долженъ былъ заключить, во 1-хъ, конвенцію, подтверж-

дающую предоставленное Россіи прежними договорами право покровительства христіанскимъ подданнымъ Порты, и, во 2-хъ, предложить Турціи секретный оборонительный и наступательный союзъ, съ обѣщаніемъ дать ей 40 т. войска на случай нападенія на нее со стороны Франціи или Англіи.

Когда кн. Меншиковъ отказался сообщить англійскому полковнику Розу, завѣдывавшему дѣлами посольства, за отсутствіемъ лорда Рэдклифа-Стратфорда, свѣдѣнія о существѣ своей миссіи, послѣдній тотчасъ же потребовалъ англійскій флотъ. Но ни адмиралъ Дундасъ, командовавшій эскадрою у Мальты, не послушался приказа Роза, ни лордъ Кларендонъ не одобрилъ этого распоряженія. Наоборотъ, же смотря на то, что Бенедетти, завѣдывавшій дѣлами французскаго посольства въ Константинополь за отсутствіемъ Делакура, находилъ излишнимъ призывъ флота, и не смотря на то, что лордъ Кларендонъ заявилъ Валевскому (франц. посолъ въ Лондонѣ), что нѣтъ основаній для опасеній, Друэнъ де-Люисъ приказалъ французскому флоту стать у Саламина и предписалъ Бенедетти двинуть флотъ къ Константинополю въ томъ случаѣ, если Россія будетъ принуждать Турцію исполнить ея требованія. Это былъ первый актъ вмѣшательства въ споръ между Россіей и Турціей. Друэнъ де-Люисъ высказывалъ сожалѣніе, что французскій и англійскій флоты не двигаются вмѣстѣ. Вскорѣ это желаніе исполнилось. Съ возвращеніемъ лорда Стратфорда дѣло быстро идетъ къ развязкѣ. 19-го апрѣля послѣдовалъ ультиматумъ Меншикова Портѣ съ угрозою занять Дунайскія княжества въ случаѣ отказа. По совѣту лорда Стратфорда Порта отказывается заключить конвенцію; онъ увѣдомилъ ее при этомъ, что онъ имѣетъ полномочіе своего правительства держать флотъ на готовѣ.

Россія исполняетъ свою угрозу и вводитъ войска въ княжества. Съ своей стороны Франція и Англія вводятъ свои флоты въ проливы, хотя это и противорѣчило условіямъ Хункиарь-Скелесійскаго трактата, подтвержденнаго Лондонскимъ протоколомъ. Россія вѣдь еще не находилась въ формальной войнѣ съ Турціей.

Теперь долженъ былъ выясниться вопросъ о дипломатическомъ положеніи Австріи и Пруссіи. Вопросъ этотъ разрѣшался не въ пользу Россіи, хотя еще ни Австрія, ни Пруссія не выказали склонности стать на сторону западныхъ державъ. Но для Наполеона и Англіи было въ высшей степени ободрительно самое колебаніе этихъ державъ, которыя считались безусловными союзницами Россіи. Австрія выступаетъ теперь посредницею съ цѣлью преду-

прежденія войны. Въ Вѣнѣ открывается первая вѣнская конференція, которая вырабатываетъ извѣстную „Вѣнскую ноту“ (31-го іюля 1853 г.), адресованную отъ имени конференціи къ Турціи и Россіи. Это былъ первый актъ сближенія Австріи съ западными державами и второй шагъ со стороны послѣднихъ въ ихъ вмѣшательствѣ въ споръ Турціи и Россіи. Какъ ни непріятна была именно эта сторона дѣла Петербургскому кабинету, но такъ какъ вѣнская нота удовлетворяла по существу его требованія, адресованныя къ Турціи, то императоръ Николай выразилъ по телеграфу свое согласіе на эту ноту. Дѣло считалось уже оконченнымъ, какъ одна берлинская консервативная газета опубликовала сущность толкованій на вѣнскую ноту, представленныхъ гр. Нессельроде императору Николаю. Эта нескромность повредила дѣлу. Послы державъ отказались поддерживать ноту предъ Портою и послѣдняя отвѣчала отказомъ.

Война между Турціею и Россіею формально началась (октябрь 1853 г.). Затѣмъ происходитъ извѣстное Синопское сраженіе, кончившееся уничтоженіемъ турецкаго флота. Этотъ случай не представляетъ ничего особеннаго съ точки зрѣнія международнаго права. Двѣ державы воюютъ между собою; флотъ одной изъ нихъ нападаетъ на флотъ другой и одерживаетъ побѣду. Война началась 20 октября (1 ноября), а Синопскій бой происходилъ 16-го (28-го) ноября. Это сопоставленіе чиселъ достаточно, чтобы опровергнуть общераспространенное тогда мнѣніе, что Россія напала на Турцію до объявленія войны.

Обезпечившись на счетъ Австріи, Франція и Англія воспользовались Синопскимъ сраженіемъ, чтобы ввести свои флоты въ Черное море. На вопросъ гр. Нессельроде о томъ, будутъ ли флоты удерживать и Турцію отъ военныхъ операцій на морѣ, отвѣтъ полученъ былъ отрицательный. Можно сказать, что тѣмъ самымъ война была объявлена со стороны Франціи и Англіи; но переговоры, ни къ чему не ведущіе, продолжались съ обѣихъ сторонъ, закончившись личною перепискою Наполеона и императора Николая. Въ своемъ письмѣ Наполеонъ взваливаетъ вину на Россію за Синопское сраженіе, „которое больно отозвалось въ сердцахъ французовъ“, и не формулируетъ никакого прямого предложенія. Англійскія газеты, оцѣнивая этотъ документъ, высказали мнѣніе, что онъ поражаетъ своею туманною фразеологіею сравнительно съ обычною точностью и ясностью французскихъ дипломатическихъ документовъ. Отвѣтъ императора Николая на это письмо

былъ исполненъ достоинства и суровой сдержанности. Онъ поставилъ на видъ Наполеону двусмысленность его политики и лицемеріе его миролюбія и сказалъ, что было бы приличнѣе съ его стороны и болѣе соответственно достоинству его сана прямо объявить войну, а не прибѣгать къ изворотамъ. За эту переписку прерваны были дипломатическія сношенія. Затѣмъ послѣдовалъ англійскій ультиматумъ (15 февраля 1854 г.), а 28 марта послѣдовало объявленіе войны и вскорѣ открылись военныя дѣйствія. Нашъ городъ однимъ изъ первыхъ услышалъ громъ пушекъ 10 апрѣля, какъ разъ въ страстную пятницу, когда одесситки хлопотали надъ приготовленіемъ пасокъ, куличей и другихъ принадлежностей пасхальнаго стола, ихъ мирныя занятія были прерваны падающими бомбами, которыя достигали даже до площади Новаго базара.

Между тѣмъ, готовясь къ войнѣ съ Россіей, Франція постаралась еще болѣе обезпечить себя отдѣленіемъ Пруссіи и Австріи отъ Россіи. Съ этою цѣлью, въ видахъ яко-бы посредничества, 5 декабря (н. с.) 1853 года представителями Франціи, Англіи Пруссіи и Австріи былъ постановленъ, безъ вѣдома Россіи, протоколъ, которымъ, между прочимъ, на первомъ планѣ гарантировалась цѣлость границъ Турціи, не смотря на ея войну съ Россіей, а также и то, что на нее не будутъ наложены новыя обязательства, а на послѣднемъ планѣ было поставлено обѣщаніе, что султанъ приметъ во вниманіе религіозныя интересы русскаго императора и большинства его подданныхъ, по скольку это совместно съ верховными правами султана. Постановленіе это создавало какой то судъ надъ Россіей, рѣшавшій напередъ, безъ ея участія, судьбу ея войны съ Турціей. Оно не могло имѣть никакого шанса на принятіе его Россією; но оно ставило Австрію и Пруссію въ несомнѣнно враждебныя отношенія къ Россіи и совершенно изолировало послѣднюю. За этимъ актомъ слѣдуетъ другой. Пруссія и Австрія заключаютъ между собою оборонительный и наступательный союзъ на случай, если бы которая либо изъ воюющихъ сторонъ нарушила бы германскіе интересы. Параграфъ 2-й этого договора признавалъ за угрозу нѣмецкимъ интересамъ и продолжительное занятіе Россією Дунайскихъ княжествъ. Этотъ договоръ былъ весь въ пользу Австріи, и Пруссія отказалась отъ него, какъ только отъ Россіи получено было обѣщаніе не переходить Дунай; но онъ имѣлъ то значеніе, что связывалъ военныя операціи Россіи, а во вторыхъ дѣлалъ болѣе тѣмъ двусмысленнымъ нейтралитетъ

тетъ Австріи. Но Наполеонъ и его министръ все еще не были довольны послѣднею. Про ея поведеніе Друэнъ де-Люисъ высказался такъ: или это крайняя нерѣшительность, или же вѣроломство. Можно сказать, что тутъ было и то и другое. Лѣтомъ 1854 г., однако, Австрія сдѣлала новый важный шагъ: она добилась (нотами 14 іюня и 9 іюля) согласія Россіи на очищеніе Дунайскихъ княжествъ. Австрія взялась занять ихъ своими войсками и нейтрализировать. Этимъ поступкомъ Австрія совершенно закрывала Турцію отъ русскихъ войскъ и развязывала руки ея союзникамъ: они могли теперь употребить свои войска для нападенія на какой либо пунктъ русской территоріи. Говорятъ, что Шварценбергъ какъ то сказалъ, что Австрія паразитъ миръ своею неблагодарностью. Теперь это предсказаніе исполнялось; но главное оставалось еще впереди.

Итакъ политика Франціи и Англій добилась очень многого. Она добилась нейтралитета Австріи, Пруссіи и Германіи. Нейтралитетъ послѣдней былъ особенно важенъ для Франціи. Она добилась упраздненія театра войны на Дунаѣ и возможности перенести его въ Крымъ. Началась знаменитая осада Севастополя. Эта борьба была страшно тяжела для Россіи. Она выяснила, какое пагубное значеніе для могущества государства имѣютъ отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, слабость общественной самодѣятельности, пренебреженіе къ широкому распространенію образованія, увлеченіе формою, безъ достаточнаго вниманія къ существу дѣла. Много недостатковъ военной и общественной организаціи раскрыто было этою войною и тяжело они ложились на защитниковъ Севастополя; но они не сломили стойкости послѣднихъ. Непрѣтели неожиданно натолкнулись не на сильныя укрѣпленія, — они были возведены чуть ли не на ихъ глазахъ, — не на усовершенствованныя ружья и пушки, не на геніальныхъ предводителей, — они натолкнулись на беззабѣтную преданность отечеству и алмазную твердость русскаго человѣка, и эти качества сдѣлали небывалое: 11 мѣсяцевъ защищался городъ въ самыхъ неудобныхъ условіяхъ обороны. Титаническая сила этой борьбы видна и доселѣ. Вся земля кругомъ Севастополя изрыта такъ, что на ней, что называется, живого мѣста нѣтъ. Пройдите теперь, тридцать лѣтъ спустя, по Севастополю, спуститесь сверху до низу по Екатерининской улицѣ: что вы увидите? Развалины, остатки домовъ съ коптою и дырами въ стѣнахъ и груды мусора. По всей помянутой улицѣ, я въ прошломъ году насчиталъ три цѣлыхъ дома, и то изъ нихъ два новыхъ.

Севастополь весь былъ превращенъ въ груды развалинъ. Представьте вы себѣ половину круга, діаметръ котораго составляетъ 900 сажень. Такова была приблизительно площадь защищавшагося Севастополя. Въ теченіе 11 мѣсяцевъ осады на эту площадь брошено союзниками 1.356,000 артиллерійскихъ снарядовъ, среднимъ числомъ по 4,100 снарядовъ въ день. И подъ этимъ адскимъ фейерверкомъ стояли русскіе солдаты и своею грудью закрывали дорогія развалины.

Вотъ эта то трудность борьбы, особенно въ зимнее время, побудила Наполеона и Англію прибѣгнуть къ переговорамъ, которые имѣли двоякую цѣль: 1) добиться отъ Россіи уступокъ, которыя составляли цѣль войны, и 2) дритянуть къ военнымъ дѣйствіямъ Австрію и тѣмъ устроить диверсію въ пользу своихъ операцій у Севастополя. Австрія предложила посредническія услуги и созывъ конференціи. Базисомъ переговоровъ Австрія, съ согласія Франціи и Англіи, предложила 4 пункта: 1) отказъ Россіи отъ протектората надъ Дунайскими княжествами, 2) свобода судоходства по Дунаю, 3) ограниченіе преобладанія Россіи на Черномъ морѣ и 4) эмансипація христіанъ Турецкой имперіи, насколько это совмѣстимо съ верховными правами султана и съ цѣлостью и независимостью Турецкой имперіи.

Послѣ нѣкотораго колебанія Россія согласилась приступить къ переговорамъ на основаніи указанныхъ четырехъ пунктовъ и прислала для ихъ веденія кн. Горчакова. Франція прислала Друэнъ де-Люиса, а Англія — лорда Росселя. Со стороны Австріи былъ министръ Буоль, которому и принадлежалъ починъ созыва конференціи. Но едва успѣла Россія выразить свое согласіе на мирные переговоры, какъ 2 декабря публикуется въ Парижѣ, въ Монитерѣ, текстъ только что заключеннаго союзнаго договора Австріи съ Франціей и Англіей. Австрія обязывалась не вступать въ переговоры съ Россіей отдѣльно отъ союзниковъ, она обязалась занимать Дунайскія княжества и не пропускать черезъ нихъ русскихъ войскъ; но она должна открывать свободный проходъ черезъ нихъ для союзныхъ войскъ. Этотъ договоръ своимъ вѣроломствомъ привелъ въ негодованіе кн. Горчакова. Разсказываютъ, что когда онъ вышелъ изъ конференцъ-залы, онъ былъ внѣ себя и, проходя по сосѣдней комнатѣ, воскликнулъ: „будутъ они меня помнить! будутъ помнить!“ Но если Австрія съ своей политикою удивляла міръ своею неблагодарностью, то и ей со стороны Франціи и Англіи подготовленъ былъ новогодній подарокъ. 12-го января (н. с.) 1855 года заклю-

ченъ былъ союзъ Сардиніи съ Англіей и Франціей. Этотъ союзъ вызвалъ опасенія Австріи за ея положеніе въ Италіи. Такъ какъ союзъ Австріи съ противниками Россіи грозилъ общей коалиціей, то кн. Горчаковъ все таки приступилъ къ переговорамъ. Два первыхъ пункта не встрѣтили большого затрудненія. Что касается вопроса объ ограниченіи силы Россіи на Черномъ морѣ, то тутъ встрѣтились непреодолимая разногласія. Друэнъ де-Люисъ предложилъ сокращеніе морскихъ силъ Россіи до ничтожнаго минимума и запрещеніе ей укрѣплять свои берега. Князь Горчаковъ понималъ неприемлемость такого предложенія и, съ своей стороны, предложилъ, чтобы Черное море было открыто для всѣхъ флотовъ. Это предложеніе тоже не было принято. Съ своей стороны Буоль внесъ предложеніе, чтобы Франція, Англія, Австрія и Турція содержали бы на Черномъ морѣ такое же число судовъ, которое содержитъ Россія. Друэнъ де-Люисъ и лордъ Россель согласились на это предложеніе. Но согласіе французскаго министра, хлопотавшаго о поддержкѣ связей съ Австріей, встрѣчено было порицаніемъ Наполеона, а уступчивость англійскаго министра вызвала негодованіе въ публикѣ и въ парламентѣ. Оба они вышли въ отставку. Конференція кончилась ничѣмъ. Горчаковъ догадался, однако, по поведенію Австріи на конференціи, что она не начнетъ войны и эта догадка его оправдалась. Франція и Англія энергично принялись за продолженіе осады Севастополя. Пальмерстонъ становится первымъ министромъ Англіи и напрягаетъ всѣ силы, чтобы усилить осаждающую армію и ея средства. Наполеонъ желаетъ лично отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Пальмерстону удалось отговорить его отъ этого шага, который былъ невыгоденъ для значенія англійской арміи, которая и безъ того стояла на второмъ планѣ. Онъ представилъ Наполеону, что осада не настолько еще подвинулась, чтобы можно было разсчитывать на удачу смѣлаго шага, а между тѣмъ неудача штурма въ присутствіи императора, или долгое отсутствіе штурма, были бы равно невыгодны для сохраненія его престола и упроченія его власти. Этотъ аргументъ подѣйствовалъ.

Наконецъ паденіе Севастополя совершилось. Императоръ Николай не дожидая до этого событія. Его преемникъ, покойный императоръ Александръ Николаевичъ, продолжалъ войну для сохраненія чести Россіи. Обороной Севастополя до послѣдней крайности она была сохранена. Императоръ не сомнѣвался въ необходимости прекратить дальнѣйшее кровопролитіе, а потому и предложилъ скорѣе перемиріе, за которымъ послѣдовали мирные переговоры

на основаніи знаменитыхъ 4-хъ пунктовъ. Третій пунктъ могъ быть теперь принятъ Россіей, такъ какъ фактически черноморскій флотъ и колыбель его — Севастополь перестали существовать. Съ другой стороны, Наполеонъ считалъ цѣль войны достигнутою. Военныя лавры были взяты, священный союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи былъ расторгнутъ, ослабленіе Россіи было достигнуто. Хотя Пальмерстонъ и желалъ дальнѣйшаго продолженія войны, но тутъ оказалось, съ полною очевидностью, что Англія безъ союза съ какою либо континентальною державою вести войны не можетъ, а потому волей-неволей приходилось мириться. Парижскій конгрессъ, на которомъ приняли участіе представители Франціи, Англіи, Австріи, Россіи и Сардиніи, а черезъ нѣкоторое время допущень былъ и представитель Пруссіи, облекъ въ форму международного договора извѣстные четыре пункта. Дунайскія княжества и другія вассальныя государства Порты были поставлены подъ коллективное покровительство европейскихъ великихъ державъ, — равно какъ и христіанскіе подданные Турціи, которымъ обѣщаны были реформы въ смыслѣ расширенія ихъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ. Судходство по Дунаю было признано свободнымъ и контроль надъ нимъ былъ порученъ международной комисіи. Россія лишилась своихъ владѣній на устьяхъ Дуная и эта часть ея территории была передана Молдавіи. Наконецъ, самый важный пунктъ, а именно: ограниченіе силы Россіи на Черномъ морѣ, — былъ рѣшенъ такимъ образомъ: Черное море признано было нейтральнымъ. Россія обязалась не заводить ни морскихъ арсеналовъ, ни военныхъ портовъ, ни крѣпостей по всему своему побережью Чернаго моря и не содержать военныхъ судовъ, кромѣ незначительнаго, опредѣленнаго договоромъ, числа мелкихъ судовъ, нужныхъ для береговой службы. Проливы признаны закрытыми для всѣхъ военныхъ судовъ. Наконецъ, цѣлость и независимость Турецкой имперіи поставлены были подъ защиту всѣхъ великихъ державъ.

Итальянскій вопросъ.— Австро-прусская война.

Въ прошлый разъ я окончилъ свою лекцію Парижскимъ конгрессомъ и указалъ тѣ главныя основанія, по которымъ рѣшились поставленные конгрессомъ политическіе вопросы. Не желая утомлять вашего вниманія, я отложилъ на сегодня указаніе послѣдствій этого конгресса для главныхъ европейскихъ державъ.

Первымъ слѣдствіемъ рѣшеній конгресса для Россіи было, конечно, ослабленіе ея могущества на Черномъ морѣ и уничтоженіе того политическаго вліянія въ Европѣ, которое она практиковала. Вліяніе это, особенно въ 40-хъ годахъ, выразилось тѣмъ, что, благодаря поддержкѣ, оказанной Австріи, заторможены были національныя движенія въ Италіи и Венгріи; было также остановлено объединительное движеніе Германіи, выразившееся во Франкфуртскомъ парламентѣ. Въ этомъ характерѣ вліянія Россіи надо искать причину популярности Крымской войны въ западно-европейскомъ обществѣ.

Англія успокаивается ослабленіемъ Россіи, ибо она ставила его своею задачею; силу Россіи она считала тогда, какъ и теперь, опасною для своего спокойствія въ Индіи. Успѣхи Крымской войны успокоили, однако, Англію не вполне; Пальмерстону казалось, что война не окончена. Недовольство Пальмерстона исходомъ войны раздѣляла и Австрія, которая такъ настойчиво требовала на конгрессѣ возможно большихъ жертвъ отъ Россіи, что русскій посланникъ графъ Орловъ, обратясь къ сардинскому посланнику Кавуру, сказалъ ему вполголоса: „Австрія хлопочетъ такъ сильно, какъ будто бы не французы, а она брала Севастополь“. Для Австріи желательно было ослабленіе Россіи, такъ какъ о прежнихъ отношеніяхъ не могло быть и рѣчи. Что касается ея собственнаго положенія послѣ Крымской войны, то оно было изолированнымъ и довольно опаснымъ, съ одной стороны, по отношенію къ Пруссіи, какъ государству, призванному въ силу своего состава и положенія стать центромъ политическаго движенія въ Германіи; она освободилась отъ гегемоніи и для нея открывается дорога для усиленія въ Германіи. Гр. Бисмаркъ, бывший тогда посланникомъ въ Петербургѣ, понялъ это и начертилъ себѣ программу дѣйствій, которую потомъ и выполнилъ. Съ другой стороны, Австріи грозила опасность въ Италіи. Въ силу новыхъ политическихъ отношеній для Франціи открывается поприще для усиленія ея вліянія, это Апеннинскій полуостровъ. Теперь впервые выступаетъ на сцену итальянскій вопросъ, котораго до сихъ поръ не признавали; да и самое слово Италія не допускалось въ политическій лексиконъ дипломатовъ. Италія, по словамъ Меттерниха, только географическое понятіе, но не больше.

Симпатіи Наполеона къ Италіи начинаются давно. Еще будучи молодымъ человѣкомъ, онъ сражался противъ австрійцевъ въ рядахъ итальянскихъ карбонаровъ. Въ этой борьбѣ онъ поте-

рять брата и самъ едва спасся отъ преслѣдованій австрійцевъ. Но эти симпатіи не были только его личными симпатіями, онѣ находили откликъ и сочувствіе во всемъ французскомъ обществѣ и во всей Европѣ. Италіи сочувствовали, къ ней относились съ состраданіемъ. Если мы поищемъ причины такого отношенія, то мы ихъ найдемъ въ историческихъ судьбахъ этой прекрасной страны. Италія, эта страна славнаго Рима, страна возрожденія, страна Данта, Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи, теперь оккупирована австрійцами, которые всюду поддерживаютъ деспотизмъ духовный и свѣтскій; по ней бродятъ шайки бандитовъ, которые не были просто разбойниками, а наоборотъ, въ очень многомъ напоминали собою тѣхъ гайдуковъ, которые наводняли славянскія страны Балканскаго полуострова до ихъ освобожденія.

Къ этому же времени относится поѣздка Гладстона въ Италію и появленіе (въ 1852 году) его книги объ неаполитанскихъ политическихъ тюрьмахъ. Гладстонъ, пользуясь своимъ положеніемъ, имѣлъ возможность поближе ознакомиться съ положеніемъ заключенныхъ въ неаполитанскихъ тюрьмахъ; онъ добился того, что ему были показаны дѣла, онъ изучаетъ ихъ массаи и приходитъ къ убѣжденію, что всѣ эти несчастные, гнѣющіе въ тюрьмахъ, терпятъ вопіющую несправедливость. Все это произвело на него глубокое и ужасное впечатлѣніе, которое онъ излилъ въ выпущенной имъ книгѣ о неаполитанскихъ тюрьмахъ. Впечатлѣніе этой книги было самое страшное, ужасающее, его можно сравнить развѣ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвела его брошюра „Болгарскіе ужасы“, изданная предъ русско-турецкой войною.

Въ такое тяжелое для Италіи время появляется въ ней личность настолько характерная и выдающаяся, что намъ необходимо остановиться на ней подробнѣе. Я говорю о Кавурѣ, объ „отцѣ итальянскаго объединенія“. Происходя изъ стариннаго дома, онъ былъ землевладѣльцемъ, нѣкоторое время служилъ; но, не желая служить при режимѣ, противномъ его политическимъ взглядамъ, вышелъ въ отставку и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Его живой умъ, благородный и общительный характеръ привлекали къ нему людей; бодрость духа, которая почти никогда не покидала его, даже въ наиболѣе трудныя минуты жизни, вселяла въ его друзей довѣріе къ будущему. Находчивость и быстрота соображенія, способность найти выходъ тамъ, гдѣ, казалось, нѣтъ исхода, доставили ему то громадное вліяніе, которымъ онъ пользовался до конца жизни въ парламентѣ и въ министерствѣ. Задача его росла

по мѣрѣ его дѣятельности; онъ былъ человѣкъ, какъ бы созданный для того, чтобы создать единое національное итальянское государство. Онъ сдѣлалъ это цѣлью своей жизни.

Выступивъ на политическое поприще послѣ пораженія Пьемонта при Новаррѣ, онъ говаривалъ своимъ друзьямъ: „постараемся что нибудь сдѣлать“. Тогда онъ поставилъ двѣ задачи: 1) сохраненіе конституціи Пьемонта и увеличеніе его нравственного и матеріальнаго благосостоянія, и 2) усиленіе его вліянія въ остальной Италіи. По мѣрѣ разрѣшенія этихъ задачъ онъ двигается къ третьей: освобожденію и объединенію всей Италіи. Популярность Кавура, какъ я уже сказалъ, возростала все болѣе и болѣе и онъ становится какъ бы знаменемъ всѣхъ итальянцевъ. Въ январѣ 1855 года онъ, движимый какимъ то инстинктомъ, заключаетъ извѣстный союзъ съ Франціей и Англіею противъ Россіи. На вопросъ, предложенный ему въ палатѣ, съ какою цѣлью и зачѣмъ онъ заключаетъ этотъ договоръ, какіе интересы связываютъ Сардинію съ Франціей и Англіей, Кавуръ затруднялся дать прямой и ясный отвѣтъ: онъ не могъ выставить настоящихъ мотивовъ его. Въ этомъ актѣ была извѣстная доля фантастичности; но Кавуръ ухватился за этотъ договоръ, чтобы опередить Австрію въ сближеніи съ Франціею и какъ за единственное средство выдвинуть итальянскій вопросъ и поставить его въ число задачъ европейской политики. Онъ глубоко вѣрилъ, что объединеніе Италіи можетъ состояться скорѣе путемъ политическихъ союзовъ, чѣмъ путемъ революціи. Онъ предугадывалъ всю важность этого союза съ Англіей и Франціей и не ошибся. Я обращаю здѣсь ваше вниманіе на фактъ, имѣющій особое значеніе. Когда Англія выразила желаніе принять на себя содержаніе выставленныхъ Сардиніею 15,000 войскъ, Кавуръ отказался и съ гордостью указалъ на то, что Сардинія выступаетъ какъ равноправный союзникъ, а не отдаетъ въ наймы свое войско. Первое важное послѣдствіе этого союза было то, что на парижскомъ конгрессѣ является сардинскій уполномоченный. По настоянію Кавура въ одномъ изъ засѣданій конгресса былъ поднятъ итальянскій вопросъ, и ему удалось констатировать невозможныя условія итальянской жизни подъ владычествомъ Австріи и поддерживаемыхъ ею государей Неаполя, Пармы, Тосканы и Модены. Послѣ Парижскаго конгресса, 16-го апрѣля 1856 года, Кавуръ разсылаетъ къ европейскимъ державамъ ноту объ оккупации австрійскими войсками итальянскихъ земель, говоря, что оккупация эта ставитъ Италію въ крайне бѣдственное

положеніе, и поставилъ имъ такую альтернативу: или Австрія должна владѣть до Альпъ, или ея вовсе не должно быть на Апеннинскомъ полуостровѣ. Положеніе обострялось, не мѣшало запасаться союзниками. Таковой былъ уже на лицо, это Наполеонъ III. Кромѣ того, дипломатическія отношенія Россіи и Сардиніи, прерванныя съ 1848 года, теперь опять возобновились и характеръ ихъ сталъ очень дружественнымъ.

Мы говорили выше объ участіи Наполеона III въ итальянскихъ движеніяхъ. Это участіе, сопряженное съ потерю брата, съ опасностью собственной жизни, не могло не оставить глубокаго слѣда въ его душѣ. Этими біографическими данными, я полагаю, можно объяснить симпатіи Наполеона къ Италіи скорѣе, чѣмъ политическими интересами, желаніемъ дѣйствовать черезъ Италію и имѣть въ ней союзницу, или желаніемъ ослабить Австрію; хотя, конечно, эти мотивы тоже существовали. До 1858 года, однако, рѣшительныхъ шаговъ со стороны Наполеона III мы не видимъ; замѣтны только проявленія симпатіи. Когда была открыта подписка на вооруженіе крѣпости Александріи, то она была дозволена въ Парижѣ и дала тамъ значительную сумму. Но въ началѣ 1858 г. (14 января) случилось событіе, которое послужило сильнымъ толчкомъ впередъ. Я говорю о покушеніи итальянскаго патріота Орсини на жизнь Наполеона. Происшествіе это произвело сильное впечатлѣніе какъ во Франціи, такъ и въ Италіи. Нунцій при парижскомъ дворѣ старается увѣрить Наполеона, что это прискорбное событіе порождено политикою Кавура. Наполеонъ лично адресуетъ итальянскому посланнику Вилла-Маринѣ требованіе французскаго правительства прекратить всякую агитацію противъ императора и заявляетъ ему прямо: „ваша выгода требуетъ уступчивости по отношенію ко мнѣ, такъ какъ только отъ союза съ Франціей вы можете ожидать исполненія вашихъ надеждъ“.

Вѣсть о покушеніи Орсини произвела на Кавура тяжелое впечатлѣніе: онъ испугался за симпатіи Наполеона и французскаго народа къ Италіи, а между тѣмъ онъ своимъ яснымъ умомъ сознавалъ, что Франція — единственная возможная союзница Италіи въ борьбѣ за независимость и объединеніе. Но Кавуръ былъ изъ тѣхъ людей, которые живо находятся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Ему казалось, что необходимо сдѣлать какіе нибудь авансы, чтобы успокоить Наполеона и не дать врагамъ Италіи эксплуатировать совершившееся событіе въ свою пользу. Онъ устраиваетъ такъ, что Викторъ-Эммануиль посылаетъ въ Парижъ

кавалера Нигру съ собственноручнымъ письмомъ и выраженіемъ сожалѣнія по поводу случившагося покушенія и, кромѣ того, вноситъ въ парламентъ законопроектъ о наказаніи авторовъ статей, восхваляющихъ покушенія на иностранныхъ государей и подчиненіи ихъ суду съ особымъ составомъ присяжныхъ. Планъ Кавура удался: уступки эти удовлетворили Наполеона и онъ измѣнилъ свой взглядъ на значеніе Орсиніевскаго дѣла. Въ Тюльери, какъ писалъ Нигра, стали говорить, что до тѣхъ поръ, пока будетъ австрійскій гнетъ въ Италіи, до тѣхъ поръ будутъ происходить покушенія въ Парижѣ.

Наполеонъ прислалъ даже Кавуру всѣ бумаги, оставшіяся послѣ Орсини, между ними обращаютъ на себя вниманіе два письма Орсини, изъ которыхъ одно было, по приказанію Наполеона, напечатано въ Монитерѣ, а другое, писанное имъ наканунѣ смерти, заключаетъ въ себѣ мѣсто, въ которомъ Орсини поступокъ свой объясняетъ аберраціей ума. Онъ говоритъ, что никогда убійство не было принципомъ его системы и закликаетъ своихъ соотечественниковъ отказаться отъ заговоровъ и убійствъ, а Наполеона умоляетъ вступить за его несчастную родину. Письмо это Кавуръ напечаталъ тотчасъ же по полученіи въ оффиціальной сардинской газетѣ, угадавъ такимъ образомъ цѣль, которую имѣлъ въ виду Наполеонъ, отсылая его. Черезъ мѣсяць Кавуръ получаетъ извѣстіе изъ Парижа о желаніи Франціи вмѣшаться вооруженно въ дѣла Италіи. Кавалеръ Нигра былъ опять посланъ въ Парижъ и убѣдился въ вѣрности этого сообщенія. Вслѣдъ за этимъ лейбъ-медикъ Наполеона Коно отправляется съ конфиденціальною миссіею къ Виктору-Эммануилу и Кавуру и приглашаетъ послѣдняго на свиданіе съ Наполеономъ въ Пломбьерръ. 8 іюня 1858 г. Кавуръ тайно выѣзжаетъ изъ Турина въ Пломбьерръ, причемъ пишетъ своей пріятельницѣ въ Парижъ, что ему необходимо отдохнуть нѣкоторое время отъ усиленныхъ занятій и что онъ уѣзжаетъ въ Швейцарію; на обратномъ пути можетъ быть будетъ въ Парижѣ; но, какъ я уже сказалъ, онъ поѣхалъ не въ Швейцарію, а прямо въ Пломбьерръ. Здѣсь, когда онъ катался вдвоемъ безъ кучера съ Наполеономъ въ шарабанѣ, 8-го іюня между ними былъ разговоръ о союзѣ и состоялась даже словесная конвенція на слѣдующихъ условіяхъ: Франція объявляетъ Австріи войну, чтобы освободить Италію до Адриатики и присоединить къ ней Парму, Модену, Тоскану и часть папской области; въ вознагражденіе Франція получаетъ Савойю и Ниццу и, кромѣ того,

Франція и Италия сроднятся бракомъ принца Наполеона съ дочерью Виктора-Эммануила принцессою Клотильдой. Какъ на характерную черту политики Наполеона III-го я укажу здѣсь на то, что уже въ концѣ сказаннаго свиданія Наполеона съ Кавуромъ получается телеграмма отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Валуевскаго, въ которой онъ доноситъ императору, что по слухамъ Кавуръ находится будто бы въ Пломбьерѣ. Самъ Наполеонъ показалъ Кавуру эту депешу, посмѣиваясь надъ своимъ министромъ. Сейчасъ, по возвращеніи, Кавуръ въ особомъ меморандумѣ къ Наполеону III-му изложилъ содержаніе состоявшагося между ними соглашенія. Но срокъ разрыва между Франціей и Австріей не былъ еще обозначенъ точно. Все сказанное дѣлалось въ тайнѣ отъ общества и всѣ были поражены, когда на приѣмѣ въ Новый годъ Наполеонъ обратился къ австрійскому посланнику Гюбнеру съ слѣдующими словами: „Я очень жалѣю, что наши взаимныя отношенія не такъ хороши, какъ я того желалъ бы“. Слова эти произвели впечатлѣніе грома среди яснаго дня. Въ то же время Викторъ-Эммануиль въ тронной рѣчи высказалъ мнѣніе, что наступающій годъ начинается при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ и подаетъ надежды на исполненіе надеждъ Италиі. Здѣсь мы опять замѣчаемъ ту же черту политики императора, на которую я только что указалъ. Въ то время, когда состоялось уже соглашеніе между Наполеономъ и Кавуромъ, Валуевскій шлетъ ноту за нотой, въ которыхъ порицаетъ вооруженія Сардиніи и заявляетъ, чтобы она не ждала помощи со стороны Франціи для исполненія своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Понятно, что Австрія не могла также не вооружаться. Въ мартѣ Кавуръ опять во Франціи... Европейская дипломатія бьетъ тревогу. Англія возбуждаетъ вопросъ о конгрессѣ, Австрія соглашается на конгрессъ только безъ участія Сардиніи и требуетъ предварительнаго разоруженія послѣдней. На этихъ условіяхъ конгрессъ состояться не могъ. Англія вторично возбуждаетъ вопросъ о конгрессѣ, требуя общаго разоруженія и допущенія участія Сардиніи. 18 апрѣля это предложеніе сдѣлано Франціей Сардиніи, и Кавуръ согласился, хотя онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Франція такъ хлопочетъ о мирномъ разрѣшеніи итальянскаго вопроса, ибо онъ понималъ, что разрѣшеніе этого вопроса возможно только оружіемъ. Австрія отказалась и предъявила Сардиніи свой ультиматумъ (23 апрѣля) съ требованіемъ разоруженія и дала три дня сроку на отвѣтъ.

Единственный возможный отвѣтъ былъ отрицательный; онъ послѣдовалъ, и въ маѣ 1859 года война была объявлена.

Тотчасъ послѣ объявленія войны, Наполеонъ выѣхалъ въ Италію; энтузіазмъ парижанъ при отъѣздѣ его изъ Парижа не зналъ предѣловъ. Въ Генуѣ Наполеонъ издалъ прокламацію къ войскамъ, въ которой онъ заявляетъ, что онъ согласился на войну не изъ корыстныхъ побужденій, не ради какихъ либо пріобрѣтеній, а чтобы освободить Италію отъ иноземнаго владычества. Въ Миланѣ онъ издаетъ вторую прокламацію, въ которой призываетъ всѣхъ итальянцевъ стекаться подъ знамена Виктора-Эммануила.

Монтебелло, Маджента и Сольферино — вотъ главные моменты кампаніи. 24 іюня въ кровавомъ сраженіи при Сольферино союзники одержали послѣднюю побѣду надъ австріяцами. Колебаніе, которое еще раньше замѣчено было въ Наполеонѣ по отношенію къ войнѣ, теперь усилилось и обстоятельство это повело къ виллафранкскому перемирію. Какія же были причины этого колебанія? Причинъ было нѣсколько и вотъ болѣе существенныя изъ нихъ, во 1-хъ, въ парижскихъ дипломатическихъ кружкахъ были очень недовольны итальянской кампаніею; во 2-хъ, можно было опасаться движенія со стороны Германскаго союза. Уже поднимался вопросъ: должна ли, при такомъ неблагоприятномъ для Австріи ходѣ войны, принять участіе вся Германія, или нѣтъ? Пруссія склонялась въ пользу этого участія. Понятно само собою, какое осложненіе возникло бы для Франціи при утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Кромѣ указанныхъ двухъ причинъ колебанія Наполеона въ продолженіи войны, нужно указать еще на то удручающее впечатлѣніе, которое произвело на него сраженіе при Сольферино. Племянникъ знаменитаго дяди, онъ былъ гораздо впечатлительнѣе послѣдняго къ оборотной сторонѣ войны. Не чувствуя за собою талантовъ полководца, онъ тяготился какъ походомъ, такъ и кровопролитіемъ. Да, кромѣ того, сраженіе при Сольферино, хотя и было очень кровавое, но не было рѣшительнымъ; предвидѣлось, что со вступленіемъ въ знаменитый четырехугольникъ, война можетъ еще затянуться на болѣе или менѣе продолжительное время. Наполеонъ рѣшился поэтому поставить вопросъ о перемиріи, и оба императора съѣхались въ Виллафранкѣ. Тамъ 11 іюля было заключено перемиріе съ прелиминаріями мира, которые состояли въ слѣдующемъ: знаменитый четырехугольникъ крѣпостей (Пескиера, Мантуа, Верона и Леньяно) остается за Австріею, Венеція остается

также за нею; Ломбардія переходитъ къ Сардиніи; средне-итальянскія королевства образуютъ федерацію подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы; великимъ герцогамъ Пармы, Модены и Тосканы предоставляется возвратиться въ свои владѣнія. Франція не требуетъ уступки ей Ниццы и Савойи. Вѣсть объ этомъ перемиріи, которое въ ноябрѣ того же года превратилось въ цюрихскій миръ, взволновало всю Италію и наполнило ее ужасомъ. Кавуръ былъ въ страшномъ отчаяніи: вмѣсто обѣщанной Италіи до Адриатики, Венеція опять оказывается въ рукахъ Австріи; перспектива существованія герцогствъ Пармы, Модены и Тосканы также не заманчива; федерація средне-итальянская подъ предсѣдательствомъ папы,— все это такъ далеко отъ того идеала единой Италіи, за который весь народъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ! Надежды итальянскаго патріота были обмануты и онъ не могъ дольше оставаться въ министерствѣ. Онъ подалъ въ отставку и удалился въ деревню.

Ни одно изъ условій виллафранкскаго перемирія и цюрихскаго мира не было выполнено, за исключеніемъ того, что Венеція и часть Ломбардіи остались за Австрію. Причиною тому было движеніе итальянцевъ. Національное движеніе въ Италіи съ цѣлью объединенія становилось все интенсивнѣе. Временные правители: Фарини въ Пармѣ и Моденѣ, Риказоли въ Тосканѣ и Чиприани въ Болоньи напрягаютъ всѣ свои усилія къ образованію союза подъ главенствомъ Виктора-Эммануила, и итальянскій народъ высказываетъ свое неудовольствіе Франціи и Наполеону, обманувшему всѣ его ожиданія. Все это движеніе совершалось автоматически, такъ сказать умѣренно, ровно, безъ всякаго проявленія крайнихъ насильственныхъ мѣръ; торжествовала средняя партія, не ставившая никакихъ недосягаемыхъ и крайнихъ идеаловъ; идея объединенія выходила изъ глубины сознанія ея необходимости всѣми, она переживалась всѣмъ народомъ. Вотъ здѣсь то и сказалось значеніе дѣятельности Кавура въ этомъ національномъ дѣлѣ. Симпатія Наполеона клонилась въ сторону этого національнаго движенія; онъ не могъ принуждать Италію принимать виллафранкскаго перемирія. Въ концѣ года появилась въ Парижѣ брошюра „Папа и конгрессъ“, которая несомнѣнно принадлежала внушенію императора; въ ней доказывается, что честь папы нисколько не компрометируется и онъ не только ничего не теряетъ, отказываясь отъ Романьи, но остается еще въ выигрышѣ, ибо избавляется отъ излишнихъ хлопотъ. Брошюра эта произвела впечатлѣніе, и бо

догадывались объ истинномъ ея авторѣ. Послѣдовавшая затѣмъ отставка Валуевскаго, противника итальянской политики императора, тоже была понята, какъ демонстрація въ пользу Италіи.

Между тѣмъ Кавуръ оправился отъ удара, нанесеннаго ему виллафранкскимъ перемиріемъ, и увидѣлъ возможность продолжать прерванное дѣло. Въ январѣ 1860 года онъ опять вступаетъ въ министерство и быстро двигаетъ впередъ объединеніе Италіи. Сардинія заключаетъ съ Франціею договоръ, по которому Сардиніи предоставляется соединить среднюю Италію, а Франція получаетъ за это Ниццу и Савойю.

„Ну теперъ мы соучастники“,— замѣтилъ Кавуръ Латуръ д'Оверню послѣ подписанія этого договора. Съ лихорадочною поспѣшностью совершается объединеніе средней Италіи: 11 марта состоялось всенародное голосованіе о присоединеніи герцогствъ и части папской области къ Сардиніи. Всеобщее *да* было отвѣтомъ. 18 марта послѣдоваль декретъ о присоединеніи, а 25-го назначены выборы въ новый уже не сардинскій, а итальянскій парламентъ. Слѣдующія затѣмъ событія уже отличаются болѣе революціоннымъ и острымъ характеромъ, что и вызвало недовольство Наполеона дальнѣйшимъ объединительнымъ движеніемъ. Въ маѣ происходитъ экспедиція народнаго героя Гарибальди въ Сицилію и Неаполь. Со времени высадки въ Марсалѣ и до торжественнаго вѣзда въ Неаполь, весь походъ Гарибальди похожъ на подвиги сказочнаго героя. Все склоняется передъ нимъ; дискредитированное правительство Бурбоновъ не находитъ нигдѣ ни малѣйшей опоры, и молодой Францъ II удаляется въ Гаэту. Кавуръ поддерживалъ изъ подъ руки экспедицію Гарибальди и въ то же время зорко слѣдилъ за нимъ и боялся его. Онъ боялся, что Гарибальди дастъ движенію республиканскій характеръ и тѣмъ создастъ препятствіе къ объединенію и шансъ для иностраннаго вмѣшательства. По этому, когда торжество Гарибальди стало фактомъ, Кавуръ двинулъ въ Неаполь же сардинскія войска съ Викторомъ-Эммануиломъ во главѣ; Гарибальди сложилъ съ себя диктатуру въ Неаполѣ, передалъ власть Виктору-Эммануилу, и затѣмъ народное голосованіе объявило о присоединеніи королевства обѣихъ Сицилій къ Италіи. Объединеніе Италіи было закончено, за исключеніемъ Венеціи и Рима.

Это объединеніе было первымъ актомъ торжества принципа національности. Но разъ какойнибудь принципъ признанъ, то онъ требуетъ своего примѣненія всюду, гдѣ условія достаточно

подготовили почву для его принятія. Другою, аналогичною Италиі странною, является Германія. Бисмаркъ еще въ 1856 году указаль на своевременность объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, и мысль эта, продолжая жить въ Германіи, была сознаваема и государственными людьми другихъ странъ. Когда прусскій посланникъ Узедомъ сообщилъ Кавуру ноту съ выраженіемъ неудовольствія Пруссіи по поводу событій въ Италиі, Кавуръ ему пророчески отвѣтилъ: „очень жаль; но я полагаю, что Пруссія очень скоро послѣдуетъ нашему примѣру“. Этими словами указано важное слѣдствіе итальянскаго объединенія для общей политики. Съ другой стороны, Австрія, вытѣсненная изъ Италиі, поворачивается въ другую сторону, къ Балканскому полуострову, ища тамъ вознагражденія за свою потерю. Дѣйствительно, мысли о пріобрѣтеніяхъ съ этой стороны, являвшіяся прежде въ Вѣнѣ, такъ сказать, одиночно, пріобрѣтають уже въ началѣ 60-хъ годовъ характеръ довольно интенсивнаго политическаго стремленія. Говоря по поводу проэкта конгресса (въ 1863 году) Пальмерстонъ прямо высказался: „Къ чему собирать конгрессъ? Какъ только конгрессъ соберется, Австрія непременно заговоритъ: дайте мнѣ Боснію, пожалуйста мнѣ Герцеговину и т. д.“. Это стремленіе Австріи было исполнѣ естественно.

Итальянская кампанія можетъ быть признана кульминаціоннымъ пунктомъ дипломатической дѣятельности Наполеона III. Послѣ того начинаются неудачи. Первую неудачу онъ потерпѣлъ при вмѣшательствѣ въ польскія дѣла. Вмѣшательство это было горячее, проэкты грандіозные, связанные съ значительною перетасовкою: предполагалось возстановленіе Польши, Австрія уступаетъ ей Галицію, получаетъ взамѣнъ Силезію и Дунайскія княжества, Пруссія усиливается на сѣверѣ Германіи; на западѣ Германіи образуется союзъ, на подобіе Рейнскаго союза первой имперіи подъ протекторатомъ Наполеона III, восточныя границы Франціи подлежатъ исправленію. Англія поддерживаеъ въ этомъ дѣлѣ Францію, единственно съ тою цѣлью, какъ выразился Пальмерстонъ, чтобы уничтожить хорошія отношенія Франціи къ Россіи; Пальмерстонъ остановилъ дипломатическій походъ Росселя въ тотъ моментъ, когда увидѣлъ свою цѣль достигнутою. Австрія дѣйствовала двусмысленно и нерѣшительно, Пруссія держалась въ сторонѣ. Но всѣ эти проэкты были писаны на пескѣ; главное упустили изъ виду, — это умѣніе Россіи отстаивать свои интересы. Франція должна была отступить. Это — первая неудача Наполеона III, за которою послѣ-

довала вторая въ Америкѣ. Я говорю о мексиканской экспедиціи, которая была скорѣе важна для нѣкоторыхъ банкировъ, чѣмъ для политики Франціи. Финансовые интересы нѣкоторыхъ банкировъ требовали вмѣшательства въ дѣла Мексики, гдѣ тогда происходила борьба партій. Но причеиъ же тутъ Наполеонъ и Франція? А вотъ въ данномъ случаѣ и сказалаь та склонность Наполеона III къ грандіознымъ, поразительнымъ по своей концепціи, фантастическимъ планамъ, которою онъ отличался съ дѣтства. Еще мать его отзывалась о ребенкѣ-Наполеонѣ, какъ о „мягкомъ мечтателѣ“, у котораго упрямство фантазіи было очень сильно. Ему понравилась представленная ему заинтересованными людьми мечта о какомъ то всеобщемъ объединеніи всей латинской расы Америки; онъ вѣрилъ, что эту миссію именно ему надлежитъ исполнить, онъ вѣрилъ въ полный успѣхъ экспедиціи, которая, однако, кончилась полной неудачею. Неудача мексиканской экспедиціи, которая стоила Франціи столькихъ людей и денегъ, сильно подорвала престижъ Наполеона. Нужно было чѣмъ нибудь поправить дѣло, а здѣсь подвернулся австро-прусскій споръ, въ который Наполеонъ и вмѣшался. Споръ этотъ, возникшій между Пруссіей и Австріей по поводу княжествъ Шлезвигъ-Гольштейнъ, имѣлъ болѣе общее значеніе и преслѣдовалъ гораздо болѣе обширную задачу: имъ рѣшался вопросъ, возможно ли совмѣстное существованіе Пруссіи и Австріи въ германскомъ союзѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о національномъ объединеніи Германіи подъ главенствомъ Пруссіи.

Еще въ 1848 году Франкфуртскій парламентъ поручилъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV присоединить эти герцогства къ Германіи; но отсутствіе войскъ, съ одной стороны, и помощь, оказанная Николаемъ I Австріи, съ другой, привели къ ольмюцкой конвенціи, по которой побѣдительницею вышла Австрія, и Пруссія должна была не только отказаться отъ возложенной на нее миссіи, но и отъ всякой мысли объ измѣненіи устройства Германіи, созданнаго Вѣнскимъ конгрессомъ. Теперь же судьбами Пруссіи руководилъ Бисмаркъ, человекъ практикъ, который сознавалъ возможность уничтоженія гегемоніи Австріи въ Германскомъ союзѣ и желалъ поставить на ея мѣсто Пруссію, измѣнивъ въ то же время организацію союза. Между прочимъ для созданія повода къ взаимному раздраженію, онъ поставилъ снова вопросъ о присоединеніи Шлезвигъ-Гольштейна къ Германіи и достигъ того, что Австрія вмѣстѣ съ Пруссіею завладѣли княжествами. Это соп-

dominium Австріи и Пруссіи въ княжествахъ приводило къ постояннымъ недоразумѣніямъ и стало поводомъ австро-прусской войны. Предвидя предстоящую борьбу, Бисмаркъ ищетъ союзниковъ, а самой естественной союзницей Пруссіи противъ Австріи являлась Италия. Мысль объ этомъ союзѣ Бисмаркъ высказывалъ Ламарморѣ еще въ 1862 году. Но теперь для Бисмарка явился другой вопросъ: Италия, вѣроятно, не согласится вступить въ союзъ безъ согласія на то Франціи, слѣдовательно, приходится зондировать почву отношеній Наполеона къ австро-прусской ссорѣ. Съ этой цѣлью Бисмаркъ былъ осенью 1864 года въ Парижѣ и Біаррицѣ и вывезъ оттуда впечатлѣніе благоприятное для своихъ цѣлей.

Заклученная въ августѣ 1865 г. Гаштейнская конвенція не устранила ссоры, какъ то казалось, а лишь усилила ее и дискредитировала къ тому же Австрію въ глазахъ нѣмцевъ. Эта конвенція была для Бисмарка, какъ онъ самъ выразился, только средствомъ, чтобы королю Вильгельму окончательно опротивѣли всякія конвенціи съ Австріею. Шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ былъ тѣмъ рѣшительнымъ обстоятельствомъ, которое порвало старинную entente cordial и то уваженіе, съ которымъ Вильгельмъ относился къ дому Габсбурговъ. Этого Бисмарку и нужно было, чтобы начать исполненіе задуманнаго имъ плана. Теперь послѣ Гаштейнской конвенціи онъ снова отправляется въ Біаррицъ на свиданіе съ Наполеономъ. Онъ имѣлъ съ нимъ разговоры съ глазу на глазъ и мы до сихъ поръ не знаемъ, въ чемъ они заключались. По многимъ обстоятельствамъ, слѣдовавшимъ за этимъ свиданіемъ можно, однако, думать, что Бисмаркъ представлялъ Наполеону, что объединеніе Германіи есть естественное слѣдствіе объединенія Италиі; что разъ Наполеонъ способствовалъ выполненію идеи объединенія итальянскаго народа, то было бы съ его стороны весьма непослѣдовательно не сочувствовать объединенію германскаго народа; онъ доказывалъ ему далѣе, что Пруссія не можетъ играть при statu quo никакой политической роли, что она является какою то странною конфигураціею, которую можно сравнить съ человѣкомъ безъ живота и безъ одного плеча. Ставъ же сильнымъ государствомъ Пруссія будетъ свободна въ своихъ союзахъ и, конечно, она войдетъ въ тѣсныя отношенія къ Франціи, дабы вмѣстѣ съ нею служить дѣлу свободы и цивилизаціи не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ. Такія рѣчи на умъ и воображеніе Наполеона производили сильное впечатлѣніе. Кромѣ того, когда Бисмаркъ вторично (1865 г.) появился въ Парижѣ, то отношеніе къ нему было совер-

шенно иное, чѣмъ первое его посѣщеніе. Всякій признавалъ въ немъ теперь, кромѣ чловѣка умнаго, талантливаго, esprit fort, еще очень дѣльнаго дипломата. Между нимъ и Наполеономъ состоялось въ Біаррицѣ соглашеніе несомнѣнно практическаго характера. Наполеонъ согласился на итальянскій союзъ съ Пруссіей и обѣщаль нейтралитетъ Франціи. Достоверно, что Бисмаркъ взаимно обѣщаль что то, но что именно — остается неизвѣстнымъ; оно станетъ извѣстнымъ только тогда, когда будутъ открыты для исторической любознательности прусскіе архивы. Наполеонъ унесъ съ собою въ могилу тайну біаррицкихъ переговоровъ; Бисмаркъ до сихъ поръ ни разу не высказался относительно того, какія именно гарантіи онъ обѣщаль первому, на случай серьезныхъ территоріальныхъ перемѣнъ въ Германіи. На вопросъ, почему Наполеонъ не заявилъ опредѣленныхъ требованій и не заключилъ конвенціи подобной той, которую онъ заключилъ съ Кавуромъ, можно представить то соображеніе, что онъ не вѣрилъ въ несомнѣнный успѣхъ Пруссіи. Допуская даже въ крайнемъ случаѣ успѣхъ ея въ союзѣ съ Италіей, онъ, вмѣстѣ съ окружающими его лицами, предполагаль долгую борьбу, въ которой обѣ стороны истощать свои силы. Тогда то настанетъ моментъ предложить свое посредничество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои требованія.

Этимъ можно объяснить также и то, что Друэнъ де-Люисъ одновременно съ переговорами Наполеона съ Бисмаркомъ, ведетъ переговоры съ Австрією, приведшіе къ тому, что наканунѣ самой войны (въ маѣ) Австрія согласилась уступить Венецію Италіи, лишь бы послѣдняя отказалась отъ союза съ Пруссією. Убѣжденіе въ относительной слабости прусскаго войска было общераспространеннымъ. Въ самой Пруссіи немногіе, кромѣ Мольтке и Бисмарка, вѣрили въ ея силу. Внѣ Пруссіи оцѣнивалъ вѣрно прусскую армію развѣ одинъ Ламармора; свое мнѣніе онъ высказываль французскому послу въ Берлинѣ. Это мнѣніе служило причиною его согласія на союзъ съ Пруссією.

Съ конца 1865 года Бисмаркъ начинаетъ переговоры съ Италіей. Въ началѣ 1866 года Бисмаркъ предлагаетъ Ламарморѣ послать въ Берлинъ уполномоченнаго генер. Говоне съ конфиденціальной миссією, подробности которой мы узнаемъ изъ обнародованной впослѣдствіи книги Ламармора („Немного свѣта...“). Пруссія сначала предложила только дружественный союзъ, но когда генер. Говоне отказался отъ этого и указаль, что такой союзъ будетъ въ рукахъ Пруссіи только оружіемъ, чтобы принудить Австрію усту-

пить въ вопросѣ о княжествахъ, Бисмаркъ отвѣтилъ, что изъ-за княжествъ воевать не стоитъ, что война будетъ изъ-за объединенія Германіи; но что король не рѣшается выступить на эту дорогу и еще менѣе согласенъ на оборонительный и наступательный союзъ съ Италіей. Король дѣйствительно медлилъ. Наконецъ 8 апрѣля 1866 г. былъ заключенъ оборонительно-наступательный союзъ между Пруссіей и Италіей. Въ разговорахъ съ Говоне незадолго до войны Бисмаркъ выражалъ сильное желаніе узнать, что именно Наполеонъ желаетъ получить и просилъ итальянскаго дипломата разузнать объ этомъ. Но итальянцы не проникли въ тайну императора. Есть въ перепискѣ Говоне указаніе, что Бисмаркъ не прочь былъ гарантировать Франціи уступку земли между Мозелемъ и Рейномъ. Говоря объ этомъ съ Говоне и какъ бы отвѣчая на возможное возраженіе съ обще-германской точки зрѣнія, онъ сказалъ: „что же, я болѣе пруссакъ, чѣмъ нѣмецъ“. Наполеонъ, однако, таинственно-молчаливо слѣдилъ за приближающеюся развязкой и уклонялся отъ всякой сдѣлки. Въ послѣднія недѣли передъ войною, желая, повидимому, безъ риска выступить арбитромъ между спорящими, Наполеонъ старается путемъ разоруженія, а когда послѣднее не состоялось, то путемъ конгресса предотвратить войну. Разоруженіе не состоялось, ибо Австрія сосредоточила свои войска на Минчіо, подъ предлогомъ, что Италія не разоружается, тогда и Пруссія отказалась отъ разоруженія. Предложеніе Наполеона созвать конгрессъ, на которомъ должны быть рѣшены вопросы о Венеціи, о Шлезвигъ-Гольштейнѣ и реформѣ германскаго союза было принято Россіей, Англіей и Пруссіей. По сообщенію Нигры, Наполеонъ предполагалъ образовать изъ западно-германскихъ государствъ союзъ, на подобіе Рейнскаго, подъ протекторатомъ Франціи. Австрія согласилась на конгрессъ, но съ условіемъ, чтобы вопросъ о территоріальныхъ измѣненіяхъ былъ исключенъ изъ программы обсужденій. Въ такомъ случаѣ, конгрессъ лишался смысла, какъ справедливо замѣтилъ русскій канцлеръ кн. Горчаковъ, получивъ увѣдомленіе объ отвѣтѣ Австріи. Между тѣмъ во Франціи съ безпокойствомъ смотрѣли на будущее. Въ законодательномъ корпусѣ Тьеръ критикуетъ внѣшнюю политику Наполеона III-го, нападаетъ на пристрастіе его къ Италіи и рекомендуетъ поддерживать *statu quo* въ Германіи. Въ своей рѣчи къ мэру Оксерра Наполеонъ отвѣчалъ на эти нападки заявленіемъ, что онъ всегда „ненавидѣлъ эти договоры 1815 года, которые иные желаютъ сдѣлать единственнымъ базисомъ нашей внѣшней поли-

тики". Эта рѣчь была ободреніемъ Пруссіи начать дѣло уничтоженія этихъ ненавистныхъ договоровъ.

16 іюня начались военныя дѣйствія между Пруссіей и Австріею. Съ первыхъ же шаговъ успѣхъ войны для Пруссіи былъ вовсе не таковъ, на какой рассчитывали. Пораженія австрійцевъ при Находѣ и Гичинѣ завершились полнымъ пораженіемъ ихъ арміи при Кенигсгрэдѣ и Садовой. Движеніе пруссаковъ къ Вѣнѣ произвело удручающее впечатлѣніе въ Парижѣ. Не ожидали тамъ такого скорого конца. Въ то же время Наполеонъ по телеграфу получаетъ приглашеніе Франца-Іосифа принять на себя посредничество, за что ему обѣщается Венеція. Императоръ немедленно созываетъ совѣтъ въ Сенъ-Клу при участіи всѣхъ высшихъ сановниковъ. Чтобы придать посредничеству Франціи болѣе внушительный видъ, Друэнъ де-Люисъ считаетъ необходимымъ выставить на Рейнѣ обсерваціонный корпусъ въ 80,000 человѣкъ, но военный министръ Рандонъ замѣчаетъ, что онъ сомнѣвается, чтобы можно было мобилизовать даже 40,000 человѣкъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ требовать и угрожать невозможно; возможно только предлагать и просить. Когда мысль о вооруженномъ дѣйствіи была оставлена, Друэнъ де-Люисъ вышелъ въ отставку. Не желая, все таки отказаться отъ роли посредника, Наполеонъ посылаетъ Бенедетти къ Бисмарку. На вопросъ послѣдняго: „чего желаетъ Франція“? Бенедетти затрудняется дать отвѣтъ, ибо самъ не знаетъ, чего хочетъ Наполеонъ: онъ былъ посланъ безъ всякихъ инструкцій. Въ Никольсбургѣ 18 іюля, между тѣмъ, заключается перемиріе съ прелиминаріями мира, которыя были утверждены затѣмъ Пражскимъ миромъ и состояли въ слѣдующемъ: Австрія признала присоединеніе Венеціи къ Италіи; Австрія соглашается на преобразование Германскаго союза и на лишеніе ея всякаго въ немъ участія. Австрійскій императоръ отказался отъ своихъ правъ на Шлезвигъ-Гольштейнъ съ тѣмъ, что населеніе этихъ областей будетъ со временемъ спрошено о желаніи его присоединиться къ Пруссіи. Такимъ образомъ, меньше чѣмъ въ шесть недѣль окончилась эта славная для Пруссіи война полнымъ торжествомъ ея, а въ то же время сѣверная Германія объединяется подъ ея главенствомъ. Территоріальное увеличеніе Пруссіи совершилось съ предварительнаго согласія Наполеона. На вопросъ нѣмецкаго посланника, обращенный къ Друэнъ де-Люису, не будетъ ли Франція чего либо имѣть противъ присоединенія къ Пруссіи территоріи съ 300 тыс. жителей, Друэнъ де-Люисъ затрудняется отвѣтить, считая

этотъ вопросъ требующимъ обсужденія. Тогда Гольцъ тотчасъ же обратился лично къ Наполеону и тотъ выразилъ согласіе на присоединеніе области съ 4.000,000 человекъ. Вотъ вамъ еще примѣръ отношенія Наполеона къ своимъ министрамъ иностранныхъ дѣлъ въ дѣлахъ внѣшней политики, отношенія, которыя красною нитью проходятъ чрезъ все его правленіе. Въ моментъ ратификаціи мира Наполеонъ призналъ, что настало время заявить свои требованія о вознагражденіи. По его порученію, Бенедетти высказываетъ Бисмарку желаніе Наполеона о возвращеніи Франціи границы 1814 года. Бисмаркъ отказался отъ предложенія Бенедетти и сказалъ, что онъ готовъ согласиться скорѣе на войну, чѣмъ на границы 1814 года. „Это будетъ война, прибавилъ онъ, при помощи революцій. Она покажетъ, кому опаснѣ послѣднія: Гогенцоллерну, или Бонапарту? Тогда Бенедетти началъ переговоры о союзѣ Франціи съ Пруссіей на условіи приобрѣтенія Франціею Бельгіи и Люксембурга. Бисмаркъ началъ переговоры объ этомъ предметѣ и Бенедетти тутъ же подъ диктовку Бисмарка набросалъ условія договора. При этомъ, по оплошности, забылъ на столѣ у Бисмарка черновую предложеній. Бисмаркъ впослѣдствіи не преминулъ воспользоваться этимъ документомъ, какъ оружіемъ противъ такъ называемаго „безкорыстія“ политики Наполеона. Переговоры съ Франціею замедляются и вскорѣ совершенно прекращаются. Разъясненіе этого заключается въ миссіи Мантейфеля въ Петербургъ съ письмомъ короля Вильгельма къ императору Александру II. Мантейфель неожиданно былъ посланъ туда 7 августа, еще во время переговоровъ. Изъ результатовъ миссіи Бисмаркъ узналъ, что въ Петербургѣ онъ найдетъ болѣе безкорыстнаго союзника, чѣмъ Франція, а потому и прекратилъ переговоры съ Наполеономъ.

Теперь Наполеону оставалось только подвести итоги своему дипломатическому пораженію и оставить помыслы о перекройкѣ карты Европы. Независимо отъ того, что онъ допустилъ образованіе въ Германіи сильнаго государства, онъ терялъ союзъ съ Италіей. Венеція — это былъ послѣдній козырь, которымъ располагалъ еще Наполеонъ, но и онъ уже истраченъ; оставался Римъ, но на присоединеніе его къ Италіи Наполеонъ не могъ согласиться, ибо самъ онъ опирался на клерикальную партію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Этимъ козыремъ могъ бы скорѣе воспользоваться Бисмаркъ, чѣмъ Наполеонъ.

Престижъ его потерпѣлъ сильный ущербъ. Вся его дальнѣй-

шая политика есть одно только метаніе то туда, то сюда съ цѣлью возстановить вновь свое обаяніе. Тѣмъ не менѣе онъ старался показать, что онъ доволенъ результатами своей политики. Въ циркулярѣ 14 сентября министръ иностранныхъ дѣлъ Лавалеттъ, исполнявшій послѣ отставки Друэнъ де-Люиса и до пріѣзда Мутье обязанности министра внутреннихъ дѣлъ, высказывается, что „страшныя задачи... получили свое естественное рѣшеніе безъ большихъ потрясеній и безъ опаснаго участія революціонныхъ страстей. Миръ, покоящійся на такихъ основаніяхъ, будетъ проченъ. Въ какую бы сторону ни обратила Франція свои взоры, она не видитъ ничего, чтобы могло помѣшать ея движенію и потрясти ея благосостояніе“. Это называется, какъ говорятъ французы, „faire bonne mine aux mauvaises affaires“.

Франко-германская война.—Оцѣнка политики Наполеона III.

Говоря объ австро-прусской войнѣ, мы упоминали о впечатлѣніи, произведенномъ въ Сѣнъ-Клу извѣстіемъ о Садовой. Тамъ явилось нѣчто не только неожиданное, но и нѣчто совершенно новое. Это новое, конечно, было сильное, національное государство въ серединѣ Европы. Имъ создавалось новое положеніе для Франціи. Всѣ традиціи французской политики были враждебны образованію сильнаго государства на восточной границѣ Франціи. Въ мечты Наполеона хотя и входило таковое, но при непремѣнномъ условіи соотвѣтственнаго вознагражденія Франціи, если можно такъ выразиться, за попустительство. Съ этой стороны образованіе сѣверо-германскаго союза было несомнѣннымъ пораженіемъ политики Наполеона.

Онъ не могъ помириться съ этимъ положеніемъ уже потому, что политическое значеніе Франціи значительно умалось народженіемъ сильнаго сосѣда, и надо было оставить мысли не только о томъ, чтобы сдѣлать свою столицу сосредоточіемъ европейской политической жизни, но даже и о возстановленіи границъ 1814 г. Но этимъ дѣло не кончалось. Объединеніе Германіи не могло остановиться на образованіи сѣверо-германскаго союза. Еще не остыли чернила, которыми былъ подписанъ пражскій договоръ, какъ Бисмаркъ уже заключалъ оборонительные и наступательные договоры съ южными нѣмецкими государствами. Такимъ образомъ,

начертанная въ умѣ Наполеона граница для нѣмецкаго объединенія — р. Майнъ, — была уже почти нарушена. Само собою разумѣется, что довершеніе германскаго объединенія не могло обойтись безъ войны съ Франціей, и договоры Бисмарка съ южно-германскими государствами доказываютъ, что таковъ былъ его взглядъ на дѣло. Также смотрѣли и французскіе государственные люди не одной только бонапартистской партіи, и вотъ тамъ начинаются вооруженія: армія реорганизуется маршаломъ Ніелемъ и сдѣлали заказъ на $1\frac{1}{2}$ милліона Шаспо.

Другое правительство, иного происхожденія могло бы, вооружаясь, спокойно дожидаться выгоднаго момента для столкновения; Наполеону это было крайне трудно, если не невозможно. Въ силу условій происхожденія его власти и въ силу свойства представленій, связанныхъ съ именемъ Наполеона, онъ долженъ былъ постоянно угощать общество успѣхами внѣшней политики. Вотъ почему война вслѣдствіе результатовъ Садовой должна была вспыхнуть раньше, чѣмъ это, можетъ быть, вызывалось внѣшними политическими отношеніями. Едва прошло четыре года со времени Садовой, какъ явился поводъ для франко-германской войны.

Въ силу указанныхъ условій, тотчасъ начинаются попытки Наполеона сдѣлать „что нибудь“ для возстановленія своего престижа. Мы видѣли неудачу его относительно Рейна и Бельгіи. Теперь взоры его обращаются на Люксембургъ. Это герцогство, съ первокласною крѣпостью, примыкая къ с.-в. границѣ Франціи, состояло подъ властью голландскаго короля и входило въ составъ германскаго союза. За упраздненіемъ послѣдняго Пражскимъ договоромъ, оставался открытымъ вопросъ, въ какое отношеніе станетъ Люксембургъ къ сѣверо-германскому союзу? Наполеонъ рѣшилъ предупредить этотъ вопросъ и овладѣть Люксембургомъ при помощи прямыхъ сношеній съ королею Голландіи.

О началѣ этихъ переговоровъ уполномоченный эксъ-короля ганноверскаго Беннингъ рассказываетъ слѣдующее: въ Парижѣ блистала въ то время нѣкая львица г-жа Мюзаръ (Muzard). Она занимала въ Елисейскихъ поляхъ прекрасный отель. Съ экипажами и лошадьми ея могли конкурировать развѣ экипажи и лошади императора и герцога Морни. Ея салонъ былъ центромъ, куда собиралась молодежь высшаго общества и которымъ не брезгали и болѣе почтенные (возрастомъ) представители его. Въ началѣ 1867 года въ Парижѣ же находился Вильгельмъ III, король Гол-

ландіи, гласной фавориткой котораго была г-жа Мюзаръ. Онъ въ ней души не чаялъ и тратилъ на нее всѣ свои средства.

На одной изъ веселыхъ вечеринокъ, Мюзаръ жаловалась на ограниченность средствъ голландскаго короля, приче́мъ молодые повѣсы рекомендовали ей болѣе или менѣе остроумныя средства для выхода изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого къ г-жѣ Мюзаръ явился баронъ V... (Беннингъ не называетъ его по имени) и затѣялъ съ нею разговоръ по поводу Люксембурга. Онъ объяснилъ ей, что императоръ готовъ былъ бы заплатить 10 мил. франковъ за уступку герцогства, готовъ купить всю движимость и недвижимость короля, находящуюся въ Люксембургѣ, по цѣнѣ, имъ самимъ назначенной, и что сверхъ всего того императоръ располагаетъ заплатить 1 мил. франк. лицу, которое склонитъ короля къ предполагаемой уступкѣ.

„Иначе говоря,—возразила г-жа Мюзаръ,—вы мнѣ серьезно предлагаете тоже самое, что на дняхъ предлагалъ мнѣ шутя этотъ вертопрахъ Р. (de R...). Вы хотите, чтобы король продалъ провинцію! Никогда онъ на это не согласится.“

„Но кто вамъ говоритъ о продажѣ? — воскликнулъ дипломатъ съ театральнымъ негодованіемъ. Кто вамъ говоритъ объ этомъ? Рѣчь идетъ не о торговомъ актѣ, а объ международномъ договорѣ, заключенномъ между двумя государями... Къ тому же люксембургцевъ не будутъ заставлять дѣлаться французами, не спросясь ихъ самихъ: устроить плебисцитъ въ родѣ того, какъ въ Савойѣ въ 1860 году“.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, поддаваясь убѣжденіямъ дипломата, а еще болѣе соблазняясь перспективой 1 милліона для себя непосредственно и 10 мил. для короля голландскаго, что въ концѣ счета выходило на то же, Мюзаръ рѣшилась взять на себя посредничество. Оно привело къ проекту конвенціи, по которой Голландія уступала Франціи свои права на Люксембургъ за денежное вознагражденіе. Конвенція эта должна была быть сохраняема въ секретѣ; но, воротившись домой, Вильгельмъ III обратилъ вниманіе на затрудненія, которыя неминуемо встрѣтитъ предполагаемая уступка, а потому онъ рѣшился попробовать почву въ Германіи и съ этою цѣлью конфиденціально сообщилъ Бисмарку о предполагаемой уступкѣ. Послѣдній принялъ это извѣстіе довольно сдержанно, но далъ, однако, понять, что Германія не отнесется равнодушно къ этой сдѣлкѣ. Между тѣмъ тайна проникла въ публику и вызвала волненіе въ Германіи. Отсюда безпокойство пере-

давалось во Францію. Причинъ для безпокойства было достаточно, хотя никто ничего не зналъ опредѣленнаго. Въ публикѣ говорили о какомъ то ультиматумѣ, переданномъ будто бы Пруссіи, о томъ, что по поводу этого ультиматума начнется война... Напрасно официозные органы старались успокоить публику; ихъ успокоенія не дѣйствовали; биржа отвѣчала на всѣ эти успокоенія сильнымъ пониженіемъ всѣхъ фондовъ.

Ультиматума или даже серьезнаго намѣренія воевать со стороны Наполеона не было. На самомъ дѣлѣ было вотъ что: когда тайна объ уступкѣ Люксембурга проникла въ публику, Наполеонъ III приказалъ мин. ин. дѣлъ Мутье довести до свѣдѣнія сѣверогерманскаго канцлера о состоявшейся сдѣлкѣ и требовать согласія на нее Германіи. Исполняя это порученіе Бенедетти явился къ Бисмарку съ депешей Мутье какъ разъ въ день обсужденія запроса Бенигсена по люксембургскому вопросу. Бисмаркъ догадался, какого рода ноту принесъ Бенедетти, и сдѣлалъ все возможное, чтобы уклониться отъ ея принятія. Дойдя вмѣстѣ съ канцлеромъ до дверей рейхстага, Бенедетти снова сдѣлалъ попытку вручить ему ноту; тогда Бисмаркъ сказалъ ему: „я долженъ сейчасъ отвѣчать на запросъ Бенигсена и я не скрою отъ васъ, что я желалъ бы имѣть возможность сказать, что я не получалъ никакого официальнаго сообщенія, подтверждающаго слухи относительно Люксембурга. Я прибавлю, что мы должны и можемъ питать довѣріе къ осторожности императора, который, конечно, не предприметъ ничего такого, что можетъ нарушить добрыя отношенія между двумя странами. Вотъ каковъ будетъ мой отвѣтъ, если мы теперь разстанемся. Но если вы настаиваете на томъ, чтобы передать мнѣ депешу, тогда я, не имѣя болѣе возможности ссылаться на отсутствіе официальныхъ документовъ, долженъ буду отвѣтить Бенигсену, что дѣйствительно Франція имѣетъ виды на Люксембургъ, но что король, бодрый стражъ цѣлости территоріи, покровитель германской федераціи,—воспротивится всѣми средствами, находящимися въ его власти, присоединенію великаго герцогства. При настоящемъ положеніи вещей, подобная декларация — это война, война неизбежная и немедленная, такъ какъ намъ нельзя будетъ отступить и искать,— что въ настоящую минуту мы можемъ еще сдѣлать,— почетнаго выхода, не прибѣгая къ оружію... Хотите вы теперь передать депешу, или предпочитаете оставить ее у себя?“ — заключилъ канцлеръ.

Послѣ нѣкотораго колебанія Бенедетти выбралъ послѣднее

и сообщил своему правительству сущность своего разговора. Между тѣмъ Бисмаркъ произнесъ свою рѣчь въ рейхстагѣ въ отвѣтъ на запросъ Бенигсена. Сопоставляя эту рѣчь съ тѣмъ, что сообщил Бенедетти, Наполеонъ увидѣлъ, что присоединеніе Люксембурга безъ войны не обойдется; а между тѣмъ, онъ вовсе на нее не рассчитывалъ. Самое большее, онъ ожидалъ со стороны сѣверо-германскаго правительства порицанія совершенной сдѣлки. Начинать войну теперь, почти черезъ годъ послѣ Садовой, когда ее не рѣшились начать тогда же, было нельзя, особенно, когда только что открывавшаяся выставка несомнѣнно требовала для своего успѣха полнѣйшаго спокойствія. Вотъ почему въ отвѣтъ на сообщеніе Бенедетти ему былъ посланъ приказъ считать полученную имъ депешу какъ бы несуществующею. Изъ представившагося такимъ образомъ дипломатическаго затрудненія выручили Наполеона Англія и Россія, особенно послѣдняя. Они высказались рѣшительно противъ притязаній Пруссіи на Люксембургъ и настаивали на созывѣ конференціи въ Лондонѣ. Протоколомъ 13 мая 1867 года постановлено было нейтрализовать Люксембургъ и скрыть его укрѣпленія. Пруссія должна была согласиться на это требованіе державъ и вывести свои войска изъ Люксембурга. Наполеонъ съ своей стороны отказался отъ правъ, предоставленныхъ ему конвенціей съ королемъ Голландіи; и въ результатѣ получилась дипломатическая неудача и въ расходѣ 1 милліонъ, уплаченный г-жѣ Мюзаръ за ея посредничество.

Прошло еще три года, въ теченіе которыхъ Наполеонъ видимо дряхлѣлъ, а общественное сознаніе французовъ видимо шло впередъ и требовало все настойчивѣе и настойчивѣе возстановленія поправленныхъ правъ націи. Императоръ вынужденъ былъ сдѣлать уступки въ смыслѣ введенія парламентскаго образа управленія. 2-го января 1870 года образовавшееся министерство Оливье знаменовало собою начало quasi-либеральнаго періода второй имперіи. Всенароднымъ голосованіемъ подтверждены были измѣненія, сдѣланныя въ конституціи. Оно дало (8 мая 1870 г.) 7.350,000 да и 1.538,000 нѣтъ. Семь милліоновъ голосовъ, конечно, болѣе чѣмъ достаточно для укрѣпленія имперіи; но 1¹/₂ мил. нѣтъ внушали безпокойство. Въ 1852 г. при учрежденіи имперіи было всего 250 нѣтъ, въ 1851 году, тотчасъ послѣ переворота 2 декабря, ихъ было 647 тысячъ; теперь, 20 лѣтъ спустя, число недовольныхъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое. Особенно смущало то, что въ войскахъ оказалось довольно большое число „нѣтчиковъ“, особенно въ вой-

скачь парижскаго гарнизона. Но всѣ эти факты обращали на себя вниманіе, однако, немногихъ людей; огромное большинство публики обращало вниманіе на подавляющее большинство *да* и спокойно возвратилось къ мирнымъ занятіямъ. Ничто, казалось, не предвѣщало близкой катастрофы.

Вдругъ, совершенно неожиданно-негаданно получается извѣстіе (3-го іюля) о кандидатурѣ принца Леопольда Гогенцоллерна на испанскій престолъ. Это извѣстіе подняло на ноги все общество и въ глазахъ бонапартистскихъ консерваторовъ представлялось удобнымъ случаемъ, чтобы, сдѣлавшись съ Пруссіею, возстановить престижъ имперіи и, окрестивши въ купели воинской славы сына императора, облегчить переходъ къ нему отцовской власти. 5-го іюля министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Граммонъ, отвѣчая на запросъ Кошери въ законодательномъ корпусѣ, закончилъ свою рѣчь угрозою: „Мы имѣемъ твердую надежду, что это (восшествіе Леопольда Гогенцоллерна на испанскій престолъ) не осуществится. Чтобы воспрепятствовать ему, мы рассчитываемъ на благоразуміе нѣмецкаго народа и дружбу народа испанскаго. Если же выйдетъ иначе, то сильныя вашей поддержкою, мм. гг., и поддержкою всей націи, мы сумѣемъ выполнить наши обязанности безъ колебаній и безъ слабости“. Въ то же время, по порученію герц. Граммона, Суръ (секретарь франц. посольства въ Берлинѣ) спрашивалъ Тиль (помощн. статсъ-секрет. по иностран. дѣламъ) по поводу гогенцоллернской кандидатуры. Тиль ему отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ переговоры велись непосредственно и въ большомъ секретѣ между маршаломъ Примомъ и отцомъ герц. Леопольда герцогомъ Антономъ.

Не добившись ничего въ Берлинѣ, герц. Граммонъ приказываетъ Бенедетти, находившемуся тогда въ отпуску въ Вильбадѣ, немедленно отправиться въ Эмсъ, къ прусскому королю и потребовать отъ него устраненія кандидатуры герцога Леопольда. При этомъ герц. Граммонъ требовалъ немедленнаго отвѣта и не соглашался ни на какую отсрочку, дабы не дать Пруссіи, какъ онъ говорилъ въ своей депешѣ, опередить Францію въ вооруженіяхъ. 9-го іюля н. с. состоялась первая аудіенція Бенедетти у короля Вильгельма. Послѣдній объяснилъ, что онъ не принималъ никакого officialнаго участія въ переговорахъ по поводу кандидатуры, что онъ былъ только спрошенъ по этому поводу въ послѣднюю минуту въ качествѣ главы семьи и что онъ надѣется, что герцогъ Леопольдъ откажется отъ испанскаго престола въ виду

встрѣчающихся затрудненій. Король просилъ дня два-три сроку, чтобы подѣйствовать на своего родственника въ пользу отреченія, такъ какъ онъ желаетъ, чтобы инициатива отреченія шла отъ герцога Антона. Черезъ день послѣ того, вслѣдствіе новыхъ настояній герцога Граммона, Бенедетти имѣлъ новый разговоръ съ королемъ прусскимъ, изъ котораго онъ вынесъ увѣренность въ миролюбивомъ настроеніи прусскаго монарха. Король Вильгельмъ выразилъ надежду, что завтра (т. е. 12-го) получится отказъ Леопольда.

Дѣйствительно, на другой день испанскій посланникъ въ Парижѣ принесъ герцогу Граммону официальное извѣщеніе, полученное изъ Мадрида, объ отказѣ герцога Леопольда на испанскій престолъ. Въ это самое время туда же явился и Вертеръ, германскій посланникъ въ Парижѣ, который только утромъ прибылъ изъ Эмса нарочно затѣмъ, чтобы увѣрить французское правительство въ миролюбивомъ настроеніи прусскаго короля. Оказалось, однако, что отреченія герц. Леопольда недостаточно, и герц. Граммонъ выдвигаетъ новое требованіе, а именно, чтобы король Вильгельмъ написалъ Наполеону письмо, въ которомъ заявилъ бы, что, одобряя кандидатуру своего родственника, онъ не имѣлъ въ виду затрогивать ни интересовъ, ни чести французской націи. Тутъ же онъ и продиктовалъ Вертеру черновую требуемаго письма. Вертеръ взялся передать королю требованіе французскаго правительства, выразивъ, однако, сомнѣніе, чтобы оно было удовлетворено. Вечеромъ въ тотъ же день герц. Граммонъ получаетъ записку отъ Наполеона изъ Сень-Клу, въ которой императоръ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее: „Нужно, чтобы Бенедетти настаивалъ на категорическомъ отвѣтѣ короля, въ которомъ онъ обязался бы на будущее время, что онъ не позволитъ герцогу Леопольду послѣдовать примѣру своего брата и въ одинъ прекрасный день отправиться въ Испанію“. Наполеонъ высказываетъ при этомъ мнѣніе, что отреченіе герц. Антона за своего сына ни къ чему не обязываетъ послѣдняго и что онъ не считаетъ сообщеніе, сдѣланное испанскимъ посланникомъ, за официальное, правильно данное отвѣтъ на требованія Франціи. Въ силу этого приказа Наполеона герцогъ Граммонъ ночью на 13-е іюля послалъ депешу Бенедетти, предписывая ему настаивать на гарантіяхъ относительно будущаго.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ новыхъ требованій дѣло получило слѣдующій видъ. Утромъ, 13-го іюля, во время прогулки король Вильгельмъ, замѣтивъ Бенедетти, направился къ нему и показалъ

ему номеръ Кельнской газеты, гдѣ была напечатана депеша объ отреченіи герцога Леопольда, и прибавилъ, что онъ еще не получилъ письма отъ принцевъ, но ожидаетъ его съ часу на часъ, и что вообще онъ это дѣло считаетъ оконченнымъ. Въ отвѣтъ на это заявленіе Бенедетти предъявляетъ требованіе гарантій относительно будущаго. Король отвѣтилъ на это, что онъ не возьметъ на себя никакого обязательства. Бенедетти вторично настаиваетъ на требованіи своего правительства и получаетъ новый отказъ, причемъ король прекращаетъ разговоръ.

Воротаясь домой, король Вильгельмъ нашель у себя, съ одной стороны, ожидаемое письмо принцевъ, а съ другой — донесеніе Вертера о разговорѣ съ герц. Граммономъ съ приложеніемъ проекта требуемаго письма. Выходило крайне странно: съ одной стороны требуютъ письма, которое нельзя понять иначе, какъ извиненіе (въ чемъ?), съ другой — требуютъ гарантій относительно будущаго. Удовлетворить подобнымъ требованіямъ значило стать въ положеніе школьника, просящаго прощеніе и обещающаго впредь не повторять совершеннаго проступка.

Вслѣдствіе такого положенія король Вильгельмъ не пожелалъ звать къ себѣ французскаго посла, чтобы сообщить ему о полученномъ отреченіи, какъ это онъ наканунѣ общалъ ему сдѣлать, а послалъ къ нему своего генераль-адъютанта князя Радзивилла сообщить о полученномъ отреченіи и сказать, что онъ (король) съ своей стороны считаетъ дѣло оконченнымъ. Между тѣмъ Бенедетти, получивъ новыя депеши отъ герц. Граммона съ настойчивымъ требованіемъ добиться гарантій, обращается къ кн. Радзивиллу съ просьбой о новой аудіенціи у короля. Замѣтимъ кстати, что Бенедетти и не подозрѣваетъ существованія пресловутаго проекта письма, который полученъ былъ королемъ Вильгельмомъ въ это утро отъ Вертера. Это требованіе аудіенціи король Вильгельмъ отклонилъ. Кн. Радзивиллъ, возвратившись отъ короля къ Бенедетти, сообщилъ ему отъ его имени, что не желая продолжать переговоровъ, касательно обязательствъ на счетъ будущаго, король не предоставляетъ ему аудіенціи, испрашиваемой съ этою цѣлью; но что король не затрудняется заявить, что онъ одобряетъ отреченіе герцога Леопольда. Бенедетти тотчасъ же, на глазахъ у кн. Радзивилла, составилъ депешу къ герц. Граммону слѣдующаго содержания: „Король согласенъ, какъ мнѣ передалъ его генер.-адъютантъ, заявить свое полное и безусловное одобреніе отказу принца Гогенцоллерна, больше онъ сдѣлать ничего не можетъ“. Это было

последнее сообщеніе Бенедетти своему правительству. На другой день онъ выѣхалъ въ Парижъ.

Теперь посмотримъ, какъ стоялъ вопросъ о войнѣ и мирѣ въ Берлинѣ и въ Парижѣ? Была ли гогенцоллернская кандидатура ловко подготовленнымъ маневромъ, чтобы вызвать Францію на войну, или же она явилась поводомъ къ войнѣ, поводомъ, на который вовсе не рассчитывали. Все заставляетъ мысль склоняться въ пользу послѣдняго заключенія. Король Вильгельмъ находится въ Эмсѣ, причемъ съ нимъ даже не имѣется шифра для депешъ. Онъ уступаетъ съ самага начала по поводу кандидатуры и дѣлаетъ все возможное, чтобы удовлетворить Наполеона, не роняя собственного достоинства. Онъ отказывается отъ уступокъ на дальнѣйшія требованія, которыя ему предъявлены послѣ того, какъ онъ удовлетворилъ первыя. Гр. Бисмаркъ находится сначала въ Варцинѣ и относится къ эмскимъ разговорамъ въ качествѣ посторонняго наблюдателя. Но, какъ умный государственный чловѣкъ, онъ хорошо понимаетъ, что война между Франціей и Германіей вопросъ времени, и при томъ весьма непродолжительнаго, а потому онъ старается, чтобы Германія была всегда готова. Для Германіи, конечно, выгиднѣе, чтобы эта война началась, пока Франція не окончила реорганизации своей арміи; но гр. Бисмаркъ не желаетъ брать на себя роль зачинщика, а потому ждетъ вызова со стороны Франціи. Въ тотъ день, когда Наполеонъ предъявилъ новыя требованія, а Вильгельмъ рѣшительно отказался удовлетворить ихъ и при томъ отказалъ Бенедетти въ аудіенціи, гр. Бисмаркъ увидѣлъ возможность заставить Наполеона объявить войну Германіи. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ изъ Варцина въ Берлинъ и вечеромъ же опубликовалъ обстоятельства сношеній, бывшихъ въ этотъ день (13-го) между королемъ и Бенедетти, причемъ особенно подчеркнута было то обстоятельство, что король отказалъ французскому послу въ аудіенціи и прервалъ съ нимъ переговоры. Публикуя эти факты, Бисмаркъ отрѣзывалъ Наполеону всякое почетное отступленіе и оставлялъ ему на выборъ: или расписаться публично въ полученномъ афронтѣ, или же силою оружія поддерживать свой престижъ. Моментъ былъ выбранъ очень удачно: до вторичныхъ требованій Наполеона настроеніе Европы было въ пользу Франціи; послѣ требованія гарантій и уступокъ короля Вильгельма, оно повернулось въ сторону Пруссіи, особенно же рѣзко повернулось настроеніе на югъ Германіи. Въ тотъ же вечеръ Бисмаркъ циркулярной нотой сообщилъ южно-германскимъ

правительствамъ о всемъ случившемся и выразилъ надежду на ихъ содѣйствіе. Отвѣты онъ получилъ отсюду самыя благопріятныя. Одновременно съ тѣмъ были отданы приказы о мобилизаціи войскъ сѣверо-германскаго союза. Итакъ, не затѣвая войны въ данный моментъ, но предвидя ея необходимость, въ перипетіяхъ гогенцоллернской кандидатуры, гр. Бисмаркъ ловко поймалъ случай, чтобы заставить Францію начать наконецъ войну, которую обѣ стороны ждали, какъ неизбѣжную развязку политическаго узла, завязаннаго на поляхъ Садовы. Какъ относились къ войнѣ въ Парижѣ? Ея не желали ни республиканская партія, ни такъ называемые парламентаристы. Самъ Наполеонъ III не желалъ войны. Когда получило извѣстіе объ отреченіи принца Гогенцоллерна, министръ Оливье встрѣтилъ Тьера словами: „дѣло счастливо кончено; миръ“. Самъ Наполеонъ при полученіи этого извѣстія высказалъ то же мнѣніе. И однако, въ тотъ же день и Оливье, и Наполеонъ III мнѣняютъ свое мнѣніе и среди дня предъявляютъ Вертеру проэктъ письма, а вечеромъ шлютъ Бенедетти предписаніе требовать гарантій относительно будущаго. Откуда такая перемена? Она совершается подъ вліяніемъ партіи бонапартистовъ, къ которымъ пристали чистые шовинисты. Бонапартисты въ этотъ день употребили все свое вліяніе на императора, пустили въ ходъ всю настойчивость, чтобы убѣдить императора и министровъ попытаться поставить Пруссію въ унижительное положеніе. Бонапартисты желали войны, какъ средства поднять престижъ имперіи и облегчить императорскому принцу наслѣдованіе престола посредствомъ участія его въ военной славѣ, которую Франція должна была получить, по ихъ мнѣнію, въ предстоящей войнѣ. Они имѣли на своей сторонѣ императрицу и соединенными силами успѣли толкнуть нерѣшительнаго императора въ рискованную борьбу. Когда же требованія были отвергнуты и Бенедетти воротился въ Парижъ съ позоромъ, когда объ этой неудачѣ разблаговѣстили на всю Европу, Наполеонъ увидѣлъ неизбѣжность войны и рѣшился объявить ее (15-го іюля н. с.). Всего лучше видна воля бонапартистовъ привести къ войнѣ изъ ихъ поведенія въ засѣданіи 15 іюля, когда обсуждались военные кредиты для предстоящей войны. Прежде всего комиссія, составленная изъ представителей большинства, для разсмотрѣнія депешъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ докладѣ собранію искажила два факта: 1) она заявила, что министерство съ самаго начала заявляло Пруссіи одни и тѣ же требованія, чего, какъ мы знаемъ, на самомъ дѣлѣ не было; 2) она за-

явила, что заслушала депешу Бисмарка, сообщающую объ оскорбленіи королемъ прусскимъ французскаго посла. Такой депеши въ рукахъ Граммона вовсе не было.

Кромѣ того, въ томъ же засѣданіи Тьеръ и Гамбетта тщетно старались сдержать воинственный пылъ большинства палаты. Когда Тьеръ взошелъ на трибуну и сталъ доказывать недостаточность поводовъ къ войнѣ, крики и шумъ правой стороны едва давали ему говорить. „Дайте мнѣ высказать вамъ,— сказалъ онъ,— что я считаю эту войну крайне неосторожною. Я былъ пораженъ болѣе, чѣмъ кто либо, событіями 1866 года, и болѣе чѣмъ кто либо я желаю ихъ исправленія; но по моему глубокому убѣжденію случай плохо выбранъ. Если вы не понимаете, что я выполняю въ эту минуту мою обязанность, обязанность самую тяжкую въ моей жизни, я жалѣю васъ. Да, что касается меня, я спокоенъ за мое имя, я спокоенъ относительно того, что мнѣ причтется въ будущемъ за то дѣло, которому я отдаю въ настоящую минуту; но относительно васъ я увѣренъ, что настанетъ нѣкогда день, когда вы пожалѣете о вашей поспѣшности“. На этихъ словахъ крики становятся ужасными. Оратору кричатъ: „Полноте! Полноте!“ Одинъ изъ бонапартистовъ кричитъ: „вы антипатріотическая труба поражения, убирайтесь въ Кобленцъ“. Выждавъ минуту, Тьеръ продолжаетъ: „Обижайте меня, оскорбляйте меня! Я все готовъ перенести ради того, чтобы защитить кровь моихъ согражданъ, которую вы готовы пролить такъ неосторожно. По моему убѣжденію,— я вамъ повторю его въ двухъ словахъ, такъ какъ вы не стали бы меня слушать, если бы я сталъ разъяснять его,— вы плохо выбираете случай для исправленія, котораго вы желаете и котораго я также желаю, какъ и вы“...

Въ другомъ мѣстѣ Тьеръ доказывалъ, что Франція не готова къ войнѣ; но его не слушали. Напротивъ, заявленіе военнаго министра Лебефа: „мы вполне готовы“ принималось съ восторгомъ и энтузіазмомъ.

Если въ законодательномъ корпусѣ вопросъ о войнѣ подвергался спору, то въ сенатѣ воинственныя заявленія министровъ не вызывали ни малѣйшаго замѣчанія. Тамъ бонапартизмъ царилъ безраздѣльно. Единодушный крикъ „Vive l'Empereur“ встрѣчалъ всѣ заявленія и денежные требованія министровъ. Роковой для Франціи день 15 іюля н. с. кончился объявленіемъ войны Германіи.

Съ обѣихъ сторонъ Рейна смотрѣли на предстоящую войну, какъ на борьбу роковую, результатомъ которой должно было быть

рѣшеніе важныхъ вопросовъ. Съ одной стороны, имперія, броса-ясь въ борьбу, ставила на карту самое свое существованіе. Съ другой стороны, ставкою Германіи было начатое въ 1866 году политическое объединеніе нѣмецкаго народа. Неудачею войны оно должно было быть сильно скомпрометтировано. Со стороны Франціи слышались розовыя надежды, слышались крики: „въ Берлинъ! въ Берлинъ!“ Этими криками, однако, только прикрывалась внутренняя слабость. Дѣйствительнаго воодушевленія не было, армія оказалась слабою, арсеналы были пусты. Международное положеніе Франціи оказалось вполне изолированнымъ. Разсчеты на Австрію опять и опять не удались. Южно-нѣмецкія государства примкнули къ Пруссіи. Опубликованіемъ черноваго проекта, оставленнаго у него на столѣ Бенедетти, Бисмаркъ отчудилъ отъ Франціи Англію, такъ какъ послѣдняя увидѣла посягательство Наполеона на Бельгію. Сама Италія, если и не оказалась во враждебномъ лагерѣ, то во всякомъ случаѣ и не протянула руку помощи своей избавительницѣ отъ австрійцевъ. Теперь сказались послѣдствія оккупациі французами Рима, слѣдствія постояннаго veto, которымъ встрѣчалъ Наполеонъ желанія Италіи довершить свое объединеніе. Дорогою цѣною расплачивалась теперь Франція за клерикальную политику имперіи.

Со стороны Германіи чувствовалась сосредоточенность чело-вѣка, сознающаго важность и вмѣстѣ опасность предстоящаго дѣла. Энтузіазмъ былъ великъ, и онъ охватывалъ всѣ слои общества. Германія готовилась довершить теперь свое національное объединеніе. Эту цѣль лелѣяли нѣмцы съ войны за освобожденіе; она была равно дорога для всей Германіи. Отсюда сильное національное воодушевленіе, которое само по себѣ представляло гигантскую силу. Нѣмцы не думали, что они въ двѣ недѣли будутъ въ Парижѣ; но они рѣшились драться во что бы то ни стало. Армія оказалась въ порядкѣ.

Мобилизація и сосредоточеніе войскъ совершались быстро и по обдуманному плану; и въ этомъ отношеніи нѣмецкая армія представляла совершенную противоположность тому, что можно было наблюдать на западъ отъ Рейна. Наконецъ, Германія запаслась союзниками. Благодаря союзу съ Россіею, она могла безбоязненно оставить безъ войскъ не только свои восточныя границы, но могла быть спокойна и на счетъ полнаго нейтралитета Австріи. Плата за благопріятный нейтралитетъ Россіи производилась, можно сказать, за счетъ крымской коалиціи: это было уничтоженіе тѣхъ

статей парижскаго трактата, которыми ограничены были права Россіи на Черномъ морѣ. Нейтрализируя Италію, Германія предоставляла ей занять Римъ и уничтожить свѣтскую власть папы. И та, и другая плата не касалась близко германскихъ интересовъ — и производилась на счетъ Франціи и Англии. Не былъ ли сто разъ правъ Тьеръ, настаивая въ послѣднюю минуту, что Франція не готова къ затѣваемой войнѣ? Такъ какъ Наполеонъ хорошо былъ освѣдомленъ о силахъ и положеніи Германіи, то его рѣшимость на войну можно только сравнить съ рѣшимостью фаталиста и объяснить ее можно только безвыходностью положенія, которое онъ самъ себѣ создалъ.

Въ началѣ августа начались военныя дѣйствія, а съ ними и пораженія французовъ, Форбахъ, Вертъ, трехдневный бой подъ Мецомъ, наконецъ Седанъ,—таковы главные моменты этой мѣсячной кампаніи, кончившейся блокадою одной арміи, плѣномъ другой, а съ нею вмѣстѣ плѣномъ самого императора и паденіемъ имперіи.

Окончивъ обзоръ главныхъ фактовъ внѣшней политики Наполеона, я попрошу вашего вниманія, мм. гг. и мм. гг., къ изложенію оцѣнки политики этого дѣятеля и къ опредѣленію ея значенія.

Первый вопросъ, невольно представляющійся нашему уму, таковъ: были ли всѣ дѣйствія Наполеона III-го отрывочными явленіями, ничѣмъ между собою не связанными, или же въ ихъ основаніи лежалъ какой нибудь политическій идеалъ? Возвратимся опять къ его произведеніямъ и поищемъ тамъ отвѣта.

Въ соч. „Des idées Napoléoniennes“ мы находимъ заявленіе, что деспотизмъ Наполеона I-го былъ лишь временнымъ средствомъ для того, чтобы привести народы къ свободѣ. Этотъ „деспотизмъ свободы“, по выраженію его племянника и фанатическаго поклонника, долженъ былъ повести къ устройству международныхъ отношеній на началахъ національности. Осуществленіе принципа національности должно устранить произволъ въ опредѣленіи предѣловъ государствъ, внесенный постановленіями Вѣнскаго конгресса. Итакъ, переустройство европейскихъ государствъ на основѣ національности,—вотъ идея, которую Наполеонъ III приписываетъ своему великому предшественнику и которую онъ желаетъ осуществить въ международныхъ отношеніяхъ Европы. Начиная съ раз-

рушенія священнаго союза, онъ постоянно высказываетъ ее при удобномъ и неудобномъ случаѣ. Итальянскій вопросъ, вопросъ о соединеніи Молдавіи и Валахіи, вопросы шлезвигъ-гольштейнскій, вопросъ польскій, вопросъ нѣмецкій были такими удобными и неудобными случаями.

Какъ рѣшить вопросъ о принадлежности той или другой территоріи къ той или другой національности? „Путемъ всенароднаго голосованія“, — былъ всегдашній отвѣтъ Наполеона III.

Заимствовавъ, какъ ему казалось, идею національности у своего великаго дяди, а на самомъ дѣлѣ почерпнувъ ее изъ тѣхъ дѣйствительныхъ національныхъ движеній, которыя сопутствовали паденію Наполеона I-го и были въ значительной степени его причиною, Наполеонъ III не задался вопросомъ о томъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать, когда ему придется осуществлять свою идею переустройства Европы? Словомъ, онъ не создалъ опредѣленной политической программы. А между тѣмъ вопросъ, поднятый Наполеономъ III, далеко не былъ такъ простъ, какъ это могло казаться съ перваго взгляда. Что дѣлать съ государствами, которыя не имѣютъ національнаго характера? Европа представляетъ такихъ нѣсколько, и крупныхъ и мелкихъ. Какъ побудить ихъ согласиться на самоубійство ради вѣщаго торжества идеи національности? Какъ согласить интересы другихъ государствъ, которыя владѣютъ частями національностей? Какъ согласить національный принципъ съ неразвитымъ иногда національнымъ сознаніемъ или, можетъ быть, съ экономическими и нравственными интересами, исторически созданными привычками, которыя, вѣдь, тоже составляютъ силу, не меньшую, чѣмъ національное чувство? Спросите швейцарцевъ или голландцевъ, желаютъ ли они возвратиться въ лоно своихъ первоначальныхъ національностей? Отвѣтъ отрицательный не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Ясно, что идея Наполеона III при наличныхъ практическихъ условіяхъ есть утопія, а не политическая мысль, подлежащая осуществленію, утопія такая же, какъ и всемірная монархія, о которой мечталъ его дядя. Со своею склонностью къ мечтательности, о которой еще говорила его мать, называя его „mon doux, rêveur entêté“, Наполеонъ III-й отдался своей, правда, величавой, но неисполнимой идеѣ и даже не задавалъ себѣ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые становились на пути къ ея осуществленію. Въ этомъ отсутствіи политической программы была причина его политическихъ промаховъ и неудачъ. Онъ бросается въ мексиканскую экспедицію

съ мечтой о латинской федераціи въ Америкѣ и отступаетъ оттуда по приказу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, государства вовсе не національнаго, и предъ явною враждебностью самихъ мексиканцевъ, которые не желали и не понимали какой то латинской федераціи. Да и вся экспедиція была авантюристскимъ предпріятіемъ, и кончилась не только плачевно, но и позорно. Также неудачно и не рассчитано было вмѣшательство въ польскій вопросъ. Имѣя въ памяти завѣтъ Наполеона I-го въ видѣ созданія Варшавскаго герцогства, выставляя въ свое оправданіе принципъ національности, онъ кинулся, что называется, въ воду, не спросясь броду, потерпѣлъ неизбѣжное фіаско и нанесъ Франціи большой ущербъ отчужденіемъ отъ нея Россіи. Въ вопросѣ о Шлезвигъ-Гольштейнѣ онъ тщетно взываетъ объ опросѣ населенія на счетъ его желаній; но не входитъ въ общее дѣйствіе съ Англіей для поддержки Даніи.

Если бы, однако, сильный человекъ взялся за осуществленіе мысли о переустройствѣ Европы на основѣ національности, онъ могъ бы сдѣлать многое, такъ какъ національное движеніе въ Европѣ было и есть несомнѣнный историческій фактъ. Но именно Наполеону III-му не доставало ни творческой политической мысли, ни твердаго и рѣшительнаго характера, не доставало и способностей полководца, а около него таковыхъ не было. Его слава тонкаго политика была въ сущности недоразумѣніемъ. Удача декабрьскаго переворота, удача крымской кампаніи, удача итальянскаго дѣла заставили всѣхъ думать, что это глубокой политикъ. Его обычную молчаливость и хладнокровную сдержанность принимали за признакъ глубокихъ думъ и великихъ плановъ, скрываемыхъ подъ непроницаемою внѣшнею оболочкою. Въ сущности это было не то. У него была страсть къ скрытности и къ дѣйствію изподтишка, страсть стараго заговорщика. Онъ и въ дипломатіи проявлялъ, какъ мы видѣли, склонность къ методѣ заговорщиковъ. Люди, сталкивавшіеся съ нимъ, старались проникнуть въ его тайны, льстили себя, что они, если не узнали мысль императора, то внушили ему свою, и такъ какъ онъ не обезкураживалъ своего собесѣдника возраженіями и всегда слушалъ очень внимательно съ таинственной улыбкой на устахъ, то они и находили его превосходнымъ собесѣдникомъ. Но умные люди, какъ Кавуръ и Бисмаркъ, догадывались, что императоръ молчитъ потому, что у него нѣтъ опредѣленнаго политическаго плана, а не потому, что желаетъ скрыть его. Въ трудныя минуты политики это и оказалось.

Нерѣшительность его характера признавалась всѣми. Одинъ изъ близкихъ ему людей говорилъ, что это „упрямство въ нерѣшительности“. Ганноверскій посолъ Бенингъ говорилъ, что Наполеонъ производитъ въ критическія минуты впечатлѣніе человѣка готоваго окунуться въ холодную воду, но боящагося сдѣлать это. Толкните его, и, можетъ быть, онъ поблагодаритъ васъ за это. Эту нерѣшительность онъ проявилъ и во время государственнаго переворота, и во время итальянскаго похода, и во время австро-прусской войны, и наканунѣ франко-прусской.

При отсутствіи политической программы, при отсутствіи творческой мысли, при отсутствіи рѣшительнаго характера, политика Наполеона производила впечатлѣніе какихъ то поползновеній и вожделѣній, которыя, не обрисовываясь ясно, заставляли всѣхъ опасаться и не довѣрять ему,—особенно, когда въ его прошломъ красовалось 2-е декабря.

Мечта о переустройствѣ политической жизни Европы связывалась всегда съ мыслью о возвеличеніи Франціи и наполеоновской династіи. Но тутъ то Наполеонъ наталкивался на неразрѣшимыя противорѣчія. Нельзя было возвеличивать Францію серьезно, не нарушая принципа національности относительно сосѣдей. А между тѣмъ это было необходимо потому, во 1-хъ, что Людовикъ-Наполеонъ былъ Наполеонъ, а во 2-хъ, онъ былъ человѣкомъ 2-го декабря. Имя Наполеона вызывало опредѣленное представленіе о величій и славѣ Франціи и возлагало на его носителя большія, трудно осуществимыя надежды. 2-е декабря сдѣлало невозможнымъ правильное развитіе внутренней политической жизни, а „деспотизма свободы“ французы понять не могли. Отсюда необходимость постоянно дѣлать „что нибудь“ внѣ Франціи, чтобы выполнить надежды и заставить забыть внутреннія отношенія. Пока дѣло идетъ только объ Италіи, противорѣчіе не такъ ярко выступаетъ наружу, хотя и тамъ оно уже чувствуется въ римскомъ вопросѣ; но когда дѣло идетъ о германскомъ національномъ движеніи, оно выступаетъ ярко и имъ то создается для Наполеона III трагическое положеніе. Объединеніе Германіи есть несомнѣнно осуществленіе національнаго принципа; но оно, и это тоже несомнѣнно, не служитъ къ увеличенію политическаго могущества и вліянія Франціи, а скорѣе наоборотъ. Вся исторія Франціи была противъ германскаго единства. Историкъ Ранке, на вопросъ Тьера: „противъ кого вы воюете?“ отвѣтилъ: „противъ Людовика XIV“. (Разговоръ былъ

уже послѣ Седана). Отвѣтъ,—вѣрно характеризующій отношенія Франці къ усиленію Германіи.

Отсюда, сначала желаніе Наполеона получить вознагражденіе за свое безучастіе въ борьбѣ Пруссіи съ Австріей, потомъ, когда политика „наводки“, какъ грубовато выразился Бисмаркъ, не удалась,—исканіе съ одной стороны усиленія Франці на счетъ Бельгіи, Люксембурга и т. д., а съ другой — нежеланіе допускать дальнѣйшаго объединенія Германіи. Это неминуемо повело къ роковой борьбѣ съ Германіей, олицетворявшей національный принципъ, къ борьбѣ безъ союзника — Италіи, потеряннаго въ силу противорѣчія съ тѣмъ же національнымъ принципомъ. Паденіе въ этой борьбѣ было неизбежно, но оно повело за собою и изуродованіе Франці. Таковъ печальный конецъ осуществленія грандіозныхъ наполеоновскихъ идей. Но не одна Франція переживаетъ послѣдствія политики, которой волей и неволей слѣдовалъ Наполеонъ III-й. Австрія, выбитая изъ Италіи, выброшенная за бортъ Германскаго союза, естественно ищетъ новаго поприща для своей дѣятельности и обращаетъ свои вожделѣнія въ сторону Балканскаго полуострова. Еще въ бытность свою въ Парижѣ Бисмаркъ выразился, что Австрія должна направиться въ эту сторону, если она понимаетъ свои дѣйствительные интересы. Этимъ обстоятельствомъ необходимо осложняется восточный вопросъ и политика Россіи встрѣчаетъ на Балканскомъ полуостровѣ со стороны Австріи болѣе серьезное соперничество, чѣмъ прежде.

Не будемъ перечислять измѣненій, совершившихся въ Европѣ подъ влияніемъ политики Наполеона. Остановимся на главномъ, а именно на рѣзкомъ проявленіи національнаго принципа въ международной политикѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что національныя стремленія обнаружались въ Европѣ раньше Наполеона III, но они вошли, такъ сказать, въ обиходъ дипломатіи со времени Наполеона III и благодаря его политикѣ. Мы видимъ, что съ его почина международныя отношенія обсуждаются съ точки зрѣнія національности. Отношенія Россіи, напримѣръ, къ населенію Балканскаго полуострова разсматривались прежде съ точки зрѣнія единовѣрія, послѣ же Крымской войны эти отношенія становятся на почву славянскаго родства. Нѣмецкія отношенія разсматривались на Вѣнскомъ конгрессѣ съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія и трансцендентальнаго права государей; со времени же австро-прусской войны и политическое равновѣсіе и права государей уступаютъ предъ требованіями германской національности. Въ

вышеуказанномъ измѣненіи принципа международныхъ отношеній и заключается значеніе политики Наполеона III. Мы можемъ сказать, что мы теперь переживаемъ эти послѣдствія и, можетъ быть, не доживемъ до того времени, когда эти новыя международныя отношенія скажутъ свое послѣднее слово. Теперь, однако, уже можно отмѣтить одно интересное явленіе: это развитие убѣжденія, что внѣ національнаго единства не можетъ быть единства политическаго. Изъ этого убѣжденія вытекають послѣдовательно системы, направленныя къ поглощенію одной національности другою или къ вытѣсненію ея съ данной территоріи. Чѣмъ крѣпче овладѣтъ это убѣжденіе умами людей, тѣмъ больше будетъ столкновеній изъ за національности и сопряженныхъ съ ними бѣдствій. Такой взглядъ можно сопоставить съ тѣмъ, который существовалъ въ XVI и частью въ XVII вѣкахъ относительно религіи. Тогда господствовало воззрѣніе, что прочность государства требуетъ религіознаго единства. Ради этого взгляда производилась Вароломеевская ночь и совершались ужасы, сопровождавшіе отмѣну Нантскаго эдикта. Исторія доказала затѣмъ не только ошибочность этого взгляда, но привела человѣчество къ сознанию, что терпимость къ религіозному вѣрованію и неприкосновенность религіознаго чувства составляютъ, напротивъ, необходимое условіе здоровой общественной жизни. Нѣсколькими рѣзкими примѣрами она учитъ насъ, что фанатизмъ и религіозная нетерпимость и ослабляли, и даже разрушали политическую жизнь, но никогда не укрѣпляли ея. Поучаемые прошлымъ, мы полагаемъ, что взглядъ на необходимость національнаго единства, какъ условія единства государственнаго, можетъ повести при своемъ крайнемъ развитіи къ плачевнымъ послѣдствіямъ. Онъ способенъ только возбудить національный фанатизмъ, который, разъ разгорѣвшись, не скоро потухнетъ и потребуетъ для своего тушенія не меньше потоковъ крови, чѣмъ потребовали религіозныя войны.

Между тѣмъ, мы видимъ такія страны, какъ Швейцарія, съ смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ разныя народности уживаются другъ съ другомъ и въ своихъ патріотическихъ пѣсняхъ желаютъ долгой жизни своей „святой родинѣ“.

Надо думать, что просвѣщеніе и гуманность не дадутъ Европѣ сбиться съ пути цивилизаціи и не дадутъ національному принципу преувеличеннаго значенія въ политической жизни. Тогда каждая національность, развивая свободно всѣ свои особенныя силы и способности, путемъ мирнаго соревнованія, путемъ обмѣна

знаній и продуктовъ труда, будетъ содѣйствовать сугубо общему развитію человѣческаго счастья. На этой мысли, на этой надеждѣ въ конечное торжество истины и правды въ политикѣ, я позволю себѣ окончить мою бесѣду съ вами, М.м. Г.г. и М.м. Г.г., и благодарить васъ за честь, оказанную мнѣ вашимъ вниманіемъ.

Судьбы Ирландіи.¹⁾

I.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Ирландія съ ея отношеніями къ Англіи приковываетъ въ себѣ вниманіе всего образованнаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы признаемъ, что Англія — страна изъ наиболѣе образованныхъ въ Европѣ, страна передовая въ смыслѣ цивилизаціи, то естественно удивляться, что въ зависимости отъ этой страны находится народъ, въ которомъ мы находимъ такую громадную бездну страданій, влекущихъ въ свою очередь бездну вражды и ненависти по отношенію къ его поработителямъ. Въ чемъ же кроется причина этого? Что за притча? Неужели народъ, сумѣвшій такъ хорошо разрѣшить наиболѣе важные вопросы государственнаго права у себя дома, не могъ и не можетъ разрѣшить этихъ вопросовъ въ странѣ, вѣками съ нимъ

1) Для желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ исторіей Ирландіи, я могу указать на слѣдующія сочиненія, которыми я пользовался при составленіи этой статьи.

1. H a s s e n k a m p. Geschichte Irland's von der Reformation bis zu seiner Union mit England. Leipzig 1886. Въ одномъ томѣ. Сочиненіе обстоятельное, хотя нѣсколько сухое и безъ достаточной группировки фактовъ по ихъ однородности. Авторъ слишкомъ увлекается хронологическою послѣдовательностью.

2. H e r v é. La crise Irlandaise depuis la fin du dixhuitième siècle jusqu'à nos jours. Paris 1885. Въ одномъ томѣ. Эта книга представляетъ собою по изложенію противоположность книгѣ Гассенкампа. Написана живо и довольно кратко; изложеніе дѣла ясное и не многословное. Герве помѣстилъ еще въ 1880 г. въ *Revue des deux Mondes* статью „Les origines de la crise Irlandaise“, въ которой онъ рассказываетъ исторію Ирландіи во время французской революціи. Статью эту Гассенкампъ справедливо называетъ „блестящею“.

связанной. Съ перваго взгляда можно было бы подумать, что борьба на жизнь и смерть между этими двумя народами является слѣдствіемъ лишь извѣстныхъ ненормальныхъ экономическихъ отношеній. Но это только съ перваго взгляда. Если же ближе вглядѣться въ характеръ этой вѣковой ненависти и борьбы, то придется признать, что только одними экономическими отношеніями объяснить эту задачу невозможно, потому что если взять въ расчетъ всѣ несомнѣнныя заботы Англійи объ улучшеніи экономического положенія Ирландіи, заботы, проявившіяся въ какихъ нибудь полтора десятка лѣтъ послѣдняго столѣтія, то слѣдовало бы ожидать, что ненависть ирландцевъ къ англичанамъ должна была бы исчезнуть и не имѣть уже болѣе мѣста. На самомъ же дѣлѣ мы этого не видимъ. Значитъ, нужно въ другомъ мѣстѣ искать причину этой вѣковой вражды. Если мы посмотримъ на дѣло не только съ точки зрѣнія экономической, но также съ точекъ зрѣнія національной, политической и религіозной, то мы убѣдимся, что ирландскій вопросъ на самомъ то дѣлѣ задача далеко не такая простая, что, наоборотъ, это явленіе очень сложно и состоитъ изъ сплетенія экономическихъ, національно-политическихъ и религіозныхъ отношеній, сложившихся цѣлымъ рядомъ поколѣній. Разъ-

3. H. de Chavannes de la Giraudière et Huillard-Bréholles. L'Irlande, son origine, son histoire et sa situation présente. Tours 1867 г. Въ одномъ томѣ. Сочиненіе написано въ католическомъ духѣ. Оно хорошо для первоначальной исторіи Ирландіи. Читать слѣдуетъ съ осторожностью.

4. Lesky. Geschichte England's im 18 Jahrhundert. Нѣмецкій переводъ съ англійскаго Löwe, въ 4 томахъ. Сочиненіе это еще не кончено. Оно, по словамъ Гассенкампа, составляетъ, по безпристрастному и внимательному отношенію къ Ирландіи, исключеніе между англійскими историческими сочиненіями.

5. Beaumont. L'Irlande politique, sociale et religieuse. Paris. 2-me édition 1881 г. Въ двухъ томахъ. Первое изданіе этого сочиненія вышло въ 1839 году. Оно очень богато матерьяломъ для картины общественныхъ отношеній Ирландіи и удостоено преміи французской академіи.

6. Perraud. Le bill des tenanciers. Paris 1860. Небольшая брошюра, но очень цѣнная по яркости картины, изображающей положеніе ирландскаго земледѣльца, наканунѣ изданія закона Кордуэля. Этому же автору принадлежитъ другое сочиненіе „Etudes sur l'Irlande contemporaine“.

7. В. В. Соколовскій. Аграрный вопросъ въ Ирландіи. Заграничный Вѣстникъ 1882 года. Эта статья представляетъ собою краткій историческій очеркъ поземельныхъ отношеній въ Ирландіи. Интересны указанія на роль національнаго момента въ этихъ отношеніяхъ.

ясненія, поэтому, ирландскаго вопроса необходимо искать въ прошломъ этого народа и въ немъ же поискать отвѣта на загадку.

Я считаю лишнимъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ изложеніемъ всей исторіи Ирландіи въ ея деталяхъ, а буду имѣть въ виду лишь тѣ главные факты изъ исторіи отношеній между Англіею и Ирландіею, которые будутъ служить намъ какъ бы сигнальными знаками по пути слѣдованія къ выясненію судьбы Ирландіи до настоящаго времени.

Для разрѣшенія поставленной мною задачи нѣтъ надобности начинать, что говорится, съ Адама. Для насъ будетъ вполне достаточно, если мы ограничимся только тѣмъ, что, сдѣлавши общій очеркъ средневѣковой исторіи Ирландіи, подведемъ итогъ ея къ XVI ст. Этого будетъ, я думаю, достаточно. Подробнѣе намъ нужно будетъ остановиться на XVII и XVIII вѣкахъ, и особенно на томъ, что предпринято было по отношенію къ Ирландіи въ XIX столѣтіи.

Прежде всего слѣдуетъ остановить вниманіе на фактѣ, который весьма важно съ самаго же начала вѣрно оцѣнить. Я говорю о столкновеніи на почвѣ Ирландіи двухъ расъ. Когда норманны появились въ Ирландіи и затѣмъ, какъ пишется въ учебникахъ,

8. Н. И. Зиберъ. Аграрный вопросъ въ Ирландіи. Юридическій Вѣстникъ 1882 года. Эта статья представляетъ собою рефератъ протоколовъ парламентской комиссіи 1881 года, назначенной для изслѣдованія земельныхъ отношеній въ Ирландіи. Она заключаетъ въ себѣ крайне интересныя данныя о теперешнемъ положеніи ирландскихъ арендаторовъ и объ ихъ воззрѣніяхъ на земельныя отношенія. Цѣнны и замѣчанія Н. И. Зибера объ этихъ отношеніяхъ.

9. Paul Fournier. La question agraire en Irlande. Этого сочиненія я не имѣлъ подъ руками; его очень хвалятъ г. Сокольскій и г. Герве за богатство матерьяла и его обработку.

10. Anat. Leroy-Beaulieu. L'Irlande et le land-bill de M. Gladstone. Revue des deux Mondes 1881 г.

11. Philippe, comte de Paris. L'Eglise d'état et l'eglise libre en Irlande. Revue des deux Mondes 1868. Эта статья написана графомъ Парижскимъ, теперешнимъ претендентомъ на французскую корону, подъ псевдонимомъ Ксавье Реймонъ. Она появилась по поводу билля Гладстона объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи.

Этотъ списокъ далеко не исчерпываетъ всего, что можно найти по исторіи Ирландіи. Желаящіе заняться ею еще болѣе обстоятельно могутъ съ удобствомъ воспользоваться библиографическимъ указателемъ источниковъ и пособій по ирландской исторіи, помѣщеннымъ въ концѣ упомянутой выше книги Гассевкампа.

„покорили“ ее (на самомъ дѣлѣ покоренія то никакого не было, кромѣ незначительной восточной части острова), то тутъ столкнулись два народа — одинъ, который предполагался варварскимъ, дикимъ, другой — цивилизованный, который долженъ былъ будто бы культивировать дикихъ туземцевъ. На самомъ же дѣлѣ произошло нѣчто обратное; мы встрѣчаемся здѣсь съ такого рода фактомъ, который прямо говоритъ противъ культурнаго превосходства побѣдителей надъ побѣжденными. Обыкновенно, когда сталкиваются два народа, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ культуры, то тотъ изъ нихъ, который стоитъ на низшей ступени, — особенно если разница значительна, — усваиваетъ себѣ нравы, обычаи, однимъ словомъ, культуру того болѣе цивилизованнаго народа, съ которымъ онъ столкнулся. И это усвоеніе чужой культуры происходитъ не искусственнымъ, а вполне естественнымъ, безболѣзненнымъ путемъ; въ такомъ случаѣ получается, можно сказать, выгода для всего человѣчества: цивилизація пріобрѣтаетъ новыхъ адептовъ, а вновь культивированный народъ пріобщается къ этой цивилизаціи, не теряя, впрочемъ, изъ своего стараго ничего того, что заслуживаетъ сохраненія. Если бы, слѣдовательно, норманны были болѣе цивилизованы, чѣмъ ирландцы, то послѣдніе должны были бы усваивать себѣ культуру норманновъ, между тѣмъ мы знаемъ факты изъ XIV еще столѣтія, которые говорятъ обратное. Такъ, Килькенійскій статутъ Эдуарда III, относящійся къ 1367 г., гласитъ, что всякій англичанинъ, который будетъ одѣваться по ирландски въ свѣтло-желтыя платья, будетъ стричь бороду по ирландски, женится на ирландкѣ, будетъ давать своимъ дѣтямъ при крещеніи ирландскія имена, вообще будетъ усваивать себѣ ирландскіе обычаи, нравы, языкъ, то такой англичанинъ будетъ наказываемъ какъ за преступленіе государственной измѣны, т. е. колесованіемъ живьемъ. Является вопросъ: почему и зачѣмъ представилась надобность въ подобнаго рода статутахъ въ XIV еще столѣтіи, т. е. два столѣтія послѣ такъ называемаго „покоренія“ острова?.. Очевидно, значить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ подчиненіемъ ирландцевъ норманнской культурѣ, а скорѣе съ явленіемъ обратнымъ, т. е. съ кельтизированиемъ англичанъ. Этотъ важный и интересный вопросъ получилъ свое разрѣшеніе въ послѣднее время, когда англичане сняли запретъ съ древнихъ актовъ, уясняющихъ исторію Ирландіи. Такъ, законы брегоновъ — такъ назывались древне-ирландскіе вѣщатели права — доказываютъ намъ, что ирландцы вовсе не стояли на такой низкой ступени культуры, на какой ихъ ставятъ

нѣкоторые историки, что, наоборотъ, образованность ирландцевъ была довольно высокою. Ясное дѣло, слѣдовательно, что колы скоро норманны столкнулись съ такимъ народомъ, то не могли да и излишне было имъ проявлять свое цивилизаторское вліяніе. Фактъ кельтизированія германской расы въ Ирландіи не удивляетъ меня. Онъ не одинокъ. Германская раса вообще на западѣ потерпѣла большой уронъ. Обратимъ наше вниманіе на то, что сдѣлалось вообще съ германской расою при столкновении ея на западѣ съ кельтическою романизированной расою. Намъ невольно бросается въ глаза однообразіе, такъ сказать, участи этой расы. Италію заняли остъ-готы и лонгобарды. Гдѣ они теперь? Испанію населили аланы, свевы, вандалы, также вестъ-готы. Гдѣ они? Франціею овладѣли франки, аллеманы, бургунды, отчасти и вестъ-готы. Куда они дѣвались? Всѣ они потеряли свой обликъ и поглощены кельто-романскою цивилизаціею. Въ Англіи саксы сталкиваются сначала съ кельтическимъ населеніемъ; затѣмъ появляются норманны, и вся эта смѣсь дала въ результатѣ англійскую націю, въ языкѣ которой преобладаетъ элементъ романскій, а не германскій. Вслѣдствіе этого, преувеличенное представленіе, которое имѣется объ какой то особенной способности нѣмцевъ подчинять другіе народы своей культурѣ, нѣмечить ихъ, должно быть подвергнуто весьма значительному ограниченію. Это представленіе вѣрно лишь по столько, по сколько оно касается отношеній нѣмцевъ къ намъ славянамъ, да и то далеко не безусловно.

Я возвращаюсь къ англо-ирландскимъ отношеніямъ. Для Англіи, отвлекаемой внѣшними и внутренними замѣшательствами, наступили времена, неблагоприятныя для расширенія своего господства, и Ирландія вплоть до конца XV ст. остается независимою. Одна только восточная часть ея находилась въ рукахъ англичанъ, вся же остальная часть острова остается въ рукахъ ирландцевъ, которые дѣлились на кланы (округа), управляемые каждый отдѣльнымъ таномъ (княземъ); земля принадлежала всему клану и обрабатывалась членами этого клана на извѣстныхъ условіяхъ и съ извѣстными обязательствами по отношенію къ тану. Существовали у нихъ извѣстныя формы судопроизводства, при чемъ за все начался денежный штрафъ, какъ и у славянъ и германцевъ.

Когда междоусобія въ Англіи окончились, она опять принимается за Ирландію и достигаетъ того, что при Генрихѣ VII Ирландія подчиняется англійскимъ королямъ, сохраняя, впрочемъ, за собою автономію, о характерѣ которой мы скажемъ послѣ.

Въ XVI ст. отношенія между ирландцами и англичанами осложняются новымъ элементомъ религіознымъ. Сначала движеніе религіозное не имѣло большого значенія. Генрихъ VIII, какъ извѣстно, ограничился сначала лишь присвоеніемъ себѣ церковной супрематіи и не коснулся существенныхъ догматовъ вѣры. Когда же при его сынѣ и преемникѣ Эдуардѣ VI реформація развилась и приобрѣла болѣе лютеранскій характеръ, то введеніе ея въ Ирландію встрѣтило упорное сопротивленіе. Сдѣлано было англійскимъ правительствомъ распоряженіе, что ирландское духовенство должно непремѣнно признавать духовную супрематію короля; велѣно было также перевести на ирландскій языкъ Prayer-book и отправлять по немъ богослуженіе; единственная уступка, которую Эдуардъ VI нашелъ возможнымъ сдѣлать католикамъ, состояла въ томъ, что ирландцамъ позволено было при евхаристіи употреблять по прежнему латинскій языкъ. Эти усилія во что бы то ни стало распространить реформацію въ Ирландіи пріостановились со вступленіемъ на престолъ Маріи Тюдоръ, когда и въ самой Англии наступаетъ католическая реакція. Интересно то обстоятельство, что въ то время, когда въ самой Англии горятъ костры, массами истребляющіе протестантовъ, въ Ирландіи мы не видимъ религіозныхъ преслѣдованій и вообще не замѣчаемъ проявленій религіознаго фанатизма. Въ Дублинѣ открыто совершается протестантское богослуженіе.

Но вотъ наступаетъ царствованіе Елизаветы, которое англичане такъ любятъ прославлять и которымъ гордятся. Для Ирландіи царствованіе это было очень тяжелымъ. Уже въ 1560 г. появляется статутъ, которымъ требовалось, чтобы супрематія короля въ дѣлахъ церкви признавалась всѣми безусловно, и всякій, кто будетъ признавать какую либо иностранную супрематію (папы), наказывается въ первый разъ лишеніемъ имущества, а во второй — смертю. Естественное дѣло, что при такихъ условіяхъ вражда ирландцевъ къ англичанамъ становилась все сильнѣе и сильнѣе, а также параллельно съ этимъ сильнѣе и напряженнѣе становилось стремленіе ихъ къ національной независимости. Въ теченіи одного только XVI ст. мы видимъ въ Ирландіи семь возстаній; всѣ они кончаются неудачей, но послѣ каждой неудачи ирландцы какъ бы вновь воодушевляются ненавистью къ англичанамъ и поднимаются съ новою силою. Возстанія эти особенно были сильны на югѣ Ирландіи — въ Мунстерѣ и на сѣверѣ — въ Ульстерѣ.

Возстанія находили себѣ поддержку и питаніе, кромѣ вѣко-

вой вражды ирландцевъ къ англичанамъ, и въ континентальныхъ отношеніяхъ XVI ст. Вспомнимъ, что вторая половина XVI столѣтія европейской исторіи есть время страшной религіозной борьбы, это время Варооломеевской ночи, время Филиппа II, Гизовъ и Альбы, Вильгельма Оранскаго и Колиньи, время отчаянной борьбы нидерландцевъ за свою религію и свободу, и мы поймемъ, что и Ирландія, являвшаяся ареною борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ, не могла остаться чуждою этому движенію вѣка. Къ тому же, на Елизавету смотрѣли въ Европѣ, какъ на представительницу протестантизма, вредить которой представлялось очень заманчивымъ и выгоднымъ для представителей католицизма (папы, Филиппа II), а Ирландія являлась очень удобною почвою для такихъ политическихъ интригъ. Въ самой Ирландіи нашлись авантюристы, готовые воспользоваться такимъ положеніемъ вещей. Одинъ изъ нихъ Стуклей предложилъ папѣ Григорію XIII сдѣлать сына его Джіакомо Бонкампанію королемъ Ирландіи. Папа одобрилъ планъ Стуклея и далъ ему денегъ, но послѣдній съ набраннымъ войскомъ отправился вмѣсто Ирландіи въ Португалію и забылъ о своемъ первоначальномъ планѣ и о папскомъ сынѣ. Онъ принялъ участіе въ экспедиціи въ Африку, гдѣ и сложилъ свою буйную головушку. Другой авантюристъ Яковъ Фицморисъ обратился также къ папѣ и испанскому королю Филиппу II за помощью; появился за тѣмъ въ Ирландіи и поднялъ возстаніе въ Мунстерѣ. Нельзя сказать, чтобы Фицморисъ пользовался особеннымъ вліяніемъ на ирландцевъ, но когда возстаніе было подавлено, то обнаружились обстоятельства, давашія поводъ подозрѣвать въ сочувствіи къ возстанію графа О'Десмонда. Отъ послѣдняго потребовали заложниковъ, которыхъ онъ отказался дать, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ возстаніе въ своемъ графствѣ. И это возстаніе было подавлено англичанами; Мунстеръ былъ разоренъ и 30,000 людей погибло если не отъ оружія англичанъ, то отъ голода. Побѣдители разоряли цѣлыя деревни, чтобы не было пристанища возставшимъ, сжигали скирды хлѣба и сѣна, чтобы лишить ихъ средствъ продолжать борьбу. Словомъ, англичане дѣйствовали безъ разбора средствъ: не мытьемъ, такъ катаньемъ доканали возставшихъ мунстерцевъ.

Когда происходитъ возстаніе на югѣ Ирландіи, въ то же время на сѣверѣ возстаніе поднимается О'Нилемъ, графомъ Тиронна, человекомъ, пользовавшимся вліяніемъ на весь Ульстеръ. Противъ него былъ отправленъ любимецъ Елизаветы Эссексъ.

Успѣхъ остался однако на сторонѣ О'Нила, и Эссексъ вступилъ въ переговоры. Свиданіе между ними было довольно оригинально. Оба предводителя сѣхались къ рѣкѣ съ противоположныхъ сторонъ. О'Ниль верхомъ вѣхалъ въ воду, пока вода не достигла сѣдла и отсюда началъ переговоры съ Эссексомъ, не подѣзжая къ нему ближе столько же изъ почтенія, сколько изъ опасенія измѣны: Переговоры кончились уступками со стороны Эссекса. Договоръ этотъ не былъ утвержденъ Елизаветой и навлекъ на Эссекса ея немилость. Противъ О'Нила былъ назначенъ новый полководецъ Маунтджой. Маунтджой дѣйствовалъ всею массою своихъ войскъ сосредоточенно, не разсѣвая ихъ мелкими отрядами, устраивая какъ можно больше фортовъ и подвигаясь медленно шагъ за шагомъ впередъ. Система его состояла въ опустошеніи повсюду жилищъ оставшихся. Насколько упорна была борьба и значительна сила О'Нила, которому помогли притомъ папа Климентъ VIII и Филиппъ II, видно изъ того, что когда онъ согласился смириться, ему дали пощаду и, кромѣ того, возвратили ему всѣ земли, отнятыя у него раньше. Было предоставлено также право католикамъ, живущимъ на его землѣ, отправлять свое богослуженіе. Если Елизавета вынуждена была на такія уступки, то мы можемъ отсюда заключить, насколько сильны были еще начальники ирландскихъ клановъ и какъ далеко еще было до полного пораженія Ирландіи.

Резюмируя все сказанное нами до сихъ поръ, мы видимъ, что въ концѣ царствованія Елизаветы, т. е. въ началѣ XVII в., отношенія англичанъ къ ирландцамъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: во 1-хъ, большая часть Ирландіи (Мунстеръ, Лейнстеръ и Ульстеръ) хотя и подчинена Англии, но не вполне, а во 2-хъ, борьба сопровождается сплошнымъ опустошеніемъ покоряемыхъ областей и сильными жестокостями. Въ одномъ графствѣ Тироннѣ до 3,000 человекъ погибло отъ голода. На дорогѣ отъ него на пространствѣ 15 миль было найдено 1,000 человеческихъ труповъ. Такой характеръ борьбы еще болѣе разжигалъ взаимную ненависть двухъ народностей и безъ того уже враждебныхъ другъ другу въ силу прежнихъ отношеній. Третій фактъ,— это стремленіе англичанъ къ систематическому обезземеливанію ирландцевъ. Первый актъ въ этомъ отношеніи произошелъ при Маріи Тюдоръ. Послѣ возстанія ирландцевъ при Эдуардѣ VI Марія Тюдоръ наказывала возстававшихъ отнятіемъ ихъ земель. То же самое мы видимъ при Елизаветѣ, когда войскамъ, подавлявшимъ возстаніе въ

Ульстерѣ, давалось каждому кавалеристу 240 морговъ земли, а пѣхотинцу по 120 морговъ. Система конфискацій и стремленіе англичанъ захватить ирландскія земли продолжались и позже и особенно развита достигли при Стюартахъ.

Въ началѣ XVII ст. на престолъ Англіи вступаетъ Яковъ I. Ирландцы надѣялись, что сынъ той самой королевы Маріи, которая погибла только потому, что была католичкой и пользовалась любовью католиковъ, что сынъ ея окажется болѣе снисходительнымъ къ нимъ, чѣмъ его предшественница Елизавета. Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться. Яковъ I — человекъ узколюбый и деспотическаго нрава, предпочелъ, въ виду того значенія, какое англиканская церковь придавала королю, отстаивать во что бы то ни стало основныя положенія этой церкви. Пороховой заговоръ только усилилъ нерасположеніе къ католикамъ и ухудшилъ ихъ положеніе. Въ Ирландіи онъ отозвался религиозными преслѣдованіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, именно при Яковѣ создается планъ систематической колонизаціи Ирландіи английскими землевладѣльцами и производится разрушеніе древней организаціи ирландскаго клана. Намѣстникъ Ирландіи лордъ Чичестеръ издаетъ королевскую прокламацію, объявляющую членовъ клана свободными отъ подчиненія начальнику клана. Этимъ хотѣли ослабить значеніе тановъ и ослабить силу народа, крившуюся въ древней организаціи. Затѣмъ Чичестеръ подаетъ въ Лондонъ прозектъ, что, по его мнѣнію, лучшимъ средствомъ для колонизаціи англичанами Ирландіи было бы, если бы тѣ колонисты, которые теперь массами отправляются въ Америку, заселяли Ирландію. Чтобы она стала такою Америкою, онъ находитъ возможнымъ отдавать имъ излишекъ земель, которыя окажутся за надѣломъ ирландскихъ землевладѣльцевъ. Въ Лондонѣ, однако, прозектъ этотъ былъ передѣланъ въ томъ смыслѣ, чтобы просто надѣлять англичанъ землями въ Ульстерѣ, не обращая вниманія на ирландцевъ. Участки въ тысячу и полторы тысячи акровъ передавались пресвитеріанамъ и сектантамъ-англичанамъ. Находили возможнымъ раздавать англичанамъ эту землю на томъ основаніи, что предводители нѣкоторыхъ клановъ, участвовавшіе въ возстаніи, бѣжали, а потому и земля считалась свободною. Напрасно протестовали жители этихъ клановъ, говоря, что земля не есть частная собственность предводителя клана, что она составляетъ ихъ общую собственность. Но англичане съ своей точки зрѣнія никакъ не могли этого понять: земли

общей быть не может, земля может принадлежать только тому или другому лэндлорду и если онъ бѣжалъ, то земля эта лишается своего владѣтеля и становится государственною собственностью, которою государство и можетъ распоряжаться, какъ ему заблагоразсудится. Здѣсь мы видимъ, слѣдовательно, столкновение правовыхъ міросозерцаній двухъ расъ: германской съ ея идеею личной собственности и кельтической — съ идеею общей собственности. Отъ такого столкновения и произошла эта ломка основныхъ правовыхъ понятій и въ результатѣ 195,000 акровъ роздано англійскимъ и шотландскимъ переселенцамъ, а туземцамъ оставлено только 70,000 акровъ. При этомъ строго было воспрещено первымъ допускать и держать на своихъ земляхъ арендаторовъ-ирландцевъ. Система, господствовавшая при Яковѣ I продолжается и при преемникѣ его. Съ одной стороны, мы видимъ, боятся не только за политическую и религіозную самостоятельность, но и за землю, на которой сидишь и сегодня пользуешься ею, а завтра, смотри, придетъ какой нибудь чужеземецъ и отберетъ ее; съ другой стороны, стремятся сузить именно до послѣдней степени все, что напоминаетъ еще о какихъ нибудь правахъ.

Карлу I съ самаго начала вступленія его на престолъ пришлось вести борьбу съ парламентомъ, борьбу, которую велъ уже Яковъ I и которая была неминуема при томъ высокомъ понятіи о божественномъ правѣ королей, которое было присуще всѣмъ Стюартамъ и которое было причиною такой трагической участи этой династии. Съ созваніемъ Долгаго Парламента начинается кризисъ въ борьбѣ парламента съ королемъ за вѣковыя права англійскаго народа. Ирландцы желаютъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, и вотъ въ Ирландіи составляется заговоръ, чтобы освободиться отъ англійскаго господства. Ирландцы хотѣли 23 октября 1641 г. напасть на Дублинъ и овладѣть имъ, но это имъ не удалось. Въ самой Англійи борьба съ королемъ переживаетъ разные фазисы. Сначала во главѣ парламента стоятъ монархисты и англиканцы; потомъ вліяніе переходитъ къ пресвитерьянамъ и политика все болѣе принимаетъ республиканскій характеръ, чтобы съ выступленіемъ на сцену круглоголовыхъ и индепендентовъ порвать рѣшительно и съ монархіею и съ высокою церковью. Какъ же должны были относиться къ этому дѣлу ирландцы? Англичане-ирландцы, т. е. англичане, поселившіеся и владѣвшіе землею въ Ирландіи, были или пресвитеріане, или монархисты; англійскій парламентъ въ ихъ глазахъ пересталъ быть учрежденіемъ, которому нужно

повиноваться, и этот парламентъ становится общимъ врагомъ какъ приверженцевъ короля, такъ и ирландцевъ, стремившихся къ политической самостоятельности. Поэтому происходитъ сближеніе между староирландской партіею и англичанами роялистами въ Ирландіи и возстаніе въ началѣ носить характеръ политической. Герцогъ Ормондъ, во имя роялизма, сумѣлъ соединить обѣ партіи для борьбы съ парламентомъ. Карлъ I заключилъ съ ирландцами договоръ, выговоривъ себѣ ихъ помощь и сдѣлавъ имъ значительныя уступки. Договоръ этотъ былъ найденъ въ карманѣ убитаго въ одномъ сраженіи епископа Туама. Когда въ Англіи узнали объ этомъ союзѣ короля съ ирландцами, то тамъ поднялась цѣлая буря негодованія. Карлъ I изъ политическихъ расчетовъ отрекался, конечно, отъ всякаго союза и договора. Движеніе ирландцевъ на этой почвѣ не осталось. Останься оно чисто національно-политическимъ, имъ бы удалось, можетъ быть, освободиться отъ господства Англіи; хотя этотъ успѣхъ, по всей вѣроятности, не былъ бы долговременнымъ. Но тутъ замѣшались религіозныя отношенія. Извнѣ увидѣли возможность воспользоваться этимъ движеніемъ для торжества католицизма, съ одной стороны, и подрыва выгоднаго положенія Англіи, съ другой. И вотъ въ Ирландію является кардиналъ Ринучини и старается придать движенію ирландцевъ религіозный характеръ. Ему удалось сначала привлечь на свою сторону Карла I и пріобрѣсти вліяніе при помощи роялистовъ. Сближаясь съ кардиналомъ Ринучини и обѣщая ему значительныя уступки въ религіозныхъ дѣлахъ, король рассчитывалъ черезъ него пріобрѣсти помощь католическихъ державъ. Но онъ ошибся въ расчетахъ. Очень скоро папскій легатъ открылъ свою игру: по его приказу, католическіе священники стали проповѣдывать противъ самого Карла I, какъ еретика, и кардиналъ склонилъ католиковъ признать своимъ государемъ самого папу и призвать для управленія Ирландіею,—подъ верховной властью папы,—брата герцога Тосканскаго. Договоръ между ирландскими роялистами и староирландской партіею рушился. Герцогъ Ормондъ сдалъ Дублинъ войскамъ парламента, не желая торжества папистовъ. Полковникъ Джонсъ вступилъ туда въ іюлѣ 1647 г. Этотъ результатъ, а также пораженія, которыя стали терпѣть ирландцы, разочаровали ихъ въ политикѣ кардинала Ринучини и заставили снова сближиться съ роялистами. Казнь Карла I еще болѣе содѣйствовала этому. Не смотря на проклятія и отлученія кардинала, лига

возстановилась, и самъ онъ вынужденъ былъ покинуть островъ и возвратиться во свояси.

Но благоприятный моментъ былъ упущенъ. Парламентъ восторжествовалъ надъ королемъ и теперь направилъ свои силы на Ирландію. Туда отправился самъ Кромвель, и по высадкѣ своихъ войскъ, взялся за покореніе городовъ Дрогеды, Вексфорда и другихъ. При капитуляціи этихъ городовъ защитники ихъ были перебиты до одинаго человѣка. Въ Вексфордѣ жители были перебиты, не смотря на обѣщаніе сохранить имъ жизнь, данное Кромвелемъ при заключеніи капитуляціи. Кромвель чувствовалъ потребность оправдать эти звѣрства и писалъ парламенту по поводу этихъ избіеній: „Я убѣжденъ, что это праведный судъ Божій надъ этими варварами-простофилями, которые обагрили свои руки такою массою невинной крови, и что это предупредить повтореніе подобныхъ кровопролитій въ будущемъ“. Ирландія покорилась не только оружіемъ, но и голодомъ. За войсками Кромвеля шли косари и жнецы, которые уничтожали вездѣ хлѣбъ на корню. Сжигалось все, что только можно было сжечь. Когда въ 1652 г. „умиротвореніе“ Ирландіи кончилось, то далеко нельзя было назвать это умиротвореніемъ, а скорѣе превращеніемъ богатаго острова, по крайней мѣрѣ значительной части его, въ пустыню. Изъ 1.466,000 человѣкъ 616,000 погибло отъ меча, отъ голода и отъ повальныхъ болѣзней. Къ этому умиротворенію вполне примѣнимо выраженіе Тацита: „Ubi solitudinem faciunt, pacem appellant“. 34,000 лучшихъ людей по условіямъ капитуляціи были вывезены на континентъ и дрались потомъ подъ знаменами Испаніи, Франціи и даже Польши. Многіе ирландцы, мужчины, женщины и дѣвушки были вывезены и отданы на сахарныя плантаціи Вестъ-Индіи. Правительство приказало отправлять туда всѣхъ ирландцевъ, находящихся въ турьмахъ, рабочихъ домахъ и всѣхъ не имѣющихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни. Агенты разнаго рода охотились за такими несчастными, какъ охотились за неграми въ Африкѣ.

За умиротвореніемъ слѣдовало массовое обезземеленіе ирландцевъ по слѣдующимъ двумъ актамъ парламента. По первому акту отъ 13-го августа 1652 года всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ возстаніи до 1643 года, лишаются всѣхъ своихъ земель; тѣ же, кто въ возстаніи противъ короля не участвовалъ, а лишь въ возстаніи противъ парламента, теряютъ $\frac{2}{3}$ своихъ земель, а взамѣнъ остающейся трети они получаютъ соотвѣтствующій участокъ земли

на западѣ Ирландіи въ Коннаутѣ (Connaught), что равносильно было потерѣ и этой трети. Наконецъ, тѣ изъ ирландцевъ, которые сами хотя и не принимали участія ни въ какомъ возстаніи, но не выказали достаточной антипатіи къ возставшимъ, лишаются одной трети своихъ земель, а взамѣнъ остальныхъ двухъ третей получаютъ земли въ томъ же Коннаутѣ. По второму акту парламента отъ 27 сентября 1653 года всѣ ирландцы католики должны непремѣнно къ 1 мая 1654 года выселиться за рѣку Шанонъ, въ Коннаутъ. Кто же, позже 1 мая 1654 г., окажется по сю сторону Шанона, тотъ подвергается смертной казни. Дозволялось остаться только малолѣтнимъ (моложе 14 лѣтъ), если у нихъ одинъ изъ родителей протестантъ, а также рабочимъ, нужнымъ для обработки земель англичанъ. Подобнаго рода выселеніе огуломъ объяснялось желаніемъ англичанъ совершенно обезземелить ирландцевъ и самимъ завладѣть ихъ землями. И не даромъ выгоняли этихъ несчастныхъ туземцевъ въ Коннаутъ. На сколько Ирландія вообще представляется островомъ благодатнымъ и плодороднымъ, на столько же Коннаутъ представляетъ однѣ скалы, болота и очень мало земли, удобной для обработки. Какія ужасныя общественныя отношенія устанавливались на островѣ, свидѣтельствуемъ, напримѣръ, слѣдующая такса: правительство платило 5 фун. ст. за убитаго волка, 10 ф. ст. за волчицу, 10 ф. ст. за пойманнаго католическаго священника (по закону они всѣ считались изгнанными изъ Ирландіи) и 20 фунтовъ за тори. (Такъ назывались возставшіе роялисты, остатки которыхъ составляли разбойничьи шайки).

Но вотъ миновала и республика въ Англіи; наступила рестаурація Стюартовъ. Ирландцы, которые боролись за королевскія прерогативы, рассчитывали теперь на нѣкоторое вознагражденіе. И дѣйствительно, уже въ 1662 г. издается такъ называемый Поселенческій актъ (Act of settlement), которымъ „невиннымъ католикамъ“¹⁾ предоставлялось право получить обратно конфискованные у нихъ участки. Когда актъ былъ обнародованъ, то прошеній о возвращеніи земель было подано до 4,000. Въ Лондонѣ поднялся ужасный шумъ со стороны пріобрѣтателей награбленныхъ земель. Вопли лэндлордовъ возымѣли свое дѣйствіе. Появляется дополнительный, объяснительный актъ, который низвелъ значеніе Поселенческаго акта почти до нуля. Всѣ тѣ, по прошеніямъ которыхъ

1) Такъ были названы тѣ католики, которые могли доказать, что они до 1652 года не принимали участія ни въ какомъ возстаніи.

не было постановлено никакихъ рѣшеній, должны были навсегда отказаться отъ надежды возвратить себѣ отцовское наслѣдство; только для 20 семействъ изъ 3,000 въ видѣ особой милости сдѣлано было исключеніе. Въ общемъ счетѣ одна треть удобной земли во всей Ирландіи, не исключая и Коннаута, осталась за ирландцами-католиками, а двѣ трети за англичанами.

Новый моментъ въ Ирландіи представляетъ краткое, трехлѣтнее царствованіе Якова II, закончившееся революціею 1688 года. Яковъ II въ своей попыткѣ ввести абсолютизмъ и произвести реставрацію католицизма старается подготовить для себя почву въ Ирландіи — странѣ католической и искони враждебной всему английскому. Онъ назначаетъ своимъ намѣстникомъ въ Ирландіи полковника Тальбота, получившаго званіе лорда Тирконнеля, ярого врага поселенческихъ законовъ. Своими дѣйствіями онъ питаетъ надежду въ Ирландіи на возвращеніе отнятыхъ земель, на изгнаніе протестантовъ и на возстановленіе католической церкви. Среди этой работы застала его революція 1688 года. Тирконнель и ирландцы стали на сторону Якова II. Послѣдній самъ явился въ Ирландію съ французскимъ вспомогательнымъ отрядомъ. Сюда же спѣшить и Вильгельмъ Оранскій съ своими войсками. Ирландія снова становится ареною борьбы разнообразныхъ интересовъ. Католицизмъ и протестантизмъ, жажда возвратить отнятыя земли и желаніе сохранить захваченное, національная вражда, французскіе, голландскіе и английскіе торговые и политическіе интересы, абсолютизмъ Людовика XIV и принципы „Декларации правъ“ 1688 года, — все это столкнулось въ Ирландіи. Сраженіе произошло при рѣкѣ Бойнѣ и было несчастно для ирландцевъ. Оно велось съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, которое объясняется лишь характеромъ принимавшихъ въ немъ участіе. Съ одной стороны боролись гугеноты съ Шомберомъ во главѣ, недавно только перенесшіе отъ католиковъ массу горя на своей родинѣ за свою религію; съ другой стороны — католики-ирландцы, воодушевленные тоже жаждой мести противъ притѣснителей и желающіе возвратить потерянную родину и свободу.

Само собою понятно, что послѣ этого пораженія ирландцамъ стало еще хуже. Первая половина XVIII столѣтія — это время всаческаго униженія ирландцевъ. Издаются драконовскіе законы противъ католиковъ. Имъ запрещено было, ^{подъ страхомъ штрафа и плети,} носить оружіе; католикъ не могъ занимать какой бы то ни было общественной должности, не могъ быть ни избираемымъ, ни

избирателемъ; не могъ быть учителемъ, не могъ быть адвокатомъ, не смѣлъ жить въ Гальвѣ и Лимерикѣ, если платитъ за квартиру болѣе 40 фун. въ годъ; католикъ не имѣлъ права имѣть лошадь дороже 5 фун. стерл., въ противномъ случаѣ всякій протестантъ имѣлъ полнѣйшее право, давъ ему гинею, отпречь его лошадь и взять себѣ; католикъ не могъ вообще владѣть землею, ни покупать ее или инымъ образомъ получать ее, ни давать подъ залогъ ея деньги, ни арендовать ее на срокъ болѣе 31 года, при чемъ арендная плата должна была обязательно равняться двумъ третямъ дохода съ земли. Всякія сдѣлки, противныя этимъ законоположеніямъ, признавались недѣйствительными. Католикъ не могъ также жениться на протестанткѣ, а католичка выходить замужъ за протестанта и наоборотъ. Въ случаѣ смѣшаннаго брака, имущество протестантки, если оно было болѣе 500 ф. ст., отнималось у нея и переходило къ ея протестантскимъ родственникамъ. Священникъ, совершавшій смѣшанный бракъ подвергался сначала штрафу въ 20 ф. ст., а потомъ, по закону 1725 г.,— смертной казни. Наконецъ, по закону 1745 г. всякіе браки между папистами и англиканцами признаются недѣйствительными. Интересною представляется для насъ эта градація наказаній, которымъ подвергался священникъ за совершеніе обряда вѣнчанія при смѣшанныхъ бракахъ. Очевидная недостаточность наказаній, которая не удерживала священниковъ совершать обрядъ вѣнчанія вопреки запрещеніямъ правительства, побуждала послѣднее усиливать степень наказанія, доведя его, наконецъ, до смертной казни. Далѣе, католикъ не имѣетъ права наследовать протестанту. Католикъ не могъ быть опекуномъ своихъ собственныхъ дѣтей; опекунство переходило непременно къ какому нибудь родственнику протестанту. Католикъ не могъ ни имѣть учителя католика, ни отправлять своихъ дѣтей за границу для воспитанія, какъ дѣлали часто богатые ирландцы, воспитывая своихъ дѣтей во Франціи. Кто оказывался виновнымъ въ этомъ, имущество того конфисковалось. Шерифъ имѣлъ право являться въ любое время въ домъ католика и требовать, чтобы онъ показалъ всѣхъ своихъ дѣтей. Если кого либо изъ нихъ не оказывалось на лицо, то считалось, что оно находится и воспитывается за границей, и имущество отца конфисковалось безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Училищъ своихъ католики имѣть не могли. Всѣ высшіе католическіе духовные и члены орденовъ были изгнаны.

Чѣмъ же, наконецъ, могъ быть католикъ? Нищимъ и поденщикомъ. Даже самое право завѣщанія католиковъ ограничивалось.

Такъ, протестантъ обязанъ былъ держаться маіората, католики же обязаны были дѣлить имущество свое между всѣми дѣтьми, дабы оно дробилось и чтобы потомки бѣднѣли. Но это еще не все. Если одинъ изъ сыновей принимаетъ протестантизмъ, то отецъ теряетъ всѣ права распоряженія своимъ имуществомъ; они переходятъ къ этому сыну-отщепенцу. Послѣдній становится даже опекуномъ отца. Дальше ужъ идти было некуда. Если правительство становится между отцомъ и сыномъ, давая, на перекоръ всякимъ естественнымъ законамъ, второму старшинство надъ первымъ, то это уже послѣднее слово безобразія и мерзости.

Рядомъ съ этими мѣрами принимаются другія для уничтоженія экономическаго развитія и благосостоянія Ирландіи. Навигационнымъ актомъ запрещалось ирландцамъ имѣть непосредственныя сношенія съ англійскими колоніями или иностранными государствами. Каждый корабль, направляющійся къ берегамъ Ирландіи, если онъ только не англійскій, долженъ былъ сначала подвергаться визѣ въ Англию и затѣмъ уже слѣдовать по своему назначенію. Этимъ имѣлось въ виду уничтожить ирландское судостроеніе, что и было достигнуто: за 50 лѣтъ послѣ этого закона на ирландскихъ верфяхъ, какъ утверждаютъ, не было построено ни одного корабля. Затѣмъ Ирландія издавна славилась своимъ овцеводствомъ, была тамъ очень развита также шерстяная промышленность. Чтобы и ее подорвать, издано было (въ 1698 г.) постановленіе, въ силу котораго шерстяныя издѣлія Ирландіи подвергаются 20% вывозной пошлинѣ. Вслѣдствіе этого въ 1700 и 1701 г. на рукахъ общественной благотворительности находилось 19,000 ткачей, а какихъ нибудь 30 лѣтъ спустя въ Бельфастѣ нельзя было найти ни одного шерстоткацкаго станка. Актъ, о которомъ мы только что говорили, былъ изданъ ирландскимъ парламентомъ, состоявшимъ изъ однихъ только протестантовъ. Ему было обѣщано, что англичане будутъ содѣйствовать насажденію въ Ирландіи льняной и пеньковой промышленности взамѣнъ шерстяной. Обѣщаніе это не было исполнено.

Къ чему вообще привели всѣ эти мѣры, которыя только что очерчены мною, свидѣтельствуютъ лучше всего отзывы современниковъ. Вотъ что говорить о несчастной Ирландіи въ „Письмахъ суконщика“ Джонатанъ Свифтъ, долгое время жившій въ Ирландіи: „Грустное зрѣлище поразить всякаго, кто пожелаетъ посѣтить эту страну. Всѣ дороги, улицы и двери домовъ осаждаются нищими женщинами, за которыми слѣдуетъ 5—6 дѣтей, моля и прося прохо-

жаго о милостынѣ. Дѣти эти, выростая безъ всякаго образованія и воспитанія, становятся разбойниками уже по тому одному, что имъ нечѣмъ жить“.

Одинъ намѣстникъ Ирландіи доноситъ, что во рвахъ городовъ можно было находить много мертвыхъ людей, при чемъ лицо и ротъ у нихъ покрыты зеленью отъ травы, которою они питались въ послѣднія минуты своей жизни. Нечего и говорить, что такое бѣдственное положеніе туземцевъ Ирландіи было прямымъ слѣдствіемъ конфискаціи ихъ правъ и тѣхъ законовъ, которые, по словамъ Борка, ирландца по происхожденію, имѣли цѣлью уничтожить всякое значеніе ирландцевъ. Намѣстникъ Ирландіи Тоуншендъ также замѣчаетъ, что всѣ законы, которые писались и издавались относительно ирландцевъ, были направлены къ тому, чтобы уничтожить значеніе папистовъ. Но вѣдь послѣдніе составляли огромное большинство населенія Ирландіи.

Казалось, что, благодаря стараніямъ и мѣрамъ, предпринимаемымъ изъ Лондона, Ирландія представляетъ собою трупъ, и трудно было рассчитывать, чтобы трупъ этотъ могъ когда нибудь ожить; трудно было, по крайней мѣрѣ, ждать какой либо оппозиціи со стороны ирландцевъ, пришибленныхъ горемъ, нищетой, издѣвательствомъ англичанъ. Но явѣтъ, именно въ то время, когда казалось исчезли въ этомъ тѣлѣ послѣдніе признаки жизни, трупъ началъ оживать. Полвѣка дѣйствія драконовскихъ законовъ не убили его окончательно. Первые проявленія жизни были грубы и оцвѣчены характеромъ насилія. Тайныя общества, похожія на разбойничьи шайки, подъ различными названіями: „Бѣлые ребята“ (White-Boys), „Дубовые ребята“ (Oakboys), „Стальные сердца“ (Hearts of steel), „Дѣти права“ (Right-Boys), всѣ дѣйствовали одинаковымъ образомъ: насиліемъ, грабежомъ, пожаромъ съ такимъ ожесточеніемъ, которое понятно только въ людяхъ, доведенныхъ горемъ до отчаянія и которымъ не отъ кого ждать помощи. Сила и популярность этихъ тайныхъ обществъ въ Ирландіи между католиками была громадная, почти неимовѣрная. Нельзя было найти человѣка, который согласился бы свидѣтельствовать на судѣ противъ членовъ этихъ обществъ; нельзя было найти присяжныхъ, которые бы рѣшились вынести кому либо изъ нихъ обвинительный вердиктъ—до того эти союзы пользовались симпатіею въ массѣ народа, а съ другой стороны нагоняли страхъ. Всѣ они были выраженіемъ протеста противъ иноземнаго владычества и гнета и всякими мѣрами насилія старались дѣйствовать противъ

агентовъ этой ненавистной имъ власти. Они нашли поддержку и въ протестантахъ англо-ирландцахъ, ибо экономическое давленіе, о которомъ мы говорили, одинаково коснулось какъ протестантовъ, такъ и католиковъ острова. Отряды „Дубовыхъ ребягъ“ и „Стальныхъ сердецъ“ состояли изъ протестантовъ Ульстера столько же, какъ изъ католиковъ.

Немного позже и въ литературѣ появляется протестъ противъ гнета англичанъ. Капуцинъ О'Лири, отличавшійся блестящимъ талантомъ, Джонатанъ Свифтъ въ „Письмахъ бѣднаго суконщика“, аптекарь Лукасъ въ своемъ „Журналѣ свободного человѣка“ (Freemans Journal) подняли голосъ и стали будить свою родину, вступаясь за попранныя права ея. Эта оппозиція естественно вызвала преслѣдованія. „Журналъ свободного человѣка“ былъ закрытъ и издатель его долженъ былъ бѣжать на континентъ. Но удары власти не убиваютъ мысли. Популярность Лукаса лишь возросла отъ преслѣдованій. Впослѣдствіи онъ былъ выбранъ членомъ парламента.

За открытіе личности „суконщика“ (автора Писемъ) была назначена награда въ 300 ф. ст., но всѣ обѣщанія и соблазны остались безъ послѣдствій. Процессъ вынуждены были начать противъ типографщика, напечатавшаго „Письма“. Присяжные засѣдатели одиннадцать разъ возвращаемы были предсѣдателемъ въ совѣщательную комнату: никакъ нельзя было дожидаться отъ нихъ обвинительнаго вердикта. До того популярна была книга, въ которой говорилось о бѣдствіяхъ и правахъ Ирландіи.

Но едва ли одни союзы, поддерживаемые протестомъ литературы, могли бы заставить Англію кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ Ирландіи; репрессіи эти въ лучшемъ случаѣ могли бы только ослабить гнетъ, но не уничтожить его.

Постороннія обстоятельства помогли ирландцамъ и всѣ ихъ можно свести къ тремъ категоріямъ. Во 1-хъ, финансовая политика острова была невозможная: на два милліона фунтовъ расхода еле еле можно было собрать 1.900,000 фунт. Это было результатомъ обѣдненія страны и щедрыхъ пенсій, назначаеваемыхъ на счетъ ея доходовъ вліятельнымъ людямъ и королевскимъ любимцамъ. Во 2-хъ, экономическое положеніе страны отражалось не только на ея финансахъ, но и на англійской промышленности и торговлѣ. Англійскіе торговцы роптали, что сбытъ ихъ произведеній сильно сократился. Въ 3-хъ, наконецъ, самое рѣшительное воздѣйствіе оказали политическія затрудненія, а именно: война съ Америкой.

Когда американцы начали спорить съ англичанами за свою независимость и права, то ирландцы увидѣли, что ихъ соединяетъ съ американцами общая участь и общность антипатій. До союза между американцами и ирландцами дѣло не дошло. Иавѣстно, однако, что Френклинъ былъ въ Дублинѣ и указывалъ тамъ на возможность общаго дѣйствія тѣхъ и другихъ. Послѣ Саратогской капитуляціи, за которою послѣдовалъ союзъ американцевъ съ французами, англійское правительство поневолѣ призадумалось: а что если французы вадумаютъ опять появиться въ Ирландіи, то не будетъ ли озлобленная Ирландія очень удобною для нихъ ареной борьбы. И вотъ, чтобы смягчить немного ирландцевъ, въ 1778 году пробивается первая брешь въ стѣнѣ всяческихъ ограниченій въ отношеніи католиковъ. Законы, запрещающіе арендовать землю за ренту ниже опредѣленной нормы, ограничивающіе права наслѣдства католиковъ и предоставляющіе право ренегату-сыну становиться опекуномъ отца, отмѣнены; также отмѣнены законы, запрещающіе быть учителемъ, адвокатомъ и другія болѣе мелкія стѣсненія. Разрѣшено пріобрѣтать собственность подъ видомъ аренды на 999 лѣтъ, причемъ арендная плата могла быть условлена полюбовно. Нѣсколько позже англичане признали также нѣкоторое равноправіе въ торговыхъ отношеніяхъ между англичанами и ирландцами.

Но вотъ англійское правительство, вынужденное обстоятельствами, само даетъ мечъ въ руки ирландцамъ. Англія, отвлекаемая войною съ Америкою, вызвала изъ Ирландіи всѣ свои войска и когда ирландскіе землевладѣльцы обратились къ министерству съ жалобой на отсутствіе войскъ, то послѣднее отвѣчало: „Если хотите быть въ безопасности, вооружитесь и защищайте себя сами“. Это значило открыто признать себя политическимъ банкротомъ. Ирландцы съ радостью воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ самимъ вооружаться и быстро составили добровольные баталіоны, которые съ 8,000 человекъ разрослись въ какихъ нибудь два года до 45,000 чел. Новый духъ патріотизма, предчувствовавшій, что съ этого момента настаетъ новая пора въ исторіи отношеній Ирландіи къ Англіи, соединилъ одинаково какъ протестантовъ, такъ и католиковъ. Послѣдніе, не имѣя права носить оружіе, принимали участіе деньгами. Когда создалась въ Ирландіи такая сила, которая уже по самому происхожденію своему должна была стать на ея сторонѣ и защищать ея интересы противъ Англіи, то спорить съ Ирландіей Англіи, которая имѣла на своей

шеѣ войну съ Америкой, Франціей, Испаніей оказывалось невозможнымъ. И вотъ въ парламентѣ Ирландіи поднимается вопросъ о независимости ирландскаго парламента. Предложеніе Граттана и Флуда въ этомъ смыслѣ было поддержано большою демонстраціею добровольцевъ въ Дублинѣ (1780 г.). Правительство, озабоченное внѣшними дѣлами, должно было уступить въ этомъ вопросѣ настояніямъ ирландскаго депутата Граттана, поддерживаемаго, какъ мы сказали, агитаціею добровольцевъ, и признать (въ 1783 г.) законодательную независимость ирландскаго парламента.

Въ виду того, что дѣятельность ирландскаго парламента составляетъ интересную страничку въ исторіи Ирландіи, не хотѣлось бы говорить о ней слишкомъ кратко, а потому мы побесѣдуемъ объ этомъ предметѣ въ слѣдующей главѣ.

II.

Если читатель постарается резюмировать все то, что было сказано въ предыдущей главѣ, то, быть можетъ, онъ прійдетъ вмѣстѣ со мною къ тому заключенію, что исторія Ирландіи, выразившаяся въ отношеніяхъ ея къ Англии, представляетъ намъ слѣдующіе четыре періода: первый періодъ обнимаетъ собою борьбу исключительно національно-политическую и длится до реформаціи. Въ этотъ періодъ времени, за исключеніемъ лишь царствованія Генриха VII, перевѣсъ былъ можно сказать на сторонѣ ирландцевъ въ томъ смыслѣ, что англичане никакъ не могли овладѣть Ирландіею, а въ культурномъ отношеніи даже подчинялись ирландцамъ. Второй,—періодъ религіозно-политической борьбы, когда борьба національно-политическая осложняется борьбой религіозною. Это — періодъ реформаціи, XVI в. вплоть до конца царствованія Елизаветы. Англія употребляетъ всѣ усилія — и не безуспѣшно — для борьбы съ Ирландіею; въ послѣдней же происходитъ рядъ неудачныхъ, правда, но за то грозныхъ возстаній, которыя должны были заставить англійское правительство склониться на нѣкоторыя уступки. Третій періодъ,— это время большаго ирландскаго возстанія, когда Стюарты вступили въ борьбу съ парламентомъ. Возстаніе это сопровождалось систематическимъ обезземеливаніемъ ирландцевъ, закончившимся тѣмъ, что ирландцы сосредоточены были только въ западной скалистой и болотистой части острова — въ Коннаутѣ, а ихъ земли розданы были англій-

скимъ колонистамъ или солдатамъ, усмирявшимъ возставшихъ. Периодъ этотъ заканчивается Лимерикскимъ миромъ 1689 г., когда Вильгельмъ III окончательно подавилъ возстаніе и покори́лъ ирландцевъ. Съ этого момента начинается четвертый и послѣдній періодъ — полнаго порабоженія и безправія ирландскихъ католиковъ.

Читатель видѣлъ всѣ тѣ мѣры и законы, которыми ирландецъ былъ лишенъ не только политическихъ и гражданскихъ, но даже и семейныхъ правъ. Я указалъ также на тотъ поворотъ въ отношеніяхъ англичанъ къ ирландцамъ въ концѣ XVIII ст., который является слѣдствіемъ причинъ отчасти внутреннихъ, такъ сказать, а именно: пробужденія національнаго и общественнаго чувства въ ирландцахъ, отчасти же внѣшнихъ: сѣверо-американскаго возстанія, къ которому, какъ не безосновательно опасались англичане, могли пристать и ирландцы. Чтобы воспрепятствовать этому опасному для себя союзу, англичане согласились сдѣлать ирландцамъ нѣкоторыя уступки. И вотъ, въ драконовскихъ законахъ XVIII столѣтія, показывается первая брешь въ видѣ разрѣшенія ирландскимъ католикамъ пріобрѣтать землю если не въ собственность, то въ аренду на 999 лѣтъ, что равнозначительно пріобрѣтенію въ собственность. При этомъ арендная плата не предписывается обязательная, а предоставляется полюбовному соглашенію заинтересованныхъ въ этомъ лицъ. Отмѣняются также опека сына-протестанта надъ отцемъ-католикомъ, запрещеніе жить въ Гальве и Лимерикѣ, запрещеніе имѣть лошадь дороже 5 ф. ст. и т. п. Затѣмъ было указано нами, что въ Ирландіи происходитъ агитація съ цѣлью освобожденія ирландскаго парламента отъ авторитета англійскаго. Для того, чтобы намъ ясна стала эта агитація ирландцевъ въ пользу законодательной независимости, намъ нужно рассмотреть сначала, чѣмъ именно былъ ирландскій парламентъ и каково было его положеніе.

Ирландскій парламентъ былъ подчиненъ двоякому ограниченію. Во первыхъ, законъ Пойнинга ¹⁾, относящійся къ 1495 году, лишилъ ирландскій парламентъ инициативы въ изданіи законовъ. Каждый билль, вносимый въ ирландскій парламентъ, долженъ былъ быть предварительно рассмотрѣнъ въ тайномъ королевскомъ совѣтѣ; парламентъ не долженъ былъ быть созываемъ, пока въ озна-

¹⁾ Пойнингъ былъ намѣстникъ Ирландіи, и ему принадлежалъ билль этого закона.

ченномъ совѣтѣ не будутъ одобрены всѣ билли, предложенныя къ внесенію въ данную сессію. Въ 1556 г. законъ Пойнинга былъ видоизмѣненъ. Созваніе парламента могло послѣдовать и раньше одобренія биллей въ совѣтѣ; но билли, предложенные правительствомъ не могутъ подвергаться поправкамъ, а должны быть приняты или отвергнуты цѣликомъ. Во вторыхъ, по закону Георга I, слѣдовательно въ XVIII уже стол., англійскій парламентъ и помимо ирландскаго могъ издавать законы, обязательные, однако, для Ирландіи, не смотря на то, что въ обсужденіи этого закона представители послѣдней не принимали участія. Этими законами ирландскій парламентъ въ своей дѣятельности былъ стѣсненъ волею совѣта и волею лондонскаго парламента.

Кромѣ всего этого, и самый то ирландскій парламентъ являлся представителемъ не всей Ирландіи, а только меньшей и очень незначительной части жителей острова. Дѣло въ томъ, что по Test-act'у, изданному еще при Карлѣ II во второй половинѣ XVII столѣтія, подтвержденному для Ирландіи законами, изданными послѣ сраженія при Бойнѣ, католики были лишены правъ избирательныхъ и избираемости, слѣдовательно, ирландскій парламентъ состоялъ только изъ протестантовъ, выбранныхъ протестантами-же, новыми колонистами Ирландіи, которыхъ всего на всего было 600,000 человекъ на четырехъ-милліонное населеніе острова.

Теперь, въ концѣ XVIII вѣка, поднять вопросъ о томъ, чтобы ирландскій парламентъ сдѣлать учрежденіемъ независимымъ. Къ этому и направлена была дѣятельность „добровольцевъ“, полки которыхъ, какъ было сказано въ первой главѣ, были организованы ирландцами по предложенію самого англійскаго правительства, которое не знало, конечно, какой размѣръ и какой характеръ приметъ дѣятельность добровольцевъ. Въ самомъ парламентѣ, подъ вліяніемъ пробужденія общественнаго сознанія, также образовалась партія, такъ называемая Земская партія, изъ лицъ хотя и протестантовъ, но все таки преданныхъ интересамъ Ирландіи. Во главѣ этой партіи стояли Флудъ и Граттанъ. Послѣдній внесъ въ парламентъ резолюцію подъ именемъ „Декларации Правъ“ (19 апрѣля 1780 г.) въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Одинъ король вмѣстѣ съ лордами и общинами Ирландіи имѣетъ право издавать законы, обязательные для Ирландіи. 2) Корона Ирландіи нераздѣльно соединена и будетъ соединена съ короною Англій. 3) Великобританія и Ирландія должны быть нераздѣльно связаны

подъ властью одного государя общими узами интересовъ, лояльности и свободы. Когда эта резолюція была отклонена парламентомъ, то это вызвало сильное движеніе среди „добровольцевъ“. Въ Дунганонѣ происходитъ въ 1781 г. собраніе 142 делегатовъ полковъ, стоявшихъ въ Ульстерѣ, которое подъ предсѣдательствомъ главнокомандующаго лорда Чарльмонта постановило нѣсколько рѣшительныхъ резолюцій въ пользу законодательной независимости Ирландіи. Намѣстникъ же Ирландіи сообщаетъ въ Лондонъ, что едва ли возможно будетъ дальше отстаивать въ Ирландіи законы, созданные лондонскимъ парламентомъ: до того сильно движеніе противъ нихъ. Въ то же время въ Англіи происходитъ перемѣна министерства и во главѣ его становится Фоксъ, который въ прочитанномъ имъ королевскомъ посланіи рекомендуетъ обратить особенное вниманіе на положеніе дѣлъ въ Ирландіи. Какъ только ирландскому парламенту стало извѣстно желаніе правительства измѣнить положеніе ирландскаго парламента, то и въ самомъ парламентѣ также стали иначе относиться къ вопросу, и новыя резолюціи Граттана объ отмѣнѣ статута Поиннинга и акта Георга I были приняты сначала въ ирландскомъ парламентѣ, а затѣмъ и въ Англіи 17 мая 1782 г. Ирландскій парламентъ съ этого времени признавался единственнымъ законодательнымъ для Ирландіи учрежденіемъ, рѣшенія котораго не нуждаются въ санкціи англійскаго парламента, и единственною связью между Ирландіею и Англіею сталъ отнынѣ одинъ общій для обѣихъ странъ король съ его министрами, т. е. была признана закономъ только личная унія между двумя самостоятельными государствами. Но ирландцы не удовольствовались этою мѣрою, и вотъ, мы видимъ, начинается новое двойное движеніе. Съ одной стороны, идетъ агитація въ пользу реформы политическаго избирательнаго права, а съ другой — въ пользу расширенія политическихъ и гражданскихъ правъ католиковъ вообще. И за эту двойную агитацію берутся опять таки „добровольцы“. Но перваго, т. е. реформы избирательнаго права гораздо труднѣе было добиться, нежели послѣдняго. Католикамъ были разрѣшены смѣшанные съ протестантами браки, было позволено имъ быть учителями, но на дарованіе католикамъ правъ избираемости ни парламентъ, ни правительство ни за что не хотѣли согласиться, потому что это значило бы отмѣнить господство англійской колоніи въ Ирландіи. Господство же это считалось краеугольнымъ камнемъ владычества Англіи въ Ирландіи и обезпеченіемъ ея политическаго спокойствія. Попытка дать католикамъ

доступъ въ парламентъ сдѣлана была Питтомъ младшимъ нѣсколько позже, какъ мы увидимъ; пока же реформа избирательнаго права осталась неосуществленною: слишкомъ сильна была въ парламентѣ клика людей, прямо заинтересованныхъ въ поддержаніи *statu quo* избирательнаго права.

Дѣло въ томъ, что многіе члены ирландскаго парламента были представителями такихъ мѣстечекъ и городковъ, гдѣ избирателей было слишкомъ мало и всѣ они зависѣли отъ помѣщика, который и распоряжался ихъ голосами, какъ ему выгоднѣе было. Эти такъ называемыя „гнилыя мѣстечки“, представляли для владѣльцевъ ихъ извѣстный доходъ въ томъ смыслѣ, что правительство уплачивало помѣщику опредѣленный гонораръ за пользованіе для своихъ цѣлей голосами, находящимися въ его распоряженіи, такъ что значеніе лэндлордовъ опредѣлялось въ то время не только тѣмъ, сколько у каждаго было акровъ земли, но и тѣмъ сколько въ его владѣніи избирателей. Реформа, слѣдовательно, парламентскаго представительства затрогивала въ извѣстномъ смыслѣ интересы экономическіе тѣхъ же самыхъ лицъ, отъ рѣшенія которыхъ и зависѣла возможность подобной реформы. Кромѣ того, депутаты ирландскаго парламента и сами были подкупаемы правительствомъ такъ же точно, какъ подкупались депутаты англійскаго парламента. Были даже подрядчики, которые брались за извѣстную сумму доставить правительству столько то голосовъ. Эти парламентскіе подрядчики составляли, по истинѣ, язву тогдашняго парламента. Намѣстникъ Тоуншендъ пожелалъ отдѣлаться отъ нихъ, но въ результатѣ вышло гораздо хуже, чѣмъ было до его попытки. Оказалось, что Тоуншенду приходилось самому непосредственно подкупать депутатовъ, тратить очень много и переплачивать гораздо больше, чѣмъ при помощи подрядчиковъ, достигалъ же онъ гораздо меньшихъ результатовъ. Его стали упрекать въ томъ, что онъ обременяетъ своими нововведеніями бюджетъ Ирландіи, и онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли избавить парламентъ отъ подрядческой язвы. И вотъ такихъ лицъ, засѣдавшихъ въ ирландскомъ парламентѣ, хотѣли заставить отказаться отъ своихъ выгодъ во имя какого то общаго блага, котораго они и не хотѣли да и не могли взять въ толкъ. Въ ирландскомъ парламентѣ были, впрочемъ, какъ я уже сказалъ, двѣ партіи, изъ которыхъ одна — земская партія — стояла на сторонѣ реформы и имѣла въ числѣ своихъ членовъ такихъ людей, какъ Граттанъ и Флудъ. Послѣдній дважды дѣлалъ предложеніе въ парламентѣ относительно рефор-

мы, но оба раза предложеніе его проваливалось. Флуда упрекали въ парламентѣ въ томъ, что онъ вноситъ въ парламентъ, въ видѣ биллей, резолюціи делегатовъ полковъ добровольцевъ, которые (делегаты) собирались въ это время въ Дублинѣ подъ именемъ Національнаго Конвента. Эти упреки имѣли основаніе. Флудъ былъ членомъ Національнаго Конвента и дѣйствительно облакалъ въ форму биллей резолюціи послѣдняго. Двойная неудача Флуда была въ то же время и неудачею добровольцевъ. Потерпѣвъ ее, они сходятъ со сцены и больше не играютъ никакой роли. Результатомъ возбужденнаго ими движенія было предоставленіе гражданскихъ правъ католикамъ и облегченіе торговыхъ стѣсненій. Наступило шесть лѣтъ затишья, но это было затишье передъ бурей, которая разразилась чрезъ какижъ нибудь полтора десятка лѣтъ, но матеріаль для которой продолжалъ накопляться во все это время.

Событія осложняются. Наступаетъ 1789 годъ. Во Франціи быстро совершалось крушеніе стараго порядка и, казалось, также быстро торжествовалъ порядокъ новый. 14 іюля, ночь 4-го августа, переѣздъ короля въ Парижъ, провозглашеніе естественныхъ правъ человѣка и гражданина, все это — событія всемірно-историческаго значенія. Ихъ сопровождала вѣра въ зиждительную силу свободы, вѣра въ силу человѣческаго разума, въ способность его передѣлать жизнь міра и осуществить мечту о золотомъ вѣкѣ. Словомъ, это было время еще не помутившихся надеждъ и упованій. Люди вѣрили, что стоитъ только что либо сдѣлать доступнымъ разуму, чтобы это разумное осуществилось, и наоборотъ, достаточно выяснить неразумность существующаго, чтобы оно исчезло. Значеніе чувства и привычки и вліяніе преданій не признавались вовсе, или имъ придавалось весьма мало значенія въ историческомъ развитіи человѣчества. Увлеченіе провозглашенными принципами было такъ всеобще, что едва ли можно было сыскать хоть одного человѣка, который бы не поддавался этому обаянію. Одинъ нѣмецъ, который былъ въ Парижѣ во время праздника федераціи, пишетъ: „Я забылъ въ это время, что я нѣмецъ, и первый разъ въ жизни почувствовалъ себя ч е л о в ѣ к о м ъ“. Такъ дѣйствовало на людей всѣхъ націй провозглашеніе *droits de l'homme et de citoyen*, а тѣмъ сильнѣе должно было оно подѣйствовать на угнетенныхъ въ теченіе вѣковъ ирландцевъ. Подъ вліяніемъ этого возбужденія образовалось „Общество соединенныхъ ирландцевъ“, которое состояло изъ протестантовъ и католиковъ. Общество это

раздѣлялось на двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала реформы избирательнаго права, другая же — установленія одинаковыхъ политическихъ правъ для католиковъ и протестантовъ, т. е. для всѣхъ ирландцевъ. Противъ послѣдней тенденціи „соединенныхъ ирландцевъ“ въ Ульстерѣ начинается движеніе, или контрагитація крайнихъ протестантовъ. Оно выразилось въ образованіи обществъ подъ названіемъ „Рыцари или Молодцы разсвѣта“. Похожіе по своей организаціи и способу дѣйствій на бѣлыхъ ребятъ, рыцари разсвѣта нападаютъ на католиковъ, жгутъ ихъ дома, безчинствуютъ, грабятъ и убиваютъ. Католики также составляютъ банды „Защитниковъ“, которыя не ограничиваются оборонительными только мѣрами, но и сами нападаютъ на протестантовъ, мстя имъ за всѣ причиняемыя бѣдствія. Въ Ирландіи происходятъ такимъ образомъ постоянныя столкновенія между „Молодцами разсвѣта“ и „Защитниками“, которыя опустошаютъ островъ и истребляютъ его населеніе. Необходимо было подумать о какихъ нибудь мѣрахъ. Къ счастью, англійское министерство находилось въ то время въ рукахъ человѣка въ высшей степени талантливаго, съ широкимъ умомъ, человѣка, имя котораго занимаетъ видное мѣсто въ исторіи Англій. Я говорю о Питтѣ — младшемъ.

Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановить на минутку мысль читателя на воспоминаніи объ этомъ государственномъ дѣятелѣ, сынѣ знаменитаго Вильяма Питта. Еще молодымъ человѣкомъ онъ удивлялъ всѣхъ своими феноменальными способностями. Будучи мальчикомъ 14 лѣтъ, онъ поражалъ классиковъ знаніемъ классическихъ языковъ, поражалъ математиковъ знаніемъ математики. Отъ отца своего онъ унаслѣдовалъ способности и нѣкоторыя черты его характера. Гордость, какъ и у отца, составляла выдающуюся черту его характера; чудный, гармоничный голосъ, способный выразить всѣ тончайшія движенія человѣческой души, наслѣдованъ былъ имъ отъ него же. Такъ же какъ и отецъ, онъ былъ быстръ, находчивъ, страшенъ своимъ сарказмомъ. Отецъ его былъ человѣкъ страсти и увлеченія, — сынъ былъ сдержанъ и умѣлъ поразительно владѣть собою во время рѣчи. Если отецъ былъ мастеромъ ораторскаго искусства, то и сынъ не уступалъ ему въ этомъ. Какъ тотъ, такъ и другой отличались въ своихъ рѣчахъ силою выраженія и красотою построенія. Но между сыномъ и отцомъ была и значительная разница. Питтъ старшій былъ ораторомъ, которымъ совершенно овладѣвало чувство, и онъ отдавался ему безъ оглядки. Его рѣчь лилась бурнымъ потокомъ, увлекав-

шимъ и его слушателей и его самого. Этотъ потокъ выносилъ наружу его сокровенныя мысли и чувства. Когда во время семилѣтней войны его голова была полна политическихъ тайнъ и военныхъ плановъ, онъ нерѣдко говаривалъ: „Мнѣ сегодня надо сидѣть спокойно и говорить, ибо если я разъ начну говорить, то все, что ни есть въ душѣ моей, выйдетъ наружу“. Сынъ же, напротивъ, отличался краснорѣчіемъ спокойнымъ, академическимъ, что называется.

Маколей въ своей характеристикѣ Питта замѣчаетъ, что если многихъ государственныхъ людей Англiи можно упрекнуть въ томъ, что они, благодаря слишкомъ одностороннимъ и обильнымъ занятіямъ классическими языками, не вполне владѣютъ своимъ роднымъ языкомъ, то относительно Питта этого сказать нельзя было. Когда ребенкомъ, сидя на колѣняхъ у отца, онъ отвѣчалъ ему уроки, послѣдній читалъ ему Эукидида или Цицерона и заставлялъ тутъ же вслухъ переводить читаемое на англійскій языкъ, и не какъ нибудь, а хорошимъ, обработаннымъ языкомъ. Онъ учился отдѣлывать англійскую рѣчь по этимъ великолѣпнымъ образцамъ и достигъ высокой степени совершенства. Съ перваго появленія своего въ парламентѣ, онъ сталъ силою своего краснорѣчія выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ безъ приготовленія умѣлъ излагать свои мысли въ длинномъ потокѣ величественныхъ и округленныхъ періодовъ, никогда не затрудняясь въ выборѣ слова, никогда не повторяя одного и того же слова. Онъ говорилъ голосомъ звучнымъ и серебристымъ и съ такою чистотою выговора, что у него не пропадало ни одной буквы. Его рѣчь была обильна, обработана, блистательна. Можетъ быть ни одинъ ораторъ,— древній или новый,— не превосходилъ его въ силѣ сарказма, и онъ беспощадно пользовался этимъ страшнымъ орудіемъ. Онъ былъ необыкновенно опытенъ въ двухъ отдѣлахъ ораторскаго искусства, которые имѣли оба величайшую важность для перваго министра. Никто лучше его не умѣлъ быть яснымъ и никто лучше его не умѣлъ быть темнымъ. Когда онъ хотѣлъ, чтобы его поняли, это ему всегда удавалось. Онъ всегда умѣлъ дать своимъ слушателямъ понятіе не очень точное, но всегда ясное, популярное и удовлетворительное о предметахъ самыхъ запутанныхъ и самыхъ обширныхъ. Все было на своемъ мѣстѣ, ничего не было забыто; мелкія подробности, сумма денегъ, все вѣрно сохранялось въ его памяти. Самые запутанные финансовые вопросы, объясненные имъ, казались ясными самымъ простымъ изъ его слушателей. Съ другой стороны, ког-

да онъ не хотѣлъ, чтобы его поняли,— и какой же человекъ, стоящій во главѣ дѣла, хочетъ быть всегда понятымъ? — у него былъ необыкновенный даръ ничего не сказать, но такимъ языкомъ, что его слушателямъ казалось, что онъ сказалъ очень много. Словомъ, это былъ единственный человекъ, который былъ въ состояніи изложить бюджетъ безъ счетовъ и импровизировать самую уклончивую и самую туманную изъ всѣхъ рѣчей — тронную рѣчь короля.

Съ 20-лѣтняго возраста онъ выступаетъ уже на арену общественной дѣятельности въ качествѣ члена парламента, а 24 лѣтъ онъ уже былъ первымъ министромъ. Въ разсматриваемое нами время мы застаемъ Питта еще вигомъ. Онъ отнесся отрицательно къ протестантскому движенію въ Ирландіи, вызвавшему такія печальныя столкновенія между „Рыцарями разсвѣта“ и „Защитниками“. Въ тронной рѣчи, которою былъ открытъ парламентъ 10 января 1793 года указывается необходимость обратить вниманіе на положеніе католиковъ и высказывается надежда на либерализмъ и мудрость парламента. Вслѣдъ затѣмъ былъ внесенъ въ ирландскій парламентъ билль, который въ дополненіе къ прежде сдѣланнымъ уступкамъ прибавлялъ новыя. Расширены были права католиковъ въ отправленіи богослуженія и въ дѣлѣ образованія. Кромѣ того, имъ предоставлено было занимать военныя и гражданскія должности и избирательное право въ общинныхъ городскихъ и государственныхъ выборахъ, но они получали только право избирать, но не быть избираемыми. Подобныя предложенія были вносимы немного раньше въ парламентъ стараніями „соединенныхъ ирландцевъ“, но были отклоняемы. Теперь, когда правительство высказалось за внесенный билль, онъ былъ принятъ. Это былъ послѣдній шагъ въ XVIII столѣтіи на пути улучшенія положенія Ирландіи.

Дальше обстоятельства осложняются. Какъ и въ остальной Европѣ, въ Англіи событія 1793 г. произвели сильное впечатлѣніе. Терроръ испугалъ европейское общество до крайней степени. Европа какъ бы раздѣлилась на два лагеря, причемъ всѣ крайніе элементы стали на сторону террора, другіе же элементы не только консервативные, но даже и либеральные, если они только не были съ крайнимъ оттѣнкомъ, отклонились въ правую сторону и не только стали противъ террора, но и вообще противъ всякаго прогрессивнаго движенія. Въ началѣ 1793 же года возникаетъ война между Англіею и Франціею и естественное дѣло, что французы стараются воспользоваться Ирландіею, какъ очень удобною почвою для дѣйствій противъ Англіи. Агенты французскіе, между ними,

главнымъ образомъ, Д ж а к с о н ъ, зондируютъ почву Ирландіи. Д ж а к с о н а арестуютъ и у него находятъ бумаги, указывающія на то, что нѣкоторые члены „Общества соединенныхъ ирландцевъ“ находились въ сношеніяхъ съ нимъ, такъ что одному изъ вожаковъ общества В о л ь ф ъ - Т о н у пришлось бѣжать въ Америку.

Въ „Обществѣ соединенныхъ ирландцевъ“ выдѣляется радикальная партія, стремящаяся добиться полной независимости Ирландіи отъ Англии. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ противовѣсъ этой партіи, образуется другая, которая недовольна уступками, сдѣланными католикамъ. Прежніе умѣренные бойцы оказались между двухъ огней. Съ одной стороны, радикальная партія признаетъ ихъ консерваторами, окоченѣвшими на одномъ пунктѣ и неспособными двинуться впередъ, съ другой стороны ультра-протестантская партія смотритъ на нихъ, какъ на опасныхъ новаторовъ. Но къ чести этихъ бойцовъ нужно сказать, что они твердо держались своихъ убѣжденій въ это трудное время и не смущались недовольствомъ ни однихъ, ни другихъ. Ирландскій же парламентъ между тѣмъ вступаетъ на путь реакціи. Онъ издаетъ законъ, которымъ запрещается ввозъ въ Ирландію откуда бы то ни было оружія и запрещающій также всякаго рода собранія. Последнее было направлено, очевидно, противъ собраній членовъ „Общества соединенныхъ ирландцевъ“, которые, однако, не прекратили вслѣдствіе этого своего существованія, а перешли только изъ положенія легальнаго въ нелегальное и образовали тайное общество. При этомъ, какъ это обыкновенно бываетъ, умѣренные элементы уклонялись, а взяли перевѣсъ люди крайняго направленія. Защитники предложенныхъ биллей доказывали необходимость стѣснительныхъ мѣръ, ссылаясь на примѣръ Франціи. По ихъ словамъ уступчивость французскаго правительства довела до тѣхъ ужасовъ, свидѣтелями которыхъ были современники 1793 года. Граттанъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, является противникомъ стѣснительныхъ мѣръ и предостерегаетъ правительство отъ той наклонной плоскости, на которую оно хочетъ вступить по пути реакціи. По поводу ссылки на примѣръ Франціи онъ сказалъ въ парламентѣ слѣдующее: „Остерегитесь, остерегитесь примѣра Франціи, говорятъ намъ. Да, но если Франція должна служить назиданіемъ, то берите примѣръ цѣликомъ. Если ея конвентъ служитъ предостереженіемъ противъ пороковъ республики, то причины, вызвавшія этотъ самый конвентъ должны служить предостереженіемъ противъ злоупотребленій монархіи. Франція не хотѣла ничего исправлять,

пока злоупотребленія не скопились, и тогда вооруженныя массы опрокинули государство“. Но эта рѣчь Граттана, какъ и многія другія его рѣчи, осталась гласомъ вопіющаго въ пустынь. Борьба между тѣмъ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. „Общество соединенныхъ ирландцевъ“ обратилось, какъ я сказалъ уже, въ тайное. Оно организуется: во всѣхъ округахъ и графствахъ были кружки изъ членовъ общества; въ Дублинѣ же — національный конвентъ изъ делегатовъ этихъ кружковъ. Главными руководителями дублинскаго конвента были О'Конноръ и Фицъ-Джеральдъ. Особенно цѣнно было для „Общества соединенныхъ ирландцевъ“ привлеченіе на свою сторону послѣдняго.

Предки Фицъ-Джеральда были флорентійскіе итальянцы, переселившіеся въ Ирландію. По матери Фицъ-Джеральдъ былъ родственникомъ Стюартовъ, по отцу же потомкомъ тѣхъ Джеральдовъ, которые боролись уже нѣкогда за свободу Ирландіи. Все въ этомъ молодомъ человѣкѣ располагало къ нему: красивый, умный, съ открытою душою, пріятнаго нрава онъ скоро становился общимъ любимцемъ. Жизнь его была исполнена приключеній. Между прочимъ большой шумъ надѣлала связь его съ женою извѣстнаго парламентскаго дѣятеля Шеридана. Она влюбилась въ него со всею силою увядающей молодости; но она не выдержала своего ложнаго положенія и вскорѣ умерла отъ стыда, искренно оплакиваемая и мужемъ, и любовникомъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхала въ Лондонъ гувернантка семьи герцога Орлеанскаго г-жа Жанлисъ и съ нею прибыла дѣвушка, которую звали Памеллой. Она очень заинтересовала высшіе круги Лондона и своею красотою и загадочностью своего происхожденія. Про нее говорили, что она не воспитанница, а дочь г-жи Жанлисъ и отцомъ ея называли самого герцога Филиппа Орлеанскаго. Ко всему этому прибавлялось еще то, что Нанси-Симсъ (Nancy Syms), таково было настоящее имя Памеллы—была, какъ двѣ капли воды, похожа на покойную г-жу Шериданъ. Еще большаго шуму надѣлало то обстоятельство, что и почтенный Шериданъ и молодой Фицъ-Джеральдъ оба влюбились до безумія въ загадочную иностранку. Послѣдняя, понятно, отдала предпочтеніе молодому Фицъ-Джеральду. Когда Паммела съ г-жею Жанлисъ поѣхали во Францію, то и онъ поѣхалъ за ними туда же и попалъ въ Парижъ въ то время, когда тамъ создавалась конституція, надежды на будущее были въ полномъ разцвѣтѣ, а разочарованіе и ужасъ не коснулись никого, или почти никого. Пребываніе въ Парижѣ было рѣшительнымъ поворотомъ въ жизни Фицъ-

Джеральда. Со всѣмъ пыломъ юности онъ увлекся господствующимъ движеніемъ и былъ отъ него въ восторгѣ. „Во всѣхъ кафе, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ,—пишетъ онъ,—обращаются другъ съ другомъ, какъ съ товарищами, и когда появляется иностранецъ ему сейчасъ же говорятъ: О! Мы всѣ братья; наши побѣды одержаны для васъ, для всего міра“.

Фицъ-Джеральдъ сошелся съ англійскимъ демократомъ Томасомъ Пэномъ, жилъ съ нимъ на одной квартирѣ; обѣдали они всегда вмѣстѣ. Оба друга вмѣстѣ съ другими англичанами устроили пиръ, торжествуя республиканскія побѣды Франціи и отступленіе иностранныхъ армій (1792 г.). На этомъ пиру между другими здравицами пили за уничтоженіе наслѣдственныхъ титуловъ, и Фицъ-Джеральдъ тутъ же отрекся отъ своего титула лорда. Онъ писалъ домой и просилъ, чтобы ему адресовали письма такъ: гражданину Эдуарду Фицъ-Джеральду, гостинница Уайтъ, пассажъ Petits-Pères, около Пале-Рояля.

Любовь шла объ руку съ политикой. Послѣ продолжительнаго ухаживанія онъ женился на Памеллѣ. Этотъ бракъ вызвалъ неодобреніе въ высшихъ кругахъ Лондона, какъ бракъ, неприличный для герцога, и dokonчилъ тотъ разрывъ, который начался между Фицъ-Джеральдомъ и этими кругами, благодаря политическому поведенію перваго. Теперь, послѣ брака съ Памеллою, онъ былъ исключенъ изъ списковъ офицеровъ англійской арміи. Въ началѣ 1793 года онъ возвращается съ молодою женою въ Лондонъ. Онъ рѣшается примѣнить къ дѣлу усвоенныя имъ идеи и принимаетъ участіе сначала въ дѣятельности ирландскаго парламента, а потомъ въ „Обществѣ соединенныхъ ирландцевъ“, и именно въ тотъ моментъ, когда послѣднее готовило уже возстаніе съ цѣлью отдѣленія Ирландіи отъ Англій. Съ самаго начала, какъ военный чловѣкъ, служившій не безъ отличія въ американской войнѣ, да къ тому же еще и носившій славное имя, Фицъ-Джеральдъ получаетъ преобладающее вліяніе. Исполнительный комитетъ рѣшается искать помощи у Франціи для освобожденія Ирландіи отъ Англій. Фицъ-Джеральдъ и О'Конноръ отправляются туда съ этой цѣлью. О'Конноръ видѣлся съ генераломъ Гошемъ и расположилъ его въ пользу Ирландіи. Экспедиція была снаряжена довольно значительная и поставлена была подъ надежное начальство генерала Гоша. Это былъ критическій моментъ въ судьбахъ Ирландіи. Высадка могла рассчитывать на значительную поддержку со стороны организованныхъ „соединенныхъ ирландцевъ“; Англія не могла ока-

затъ серьезнаго сопротивленія. Освобожденіе Ирландіи казалось близкимъ и вѣроятнымъ. Но стихіи разрушили эти надежды. Страшная буря разметала всю эскадру Гоша. Большая часть кораблей спаслась въ Брестъ; корабль, на которомъ былъ Гошъ, нашелъ убѣжище въ Ларошели (1796 г.). Эта неудача не остановила соединенныхъ ирландцевъ. Они снова завязываютъ сношеніе съ Франціей и, въ ожиданіи обѣщанной помощи, готовятъ одновременное возстаніе въ нѣсколькихъ пунктахъ Ирландіи. Возстаніе было назначено на май 1798 г., но раньше, еще оно было разоблачено правительству купцомъ Рейнольдомъ, въ квартирѣ котораго собирались заговорщики. Почти всѣхъ ихъ арестовали; Фицъ-Джеральду же удалось бѣжать. Правительство и не хотѣло, впрочемъ, арестовать его; намѣстникъ велѣлъ смотрѣть сквозь пальцы на то, если бы онъ захотѣлъ бѣжать за границу. Но ему не хотѣлось бѣжать; чувство чести мѣшало ему оставить начатое дѣло. Къ тому же не хотѣлось на долго разставаться съ женою. Онъ удовольствовался тѣмъ, что перемѣнилъ квартиру. Это оказалось роковымъ. Его убѣжище было открыто шпиономъ. Правительство видѣло, что онъ не хочетъ бѣжать, а желаетъ продолжать свое дѣло, оно приказало взять его. Когда проникли къ нему ночью, то между нимъ и агентами правительства завязалась отчаянная борьба. Израненный и обезсиленный онъ, наконецъ, былъ взятъ и препровожденъ въ тюрьму. Смерть отъ ранъ избавила его отъ позорной казни.

Послѣ ареста членовъ главнаго исполнительнаго комитета въ Дублинѣ и смерти Фицъ-Джеральда подготовка возстанія не остановилась. Оно только потеряло единство. Надо прибавить къ этому, что англійское правительство въ Ирландіи сдѣлало очень многое, чтобы возстаніе произошло и ничего не сдѣлало, чтобы предупредить его.

Въ маѣ 1798 года оно началось беспорядочно, нестройно, отдѣльными вспышками, которыя безъ труда были потушены. За то легкость подавленія возстанія не уменьшила нисколько жестокости репрессіи. Убійства, насилія надъ женщинами, пожары и разореніе сопровождали всюду появленіе отрядовъ англійской арміи. Возставшіе платили притѣснителямъ тою же монетою. Съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ жгли живьемъ. Англичане сожгли своихъ плѣнныхъ въ Эннискортѣ, ирландцы—въ Скуллабогѣ. Еще одно замѣчаніе: большинство вожаковъ, возставшихъ въ Ульстерѣ, Мунстерѣ и Лейнстерѣ были протестанты, такъ что лордъ Клэръ (Кэстльри)

не безъ основанія писалъ: „Это—якобинскій заговоръ, пользующійся папистами, какъ орудіемъ“. Только въ одномъ мѣстѣ возстаніе имѣло успѣхъ болѣе продолжительный, это въ Вэксфордѣ. Возставшимъ подъ начальствомъ священника Морфія удалось овладѣть городомъ. Не видя возможности хорошо утвердиться въ немъ, они укрѣпили близъ лежащій Винегаръ-Гилль (уксусный холмъ) и сдѣлали его базисомъ своихъ дѣйствій. Когда прибылъ съ войсками генераль Лэкъ, здѣсь произошла отчаянная битва между войсками и инсургентами. Лордъ Клэръ писалъ про возставшихъ: „Возставшихъ ведутъ въ бой священники; на ходу они становятся на колѣни, молятся и потомъ дѣлаютъ нападеніе съ отчаянною рѣшимостью“. Англичане одержали полную побѣду. Вэксфордъ сдался; возстаніе было подавлено; но расправа и разореніе продолжались еще долго. Назначенный въ это время намѣстникомъ Ирландіи и главнокомандующимъ войсками лордъ Корнуэльсъ не былъ расположенъ къ жестокости; не смотря на сопротивленіе Клэра, который въ званіи лорда-канцлера пользовался большою силой, онъ даже добился отъ ирландскаго парламента изданія довольно широкой амнистіи. Но Корнуэльсъ ничего не могъ сдѣлать съ разнузданными войсками. Долгая практика грабежа, убійствъ и насилій разрушила въ нихъ дисциплину. Корнуэльсъ писалъ, что только однимъ резономъ ему удавалось иногда останавливать разореніе мѣстностей. Онъ говорилъ грабителямъ, что они разоряютъ то, что въ послѣдствіи должно принадлежать имъ же. Когда возстаніе было уже подавлено, явилась помощь со стороны Франціи. Небольшая эскадра высадила небольшой отрядъ войска подъ начальствомъ генерала Умбера въ Килалъ, на с.-з. берегу Ирландіи. Сначала французы имѣли успѣхъ. Генераль Лэкъ съ его разнузданными бандами потерпѣлъ отъ французскаго генерала пораженіе, не смотря на то, что численное превосходство англичанъ надъ французами было очень значительно. Когда, однако, прибылъ затѣмъ Корнуэльсъ съ войсками свѣжими и сохранившими порядокъ, французы не могли удержаться въ Ирландіи. Они должны были воротиться во свояси. Эта экспедиція не возбудила вновь возстанія. Оно было уже мертво.

Итакъ, разсмотрѣнный нами періодъ времени закончился грандіознымъ возстаніемъ. Не естественна ли была мысль, какъ бы сама собою напрашивавшаяся: слѣдуетъ ли терпѣть теперь на ряду съ англійскимъ парламентомъ и ирландскій, особенно въ виду войны съ Франціей, которая пользовалась такими симпатіями въ Ирлан-

ді? Питтъ категорически отвѣчалъ на этотъ вопросъ: нѣтъ, не слѣдуетъ. Онъ отвѣтилъ такимъ образомъ не только потому, что произошло возстаніе. Питтъ прекрасно понималъ, что въ Ирландіи существуютъ различныя партіи, которыя далеко не во всемъ согласны между собою, и что несправедливо и неполитично за ошибки, допущенныя одною изъ этихъ партій, наказывать всѣ, лишая ихъ учрежденія, служившаго органомъ ихъ жизни. Но ему гораздо болѣе важнымъ казалось то обстоятельство, что при помощи двухъ парламентовъ управлять очень трудно и нелегко добиться согласнаго дѣйствія съ ихъ стороны даже въ наиболѣе серьезныхъ вопросахъ. Такъ, на примѣръ, когда онъ захотѣлъ провести начала свободной торговли, то ирландскій парламентъ принялъ его 11 резолюцій, а англійскій не принялъ. Во второй разъ, когда у Георга III стали замѣчаться признаки умопомѣшательства и возникъ вопросъ: какъ быть, долженъ ли пользоваться регентъ всѣми правами короля, или нѣтъ, и если не всѣми, то какими именно, то и въ этомъ случаѣ оба парламента дали два совершенно противоположныхъ рѣшенія: англійскій принялъ резолюцію, что регентъ пользуется всѣми правами, ирландскій же,—что не всѣми. Къ счастью, Георгъ III тогда выздоровѣлъ и это невозможное положеніе не имѣло практическаго значенія. Но, какъ мы видимъ, даже въ такихъ важныхъ и серьезныхъ для государства вопросахъ нельзя было добиться единодушія отъ двухъ парламентовъ.

И вотъ, подъ вліяніемъ подобнаго рода обстоятельствъ у Питта является мысль о сліяніи ирландскаго парламента съ англійскимъ. Въ январѣ 1799 года давно обсуждавшійся вопросъ поставленъ былъ на очередь въ парламентарскихъ дѣлахъ и при томъ сразу въ обоихъ парламентахъ. Защищая свое предложеніе въ англійскомъ парламентѣ, Питтъ доказывалъ, что рѣшеніе вопроса объ эмансипаціи католиковъ скорѣе можетъ состояться въ соединенномъ парламентѣ, чѣмъ въ отдѣльныхъ и что соединенію должно благопріятствовать то, что Ирландія говоритъ тѣмъ же языкомъ, имѣетъ тѣ же законы и нравы, какъ и Великобританія (на самомъ дѣлѣ, было какъ разъ наоборотъ). Въ англійскомъ парламентѣ приняты были резолюціи, благопріятныя уніи; но въ ирландскомъ парламентѣ Питтъ потерпѣлъ неудачу. Резолюція объ уніи была отвергнута большинствомъ 109 голосовъ противъ 104 и это рѣшеніе палаты было отпраздновано жителями Дублина блестящею иллюминаціею. Тогда Клэръ подалъ обстоятельный докладъ, въ которомъ онъ разъяснилъ, что обыкновеннымъ путемъ побѣдить со-

противленіе ирландскаго парламента нельзя будетъ, что болѣе удобно и цѣлесообразно въ данномъ случаѣ обратить вниманіе на матеріальные интересы, которые затрогиваются уничтоженіемъ ирландскаго парламента. Онъ указалъ на землевладѣльцевъ-протестантовъ, на адвокатовъ, парламентскихъ подрядчиковъ и многихъ другихъ, которые всѣ теряли часть своихъ доходовъ отъ уничтоженія парламента; поэтому онъ предлагалъ вознаградить ихъ за эти потери. Въ докладѣ подробно исчислены статьи предполагаемаго расхода: владѣльцамъ гнилыхъ мѣстечекъ — 756,000 ф. ст., адвокатамъ — 200,000 ф. ст., покупателямъ парламентскихъ мѣстъ — 75,000 и т. д., всего лордъ-канцлеръ Клэръ предполагалъ израсходовать на приобрѣтеніе большинства голосовъ полтора милліона ф. ст. (на наши деньги 15 милліоновъ руб.). Правительство поторговалось немного и сошлись на 1,260,000 ф. ст. Герцогъ Корнуэльсъ находилъ, что этихъ подкуповъ будетъ недостаточно для рѣшенія дѣла, если съ уніею не будетъ связанъ вопросъ объ эмансипаціи католиковъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ лорда Клэра въ Лондонъ для разъясненія министерству взглядовъ намѣстника. Послѣ обсужденія дѣла присутствующіе министры высказались въ пользу эмансипаціи католиковъ; имѣя, однако, въ виду мнѣнія отсутствующихъ товарищей, а главное, мнѣніе короля, они не рѣшились связать вопросъ объ эмансипаціи съ вопросомъ объ уніи; но они приказали лорду Клэру сообщить герцогу Корнуэльсу, что онъ не долженъ давать католикамъ никакихъ категорическихъ обѣщаній, но можетъ дать имъ понять, что существуютъ вѣскія основанія полагать, что эмансипація католиковъ состоится, если рѣшенъ будетъ вопросъ объ уніи. Такимъ путемъ старались задобрить католиковъ. Когда дѣло было такимъ образомъ сдѣлано и Клэръ заплатилъ кому слѣдовало, ирландскій парламентъ согласился на собственное уничтоженіе. Предложеніе, которое прежде имѣло за себя всего 104 голоса, прошло теперь значительнымъ большинствомъ голосовъ, 158 противъ 115. Напрасно старался Граттанъ всѣми силами удержать членовъ парламента отъ политическаго самоубійства. Когда дѣло уже было рѣшено и резолюція, благопріятная уніи, принята, онъ обратился къ парламенту съ такими словами: „Конституція можетъ быть на извѣстное время потеряна, но цѣлый народъ не можетъ затеряться. Министры короны должны будутъ въ концѣ концовъ сознаться, что вовсе не такъ легко достойную уваженія націю всегда держать въ униженіи искусственными мѣрами и большими подкупами. Свобода снова возвратитъ свои золотые лучи и съ сугубой

теплотой согрѣтъ ими землю... Я не считаю свою отчизну погибшею, я вижу, она въ забытїи; но она не умерла. Хотя она и лежитъ въ могилѣ безпомощно и неподвижно, но на ея устахъ еще играетъ духъ жизни и блескъ красоты... Пока цѣла хотя одна доска корабля, я буду за нее держаться... вѣрный судьбѣ моей родины, вѣрный свободѣ, вѣрный ей даже до гибели“.

Эти исполненные глубокаго чувства слова произвели мало впечатлѣнія на сердца и умы людей, ослѣпленныхъ блескомъ англійскаго золота. Такъ прекратилъ свое существованіе ирландскій парламентъ въ 1800 году! Условія, на которыхъ произведено было соединеніе, были слѣдующія: Ирландія посылала 100 депутатовъ въ англійскій парламентъ, изъ которыхъ 64 отъ графствъ, а 36 отъ городовъ и мѣстечекъ. Число ея депутатовъ въ отношеніи къ числу депутатовъ Великобританіи поставлено было, слѣдовательно, какъ 1 къ $5\frac{1}{2}$, хотя число жителей Великобританіи къ числу жителей Ирландіи относилось какъ $2\frac{1}{2}$:1. Объясненіе такого несоразмѣрнаго уменьшенія числа депутатовъ Ирландіи, лордъ Клэръ (Кэстльри) находилъ въ томъ, что общая сумма податей, уплачиваемыхъ Великобританіею относится къ суммѣ подати Ирландіи, какъ $7\frac{1}{2}$:1. Поэтому, говорилъ онъ, рѣшили взять среднее отношеніе между указанными и получилось отношеніе $5\frac{1}{2}$:1, которымъ опредѣлилось число депутатовъ Ирландіи. Объясненіе вполнѣ торгашеское! Какое же значеніе имѣла для Ирландіи эта мѣра? На первый взглядъ можетъ показаться, и многіе историки держатся того мнѣнія, что событіе это не имѣло большаго значенія для Ирландіи, потому де, говорятъ эти историки, что ирландскій парламентъ на самомъ то дѣлѣ не былъ ирландскимъ, а являлся представителемъ всего на всего 600,000 протестантскаго населенія. Съ справедливостью этого довода нельзя не согласиться, но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что, во 1-хъ, ирландскій парламентъ, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, подлежалъ со временемъ усовершенствованію и улучшенію, такъ что онъ со временемъ могъ бы стать истиннымъ представителемъ страны и выразителемъ ея нуждъ; во 2-хъ, даже и эти представители-протестанты все таки были въ своей странѣ; стало быть, при всемъ своемъ эгоизмѣ, они волей неволей удовлетворяли интересы населенія своей страны, подчиняясь хотя и не въ значительной степени давленію общественнаго мнѣнія. Что это дѣйствительно такъ было, мы видѣли на примѣрѣ земской партіи съ Граттаномъ и Флудомъ во главѣ. Самое существованіе этой земской партіи и достигнутыя ею реформы доказы-

ваетъ справедливость нашего предположенія, что ирландскій парламентъ сталъ бы со временемъ ирландскимъ и по духу, не только по имени. Въ 3-хъ, наконецъ, эти люди, которые избирались до сихъ поръ въ депутаты ирландскаго парламента какъ ни какъ, а были все таки у себя дома и слѣдовательно больше могли знать мѣстныхъ нужды, нежели люди, сидящіе въ лондонскомъ парламентѣ. Вотъ соображенія, которыя говорятъ противъ тѣхъ взглядовъ, что ирландскій парламентъ былъ только символомъ ирландской автономіи и что уніа не имѣла никакого существеннаго значенія для Ирландіи. Потеря Ирландіи была несомнѣнна. Она могла бы быть въ значительной степени смягчена дарованіемъ католикамъ права быть избираемыми въ соединенный парламентъ. Какъ мы знаемъ, они надѣялись на это. По совершеніи уніи, Питтъ поставилъ этотъ вопросъ въ совѣтъ министровъ, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны Георга III. У него не хватило твердости настоять передъ королемъ на своемъ мнѣніи, пригрозивъ отставкою министерства, и дѣло эмансипаціи католиковъ отложено было на тридцать лѣтъ.

Теперь я опять вынужденъ уклониться на нѣсколько минутъ въ сторону и сказать два слова о вліяніи на англійское общество, какъ и на всю Европу, эпохи Наполеоновскихъ войнъ. Эпоха эта, закончившаяся Вѣнскимъ конгрессомъ, вызвала во всѣхъ общее утомленіе. Это обыкновенная сторона человѣческаго духа, что послѣ сильнаго возбужденія настааетъ утомленіе, когда только и хочется, что отдаться полному, ничѣмъ не возмущаемому покою, и не радъ бываешь, если тебя во время такого покоя вздумаютъ подвинуть къ дѣятельности; является даже раздраженіе. Конечно, *la comparaison n'est pas la raison*, но все таки подобную черту мы легко подмѣтимъ и въ обществѣ, точно такъ же, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ. Такой періодъ затишья, утомленія общества мы видимъ послѣ 1815 года. Въ десять лѣтъ революціи люди пережили такъ много, сколько передъ тѣмъ не переживали въ цѣлое столѣтіе. Въ пятнадцать лѣтъ Наполеоновской диктатуры Европа видѣла такъ много переменъ въ международныхъ отношеніяхъ, въ государственномъ устройствѣ, въ общественномъ устройствѣ, въ общественной организаціи... Эти переменны слѣдовали другъ за другомъ съ такой быстротою, что люди едва успѣвали очнуться отъ одного зрѣлища, какъ передъ ихъ недоумѣвающимъ взоромъ вставало другое, не менѣе неожиданное. Европейскія отношенія были потрясены въ своихъ основаніяхъ, ниспровергнуты были

старинныя учрежденія, древнія традиціи были отвергнуты, могущественные интересы были нарушены, и надъ всѣмъ торжествовала диктатура человѣка, цѣнившаго людей на вѣсъ пушечнаго мяса; его поддерживала нація, опьяненная національной гордостью и военною славою, и изъ конца въ конецъ носились по Европѣ эти легіоны, проливая потоки крови въ громадныхъ сраженіяхъ. На поляхъ Бородина начался послѣдній актъ этой исторической трагикомедіи, заревомъ московскаго пожара освѣщено было грядущее возстаніе народовъ противъ всемірнаго господства; на поляхъ Лейпцига пало владычество Наполеона надъ Европой, на высотахъ Монмартра уничтожено его господство надъ Франціей. Милліардами денегъ и милліонами жизней считаются потери Европы въ Наполеоновскихъ войнахъ. Покончивъ ихъ, европейское общество старается обезпечить свое спокойствіе. Чѣмъ? Реакціей противъ принциповъ 89 года, въ которыхъ видѣли корень всего зла. Сами бывше стороны послѣднихъ во множествѣ перешли въ лагерь реакціи, подъ вліяніемъ отчасти разочарованія, вызваннаго революціоннымъ временемъ, частью подъ вліяніемъ испуга. Мы говорили о томъ, какъ была велика вѣра въ силу человѣческаго разума, въ жизнодавческую силу свободы, въ умиротворяющее значеніе принципа равенства. Что случилось съ этими вѣрованіями? Разумъ не устоялъ противъ человѣческаго чувства, подъ вліяніемъ котораго самыя неприложныя истины подвергались сомнѣнію. Свобода не пересоздала общества, какъ бы по манію волшебнаго жезла, и французы сами отреклись отъ нея, сотворивъ себѣ желѣзнаго кумира. Одно гражданское равенство не дискредитировало себя; но за то сколько ненависти оно вызывало во всѣхъ остаткахъ феодальнаго строя! А вѣдь можно смѣло утверждать, что огромное большинство правящихъ классовъ Европы состояло изъ отверженцевъ этого строя жизни.

Такимъ образомъ, жажда покоя, паническій страхъ предъ призракомъ свободы, разочарованіе, желаніе возвратить доброе старое время, все соединилось въ пользу реакціи, наступившей съ 1815 года и нашедшей отголосокъ въ Англіи. Ея непосредственно не коснулись потрясенія, поколебавшія континентъ, но ведя упорную борьбу съ Франціей и Наполеономъ, она не могла не увлечься до чувства вражды противъ принциповъ революціи, не могла, поэтому, и остаться чуждою общему реакціонному настроенію, хотя вообще оно было въ Англіи гораздо слабѣе, чѣмъ на континентѣ. Питтъ переходитъ на сторону тори, масса подобныхъ же людей

слѣдуютъ примѣру Питга. Наступаетъ, такимъ образомъ, полное господство тори и застой въ англійской жизни вплоть до 1825 года. При господствѣ тори могли быть издаваемы хлѣбные законы; но объ эмансипаціи католиковъ хлопотать съ успѣхомъ нельзя было. За это дѣло берутся, однако, въ 20-хъ годахъ въ Англіи министръ Каннингъ, а въ Ирландіи О'Коннель.

О'Коннель, младшій сынъ католической семьи, предназначался или въ священники, или въ адвокаты. Учился онъ сначала дома, потомъ отправился въ Францію, въ С. Омеръ, гдѣ окончилъ іезуитскую коллегію и, возвратившись на родину, предпочелъ адвокатскую карьеру. Первые успѣхи не удовлетворили его и не побудили довольствоваться обеспеченнымъ и покойнымъ положеніемъ. Адвокатская дѣятельность казалась ему тѣсною, какъ тѣсною казалась самая большая зала для его громоваго голоса. Его, славолюбиваго отъ природы, манило поприще народнаго трибуна. Онъ посѣщаетъ многочисленныя въ то время митинги и все болѣе уходитъ на политическое поприще. Онъ примыкаетъ къ тому католическому комитету, который мирными средствами хотѣлъ добиться отъ англійскаго правительства признанія политическихъ правъ католиковъ. Много надеждъ возлагалъ О'Коннель на поѣздку Георга IV по Ирландіи въ 1821 году, но вскорѣ пришлось ему убѣдиться, что надежды эти были напрасны. Байронъ въ одной изъ своихъ сатиръ ѣдко осмѣиваетъ всю эту поѣздку Георга IV; для насъ это, впрочемъ, не имѣетъ въ данную минуту интереса. О'Коннель, убѣдившись, что на короля надѣяться нечего, рѣшился образовать католическую ассоціацію, чтобы добиваться политической эмансипаціи для своихъ несчастныхъ единовѣрцевъ. Однажды, гуляя въ горахъ въ окрестностяхъ Виклоу съ ораторомъ Шелемъ, онъ предлагаетъ ему образовать съ этою цѣлью общество. Представьте себѣ двухъ гуляющихъ въ горахъ людей, которые вздумали вдругъ образовать общество съ цѣлью добиться того, о чемъ, казалось, уже и думать забыли. Да изъ кого же создается эта сила? Изъ забытыхъ и разоренныхъ земледѣльцевъ. Нужна была особаго рода вѣра въ себя, въ свои силы, чтобы при такихъ наличныхъ обстоятельствахъ мечтать объ образованіи сильнаго общества. Эта вѣра не обманула его. Въ теченіи какихъ нибудь двухъ лѣтъ броженіе въ Ирландіи, благодаря О'Коннелю, распространяется въ большихъ размѣрахъ. Краснорѣчіе этого человѣка было положительно какимъ то исключительнымъ краснорѣчіемъ. Обладалъ О'Коннель громаднымъ голосомъ, который раскатывался по-

добно грому надъ головами нѣсколькихъ тысячъ слушателей. Онъ достигалъ всюду, всѣмъ одинаково слышны были эти увлекательныя слова, выходившія изъ наболѣвшаго сердца человѣка, горячо любящаго свою родину и преданнаго ей всей душой и тѣломъ. Начинать онъ обыкновенно съ шутки-прибаутки надъ кѣмънибудь, кто попадался подъ руки. Попадался католикъ — ладно, протестантъ — также хорошо. Публика съ большимъ вниманіемъ слушала его и онъ незамѣтнымъ для нея образомъ переходилъ къ интересующему его предмету, и вся аудиторія, сколько бы ея ни было, увлекалась и электризовалась, какъ бы одинъ человѣкъ. Рѣчь его была шереховата, неправильна, несистематична, встрѣчались въ ней частыя повторенія одного и того же предмета. Но въ томъ то и дѣло, что массѣ, которой трудно слѣдить за ораторомъ, если онъ строго, логично и систематически проводитъ свою мысль, и необходима именно такая живая, увлекательная рѣчь, а повторенія и лишнія разъясненія увеличивали ея вразумительность. О'Коннель заражалъ слушателей силою своего чувства. Мы не знаемъ, какъ происходитъ это зараженіе; но отрицать его никто не станетъ, и оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе чувство оратора. Въ этомъ умѣнны передавать свои чувства, которыя всѣ сводились къ одному — любви къ отечеству и желанію ему блага, и заключается весь секретъ и вся сила ораторскаго таланта О'Коннеля. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, О'Коннель достигъ небывалыхъ успѣховъ. Въ 1826 году онъ рѣшается, по истинѣ, на своего рода *tour de force*, который, однако, ему вполне удастся. Въ Ватерфордѣ и Лутѣ происходятъ выборы членовъ парламента и О'Коннель рѣшается выставить кандидатами двухъ либеральныхъ протестантовъ противъ двухъ могущественныхъ лэндлордовъ, члены фамиліи которыхъ издавна неизмѣнно были представителями названныхъ мѣстечекъ. Если прочитатъ письма Дювержье де-Горанна о томъ, какъ происходили тогда выборы, то рѣшеніе О'Коннеля намъ покажется еще болѣе достойнымъ удивленія. Избирателемъ по закону могъ быть всякій, кто владѣлъ землею, приносившею пожизненнаго доходу 40 шиллинговъ. Дабы сдѣлать своихъ арендаторовъ избирателями, лэндлорды заключали съ ними пожизненные контракты. Предполагалось, что если кто, за уплатою ренты, имѣетъ возможность жить и содержать свою семью на данномъ клочкѣ земли, то ясно, что послѣдняя приноситъ болѣе 40 шил. въ годъ доходу, а арендаторъ ея есть пожизненный владѣлецъ такого дохода. Но чтобы такой пожизненный арендаторъ

не оставался независимымъ, противъ его всегда былъ готовъ исполнительный листъ по поводу просрочки или несоблюденія другихъ условій договора. Во всякое время поэтому его можно было прогнать съ пожизненнаго участка при малѣйшей строптивости. Поэтому арендаторы всегда подавали голоса по приказанію лэндлордовъ. Вы понимаете, что одержать побѣду при такихъ условіяхъ выборовъ значить одержать поразительно блестящую побѣду. Выборы состоялись въ пользу намѣченныхъ О'Коннелемъ кандидатовъ.

Этотъ результатъ выяснилъ во всемъ объемѣ силу движенія, поднятаго О'Коннелемъ въ Ирландіи, и далъ понять, что настала пора уступить. Ежегодно и прежде вносились въ парламентъ билли о дарованіи политическихъ правъ католикамъ, но безъ большой надежды на успѣхъ. Теперь министръ Каннингъ, представитель либеральной части торійской партіи, поддерживаетъ предложеніе Бордета о дарованіи политическихъ правъ католикамъ. Предложеніе принято нижнею палатою; но палата лордовъ отвергла его. Тогда Каннингъ рѣшается сдѣлать изъ политической эмансипаціи кабинетный вопросъ и принудить короля Георга IV согласиться на эту мѣру. Когда онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи своимъ товарищамъ, нѣкоторые изъ нихъ оставили министерство. Между прочимъ вышелъ въ отставку Робертъ Пилль, талантъ и характеръ котораго Каннингъ очень цѣнилъ. Онъ не остановился предъ разрывомъ съ тори и рѣшился все таки идти впередъ. Онъ отерочилъ засѣданія парламента и реорганизовалъ министерство въ болѣе либеральномъ духѣ, пригласивъ вступить въ него нѣкоторыхъ виговъ и приготовился къ борьбѣ за предпринятое дѣло. Смерть похитила его лѣтомъ 1827 года. Его товарищи не могли удержаться безъ него, и чистые тори снова вступили во власть съ Веллингтономъ во главѣ и съ Робертомъ Пиллемъ въ качествѣ руководителя палаты общинъ. Эмансипація католиковъ снова была снята съ очереди государственныхъ дѣлъ.

Но О'Коннель не далъ надолго забыть ирландскій вопросъ. Новымъ, еще болѣе смѣлымъ шагомъ онъ рѣшается заставить торійское правительство взяться за разрѣшеніе вопроса объ эмансипаціи католиковъ. Въ 1828 году долженъ былъ подвергнуться, по обычаю, новымъ выборамъ Вези-Фицъ-Джеральдъ, представитель графства Клэръ, занявшій постъ предсѣдателя комитета торговли (министръ торговли) и министра почтъ. О'Коннель выступаетъ кандидатомъ противъ него. Избраніе его, какъ католика, будетъ

уничтожено, ибо оно противно закону. Но ему до этого нѣтъ никакого дѣла. Онъ добивается произвести нравственный ударъ, произвести громкую манифестацію въ пользу религіозной свободы. Попытка могла показаться слишкомъ смѣлою. Протестанты были въ большомъ числѣ въ графствѣ Клэръ; Фицъ-Джеральда тамъ уважали, и даже онъ былъ популяренъ. Къ тому же знали, что онъ лично расположенъ въ пользу требованій католиковъ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ много шансовъ на успѣхъ. О'Коннель могъ рассчитывать только на свою громадную популярность, ставя свою кандидатуру противъ представителя правительства. При наличныхъ условіяхъ борьба между двумя соперниками была не личной борьбой; это была борьба англійскаго правительства въ лицѣ его представителя съ католическою ассоціаціею въ лицѣ главы ея. Никто не скрывалъ отъ себя всей важности завязавшейся борьбы. Борьба была жаркая. Подача голосовъ была открытая. Это значительно оживляло процедуру выборовъ. Въ теченіи пяти дней безъ перерыва сорокашиллинговые избиратели являлись въ Еннисъ, главный городъ графства, отдѣльными отрядами, по приходамъ, подъ руководствомомъ своихъ приходскихъ священниковъ; въ теченіе пяти дней удлинялись все болѣе и болѣе въ полбукъ (Poll-Book) столбцы голосовъ, поданныхъ за О'Коннеля. Въ концѣ пятого дня Фицъ-Джеральдъ оставилъ поле сраженія, видя бесполезность борьбы. Правительство потерпѣло поражение и притомъ рѣшительное. Но О'Коннель идетъ дальше и когда ему предложили принять установленную при вступленіи въ парламентъ присягу, онъ отказывается отъ принятія ея. Его не допускаютъ вслѣдствіе этого въ парламентъ. Назначаются новые выборы, и О'Коннель вторично выбранъ. Тогда увидѣли, что если бы О'Коннель только пожелалъ сразу быть избраннымъ во всѣхъ графствахъ Ирландіи, то и это удалось бы ему. Въ Англійи повяли, что стоятъ теперь лицомъ къ лицу съ такого рода дилеммою: или допустить О'Коннеля въ парламентъ, или же вызвать новое возстаніе въ Ирландіи. Для правительства съ здравымъ смысломъ въ такой делеммѣ выбора быть не можетъ. Робертъ Пилль понялъ это, и съ этого момента его рѣшеніе было принято. До открытія сессіи 1829 года онъ занялся подготовкой своихъ товарищей и самого короля къ уступкѣ, ставшей необходимою. Старая протестантская партія сначала не хотѣла вѣрить, что Пилль оранжистъ, Пилль — бывший статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи, Пилль, отдѣлившійся отъ Каннинга въ 1827 г. по католическому вопросу, Пилль, наконецъ,— эта надежда поли-

тической и религиозной реакціи,— до такой степени стречется отъ своего прошлаго. Когда сомнѣнія разсѣялись, гнѣвъ протестантовъ не имѣлъ границъ. Пилля называли отступникомъ. Говорили, что папа отведеть ему мѣсто въ католическомъ календарѣ и что скоро услышать о канонизаціи св. Пилля. Организовались протестантскія манифестаціи. Крики „долой папизмъ“ раздавались снова на улицахъ, какъ во время Карла II и королевы Анны. Въ огромномъ числѣ распространялись памфлеты съ цѣлю возбудить народныя страсти противъ католиковъ напоминаніемъ объ убійствахъ Варооломеевской ночи и объ ужасахъ инквизиціи. Пилль непоколебимо и хладнокровно смотрѣлъ на поднявшуюся бурю и шель своей дорогой. Онъ склонилъ министровъ на сторону своего мнѣнія; не безъ затрудненій онъ добился согласія короля. Большинство палаты общинъ было обезпечено: половина партіи тори послѣдова за нимъ въ его политической эволюціи, а либеральная партія не могла отказать ему въ своемъ содѣйствіи въ этомъ случаѣ. Какъ только открылась сессія, онъ внесъ свой билль. Билль этотъ прошелъ. Съ этого момента католики получили доступъ ко всѣмъ гражданскимъ и военнымъ должностямъ за исключеніемъ званія вице-короля Ирландіи, а также должностей канцлера Англіи и канцлера Ирландіи. Пилль воспользовался проведеніемъ билля, чтобы связать съ нимъ двѣ важныя мѣры: католическое общество въ Ирландіи было закрыто и избирательный цензъ въ Ирландіи былъ увеличенъ съ 40 шил. на 10 фун. стер.

Эмансипація католиковъ справедливо считается толчкомъ, давшимъ движеніе прогрессивному развитію Англіи послѣ тридцатилѣтняго застоя, бывшаго слѣдствіемъ реакціоннаго настроенія общества. Съ этого момента безраздѣльность господства тори была нарушена, и либеральная часть этой партіи все болѣе сближается съ наиболѣе умѣренными вигами, чтобы впослѣдствіи слиться съ ними. Какъ прежде, подъ вліяніемъ испуга, вызваннаго революціонными событіями, многіе виги перешли на сторону тори, такъ теперь, при измѣнившемся настроеніи, происходитъ обратное явленіе. Вслѣдъ за эмансипаціей католиковъ является на сцену реформа парламента 1832 г., а за нею слѣдуютъ: реформа церковнаго устройства въ Ирландіи, отмѣна хлѣбныхъ законовъ и т. д. Словомъ, политическій прогрессъ Англіи идетъ впередъ почти непрерывно, пріостанавливаясь иногда на весьма недолгое время, но ни разу не дѣлая такой паузы, какая была въ первой четверти столѣтія.

Что касается Ирландіи, то съ эмансипаціею католиковъ ту-

земному населенію Ирландіи открывался путь къ вліянію на политическія дѣла своей страны. Не въ томъ было дѣло, что католики стали представлять въ англійскомъ парламентѣ Ирландію; число католиковъ въ парламентѣ между представителями Ирландіи всегда было меньше числа протестантовъ; но въ томъ, что католики-туземцы получили право имѣть своихъ представителей и могли пользоваться этимъ правомъ для заявленія своихъ желаній и своихъ нуждъ. Естественно поэтому, что послѣ эмансипаціи католиковъ дѣйствительныя нужды Ирландіи удовлетворяются гораздо скорѣе, чѣмъ прежде, и въ исторіи Ирландіи снова занимается заря свободы, которая согрѣетъ ее. Если прежнему ирландскому парламенту ставился упрекъ въ томъ, что онъ служилъ выразителемъ желаній лишь незначительнаго кружка людей въ этой странѣ, а не огромнаго большинства ея населенія, то теперь этотъ упрекъ потерялъ силу и потому можно было подумать о восстановленіи ирландскаго парламента, не опасаясь съ его стороны какой либо тиранніи. И, дѣйствительно, мы видимъ, что немного спустя послѣ изданія закона объ эмансипаціи, появляется вопросъ о „репиллѣ“, т. е. объ уничтоженіи уніи 1800 г. и восстановленіи ирландскаго парламента. Это движеніе, поднятое О'Коннелемъ, выродилось съ одной стороны въ революціонную дѣятельность „молодой Ирландіи“, а затѣмъ въ феніанизмъ, а съ другой стороны имѣетъ своимъ прямымъ наслѣдникомъ партію „None rule“ съ Парнеллемъ во главѣ, стремящуюся къ тому же, что и репилль, т. е. къ самоуправленію Ирландіи.

Съ уничтоженіемъ test act'a вопросъ о католикахъ поконченъ не былъ. Оставался еще вопросъ церковный, который имѣлъ для ирландцевъ не малое значеніе въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Этотъ церковный вопросъ уже издавна былъ вреднымъ наростомъ на тѣлѣ ирландцевъ и онъ до того ужъ теперь назрѣлъ, что необходимо стало удалить его. И въ самомъ дѣлѣ, въ Ирландіи, гдѣ протестантскаго населенія считалось всего на всего 600,000 (на 8,000,000 католиковъ) англиканское духовенство состояло изъ 4 архіепископовъ, 18 епископовъ, 22 канониковъ и 1,400 священниковъ, а доходъ этого духовенства составлялъ болѣе чѣмъ 800,000 ф. ст., эта цифра образовывалась изъ слѣдующихъ частей: десятина давала 650,000 ф. ст., доходы церковныхъ земель 150,000 ф. ст. и кромѣ того, специальный еще церковный налогъ—60,000 ф. ст. Такимъ образомъ религиозныя потребности 600,000 протестантскаго населенія удовлетворялись духовенствомъ, стоившимъ болѣе

8¹/₂ милліон. рублей на наши деньги; деньги же эти, замѣтите, должны были платить католики, духовенство которыхъ отъ правительства не получало ни гроша. Эта вопіющая несправедливость въ отношеніяхъ правительства къ духовенству двухъ частей населенія и представляетъ собою нравственную, такъ сказать, неприглядную сторону этого вопроса. Не менѣе тяжка была и матеріальная сторона его. Особенною тяжестью ложилась на католиковъ десятина, которая еще въ XVIII ст. была чрезвычайно высока, такъ что, напримѣръ, человѣкъ, который зарабатывалъ въ день 6 пенсовъ, платилъ, какъ указывалъ Граттонъ, 18—20 шиллинговъ (въ годъ), или переводя это на наши деньги будетъ примѣрно такъ: человѣкъ, зарабатывающій 75 рублей въ годъ платитъ 7¹/₂ руб. десятины. Согласитесь, что это страшно тяжелая подать. Тяжесть увеличивалась еще способомъ взиманія ея. Она, обыкновенно, отдавалась на откупъ и на условіяхъ слишкомъ выгодныхъ для откупщиковъ. Обыкновенно въ пользу ихъ оставалась ¹/₃ валоваго сбора. Благодаря этому, если духовенство получало 800,000 дохода, то съ народа взималась не эта сумма; послѣдняя составляетъ лишь ²/₃ той, которая взята была съ него и которая равняется 1.200,000 ф. ст.

Въ началѣ 30-хъ годовъ вопросъ этотъ обостряется отчасти голодомъ, отчасти же агитаціею, поднятою съ цѣлью освобожденія отъ тяжелаго и несправедливаго налога въ пользу чуждаго духовенства. Голодъ явился съ одной стороны слѣдствіемъ роста народонаселенія при неправильномъ земельномъ устройствѣ, а съ другой—слѣдствіемъ чисто стихійнаго обстоятельства: картофель, который составлялъ главный предметъ питанія ирландцевъ, не уродился... и вотъ готовъ голодъ. При такихъ условіяхъ платежъ десятины, само собою понятно, затрудняется и ирландцы не хотятъ платить ее; они къ тому же вполне сознаютъ несправедливость этого налога. Подъ влияніемъ этого сознанія образуются общества „Черныя ноги“ и „Бѣлыя ноги“, ставящія своею задачею воспрепятствовать платежу и взиманію десятины. Отряды этихъ обществъ бѣгаютъ по странѣ, уговаривая ирландцевъ не платить десятины. Ихъ совѣтъ охотно выслушивается и платежъ десятины приостанавливается всюду. Если же у недоимщика описываютъ имущество для пополненія недоимки, то не оказывается охотниковъ купить его. Приходится вести скотъ для продажи въ Дублинъ или даже въ Англію. Между тѣмъ по дорогѣ никто не хочетъ давать сѣна для прокормленія скота, даже на вѣсъ золота. Скотина падаетъ дорогой отъ голоду, и взыскать десятину все таки не удается.

Сопротивленіе платить десятину охватило всю страну. „Бѣлыя“ и „Черныя ноги“ не ограничиваются пропагандой пассивнаго сопротивленія. Они нападаютъ на откупщиковъ десятины, грабятъ ихъ, иногда убиваютъ, очень часто поджигаютъ ихъ жилища. Англиканское духовенство, особенно низшее, стало въ крайне затруднительное положеніе: его доходы прекратились и жить стало нечѣмъ. При такихъ обстоятельствахъ вигское министерство беретъ за рѣшеніе церковнаго вопроса. Въ 1838 году въ парламентъ былъ внесенъ Дж. Росселемъ проэктъ замѣны десятины рентою, которую бы вимало правительство въ размѣрѣ 60% первой, и чтобы государство уже отъ себя выплачивало жалованье духовенству. О'Коннелль протестовалъ противъ этого, говоря, что суть дѣла то отъ этого не перемѣняется, что въ результатѣ будетъ только то, что правительство, вимая ренту, замѣняющую десятину, перенесетъ на себя всю непопулярность, которая теперь падаетъ на англиканское духовенство и сборщиковъ десятины. Билль Росселя былъ принятъ съ двумя измѣненіями. Рента, замѣняющая десятину, была возвышена до 70% размѣра послѣдней; излишекъ суммы, получающійся за выплатой содержанія духовенству, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть употребляемъ государствомъ по его усмотрѣнію, а долженъ быть обращаемъ только на нужды англиканскаго духовенства. Это ограниченіе, навязанное Дж. Росселю консерваторами, было очень важно: оно отрицало право государства секуляризовать хотя бы часть имущества церкви.

Такимъ образомъ, законъ о десятинахъ 1838 года далеко не былъ еще рѣшеніемъ церковнаго вопроса, ибо на ирландскихъ католикахъ все же оставлена была обязанность содержать чуждую имъ церковь, хотя способъ виманія денегъ измѣнился и тяжесть налога уменьшилась.

Спустя нѣкоторое время ирландскій вопросъ осложнился вопросомъ аграрнымъ и феніанскою революціонною дѣятельностью. Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ заняться изложеніемъ исторіи феніевъ, дѣятельность которыхъ несомнѣнно оказывала вліяніе на судьбы Ирландіи; но я долженъ попросить васъ удѣлить ваше вниманіе нѣкоторымъ фактамъ изъ второго періода ихъ исторіи, такъ какъ они находятся въ непосредственной связи съ новою постановкою ирландскаго церковнаго вопроса въ 1868 году.

Для нашей цѣли достаточно остановиться на дѣйствіяхъ феніевъ въ 1867 году. Послѣ извѣстнаго, хотя и очень скромнаго по своимъ размѣрамъ, покушенія феніевъ на вторженіе въ Канаду,

покушенія, окончившагося полной неудачею, на собраніи феніевъ въ Нью-Йоркѣ было рѣшено попытаться вызвать возстаніе въ нѣкоторыхъ городахъ самой Англіи. Результатомъ этого рѣшенія была попытка овладѣть городомъ Честеромъ, который долженъ былъ служить базисомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Честеръ лежитъ въ сѣв.-западной части Англіи и служитъ узловымъ пунктомъ желѣзныхъ дорогъ, идущихъ на сѣверъ черезъ Ливерпуль, Манчестеръ, Шеффилдъ и далѣе въ Шотландію и идущихъ на югъ черезъ Бирмингамъ въ Лондонъ. Предположено было сдѣлать нападеніе 11 февраля 1867 года, захватить замокъ Честера со складомъ оружія и военныхъ припасовъ, уничтожить рельсовые и телеграфные пути, идущіе изъ Честера и лишить его такимъ образомъ помощи извнѣ; захватить курьерскій поѣздъ, идущій изъ Честера въ Гуллигедъ, овладѣть пароходомъ, ожидающимъ въ Гуллигедѣ прихода курьерскаго поѣзда, и перевезти на немъ все оружіе и снаряды изъ Честера въ Ирландію. Планъ былъ очень искусно задуманъ и могъ быть легко приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ Честерѣ находилось всего 54 человѣка гарнизона, если бы случайно не былъ открытъ. Въ 12 часовъ ночи съ 10 на 11 февраля магистратъ Честера получилъ свѣдѣнія о готовящемся покушеніи и имъ сейчасъ были приняты мѣры къ предупрежденію его. По телеграфу было дано знать въ Бирмингамъ и Лондонъ, дабы присланы были войска. На вокзалъ желѣзной дороги посланъ былъ сильный отрядъ полиціи, чтобы слѣдить за пріѣзжающими пассажирами. Въ 2¹/₂ часа ночи пришелъ первый поѣздъ изъ Ливерпуля, который привезъ первые отряды заговорщиковъ. Люди эти раздѣлились на нѣсколько кучекъ и разсѣялись по разнамъ сторонамъ города. Затѣмъ, съ поѣздами изъ Лидса, Манчестера и Галифакса прибывали партіи подозрительныхъ пассажировъ, такъ что къ обѣду число ихъ можно было опредѣлить тысячи въ полторы человѣкъ. Они собирались вмѣстѣ, раздѣлялись на отряды и двигались по направленію къ цитадели. Всѣ они были вооружены. Роковая минута наступала; но въ это время прибыла рота солдатъ изъ Манчестера; получена телеграмма, что изъ Лондона посылается для подкрѣпленія полкъ гвардіи. Заговорщики увидѣли, что ихъ планъ открытъ. Очевидно было, что не только не можетъ быть рѣчи о внезапномъ нападеніи на цитадель, но что слѣдуетъ скорѣе спастись. Они побросали оружіе и во время разсѣялись: только валявшееся по улицамъ оружіе свидѣтельствовало о бывшемъ заговорѣ. Все это произошло и миновало такъ скоро, что когда въ Лондонѣ получены были первыя

извѣстія о случившемся, то тамъ даже не повѣрили имъ и считали сначала весь заговоръ выдумкою досужихъ репортеровъ, пока болѣе обстоятельныя свѣдѣнія не подтвердили истины. Такъ какъ одновременно съ покушеніемъ на Честеръ должно было начаться возстаніе въ Ирландіи, то пока туда дошло извѣстіе о неудачѣ феніевъ въ этомъ городѣ, произошло все таки небольшое возстаніе въ Кэрри. Послѣ того въ мартѣ (1867 г.) вспыхнуло возстаніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ирландіи, которое не имѣло единства и было вообще незначительно. Въ руки правительства попали главные руководители этого возстанія Боркъ и Макъ-Афферти; оба были приговорены къ смертной казни. Приговоръ этотъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе въ Англии. Англичане полагали, что политическій эшафотъ на всегда упраздненъ въ Англии и англійская пресса не разъ въ послѣдніе годы жаловалась на политическія казни въ нѣкоторыхъ государствахъ континента. Во многихъ городахъ Англии состоялись миттинги, на которыхъ постановлены были резолюціи въ пользу помилованія осужденныхъ. Одинъ изъ такихъ миттинговъ состоялся подъ предѣдательствомъ Джона Стюарта Милля; на немъ постановленъ былъ протестъ противъ смертной казни, при чемъ указано было на примѣръ американцевъ, которые никого изъ возставшихъ не предавали казни. Депутація отъ миттинга представилась лорду Дэрби съ петиціею о помилованіи осужденныхъ. Министерство оказалось склоннымъ удовлетворить просьбу. Макъ-Афферти и Боркъ были помилованы. Затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ прошло спокойно; всѣ расположены были думать, что февральскія и мартовскія событія были послѣдними проявленіями дѣятельности феніевъ; какъ вдругъ, осенью 1867 г., произошли такія покушенія, которыя глубоко поразили англичанъ какъ своею смѣлостью, такъ и глубиною проявившагося въ нихъ ожесточенія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ полицмены города Манчестера увидѣли ночью нѣсколько человѣкъ, которые показались имъ подозрительными. Принявъ ихъ за ночныхъ воровъ, они арестовали ихъ и когда на слѣдующій день они были доставлены въ магистратъ, то оказалось, что двое изъ нихъ Келли и Дизи были феніи, замѣшанные въ ирландскомъ возстаніи. Когда 18-го сентября ихъ привезли на вторичный допросъ, толпа въ корридорахъ суда и на прилегающихъ улицахъ была такъ велика и настроеніе ея такъ сомнительно, что власти рѣшили значительно усилить конвой при препровожденіи арестантовъ изъ суда въ тюрьму. Послѣдняя находится за городомъ, въ трехъ миляхъ отъ него. Семеро констэб-

лей помѣстились на крышѣ тюремной кареты, одинъ сталъ у дверей ея и многіе другіе поѣхали за каретою въ отдѣльномъ кабѣ. Дорога въ одномъ мѣстѣ проходитъ подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ. Едва достигла карета этого мѣста, какъ изъ засады на полицейскихъ напала толпа въ 40 человекъ, большинство которыхъ было вооружено револьверами, другіе топорами, молотками и большими камнями. Всѣ они, повидимому, находились подъ начальствомъ высокаго молодого человека, который бросился къ кучеру и закричалъ ему: „стой!“ Когда послѣдній не послушался этого приказанія, онъ выстрѣлилъ. Этотъ выстрѣлъ послужилъ сигналомъ нападенія. Раздался залпъ. Лошади были убиты; кучеръ сбитъ съ козелъ ударомъ камня. Полицейскіе сбиты камнями и пистолетными выстрѣлами. Алленъ,— такъ звали предводителя нападавшихъ,— выстрѣломъ въ голову покончилъ съ сержантомъ Бретомъ, стоявшимъ у дверей кареты и не желавшимъ допустить до нея, а другимъ выстрѣломъ сбиль замокъ двери. Полицейскіе, оставшіеся цѣлыми, не могли оказать серьезнаго сопротивленія. Они были вооружены лишь палками. Пока одни изъ нападавшихъ выводили изъ кареты Келли и Дизи и развязывали имъ веревки, другіе пистолетными выстрѣлами держали на приличной дистанціи полицейскихъ и сбѣжавшуюся на шумъ толпу любопытныхъ. Развязавъ арестантовъ, они ихъ помѣстили въ середину себя и вмѣстѣ съ ними скрылись въ сосѣднихъ поляхъ. Келли и Дизи исчезли безслѣдно. Удалось отыскать и арестовать многихъ изъ нападавшихъ и между ними Аллена. Вѣсть объ этомъ произвела страшное впечатлѣніе въ Англіи. Гдѣ же послѣ этого спокойствіе, если среди бѣла дня совершаются нападенія на полисменовъ, освобождаются преступники и все это, видно было, направляется умѣлою и сильною рукою? Изъ 26 арестованныхъ пятеро были приговорены къ смерти. Двое изъ нихъ были помилованы, а трое Алленъ, Ларкинъ и Гудъ были казнены.

Но не успѣли еще опомниться отъ сентябрскаго покушенія феніевъ, какъ въ декабрѣ они опять заявили о себѣ и на сей разъ еще болѣе грознымъ образомъ. Двое выдающихся феніевъ Боркъ и Чези попались въ руки лондонской полиціи въ началѣ декабря 1867 г. и были посажены въ Клэркенуэльскую тюрьму. 13-го декабря въ 3½ часа дня окрестности Клэркенуэля были потрясены страшнымъ взрывомъ, отъ котораго обвалилась часть тюремной стѣны въ длину на 80 метровъ и сильно пострадали сосѣдніе дома. Дознаніе выяснило, что какихъ то два лица привезли

бочку, свалили ее къ стѣнѣ и удалились, зажегши фитиль. Попытка была сдѣлана смѣло; но она не достигла цѣли, т. е. освобожденія арестованныхъ феніевъ. Начальство тюрьмы получило неясныя свѣдѣнія о готовящейся попыткѣ освободить ихъ, а потому распорядилось отмѣнить обычную прогулку ихъ между 3 и 4 часами дня по двору тюрьмы и замѣнить ее прогулкою рано утромъ. Но взрывъ имѣлъ другіе результаты. Сорокъ человѣкъ, между ними большею частью дѣти, было убито, искалѣчено и изранено взрывомъ. Такая хладнокровная, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся жестокость со стороны феніевъ ужаснула всѣхъ и давала понятіе о глубинѣ ненависти, которую питаютъ ирландцы къ англичанамъ, и страшномъ нравственномъ безпорядкѣ, царящемъ въ части ирландскаго народа. Дѣло Ирландіи потеряло множество симпатій послѣ описанныхъ покушеній.

Въ эту трудную для Ирландіи минуту выступаетъ на защиту ея справедливыхъ требованій Гладстонъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 г. въ парламентъ внесено нѣсколько резолюцій депутатомъ Ирландіи Магиромъ, которыя касались тяжелаго положенія его родины. Въ преніяхъ приняли участіе Лоу и Брайтъ со стороны оппозиціи, Стаффордъ-Норскотъ со стороны правительства. Рѣчи этихъ ораторовъ слушались съ уваженіемъ, но безъ большаго интереса, такъ какъ ихъ точка зрѣнія на дѣло была извѣстна. Каждый зналъ впередъ, что они скажутъ. Пренія длились уже четыре дня, когда Гладстонъ попросилъ слова. Человѣкъ этотъ весьма своеобразенъ по развитію своего міровоззрѣнія. Обыкновенное явленіе, что люди въ молодости увлекаются передовыми и часто даже крайними идеями и затѣмъ, входя въ зрѣлый возрастъ, покидаютъ ихъ и становятся самыми упорными консерваторами. Ходить за примѣромъ далеко не нужно. Въ 1832 году Стэнлей сидѣлъ на скамьяхъ либераловъ; въ 1867 г. онъ, подъ именемъ лорда Дэрби, стоитъ во главѣ консервативнаго министерства. Путь нравственной жизни Гладстона былъ противоположнымъ. Когда онъ былъ студентомъ Оксфордскаго университета, онъ отличался ретроградными воззрѣніями и даже написалъ сочиненіе объ отношеніяхъ церкви и государства, въ которомъ въ такихъ выраженіяхъ проповѣдывалъ тѣсный союзъ трона и алтаря, отъ которыхъ не откреклись бы самые ярые тори. Въ 1832 году онъ вступаетъ въ парламентъ и занимаетъ мѣсто въ консервативной партіи. Но съ теченіемъ времени онъ изъ строгаго тори становится умѣреннымъ, потомъ все ближе становится къ либераламъ и, наконецъ, съ 1859

года онъ окончательно переходитъ въ ряды послѣднихъ. Но на этомъ не остановилось его развитіе. Съ каждымъ шагомъ жизни его убѣжденія становились демократичнѣе и во время обсужденія парламентской реформы 1867 года онъ вноситъ предложенія, опережающія стремленія многихъ членовъ либеральной партіи. Теперь, годъ спустя, никто не могъ сказать, въ какомъ фазисѣ находится умственная эволюція этого государственнаго человѣка и всѣ наострили уши, когда онъ всталъ съ мѣста, чтобы говорить по ирландскому церковному вопросу. Велика была сенсація, когда среди всеобщаго вниманія онъ высказался въ пользу наиболѣе радикальнаго рѣшенія этого вопроса, того рѣшенія, которое уже давно требовалось безуспѣшно радикаломъ Брайтомъ. „Ирландская церковь,—сказалъ онъ,—какъ государственное учрежденіе, должна перестать существовать“. Когда затѣмъ ему пришлось формулировать свою мысль въ видѣ парламентскихъ резолюцій, такъ какъ Магиръ благоразумно взялъ назадъ свои предложенія, то онъ выразилъ ихъ такъ: „Палата считаетъ необходимымъ, чтобы епископальная церковь въ Ирландіи перестала существовать, какъ церковь государственная; само собою разумѣется, что положеніе нынѣшнихъ представителей церкви будетъ сохранено за ними пожизненно“. Резолюціи эти горячо дебатировались въ парламентѣ. Происходитъ отчаянная схватка между Гладстономъ и главою консервативной партіи Дизраэли. Большинство парламента высказалось за Гладстона и противъ Дизраэли. Но послѣдній былъ слишкомъ ловкій парламентскій игрокъ, чтобы такъ скоро уступить своему противнику. Онъ заявляетъ, что въ виду принятаго палатою рѣшенія, правительство сдѣлаетъ постановленіе, о которомъ увѣдомитъ со временемъ палату. Всѣ поняли, что рѣчь идетъ о распущеніи парламента и потому всѣ сейчасъ же стали готовиться къ выборамъ. Принимая такое важное рѣшеніе, Дизраэли рассчитывалъ, что множество новыхъ избирателей, созданныхъ послѣднею парламентскою реформой 1867 г., подадутъ голосъ въ его пользу, такъ какъ онъ провелъ эту реформу. Единственный вопросъ, который сталъ предметомъ избирательной борьбы былъ вопросъ объ упраздненіи англиканской церкви въ Ирландіи. Всѣ кандидаты въ члены парламента распались на двѣ большія партіи: сторонниковъ и противниковъ этой мѣры. 1.400,000 голосовъ высказались за сторонниковъ программы Гладстона, 800,000 за правительство. Торійское министерство подало въ отставку и главою новаго министерства сталъ теперь Гладстонъ. Еще во время

избирательной борьбы Гладстонъ сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что три язвы разъѣдаютъ Ирландію: англиканская церковь, поземельное устройство и система воспитанія. Такимъ образомъ англійскій народъ, высказавшійся за него такимъ громаднымъ большинствомъ голосовъ, тѣмъ самымъ далъ ему полномочіе на осуществленіе задуманныхъ реформъ. 1 марта 1869 года Гладстонъ вноситъ билль объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи, который былъ лишь развитіемъ резолюцій, принятыхъ годомъ раньше. Епископальная церковь въ Ирландіи, какъ учрежденіе государственное, этимъ биллемъ упраздняется, и всѣ имущества ея въ суммѣ 16 милліоновъ секуляризуются. Имущество епископальной церкви, цѣнность котораго опредѣлялась въ 16 мил. фун. ст., передавалось временно государственной комиссіи, а потомъ часть его должна была съ 1 января 1871 г. поступить въ вѣдѣніе представителей общинъ разныхъ исповѣданій. Въ вѣдѣніе общинъ протестантскихъ предполагалось отдать имущество на 6 мил.; на нужды католическаго и пресвитерьянскаго духовенства отдѣлить 2 мил. фун. ст., а остальные 8 мил. обратить на содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Билль былъ принятъ палатой общинъ, но встрѣтилъ сопротивленіе въ палатѣ лордовъ. Чтобы склонить ихъ къ принятію билля, Гладстонъ согласился сдѣлать уступки въ томъ смыслѣ, что вмѣсто 6 мил. онъ согласился отдать имущество на 12 мил. на содержаніе англиканской церкви, 2 мил. на учебныя и благотворительныя учрежденія и 2 мил. на содержаніе католическаго и пресвитерьянскаго духовенства. Въ такомъ видѣ билль прошелъ и черезъ палату лордовъ и съ іюля 1869 года сталъ закономъ.

Разсматривая значеніе такого рѣшенія этого вопроса, мы видимъ, что оно имѣетъ значеніе болѣе въ нравственномъ смыслѣ, чѣмъ въ матеріальномъ отношеніи. Выигрышъ для католической церкви былъ очень незначительный — всего какихъ нибудь 2 милліона фунтовъ; что касается населенія, то оно получило облегченіе вслѣдствіе прекращенія ренты, которую получало англиканское духовенство вмѣсто десятины. Но важно было то, что произошло упраздненіе государственной церкви, что обѣ церкви были признаны правительствомъ равноправными. Брайтъ справедливо говоритъ по этому поводу: „Епископальная церковь въ Ирландіи есть церковь завоеванія. Это не только вѣрно исторически; но я полагаю, что нельзя допустить, чтобы культъ, исповѣдуемый ничтожнымъ протестантскимъ меньшинствомъ, могъ быть установленъ

и поддерживаемъ среди націи исключительно католической не иначе, какъ по праву завоеванія... Я имѣлъ случай говорить нѣсколько лѣтъ тому назадъ и повторяю теперь: политика Англіи по отношенію къ Ирландіи сдѣлала изъ католицизма не только символъ вѣры, за который ирландскій народъ держится съ героическою и отчаянною настойчивостью, но и дѣло патриотизма, за которое его сыны готовы страдать и если нужно умереть. Чѣмъ болѣе я размышляю о настоящей великой мѣрѣ, тѣмъ болѣе я признаю ее способною создать тѣсное и прочное единеніе Англіи и Ирландіи“.

Ожиданія Брайта, однако, не вполне оправдались. Ирландцы остались недовольны тѣмъ, что на содержаніе церкви, которая считала въ Ирландіи только 600,000 приверженцевъ, отдано было 12 милл., тогда какъ для католиковъ, пресвитерьянъ и на благотворительныя и учебныя учрежденія дано всего на всего 4 милліона. Нельзя не признать справедливость этого недовольства. Кромѣ того цѣлый рядъ національныхъ отношеній, породившихъ глубокую вражду, а еще болѣе отношенія земельныя препятствовали этому примиренію.

Земельное устройство и доннынѣ является, главнымъ образомъ, причиною недовольства ирландцевъ противъ англичанъ. Надъ разрѣшеніемъ земельного вопроса трудились и трудятся лучшіе умы Англіи и пока все еще безъ большого успѣха, хотя дѣло, несомнѣнно, двинуто впередъ.

Изложеніе исторіи этихъ отношеній въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и посильное разъясненіе этого вопроса вмѣстѣ съ общимъ заключеніемъ и составитъ предметъ моей третьей бесѣды.

III.

Ведя избирательную компанію 1867 года, Гладстонъ уподобилъ Ирландію путнику, находившемуся подъ вѣтвями дерева обремененнаго ядовитыми плодами. Эти ядовитые плоды, которыми надѣлила Англія Ирландію суть: епископальная церковь, поземельное устройство и система образованія. Въ предъидущихъ бесѣдахъ мы говорили и о политическихъ и религіозныхъ отношеніяхъ англичанъ и ирландцевъ, закончившихся подавленіемъ политической жизни послѣднихъ и долговременнымъ религіознымъ гнетомъ. Прошлая бесѣда была посвящена вопросу, къ какимъ результатамъ привелъ этотъ религіозный гнетъ и какъ, *volens-nolens*, Ан-

глія вынуждена была прекратить его, вынуждена была согласиться на политическую эмансипацию католиковъ и на отдѣленіе церкви отъ государства въ Ирландіи. Епископальная церковь прекратила свое существованіе для ирландцевъ-католиковъ, оставаясь учрежденіемъ для нихъ необязательнымъ. Теперь мы обратимся къ другому плоду англійскаго господства въ Ирландіи, а именно къ земельному устройству, которое, какъ кажется съ перваго взгляда, служить теперь единственною причиною ненависти ирландцевъ къ англичанамъ. Но на самомъ то дѣлѣ, оно только выступило на первый планъ и заслонило собою другіе интересы національнаго, политическаго и религіознаго характера, которые продолжаютъ все таки существовать какъ пережитокъ, т. е. самые факты, вызвавшіе тѣ или другіе чувства, прекратились уже, но чувства, возбужденныя этими фактами, продолжаютъ еще существовать, побуждая народъ къ мщенію за прошлыя обиды.

Едва успѣвъ закончить покореніе Ирландіи, англичане принимаются за обезземеливаніе ирландцевъ. Какъ мы знаемъ изъ предъидущаго очерка, наивысшимъ пунктомъ развитія этой системы было покореніе Ирландіи Кромвелемъ, когда въ силу парламентскаго акта ирландцы были изгнаны изъ восточныхъ частей Ирландіи и сосредоточены въ Коннаутѣ. По акту парламента 27 сентября 1653 года, если кто изъ ирландцевъ окажется послѣ 1 мая 1654 г. по сю сторону рѣки Шанона, повиненъ смерти. Земли, имъ принадлежавшія, достались или соратникамъ Кромвеля, или другимъ друзьямъ парламента, успѣвшимъ во время захватить ихъ. Въ этомъ захватѣ англичанами ирландскихъ земель нужно отличать, однако, положеніе дѣлъ въ Лейнстерѣ и Мунстерѣ отъ колонизаціи Ульстера. Ульстеръ дѣйствительно былъ колонизованъ, такъ какъ земли этой провинціи розданы были — сравнительно небольшими участками — соратникамъ Кромвеля и шотландскимъ пресвитеріанамъ, пожелавшимъ тутъ поселиться, тогда какъ въ Мунстерѣ и Лейнстерѣ, собственно говоря, не было колонизаціи, а былъ только переходъ земель большими участками въ руки англичанъ, не занимавшихся лично земледѣліемъ и даже въ большинствѣ случаевъ не жившихъ въ Ирландіи. Это было просто на просто грабежомъ въ очень широкихъ размѣрахъ среди бѣлаго дня. Но что же все таки дѣлать новоиспеченнымъ землевладѣльцамъ съ этими громадными участками земли, доставшимися даромъ? Они не могли сами заниматься хозяйствомъ; арендаторовъ англичанъ было не много, да и не были они такими выгодными арен-

даторами, какъ ирландцы, которымъ земля нужна была во чтобы то ни стало. Поэтому, не смотря на угрозу смерти, ирландцы не долго оставались исключительно по ту сторону Шанона. Они стали проникать въ восточную часть Ирландіи въ качествѣ арендаторовъ земель англійскихъ землевладѣльцевъ и какъ таковые конкуррировали довольно успѣшно съ арендаторами англичанами, не смотря на то, что они не имѣли права заключать долгосрочныхъ арендныхъ контрактовъ и должны были платить аренду ни какъ не ниже $\frac{2}{3}$ доходности земли, такъ наз. *rack-rent*. Этотъ успѣхъ ирландскихъ арендаторовъ объясняется двумя причинами. Они дѣйствуютъ артелями, выбирая изъ своей среды одного человѣка, который ведетъ съ лэндлордомъ переговоры объ арендѣ земли, какъ будто для себя, а на самомъ дѣлѣ имѣя за собою цѣлую партію арендаторовъ. Съ другой стороны, ирландцы по необходимости должны были брать верхъ надъ англичанами въ земледѣльческой промышленности, такъ какъ всякій другой родъ дѣятельности для нихъ былъ закрытъ торговой политикой самой Англіи. Но хотя ирландцы и возвратились отчасти на земли своихъ протцевъ, положеніе ихъ существенно измѣнилось противъ прежняго. Прежде земля считалась принадлежностью цѣлаго клана и каждый членъ послѣдняго имѣлъ на нее извѣстныя права, пока исполнялъ возложенныя на него обычаемъ повинности, которыя имѣли опредѣленный и неизмѣнный характеръ. А такъ какъ, съ другой стороны, и начальникъ клана былъ связанъ съ своими подданными общностью преданій, обычныхъ правъ и обязанностей, то о тираніи начальника клана надъ его подданными не могло быть рѣчи. Теперь наступили другія отношенія. Всякое право земледѣльца на обрабатываемую имъ землю прекратилось; размѣръ платимой имъ ренты опредѣляется теперь не обычаемъ, а волею лэндлорда, который смотритъ на себя какъ на безусловнаго владѣльца этой земли. Благодаря сильной конкуренціи между арендаторами и сравнительной немногочисленности землевладѣльцевъ, а также въ силу дѣйствія изданныхъ англійскихъ законовъ, рента въ Ирландіи обыкновенно была, какъ и нынѣ, очень высока. Но даже исполняя свои обязательства по отношенію къ лэндлорду, арендаторъ не могъ рассчитывать на постоянство своей аренды, его могли изгнать во всякую минуту, если это изгнаніе требовалось или выгодами, или хотя бы капризомъ лэндлорда.

Мы сказали выше, что новые владѣльцы ирландскихъ земель сами обыкновенно не жили въ Ирландіи и не занимались хозяй-

ствомъ на пріобрѣтенныхъ земляхъ. Между ними и арендаторами становится цѣлый рядъ посредниковъ, содержаніе которыхъ ложилось лишнимъ бременемъ на народъ. Насколько тяжелы были эти посредники, свидѣтельствуетъ обычай, существовавшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ирландіи въ половинѣ XVIII вѣка, обычай, по которому арендаторы, кромѣ платимой ими аренды, обязывались работать на посредника известное число дней въ году, получая шесть пенсовъ поденной платы. Насколько абсентеизмъ лэндлордовъ и связанное съ нимъ посредничество были тяжелы для Ирландіи, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ самомъ началѣ пробужденія среди ирландцевъ національнаго и общественнаго самосознанія — въ половинѣ XVIII стол. является въ ирландскомъ парламентѣ проэктъ обложенія абсентеистовъ особымъ налогомъ, съ цѣлью уменьшить это вредное явленіе. Наконецъ, положеніе ирландскаго земледѣльца ухудшалось еще національнымъ и религіознымъ антагонизмомъ между арендаторомъ и лэндлордомъ. Пслѣдній признавалъ себя высшимъ существомъ, самой природою назначеннымъ для господства, и смотрѣлъ на ирландца-католика, какъ на варвара, собаку-паписта. Еще теперь, по свидѣтельству депутата парламента Швана, англійскіе лэндлорды въ Ирландіи утверждаютъ, что саксонская раса самимъ небомъ назначена повелѣвать кельтами. Въ XVIII столѣтіи къ этому самонѣнію лэндлордовъ присоединялась отчаянная взаимная ненависть обѣихъ сторонъ, порожденная національными, политическими и религіозными отношеніями. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ не могли быть созданы никакіе обычаи, сколько нибудь облегчающіе положеніе арендатора. Особнякомъ въ этомъ отношеніи стоялъ только Ульстеръ. Тамъ между землевладѣльцемъ и арендаторомъ не было религіозной розни, тамъ и численное отношеніе между ними было выгоднѣе для арендаторовъ, вслѣдствіе чего, какъ мы увидимъ ниже, тамъ создались обычаи, ставшіе предметомъ зависти для арендаторовъ остальной Ирландіи.

Положеніе ирландскихъ арендаторовъ, кромѣ всѣхъ указанныхъ условій, подвергалось измѣненіямъ въ соотвѣтствіи съ перемѣною формъ сельскаго хозяйства. До 60-хъ годовъ XVIII вѣка хлѣбъ былъ въ цѣнѣ, а вслѣдствіе этого положеніе арендаторовъ было сносно, чѣмъ въ слѣдующій періодъ до начала войны съ Франціей. Вслѣдствіе увеличивавшагося спроса на скотъ въ Англии, въ Ирландіи съ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія развивается скотоводство на счетъ хлѣбопашества и арендаторы изгоняются

съ занимаемыхъ ими земель, для того чтобы дать мѣсто лугамъ и пастбищамъ. Съ 1793 года — съ началомъ войны съ Франціею — по 1816 годъ и нѣсколько далѣе, благодаря тому, что въ Англіи идетъ развитіе мануфактурнаго дѣла на счетъ земледѣльческой промышленности, что ввозъ хлѣба изъ другихъ странъ (Польши преимущественно) сокращается, что хлѣбные законы еще болѣе стѣсняли ввозъ хлѣба, хлѣбъ опять стоитъ въ цѣнѣ и число арендаторовъ снова увеличивается и рядомъ съ этимъ — число изгнаний ихъ уменьшается. Въ слѣдующій затѣмъ періодъ и особенно позднѣе въ 40-хъ годахъ широко прилагается правило Катона, по которому, чтобы быть хорошимъ хозяиномъ, нужно заниматься скотоводствомъ, чтобы быть посредственнымъ хозяиномъ, нужно заниматься скотоводствомъ и чтобы быть плохимъ хозяиномъ, нужно опять таки заниматься скотоводствомъ. Вслѣдствіе широкаго приложенія этого правила число изгнаний арендаторовъ все увеличивается и увеличивается, а мѣста ихъ домовъ и фермъ занимаютъ пастбища и стада рогатаго скота.

Такія поземельныя отношенія естественно вызвали протестъ со стороны населенія, доводимаго до крайней нужды и сохраняющаго, однако, свои старыя представленія, въ силу которыхъ арендаторъ считалъ себя собственникомъ обрабатываемой имъ земли, протестъ противъ гнета лэндлорда и всей системы англійскаго господства. Протестъ этотъ выражался въ появленіи разбойничьихъ шаякъ и тайныхъ народныхъ союзовъ. Частныя причины, вызывавшія эти шайки и союзы, были различны. Такъ, въ Мунстерѣ шайки „Уайтъ Боевъ“ (White Boys) появлялись въ 60-хъ и 80-хъ годахъ XVIII вѣка подъ вліяніемъ нестерпимаго гнета посредниковъ (Middlemen); въ Ульстерѣ шайки „Дубовыхъ ребятъ“, „Стальныхъ сердецъ“ вызваны были введеніемъ натуральныхъ повинностей и превращеніемъ пашенъ въ луга въ Доннегалѣ. Различныя названія народныхъ союзовъ скрывали, однако, подъ собою одно и то же явленіе. Всѣ названныя шайки и союзы нападали на фермы лэндлордовъ; портили хозяйственныя орудія, увѣчили скотъ, рѣдко убивали людей, но часто подвергали мидльменовъ разнымъ мученіямъ и плохимъ шуткамъ. То они бросали ихъ въ ямы, наполненныя терномъ, то раздѣвали до нага, вымазывали ихъ смолой и вываливали въ перьяхъ и т. п. Такъ или иначе, однако, не смотря на различіе названій и способовъ дѣйствій, всѣ эти движенія были аграрными и были протестомъ обездоленнаго ирландца противъ обездолившаго его англійскаго господства. Вслѣдствіе этого лица,

принадлежавшія къ названнымъ союзамъ, пользовались сочувствіемъ народной массы и въ немъ почерпали свою силу. Для преслѣдованія ихъ силою закона нельзя было найти, какъ вы уже знаете, ни свидѣтелей, готовыхъ показать противъ нихъ, ни присяжныхъ, чтобы произнести приговоръ.

Аграрныя движенія сопровождаютъ собою исторію Ирландіи и въ XIX стол., то усиливаясь, то ослабѣвая, сообразно колебаніямъ въ экономическомъ положеніи страны. Англійское правительство долго не видитъ иныхъ средствъ борьбы съ ними, кромѣ исключительныхъ законовъ, которыми вводятся въ Ирландію порядки, какъ разъ противоположные по своимъ принципамъ тѣмъ, которые признаются англійскимъ обществомъ для себя за условіе *sine qua non* гражданской жизни. Такихъ исключительныхъ законовъ для Ирландіи было издано тридцать три въ періодъ времени съ 1800 по 1860 г. Обращикомъ этихъ законовъ могутъ служить слѣдующіе §§, взятые нами изъ закона 1846 года:

§ 15. Кто окажется внѣ своего жилища чрезъ часъ послѣ заката солнца, можетъ быть арестованъ и содержимъ подъ арестомъ впредь до суда.

§ 16. Кто будетъ арестованъ въ подобномъ случаѣ, можетъ быть наказанъ пятнадцатью годами ссылки, если онъ не докажетъ, что онъ вышелъ по дѣлу, дозволенному закономъ. §§ 7, 9, 10 и 13 гласятъ, что въ случаѣ убійства уплачивается денежное вознагражденіе родственникамъ убитаго; оно составляется посредствомъ сбора съ арендаторовъ данной мѣстности. Полицейскіе секвеструютъ движимость арендаторовъ, отказывающихся платить сборъ. Какъ видите, этотъ законъ напоминаетъ намъ дикую виру Русской Правды, но только въ гораздо болѣе жестокомъ видѣ. Не забудьте притомъ, что время Русской Правды очень далеко отъ насъ, между тѣмъ какъ только что приведенныя постановленія издаются въ концѣ первой половины XIX в. парламентомъ, который стоитъ за то, чтобы никто изъ англичанъ не былъ наказанъ безъ суда, не былъ лишенъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Съ другой стороны, въ противность элементарнымъ юридическимъ понятіямъ, этотъ законъ вводитъ презумпцію виновности подсудимаго и требуетъ отъ него доказательствъ его невинности. Самая многочисленность исключительныхъ законовъ доказываетъ ихъ бессиліе; иначе оно и быть не могло. Они не устраняли причины зла, а старались только прекратить проявленіе его дѣйствій. Сами они въ свою очередь служили иногда поводомъ къ злоупотребленіямъ

вопіющаго свойства. Такъ, судья Флетчеръ заявлялъ, что въ 1814 году нѣкоторые лэндлорды пользовались закономъ о ссылкѣ для того, чтобы отдѣлаться отъ своихъ арендаторовъ, спровадивъ ихъ въ ссылку въ колоніи. Такіе случаи бывали и позднѣе.

Если мы поставимъ себѣ вопросъ о томъ, отчего англійское правительство не производитъ никакихъ улучшеній въ поземельныхъ отношеніяхъ Ирландіи, то отвѣтомъ на него можетъ служить указаніе на аристократическій характеръ парламента. Большинство членовъ его были представителями поземельной аристократіи; одни изъ нихъ не понимали, а другіе не хотѣли понять,— потому что это было не выгодно для нихъ,— почему фермерскіе порядки Англии, будучи пересажены на ирландскую почву, вызываютъ неудовольствіе и приводятъ къ плачевнымъ результатамъ.

Наконецъ дѣло дошло до остраго кризиса. Голодь 1846 — 47 гг. привелъ къ этому кризису. 250,000 человекъ погибло въ эту роковую зиму. Если мы вспомнимъ, что въ войну 1877 — 78 гг. мы потеряли 200,000 человекъ, то громадность въ смертности Ирландіи предстанетъ передъ нами во всемъ своемъ ужасающемъ размѣрѣ. Рядомъ съ упадкомъ благосостоянія страны, изгнанія фермеровъ принимаютъ гигантскіе размѣры. Съ 1841 по 1851 годъ только однихъ домовъ арендаторскихъ разрушено 269,253. Кто могъ,—искали спасенія въ бѣгствѣ и переселялся въ Америку, покидалъ родину, гдѣ жить стало не въ моготу, унося съ собою ненависть противъ притѣснителей и жажду мщенія. Въ 1841 году населеніе Ирландіи равнялось 8.200,000 человекъ, къ 1851 г. оно уменьшилось до 6¹/₂ милліоновъ, а десять лѣтъ позже оно сократилось еще на полъ милліона, и въ 1860 г. составляло только 6 милліоновъ человекъ. Подобнаго факта (безъ участія войны) мы не найдемъ въ другихъ странахъ, сколько бы мы не искали; такое уменьшеніе населенія по истинѣ ужасно, если только подумать о той безднѣ человѣческихъ страданій, которая скрывается за нимъ.

Въ прежнее время бѣдствія ирландцевъ считали классическимъ примѣромъ для объясненія дѣйствія закона Мальтуса. Считалось достаточнымъ сопоставить многочисленность ирландскихъ семействъ съ бѣдствіями народа, чтобы прійти къ выводу, что населеніе переросло производительныя силы страны и что поэтому излишекъ его долженъ погибнуть и погибаетъ, такъ сказать, на законномъ основаніи. Не говоря о томъ, что самый законъ Мальтуса подвергся значительнымъ поправкамъ и ограниченіямъ, неправильность ²указаннаго вывода не подлежитъ сомнѣнію. Если бы,

въ самомъ дѣлѣ, въ Ирландіи было естественно перенаселеніе, то, конечно, съ такимъ непомѣрнымъ уменьшеніемъ числа жителей, какое указано выше, должно было бы поправиться благосостояніе оставшейся части населенія. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ совершенно противное. Возникающія отсюда недоразумѣнія разрѣшаются тѣмъ, что бѣдствія ирландскаго народа происходили вовсе не отъ естественнаго перенаселенія, а отъ искусственнаго, производимаго сокращеніемъ площади пахатной земли и превращеніемъ ея въ луга и пастбища. Парламентская коммиссія, производившая изслѣдованія поземельныхъ отношеній и окончившая свои занятія въ 1881 г., представляетъ въ своихъ протоколахъ богатый матеріалъ для подкрѣпленія этого положенія. По собраннымъ даннымъ оказывается, что изъ 15 милліоновъ акровъ удобной земли 11 милліоновъ обращены въ луга и пастбища, предназначенные для откармливанія скота, потребляемаго англійскими рынками. Вообще замѣчено, что въ Ирландіи увеличеніе рогатаго скота и барановъ идетъ соразмѣрно съ уменьшеніемъ народонаселенія; а вмѣстѣ съ этимъ проявляются со стороны англичанъ особенно нѣжныя чувства къ скотамъ. Такъ, напр., за увѣчье барана налагался штрафъ въ 35 шиллинговъ. Перро приводитъ слѣдующій фактъ, относящійся къ 1858 году: однажды во время сильной мятели пропало 40 барановъ. Полисмены выгнали фермеровъ ночью, въ мятель, розыскивать ихъ. Барановъ то нашли, но одного фермера не доискали: онъ былъ найденъ послѣ замерзшимъ въ сугробахъ снѣга. Статистическія данныя доказываютъ, что въ то время, какъ населеніе Ирландіи уменьшилось съ 1850-го по 1880-й годъ на 40%, количество скота крупнаго возросло на 34%, количество овецъ увеличилось на 100%, количество пахатной земли сократилось на 28%, а площадь луговъ увеличилась на 40%¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что перенаселеніе Ирландіи есть мифъ, измышленный, сознательно или безсознательно — это все равно, — для объясненія ужасающихъ явленій, виновникомъ которыхъ является созданное социальное устройство. Однажды, когда призвали присяжныхъ констатировать смерть одного умершаго съ голоду и опредѣлить причину смерти, они въ своемъ приговорѣ заявили, что признаютъ англійское правительство и королеву Викторію виновниками смерти несчастнаго.

¹⁾ Зиберъ. Аграрный вопросъ въ Ирландіи (Юридическій Вѣстникъ 1882 г. № 9).

Положеніе ирландскихъ арендаторовъ во второй половинѣ XIX стол. въ главныхъ чертахъ остается въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было въ XVIII в. Но только теперь мы знаемъ о немъ больше подробностей, а потому самая картина становится болѣе яркою и живою. Какъ и прежде, лэндлорды не живутъ въ Ирландіи и главное значеніе въ судьбѣ арендаторовъ играютъ посредники. Они отличаются обыкновенно взяточничествомъ до такой степени беззащитнымъ и открытымъ, что при первомъ же разговорѣ съ арендаторомъ спрашиваютъ его: „сколько вы мнѣ заплатите“?

Въ книгѣ Перро ¹⁾ мы находимъ таблицу взятокъ посредниковъ въ графствѣ Кэри лорда Друмонда. Изъ нея оказывается, напримеръ, что арендаторы, платящіе 9 и 14 фун. аренды, платятъ 7 фун. стерлинговъ въ видѣ взятки посреднику. Часто посредникъ выгоняетъ арендатора только потому, что кто нибудь предлагаетъ ему взятку за то, чтобы онъ уступилъ ему данный участокъ земли и выгнать бы настоящаго ея владѣльца. Вообще право изгнанія практиковалось до настоящаго десятилѣтія въ очень широкихъ размѣрахъ. Цѣлая іерархія лицъ занята этимъ дѣломъ. Прежде всего дѣйствуетъ process-server, родъ пристава, разносящаго арендаторамъ повѣстки объ ихъ изгнаніи. За нимъ слѣдуетъ драйверъ (driver), обязанность котораго заключается въ фактическомъ извлеченіи арендатора изъ его жилища. Въ помощь ему поступаютъ солдаты такъ называемой ломовой бригады (crowbar-brigade), которые разрушаютъ дома, сравниваютъ ихъ съ землею для того, чтобы на мѣстѣ жительства несчастнаго арендатора можно было развести пастбище для быковъ и барановъ. Численность ломовой бригады, назначеніе которой не созидать, а разрушать, довольно значительна. Въ 50-хъ годахъ она составляла 12,000 человекъ, расположенныхъ въ казармахъ лэндлордовъ. Число солдатъ ломовой бригады, расположенныхъ у даннаго лэндлорда, находится въ прямой пропорціи не съ обширностью его владѣній, а съ степенью жестокости владѣльца, а также и съ существованіемъ помѣщений для солдатъ. Но помѣщеніе легко найти: стоитъ только выгнать арендаторовъ, имѣющихъ сносные дома, и вотъ казармы готовы. Но какъ же такъ, спросите вы, кѣмъ выстроены эти дома? Выстроены они арендаторами. Я вижу недоумѣніе, вызываемое этимъ отвѣтомъ, но я сейчасъ разъясню его; а для этого мнѣ нужно пе-

¹⁾ Le bill des tenanciers. Paris 1859.

рейти къ разсказу о томъ, что дѣлалось со всѣми улучшеніями, произведенными на землѣ лэндлорда арендаторами.

Покоря Ирландію и конфискуя ея земли, англичане ввели туда феодальное понятіе о поземельной собственности. По этому понятію все устроенное на землѣ кѣмъ бы то ни было принадлежить землѣ, а чрезъ нее—ея собственнику. (*Quiquid solo plantatur, solo adquiritur*). Вслѣдствіе этого всѣ улучшения, сдѣланныя фермеромъ, а также и постройки, возведенныя имъ на землѣ лэндлорда, принадлежать послѣднему, и при оставленіи фермы арендаторъ не имѣеть права заявлять на нихъ какія бы то ни было притязанія. Это правило прилагается фактически не только къ незначительнымъ постройкамъ или улучшениямъ, но и къ такимъ, которыя потребовали затраты значительнаго капитала. Въ 1859 г. въ Мильфордѣ, въ графствѣ Доннегаль, арендаторъ Джонъ Левэнсъ построилъ домъ, стоимостью въ 1,000 фун. ст., не выговоривъ себѣ права получить за это какое либо вознагражденіе со стороны лэндлорда. Когда землевладѣлецъ лордъ Лейтримъ изгналъ его, то, не смотря на всѣ просьбы Левэнса, онъ ему не заплатилъ ни одного пенни въ возмѣщеніе сдѣланныхъ расходовъ. Другой случай: на западномъ берегу Ирландіи арендаторы воздѣлали часть морскаго берега, построили цѣлое поселеніе Кильки, ставшее, благодаря ихъ труду и затратамъ, любимымъ мѣстомъ морскихъ купаній. Когда съемщикъ земель, заключившій съ ними контрактъ, умеръ, то главный землевладѣлецъ маркизь Коннингемъ тотчасъ же установилъ арендную плату, равную полной стоимости всѣхъ улучшеній (повышеніе вышло примѣрно процентовъ на 700) и, не довольствуясь этимъ, уничтожилъ значительную часть этого городка, уменьшилъ народонаселеніе его съ 1879 до 950 душъ, а остальныхъ пустилъ странствовать по Ирландіи или выселяться въ Америку. По этому поводу Джонъ Стюартъ Милль замѣчаетъ: „Чего нельзя ожидать отъ людей, которые имѣли энергію и предприимчивость создать цвѣтушій городъ подъ опасеніемъ быть ограбленными? Но за то могутъ ли ожидать сочувствія и уваженія люди, пользующіеся дурнымъ закономъ для совершенія того, что нравственною признается за грабежъ“? То же самое происходитъ и со всѣми улучшениями, сдѣланными арендаторами въ почвѣ. Они конфискуются путемъ немедленнаго повышенія арендной платы. Такъ, напр., болотные округа Типперари были превращены въ пашни арендаторами и до этого не имѣли для ихъ владѣльцевъ ровно никакого интереса. Но какъ только получилась съ нихъ

первая жатва, какъ назначена была аренда въ 2¹/₂ шиллинга съ акра. Священникъ Браунъ засвидѣтельствовалъ предъ парламентскою комиссіею 1881 г., что онъ не знаетъ въ Коннаутѣ и тысячи акровъ земли, которые были бы улучшены самими лэндлордами. Напротивъ того, онъ знаетъ очень много фермеровъ, улучшившихъ занимаемые ими участки и поплатившихся возвышеніемъ арендной платы за слишкомъ довѣрчивое отношеніе къ чувству справедливости землевладѣльцевъ. Показанія на этотъ счетъ, данныя въ упомянутой парламентской комиссіи, настолько многочисленны и единодушны, что не допускаютъ никакого сомнѣнія въ своей справедливости. Недавно еще членъ парламента Фрай, человекъ весьма умѣренный, посѣтилъ знаменитый отнынѣ округъ Глэнбей. По словамъ его, онъ долженъ сознаться, что жители этой мѣстности ближе въ голоданію, нежели къ возможности уплатить ренту, что земля тамъ не давала бы вовсе ренты, если бы землевладѣльцы не прилагали къ ней значительнаго труда. Членъ парламента Эллисъ заявилъ, что онъ видѣлъ выгнанныхъ фермеровъ, которые въ два поколѣнія сдѣлали на своей землѣ улучшения, цѣнность которыхъ не менѣе 700 фун. стерл. При такихъ порядкахъ не удивительно, что англійское господство въ Ирландіи вызываетъ такъ много ненависти и ожесточенія!

Насколько многочисленны изгнанія фермеровъ, настолько разнообразны мотивы этихъ изгнаній. Иногда они были религіозными. Такъ, напримѣръ, въ 1858 году былъ слѣдующій случай: двѣ дочери лорда Плонкета, епископа Туама, Луиза и Екатерина начали, изъ религіозной ревности, пропагандировать протестантизмъ между арендаторами земель ихъ отца и такъ имъ надоѣли своими приставаніями, что одинъ изъ нихъ пригрозилъ имъ. Послѣ того барышни Плонкетъ оставили ихъ въ покоѣ, но за то явился process-server, принесшій 60 семействамъ повѣстки объ ихъ изгнаніи съ земель епископа. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ суровую зиму. Ни просьбы, ни мольбы арендаторовъ не тронули жестокосердаго представителя высокой церкви. Если его намѣреніе не было приведено въ исполненіе, то только потому, что его остановилъ рѣзкій и единодушный протестъ англійскаго общественнаго мнѣнія, которое въ данномъ случаѣ было возмущено его жестокостью.

Нерѣдко были случаи изгнаній фермеровъ вслѣдствіе попытки ихъ подавать свой голосъ во время выборовъ по собственному убѣжденію, независимо отъ воли лэндлорда. Такъ, напримѣръ, въ

октябрѣ 1859 года депутатъ парламента Вайнъ (Wynne) приказалъ выгнать множество семействъ арендаторовъ, вотировавшихъ несогласно съ его желаніемъ. При исполненіи этого повелѣнія происходили возмущающія душу сцены. Одинъ изъ арендаторовъ Флинъ явился къ агенту Вайна съ просьбой повременить его изгнаніемъ, такъ какъ его жена опасно больна. На это агентъ ему отвѣчалъ: намъ нѣтъ никакого дѣла до вашей жены, намъ нуженъ вашъ домъ. Тогда несчастный фермеръ бросается къ доктору, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, что эту больную женщину нельзя вынести изъ комнаты, не подвергая ея жизни опасности. Но и свидѣтельство доктора не останавливаетъ агента. Больную женщину выносятъ съ кроватью на улицу зимою, и чрезъ нѣсколько часовъ она скончалась. Депутатъ Брадло рассказывалъ недавно въ палатѣ депутатовъ подобный же случай изъ своихъ воспоминаній. „Въ 1851 году, — говоритъ онъ, — въ очень холодный зимній день мнѣ пришлось, какъ рядовому, участвовать въ командѣ, назначенной выгнать жителей изъ мѣстности за нѣсколько миль отъ Бэллинколича. Дома были сравнены съ землею, а не сожжены. Немного усилій понадобилось, чтобы сравнять ихъ съ землею; никакой джентльменъ Ирландіи, имѣющій собакъ, не помѣстилъ бы ихъ въ такихъ лачугахъ. Одна женщина бросилась на колѣни предъ капитаномъ, умоляя его остановить выселеніе, такъ какъ въ одномъ изъ домовъ мужъ ея лежалъ больной. Капитанъ не имѣлъ права дать отсрочку, не смѣлъ противиться инструкціямъ, а судебный агентъ торопился въ Дублинъ. Больного вынесли изъ дому, и онъ вскорѣ послѣ этого умеръ. Двѣ ночи послѣ того я стоялъ на часахъ у воротъ казармы и при смѣнѣ я и нѣкоторые мои товарищи драгуны услышали невдалекѣ стоны. Мы пошли туда и нашли эту самую женщину, лежащую съ мертвымъ ребенкомъ, прижатымъ къ груди“.

Превращеніе въ силу тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ соображеній пашень въ луга и пастбища служило прежде и служить теперь чаще всего причиною изгнанія фермеровъ. Выше было указано, какъ велико было въ послѣднее время сокращеніе площади обрабатываемой земли и какъ велико было развитіе скотоводства.

Наконецъ, несоблюденіе правилъ, установленныхъ лэндлордомъ является четвертымъ мотивомъ изгнанія арендаторовъ. Правила, существующія во владѣннй лэндлорда, не только произвольны, но нерѣдко напоминаютъ собою порядки крѣпостного права.

Такъ, на примѣръ, во владѣніи лорда Ландсдоуна существовало правило, запрещавшее арендаторамъ жениться. Во владѣніяхъ лорда Доннагморра не далѣе какъ 5 лѣтъ тому назадъ еще существовало правило, по которому дочери фермеровъ могли выходить замужъ только за сыновей фермеровъ, жившихъ въ его же владѣніяхъ. Недавно тамъ былъ случай изгнанія фермера со всей его семьей за то только, что дочь его вышла замужъ за арендатора, живущаго въ одной милѣ разстоянія отъ владѣній Доннагморра.

Если право изгнанія составляетъ величайшее зло въ поземельныхъ отношеніяхъ Ирландіи, то не меньшимъ тормазомъ благосостоянія этой страны является произвольное возвышеніе ренты. Возвышенія эти являются результатомъ или сдѣланныхъ самимъ же фермеромъ улучшеній, или же вслѣдствіе усиливающейся конкуренціи арендаторовъ, изгнанныхъ изъ своихъ участковъ и столпившихся на, небольшомъ пространствѣ земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остающаяся подъ пашнею площадь составляетъ, какъ мы видѣли выше, лишь третью часть того, что обрабатывалось лѣтъ тридцать тому назадъ. Не имѣя возможности заняться никакимъ другимъ дѣломъ, ирландецъ стремится раздобыть во что бы то ни стало кусокъ земли и готовъ обѣщать за нее какую угодно плату. Онъ знаетъ хорошо, что остаться безъ земли — это значитъ остаться безъ куска хлѣба. Насколько высоки ирландскія ренты, свидѣтельствуетъ фактъ сообщенный членомъ парламента Элиссомъ, посѣтившимъ осенью прошлаго года нѣкоторые округа Ирландіи. По его словамъ правительственная комиссія во многихъ случаяхъ уменьшила ренту съ 80 фун. ст. на 37 ф., съ 42 — на 19; въ одномъ случаѣ рента была низведена съ 232 фун. на 73 ф. Спрашивается, какой доходъ могли получать фермеры, вынужденные платить землевладѣльцамъ аренду вдвое и втрое большую противъ той, какую бы они должны были платить даже по казенному расчету. Членъ парламента шотландецъ Лайэль замѣтилъ, что шотландскіе фермеры расхотались бы въ глаза лэндлорду, который потребовалъ бы съ нихъ такую ренту, какую назначаютъ въ Ирландіи. Что касается возвышенія ренты въ силу сдѣланныхъ улучшеній, то объ немъ мы имѣемъ свидѣтельство инспектора церковныхъ имѣній О'Бріена Мурроу, который приводитъ такого рода поучительный примѣръ: фермеръ платилъ небольшую ренту за пустошь, но когда онъ ее обработалъ, то его заставили десять лѣтъ платить вдвое, а потомъ и совсѣмъ прогнали, заплативъ ему только 60 фун. за сдѣланныя улучшенія. На вопросъ членовъ парламентской комиссіи,

не представляется ли этотъ случай исключительнымъ, О'Бриенъ Мурроу отвѣчалъ, что возвышеніе ренты за сдѣланныя улучшенія распространено весьма сильно. „Мы слишкомъ утомили бы вниманіе читателя,—говорить профессоръ Зиберъ въ своей статьѣ „Аграрный вопросъ въ Ирландіи“,—если бы стали приводить полный списокъ всѣхъ показаній относительно повышенія ренты лэндлордомъ соответственно улучшеніямъ фермера. Очевидно, что повышеніе это представляетъ просто на просто господствующую систему въ Ирландіи, и потому неудивительно, что оно служитъ предметомъ глубокаго недовольства со стороны народа, недовольства, выражающагося въ аграрныхъ преступленіяхъ, бойкотированіи и тому подобныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ“.

Мы описали, насколько это было возможно въ предѣлахъ одной лекціи, условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать ирландскому земледѣльцу. Удивительно ли будетъ, что, знакомясь съ образомъ его жизни, мы встрѣтимся съ такимъ минимальнымъ удовлетвореніемъ насущныхъ человѣческихъ потребностей, съ какимъ едва ли можно встрѣтиться даже въ наиболѣе бѣдныхъ странахъ. Жилище земледѣльца, за немногими исключеніями, представляетъ собою избушку, стѣны которой сдѣланы изъ земли и нерѣдко превращаются въ грязь въ особенно сырую погоду; полъ земляной; окна крошечныя; двери также; мебель почти отсутствуетъ, а иногда ея и признаковъ нѣтъ. Вся семья валяется на полу, еле-еле прикрытомъ топкимъ слоемъ соломы. Въ графствѣ Кэри существуютъ цѣлыя поселенія на болотѣ. Каждый домъ, по словамъ профессора Балдуина, превосходно изучившаго страну при помощи непрерывныхъ разѣздовъ и детальнахъ изслѣдованій, состоитъ изъ торфяныхъ стѣнъ около двухъ футовъ толщины; высота стѣнъ не превышаетъ трехъ футовъ, такъ что, войдя въ хижину, профессоръ долженъ былъ нагнуться; вышина отверстія была ниже его роста не менѣе, чѣмъ на два фута; полъ хижины колебался подъ ногами; они жили на живомъ болотѣ, въ прошлую ночь была буря и цѣлая крыша одной изъ хижинъ провалилась внутрь. Въ хижинѣ не было ни стола, ни стула, ни кухонной посуды, кромѣ стараго горшка; не соблюдена ни одна пристойность жизни. Всѣ хижины были одного типа. „Невозможно для цивилизаціи стоять ниже этого“,—заявилъ профессоръ предъ комиссіей. Платье и пища ирландца находятся въ соответствіи съ его жилищемъ. Платье—жалкія лохмотья, пища—картофель печеный въ золѣ, немного кукурузной похлебки—вотъ и весь

его незатѣйливый столъ. Мясо онъ употребляетъ не болѣе двухъ разъ въ годъ, или же вовсе не видитъ его. Малѣйшее колебаніе въ урожаѣ лишаетъ арендатора и этой убогой пищи. Но и каждый годъ съ конца зимы и до того времени, когда поспѣетъ картофель, семья ирландскаго арендатора живетъ впроголодь. Въ Ирландіи даже различаются два рода голоданія: голоданіе медленное и голоданіе скорое. Первое происходитъ при нормальныхъ условіяхъ, а второе при неурожаѣ.

Но есть въ Ирландіи классъ людей, которые вынуждены довольствоваться еще меньшимъ, чѣмъ довольствуются арендаторы. Это — земледѣльческіе рабочіе. Они не составляютъ въ Ирландіи такого многочисленнаго класса, какъ въ Англіи, но положеніе ихъ по истинѣ ужасно. Въ вознагражденіе за свой трудъ они получаютъ около 3-хъ шиллинговъ (рубля полтора) въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ. Пища, которую они получаютъ отъ хозяина, состоитъ изъ кукурузной похлебки, даваемой имъ два раза въ день. Живутъ они обыкновенно въ какихъ нибудь заброшенныхъ строенияхъ, платя за нихъ три фунта въ годъ наемной платы. На вопросъ парламентской комиссіи: строятъ ли рабочіе себѣ коттеджи и гдѣ они помѣщаются, свидѣтель отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, чтобы рабочіе строили себѣ коттеджи, и что они помѣщаются иногда по нѣсколько семействъ въ старомъ коровникѣ, который сталъ негоднымъ для коровъ.

Какъ ни тяжело бываетъ положеніе человѣка, оно выносится легче, когда съ нимъ не соединено сознаніе нарушеннаго права. Но если человѣкъ терпитъ бѣдствіе и притѣсненіе, сознавая при этомъ, что право не только не находится на сторонѣ притѣснителей, но, напротивъ, находится на сторонѣ его, притѣсняемаго, то запасъ терпѣнія истощается гораздо скорѣе и протестъ проявляется съ большею силою. Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь не о писанномъ правѣ, а о томъ, которое вытекаетъ изъ совокупности возрѣній и понятій даннаго народа. Ирландцы со времени покоренія ихъ англичанами находились именно въ такомъ положеніи. Они имѣли свои понятія о поземельной собственности, о правѣ наслѣдства, о правѣ пользованія землей и т. д. Всѣ эти возрѣнія прямо противоположны тѣмъ отношеніямъ, которыя введены были въ Ирландію со времени англійскаго завоеванія. Между тѣмъ до настоящаго времени англичанамъ не удалось вытравить въ ирландцахъ памяти о законахъ брегоновъ и вообще древнія правовыя традиціи. Протоколы парламентской

комиссії 1881 года свидѣтельствуютъ лучше всего о томъ, что ирландцы имѣютъ и до сихъ поръ воззрѣнія на землю и на отношенія къ ней совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыя признаются англійскими лэндлордами. Такъ, одинъ изъ фермеровъ говоритъ: „Я смотрю на землю, какъ на собственность государства или общества въ цѣломъ, совмѣщающую многіе интересы и различныя свойства — высшія и низшія, соотвѣтственно нынѣшней системѣ земледѣлія“. Священникъ Браунъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что ирландцы и до сихъ поръ помнятъ законы брегоновъ и что онъ самъ видѣлъ арендаторовъ, которые, умирая, дѣлали завѣщаніе, въ которомъ раздѣляли свои участки между своими дѣтьми такъ, какъ будто бы они составляли ихъ собственность и какъ будто англійскаго законодательства вовсе не существовало. Не входя въ разборъ честностей, скажемъ только, что ирландцы всегда признавали и признаютъ за арендаторомъ право владѣть участкомъ, пока онъ аккуратно платитъ справедливую ренту, а никакъ не могутъ взять въ толкъ право лэндлорда прогнать его по произволу. Равнымъ образомъ, всѣ они признаютъ право арендатора на сдѣланныя имъ улучшенія и постройки, а потому конфискацію ихъ лэндлордами считаютъ вопіющимъ нарушеніемъ своего права. Наконецъ, всѣ они считаютъ необходимымъ, чтобы рента не была повышаема по произволу и чрезмѣрно. При такой противоположности между воззрѣніями ирландскаго народа и практикою англійскихъ лэндлордовъ, ненависть перваго къ послѣднимъ становится совершенно естественною и понятной. Прибавимъ сюда еще національную вражду, которая составляетъ слѣдствіе долговременной борьбы двухъ народностей.

Принимая въ расчетъ все сказанное раньше объ отношеніяхъ Ирландіи и Англій, можно будетъ прійти къ заключенію, что аграрныя движенія ирландцевъ всегда находились въ связи съ національною враждою и политическими тенденціями, и что, съ другой стороны, политическіе протесты ирландцевъ находили для себя всегда удобную почву въ невозможныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Движенія 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, направленные къ тому, чтобы возстановить самостоятельный ирландскій парламентъ и такъ сказать, отозвать актъ уніи (gereal), равно какъ и теперешнее движеніе Home-rule, стремящееся къ автономіи Ирландіи, находились и находятся въ тѣсной связи съ аграрными движеніями. Равнымъ образомъ революціонная дѣятельность партіи „Молодой Ирландіи“, смѣнившей собою партію gereal'я, а также дѣятельность

феніевъ, идущая параллельно съ стремленіями партіи самоуправленія (Home-rule) находили всегда благодарную почву для своей пропаганды въ бѣдственномъ положеніи и въ враждебномъ къ англичанамъ настроеніи ирландскаго арендатора.

Сила дѣятельности всѣхъ упомянутыхъ партій указала англійскому правительству ту опасность, которая можетъ заключаться для Англіи въ сильномъ недовольствѣ ирландцевъ. Бѣдствія 40-хъ и 50-хъ годовъ достигли такихъ огромныхъ размѣровъ, что не видѣть или отрицать ихъ сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ. Съ другой стороны, составъ парламента послѣ реформы 30-хъ годовъ становился все болѣе и болѣе демократичнымъ, а послѣ февральской революціи демократическое движеніе въ Англіи съ каждымъ годомъ все болѣе выигрывало почву. Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, сдѣлали то, что ирландскій вопросъ сталъ теперь на очередь. Въ 1860 году парламентомъ принятъ билль Кордуэля. Этотъ билль стремится упорядочить ирландскія земельныя отношенія на началахъ свободнаго договора и поставить ирландскаго фермера въ такое положеніе, на примѣръ, въ какомъ стоитъ къ землевладѣльцу фермеръ французскій или англійскій. Съ этою цѣлью законъ дѣлаетъ обязательнымъ письменный договоръ между лэндлордомъ и арендаторомъ, а гдѣ такового (договора) нѣтъ, онъ признаетъ существованіе молчаливаго соглашенія между обѣими сторонами. Эта попытка потерпѣла полнѣйшую неудачу, такъ какъ предполагать свободу договора тамъ, гдѣ одной изъ сторонъ некуда дѣваться, совершенно не рационально, а потому непремѣнное требованіе заключенія письменнаго договора нисколько не помогало арендатору; оно не гарантировало его ни отъ высокой ренты, ни отъ изгнанія. Единственнымъ шагомъ впередъ, дѣлаемымъ закономъ Кордуэля, было признаніе за арендаторомъ права требовать вознагражденіе за тѣ улучшенія, которыя сдѣланы имъ съ согласія лэндлорда. Неудивительно поэтому, что законъ 1860 года не удовлетворилъ ирландцевъ и аграрная агитація продолжала расти. Наконецъ, въ 1870 году Гладстонъ ставитъ аграрный вопросъ на настоящую дорогу. Не возлагая никакихъ надеждъ на цѣлительныя свойства свободнаго договора, Гладстонъ рѣшается дать мѣсто государственной власти въ урегулированіи взаимныхъ отношеній лэндлорда и арендатора и впервые нарушаетъ абсолютное право поземельной собственности, подвергая нѣкоторымъ ограниченіямъ власть лэндлорда распоряжаться землей.

Приступая къ аграрному законодательству, Гладстонъ обра-

тиль вниманіе на существующіе обычаи и подмѣтилъ, что такъ называемыя ульстерскіе обычаи составляютъ идеаль арендаторовъ другихъ мѣстностей Ирландіи. Ранѣе мы говорили уже, что колонизація Ульстера была нѣсколько иною, чѣмъ колонизація Лейстера, Мунстера и Коннаута. Вслѣдствіе этихъ особенностей тамъ поземельныя отношенія сложились гораздо болѣе благопріятно для арендаторовъ. Существенныя черты этихъ отношеній заключаются въ слѣдующемъ: лэндлордъ можетъ изгнать арендатора только при неаккуратномъ исполненіи послѣднимъ своихъ обязанностей. Онъ не имѣетъ безусловнаго права возвышать ренту. Фермеръ, оставляя аренду, имѣетъ право продать свои арендаторскія права другому арендатору. Сумма, уплачиваемая новымъ арендаторомъ уходящему, считается какъ бы вознагражденіемъ за беспокойство, или чѣмъ то въ родѣ отступного. Лэндлордъ не имѣетъ права отказать новому арендатору въ допущеніи его къ арендѣ, если только онъ не завѣдомо несостоятельный человѣкъ. Въ случаѣ же отказа лэндлорда допустить новаго фермера, онъ самъ выплачиваетъ уходящему фермеру вознагражденіе за беспокойство и убытки. Гладстонъ положилъ въ основаніе своего закона 1870 года именно ульстерскій обычай и хотѣлъ ввести его цѣликомъ тамъ, гдѣ его не было. Ему не удалось, однако, привести свою мысль въ исполнѣніе, такъ какъ для англійскаго парламента предлагаемая мѣра была чрезчуръ большимъ новшествомъ.

Законъ 1870 года сохраняетъ за лэндлордомъ право изгонять фермера, но съ условіемъ вознагражденія его за ущербъ, произведенный несправедливымъ отнятіемъ аренды. Фермеру предоставляется право требовать вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія, хотя бы таковыя произведены были безъ согласія лэндлорда. Въ этихъ отношеніяхъ законъ 1870 г. представляетъ несомнѣнный прогрессъ, сравнительно съ закономъ Кордуэля. Слабая его сторона заключается въ томъ, что въ немъ нѣтъ постановленій, ограничивающихъ право возвышенія ренты и, напротивъ, значительно сокращено число случаевъ, въ которыхъ фермеръ можетъ получить вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія. Между прочимъ, при арендномъ контрактѣ въ 31 годъ лэндлордъ совершенно избавляется отъ обязанности вознаграждать фермера за сдѣланныя улучшенія. Мы видимъ такимъ образомъ, что законъ 1870 года не исполнѣніе защищаетъ арендатора отъ произвола лэндлорда. Намъ скажутъ: „вѣдь законъ 1870 года напоминаетъ хоть и слабо отношенія въ Ульстерѣ, которыя составляли предметъ вождѣленій для

прочихъ ирландцевъ“. Да, это такъ, но въ Ульстерѣ этотъ законъ могъ быть хорошъ, такъ какъ тамъ между арендаторомъ и лэндлордомъ нѣтъ ни національной, ни религіозной вражды и существуютъ обычаи, которые восполняютъ пробѣлы и недомолвки закона и служатъ ему поддержкой. Между тѣмъ въ остальныхъ частяхъ Ирландіи указанные пробѣлы закона 1870 года не только не восполнялись обычаями, но служили оружіемъ въ рукахъ лэндлордовъ противъ арендаторовъ. Вотъ почему законъ 1870 г. не только не успокоилъ аграрнаго движенія, но напротивъ усилилъ его, подавъ населенію надежду на возможность дальнѣйшаго улучшенія. Органомъ этихъ стремленій является аграрная лига, основателемъ которой былъ Мишель Дэвиль. Онъ былъ сыномъ бѣдныхъ фермеровъ. Когда онъ былъ еще въ колыбели, его отецъ былъ изгнанъ изъ своей фермы (зимою 1846—47 года). Дѣтскіе годы мальчика прошли подъ впечатлѣніемъ лишеній и нужды, которыя терпѣла его семья, прогнанная изъ своего гнѣзда. Образование свое онъ началъ въ воскресныхъ школахъ и продолжалъ его самостоятельнымъ чтеніемъ. Только большія способности и желѣзная энергія дали ему возможность пріобрѣсти столько свѣдѣній и развитія, что онъ выдвинулся впередъ между своими сотоварищами. Лишившись руки во время работы на фабрикѣ, онъ сдѣлался агентомъ страховой компаніи, а затѣмъ почтовымъ чиновникомъ. Но впечатлѣнія дѣтства сохранились въ его душѣ и онъ съ горячимъ сочувствіемъ относился къ бѣдствіямъ своихъ земляковъ и старался изыскать средства для улучшенія ихъ положенія. Онъ принималъ участіе во всѣхъ тайныхъ обществахъ, былъ адептомъ феніевъ тоже и даже былъ приговоренъ къ 15-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Отбывъ часть назначеннаго срока, онъ былъ уволенъ, такъ сказать, въ безсрочный отпускъ на свободу. Онъ составилъ планъ аграрной лиги, на подобіе той лиги, которую когда то образовалъ Кобденъ для борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ. Въ Ириштоунѣ, въ графствѣ Майо, состоялось первое собраніе лицъ, которыхъ Дэвиль пригласилъ, какъ учредителей общества. Аграрная лига повела свою агитацію открыто, пользуясь англійскимъ закономъ о свободѣ ассоціацій, и написала на своемъ знамени такъ называемую программу трехъ F: „Постоянство аренды“ (Fixity of tenure) „Справедливая рента“ (Fair rents) и „Свободная продажа“ (Free sale). Эта программа трехъ F требуетъ, слѣдовательно, закрѣпленія за арендаторомъ его фермы, обезпеченіе его отъ произвольной ренты и гарантірованія за нимъ права продавать свои фермерскіе права.

Такъ какъ въ законѣ 1870 года фермерское право въ принципѣ признано, то программа трехъ F является, слѣдовательно, требованіемъ дальнѣйшаго развитія въ приложеніи сказаннаго принципа. Очень скоро послѣ своего образованія аграрная лига разрослась весьма широко и сдѣлалась силою, съ которой приходилось считаться. Партія Home-rule, добываясь политической автономіи Ирландіи, поняла необходимость связать свое дѣло съ задачами аграрной лиги. Мишель Дэвитъ съ своей стороны считалъ необходимымъ соединиться съ вожаками Home-rule и предложилъ президентство въ аграрной лигѣ Парнеллю. Послѣ нѣкотораго колебанія Парнелль согласился, и съ этого момента (1879 г.) значеніе этого политическаго дѣятеля сдѣлалось громаднымъ. Его, какъ и О'Коннеля, можно назвать королемъ Ирландіи безъ короны. Но между этими двумя выдающимися дѣятелями Ирландіи XIX вѣка есть большая разница. О'Коннель — католикъ, Парнелль — протестантъ; О'Коннель — весь огонь, воспламеняющій массы своимъ горячимъ чувствомъ, Парнелль — хладнокровенъ, сдержанъ; всѣ члены палаты общинъ знаютъ его неподвижное лицо и стальной взоръ его никогда не смѣющихся глазъ. Онъ дѣйствуетъ на разумъ и всегда замѣчательно ловко пользуется обстоятельствами для достиженія своей цѣли. Взявшись за аграрную агитацію, онъ и его товарищи устраиваютъ каждый праздникъ митинги въ главныхъ городахъ Ирландіи, на которыхъ объясняютъ и толкуютъ со всѣхъ сторонъ программу трехъ F.

Развитіе дѣятельности аграрной лиги показало Гладстону, что оставлять ирландскія отношенія безъ реформъ столь же не благоразумно, сколько и не гуманно. Поэтому, восторжествовавъ на выборахъ 1880 года надъ консерваторами, онъ тотчасъ же взялся за разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Ирландіи. Впредь до окончательнаго регулированія дѣла, онъ предложилъ временный законъ о пріостановкѣ изгнаній фермеровъ слѣдующаго содержанія: Изгнаніе фермера пріостанавливается, если, во 1-хъ, неплатежъ ренты происходитъ по несостоятельности его; во 2-хъ, если арендаторъ готовъ войти въ соглашеніе на разумныхъ и справедливыхъ условіяхъ, и въ 3-хъ, если землевладѣлецъ, отвергая его предложенія, самъ не дѣлаетъ предложеній удобопріемлемыхъ. Палата лордовъ отвергла этотъ билль. На это рѣшеніе лордовъ аграрная лига отвѣтила по своему. Она рекомендуетъ не платить ренты вовсе или платить ее по казенной оцѣнкѣ 1826 г. Возставая затѣмъ противъ аграрныхъ преступленій, допущенныхъ членами лиги, Пар-

нелль порекомендовалъ средство борьбы, которое получило широкое распространеніе, а именно: бойкотированіе—своего рода отлученіе. Первый разъ это средство было употреблено противъ агента лорда Эр на — капитана Бойкота (откуда и названіе), который очень притѣснялъ фермеровъ. Окрестные жители, воспользовавшись совѣтомъ Парнелля, порѣшили прекратить всякія сношенія съ Бойкотомъ. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, онъ, какъ военный человекъ, приготовился выдержать осаду. Онъ запасся съѣстными припасами, вздумалъ было нанять себѣ и защитниковъ, но никто не согласился оказать ему ни малѣйшей услуги ни за какія деньги. Когда стали выходить у него съѣстные припасы, то купить ихъ въ окрестностяхъ оказалось рѣшительно невозможнымъ даже на вѣсь золота. Продержавшись нѣсколько недѣль, капитанъ Бойкотъ вынужденъ былъ капитулировать и подъ прикрытіемъ полиціи оставилъ свой домъ и удалился совсѣмъ изъ Ирландіи.

Средство это столь успѣшное, какъ показалъ первый опытъ, продолжало практиковаться и далѣе. Но во главѣ правительства стоялъ теперь человекъ недюженный, котораго волненія Ирландіи не сбили съ толку и не остановили его желанія улучшить положеніе арендаторовъ. Съ этой цѣлью Гладстонъ вноситъ новый поземельный билль, который и былъ утвержденъ парламентомъ въ 1881 году. Существенная черта этого послѣдняго поземельнаго закона заключается въ томъ, что въ отношеніяхъ между лэндлордами и арендаторами устанавливается такой же порядокъ, какой существуетъ въ отношеніяхъ акціонеровъ въ акціонерному предпріятію. Лэндлордъ перестаетъ быть абсолютнымъ собственникомъ земли, ибо его право распоряжаться ею подвергается существеннымъ ограниченіямъ. Съ другой стороны, арендаторы перестаютъ играть по отношенію къ землѣ роль квартирантовъ, которыхъ можно прогнать въ каждую минуту, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ контрактовъ. Они становятся совладѣльцами лэндлорда по отношенію къ землѣ, ибо законъ 1881 года признаетъ за ними извѣстное вещное право на землю. Изъ этого принципа вытекаютъ законодательныя опредѣленія, гарантирующія арендаторовъ отъ изгнанія и возвышенія арендной платы. По акту парламента 1881 г. лэндлордъ можетъ отнять землю арендатора только на основаніи, указанномъ въ законѣ. Далѣе, за фермеромъ формально признается право продажи своихъ фермерскихъ правъ третьему лицу, не спрашивая на то согласія лэндлорда. Если послѣдній не хотѣлъ бы допускать новаго фермера, то у него остается для исполненія своего

желанія одно только средство—заплатить фермеру ту сумму, за которую тотъ продаетъ свое право. Принимая, впрочемъ, во вниманіе и интересы лэндлорда, законъ гарантируетъ за нимъ право преимущественной покупки по цѣнѣ, предлагаемой другими. Гарантія фермера отъ произвольнаго возвышенія ренты заключается въ томъ, что фермеръ можетъ обратиться въ поземельную комиссію съ просьбою, чтобы она опредѣлила размѣръ ренты, которую онъ долженъ платить лэндлорду. Опредѣленный комиссіею размѣръ ренты остается неизмѣннымъ въ теченіе 15 лѣтъ. Всѣ эти постановленія закона относятся къ фермерамъ, которые взяли такъ называемое парламентское фермерское право. Взять же такое право можетъ каждый арендаторъ, бывший таковымъ до изданія акта 1881 года. Для того, чтобы считаться арендаторомъ съ парламентскими правами, нужно сдѣлать заявленіе въ поземельную комиссію о желаніи пользоваться правами, предоставленными арендаторамъ парламентскимъ поземельнымъ актомъ 1881 года, и комиссія выдаетъ просимое свидѣтельство безъ всякихъ затрудненій, если только проситель удовлетворяетъ вышеуказанному условію. Упомянутая нами поземельная комиссія состоитъ изъ трехъ несмѣняемыхъ лицъ, одно изъ которыхъ непременно должно быть юристомъ. Въ первый разъ они назначаются парламентомъ, а затѣмъ должны быть назначаемы королевою. На обязанности этой поземельной комиссіи лежитъ опредѣленіе размѣра ренты, которую долженъ платить фермеръ и, кромѣ того, она должна оказывать содѣйствіе фермерамъ въ покупкѣ земли въ собственность, или же въ приобрѣтеніи ея въ вѣчное владѣніе, съ обязательствомъ платежа постоянной ренты. Въ первомъ случаѣ комиссія выдаетъ фермерамъ долгосрочную ссуду въ размѣръ 75 0/0 покупной суммы, а во второмъ случаѣ—50 0/0 суммы, которую требуетъ лэндлордъ за уступку земли. При этомъ, однако, комиссія требуетъ, чтобы условливаемая постоянная арендная плата была ниже 70 0/0 нормальной ренты. Наконецъ, поземельная комиссія можетъ покупать земли лэндлордовъ за счетъ государства для продажи ихъ по частямъ фермерамъ. Вотъ главныя черты поземельнаго закона Гладстона. Нельзя не замѣтить, что онъ стремится удовлетворить требованія аграрной лиги, выраженный въ программѣ трехъ Ф. Законодатель старается установить постоянство аренды, ввести справедливую ренту и предоставляетъ, наконецъ, фермеру свободную продажу его правъ. Но на этомъ остановиться было нельзя. Прежнія поземельныя отношенія создали такую массу должниковъ и недоимщиковъ, что

ликвидировать их долги и недоимки представлялось необходимою, если хотѣли дать арендаторамъ возможность воспользоваться льготами закона 1881 года. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ арендаторъ воспользоваться защитою послѣдняго поземельнаго акта, если лэндлордъ могъ его прогнать за старыя недоимки, накопившіяся благодаря чрезмѣрно высокой рентѣ, которую онъ платилъ въ теченіе длиннаго ряда годовъ, да сверхъ того еще конфисковать въ придачу все его имущество въ обезпеченіе ихъ уплаты. Прибавимъ къ этому, что въ теченіе всего 1880 и 1881 годовъ, рента, какъ мы знаемъ, вслѣдствіе агитаціи аграрной лиги, не уплачивалась вовсе или уплачивалась очень плохо. Вотъ вслѣдствіе этихъ причинъ Гладстонъ проводитъ въ 1882 году новый законъ,—законъ о недоимкахъ, который имѣетъ временное, но очень важное практическое значеніе. На основаніи этого закона государство предоставляетъ фермеру право заплатить лэндлорду недоимку за два года и тѣмъ покончить съ нимъ всякіе счеты, хотя бы за нимъ и числилась недоимка за нѣсколько лѣтъ. При этомъ государство уплачиваетъ лэндлорду еще недоимку за третій годъ. Мѣра эта во многомъ напоминаетъ собою законы Солона о долгахъ; также законы Кайя Лицинія о погашеніи накопившихся на плебеяхъ долговъ патриціямъ. Льготою закона о недоимкахъ воспользовались въ теченіе года 130,000 человекъ: изъ нихъ 58,000 ч., приходится на Коннауть, 44,000 — на Ульстеръ, 20,000 — на Мунстеръ и 12,000 на Лейстеръ. Государство заплатило за нихъ лэндлордамъ 768,157 фун. ст., а такъ какъ эта сумма составляетъ только половину внесенной арендаторами недоимки, то, значить, послѣдніе внесли отъ себя 1,536,314 фун., лэндлорды же получили 2,304,471 фунтовъ стерлинговъ.

Значеніе этого закона будетъ намъ понятно, если мы вспомнимъ показанія членовъ парламента, посѣтившихъ лѣтомъ 1886 г. Ирландію и рассказывавшихъ въ палатѣ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ими изъ этого путешествія. Они говорили, что рента въ Ирландіи въ два или три раза превышаетъ размѣръ, который можетъ быть признанъ разумнымъ и болѣе или менѣе справедливымъ. Нищета ирландскаго населенія, по ихъ словамъ и по словамъ свидѣтелей, говорившихъ въ парламентской комиссіи 1881 г., дошла до такой степени, дальше которой не возможно, кажется, ничего себѣ представить. Безъ государственной помощи это населеніе не могло бы воспользоваться законами, созданными для улучшенія его положенія. Нельзя также не признать справедли-

вымъ, чтобы и лэндлорды съ своей стороны сдѣлали кой-какія уступки тому населенію, съ котораго они и отцы ихъ такъ долго брали вдвое и втрое больше того, что можетъ считаться справедливымъ по самому щедрому разсчету.

Вотъ въ этомъ то стремленіи ликвидировать наслѣдіе прошлаго и заключается значеніе закона 1882 г. Мы должны сказать, что онъ не вполне достигъ своей цѣли, такъ какъ далеко не всѣ воспользовались предоставленными имъ льготами. Отчего это произошло, мы не знаемъ, но можемъ догадываться, что тутъ играли роль столько же фактическая невозможность внести недоимку за два года, сколько и нежеланіе платить то, что считается несправедливымъ. Здѣсь мы должны остановиться, но я не могу прекратить бесѣду съ вами, не подведя итоговъ тому, о чемъ было сказано во всѣхъ трехъ лекціяхъ, и не попробовавъ на основаніи прошлаго высказать нѣсколько соображеній о будущемъ.

Припоминая ходъ ирландской исторіи и главнымъ образомъ борьбу Англии съ Ирландіей, мы должны отмѣтить три момента. Сначала рѣчь идетъ о національно-политической независимости Ирландіи. Англія рѣшаетъ этотъ вопросъ въ свою пользу; политическая независимость Ирландіи исчезаетъ, пока, наконецъ, она не лишается къ концу прошлаго столѣтія и самаго символа своей политической самобытности — ирландскаго парламента. Но еще не кончилось политическое покореніе Ирландіи, какъ къ борьбѣ политической присоединяется религіозный вопросъ. Отдѣлившись отъ римской церкви, принявъ потомъ протестантскія вѣрованія, Англія рекомендуетъ ихъ Ирландіи и навязываетъ ихъ ей, не взирая на ея сопротивленіе. Появленіе религіознаго момента не только осложняетъ борьбу, оно ожесточаетъ ее. Разгорѣвшіяся религіозныя страсти дѣлаютъ то, что обѣ стороны почти забываютъ, что вопросъ то поднять изъ за политическихъ и національныхъ интересовъ и отождествляютъ эти послѣднія съ религіозными до такой степени, что слово „папистъ“ стало для англичанина синонимомъ политическаго врага, а для ирландца понятіе „протестантъ“ слилось съ понятіемъ притѣснителя. Подъ влияніемъ крайняго ожесточенія является смѣлая попытка уничтожить ирландцевъ совсѣмъ, лишивъ ихъ земли — главнаго источника ихъ существованія, и вотъ къ религіозному и политическому моментамъ борьбы присоеди-

няется моментъ экономическій. Конецъ XVII и первая половина XVIII стол. знаменуютъ собою періодъ полного порабощенія Ирландіи. Казалось, нѣтъ такихъ человѣческихъ страданій и мученій, которыя бы могли еще быть причинены ирландцу. Лишенный собственности, лишенный гражданскихъ правъ, ограниченный въ своихъ правахъ семейныхъ, преслѣдуемый въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, презираемый больше самаго сквернаго животнаго, ирландецъ былъ обреченъ на смерть не только политическую и національную, но можно сказать и физическую. Созерцая положеніе ирландцевъ въ первую половину XVIII стол., можно было думать, что имя этого народа навсегда стерто для будущаго съ скрижалей исторіи. Но вотъ народъ, походившій на трупъ, начинаетъ оживать и снова, сначала робко, потомъ громче и громче заявляетъ свое право на человѣческое существованіе. А если такъ, то значить въ этомъ народѣ оказался такой запасъ жизненной силы, что продолжать предпринятую политику истребленія было бы колоссальнымъ безуміемъ. Одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей Англіи Фоксъ сказалъ, что недовольные подданные для государства опаснѣе враговъ. Про ирландцевъ мало было сказать, что они недовольные подданные; они были подданные, которые сочли бы для себя господство краснокожихъ болѣе сноснымъ, чѣмъ господство англичанъ; они ненавидѣли послѣднихъ всею силою ненависти, къ какой только способна человѣческая натура. При такихъ условіяхъ Ирландія могла стать легко для враждебной Англіи державы базисомъ военныхъ дѣйствій противъ нея, и тогда Англія лишилась бы всѣхъ выгодъ своего островнаго положенія, такъ какъ только небольшой каналъ отдѣляетъ ее отъ Ирландіи. Не великодушіе, слѣдовательно, а благоразуміе заставило ее начать дѣлать уступки Ирландіи и отречься отъ политики порабощенія и истребленія ирландскаго народа. Съ этого момента, т. е. американской войны, начинается обратный ходъ ирландской исторіи. Начался онъ съ ослабленія религіознаго гнета. Сначала возвращены католикамъ гражданскія и семейныя права, отмѣнены одинъ за другимъ всѣ драконовскіе законы, притѣснявшіе паписта, пока, наконецъ, въ 1829 году имъ не возвратили правъ политическихъ. Теперь спрашивается, каковы были результаты этого вѣковаго преслѣдованія религіозной совѣсти? За 73 года XVIII вѣка обратилось въ протестантизмъ всего на всего 4,088 человѣкъ. Съ 1734 по 1824 годъ, не смотря на всѣ соблазны и понужденія, которыми сопровождали пребываніе мальчиковъ-католиковъ въ про-

тестантской школѣ, не смотря на большія преміи, которыя выдавались ренегатамъ, число таковыхъ не превысило 1,100 человѣкъ. Католическихъ священниковъ ловили какъ волковъ, за нихъ платили 10 фун. ст. наравнѣ съ волчицей, и, не смотря на это, ихъ оказывалось въ половинѣ XVIII вѣка до 3,000 чел. Своимъ безкорыстнымъ и мужественнымъ служеніемъ угнетенному народу они приобрѣли на него то громадное вліяніе, какое сказалось во время выборовъ О'Коннеля и сказывается еще и теперь. Такимъ образомъ, религіозныя преслѣдованія въ Ирландіи не принесли съ собою ничего, кромѣ массы страданій совершенно безцѣльныхъ, не подвинувшихъ ни на іоту ни прогресса человѣчества, ни прогресса Англій. Они только лишній разъ служатъ доказательствомъ вреда, приносимаго религіознымъ фанатизмомъ. Путемъ этого долгаго и подобныхъ ему другихъ экспериментовъ человѣчество убѣдилось, что единство политическое вовсе не находится въ тѣсной связи съ единствомъ религіознымъ.

Освободившись отъ религіознаго гнета, Ирландія стремится къ возвращенію политической самобытности и къ освобожденію отъ гнета экономическаго. Что касается перваго вопроса, то онъ на нашихъ глазахъ начинаетъ переходить изъ области стремленій въ область практическаго осуществленія принципа самоуправленія. Такой смыслъ имѣетъ предложенное Гладстономъ образованіе самостоятельнаго ирландскаго парламента. Если прежде отдѣльный ирландскій парламентъ былъ ирландскимъ только по имени, то теперь послѣ эмансипаціи католиковъ и демократической парламентской реформы 1867 г. ирландскій парламентъ будетъ состоять изъ представителей всего ирландскаго народа. Съ другой стороны, если прежде законодательная независимость ирландскаго парламента повлекла за собою возстаніе съ цѣлью отдѣленія отъ Англій, то это произошло именно потому, что масса ирландскаго населенія не видѣла въ этомъ протестантскомъ и номинально только ирландскомъ парламентѣ средства къ удовлетворенію своихъ интересовъ. Опасенія, что образованіе отдѣльнаго ирландскаго парламента теперь повлечетъ за собою то же, что произошло въ концѣ XVIII столѣтія, есть предразсудокъ, не оправдываемый серьезными основаніями. Между тѣмъ созданіе отдѣльнаго ирландскаго парламента въ концѣ концовъ послужитъ къ успокоенію враждебныхъ чувствъ, развившихся въ Ирландіи по отношенію къ англичанамъ въ силу вѣковыхъ отношеній.

Рядомъ съ политическимъ вопросомъ поставленъ и въ зна-

чительной степени разрѣшенъ вопросъ экономической, или точнѣе — поземельный. Навязывая Ирландіи свое поземельное устройство, англичане поступили такъ, какъ поступилъ бы человѣкъ, который захотѣлъ бы приказать пчеламъ, чтобы онѣ работали не сообща, а каждая отдѣльно въ своей ячейкѣ вела бы свое медовое хозяйство. Представленія ирландцевъ о поземельной собственности настолько отличны отъ представлений англичанъ, что они, говоря другъ съ другомъ объ этомъ предметѣ, похожи на людей, разговаривающихъ на разныхъ языкахъ, для нихъ непонятныхъ. Этимъ объясняется, помимо заинтересованности англійскихъ аристократовъ въ сохраненіи бывшихъ аграрныхъ отношеній въ ихъ неприкосновенности, та медленность, съ которою англичане проводятъ аграрную реформу. Тѣмъ не менѣе, однако, ясно, что въ послѣднемъ законѣ они усвоили ирландскую точку зрѣнія и до нѣкоторой степени осуществили ее. Но на этомъ дѣло не можетъ остановиться. Національная вражда между арендаторами и лэндлордами не можетъ прекратиться сразу. Не смотря на исчезновеніе условій, при которыхъ развилась эта вражда, это чувство само стало силою, которая будетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не истощится, а запасъ ея созданъ вѣками и не скоро будетъ израсходованъ. Вмѣстѣ съ этой враждою еще и противоположность возрѣній на отношенія къ землѣ, существующая между англичанами и ирландцами, мѣшаетъ имъ дѣйствовать вмѣстѣ и мѣшаетъ осуществиться благимъ намѣреніямъ акта 1881 года. Текущія событія подтверждаютъ этотъ взглядъ. Вотъ въ чемъ заключается разумное основаніе желаній Гладстона выкупить землю у лэндлордовъ и надѣлить ея ирландскихъ арендаторовъ на началахъ выкупа. Эта мѣра представляется англичанамъ крайне рискованною. Они боятся, что имъ самимъ придется заплатить за эту землю; но это опасеніе совершенно напрасно. Если ирландскіе арендаторы столько десятилѣтій выплачивали двойныя и тройныя ренты, то на какомъ основаніи можно думать, что они не захотятъ заплатить умѣренной ренты, въ надеждѣ пріобрѣсти тѣ же земли въ собственность? Но если бы даже англійскому государству съ его громадными богатствами пришлось приплатиться за обнищавшій и обездоленный ирландскій народъ, то это было бы только маленькою расплатою за тотъ колоссальный грабежъ, который произведенъ былъ въ XVII в. Намъ говорятъ, что то было 200 лѣтъ тому назадъ, что это дѣло покрыто давностью... Но для народа нѣтъ давности; его судьбы не развиваются въ теченіе одного человѣческаго поколѣнія, а по-

тому грядущимъ поколѣніямъ всегда приходится развивать или исправлять то, что сдѣлали ихъ предки и, волей неволей, переживать послѣдствія ихъ ошибокъ, а равнымъ образомъ и пользоваться плодами ихъ мудрости. Ужъ если пошелъ вопросъ о давности, то припомнимъ, что она создается спокойнымъ и безспорнымъ владѣніемъ. А когда же былъ для Англіи хоть одинъ моментъ такого безспорнаго и спокойнаго владѣнія? Когда же былъ моментъ, когда бы она не слышала со стороны Ирландіи протеста противъ совершеннаго захвата. Такого момента не было. Давность еще не наступила.

По всей вѣроятности, идея Гладстона о надѣленіи ирландцевъ землею осуществится, и мы имѣемъ прецедентъ, на основаніи котораго можемъ думать, что эта реформа пойдетъ хорошо. Когда продавались церковныя имущества, то изъ 8,032 церковныхъ фермъ 6,057 были куплены ирландскими арендаторами. Мы можемъ догадываться далѣе, что ирландское землевладѣніе, подобно нашему русскому, приметъ обширный характеръ, такъ какъ ирландскій народъ выказалъ во многихъ случаяхъ большія способности къ совокупнымъ усиліямъ и дѣйствіямъ, и кромѣ того, въ немъ еще не умерла память о его древней общинной организаціи.

Не настаивая на нашихъ догадкахъ, мы обратимъ наше вниманіе на значеніе историческихъ судебъ Ирландіи въ теоретическомъ отношеніи. О религіозномъ вопросѣ не будемъ говорить, такъ какъ едва ли есть еще просвѣщенные люди, которые бы сомнѣвались въ значеніи принципа вѣротерпимости и не осуждали бы религіозныхъ преслѣдованій. Остановимся на національномъ вопросѣ. XIX столѣтіе есть періодъ національныхъ стремленій, и въ настоящее время вопросъ о національности становится въ такое же положеніе, въ какомъ нѣкогда стоялъ вопросъ о вѣроисповѣданіи. Какъ прежде стремились обратить всѣхъ подданныхъ государства въ одну вѣру, такъ теперь господствующая національность въ государствѣ стремится поглотить другія и, оправдывая себя положеніемъ, что политическое единство невозможно безъ единства національнаго, старается искусственно претворить въ себя подчиненную національность, не останавливаясь и передъ насиліемъ. Историческая судьба Ирландіи представляетъ наглядно и тщету и бесполезность такихъ притязаній. Если народъ живучъ, то господствующая національность не сотретъ его особенности и въ результатъ своихъ усилій претворить его въ себя получить только ненависть и больше ничего. Если, чего можно ожидать,

состоится примиреніе между Англіей и Ирландією, то это будетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что даже враждебныя національности могутъ потушить свою вражду взаимно справедливымъ отношеніемъ и создать прочное политическое цѣлое. Англія съ ея всесвѣтными владѣніями, съ многомилліоннымъ населеніемъ стоитъ наканунѣ образованія громаднаго федеративнаго государства. Въ этой федерации займетъ свое опредѣленное мѣсто и автономная Ирландія. Осуществленіе федеративнаго принципа въ такомъ громадномъ масштабѣ и въ такомъ старомъ государствѣ, какъ Англія, дастъ огромный толчокъ политическому развитію европейскаго континента, на которомъ съ легкой руки Франціи до сихъ поръ начало централизаціи пользуется громаднымъ и не всегда справедливымъ кредитомъ.

Обращаясь, наконецъ, къ разрѣшенію въ Ирландіи аграрнаго вопроса, нельзя не остановиться на его принципиальномъ значеніи. Англія доселѣ можетъ считаться представительницею не только крупнаго землевладѣнія, но и абсолютной поземельной собственности. Недостатки этого режима не такъ чувствуются англичанами, но несомнѣнно они существуютъ. Яснымъ доказательствомъ тому служить агитація члена парламента Арча, программа котораго выражена словами: „два акра и корова“. Болѣе чувствуются недостатки поземельныхъ отношеній въ Шотландіи. Въ книгѣ Джорджа о націонализаціи земли ¹⁾ мои слушатели найдутъ яркія картины, рисующія ненормальность тамошнихъ поземельныхъ отношеній. Разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ Ирландіи несомнѣнно дастъ толчокъ къ реорганизаціи земельныхъ отношеній въ Англіи и тѣмъ самымъ послужитъ началомъ паденія принципа абсолютной поземельной собственности и къ торжеству противоположнаго принципа, по которому владѣніе землей должно находиться подъ контролемъ общественнымъ и подчиняться волѣ общества. Такъ какъ въ концѣ концовъ земля составляетъ основаніе дѣятельности человѣка и его жизни, то ясно, что то или другое рѣшеніе вопроса о ней имѣетъ общественное значеніе первостепенной важности.

Послѣ всего сказаннаго, едва ли мнѣ нужно увѣрять, что я рѣшился бесѣдовать съ вами объ историческихъ судьбахъ Ир-

¹⁾ Содержаніе этой книги реферировано С. Н. Южаковымъ въ Отеч. Зап. 1884 г., №№ 1 и 2.

ланди не потому только, что они представляют современный интересъ. Это соображеніе было. Но для меня имѣли гораздо большее значеніе тѣ общія начала, которыя связаны съ исторією Ирланди и на которыя мнѣ хотѣлось обратить ваше вниманіе въ надеждѣ, что они интересуютъ васъ такъ же, какъ и меня.

Двѣ публичныя лекціи о Маріи Стюартъ.

Въ моихъ двухъ бесѣдахъ я не беру на себя смѣлости познакомить читателя съ подробностями той исторической драмы, однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ которой была Марія Стюартъ. Для разсмотрѣнія всѣхъ деталей у насъ не хватило бы времени; да, пожалуй, подробности эти показались бы утомительными для публичныхъ лекцій, предметомъ которыхъ были настоящіе очерки. Поэтому, я считаю возможнымъ и цѣлесообразнымъ сузить свою задачу и ограничиться только выясненіемъ нѣкоторыхъ историко-біографическихъ данныхъ относительно Маріи Стюартъ и указаніемъ на связь ея судьбы съ общимъ политическимъ положеніемъ того времени, чтобы показать, что положеніе ея не могло не быть трагическимъ.

Въ истекшемъ году минуло 300 лѣтъ со дня казни шотландской королевы. Эта годовщина снова вызвала интересъ къ судьбѣ ея и побудила пересмотрѣть нѣкоторые вопросы, касающіеся ея личности.

Не впервые предпринимается эта работа. Въ XVIII вѣкѣ Гудалль (Goodall) и Робертсонъ ломали копья, первый защищая, а второй нападая на Марію Стюартъ. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ Малькольмъ Лэнгъ (Malkolm Laing) и Чельмерсъ схватились опять по тому же поводу. Наконецъ, въ наше время въ Англіи же, Фрудъ, историкъ королевы Елизаветы, яростно напалъ на Марію Стюартъ, тогда какъ Госакъ (Hosack: Mary, queen of Scots and her accusers. Lond. 1874) въ двухъ томахъ, мастерски написанныхъ, доказываетъ невиновность ея. Во Франціи мы видимъ то же. Минье въ своей исторіи Маріи Стюартъ является обвинителемъ Маріи въ дѣлѣ Дарнлея и Ботуэля, а Готье, находившійся сначала подъ

господствомъ взглядовъ Минье, становится потомъ защитникомъ Маріи и развиваетъ свой взглядъ въ трехъ томахъ своей *Histoire de Marie Stuart* (1864). Въ Германіи борьба по тому же вопросу была весьма ожесточенною. По словамъ Гердеса, „нѣкоторые историки приходили въ такое возбужденіе, что переставали вѣрно видѣть вещи и полагали, что другіе слѣпы или близоруки и должны быть или обращены на путь истины, или же истреблены огнемъ и мечемъ. Каждый писатель въ этой области (исторіи Маріи Стюартъ) испытываетъ это на самомъ себѣ. Кто въ послѣдніе годы принимался за занятія исторіей Маріи Стюартъ и рѣшался отстаивать ея невинность, тотъ становился предметомъ травли; достаточно вспомнить про Онкена, Беккера и Сеппа (Sepp). Каждый, кто утверждалъ, что Марія Стюартъ невинна, навлекать сейчасъ же на себя подозрѣніе, что онъ плохой протестантъ“. Въ нѣмецкой историографіи въ качествѣ защитниковъ Маріи Стюартъ выступаетъ Беккеръ (Bekker. *Maria Stuart Darley, Bothwell*. 1879), Опицъ (Opitz. *Maria Stuart*. 1882), Кардаунсъ (Cardauns. *Der Sturtz Maria Stuart's* 1883), Онкенъ (Wilg. Oncken. *Giesener Studien über Maria Stuart*. „*Allgemeine Zeitung*“ 1883) и Гердесъ (Gerdes. *Geschichte der Königin Maria Stuart* 1885), а обвинителями ея являются Гедеке (Gaedeke. *Maria Stuart* 1879) и Бреслау (Bresslau. *Die Kasstenbriefe der Königin Maria Stuart*; статья въ *Histor. Taschenbuch* 1882 г., и *Beiträge zur Geschichte Maria Stuart*, статья въ „*Historische Zeitschrift*“ за 1884 годъ). Наконецъ, въ самое послѣднее время вновь поднялась полемика по поводу Маріи Стюартъ. Гердесъ и Карлова выступили съ небольшими брошюрами противъ воззрѣній Бреслау на „шкатулочныя письма“ и подвергли ихъ новому пересмотру. (Gerdes. *Streitfragen zur Geschichte der Königin Maria Stuart*. Gotha 1886. *Karlowa, Maria Stuart's angebliche Briefe an den Grafen Bothwell*. Heidelberg 1885), а Филипсонъ, пользуясь всѣми вышедшими историческими изслѣдованіями и извлеченными на свѣтъ Божій документами, подвергъ строгому разбору слѣдственное дѣло объ убіеніи Дарнлея и „шкатулочныя письма“ (Martin Philippson. *Etudes sur l'histoire de Marie Stuart*. Статьи въ *Revue Historique* 1887 и первой книжкѣ 1888 года). Подъ вліяніемъ особенно послѣднихъ сочиненій, тѣ положенія, которыя существовали въ исторической наукѣ по нѣкоторымъ вопросамъ изъ исторіи шотландской королевы, должны быть существенно видоизмѣнены. Такъ какъ въ русской исторической литературѣ, сколько я знаю, существуетъ только

переводъ книги Минье о Маріи Стюартъ, то я рѣшился изложить результаты соотвѣтствующихъ сочиненій, появившихся въ послѣдніе годы въ западно-европейской литературѣ и путемъ печати познакомить съ моею работою большее число лицъ, чѣмъ это было возможно сдѣлать путемъ публичныхъ лекцій.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Марія Стюартъ.— Дарнлей.— Ботуаль.

Прежде всего познакомимся со сценою, на которой развиваются интересующія насъ событія. Моментъ, о которомъ идетъ рѣчь,—вторая половина столь важнаго въ исторіи европейской цивилизаціи XVI вѣка. Въ то время, къ которому приурочены событія, съ которыми намъ предстоитъ познакомиться, реформація уже вполнѣ развилась, сказала почти свое послѣднее слово. Начавшись въ Германіи, она успѣла покорить себѣ большую часть Германіи, Швейцаріи, Нидерландовъ, значительную часть Франціи, Англии; всѣ эти страны охвачены были въ большей или меньшей степени реформаціоннымъ движеніемъ, въ двухъ его формахъ—лютеранства или кальвинизма. Но дряхлѣвшее и готовое, повидимому, уже рухнуть тѣло католицизма начинаетъ вдругъ оживать и всѣми силами старается возмѣститъ нанесенныя ему реформаціею потери, и рядомъ съ развившимся реформаціоннымъ движеніемъ начинается возрожденіе, или регенерація католицизма. Католицизмъ принимаетъ, съ одной стороны, мѣры оборонительнаго свойства, старается удержать за собою то, чѣмъ онъ владѣетъ еще, а съ другой стороны—мѣры наступательныя, чтобы вырвать оружіе изъ рукъ реформаціи и, ослабивши ее, тѣмъ самымъ усилить себя. И вотъ начинается гигантская борьба двухъ силъ, длившаяся цѣлое столѣтіе, борьба, во время которой всѣ интересы людей отмѣнены религіознымъ настроеніемъ. Если всякая вообще борьба разжигаетъ страсти, если люди во время и подъ вліяніемъ борьбы до того измѣняются, что и возможности нѣтъ узнать ихъ, то что сказать о борьбѣ религіозной, которая сильнѣе всякой другой способна разжигать и разжигала страсти человѣческія. И дѣйствительно, мы присутствуемъ при такихъ

ужасающихъ и непонятныхъ въ нашъ вѣкъ событіяхъ, какъ Барооломеевская ночь во Франціи, инквизиція въ Испаніи, изувѣрства Альбы въ Нидерландахъ — и все это совершается во имя христіанской религіи, *ad majorem Dei gloriam!* Этимъ я вовсе не хочу сказать, что политики того времени руководятся исключительно религіознымъ чувствомъ; напротивъ, даже такія лица, какъ Филиппъ II, Екатерина Медичи руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ часто соображеніями политическаго, а не религіознаго свойства; но въ своихъ комбинаціяхъ политики того времени должны были всегда считаться съ религіознымъ чувствомъ и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пользовались для своихъ цѣлей этимъ чувствомъ, которое давило своею тяжестью все почти тогдашнее чело-вѣчество и было доведено, что говорится, до бѣлаго каленія.

Таково въ краткихъ чертахъ религіозное положеніе Европы въ интересующую насъ эпоху. Политическое же положеніе Европы въ половинѣ XVI столѣтія представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

На первомъ планѣ должна быть поставлена Испанія, во владѣніяхъ которой, какъ любилъ говаривать Карлъ V, никогда солнце не заходитъ. Не смотря на то, что послѣ смерти Карла имперія Габсбурговъ ослабѣваетъ и династія распадается на двѣ части, Испанія все таки представляла собою самую большую политическую единицу того времени. Противовѣсомъ ей является Франція, сила которой заключалась въ прочномъ національномъ единствѣ. Но скоро въ ней самой появляются двѣ борющіяся религіозныя партіи, изъ которыхъ и та, и другая въ разгарѣ борьбы забываетъ и политическіе, и національные интересы ради религіозныхъ.

Въ лучшемъ, относительно, положеніи находится Англія. Черезъ посредство королевской власти она совершила у себя реформацію, преобразовала церковь, и ея король, вмѣстѣ съ тѣмъ и глава церкви, пользуется большимъ значеніемъ въ европейскихъ дѣлахъ. Благодаря своему островному положенію, Англія была мало доступна для нападений. Но быть одинъ пунктъ, черезъ который можно было напасть на нее, это — Шотландія. Въ половинѣ XVI вѣка тамъ борются двѣ партіи: протестантская и католическая; послѣдняя находится въ связи съ Франціею. Для Англіи весьма важно не дать Франціи ни въ какомъ случаѣ усилиться и стать твердой ногою въ Шотландіи, такъ какъ, случись это, Англія потеряла бы всѣ преимущества своего островнаго положенія и имѣла бы бокъ о бокъ съ собою свою старинную соперницу.

Такъ какъ Англія была оплотомъ протестантизма въ Европѣ, то вопросъ о борьбѣ ея вліянія съ французскимъ вліяніемъ въ Шотландіи пріобрѣтаетъ общеевропейское значеніе. Рѣшеніе этого вопроса происходитъ какъ разъ въ то время, когда въ Шотландіи начавшаяся религиозная борьба осложняется безкоролевіемъ. Послѣ смерти Якова V престолъ наследуетъ малолѣтняя дочь его, а управленіе государствомъ переходитъ въ руки ея матери, Маріи Гизъ, которая была представительницею французскаго вліянія. Въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1550 по 1560 г.) исторія была свидѣтельницей возрастанія, силы и паденія французскаго вліянія въ Шотландіи. Когда регентша умерла въ іюнѣ 1560 года, французское вліяніе было сломлено, протестантизмъ, въ формѣ ученія Кальвина, сталъ тамъ твердой ногой, и протестантская партія Эдинбургскимъ договоромъ признала, хотя и не прямо, за англійской королевой Елизаветой право вмѣшательства во внутреннія дѣла Шотландіи. При наличности такого положенія, легко представить себѣ, какія трудности долженъ будетъ преодолѣть престолъ шотландскій, чтобы остаться цѣлымъ и независимымъ въ тройной борьбѣ: съ непокорными лордами изъ за власти и вліянія, съ партіей протестантской, опирающейся на Англию и религиозный фанатизмъ, и съ партіей католическо-французской, сломленной, но не потерявшей окончательно всего значенія.

Кто же занимаетъ въ такое трудное время шотландскій престолъ? Другими словами, что такое Марія Стюартъ въ тотъ моментъ, когда она 18-лѣтнею вдовою возвратилась въ Шотландію, чтобы принять въ свои руки бразды правленія?

Еще дѣвочкой она была увезена во Францію и воспитывалась при французскомъ дворѣ, одномъ изъ образованнѣйшихъ дворовъ того времени, при которомъ находили пріютъ и радушный пріемъ науки и искусства. Научныя силы Франціи были въ то время гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Германіи. Книгопечатаніе, хотя и изобрѣтенное въ Германіи, процвѣтало больше въ Парижѣ; въ Парижѣ была та знаменитая типографія Этьеновъ, гдѣ не только хозяева и всѣ рабочіе говорили по латыни и гречески, но и малыя дѣти говорили на этихъ языкахъ вмѣсто своего родного. Одинъ изъ Этьеновъ предложилъ большую премію тому, кто найдетъ въ изданномъ имъ древнемъ авторѣ хотя бы одну не только корректурную, но и редакціонную ошибку.

Франсуа I, король французскій, былъ истинно просвѣщеннымъ меценатомъ въ духѣ древне-римскихъ меценатовъ гораціевскаго

времени, онъ всегда покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ; и если онъ въ другихъ отношеніяхъ былъ легкомысленъ, вѣтренъ, то онъ всегда съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ, что литературѣ онъ никогда не измѣнялъ, что ей онъ оставался всегда вѣренъ.

Вотъ при такомъ то дворѣ Марія Стюартъ получила свое образование вмѣстѣ съ дочерями Екатерины Медичи. Она владѣла въ совершенствѣ итальянскимъ языкомъ; знала прекрасно языки латинскій и греческій; съ любовью изучала исторію и географію; со страстью предавалась занятіямъ музыкою. Современники говорятъ, что она отличалась большими способностями и 13-ти лѣтъ она уже читала въ присутствіи короля и всего двора сочиненную ею на латинскомъ языкѣ рѣчь философскаго содержанія, которая всѣмъ понравилась. Ея литературныя занятія развили у нея вкусъ къ поэзій, а природа не поскупилась надѣлать ее поэтическимъ дарованіемъ. Ея первые стихотворные опыты производились подъ руководствомъ извѣстнаго Ронсара. Онъ былъ ими доволенъ, и не даромъ. Оставшіяся послѣ нея произведенія свидѣтельствуютъ въ ея пользу.

Въ добавокъ ко всѣмъ умственнымъ дарамъ природа надѣлила Марію Стюартъ красивою внѣшностью. Блондинка съ волосами рыжеватаго оттѣнка, прекрасно сложенная, съ умными карими глазами и правильными чертами лица, добродушная, веселая, граціозная, она увлекала всѣхъ при дворѣ. Ей поклонялись, въ честь ея сочиняли стихи. Шестнадцать лѣтъ она была уже замужемъ за королемъ французскимъ Франсуа II, которому было въ это время только 14 лѣтъ; но не долго она прожила въ замужествѣ: черезъ 2½ года—въ декабрѣ 1560 г.—Франсуа II скончался. Марія Стюартъ осталась такимъ образомъ вдовствующей королевой французской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и королевой шотландской. Такъ какъ ея мать тоже умерла нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, то ей приходилось теперь покинуть Францію и отправиться царствовать въ Шотландію.

Но прежде, чѣмъ мы отправимся за нею туда, остановимъ наше вниманіе на слѣдующемъ вопросѣ, который уяснить весьма важно прежде, чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ дальнѣйшей судьбы Маріи Стюартъ. Вопросъ заключается въ томъ: не сдѣлало ли воспитаніе Екатерины Медичи изъ Маріи Стюартъ женщину фанатичную, ярую католичку? На этотъ вопросъ я, не задумываясь, отвѣчаю отрицательно. Воспитаніе Екатерины Медичи не создало изъ

Маріи Стюартъ фанатички; Марія Стюартъ никогда фанатичкой не была, и представленіе о ней, какъ о таковой, ложно. Да и сама Екатерина Медичи не была никогда фанатикомъ католичества; она ни болѣе, ни менѣе, какъ политикъ школы Макиавели. Абсолютизмъ—вотъ тотъ фанатизмъ, который воодушевлялъ все время Екатерину Медичи. Самое страшное дѣло ея,—Вареоломеевская ночь,—было результатомъ не религіознаго увлеченія ея, а политическаго разчета, нашедшаго опоры въ фанатизмъ населенія. Прибавимъ къ этому, что Марія Стюартъ была нелюбима Екатериной Медичи и сама не питала къ ней симпатіи. И впоследствии, когда, благодаря столкновенію съ шотландскими кальвинистами, Марія Стюартъ могла ожесточиться и стать фанатичкой, мы этого не видимъ въ ней. Факты говорятъ скорѣе за то, что она отличалась большею вѣротерпимостью, чѣмъ другіе государи XVI вѣка. Въ управленіи Шотландіей она ни разу не проявила религіозной нетерпимости. Когда въ концѣ 1566 года она была при смерти больна, она просила лордовъ не преслѣдовать католиковъ за ихъ религіозныя убѣжденія, „такъ какъ,— сказала она,— стѣсненіе совѣсти есть самое сильное мученіе“.

Охотно ли она отправлялась въ Шотландію? И на этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно. Франція была для нея второю родиною, тамъ она провела свое дѣтство, съ Франціею, ея нравами, образованностью она сжилась, и теперь приходилось покидать Францію ради невѣдомой для нея Шотландіи съ ея непокорными лордами, гдѣ и нравы, и религія—все было ей чуждо. Самый удобный путь былъ черезъ Англію, но Елизавета поставила условіемъ разрѣшенія проѣзда Маріи черезъ Англію, признаніе ею Единбургскаго договора, который, хотя и былъ подписанъ комиссарами Маріи Стюартъ, но не былъ ратификованъ послѣднею, такъ какъ во 1-хъ, договоръ этотъ, усиливая значеніе лордовъ на счетъ королевской власти, усиливалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе англійской партіи, между тѣмъ какъ договоръ Бервикскій, которымъ уничтожалось всецѣло вліяніе французской партіи, не былъ уничтоженъ, и такимъ образомъ договоромъ Единбургскимъ косвенно признавался протекторатъ Елизаветы надъ Шотландіею, во 2-хъ,—что самое главное было для Маріи,—по Единбургскому договору король и королева Франціи (договоръ этотъ былъ заключенъ еще 5—6 іюля 1560 г.) отказываются отъ герба и титула государей англійскихъ. Послѣднее обстоятельство было весьма важно для Маріи Стюартъ; красною нитью черезъ всю ея жизнь и дѣятельность

проходить упорное стремленіе добиться признанія Елизаветою и парламентомъ ея правъ на англійскую корону. Она, понятно, не могла признать договора, лишающаго ее этихъ правъ; Елизавета же поставила это *conditio sine qua non*. Пришлось отправиться въ Шотландію не черезъ Англию, а моремъ; но и тутъ Марія Стюартъ подверглась опасности быть захваченной крейсерами, которые Елизавета послала, чтобы поймать королеву шотландскую. Наконецъ, она прибыла благополучно въ свою родину и съ первой же минуты пришлось ей убѣдиться, какая пропасть отдѣляетъ ея Шотландію отъ только что покинутой ею Франціи. Она увидѣла бѣдную страну, жители которой были дики и совершенно чужды той образованности, которою могла гордиться Франція. Отъ нихъ вѣяло и первобытной простотой, и первобытнымъ невѣжествомъ. Встрѣтили ее шотландцы съ энтузіазмомъ: по пріѣздѣ ея въ Эдинбургъ они устроили концертъ подъ окнами Голирудскаго дворца. Но что это была за музыка! Какъ она рѣзала слухъ Маріи Стюартъ, которая и сама была музыкантша и воспиталась на музыкѣ, гораздо болѣе развитой! Поздно, поздно вечеромъ угощали они королеву своимъ кошачьимъ концертомъ, не давая ей отдохнуть послѣ неспокойнаго морскаго пути.

Положеніе дѣлъ въ Шотландіи было неблагопріятно для Маріи. Внутреннія отношенія были на столько запутаны, что Марія Стюартъ трудно было найти точку опоры, которая могла бы стать прочнымъ базисомъ ея дѣятельности. Предводители клановъ, имѣвшіе подъ своею властью множество вассаловъ, часто враждовали и боролись между собою. Центральная власть была очень слаба и стала еще слабѣе во время предшествовавшаго регентства. Поводомъ къ междоусобіямъ лордовъ служили и личныя, и фамиліныя и, наконецъ, религіозныя отношенія. Когда въ Шотландіи былъ введенъ протестантизмъ, то съ упраздненіемъ католической церкви секуляризованы были церковныя и монастырскія имущества. Такая добыча возбудила у лордовъ большой аппетитъ, и начинается безшабашный расхватъ этого имущества; расхватъ порождаетъ массу споровъ и несогласій, которыя подчасъ рѣшаются оружіемъ. Марія прибыла въ Шотландію именно въ то время, когда споры изъ за церковныхъ земель не были покончены и вся страна находилась какъ бы на военномъ положеніи.

Протестантизмъ явился въ Шотландію въ формѣ кальвинизма, ученія, отличавшагося нетерпимостью. Встрѣчая Марію Стюартъ съ радостью, какъ королеву, кальвинисты никогда не могли про-

стить ей ея католическаго вѣроисповѣданія. Эти отношенія сказались на первыхъ же порахъ. Во время ея торжественнаго вѣзда въ Эдинбургъ устроено было нѣсколько триумфальныхъ воротъ. Съ однихъ изъ нихъ сошелъ мальчикъ въ видѣ ангела, привѣтствовалъ ее, поднесъ ей городскіе ключи, библию и псалтирь и сказалъ рѣчь противъ идолопоклонства католической церкви. Для большей вразумительности, въ другомъ мѣстѣ королевскаго пути приготовлено было такое зрѣлище: чучело въ облаченіи католическаго священника должно было быть сожжено всенародно во время слѣдованія королевской процессіи, и только старанія графа Гентли предупредили это оскорбленіе религіозныхъ чувствъ Маріи Стюартъ. Не безъ труда удалось ей отстоять за собою право имѣть священника для себя и молиться по своему. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ очутилась Марія Стюартъ 18-ти лѣтъ отъ роду. Неопытность молодости соединялась въ ней съ неподготовленностью къ государственной дѣятельности. Способная отъ природы, она отличалась скорѣе живостью ума и находчивостью, чѣмъ дальновидностью, умѣяущею заранѣе на довольно долгій срокъ опредѣлить послѣдствія того или другаго политическаго шага. Получивъ прекрасное литературное образованіе, она вовсе не была посвящена въ дѣла государственныя, дабы имѣть возможность разобратся въ политическомъ положеніи. Теперь же ей приходилось считаться и съ безпокойнымъ нравомъ своихъ лордовъ, и съ фанатизмомъ протестантскихъ пастырей, и съ политикою иностранныхъ государствъ,—главнымъ образомъ Англіи, и всему этому Марія могла противопоставить неопытность, непониманіе политическаго положенія, довѣрчивость, мягкость характера—оружіе, какъ ясно для всякаго, ничуть не опасное, тѣмъ болѣе по тому времени.

Англія же между тѣмъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ въ Шотландіи, чтобы всегда быть на готовѣ воспользоваться обстоятельствами и не допустить вмѣстѣ съ Маріею Стюартъ и торжества французскаго вліянія. Ловкій министръ Елизаветы Сесиль прекрасно понималъ, что интересы Англіи требуютъ уничтоженія Маріи, вдовствующей королевы Франціи и представительницы католическаго начала въ Шотландіи. Прямой интересъ Елизаветы, какъ королевы англійской и представительницы протестантскаго начала, состоялъ въ томъ, чтобы вредить елико возможно своей царствующей сестрѣ, и Маріи ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало вступать въ довѣрчивыя отношенія съ Елизаветою. Она не сознавала невозможности дружественныхъ отношеній

къ Англіи и Елизаветѣ; она не понимала того, что королева Англіи могла быть удовлетворена только безпрекословнымъ подчиненіемъ политики шотландской политикѣ Англіи и полнымъ отреченіемъ отъ солидарности съ Франціею. Напротивъ, Марія Стюартъ старается устроить свои личныя отношенія къ Елизаветѣ какъ можно лучше и добиться отъ нея признанія за собою права наслѣдованія англійскаго престола. Увлекаемая этой мыслью, убаюкиваемая дружественными заявленіями Елизаветы, она не могла во время остановиться въ своемъ довѣрїи къ ней.

Вопросъ о бракѣ Маріи Стюартъ явился пробнымъ камнемъ для ловкости и изворотливости шотландской политики Елизаветы и Сесилия, съ одной стороны, неопытности и непониманія Маріею политическаго положенія своего времени — съ другой.

Молодая, привѣтливая, красивая вдова, королева шотландская была во всѣхъ отношеніяхъ завидною невѣстою. Недатка въ искателяхъ ея руки, понятно, не было. Еще раньше ея прїѣзда начаты были переговоры съ Филиппомъ II испанскимъ относительно его сына Донъ-Карлоса, наслѣдника испанской короны; претендовали также эрцъ-герцогъ австрійскій, короли датскій и шведскій и др. Но всѣ эти искательства не привели ни къ чему, отчасти вслѣдствіе политическихъ и религіозныхъ видовъ, а главнымъ образомъ, благодаря Елизаветѣ, для которой всѣ эти искательства были равно непріятны. Она рѣшилась сама сыграть роль свахи и желала предложить Маріи Стюартъ такого жениха и мужа, который могъ бы служить самымъ лучшимъ залогомъ добрыхъ отношеній между Англіею и Шотландіею. Такимъ женихомъ Елизавета не задумываясь рекомендуетъ Маріи Стюартъ своего фаворита Роберта Дедлея, впоследствии графа Лейчестера, и чтобы склонить Марію на этотъ странный бракъ, она обѣщаетъ ей признать въ такомъ случаѣ ея права на англійскую корону. Когда лорды шотландскіе услышали объ этомъ предложеніи Елизаветы, они замѣтили, что послѣдняя предложила Дедлея вовсе не серьезно, а изъ желанія только прервать сношенія съ другими претендентами. Во 1-хъ, она не могла рассчитывать, что ея кандидатъ будетъ принятъ, такъ какъ Марія Стюартъ не захочетъ выйти за простого подданнаго иностраннаго государя, а во 2-хъ, если бы это препятствіе и было устранено, то, какъ вѣрно замѣтили графъ Морэ и Летингтонъ англійскому послу Рандольфу, королева Елизавета сама не захотѣла бы разстаться съ сэромъ Дедлеемъ „въ виду той привязанности, которая ихъ соединяетъ и дѣлаетъ не разлучными“.

Въ самомъ дѣлѣ, Елизавета вовсе не думала уступать Маріи Лейчестера, и потому была очень рада, когда вниманіе Маріи было остановлено на имени Дарнлея. Еще въ то время, когда имя претендента на руку Маріи, предлагаемую Елизаветой, еще не было извѣстно, молва провозгласила имя Дарнлея, какъ имя загадочнаго жениха. По нѣкоторымъ дѣйствіямъ Елизаветы и ея посла Рандольфа можно было думать, что этотъ новый претендентъ дѣйствительно пользуется протекціей англійскаго правительства. Его отецъ, графъ Ленноксъ, пріѣхалъ съ рекомендательными письмами Елизаветы. Французскій посланникъ Каstellно полагалъ, что самое имя Дарнлея пущено было въ ходъ Елизаветою же. Но если она не желала и этого брака, то она ошиблась въ своихъ расчетахъ. Помимо того, что Дарнлей, сынъ Матвѣя Стюарта, графа Леннокса, и Маргариты Дегласъ, приходился двоюроднымъ братомъ Маріи Стюартъ и, слѣдовательно, по его происхожденію бракъ съ нимъ не могъ ее компрометтировать, Марія всѣмъ сердцемъ полюбила Дарнлея. Дарнлей былъ годомъ моложе Маріи (ему не было еще и 20 лѣтъ), онъ былъ высокаго роста, строенъ и очень красивъ. Онъ былъ католикомъ и только передъ бракомъ принялъ протестанство. Человѣкъ онъ былъ вообще ограниченный, тщеславный, задорный и оказался пьяницей; вскорѣ послѣ брака онъ сталъ вести разгульную жизнь. Однимъ словомъ, это не былъ такой человѣкъ, который могъ бы проводить политику Англій или какую бы то ни было политику вообще; онъ скоро долженъ былъ сдѣлаться игрушкой въ рукахъ Маріи Стюартъ; Елизавета же не этого добивалась. По этимъ ли соображеніямъ, или по другимъ мотивамъ болѣе личнаго свойства (наприм., зависть, ревнивое отношеніе къ чужому счастью), Елизавета поворачиваетъ фронтъ и изъ покровительницы Леннокса и Дарнлея становится ихъ притѣснительницей. Въ отвѣтъ на письмо Маріи, въ которомъ она сообщала ей о своемъ выборѣ и, ссылаясь на письма самой Елизаветы, выражала увѣренность, что бракъ ея съ Дарнлеемъ будетъ ей пріятенъ, королева Англій поручаетъ Сесилю отвѣтить на письмо. Послѣдній приказываетъ англійскому послу Рандольфу сдѣлать энергическія представленія противъ предполагаемаго брака. Мало того, теперь, когда миновала опасность, что Марія можетъ согласиться на бракъ съ Робертомъ Дедлеемъ (Лейчестеромъ), Елизавета открыто объявляетъ, что она его именно рекомендуетъ въ женихи и сулитъ самыя большія выгоды отъ этого брака. Когда эта дипломатическая игра осталась безплодною, она приступаетъ къ угрозамъ и репрес-

саліямъ. Она приказываетъ Ленноксу и Дарнлею воротиться въ Англію подъ страхомъ потери имущества. Угроза не помогла. Тогда она объявила все имущество Дарнлея и Леннокса конфискованнымъ и приказала заключить въ Тоуэръ графиню Ленноксъ, которая оставалась въ Англіи послѣ отъѣзда мужа и сына. Эти мѣры тоже не помогли. Бракъ Маріи Стюартъ съ Дарнлеемъ состоялся. Тогда Елизавета и Сесиль приступаютъ къ составленію заговора противъ Маріи и Дарнлея.

На первыхъ порахъ увлеченіе Маріи своимъ мужемъ дѣлало вліяніе его и его отца очень сильнымъ. Она не могла ему отказать ни въ чемъ. Когда онъ потребовалъ отъ нея, чтобы она предоставила ему титулъ короля, она сначала возражала ему, что надо подождать созыва парламента и его совершеннолѣтія; но когда онъ ей сказалъ на это: „или сейчасъ, или никогда!“, она уступила и прокламаціей 28 іюля 1565 года объявила, что она предоставляетъ ему титулъ короля, и что всѣ акты будутъ подписываемы теперь ею и королемъ. Англійскій посоль Рандольфъ писалъ Сесилю въ это время: „Онъ (Дарнлей) получилъ въ отношеніи титуловъ и почета все, что только она могла ему дать. Королевѣ нравятся лишь по столько, по скольку ему доставляютъ удовольствіе... Что мнѣ еще сказать? Она совершенно отяглась отъ собственной воли, чтобы всецѣло идти за нимъ; напротивъ, ей такъ же трудно было бы добиться отъ него какой нибудь уступки въ томъ, что ему неприятно, какъ трудно было бы вамъ (Votre Seigneurie) добиться отъ меня, чтобы я самъ себя повѣсилъ“.

Такое положеніе дѣлъ было противно интересамъ графа Морэ и Аргайля, которые до сихъ поръ пользовались безраздѣльнымъ вліяніемъ на Марію и на государственныя дѣла. Они поэтому легко поняли намѣренія Елизаветы и Сесили, и вотъ подъ покровительствомъ послѣднихъ составляютъ заговоръ, цѣлью котораго было захватить и убить Дарнлея, Марію же заключить на всегда въ крѣпость, а для управленія страной учредить регентство съ Морэ во главѣ. Условлено было захватить Марію и Дарнлея въ плѣнъ на дорогѣ изъ Перэа (Perth) въ Каллендеръ (Callander). Она должна была выѣхать въ 10 часовъ утра 31 іюня. Наканунѣ вечеромъ поздно прискакалъ во весь опоръ молодой дворянинъ Линдсэ изъ Дугилля (Lindsau de Doughill), потребовалъ настойчиво немедленной аудіенціи у королевы и сообщилъ ей свѣдѣнія о заговорѣ. Марія не потерялась. Остаться въ Перэѣ было не-

возможно: тутъ около нея было всего нѣсколько дворянъ, и собрать значительныя силы нельзя было. Она назначила отъѣздъ раньше прежде предполагаемаго; ночью занялись сборомъ дворянъ, которыхъ можно было найти въ окрестности. Въ пять часовъ утра Марія Стюартъ была уже на лошади и выѣзжала изъ Перѳа вмѣстѣ со своей немногочисленной свитой. Проѣхавъ безостановочно тридцать слишкомъ миль, въ 10 часовъ утра она была уже въ Каллендерѣ у лорда Ливингстона и внѣ опасности. Аргайль и Морэ, выѣхавшіе къ 10 часамъ утра на дорогу изъ Перѳа, узнали о неудачѣ своего плана и о томъ, что заговоръ ихъ открытъ; тогда имъ оставалось лишь открыто поднять знамя возстанія; Елизавета и Сесиль поддержали его, насколько можно было это дѣлать, сохраняя мирныя отношенія къ сосѣднему королевству. Возстаніе не удалось, и главари его бѣжали въ Англію. Благодаря ходатайствамъ Елизаветы и склонности Маріи прощать своихъ противниковъ, почти всѣ участники возстанія были помилованы, и только Морэ и его ближайшіе товарищи оставлены были въ изгнаніи. Ни одинъ изъ участниковъ заговора не заплатилъ головой за возстаніе, да и самый отказъ Маріи помиловать Морэ и его товарищей по изгнанію былъ сдѣланъ не по ея собственному почину, а подъ влияніемъ совѣта Гизовъ и кардинала Битона (арх. Глазго?), которые указывали ей на опасность, сопряженную съ возвращеніемъ этихъ людей въ Шотландію.

Въ своемъ увлеченіи Дарнлеемъ Марія Стюартъ скоро потерпѣла разочарованіе. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы, какъ отношенія между супругами начинаютъ портиться. Онъ начинаетъ вести безпорядочную жизнь и выказываетъ склонность къ пьянству. Съ женой обращается грубо, не стѣсняясь даже посторонними. Бывали случаи, что Марія Стюартъ начинала удерживать его при гостяхъ отъ излишняго употребленія вина и получала въ отвѣтъ такую отборную ругань, что въ слезахъ удалялась изъ за стола. Положимъ, что въ этомъ отношеніи Дарнлей былъ не хуже другихъ шотландскихъ лордовъ, но ей, воспитанной въ другихъ нравахъ, отъ этого было не легче. Грубость и разгульная жизнь Дарнлея не искупались никакими другими достоинствами; ограниченность его ума могла соперничать развѣ только съ его высокомеріемъ. При такихъ условіяхъ онъ, понятно, не могъ упрочить за собою влияния на государственныя дѣла, и это сердило его и возстановляло еще болѣе противъ Маріи Стюартъ, а отсюда уже недалеко было до того, чтобы сойтись съ недоволь-

ными лордами, представителями английской партіи. Причиной ихъ недовольства было намѣреніе Маріи урегулировать положеніе конфискованныхъ церковныхъ земель, вѣшнимъ же поводомъ заговора является расположеніе Маріи къ итальянцу Риччіо, занимавшему мѣсто секретаря по французской и итальянской перепискѣ.

Дѣло Риччіо, обыкновенно, представляется въ такомъ видѣ: Риччіо пріобрѣтаетъ большое вліяніе и расположеніе Маріи Стюартъ, Дарнлей же ревнуетъ его и результатомъ этой ревности явилось убіеніе Риччіо. На самомъ же дѣлѣ, это далеко не такъ. Риччіо пользовался расположеніемъ Маріи еще до свадьбы ея съ Дарнлеемъ. Онъ былъ итальянецъ родомъ, былъ образованъ, уменъ, а главное былъ хорошій музыкантъ. Всѣ эти качества, особенно послѣднее, пріобрѣли ему расположеніе королевы, которая страстно любила музыку. Онъ былъ ея секретаремъ и велъ ея секретную иностранную переписку. По характеру своихъ занятій онъ былъ приближеннымъ королевы, но о какихъ бы то ни было поводахъ къ ревности и рѣчи быть не можетъ. Риччіо сталъ мало по мало пріобрѣтать политическое вліяніе; это вліяніе оказывается неудобнымъ для лордовъ, и они рѣшаются устранить Риччіо, а заодно съ нимъ и королеву. Подъ руководствомъ лорда Мортонъ составилъ въ началѣ 1566 года заговоръ, въ которомъ главное участіе приняли и изгнанные лорды графъ Морэ, Аргайль. Гленкэрнъ (Glencairn), самъ Дарнлей и его отецъ Ленноксъ. Глава шотландскаго протестантизма Ноксъ былъ посвященъ въ тайну заговора и одобрилъ его. Англійское правительство отнеслось къ нему благосклонно. Цѣль заговора была выражена въ двухъ договорахъ, подписанныхъ и Дарнлеемъ; рѣшено было: Риччіо убить непременно, королеву же подвергнуть пожизненному заточенію, устранить ее отъ управленія государствомъ. Дарнлею обѣщано было предоставленіе управленія государствомъ и сохраненіе за нимъ наслѣдственной королевской власти даже въ случаѣ смерти королевы; а онъ, съ своей стороны, согласился на лишеніе ея жизни, если бы она вздумала сопротивляться заговорщикамъ. Договоръ этотъ помѣченъ 1-мъ марта 1566 г. и въ немъ въ перечисленіи мотивовъ убіенія Риччіо ни слова не говорится о какой либо ревности или подозрѣніи такихъ отношеній его къ Маріи, которыя были бы позорны для Дарнлея. Приведенъ былъ заговоръ въ исполненіе 9-го марта. Вечеромъ, когда Марія со своими приближенными, въ числѣ которыхъ былъ и Риччіо, сидѣла за обѣдомъ въ своихъ апартаментлахъ, входитъ Дарнлей. Появленіе Дарнлея

въ такое необычное время не мало удивило Марію: въ послѣднее время онъ рѣдко бывалъ у нея и обѣдалъ обыкновенно отдѣльно. На вопросъ Маріи, что побудило его прійти теперь, Дарнлей сказалъ, что онъ постарался раньше отобѣдать и поторопился прійти къ королевѣ, такъ какъ слыхалъ, что ей нездоровится. Затѣмъ онъ сѣлъ рядомъ съ нею и сталъ ласково съ нею заговаривать; она повернулась къ нему и они поцѣловались. Черезъ нѣсколько минутъ, безъ всякаго доклада, входитъ самый ярый протестантъ лордъ Рутвенъ; онъ былъ въ латахъ и его лицо, изможденное лихорадкою, такъ испугало Марію своимъ зловѣщимъ видомъ, что она съ тревогой обратилась къ нему съ вопросомъ, что значить, что онъ явился въ такую пору и безъ доклада. Рутвенъ отвѣтилъ, что онъ пришелъ оказать услугу.— „Какую же услугу можете вы оказать мнѣ?“ — спросила она. „Избавить отъ этой дряни,— отвѣтилъ онъ, указывая на Риччіо,— которая сидитъ въ концѣ стола и которая не заслуживаетъ ни этого мѣста, ни этой чести. Мы не хотимъ быть управляемы лакеемъ“. Между тѣмъ входятъ другіе вооруженные лорды, въ корридорахъ слышенъ шумъ отъ многихъ голосовъ и бряцаніе оружіе. Марія отвѣчаетъ Рутвену, что она согласна предать Риччіо суду лордовъ парламента, но не допустить никакого насилія надъ своимъ секретаремъ. „Вотъ нашъ судъ,— вскричалъ одинъ изъ лордовъ,— вытащивъ изъ подъ платья веревку“. Рутвенъ, не слушая запрещенія королевы, подходитъ къ Риччіо и хочетъ его схватить; послѣдній бросается къ королевѣ, хватается за ея платье; Рутвенъ преслѣдуетъ его. Лица, бывшія за столомъ съ королевой, кидаются къ Рутвену и хотятъ выгнать его вонъ; его товарищи начинаютъ помогать ему. Завязывается борьба, во время которой столъ, за которымъ сидѣли обѣдавшіе, опрокидывается. Герцогиня Аргайль едва успѣла схватить одинъ изъ факеловъ, стоявшихъ на немъ и тѣмъ предупредила наступленіе полной темноты. Въ этой сумятицѣ Рутвенъ оттолкнулъ королеву къ Дарнлею и приказалъ ему держать ее крѣпко. Послѣдній исполнилъ это приказаніе, усадивъ ее на стулъ, а Фоудонсайдъ (Fawdonside) приставилъ къ ея груди заряженный пистолеть и съ ругательствами и оскорбленіями угрожалъ ее убить, если она будетъ сопротивляться. „Стрѣляйте, если вы не имѣте уваженія къ ребенку, котораго я ношу въ себѣ“,— крикнула она. Лордъ Геррисъ (Herris) говоритъ, что Фоудонсайдъ выстрѣлилъ, но произошла осѣчка. Между тѣмъ Риччіо съ отчаяніемъ все еще держится за платье королевы и кричитъ, требуя справедливости

и моля о спасеніи. Марія Стюартъ упрашиваетъ заговорщиковъ пощадить его; Дарнлей уговариваетъ ее предоставить Риччіо заговорщикамъ или, по крайней мѣрѣ, приказать ему выйти. Тогда одинъ изъ заговорщиковъ Джорджъ Дегласъ, которому надоѣло ждать, нагнулся надъ Маріей Стюартъ сзади и чрезъ ея плечо кинжаломъ нанесъ Риччіо первый ударъ. Другіе кинулись на него и потащили его вонъ изъ комнаты. Марія не могла двинуться: Дарнлей крѣпко держалъ ее, нѣкоторые изъ заговорщиковъ приставили къ ея груди шпаги. Риччіо вытащили въ большую пріемную залу. Стукъ оружія, крики и стоны несчастнаго доносились до Маріи и говорили ей о кончающейся драмѣ. Въ остервененіи заговорщики нанесли Риччіо 56 ранъ и въ суматохѣ и полумракѣ многіе изъ нихъ поранили другъ друга. Тѣло Риччіо было вытасчено затѣмъ въ сѣни и брошено тамъ въ лужѣ крови.

Когда все было кончено, Марія, очнувшись отъ испуга, обратилась къ Дарнлею, упрекая его въ томъ, что онъ, ея возвышенный, ея возведенный на тронъ, согласился принимать участіе въ такомъ гнусномъ дѣлѣ. На это Дарнлей отвѣтилъ ей, что онъ находилъ, что благо государства требуетъ устраненія Риччіо и что для него, Дарнлея, непріятно и неудобно было то вліяніе на королеву—его жену, которымъ въ такой степени пользовался Риччіо.

Убійство Риччіо было только первымъ актомъ. Не для этого только 200 человекъ дворянъ захватили и окружили Голирудскій дворецъ. Дальнѣйшею цѣлью было низверженіе Маріи и захватъ власти. Для этого то теперь никого не выпускали во дворецъ и не выпускали изъ него.

Марія очутилась такимъ образомъ плѣнницею въ рукахъ заговорщиковъ. Больная, потрясенная всѣмъ происходившимъ у нея на глазахъ, она впала въ отчаяніе. Когда она узнала о возвращеніи графа Морэ, она подумала, что найдетъ въ немъ поддержку. Она не знала, что онъ тоже принималъ участіе въ заговорѣ. Она надѣялась, что онъ, какъ братъ ея, выручитъ ее изъ бѣды. Когда онъ явился во дворецъ, она бросилась къ нему въ объятія со слезами и воскликнула: „Ахъ, братъ мой, если бы вы были здѣсь, вы не допустили бы, чтобы со мною поступили такъ жестоко!“ Морэ представился растроганнымъ; Марія его увѣряла, что не ея вина въ томъ, что онъ такъ долго оставался въ изгнаніи, что теперь онъ желанный гость и что она готова возвратитъ ему все свое расположеніе, если онъ обѣщаетъ быть вѣрнымъ. Графъ Морэ опустился предъ нею на колѣни и просилъ забыть все прошлое.

Онъ увѣрялъ ее, что никогда не питаль противъ нея дурныхъ помысловъ я общалъ быть въ будущемъ добрымъ и вѣрнымъ слугою.

Но графъ Морэ и не думаль серьезно о своихъ общаніяхъ и совѣщался съ другими лордами, какъ лишить власти Марію и вообще взять ее въ свои руки.

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Риччіо, Дарнлею пришлось разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ; онъ видитъ, что сама лига, поставившая цѣлью заговора убить Риччіо и арестовать королеву, оказывается непрочною, что онъ является только игрушкою въ рукахъ лордовъ и что они вовсе не думаютъ предоставить ему той роли, которую общали, а напротивъ, игнорируютъ его. Марія Стюартъ представляетъ ему, что убійство Риччіо было для заговорщиковъ только средствомъ посѣять раздоръ между нимъ и ею и, устранивъ ее, устранить затѣмъ и его. Эта мысль поражаетъ его своей вѣрностью. Его беретъ зло и онъ проситъ у нея прощенія за свое участіе въ заговорѣ, сообщаетъ ей, что ее хотятъ убить, общаетъ выдать ей всѣхъ заговорщиковъ, а теперь помочь бѣжать изъ дворца. Марія, если и не вѣритъ ему вполне, то старается вѣрить, и рада его повороту къ ней, какъ утопающій радъ первому предмету, за который можно ухватиться. Она примиряется съ Дарнлеемъ и они вмѣстѣ обдумываютъ планъ избавленія. Дарнлею удалось убѣдить лордовъ, что необходимо возвратитъ Маріи свободу хоть на короткое время, что она больна и сильно взволнована всѣми предшествовавшими обстоятельствами, что, кромѣ того, необходимо показать народу, что королева вовсе не плѣнница, дабы придать ея распоряженіямъ силу свободныхъ распоряженій, что онъ, Дарнлей, беретъ на себя отвѣтственность за то, что она не убѣжитъ. Лорды уступили всѣмъ этимъ доводамъ и сняли на одну ночь стражу. Марія и Дарнлей воспользовались этимъ случаемъ и бѣжали въ Дунбаръ. Заговорщикамъ, конечно, послѣ такой измѣны Дарнлея и перехода его на сторону королевы ничего не оставалось, какъ только бѣжать. Они и бѣжали въ Англію, за исключеніемъ Аргайля и Морэ, виновность которыхъ не вполне была выяснена. Дарнлею же Марія Стюартъ предложила оправдаться въ совѣтѣ во взводимыхъ на него обвиненіяхъ; онъ это охотно сдѣлалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдалъ всѣхъ заговорщиковъ.

Убіеніе Риччіо разрушило всякія иллюзіи, которыя еще могла питать Марія насчетъ Дарнлея. Но онъ раскаялся, онъ увѣрялъ,

что былъ только попустителемъ этого преступленія и притомъ частью по слабохарактерности, частью изъ чувства самосохраненія. Раскаяніе и клятвы казались искренними. Марія повѣрила имъ, а можетъ быть, и заставила себя вѣрить, такъ какъ другаго ничего не оставалось для мало-мальски сносной жизни. Но выдавая королевѣ своихъ товарищей головою и отдѣляя свое дѣло отъ ихъ дѣла, Дарнлей упустилъ изъ виду одно очень важное обстоятельство: въ рукахъ заговорщиковъ остался письменный документъ, которымъ они могли открыть глаза Маріи на настоящей смыслъ роли, которую игралъ ея мужъ во всемъ дѣлѣ заговора. Онъ могъ думать, что они не вернутся въ Шотландію, что они, поэтому, будутъ лишены возможности предъявить этотъ документъ, но такой расчетъ былъ вдвойнѣ ошибоченъ: Марія была не злопамятна, а ходатайства за заговорщиковъ со стороны нѣкоторыхъ приближенныхъ были очень настойчивы.

Къ тому же, Дарнлей не сразу выдалъ всѣхъ участниковъ заговора, а началъ постепенно дѣлать новыя открытія; поэтому заговорщики, еще не выданные, поторопились предъявить Маріи договоръ (bond), подписанный Дарнлеемъ, изъ котораго явствовало, что онъ самъ былъ чуть не главнымъ зачинщикомъ заговора не только на жизнь Риччіо, но и на жизнь самой Маріи. Это разоблаченіе произвело на нее подавляющее впечатлѣніе. Всѣ клятвы Дарнлея въ его невинности, которыя онъ давалъ передъ государственнымъ совѣтомъ, оказывались ложью. Ясно стало, что его низость простиралась даже до согласія пожертвовать жизнью жены, лишь бы пріобрѣсти власть и первенствующее положеніе въ государствѣ.

Отношенія Дарнлея къ придворной знати стали невыносимы. Онъ долженъ былъ постоянно встрѣчаться съ своими сообщниками по заговору противъ Риччіо, которыхъ онъ выдалъ и которые очень хорошо знали это. Лѣтомъ 1566 года воротились изъ изгнанія многіе изъ лордовъ, бѣжавшихъ въ Англію послѣ убійства Риччіо: Марія простила ихъ, и, конечно, не съ чувствомъ дружбы и благодарности относились они къ Дарнлею. Послѣдняго особенно раздражало то обстоятельство, что возвратившіеся лорды опять пріобрѣли вліяніе и что значеніе графа Морэ въ дѣлахъ государственныхъ, снова сдѣлавшееся очень большимъ, приводило къ нулю значеніе его, Дарнлея. Раздраженіе его сказывалось тѣмъ, что онъ постоянно сталъ ссориться съ королевой. То онъ оставляетъ ее и удаляется куда нибудь на болѣе или менѣе продолжи-

тельное время, не стѣсняясь дѣлать это даже тогда, когда Марія, едва оправившись отъ болѣзни послѣ родовъ, предприняла путешествіе въ Аллоа. Затѣмъ онъ снова возвращается, примиряется съ нею, чтобы черезъ нѣсколько дней снова сдѣлать какую нибудь сцену по поводу ея яко-бы слишкомъ большой дружбы съ графинями Морэ, Аргайль и де-Маръ, или по какому либо другому поводу. Французскій посланникъ Форе (Forest) писалъ французскому королю осенью 1566 г.: „Королева находилась въ Стирлингѣ и была въ хорошемъ расположеніи духа, а король (Дарнлей) былъ въ 8 миляхъ оттуда на охотѣ съ очень малочисленной свитой и очень недовольный; но это ужъ не новость, и по поводу этого волноваться нечего, такъ какъ они и трехъ дней не могутъ пробыть вмѣстѣ, чтобы между ними не было ссоры (riotte)“. Около этого времени Дарнлей распустилъ слухъ, что хочетъ совсѣмъ уѣхать изъ Шотландіи и написалъ Маріи письмо, въ которомъ излагалъ ей причины своего неудовольствія. Онъ жаловался на то, что она ему предоставляетъ слишкомъ мало значенія, и на то, что онъ не имѣетъ свиты и что лорды не хотятъ его знать. На это письмо Марія отвѣчала ему, что онъ долженъ во всемъ винить себя, что она оказалась въ очень плохомъ положеніи вслѣдствіе того, что предоставила ему слишкомъ много вліянія (credit), такъ какъ онъ воспользовался имъ для того, чтобы покрыть тѣхъ людей, которые ее оскорбили; хотя онъ и ввелъ къ ней убійцъ ея слуги и былъ объявленъ послѣдними зачинщикомъ всего предпріятія, она, однако, оказала ему достаточно почтенія тѣмъ, что простила его и показала видъ, что ничему не вѣрять... Если онъ хочетъ сблизиться съ лордами, то самъ долженъ относиться къ нимъ лучше и быть болѣе любезнымъ; иначе ей самой будетъ очень трудно упорядочить эти отношенія и въ особенности склонить ихъ предоставить ему участіе въ веденіи дѣлъ, такъ какъ они, кажется, на это ни за что не захотятъ согласиться.

Видя, что угроза отъѣздомъ изъ Шотландіи ни къ чему не ведетъ, Дарнлей оставляетъ разговоръ на эту тему, но продолжаетъ будировать противъ Маріи, причиняя ей тѣмъ не мало неприятностей. Въ началѣ октября Марія отправилась въ Іедбургъ для суда надъ предводителями разбойничьихъ шаекъ, нарушавшихъ спокойствіе на южной границѣ Шотландіи. Еще ранѣе того посланъ былъ туда графъ Ботуэль для преслѣдованія ихъ. Онъ успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе, но самъ едва не поплатился жизнью во время борьбы съ разбойниками. Во

время одной стычки онъ незамѣтно отдѣлился отъ своихъ и очутился лицомъ къ лицу и одинъ на одинъ съ знаменитымъ бандитомъ Джономъ Эллиотомъ дю-Паркомъ. Произошла схватка, въ которой Эллиотъ былъ убитъ, а Ботуэль получилъ три опасныхъ раны, такъ что распространился слухъ о его смерти. Въ теченіи 8 дней Марія вела судебныя засѣданія по разбору дѣлъ разбойниковъ, арестованныхъ Ботуэлемъ. По окончаніи судебной сессіи, по совѣту и просьбѣ окружающихъ, она отправилась въ сопровожденіи графа Морэ и другихъ лордовъ въ замокъ, въ 18 миляхъ отъ Іедбурга, чтобы посѣтить Ботуэля. Она пробыла у него часа два, бесѣдовала съ нимъ въ присутствіи сопровождавшихъ ее лордовъ и затѣмъ въ тотъ же день вечеромъ вернулась обратно въ Іедбургъ. Англійскій посланникъ Скропъ (Skrope), сообщая Сесилию объ этомъ посѣщеніи, говоритъ, что королева пробыла въ замкѣ два часа къ большому удовольствію Ботуэля.

Мы бы не остановились на этомъ событіи, если бы оно не послужило въ послѣдствіи въ рукахъ враговъ Маріи аргументомъ для доказательства существованія страсти ея къ Ботуэлю. Они говорили, что отъѣздъ ея изъ Эдинбурга въ Іедбургъ былъ вызванъ извѣстіемъ объ опасномъ положеніи Ботуэля, что желаніе самой руководить судебной сессіей было только благовиднымъ предлогомъ, чтобы прикрыть любовное свиданіе съ Ботуэлемъ. Всѣ эти наговоры не имѣютъ основанія. Не говоря уже о томъ, что не далѣе, какъ мѣсяца три передъ тѣмъ, Ботуэль женился на лэди Гордонъ, что Марія сама содѣйствовала этому браку, по словамъ французскаго посла, Ботуэль вовсе не принадлежалъ къ числу людей, могущихъ производить впечатлѣніе на женщинъ. Онъ былъ очень дурень собою. Но (и это главное) фактическія обстоятельства не согласны съ тѣмъ толкованіемъ, которое даютъ противники Маріи путешествію ея въ Іедбургъ. Она выѣхала изъ Эдинбурга въ тотъ самый день, когда былъ раненъ Ботуэль, т. е. когда извѣстіе о постигшемъ его несчастіи не могло еще придти въ Эдинбургъ. Обстановка поѣздки ея въ замокъ Ботуэль и свиданіе съ нимъ вовсе не соотвѣтствуетъ по характеру своему той цѣли, съ которою Марія, по словамъ ея обвинителей, отправлялась въ замокъ. Посѣщеніе ея объясняется довольно просто желаніемъ ея оказать милость человѣку, который подвергся опасности, исполняя энергично возложенное на него порученіе, а съ другой стороны — желаніемъ изъ разговора съ нимъ познакомиться съ положеніемъ провинціи, правителемъ которой былъ Ботуэль,

въ силу своихъ наслѣдственныхъ правъ, и въ которой дѣйствовали англійскіе агенты Мортонъ и его товарищей. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой поѣздки королева опасно заболѣла гнилой лихорадкой. Частыя рвоты, продолжительные обмороки сопровождали болѣзнь. Врачи и окружавшіе ее лорды отчаивались въ ея выздоровленіи. Она сама не надѣялась выздоровѣть и поручала бывшимъ при ней членамъ совѣта заботиться о государствѣ и о ея маленькомъ сынѣ. Она просила ихъ также не уклоняться отъ началъ религіозной терпимости и не насиловать совѣсть католиковъ, „такъ какъ будетъ ужь очень жестоко — сказала она, — насиловать совѣсть въ такомъ (религіозномъ) дѣлѣ“. Только на девятый день послѣ сильнаго кризиса явилась надежда на ея выздоровленіе. 9-го ноября лишь, и то будучи еще совершенно слабою, мучимая сильною болью въ лѣвомъ боку, она двинулась обратно очень медленно и съ большими разстановками и прибыла въ Крегмилльаръ, гдѣ рѣшила пробыть до крестинъ своего сына. Во все время ея болѣзни Дарнлей не навѣдался, хотя и зналъ о ея положеніи. Онъ пріѣхалъ лишь тогда, когда она уже стала выздоравливать, да и то лишь на одинъ день. Но еще важнѣе было то обстоятельство, что онъ отказался присутствовать при крещеніи своего сына. Его отсутствіе объясняли двойнымъ мотивомъ: 1) онъ не хотѣлъ быть въ обществѣ лордовъ, которые оказывали бы ему меньше почета, чѣмъ королевѣ, не хотѣлъ, чтобы представители иностранныхъ державъ видѣли это; 2) онъ зналъ, что на крестинахъ будетъ представитель англійской королевы, который будетъ умышленно не замѣчать его. Какъ бы то ни было, на крестинахъ наслѣдника шотландскаго престола отецъ его отсутствовалъ.

Всѣ эти обстоятельства удручающе дѣйствовали на Марію и разстраивали ея здоровье. „Я думаю, — писалъ французскій посланникъ дю-Крокъ къ Глазговскому архіепископу, — что главная причина ея болѣзни это — глубокое горе, котораго ее нельзя заставить забыть; она часто повторяетъ, что хотѣла бы умереть. Третьяго дня Дарнлей прислалъ мнѣ сказать, что онъ хочетъ со мною повидаться въ полумилѣ отсюда (Крэгмилльара); я отправился и увидѣлъ, что дѣла идутъ все хуже и хуже. Я думаю, что онъ намѣренъ завтра уѣхать; но я увѣренъ по прежнему, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ присутствовать на крестинахъ. Говоря откровенно (но только я прошу васъ не говорить никому объ этомъ, чтобы это не повредило мнѣ), я не рассчитываю ни на какое соглашеніе между ними по многимъ причинамъ, изъ которыхъ

я укажу вамъ на двѣ: во 1-хъ, король ни за что не согласится смириться, какъ бы слѣдовало, во 2-хъ, королева не можетъ видѣть, когда кто либо изъ вельможъ разговариваетъ съ нимъ, чтобы не заподозрить тутъ какого нибудь заговора“.

Такое настроеніе Маріи было какъ нельзя болѣе на руку людямъ, желавшимъ отомстить Дарнлею за предательство и, отдѣлавшись отъ него, стать ближе и крѣпче у власти. Они рѣшились воспользоваться благопріятнымъ временемъ и составили заговоръ. Главными заговорщиками были: Морэ, Аргайль, Летингтонъ, Гентли и Ботуэль. Общая цѣль заставила ихъ забыть свои распри и помириться. Аргайль и Гентли сохранили намъ рассказъ объ этомъ событіи, имѣвшемъ роковое значеніе въ судьбѣ Маріи Стюартъ.

Однажды утромъ въ декабрѣ мѣсяцѣ (1566 г.) Морэ и Летингтонъ вошли въ комнату Аргайля въ то время, какъ онъ еще былъ въ постели. Выразивъ сожалѣніе о томъ, что изгнаніе Мортонна все еще продолжается, они поставили ему на видъ, что, такъ какъ убійство Риччіо совершено было въ интересахъ Морэ, то на немъ лежитъ обязанность сдѣлать все возможное, чтобы изгнанные были возвращены; иначе онъ можетъ быть обвиненъ въ неблагодарности. Къ этому они прибавили, что Аргайль, извлекшій такую же пользу изъ убійства Риччіо, какъ и Морэ, долженъ раздѣлять чувства послѣдняго. Аргайль отвѣтилъ, что онъ готовъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ для возвращенія изгнанниковъ, только бы королева не была обижена. На это Летингтонъ возразилъ, что самое вѣрное средство добиться ихъ прощенія, это предоставить королевѣ возможность развестись съ мужемъ. На возраженіе Аргайля, что онъ не видитъ, какъ это могло бы сдѣлаться, Летингтонъ отвѣтилъ: „Не безпокойтесь, милордъ, мы найдемъ много средствъ избавить ее отъ мужа, лишь бы вы и милордъ Гентли согласились оказать намъ поддержку“. Тогда они позвали послѣдняго. Морэ и Летингтонъ обѣщали, если онъ согласится помогать имъ, что ему будетъ возвращена часть его имущества, относительно которой не былъ еще уничтоженъ актъ о вѣроломствѣ (по дѣлу Риччіо). Отвѣтъ Гентли былъ въ томъ смыслѣ, что онъ не будетъ противодействовать проекту, если онъ полезенъ и честенъ и если королева дастъ на него свое согласіе. Потомъ они отправились къ Ботуэлю; тотъ ничего не возражалъ.

Условившись между собою, заговорщики отправились къ королевѣ. Здѣсь устами Летингтона они напомнили ей о всѣхъ

оскорбленіяхъ и обидахъ, которыя каждый день наноситъ ей король. Они заявили ей, что если она согласится простить Мортонна и его товарищей по изгнанію, то они со всѣмъ дворянствомъ доставятъ ей возможность, безъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны, получить разводъ. Королева отвѣтила, что она согласится на предложеніе лишь при двухъ условіяхъ, во 1-хъ, чтобы разводъ состоялся согласно съ законами, во 2-хъ, чтобы онъ не нанесъ ущерба правамъ ея сына, „въ противномъ случаѣ,— сказала она,— я готова терпѣть всѣ муки и подвергаться всевозможнымъ опасностямъ“. Когда во время дальнѣйшаго разговора лорды дали понять, что слѣдуетъ сдѣлать такъ, чтобы Дарнлей жилъ въ одной части королевства, а Марія въ другой, она отвѣчала, что, можетъ быть, король измѣнитъ свое поведеніе или, что, можетъ быть, было бы лучше, если бы она сама удалилась во Францію на нѣкоторое время, пока король не сознаетъ своихъ ошибокъ.— „Не безпокойтесь, государыня,— возразилъ снова Летингтонъ,— мы здѣсь главные лица вашего дворянства и вашего совѣта, мы сумѣемъ сдѣлать такъ, чтобы ваше величество были избавлены отъ короля безъ всякаго ущерба для вашего сына. Хотя лордъ Морэ, присутствующій здѣсь, столько же радѣетъ о всякомъ протестантѣ, сколько ваше величество о папистѣ, я увѣренъ, что онъ будетъ смотрѣть на все сквозь пальцы и что онъ, не сказавъ ни слова, допуститъ насъ дѣйствовать“. На эти слова, которыхъ значеніе становилось двусмысленнымъ, королева отвѣтила: „Я не хочу, чтобы вы дѣлали что бы то ни было, что могло бы задѣть мою честь и мою совѣсть; поэтому я васъ прошу, оставьте дѣла въ нынѣшнемъ положеніи, пока Господь Богъ въ своей благости самъ не исправитъ ихъ; думая оказать мнѣ услугу, вы можете оскорбить меня или вызвать мое неудовольствіе“. На томъ попытка лордовъ и кончилась. Какъ ни содержался въ секретѣ заговоръ, слухи о немъ проникли въ публику. Испанскій посланникъ въ Лондонѣ Гуцманъ де-Сильва сообщалъ своему двору, что „многіе представители дворянства хотѣли втянуть королеву въ заговоръ противъ короля, но она отказалась отъ этого“.

Когда не удалась попытка устранить Дарнлея путемъ развода, лорды рѣшились не останавливаться на этой неудачѣ, а отдѣлаться отъ него такъ или иначе. Они, по словамъ современнаго историка Кэмдена (Camden, 1551—1623 г.), предложили Ботуэлю первую роль въ этомъ дѣлѣ и онъ принялъ ее. Морэ и другіе заговорщики подали ему надежду жениться на королевѣ, если она

станеть вдовою. Они убѣждены были,— говоритъ тотъ же историкъ,— что если бы дѣло удалось, то они могли бы однимъ ударомъ отдѣлаться отъ короля, дискредитировать королеву предъ дворянствомъ и народомъ, погубить Ботуэля и затѣмъ захватить власть. Еще до отъѣзда изъ Крэгмилльара они заключили письменный союзъ (bond) слѣдующаго содержанія: „Нижеподписавшіеся лорды и все дворянство полагаютъ, что въ интересахъ государства молодой сумасбродъ (foe), гордый тиранъ, не долженъ больше пользоваться властью надъ ними. Вслѣдствіе сего они постановили отдѣлаться отъ него какими бы то ни было средствами. Того, кто возьметъ на себя починъ или выполненіе предпріятія, всѣ другіе должны поддерживать и защищать, какъ бы самихъ себя, и дѣло будетъ поддерживаемо (tenu) и признаваемо, какъ свое собственное“. Этотъ контрактъ былъ переданъ Ботуэлю. Его составлялъ Джемсъ Бальфуръ. Подписанъ онъ былъ нѣсколькими лордами, между которыми, по словамъ Ботуэля, были Гентли, Аргайль и Летингтонъ.

Общими усиліями имъ удалось добиться отъ Маріи прощенія Мортонъ, Рутвена и ихъ товарищей по изгнанію, главныхъ участниковъ въ дѣлѣ Риччіо. Марія Стюартъ не согласилась простить только Джорджа Дегласа и Кера де-Фуодонсайда. Дегласъ первый нанесъ ударъ Риччіо, а Фуодонсайдъ держалъ пистолетъ, приставленнымъ къ груди Маріи. Кромѣ того, Марія настояла, чтобы Мортонъ не смѣлъ приближаться ближе семи миль къ ея резиденціи. Какъ только Мортонъ вернулся, онъ сейчасъ же присоединился къ заговору на жизнь Дарнлея. По всей вѣроятности, на этомъ условіи заговорщики и согласились хлопотать о его прощеніи.

Теперь оставалось только искать случая для приведенія въ исполненіе задуманнаго плана. Такой случай представился во время болѣзни Дарнлея.

Отказавшись присутствовать на крестинахъ своего собственного сына, онъ, однако, пріѣзжалъ въ Стирлингъ и, какъ бы демонстрируя противъ королевы, остановился не въ замкѣ, а въ частномъ домѣ. По окончаніи торжества онъ уѣхалъ въ Глазго, гдѣ вскорѣ заболѣлъ оспой. Узнавъ о его болѣзни, Марія Стюартъ послала къ нему своего доктора. Сама она не поѣхала къ нему сейчасъ же: поведеніе мужа, конечно, не располагало ее къ такому посѣщенію. Къ тому же ходили толки о томъ, что Дарнлей и его отецъ графъ Леннокъ составили планъ похитить маленькаго принца и короновать его.

Съ другой стороны, говорили, что королева намѣрена захватить и посадить подъ стражу своего мужа. Откуда брались эти слухи, не могли никакъ узнать. Англійскій представитель при крещеніи Якова, герц. Бедфордъ, ѣздилъ на нѣсколько дней къ Морэ и велъ съ ними таинственные переговоры; оттуда онъ поѣхалъ къ Киркальди де-Гранжу, главному клевету на жалованьи англійской королевы, и съ нимъ тоже имѣлъ какія то совѣщанія. Заграницей поговаривали о готовящемся заговорѣ на жизнь Маріи Стюартъ. Испанскій посланникъ въ Парижѣ Франческо де-Алава сообщилъ по секрету послу Маріи Стюартъ, архіепископу Глазговскому, о томъ, что готовится заговоръ на жизнь Маріи Стюартъ, но на всѣ просьбы его сообщить какія либо болѣе опредѣленныя свѣдѣнія ничего больше не сказалъ. Архіепископъ кинулся къ Екатеринѣ Медичи, надѣясь получить какія либо разъясненія; она сказала ему, что до нея не доходило ничего такого, что бы могло беспокоить шотландскую королеву, съ тѣхъ поръ, какъ она имѣла мудрость простить Мортонъ и его товарищей по изгнанію. Архіепископъ, однако, не былъ успокоенъ. Онъ сообщилъ о слышанномъ Маріи Стюартъ и просилъ ее обратить вниманіе на то, чтобы начальники ея стражи строго исполняли свои обязанности. „Я не успокоюсь до тѣхъ поръ,— писалъ онъ,— пока не получу отъ васъ извѣстій“. Это письмо дошло до Маріи Стюартъ тотчасъ послѣ убіенія Дарнлея и послужило основаніемъ для ея увѣренности въ томъ, что покушеніе на Дарнлея направлено было въ то же время на ея жизнь и что она лишь случайно избѣгла опасности.

Мы знаемъ, что Марія не была ни мстительна, ни злопамятна и что дурныя отношенія къ мужу тяготили ее очень сильно. Она готова была на большія уступки, лишь бы сохранить какой нибудь ладъ въ этихъ отношеніяхъ. Дарнлей былъ зазнавшійся и капризный юноша, не отличавшійся вовсе силой характера. Онъ не былъ золъ отъ природы, а между тѣмъ могъ совершить и жестокость подъ вліяніемъ и науськиваніемъ другихъ. Онъ легко поднималъ носъ въ минуту удачи, но также легко падалъ духомъ отъ неудачи. На продолжительныя усилія, направленныя къ одной цѣли, онъ не былъ способенъ. Всѣ выходки его противъ Маріи Стюартъ, чтобы добиться авторитета и возвратить бывшее высокое положеніе въ государствѣ, не привели ни къ чему, и онъ усталъ будировать. Французскій посолъ дю-Кракъ писалъ, что Дарнлей хочетъ помириться съ королевой и только откладываетъ свое желаніе до той поры, когда окончатся всѣ торжества по поводу крещенія принца.

Заболѣвъ, онъ совсѣмъ упалъ духомъ, сталъ печаленъ и выразилъ желаніе видѣться съ женой.

Узнавъ объ этомъ, Марія отправилась въ Глазго. Весьма вѣроятенъ выводъ Карловы, что она поѣхала туда, посоветовавшись предварительно съ Морэ и признавъ моментъ удобнымъ для того, чтобы возстановить хотя бы внѣшне сносныя отношенія съ мужемъ. Его прежнее поведеніе заставляло Марію имѣть Дарнлея подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Желательно было не допустить его до такихъ поступковъ, которые онъ часто совершалъ по легкомыслию или подъ вліяніемъ другихъ причинъ и которые потомъ трудно было исправить. Марія выѣхала изъ Эдинбурга 24-го января 1567 года ¹⁾ и прибыла въ Глазго 25-го января вечеромъ. Въ тотъ же вечеръ она видѣлась съ Дарнлеемъ. Его настроеніе было совершенно не то, которое преобладало въ послѣдніе мѣсяцы. Она нашла его въ полномъ упадкѣ духа, печальнымъ и жаждущимъ примиренія. Они долго бесѣдовали какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующій, и эти бесѣды привели ихъ къ сближенію. Дарнлей каялся въ своихъ поступкахъ, упоминалъ о заговорѣ, который противъ него затѣвался въ Крэгмилльарѣ и въ которомъ,— онъ зналъ это,— Марія отказалась участвовать, и просилъ ее не оставлять его больше и жить съ нимъ настоящею супружескою жизнью. Марія примирилась съ своимъ мужемъ, обѣщала не оставлять его и сказала ему, что она возьметъ его съ собою въ Крэгмилльаръ, если онъ будетъ въ силахъ отправиться туда на носилкахъ. По показанію секретаря ея Но (Nou), окружающіе Марію лица порицали ее за то, что она снова примиряется съ мужемъ и говорили ей, что онъ и ей, и имъ приставитъ ножъ къ горлу. Понятно, что Марія оказалась въ большомъ затрудненіи. Она ѣхала подчинить мужа своей опекѣ, а встрѣтила съ его стороны не сопротивленіе, а мольбу о примиреніи и прощеніи. Подчиняясь голосу сердца, она сдается на эти просьбы, а тутъ ей говорятъ, что она дѣлаетъ опасный шагъ. Въ этомъ затрудненіи она обращается, какъ догадывается Карлова, къ Морэ и пишетъ ему: „Прошу васъ, напишите подробно, что я тамъ (въ Крэгмилльарѣ или Эдинбургѣ) должна дѣлать, когда буду тамъ; если вы не дадите никакого совѣта, то я вижу, что все бремя на меня свалится. Позаботьтесь обо всемъ и справьтесь со всѣмъ, какъ слѣдуетъ“. Эта выдержка находится въ

¹⁾ Филипсонъ доказалъ этотъ хронологическій фактъ несомнѣнно. (Revue Historique. 1887. Septembre—Octobre, p. 32).

краткомъ Глазговскомъ письмѣ, поддѣланномъ обвинителями Маріи въ томъ смыслѣ, какъ будто она писала его Ботуэлю.

27-го января Марія отправилась изъ Глазго вмѣстѣ съ Дарнлеемъ; они дѣлали маленькіе переѣзды, дабы не утомлять выздоравливающаго. Но они поѣхали не въ Крэгмилльаръ, какъ это предполагалось прежде, а въ Эдинбургъ; тамъ король остановился въ домѣ Роберта Бальфура (брата Джемса Бальфура), за городомъ, близъ церкви св. Маріи „въ полѣ“, которая такъ и называется „церковь въ полѣ“ (Kirk of Field).

Въ „Исторіи Маріи Стюартъ“ Минье весь переѣздъ изъ Глазго въ Эдинбургъ и помѣщеніе Дарнлея въ домѣ у „церкви въ полѣ“ представляется исполненіемъ плана Маріи, составленнаго ею сообщая съ Ботуэлемъ. По этому плану она должна была привезти Дарнлея въ Эдинбургъ и поселить его въ уединенномъ мѣстѣ, чтобы Ботуэлю удобно было съ нимъ тамъ покончить. Доказательствомъ такого заранѣе обдуманнаго намѣренія служили два письма Маріи Стюартъ, писанныя ею изъ Глазго къ Ботуэлю, въ которыхъ съ полною ясностью можно видѣть существованіе соглашенія между Маріею и Ботуэлемъ, а также и сильную страсть ея къ послѣднему. Въ подтвержденіе же того, что написано въ этихъ письмахъ, особенно же въ длинномъ письмѣ, приводится обыкновенно показаніе одного изъ слугъ Маріи Стюартъ, который былъ помѣщенъ на службу къ королевѣ Ботуэлемъ, а до того долго былъ на службѣ у него. Его имя было Николай Губертъ, но его прозвали Фрэнчъ Парисъ, такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Парижа.

Но дѣло въ томъ, что письма, о которыхъ идетъ рѣчь, подложны, и мы ниже приведемъ доказательства ихъ подложности и постараемся разъяснить происхожденіе этихъ яко бы документовъ.

Теперь мы остановимся на показаніи Фрэнча Париса, которое было снято съ него 8 и 9 августа 1569 года (послѣ этого 16 августа онъ былъ казненъ), и воспользуемся разборомъ Филипсона, помѣщеннымъ въ текущемъ году въ „Revue Historique“ Janvier—Feuivier 1888). Въ одномъ показаніи, а именно во второмъ, онъ рассказываетъ, что Марія черезъ два дня послѣ своего пріѣзда въ Глазго послала его въ Эдинбургъ къ Ботуэлю съ письмомъ. По пріѣздѣ туда онъ тщетно разыскивалъ его цѣлый день, но потомъ все таки увидался съ нимъ, передалъ ему письмо и много говорилъ съ нимъ и съ Летингтономъ. Потомъ, взявъ отъ нихъ пору-

ченія къ королевѣ, онъ вернулся въ Глазго и подробно разска-
заль ей о своей бесѣдѣ съ Ботуэлемъ и съ Летингтономъ. Вотъ
сущность показанія. Сличимъ его съ дѣйствительностью. Мы ви-
дѣли, что Марія Стюартъ пробыла въ Глазго 25 января вечеромъ;
тогда черезъ два дня, т. е. 27-го, она посылаетъ Фрэнча Париса
въ Эдинбургъ, куда онъ могъ прибыть никакъ не ранѣе вечера
того же дня. По дневнику Морэ, человекъ никакъ ужъ не при-
страстнаго въ пользу Маріи и посылавшаго потомъ показаніе
Фрэнча Париса къ королевѣ Елизаветѣ (по ея требованію), Бо-
туэль выѣхаль 24 января 1567 года изъ Эдинбурга въ Лидесдалъ
и вернулся оттуда только 28-го. Оказывается, что Фрэнчъ Парисъ
нашелъ Ботуэля въ Эдинбургѣ и разговариваль съ нимъ въ то
время, какъ послѣдній сражался съ пограничными разбойниками
въ Лидесдалѣ. Затѣмъ, по его показанію, онъ возвратился, зна-
чить, не ранѣе вечера 29 января въ Глазго и передалъ Маріи
свои разговоры съ Ботуэлемъ и Летингтономъ, т. е. въ то время,
когда ея уже не было въ Глазго, ибо она выѣхала оттуда 27 ян-
варя. Вся эта нескладница въ свидѣтельскомъ показаніи Фрэнча
Париса приводитъ Филипсона къ заключенію, что или оно выму-
чено было у него пыткой, или же оно было просто на просто
поддѣлано и послано королевѣ Елизаветѣ для вящаго убѣжденія
ея въ виновности Маріи Стюартъ. Что мы имѣемъ дѣло съ под-
логомъ, это вѣрнѣе, такъ какъ сохранилось первое показаніе того
же Фрэнча Париса, въ которомъ онъ указываетъ на Джемса Баль-
фура, какъ на главнаго зачинщика и руководителя заговора и
вообще выставляетъ убійство Дарнлея дѣломъ обширнаго круга
шотландской кальвинистской знати. Это показаніе было, конечно,
не по сердцу ни Морэ, ни его приснымъ, да и вообще Фрэнчъ
Парисъ имъ показался не удобнымъ человекѣмъ; они его сначала
прятали, сколько могли, а потомъ наскоро допросили, да черезъ
семь дней послѣ допроса и казнили. Когда королева Елизавета
потребовала, чтобы ей доставили этого человекъ, Морэ извинился,
что не можетъ исполнить ея требованія, такъ какъ онъ уже каз-
ненъ, и послалъ ей извѣстное намъ его ложное показаніе; при
этомъ онъ прибавилъ, что подлинность этихъ документовъ не
подлежитъ сомнѣнію (sic!) и что упомянутый Николай Губертъ,
онъ же Фрэнчъ Парисъ доставленъ былъ изъ Даніи (куда онъ
бѣжалъ) лишь въ половинѣ іюня 1569 года. Это указаніе Морэ
оказывается, однако, сомнительнымъ. Датскій профессоръ Шьернъ
(Schiern) снялъ въ копенгагенскомъ архивѣ копию съ квитанціи,

выданной въ Рескильдѣ шотландскимъ капитаномъ Кларкомъ маршалу датскаго двора Анселию де-Гислефельду въ томъ, что онъ 30 октября 1568 года получилъ двухъ шотландцевъ, обвиняемыхъ въ участіи въ убіеніи Дарнлея; одинъ изъ нихъ есть Фрэнчъ Парисъ. Вѣроятно ли, что Кларкъ держалъ его въ Даніи семь мѣсяцевъ послѣ выдачи и доставилъ его въ Шотландію только въ іюнѣ 1569 года? Вѣроятнѣе, что онъ доставилъ его еще до конца 1568 года, но его держали все время спрятаннымъ, чтобы не доставлять его въ Вестминстеръ (на конференцію), такъ какъ его показанія не были противъ королевы. Это скрываніе, конечно, говоритъ въ пользу того, что посланное потомъ, послѣ его смерти, показаніе его поддѣльно.

Мы остановились на дѣлѣ Фрэнча Париса и на его показаніи, такъ какъ, только допустивъ подлинность и правдивость этого показанія, можно доказать преступныя отношенія Маріи къ Ботуэлю и то, что она послала ему длинное письмо изъ Глазго. Но разъ подлинность и правдивость этого показанія должны быть отвергнуты,— а иначе поступить нельзя,— фактъ сношеній Маріи съ Ботуэлемъ рушится; рушится и предположеніе, что она по уговору съ нимъ повезла Дарнлея въ Эдинбургъ для помѣщенія въ домъ около „церкви въ полѣ“.

Но почему же, спроситъ читатель, Марія Стюартъ повезла Дарнлея не въ Крэгмилльаръ, а въ Эдинбургъ и помѣстила его не въ Голирудскомъ дворцѣ, а за городомъ? Единогласныя свидѣтельства секретаря Маріи Но, секретаря Дарнлея Крауфорда, камердинера Дарнлея Томаса Нельсона, говорятъ, что первоначально условлено было между Маріею Стюартъ и Дарнлеемъ, что они поѣдутъ въ Крэгмилльаръ, а что потомъ по настоянію самого короля этотъ планъ былъ измѣненъ въ пользу поѣздки въ Эдинбургъ. Что касается выбора мѣстожительства въ Эдинбургѣ, то совершенно понятно, что Дарнлея не помѣстили въ Голирудскомъ дворцѣ: везти туда опасно больнаго, когда тамъ находился маленький принцъ, было опасно. Къ тому же, этотъ дворецъ былъ и мраченъ, и очень сыръ, и не годился, по недостатку воздуха, для поправляющагося больнаго. По свидѣтельству секретаря Маріи Стюартъ—Но, Дарнлей самъ выбралъ своей квартирой домъ у „церкви въ полѣ“, по совѣту Джэмса Бальфура и нѣкоторыхъ другихъ. Испанскій посланникъ Гуцманъ де-Сильва въ письмѣ къ Филиппу II говоритъ, что король самъ выбралъ Киркъ-офъ-Фильдъ вслѣдствіе здороваго воздуха и хорошаго мѣстоположенія. Нако-

нещъ, съ этимъ согласно и сообщеніе епископа Росса, что король выбралъ Эдинбургъ „по совѣту врачей и дворянъ“.

Такимъ образомъ, рассказъ о томъ, что Марія повезла Дарнлея въ Эдинбургъ по предварительному уговору съ кѣмъ бы то ни было, надо отбросить, какъ вымыселъ, а на счетъ выбора квартиры сказать, что, конечно, не она ее выбирала, ибо сначала и не думала везти мужа въ Эдинбургъ, а выборъ дома самимъ Дарнлеемъ, по совѣту Джэмса Бальфура, надо признать весьма вѣроятнымъ.

Выбранное помѣщеніе было въ гигиеническомъ отношеніи хорошо, а относительно удобства вовсе не такъ плохо, какъ описывается у Минье. Это былъ домъ въ два съ половиною этажа; подвальный этажъ состоялъ изъ кухни, буфетной и кладовой, затѣмъ слѣдовалъ первый этажъ, изъ котораго вела внутренняя лѣстница во второй этажъ. Въ немъ расположены были комнаты Дарнлея, спальня, пріемная и галлерей для прислуги. Такъ какъ король долженъ былъ прожить тутъ до тѣхъ поръ, пока онъ не очистится вполне рядомъ ваннъ, то тутъ приготовлено было все нужное для купанія. Комнаты Дарнлея были обставлены прилично его званію. Въ спальнѣ была поставлена роскошная кровать, крытая фіолетовымъ бархатомъ, украшенная кружевами, золотомъ и серебромъ, въ пріемной былъ устроенъ балдахинъ изъ чернаго бархата съ двойной драпировкою.

Марія Стюартъ и Дарнлей пріѣхали въ Эдинбургъ въ послѣдній день января мѣсяца. Отношенія ихъ продолжали быть такими же, какъ и въ Глазго. Она каждый день бывала у него, проводила съ нимъ по нѣскольку часовъ. Она приказала поставить себѣ кровать въ комнатѣ въ нижнемъ этажѣ подъ комнатою Дарнлея и два раза ночевала тамъ.

Пребываніе Дарнлея въ домѣ „у церкви въ полѣ“ было очень удобно для выполненія заговорщиками ихъ плана устранить его. Такowymi были: Ботуэль, Летингтонъ, братъ его Мэтлендъ Сольдингэмъ, Робертъ Бальфуръ, собственникъ дома, гдѣ жилъ Дарнлей, его братъ Джэмсъ Бальфуръ, Гентли, Арчибальдъ Дегласъ, Кэтнессъ, архіепископъ Сентъ-Андре, Мортонъ, Рутвенъ, Линдсэ,— словомъ, почти всѣ тѣ, которые составили заговоръ въ Крэгмилларѣ съ прибавкою еще возвращенныхъ изъ изгнанія участниковъ въ дѣлѣ Ричіо, которые теперь, по всей вѣроятности, купили содѣйствіе лордовъ своему возвращенію на родину цѣною участія въ заговорѣ на жизнь короля. Заговорщики сначала пред-

полагали напасть на Дарнлея во время прогулки; но потомъ этотъ планъ былъ оставленъ и рѣшено было взорвать домъ, въ которомъ жилъ Дарнлей. Рѣшено было устроить это въ субботу, но не всѣ приготовления были окончены къ этому дню, а потому выполнение замысла было отложено на воскресенье.

Пора было уѣхать тому, кто еще въ Крэгмилльарѣ примкнулъ къ заговорщикамъ, но не хотѣлъ принимать въ дѣлѣ непосредственнаго участія. Мы говоримъ о графѣ Морэ.

Не смотря на то, что ему, какъ строгому пуританину, зазорно было ѣздить въ воскресенье, онъ все таки выѣхалъ утромъ въ этотъ день изъ Эдинбурга. Напрасно королева упрашивала его остаться на этотъ день, такъ какъ она должна была давать прощальную аудіенцію савойскому послу Моретту, онъ не согласился, говоря, что получилъ извѣстіе о серьезной болѣзни жены. Рано утромъ онъ выѣхалъ. Епископъ Россъ утверждаетъ, что дорогой онъ сказалъ одному изъ своихъ слугъ: „сегодня ночью, раньше чѣмъ разсвѣтетъ, лорда Дарнлея не будетъ на свѣтѣ“. Это извѣстіе можно принять лишь съ большою осторожностью.

Марія Стюартъ обѣщала присутствовать въ воскресенье вечеромъ на свадьбѣ своихъ служителей Себастіана Пэджа и Маргариты Карвудъ (Sebastien Page—Marguer. Carwood); свадьба должна была праздноваться въ Голирудскомъ дворцѣ. Какъ обыкновенно, королева была днемъ у Дарнлея, а потомъ посѣтила его вечеромъ, причемъ привела съ собою нѣсколько человекъ придворныхъ. Всѣ они пробыли тамъ до одиннадцатаго часа вечера, разговаривая и играя въ кости. Потомъ королева и бывшія съ нею лица пошли въ городъ, сопровождаемая слугами, несшими въ рукахъ зажженные факелы для освѣщенія дороги. Вечеръ въ Голирудѣ продолжался недолго. Послѣ полуночи знатные гости стали одинъ за другимъ удаляться; замѣтивъ это, и королева удалилась въ свои внутренніе покои, и балъ окончился. Во дворцѣ все затихло.

Но не было того же спокойствія около дома у „церкви въ полѣ“. Туда поспѣшили собраться главные заговорщики тотчасъ послѣ бала; другіе, по всей вѣроятности, уже и раньше собрались вокругъ роковаго дома. Какъ происходило дѣло во всѣхъ подробностяхъ, едва ли когда либо можно будетъ сказать съ достовѣрностью, потому что показанія объ немъ лицъ, участвовавшихъ въ немъ и допрашивавшихся впоследствии въ качествѣ обвиняемыхъ, сильно искажены и притомъ преднамѣренно, съ цѣлью выставить

совершенство убійства дѣломъ рукъ исключительно Ботуэля, за спиною котораго стояла Марія Стюартъ, какъ главная пособница.

Въ главныхъ чертахъ дѣло происходило такъ. По окончаніи бала Ботуэль только зашелъ къ себѣ въ комнату (во дворцѣ же) переодѣться и затѣмъ со своими ближайшими помощниками Поури (Powrie), Дольглишемъ (Dalgleish), Вильсономъ (Wilson) и Парисомъ (онъ же Николай Губертъ) отправились за городъ, въ монастырь Блэкъ-Фриардсъ (Black-Friards). Въ оградѣ этого монастыря Ботуэль поставилъ Дольглиша, Поури и Вильсона, а самъ съ Парисомъ перелѣзли черезъ стѣну и направились къ жилищу Дарнлея, въ которомъ, или около котораго находились уже въ это время другіе подручники Ботуэля—Ге-де-Талло и Гепбернъ (Hepburn). Они приготовили взрывъ дома и какъ разъ передъ прибытіемъ Ботуэля зажгли медленно горящій фитиль и удалились въ садъ, гдѣ ихъ и нашель Ботуэль. Онъ освѣдомился у нихъ, исполнили ли они всѣ его приказанія, и всѣ вмѣстѣ они стали дожидаться взрыва. Около двухъ часовъ раздался страшный громъ, „какъ будто двадцать или двадцать пять пушекъ выстрѣлили разомъ“. Ботуэль и его сотоварищи вернулись въ городъ. Когда они проходили черезъ дворцовый садъ, часовой ихъ окликнулъ, на что они отвѣчали: „слуги Ботуэля; мы идемъ къ нему съ вѣстями“. Часовой спросилъ ихъ, что это за шумъ, который сейчасъ былъ слышанъ? Они отозвались незнаніемъ и продолжали дорогу. Когда Ботуэль пришелъ къ себѣ, онъ сейчасъ же улегся въ постель, какъ ни въ чемъ не бывало. Но не прошло и четверти часа, какъ къ нему прибѣжали и сообщили о несчастіи, происшедшемъ съ домомъ у „церкви въ полѣ“. Онъ выразилъ и изумленіе, и негодованіе, и сейчасъ же снова отправился на мѣсто происшествія.

Какъ произведенъ былъ взрывъ? Этотъ вопросъ, повидимому, подробно разъясняется показаніями Ге-де-Талло и Гепберна. По этимъ показаніямъ оказывается, что порохъ былъ доставленъ накануне изъ замка Дунбара, принадлежавшаго Ботуэлю, и потомъ на другой день былъ внесенъ въ жилище Дарнлея какъ разъ въ то время, когда у послѣдняго сидѣла Марія Стюартъ. Ормстонъ, Дольглишъ, Поури, Гепбернъ и Николай Губертъ, прозванный Фрэнчъ Парисъ, въ мѣшкахъ таскали этотъ порохъ въ комнату въ нижнемъ этажѣ, въ которой стояла кровать Маріи Стюартъ и которая находилась подъ комнатою Дарнлея. Они ссыпали его на полу въ томъ мѣстѣ, надъ которымъ приходилась кровать Дарнлея. Когда работа была окончена, Фрэнчъ Парисъ поднялся на верхъ,

въ комнату Дарнлея, гдѣ сидѣла Марія Стюартъ, и его появленіе было для послѣдней знакомъ, что все готово и что ей пора удалиться.

Въ такомъ видѣ, на основаніи тѣхъ же показаній, рассказываетъ Минье дѣло взрыва дома у „церкви въ полѣ“, не подвергая сомнѣнію достовѣрность этого источника. Но въ томъ то и бѣда, что показанія Ге-де-Талло и Гепберна не могутъ претендовать на довѣріе, во 1-хъ потому, что эти люди говорили неправду, во 2-хъ потому, что ихъ показанія подверглись поддѣлкѣ. Филипсонъ въ „Revue Historique“ доказалъ и подложность этихъ показаній, и несогласіе ихъ съ дѣйствительностью. Такъ, официально редактированное показаніе Гепберна, данное имъ на эшафотѣ, должно несомнѣнно привести къ выводу, будто Марія Стюартъ одобрила планъ убіенія Дарнлея; между тѣмъ изъ письма аглійскаго агента Друри министру Елизаветы Сесилю отъ 7-го января 1568 г., черезъ четыре дня послѣ казни Гепберна, мы видимъ, что послѣдній говорилъ на эшафотѣ нѣчто совсѣмъ другое: онъ сказалъ, что Мэтлэмдъ, Гентли, Аргайлъ и Джэмсъ Бальфуръ составили лигу, чтобы убить короля. Въ официальной редакціи показанія о такомъ заявленіи ни словомъ не упоминается. Сообщенія же Друри заподозрить нельзя: онъ былъ ярымъ противникомъ Маріи и при томъ писалъ конфиденціально.

Въ показаніи того же Гепберна значится, что Марія Стюартъ приказала вынести изъ дома у „церкви въ полѣ“ свою дорогую кровать, обитую фіолетовымъ бархатомъ и украшенную кружевами съ золотомъ и серебромъ, и замѣнить ее другою, старою, и что это приказаніе было исполнено. Между тѣмъ, въ послѣднее время опубликованъ подлинный списокъ вещей, которыми меблированъ былъ домъ у „церкви въ полѣ“ и которыя погибли вмѣстѣ съ нимъ, и что же: старая, поношенная красная кровать, о которой говорится въ показаніи Гепберна, оказывается на самомъ дѣлѣ совершенно новою кроватью лиловаго бархата, украшенною кружевами, золотомъ и серебромъ. Показанія Ге-де-Талло и Гепберна о мѣстонахожденіи пороха направлены къ тому, чтобы доказать, что Марія Стюартъ не могла не быть соучастницей убійства. Если порошокъ былъ насыпанъ въ ея комнатѣ, а она проходила черезъ нее, возвращаясь отъ Дарнлея, то, конечно, она не могла не видѣть этой кучи. Но какъ по отношенію къ кровати и другимъ обстоятельствамъ оказывается невѣрнымъ показаніе Гепберна, такъ и показаніе Ге-де-Талло невѣрно, если только не поддѣлано. По-

казанія современниковъ согласны между собою въ томъ, что домъ у „церкви въ полѣ“ былъ разрушенъ до основанія, не исключая и фундамента. „Частный совѣтъ“ (шотландскій) пишетъ Екатеринѣ Медичи на другой день катастрофы (10 февраля): „Ничего не осталось не разнесеннымъ и не превращеннымъ въ прахъ; не только крыша и полъ, но и самыя стѣны до самаго основанія; такъ что не осталось и камня на камнѣ“. Бьюкэнентъ, врагъ Маріи Стюартъ, говоритъ, что домъ короля былъ разрушенъ съ фундамента (ex fundamentis). Жакъ Мельвилъ въ своемъ дневникѣ, озаглавленномъ „Diurnal of Occurents“, говоритъ то же самое. Такъ какъ подвальный этажъ дома у „церкви въ полѣ“ былъ со сводами, то порохъ, положенный въ комнатѣ Маріи Стюартъ, никогда бы не разрушилъ его, а потому специалисты утверждаютъ, что если и подвальный этажъ оказался разрушеннымъ, то, значитъ, порохъ былъ положенъ или въ погребѣ, или же въ минѣ подъ домомъ, а никакъ не въ комнатѣ Маріи Стюартъ. Съ этимъ заключеніемъ согласно и показаніе дневника секретаря Маріи Стюартъ Но (Nou) ¹⁾, въ которомъ говорится, что заговорщики зажгли мину, устроенную подъ домомъ короля. Въ обвинительномъ актѣ противъ Мортонна, составленномъ въ 1581 году, когда иныхъ враговъ Маріи Стюартъ уже не было въ живыхъ, а редакція показаній Ге-де-Талло и Гепберна была уже забыта, говорится, что и графъ (Ботуэль), и его сообщники принесли и сложили порохъ подъ фундаментомъ и угловыми камнями и въ сводахъ дома. Откуда взялось бы такое заявленіе обвинительнаго акта, если бы Ге-де-Талло и Гепбернъ дѣйствительно говорили то, что имъ приписано въ редакціи ихъ показаній, составленной подъ руководствомъ графа Морэ? Изъ всего вышеизложеннаго выходитъ, что порохъ былъ сложенъ, по всей вѣроятности, въ погребѣ, и весь этотъ рассказъ о разсыпаніи его въ комнатѣ Маріи Стюартъ—вздоръ. Замѣтимъ ужъ кстати несообразность этого рассказа: пять человекъ ходятъ взадъ и впередъ въ нижнюю комнату, выходятъ изъ нея, опять приходятъ, и никто изъ сидящихъ въ верхней комнатѣ не слышитъ этого, и никто изъ слугъ Дарнлея не видитъ этой сцены!

Дальнѣйшій рассказъ заговорщиковъ о томъ, что они зажгли фитиль по прибытіи Ботуэля съ бала въ Голирудѣ, не возбуждаетъ возраженій. Но вотъ въ чемъ дѣло. Трупы Дарнлея и его пажа Тэйлора были найдены въ саду. Когда, гдѣ и кѣмъ они были

1) Этотъ дневникъ изданъ въ Единбургѣ недавно, въ 1883 году.

убиты? Минье рассказываетъ это такъ: послѣ того, какъ все было приготовлено для взрыва, въ комнатѣ нижняго этажа, т. е. въ комнатѣ Маріи Стюартъ, остались Гепбернъ и Ге-де-Талло. При помощи подобранныхъ ключей они проникли въ комнаты короля. Услышавъ шумъ, онъ вскочилъ съ постели и успѣлъ накинуть шубу, чтобы бѣжать; но они захватили его и задушили. Также точно они покончили и съ пажемъ его, который спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Потомъ они вынесли трупы въ садъ и тамъ ихъ оставили. Готье въ своей исторіи Маріи Стюартъ рассказываетъ дѣло иначе: по его мнѣнію, Дарнлей и его пажъ успѣли выскочить изъ дому и были задушены уже въ саду; убійцы побоялись отнести ихъ трупы обратно въ домъ, потому что фитиль уже былъ зажженъ въ это время, и они могли не успѣть выйти изъ дому до взрыва. Но на вопросъ: кто именно покончилъ съ Дарнлеемъ, Готье отвѣчаетъ: „исторія никогда этого не узнаетъ“. Однако, изслѣдованія Филипсона подтверждаютъ и дополняютъ сообщеніе Готье и отвѣчаютъ, хотя не съ полною увѣренностью, на поставленный вопросъ на основаніи двухъ документовъ. Посоль савойскаго герцога въ Эдинбургѣ Мореттъ сообщаетъ своему государю, что два лица, жившіе по сосѣдству, слышали, какъ король въ саду кричалъ: „спасите, спасите!“ и на основаніи многихъ фактовъ приходитъ къ заключенію, что Дарнлей и его пажъ услышали приближеніе убійцъ и попытались спастись черезъ другія двери; но въ саду они наткнулись на заговорщиковъ, которые ихъ и задушили. Равнымъ образомъ, англійскій агентъ Друри сообщаетъ въ письмѣ отъ 24 апрѣля Сесилю, что заговорщики потому рѣшились убить Дарнлея, не полагаясь на одинъ порохъ, что капитанъ Куллень (Cullen), опытный военный человѣкъ, сказалъ имъ, что случаи спасенія людей послѣ взрыва зданій далеко не рѣдки, и прибавляетъ при этомъ, что Дарнлей долго боролся съ убійцами, спасая свою жизнь.

На кого же наткнулся Дарнлей въ саду? На Арчибальда Дегласа и на его подручниковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по изслѣдованіямъ Филипсона и нѣмецкаго ученаго Бэккера. Далеко позже убійства, а именно въ 1581 году, послѣ казни Мортонна, обвиненнаго тоже за участіе въ убійствѣ Дарнлея, допрашивали слугу Арчибальда Дегласа, Биннинга, и онъ признался въ томъ, что участвовалъ въ дѣлѣ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ и еще другимъ слугою. По его словамъ, Дегласъ оставилъ слугъ, а самъ пошелъ къ дому, гдѣ жилъ Дарнлей. Когда онъ вернулся,

то платье его было въ беспорядкѣ и все въ грязи и въ зелени, какъ будто онъ боролся съ кѣмъ то на мокрой травѣ. Кромѣ того на немъ не было одного башмака. Послѣдній найденъ былъ на другой день въ саду, не далеко отъ труповъ Дарнлея и Тэйлора. Кромѣ того, Биннингъ показалъ, что онъ видѣлъ на мѣстѣ преступленія Роберта Бальфура, хозяина дома, гдѣ жилъ Дарнлей, его брата Джэмса Бальфура и Мэтлемда Сольдингема, брата государственнаго секретаря Летингтона. Прибавимъ къ этому, что Биннингъ ни слова не говоритъ о Ботуэлѣ и его сообщникахъ: онъ ихъ не видалъ.

Соображая всѣ данныя, нельзя не придти къ выводу, сдѣланному Бэккеромъ и Филипсономъ, что дѣло убіенія Дарнлея представляло двѣ задачи: одну изъ нихъ,— взрывъ дома, исполнилъ Ботуэлъ съ своими ближайшими помощниками, а другую,— самое убійство Дарнлея, привелъ въ исполненіе Арчибальдъ Дегласъ и, по всей вѣроятности, бывшіе съ нимъ братья Бальфуры и Мэтлемдъ. Эти обѣ группы дѣйствовали отдѣльно другъ отъ друга. Этимъ объясняется, что съ одной стороны слуга Арчибальда Дегласа ничего не знаетъ о Ботуэлѣ и его сообщникахъ, а съ другой, что Ге-де-Талло и Гепбернъ клялись и божились, что они не накладывали рукъ на Дарнлея и его пажа, и выражали увѣренность, что они погибли отъ взрыва. Всю пьесу знали первостепенные актеры, а маленькіе участники знали — каждый свою роль, но не знали всѣхъ участниковъ. Въ заключеніе скажемъ, что если бы Дарнлей избѣгъ Дегласа и его товарищей, онъ попался бы въ руки другихъ, такъ какъ домъ окруженъ былъ 50 всадниками, задача которыхъ и была въ томъ, чтобы не дать ему ускользнуть.

Вскорѣ послѣ убіенія Дарнлея стали распространяться темные слухи, обвинявшіе Ботуэля въ совершеніи преступленія. Затѣмъ эти слухи стали облекаться въ форму пасквилей, которые были расклеиваемы по ночамъ на стѣнахъ Единбурга. Чѣмъ дальше, тѣмъ эти анонимныя обвиненія становились разнообразнѣе и стали упоминать, между прочимъ, имя самой Маріи Стюартъ. Принимаемая правительствомъ мѣры къ разысканію убійцъ оставались безуспѣшными. Оно и понятно. Въ заговорѣ участвовали чуть не всѣ члены королевскаго совѣта. Какой же интересъ имъ былъ разыскивать убійцъ? Разыскивать же виновниковъ преступленія безъ ихъ содѣйствія едва ли была какая либо возможность. Обыкновенно бездѣйствіе власти по разысканію убійцъ Дарнлея ставятъ въ вину Маріи Стюартъ. Говорятъ (Минье), что она, обык-

новенно такая находчивая, энергичная и быстрая въ своихъ дѣйствіяхъ, въ это время является совершенно иною. Она не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго, не приказываетъ арестовать Ботуэля, когда на него дѣлаемы были указанія въ пасквиляхъ, и вообще находится въ состояніи какого то равнодушія. Что касается розысковъ, то нельзя сказать, чтобы они вовсе не предпринимались; но они оставались безъ результатовъ. Мы только что сказали, что безъ содѣйствія лордовъ-членовъ совѣта Марія не могла ничего разыскать и даже не могла ничего предпринять. Надо признать, что она дѣйствительно послѣ смерти Дарнлея не проявляетъ обычной дѣятельности; но для пониманія этого факта надо представить себѣ положеніе, въ которомъ она очутилась послѣ катастрофы. Она видитъ себя окруженною людьми, которые почти всѣ участвовали въ убійствѣ Риччіо и которые были во враждебныхъ отношеніяхъ къ Дарнлею. Если заговоръ противъ Риччіо былъ въ концѣ концовъ направленъ противъ нея самой, то почему знать, что убійство Дарнлея не было направлено и противъ нея. Вѣдь только случайно она не осталась позднѣе въ домѣ у „церкви въ полѣ“. Какъ мы знаемъ, тотчасъ послѣ катастрофы она получила письмо изъ Парижа, въ которомъ ее извѣщали о готовящемся покушеніи на ея жизнь и рекомендовали быть осторожнѣе. Кому довѣриться, на кого положиться, кого опасаться? Кончилось ли все убійствомъ Дарнлея, или будетъ продолженіе и съ какой стороны готовится этотъ новый ударъ? Вотъ вопросы, которые сами собою лѣзли въ голову и въ которыхъ можно было потеряться и не такому неопытному человѣку, какимъ была Марія Стюартъ, которой въ это время всего то было 25 лѣтъ отъ роду. Наконецъ, и сама катастрофа не могла не произвести на нее потрясающаго и подавляющаго дѣйствія. Англійскій агентъ Друри пишетъ Сесилю почти два мѣсяца позже катастрофы: „Все послѣднее время она была или больна, или грустна, въ особенности послѣднюю недѣлю (письмо отъ 29 марта 1567 г.). Во вторникъ и въ среду съ ней нѣсколько разъ былъ обморокъ. Она сильно измѣнилась... Въ послѣднее воскресенье она была у заупокойной обѣдни по ея мужѣ, а въ пятницу ночью она пошла съ двумя изъ своихъ женщинъ въ придворную капеллу и пробыла тамъ отъ одиннадцати часовъ до трехъ часовъ утра“. Черезъ два дня послѣ катастрофы она объявляетъ награду въ 2,000 ф. ст. тому, кто укажетъ убійцъ. Отвѣтомъ является афиша, въ которой анонимный авторъ объявляетъ Ботуэля и нѣкоторыхъ другихъ

лицъ (непричастныхъ къ дѣлу) виновниками убійства. Анонимному автору обѣщается отъ правительства прощенье, если онъ самъ участвовалъ въ убійствѣ, и награда и пенсія, если онъ объявить свое имя и выступить обвинителемъ названныхъ имъ лицъ, представивъ при этомъ доказательства. Вторая афиша появляется вслѣдъ за объявленіемъ правительства и къ прежнимъ обвиненіямъ присоединяетъ новыя и заявляетъ, что „королева знала о заговорѣ“. Чѣмъ дальше, тѣмъ сосредоточеннѣе становились въ пасквиляхъ и карриатурахъ обвиненія противъ Ботуэля и Маріи Стюартъ. Это было такъ страшно, что одинъ изъ соучастниковъ, бывшихъ съ Ботуэлемъ, лордъ Ормьстомъ (laird Ormiston) пришелъ къ нему и спросилъ: „что это значить, милордъ, что обвиняютъ только васъ и не говорятъ ни о комъ другомъ (изъ участниковъ)?“. Такое направленіе обвиненія казалось страннымъ людямъ, и не знавшимъ дѣла. Такъ, папскій нунцій въ письмѣ къ тосканскому герцогу Козимо I высказываетъ догадку, что эти пасквили — дѣло рукъ графа Морэ, который, вѣроятно, имѣетъ въ виду погубить графа Ботуэля, „человѣка очень мужественнаго“ (plein de valeur), который пользуется большимъ довѣріемъ и можетъ служить препятствіемъ къ достиженію трона. Онъ думаетъ, что ему потомъ легко будетъ отдѣлаться отъ самой королевы. Сама Марія Стюартъ имѣла полное основаніе отнестись подозрительно къ анонимнымъ обвиненіямъ противъ Ботуэля. Онъ одинъ изъ окружающихъ ее лицъ не участвовалъ ни въ заговорѣ Морэ и Аргайля, ни въ дѣлѣ Риччіо; напротивъ, въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ онъ помогаль ей и Дарнлею уйти изъ Эдинбурга. Не кроется ли въ обвиненіяхъ противъ него желанія лишить ее единственнаго вѣрнаго слуги? Если заговоръ противъ Дарнлея былъ заговоромъ и противъ нея, а въ этомъ она не сомнѣвалась, то такая тактика заговорщиковъ совершенно понятна. Когда съ обвиненіемъ противъ Ботуэля, Бальфура и нѣкоторыхъ другихъ лицъ выступилъ отецъ Дарнлея, графъ Ленноксъ, тогда Марія предоставила ему два пути для разъясненія дѣла: пригласить парламентъ заняться разслѣдованіемъ заговора, или же судить Ботуэля. Графъ Ленноксъ выбралъ второй путь. На его просьбу ускорить преслѣдованіе убійць Дарнлея, судъ назначенъ былъ на 12 апрѣля. Но онъ, Ленноксъ, на судъ не явился, а просьба его объ отсрочкѣ дѣла не была уважена судомъ. Нечего и говорить, что и судьи, предсѣдателемъ коихъ былъ герцогъ Аргайль, и присяжные — пэры Ботуэля — были далеко не безпристрастны по отношенію къ по-

слѣднему. Почти всѣ они потомъ участвовали въ возстаніи противъ Маріи Стюартъ, а многіе участвовали въ заговорѣ противъ Дарнлея. Оправданіе, которое они вынесли Ботуэлю, можно было ожидать даже и въ томъ случаѣ, если бы и были представлены доказательства его виновности; но таковыхъ представлено не было. Ленноксъ и не явился то, потому что у него въ рукахъ ничего не было, кромѣ голословныхъ указаній и неопредѣленныхъ догадокъ.

Вскорѣ послѣ суда надъ Ботуэлемъ собрался парламентъ, который особой резолюціей подтвердилъ приговоръ суда. Когда парламентъ былъ закрытъ, то большинство (28) засѣдавшихъ въ немъ сеньоровъ собрались и заключили между собой договоръ, позорный для шотландскаго дворянства. По этому договору они въ третій разъ заявляли о невинности Ботуэля въ убійствѣ короля и клялись своей вѣрой и дворянской честью поддерживать его цѣною своего имущества и жизни противъ всякаго, кто бы осмѣлился частно или публично нападать на его репутацію и обвинять его въ убійствѣ Дарнлея. Далѣе, подписавшіе договоръ увѣщевали королеву, — принимая во вниманіе вѣрность и большія достоинства Ботуэля и заслуги его предъ короной и тѣ, которыя онъ можетъ оказать въ будущемъ, — предпочесть его въ качествѣ мужа всякому иностранному принцу. Они обѣщали не только поддерживать этотъ чудовищный бракъ, но и объявляли, что они будутъ признавать своими противниками и врагами всѣхъ тѣхъ, кто осмѣлится мѣшать или препятствовать ему, и прибавляли, что они будутъ дѣйствовать сообща съ Ботуэлемъ и будутъ помогать ему, насколько королевѣ угодно будетъ это позволить. Этотъ договоръ, заключенный 19 апрѣля 1567 года, подписанъ 8 прелатами, 10 графами и столькими же баронами и извѣстенъ подъ названіемъ „ужина Энсли“ (Ainslie). Его прозвали такъ потому, что, по позднѣйшимъ рассказамъ противниковъ Маріи, этотъ контрактъ былъ заключенъ въ тавернѣ Энсли, куда пригласилъ вечеромъ Ботуэль упомянутыхъ лицъ на ужинъ и угрозами заставилъ подписать этотъ договоръ. Не говоря о томъ, что прелаты и графы едва ли могли быть приглашаемы въ кабакъ на ужинъ, весь рассказъ о подписаніи этого договора подъ угрозой и насиліемъ представляетъ собою басню, которая сама себя опровергаетъ: не таковы были люди, подписавшіе договоръ, чтобы ихъ можно было запугать и произвести надъ ними насиліе, это — разъ, а во вторыхъ, они потомъ не протестовали, и не заявляли ничего о совершенномъ яко бы надъ ними

насиліи. Фактъ договора не подлежитъ сомнѣнію. Понятно, что его подписали друзья Ботуэля; понятно и то, что его подписали и враги Маріи Стюартъ: этимъ бракомъ они били ее, что называется, на повалъ; но трудно понять, почему такіе вѣрные друзья Маріи, какъ епископъ Россъ и лордъ Геррисъ (Heggies) подписали этотъ договоръ. Одно только можно предположить: они въ это время еще не знали о той роли, которую игралъ Ботуэль въ „дѣлѣ“ Дарнлея, и считали его вѣрнымъ слугою Маріи.

Опираясь на согласіе столь многихъ знатныхъ лицъ, Ботуэль приводитъ въ исполненіе свой замыселъ. Онъ рѣшается на употребленіе силы тамъ, гдѣ добромъ нельзя было ничего сдѣлать. Черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія договора Ботуэль собралъ своихъ друзей и вассаловъ подъ предлогомъ, что онъ отправляется въ Лиддесдалъ (Liddesdale), „но,— говоритъ англійскій агентъ Друри въ своемъ письмѣ къ Сесилу,— на самомъ дѣлѣ онъ собралъ эту команду, чтобы похитить королеву на дорогѣ изъ Стирлинга“.

Марія Стюартъ отправилась въ Стирлингъ повидать своего маленькаго сына, который былъ увезенъ туда послѣ катастрофы у „церкви въ полѣ“. 23-го апрѣля она оставила Стирлингъ и пріѣхала къ вечеру въ Линлитгоу (Linlithgow); переночевавъ тамъ, она выѣхала въ Эдинбургъ въ сопровожденіи только нѣсколькихъ лицъ, между которыми были Летингтонъ и Гентли. Въ этотъ же самый день и Ботуэль выступилъ изъ Эдинбурга со своимъ отрядомъ изъ 200 всадниковъ. Подробности маршрута королевы и составъ ея свиты ему были извѣстны, по всей вѣроятности, черезъ Летингтона. Карлова доказываетъ не безъ вѣроятія (стр. 56), что одно изъ писемъ, относящихся къ этому времени, которое приписывали Маріи Стюартъ, на самомъ дѣлѣ писано Летингтономъ и въ подтвержденіе своихъ соображеній приводитъ тотъ фактъ, что Летингтонъ игралъ совершенно такую же роль тайнаго заговорщика, соглядатая при Маріи Стюартъ и во время перваго заговора Морэ и Аргайля противъ Маріи, когда онъ сообщилъ послѣднимъ ея маршрутъ. Ботуэль встрѣтилъ Марію недалеко отъ Эдинбурга; о сопротивленіи нечего было и думать. Онъ взялъ ея лошадь подъ уздцы и увелъ ее и ея свиту въ замокъ Дунбаръ, объясняя, впрочемъ, сначала, что онъ дѣлаетъ это ради ея блага. Но въ Дунбарѣ роли перемѣнились. Марія изъ королевы стала плѣнницей, Ботуэль изъ подданнаго господиномъ. Не видя согласія Маріи Стюартъ на бракъ, онъ прибѣгъ къ угрозамъ насилія. Уже немедленно по пріѣздѣ въ Дунбаръ съ своей плѣнни-

цей, онъ хвалился, что женится на Маріи Стюартъ, не смотря на то хотять или не хотять этого другіе, и не взирая на то, хочеть или не хочеть этого она сама. Онъ лишилъ ее ея свиты и отдалъ, подъ надзоръ своей сестры, и никого къ ней не допускалъ, кромѣ Гентли, приходившагося ему шуриномъ, и Летингтона. Когда его просьбы и мольбы были отвергнуты, онъ показаль ей договоръ, изъ котораго Марія Стюартъ увидѣла, что большинство лордовъ на его сторонѣ. Это поколебало ее, но не заставило согласиться. Тогда онъ прибѣгъ къ насилію надъ женщиной, дабы обезчестивъ ее, не оставить ей другаго выхода, кромѣ брака. Согласіе, роковое согласіе было вырвано, и затѣмъ въ половинѣ мая совершенъ былъ брачный контрактъ и состоялось вѣнчаніе. Ошибкой непростительной Маріи Стюартъ было то, что она по возвращеніи изъ Дунбара въ Единбургъ осталась при данномъ обѣщаніи выйти замужъ за челоуѣка, который силою и подлою низостью вырваль у нея это обѣщаніе.

Впослѣдствіи похищеніе Маріи Стюартъ Ботуэлемъ было выставлено въ такомъ свѣтѣ, будто она сама нарочно устроила комедію похищенія, чтобы скорѣе выйти замужъ за похитителя. Такое изложеніе дѣла основывали на трехъ письмахъ ея къ Ботуэлю, писанныхъ Маріею въ Стирлингѣ. Но Карлова, а въ особенности Филипсонъ очень убѣдительно доказываютъ подложность этихъ писемъ. „Если письма подлинны, говоритъ Филипсонъ, то все относительно похищенія напередъ условлено именно во время пребыванія Маріи въ Стирлингѣ. Это пребываніе не длилось и полутора дня, какъ обыкновенно говорили, а всего одинъ день (22 апрѣля). И въ такое короткое время Марія, предполагается, написала одно за другимъ три письма къ Ботуэлю, чтобы присовѣтовать ему похищеніе, которое должно совершиться на слѣдующій день! Тщетно спрашивали бы, отчего же она не условилась объ этомъ раньше, во время тѣхъ нѣсколькихъ недѣль, когда они были оба въ Единбургѣ? Зачѣмъ она дождалась такого случая, какъ коротенькое путешествіе, вовсе неудобное для такихъ переговоровъ? Почему вдругъ она становится такою нетерпѣливою? Очевидно для того, чтобы выдать своимъ противникамъ страшные для нея документы! Чтобы скрыть эти невѣроятные факты, поддѣльватели весьма осторожно не выставляли на письмахъ чисель, которыя сію минуту разоблачили бы ихъ гнусности. Къ тому же и содержаніе этихъ писемъ не болѣе вѣроятно, чѣмъ обстоятельства, при которыхъ, какъ предполагается, они написаны“.

Не слѣдуя за авторомъ въ подробностяхъ, укажемъ на нѣкоторыя несообразности. Марія пишетъ Ботуэлю: „Вы мнѣ обѣщали, что вы рѣшите все и будете сообщать мнѣ каждый день то, что я должна дѣлать“. Этотъ „каждый день“ относится вѣдь къ одному дню, который она провела въ Стирлингѣ. Въ другомъ письмѣ она жалуется, что время оказываетъ на него вліяніе: „Вы мнѣ обѣщали совсѣмъ другое; но разлука оказываетъ на васъ свое могущественное вліяніе“. Это она пишетъ черезъ 24 часа послѣ того, какъ разсталась съ Ботуэлемъ, да изъ этихъ 24 часовъ гонецъ съ письмомъ долженъ былъ употребить 8 часовъ на дорогу. Все могущество разлуки, значить, сказалось въ теченіе 16 часовъ! Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ третьяго письма къ Ботуэлю Марія называетъ Гентли: „Вашъ бывшій шурина“. Въ то время, когда поддѣльватель сочинялъ это письмо Маріи къ Ботуэлю, Гентли дѣйствительно былъ уже бывшимъ шуриномъ Ботуэля; но въ моментъ, къ которому приурочено письмо, сестра Гентли была еще замужемъ за Ботуэлемъ и бракоразводный процессъ ихъ еще и не начинался, и Гентли поэтому былъ настоящимъ шуриномъ Ботуэля, а не бывшимъ (*ancien beau frère*). Позднѣйшій сочинитель письма забылъ или не зналъ этого обстоятельства и выдалъ самъ себя.

Едва состоялся бракъ Маріи Стюартъ съ Ботуэлемъ, какъ со стороны тѣхъ самыхъ лордовъ, которые въ апрѣлѣ подписали договоръ о томъ, что они будутъ защищать Ботуэля противъ всякого, кто бы осмѣлился обвинить его въ участіи въ убіеніи короля, и будутъ содѣйствовать его браку съ королевой, начинается агитація противъ этого брака. Снова распространяются слухи, что Ботуэль — убійца короля, а Марія Стюартъ — его главная соумышленница. Бракъ ея съ Ботуэлемъ выставляется доказательствомъ этого. Тѣ самые лорды (Мортонъ, Гентли, Летингтонъ, Дегласъ и друг.), которые принимали такъ или иначе участіе въ отправленіи на тотъ свѣтъ Дарнлея, вдругъ теперь воспылали жаждой мести и составляютъ лигу съ цѣлью преслѣдовать убійцу короля. Первою мыслью заговорщиковъ было захватить Марію Стюартъ и Ботуэля въ Голирудскомъ дворцѣ и подвергнуть заточенію. Эта попытка не удалась, и большинство заговорщиковъ оставили Эдинбургъ, чтобы прибѣгнуть къ открытому возстанію. Гентли и Летингтонъ остались при дворѣ въ качествѣ шпионовъ возстанія. Положеніе Летингтона, какъ государственнаго секретаря, было особенно цѣнно для заговорщиковъ. Но Ботуэль скоро узналъ о его роли,

вышелъ изъ себя и бросился на него съ кинжаломъ. Летингтонъ былъ спасенъ только вмѣшательствомъ Маріи Стюартъ, которая кинулась между ними и удержала руку Ботуэля. На другой день онъ бѣжалъ изъ Эдинбурга и присоединился къ возставшимъ. Гентли избѣгъ подозрѣній и продолжалъ свое дѣло.

При извѣстіи о началѣ возстанія Марія оставила столицу съ цѣлью собрать вооруженныя силы и поручила охрану Гентли, а Голирудскій замокъ поручила Бальфуру. Нечего и говорить, что стоило только возставшимъ приблизиться къ городу, какъ онъ былъ имъ сданъ. Бальфуръ получилъ приказъ Маріи Стюартъ вытѣснить возставшихъ изъ города силой, пользуясь господствующимъ положеніемъ королевскаго замка; но онъ предъявилъ имъ приказъ и сдалъ имъ замокъ. Тогда возставшіе лорды образовали временное правительство подъ именемъ совѣта королевства и издали прокламацію, въ которой объясняли цѣль своихъ дѣйствій. „Принимая во вниманіе,— говорили они въ этой прокламаціи,— что графъ Ботуэль насильственно наложилъ руку на благороднѣйшую особу королевы 24 минувшаго апрѣля, что затѣмъ онъ держалъ ее въ Дунбарѣ и другихъ мѣстахъ плѣнницей, окруженною вооруженными людьми и его родственниками, преданными его планамъ, и лишенною какого бы то ни было совѣтника или служителя, что въ это время онъ довелъ ее отвратительными (pervers) средствами до постыднаго брака, который въ виду этого не имѣетъ никакой силы и значенія, лорды рѣшились освободить ее изъ плѣна, преслѣдовать Ботуэля и его соучастниковъ за убійство короля, похищеніе и плѣненіе королевы, и остановить заговоръ, направленный противъ жизни принца“.

Эта прокламація обезоруживала сторонниковъ Маріи Стюартъ и рассчитана была на то, чтобы нейтрализовать участіе въ борьбѣ массы лойяльныхъ вассаловъ. Послѣдніе могли спокойно сидѣть дома, видя, что возстаніе имѣетъ цѣлью наказать насильника надъ королевой и убійцу короля, а не имѣетъ въ виду нанести какой либо ущербъ самой Маріи Стюартъ. Заговорщики достигли своей цѣли: всѣ усилія Ботуэля собрать поскорѣ значительныя вооруженныя силы были безуспѣшны. Охотниковъ защищать дѣло королевы явилось немного, да и между собравшимися было сильное колебаніе: они смущались мыслью, что, защищая королеву, они служатъ интересамъ Ботуэля, убійцы короля. При такихъ условіяхъ Марія Стюартъ сдѣлала большую ошибку, поспѣшивъ въ походъ противъ возстанія прежде, чѣмъ положеніе станетъ болѣе

яснымъ и соберутся болѣе значительныя силы. При Корберигиллѣ (Carberry-hill) встрѣтилась она съ возставшими. Ея малочисленная и колеблющаяся армія выказала совершенно нерасположеніе драться. Марія Стюартъ требовала наступательныхъ дѣйствій; Ботуэль медлилъ, ожидая нападенія со стороны непріятели: выждать его было выгодиѣе по условіямъ мѣстности. Между тѣмъ начались переговоры. Парламентеръ возставшихъ Дю-Гранжъ (Du-Grange) заявилъ королевѣ, что лорды готовы служить ей вѣрно, если она выдастъ или прогонитъ отъ себя Ботуэля, а Ботуэлю онъ, говорятъ, сообщилъ, что возставшіе не будутъ преслѣдовать его, если онъ оставитъ теперь королеву. Онъ согласился на это и въ сопровожденіи 12-ти человекъ свиты оставилъ поле сраженія и поскакалъ въ свой замокъ Дунбаръ. Тогда Марія Стюартъ сдалась возставшимъ, довѣрившись ихъ слову, что они готовы повиноваться ей. Когда она прибыла въ ихъ лагерь, Мортонъ встрѣтилъ ее почтительно и подтвердилъ обѣщанія Дю-Гранжа. Но не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ положеніе совершенно измѣнилось: съ нею стали поступать хуже, чѣмъ съ плѣнницей, какъ съ преступницей, и повезли въ Эдинбургъ. Когда ее везли, солдаты кричали: „смерть проституткѣ, сжечь мужеубійцу“ и показывали ей знамя, на которомъ нарисованъ былъ мертвый человекъ, возлѣ него стоящій на колѣняхъ маленькій мальчикъ, а вокругъ надпись: „Боже, суди мое дѣло и отомсти за него!“ По пріѣздѣ въ Эдинбургъ, королеву заключили въ помѣщеніе, куда сажали преступниковъ передъ отправленіемъ на эшафотъ. Черезъ нѣсколько времени ее отправили въ замокъ Локлевенъ. Тамъ графъ Морэ заставилъ ее угрозой смерти и обманными обѣщаніями отречься отъ власти въ пользу ея сына. Учреждено было регентство; графъ Морэ сталъ регентомъ. Цѣль долгихъ усилій и многихъ преступленій была достигнута.

Послѣ встрѣчи при Корберигиллѣ Ботуэль оставилъ Шотландію. Бурею его корабль былъ занесенъ къ берегамъ Норвегіи, къ городу Бергену. Тамъ его арестовали послѣ того, какъ по обыскѣ корабля въ трюмѣ нашли портфель съ разными бумагами, между которыми нашли и прокламацію лордовъ, обвиняющую Ботуэля въ убіеніи Дарнлея. Между бумагами найдено было и одно письмо Маріи Стюартъ къ Ботуэлю, и въ этомъ единственномъ найденномъ письмѣ нѣтъ и помину о какой либо страсти ея къ нему.

Все найденное убѣдило бергенскихъ гражданъ, что онъ „не съ честью оставилъ свою родину“, и они отправили его въ Данію.

Тамъ онъ былъ заключенъ въ крѣпость Мальме, гдѣ и умеръ въ 1577 году. Отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ эти годы своей жизни Ботуэль, — какъ говоритъ историкъ XVII столѣтія Камденъ, — неоднократно и передъ смертью клятвенно отрицалъ то, что Марія Стюартъ была хоть сколько нибудь его соумышленницей. Камденъ говоритъ: „*Reginam ab omni suscipione exemerunt: ut et ipse Bothwellius captivus in Dania et vivens et moriens Reginam minime consciam fuisse religiosa asseveratione saepenumero contestatus est*“ (Wilg. Onken. Giessener Studien über Maria Stuart. „Allg. Zeitung“ 1883 г. № 183). Такъ какъ анналы Камдена стоятъ въ числѣ перворазрядныхъ источниковъ по исторіи эпохи Маріи Стюартъ, то ихъ показаніе имѣетъ громадное значеніе, а форма, въ которой онъ сообщаетъ свое показаніе, исключаетъ предположеніе, что онъ основывается на такъ называемомъ завѣщаніи Ботуэля. Онъ прямо говоритъ, что Ботуэль при жизни и на смертномъ одрѣ неоднократно дѣлалъ торжественное заявленіе въ указанномъ смыслѣ.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Вопросъ о виновности Маріи Стюартъ.—Пребываніе ея въ Англіи.

Въ предыдущей бесѣдѣ мы остановились въ исторіи отношений Маріи Стюартъ къ ея подданнымъ на томъ моментѣ, когда она послѣ пораженія при Корберигиллѣ взята была въ плѣнъ и заключена въ замкъ Локлевенѣ, въ которомъ ей пришлось просидѣть около года (до половины 1568 г.). Когда Марія помѣщена была въ Локлевенѣ и явился вопросъ, какъ дальше поступить съ плѣнною королевою, то лорды, возставшіе противъ нея, рѣшили лишить ее престола и объявить королемъ ея малолѣтняго сына Якова VI, а впредь до его совершеннолѣтія учредить регентство. Брата королевы, графа Морэ, не было въ то время въ Шотландіи: онъ былъ во Франціи.

Въ третій разъ уже мы встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что этотъ ловкій человѣкъ, подготавливая и доводя извѣстное дѣло до конца, въ самый моментъ исполненія его не оказывается на лицо и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ возможность отклонить отъ себя подозрѣніе въ участіи въ заговорѣ. Такъ, онъ вышелъ чистымъ

изъ убійства Риччіо, убійства Дарнлея; теперь же, когда лорды, подъ предлогомъ мщенія Ботуэлю за смерть Дарнлея и за похищеніе королевы, возстали противъ Маріи Стюартъ и рѣшили лишить ее короны, Морэ находился во Франціи и только тогда, когда получилъ извѣстіе о низложеніи Маріи и назначеніи его регентомъ, рѣшилъ возвратиться въ Шотландію. Марія приняла его съ распростертыми объятіями, какъ брата и друга, въ которомъ надѣялась найти поддержку, но вскорѣ ей пришлось въ этомъ разочароваться. Морэ сталъ дѣйствовать рѣшительно и потребовать отъ Маріи подтвержденія ея отреченія въ пользу сына и признанія его регентомъ. Марія вынуждена была на это согласиться, ибо ей было поставлено на видъ, что въ случаѣ упорства она можетъ лишиться не только короны, но и жизни. Отрекшись отъ престола, она тѣмъ не менѣе добивалась свободы. Ее держали въ Локлевенѣ подъ строгимъ надзоромъ матери графа Морэ, ярой протестантки, Эрскинъ. Вполнѣ понятными являются попытки Маріи Стюартъ освободиться изъ этого плѣна. Замокъ находился на островѣ, среди озера, что значительно затрудняло бѣгство. Первая попытка бѣгства не удалась. Она успѣла выйти изъ замка, переодѣтая въ платье прачки, принесшей ей бѣлье, сѣла въ лодку, которая должна была ее перевезти на другой берегъ. Все шло хорошо, но во время пути для большей предосторожности она стала поправлять свой вуаль, и лодочникъ замѣтилъ прекрасную бѣлую руку Маріи, ничуть не походившую на руку прачки. Онъ догадался въ чемъ дѣло и, несмотря на просьбы и мольбы Маріи, доставилъ ее обратно въ замокъ. Послѣ этой неудачи положеніе ея въ Локлевенѣ стало хуже и заключеніе стало гораздо тѣснѣе. Она стала уже отчаиваться въ своемъ освобожденіи; но сынъ ея тюремщицы, Маргариты Эрскинъ, Джорджъ Дегласъ, помогавшій ей и въ первой попыткѣ, далъ ей вторично возможность бѣжать. Онъ увлекся ея красотой и съ беззавѣтнымъ чувствомъ юности взялся за выполненіе принятой задачи. Онъ вошелъ въ сношеніе съ приверженцами Маріи, подготовилъ лошадей на случай бѣгства и сдѣлалъ всѣ другія приготовленія. Самая трудная задача была — выйти изъ замка. Ключи отъ воротъ были теперь всегда у коменданта замка. Во время обѣда онъ клалъ ихъ у своего прибора. Дегласъ уговорилъ пажа своей матери стащить незамѣтнымъ образомъ у коменданта ключи во время обѣда, выпустить Марію и запереть ворота, чтобы не дать возможности пуститься въ погоню за ними. „Маленькій Дегласъ“, — такъ прозывали пажа, — прикрывъ мѣсто, на

которомъ лежали ключи, салфеткою, чтобы комендантъ не замѣтилъ ихъ исчезновенія, открылъ ворота и выпустилъ Марію. На этотъ разъ Марія благополучно переправилась на противоположный берегъ. Тамъ ея ожидали лошади, и она, не останавливаясь, проскакала верхомъ болѣе 50 миль, пока не достигла замка одного изъ Гамильтонъ. Оттуда она обратилась съ воззваніемъ къ своимъ приверженцамъ.

Въ государствѣ появились такимъ образомъ опять двѣ силы: регентъ Морэ, который правилъ именемъ малолѣтняго короля Якова VI, и Марія Стюартъ, объявившая свое отреченіе, какъ вынужденное силою, недѣйствительнымъ. Ни одна изъ этихъ силъ не уступитъ добровольно, и оружіе должно рѣшить вопросъ, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ въ этой борьбѣ. Марія поторопилась рѣшеніемъ этого вопроса и не подождала, пока могли собраться всѣ ея силы. Эта поспѣшность роковымъ образомъ повліяла на всю дальнѣйшую судьбу ея. Сраженіе между войсками Маріи и Морэ произошло при Лэнгсайдѣ (май 1568 г.). Маленькое войско Маріи потерпѣло пораженіе. Она сама поддалась чувству страха и ускочила съ поля сраженія раньше, чѣмъ участь его была окончательно рѣшена. Ею овладѣлъ ужасъ при одной мысли, только о томъ, что она опять можетъ попасть въ руки своихъ враговъ. Подъ вліяніемъ этого ужаса она проскакала безъ отдыха 60 миль. Когда она очутилась въ южной Шотландіи, ей пришлось рѣшать вопросъ, — куда дѣваться. Одни изъ окружавшихъ ее совѣтовали ей отправиться въ крѣпость Денбартонъ, указывая на то, что въ этой крѣпости расположенъ еще французскій гарнизонъ, который защититъ ее отъ покушеній регента, что Денбартонъ находится на морѣ и что оттуда легко переправиться во Францію, или получить оттуда помощь.

Другіе совѣтовали ей отправиться въ какой нибудь изъ замковъ, принадлежащихъ ея приверженцамъ. Но и тотъ, и другой совѣты Марія нашла не вполне удобными и предпочла искать убѣжища въ Англіи. Послѣднія письма Елизаветы къ ней дышали такимъ истиннымъ участіемъ, такою дружбою, что не повѣрить имъ нельзя было. Кромѣ того, Марія думала, что Елизавета изъ за одного только монархическаго принципа поддержитъ ее въ борьбѣ съ ея непокорными подданными. Окружавшія ее лица отговаривали ее отъ этого, но она не хотѣла принять во вниманіе ихъ доводовъ и рѣшилась сдѣлать шагъ, который стоилъ ей свободы, а въ послѣдствіи и жизни. Карлэйль, комендантъ города, немедленно

сообщилъ о ея прїѣздѣ Елизаветѣ, позаботившись принять такія мѣры, которыя помѣшали бы Маріи уѣхать обратно, если бы она вздумала это сдѣлать.

Правительство англійское ни разу еще за все время не стояло на сторонѣ Маріи. Раньше я старался выяснитъ причины такого отношенія Елизаветы къ Маріи и доказать, что такая политика была вполне согласна съ интересами Англїи. Если Елизавета и писала Маріи трогательныя письма и продолжала ее увѣрять въ своей неизмѣнной дружбѣ къ ней, то все это было одно лишь лицемеріе. Теперь, когда Марія сама отдалась въ руки Елизаветы, Сесиль рѣшилъ, что выпускать Марію ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Графъ Суссексъ приводилъ въ пользу такого рѣшенія весьма основательные доводы. Если выпуститъ Марію изъ Англїи, писалъ онъ, то она непременно вернется во Францію, которая изъ родственныхъ и политическихъ соображеній окажетъ ей помощь; съ помощью Франціи она возстановитъ свою власть въ Шотландїи. Въмѣстѣ съ тѣмъ и французское вліяніе въ этой странѣ возьметъ верхъ надъ англійскимъ. Упроченіе французскаго вліянія въ Шотландїи лишитъ Англїю всѣхъ выгодъ ея островнаго положенія. Французы будутъ имѣть возможность напасть на нее черезъ Шотландїю во всякое время. Всѣ эти доводы, а также опасеніе, чтобы возстановленіе Маріи въ Шотландїи не усилило католической партїи въ Англїи, побудили Елизавету удержатъ Марію Стюартъ въ Англїи и не выпускать ея ни въ какомъ случаѣ.

Но тутъ представлялся другой вопросъ: на какомъ основанїи задержать Марію? Она вѣдь не военно-плѣнная, она добровольно прїѣхала въ Англїю искать гостепрїимства; она къ тому же и королева, такъ какъ отреченіе ея нельзя было признать дѣйствительнымъ. Выходъ изъ этого труднаго положенія былъ найденъ очень ловко. Прїемъ Маріи въ Англїи былъ оказанъ очень дружелюбный, Елизавета писала ей и передавала свои увѣренія въ дружбѣ и выражала сожалѣніе, что распускаемые про Марію слухи объ участїи ея въ убїенїи Дарнлея препятствуютъ назначить ей личное свиданіе, и обѣщала ей, лишь только ложность всѣхъ этихъ слуховъ будетъ выяснена, съ радостью приметъ ее у себя. Эти доводы не только отклонили домогательства Маріи о личномъ свиданїи съ Елизаветою, но и являлись еще приманкою, чтобы она согласилась оправдываться передъ англійской королевой и тѣмъ самымъ признала бы за нею право суда надъ собою. Марія Стюартъ замѣтила ловушку и съ гордостью отвергла право англійской королевы быть

ея судью. Тогда правительство Елизаветы предложило Маріи другой выходъ. Оно предложило свое посредничество между нею и ея возставшими подданными и съ этой цѣлью предложило созвать конференцію. Марія увидѣла и въ этомъ предложеніи посягательство на ея суверенныя права и отказалась признать за англійскою королевою право разбирать поступки шотландскихъ подданныхъ, возставшихъ противъ своей государыни. Но Елизаветѣ удалось таки склонить Марію на конференцію при участіи англійскихъ комиссаровъ. Она представила ей конференцію лишь какъ средство заставить ея возставшихъ подданныхъ примириться съ нею; если же они не подчинятся, то, каковы бы ни были ихъ доводы, Елизавета окажетъ Маріи помощь для возстановленія ея власти. Марія повѣрила всѣмъ этимъ увѣреніямъ и обѣщаніямъ и согласилась на созваніе конференцій, которыя и собрались въ Іоркѣ. На конференціяхъ этихъ участвовали уполномоченные Маріи, затѣмъ англійскіе комиссары съ герцогомъ Норфолькомъ во главѣ и шотландскіе комиссары съ графомъ Морэ. Шотландскіе комиссары попросили частнаго совѣщанія съ англійскими, и на этомъ совѣщаніи они представили послѣднимъ письма и нѣкоторыя другія бумаги, обличавшіе Марію въ участіи въ убійствѣ Дарнлея. Предъявленныя письма были написаны на шотландскомъ языкѣ и выдавались за подлинныя письма Маріи. Но оказалось, что письма эти не произвели того эффекта, какого ожидали отъ нихъ. Наоборотъ, герцогъ Норфолькъ, настроенный вначалѣ враждебно къ Маріи, измѣнилъ свои отношенія къ ней, и явилось даже опасеніе, не хочетъ ли онъ жениться на ней. Морэ также увидѣлъ, что письма, направленныя къ обвиненію Маріи, не привели къ цѣли, и онъ предпочелъ поэтому вступить въ непосредственные переговоры съ Маріею. Подобная перемѣна въ отношеніяхъ къ Маріи, а въ особенности перспектива примиренія ея съ графомъ Морэ вовсе не соответствовали видамъ Елизаветы, а потому она рѣшилась прекратить конференціи въ Іоркѣ подъ предлогомъ перенесенія ихъ въ Вестминстеръ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы измѣнить личный составъ англійскихъ комиссаровъ и поставить ихъ подъ свой ближайшій надзоръ. Мотивировано было перенесеніе конференцій тѣмъ, что въ виду ихъ важности, королевѣ интересно принимать въ нихъ ближайшее участіе, что неудобно сдѣлать въ Іоркѣ въ виду дальности разстоянія. Вестминстерскія конференціи происходили при большемъ числѣ англійскихъ комиссаровъ; но и эти конференціи не привели къ официальной цѣли, т. е. къ примиренію Маріи съ ея

возставшими подданными. Когда комиссары Маріи увидѣли, что конференціи принимаютъ характеръ суда надъ Маріею, они протестовали и перестали принимать въ нихъ участіе. Но за то англійская политика достигла своей цѣли. Созывая конференціи, Елизавета имѣла въ виду диффамировать Марію и такимъ образомъ ослабить сочувствіе къ ней въ другихъ странахъ. Этого она достигла.

Когда представители Маріи оставили конференціи, графъ Морэ предъявилъ такъ называемую „книгу статей“, письма Маріи Стюартъ, ~~сонеты~~ и другія бумаги, долженствовавшія служить къ ея обвиненію. Вскорѣ послѣ того, всѣ эти бумаги ради большей огласки разсматриваемы были въ королевскомъ совѣтѣ въ Гамптонъ-кортѣ. Вся комедія съ конференціями дала возможность Елизаветѣ оправдать до извѣстной степени „временное“ задержаніе Маріи Стюартъ въ Англии, поддержку, которую она оказывала партіи графа Морэ въ Шотландіи, и ослабить сочувствіе къ Маріи Стюартъ среди католиковъ Англии и въ другихъ странахъ. Какъ мы увидимъ ниже, съ этой цѣлью обвинительнымъ актамъ, направленнымъ противъ Маріи Стюартъ, дана была широкая огласка и внѣ Англии. Оригиналы писемъ Морэ взяты обратно и оставилъ только копіи; но изъ протоколовъ конференцій видно, что письма эти писаны были на французскомъ языкѣ; копіи эти частью также затерялись, и въ лондонскомъ архивѣ есть только англійскій переводъ ихъ.

Юрскія и Вестминстерскія конференціи были моментомъ, когда рѣшительно и официально выставлено было обвиненіе противъ Маріи Стюартъ въ нарушеніи супружеской вѣрности и въ мужеубійствѣ. Мы воспользуемся этимъ моментомъ, чтобы познакомиться съ положеніемъ вопроса о виновности Маріи Стюартъ въ этихъ преступленіяхъ. Вопросъ этотъ дебатруется историками до сихъ поръ. Фрудъ въ Англии, Гедеке въ Германіи и отчасти Бреслау (тамъ же) доказываютъ виновность Маріи Стюартъ; англичанинъ Госакъ и нѣмцы Беккеръ, Кардаунсъ, Онкенъ, Гердесъ и Карлова выступаютъ ея защитниками и доказываютъ лживость выводимыхъ противъ нея показаній и подложность предъявленныхъ документовъ. Во Франціи послѣ Минье (1859) обвинителей Маріи Стюартъ не являлось, напротивъ, нашлись весьма основательные защитники ея—Готье (1864) и Филипсонъ (1887—1888 г.).

Вообще надо замѣтить, что съ новыми историческими работами аргументы въ пользу Маріи Стюартъ становятся все сильнѣе

и можно думать, что современемъ этотъ большой судебно-историческій процессъ окончится въ ея пользу.

Всѣ обвиненія Маріи Стюартъ сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Она воспылала страстью къ Ботуэлю, что доказывается ея поѣздкою въ Іедбургъ въ то время, когда Ботуэль былъ раненъ, и выходомъ за него замужъ черезъ три мѣсяца послѣ смерти Дарнлея. Эта страсть составляетъ главную причину ея участія въ преступленіи. 2) Она входитъ въ соглашеніе съ Ботуэлемъ на счетъ перевода Дарнлея въ Эдинбургъ и выбора дома для его помѣщенія. Это подтверждается показаніемъ Фрэнча Париса и двумя глазговскими письмами Маріи къ Ботуэлю. 3) Она знаетъ о планѣ убійства, что доказывается тѣмъ, что она приказываетъ унести наканунѣ убійства свою дорогую кровать изъ дома у „церкви въ полѣ“ и замѣнить ее старою, подержанною кроватью, а также тѣмъ, что порохъ для взрыва квартиры Дарнлея былъ сложенъ въ ея комнатѣ, такъ что она не могла не видѣть его. Эти обстоятельства подтверждаются показаніями Гепберна и Ге-де-Талло. 4) Выходъ ея замужъ за Ботуэля былъ вполнѣ добровольнымъ актомъ, а самое похищеніе было устроено ею по предварительному уговору съ Ботуэлемъ и придумано было лишь для сохраненія приличій. Этотъ фактъ доказывается двумя письмами, писанными ею изъ Стирлинга къ Ботуэлю.

Что касается предполагаемой страсти Маріи Стюартъ къ Ботуэлю, то мы напомнимъ читателю сдѣланное нами въ первой лекціи описаніе путешествія ея въ Іедбургъ и предоставляемъ ему судить, на сколько оно доказываетъ существованіе страсти. Обращаемъ еще вниманіе на то, что единственное письмо Маріи къ Ботуэлю, найденное при немъ во время обыска въ Бергенѣ, не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшихъ признаковъ страсти.

Лживость и вѣроятная подложность показанія Фрэнча Париса, служащаго основаніемъ, по которому доказывается соглашеніе Маріи Стюартъ съ Ботуэлемъ на счетъ убійства Дарнлея, разъяснены нами въ своемъ мѣстѣ и потому здѣсь мы не будемъ останавливаться на этомъ пунктѣ. О глазговскихъ письмахъ, служащихъ той же цѣли, скажемъ ниже.

Тотъ фактъ, что Марія Стюартъ знала о приготовлявшемся взрывѣ квартиры Дарнлея и потому принимала мѣры къ сохраненію своей дорогой кровати и не замѣчала пороха, наваленнаго кучами въ ея комнатѣ, устанавливается показаніями Гепберна и Ге-де-Талло. Въ своемъ мѣстѣ мы привели соображенія Филипсона,

доказывающія несогласіе этихъ показаній съ дѣйствительностью и ихъ подложность. Повторять ихъ не будемъ, напомнимъ только, что официальный реестръ вещей, находившихся въ домѣ у „церкви въ полѣ“ и уничтоженныхъ при взрывѣ дома, заключаетъ въ себѣ и пресловутую дорогую кровать, отдѣланную фіолетовымъ бархатомъ и кружевами. Что же касается пороха, то, на основаніи показаній современниковъ, не исключая и противниковъ Маріи Стюартъ, и заключенія артиллеристовъ, историки приходятъ къ выводу, что онъ не могъ находиться въ комнатѣ Маріи Стюартъ, а долженъ былъ находиться или въ подвалѣ, или въ минѣ.

Письма, писанныя Маріею Стюартъ Ботуэлю изъ Стирлинга и служащія доказательствомъ соглашенія ея съ нимъ на счетъ похищенія, предшествовавшаго ихъ браку, какъ мы видѣли въ 1-ой главѣ, не могутъ претендовать на довѣріе, потому что внѣшнія обстоятельства ихъ написанія и анализъ ихъ содержанія приводятъ къ убѣжденію въ ихъ подложности и въ томъ, что поддѣлка эта происходила значительно позже тѣхъ событій, по поводу которыхъ писаны эти письма.

Изъ приведеннаго перечня аргументовъ въ пользу виновности Маріи Стюартъ видно, что главнымъ доказательствомъ являются ея письма къ Ботуэлю. Эти письма называются „шкатулочными“, потому что, по показаніямъ лицъ, представившихъ ихъ, они найдены въ шкатулкѣ, оставленной Ботуэлемъ въ Голирудскомъ дворцѣ. На этихъ письмахъ сосредоточено было все вниманіе историковъ и ихъ подложность долго не могла быть доказана. Въ послѣднее время (1886—1888 г.) Гердесъ, Карлова и Филипсонъ доказываютъ подложность всѣхъ шкатулочныхъ писемъ, а Бреслау допускаетъ подложность длиннаго Глазговскаго письма, но доказываетъ подлинность короткаго Глазговскаго письма и всѣхъ остальныхъ шкатулочныхъ писемъ.

Прежде всего является вопросъ: откуда взялись эти письма? Въ засѣданіи частнаго королевскаго совѣта (шотландскаго) 16 сентября 1568 года произошла официальная передача Мортономъ графу Морэ, регенту, серебряной шкатулки, и въ квитанціи, выданной Мортону, сказано, что означенная шкатулка съ письмами, балладами, контрактами и другими бумагами была найдена у Джорджа Дольглиша, слуги сказаннаго графа Ботуэля, въ двадцатый день іюня 1567 года отъ Рожд. Христова.

Въ протоколѣ не сказано, какія письма и какого содержанія находились въ шкатулкѣ, переданной Мортономъ графу Морэ. Впо-

слѣдствіи, во время конференцій въ Йоркѣ, Мортонъ рассказывалъ подобно, какъ шкатулка попала въ его руки. Когда былъ арестованъ, — говорилъ онъ, — одинъ изъ сообщниковъ Ботуэля, — Дольглишъ, то онъ указалъ, что въ его квартирѣ въ Эдинбургѣ, на Горшечной улицѣ, находится шкатулка, которую ему передалъ Бальфуръ, комендантъ Эдинбургскаго замка. По указанію Дольглиша произведенъ былъ 21 іюня 1567 года обыскъ въ указанномъ мѣстѣ и тамъ найдена была шкатулка съ письмами, соннетами и проч. бумагами Маріи Стюартъ. Въ тотъ же день Мортонъ въ присутствіи „другихъ“ лицъ вскрылъ эту шкатулку и сохранилъ ее у себя, оставляя ея содержимое неприкосновеннымъ, безъ всякихъ измѣненій.

Это показаніе Мортонна опровергается многими фактами. Дольглишъ былъ арестованъ на одномъ изъ кораблей Ботуэля послѣ того, какъ его эскадра была разбита, а это могло быть не ранѣе 11 или 12 іюля 1567 г., такъ что время полученія шкатулки съ письмами указано Мортономъ не вѣрно. Допросъ Дольглиша состоялся въ концѣ того же 1567 г., и затѣмъ 3-го января 1568 года онъ былъ казненъ по обвиненію въ участіи въ убіеніи Дарнлея. Во время процесса его ни разу, какъ видно, не спрашивали о полученной имъ шкатулкѣ. Равнымъ образомъ не видно, чтобы и Бальфура спрашивали по поводу ея. Когда, 11-го іюля 1567 г., лорды представили англійскому послу Трокмортону подробное изложеніе мотивовъ своего возстанія противъ Маріи, они ни слова не говорили о письмахъ Маріи Стюартъ, уличающихъ ее въ мужеубійствѣ. Эти объясненія представлены позже того, какъ, по словамъ Мортонна, была получена шкатулка, и, конечно, лорды сослались бы на находившіяся въ ней письма, если бы Мортонъ дѣйствительно имѣлъ ихъ тогда въ рукахъ. Достоиню вниманія, что 4 декабря 1567 г. собравшіеся „его милость милордъ-регентъ, лорды тайнаго совѣта и другіе, какъ бароны, такъ и судьи“, всего 28 человекъ, подписали протоколъ, въ которомъ они оправдывали арестованіе Маріи Стюартъ ея личными ошибками, такъ какъ, говорится въ протоколѣ этого собранія, очевидно установлено многими изъ ея частныхъ писемъ, писанныхъ и подписанныхъ ея собственною рукою и посланныхъ ею главному дѣятелю отвратительнаго убійства, графу Якову Ботуэлю, что она была зачинщицею, совѣтницею и повѣренною въ дѣлѣ умерщвленія сказаннаго короля, ея законнаго супруга, и что она участвовала въ немъ словомъ и дѣломъ. Между тѣмъ арестъ Маріи состоялся 15 іюня, а лорды оправдываютъ это свое дѣйствіе письмами, найден-

ными позже. Такія противорѣчія, наполняющія исторію появленія на свѣтъ Божій шкатулочныхъ писемъ, не способны внушить довѣрія къ ея правдивости. Личность же Мортонъ не внушаетъ довѣрія. А между тѣмъ мы не знаемъ, кто были тѣ другія лица, которыя, какъ онъ говоритъ, впервые вмѣстѣ съ нимъ разсматривали содержимое шкатулки. Мы не знаемъ, почему Мортонъ держалъ эту шкатулку больше года у себя на дому и передалъ ее совѣту только въ сентябрѣ 1568 г., т. е. тогда, когда Елизавета приглашала противниковъ Маріи явиться въ Іоркъ на конференцію для объясненія ихъ возстанія противъ нея. Мы не знаемъ, наконецъ, то ли передалъ Мортонъ графу Морэ, что самъ нашелъ въ шкатулкѣ, и должны довѣрить ему на слово, что онъ сохранилъ содержимое шкатулки безъ всякихъ измѣненій и дополненій. А вѣрить то ему очень трудно. 4 декабря 1567 г. шкатулочныя письма были предъявляемы частному собранію многихъ лордовъ и въ протоколѣ этого предъявленія сказано, что они всѣ подписаны и написаны собственноручно Марією Стюартъ. Затѣмъ открылись засѣданія шотландскаго парламента, на которомъ произнесено было осужденіе Ботуэля. Его осудили за убійство короля, похищеніе королевы, ея заточеніе и насильственный бракъ. Если лорды 4-го декабря видѣли письма, изъ которыхъ было ясно, что похищеніе Маріи Стюартъ, ея заточеніе въ Денбарѣ и бракъ съ нею Ботуэля произошли по ея же собственному желанію, то какъ же они могли признать Ботуэля виновнымъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ надъ королевою? Новое противорѣчіе, встрѣчающееся во второмъ фазисѣ исторіи шкатулочныхъ писемъ. Сторонники Маріи Стюартъ въ своемъ протестѣ по поводу этого парламента, составленномъ 12 декабря 1567 года, говорятъ: парламента не объявлялъ формально королеву виновною въ какомъ либо преступленіи; только противники ея величества составили партію для своей личной безопасности противъ обвиненія въ государственной измѣнѣ.

Почти годъ спустя, шкатулочныя письма появляются на конференціяхъ въ Іоркѣ. Въ совершенно частномъ и тайномъ совѣщаніи съ англійскими комиссарами графъ Морэ и его товарищи предъявили пять писемъ на шотландскомъ языкѣ, которыя, по ихъ словамъ, собственноручно написаны Марією Стюартъ. Прежде, какъ мы видѣли, про письма говорилось, что они и подписаны Марією Стюартъ; теперь, годъ спустя, они являются уже безъ подписи. Это первая метаморфоза. Мы увидимъ послѣ еще и другія странности.

Представители Маріи Стюартъ услышали, однако, что англійскимъ комиссарамъ показывали какія то письма ихъ государыни и извѣстили ее объ этомъ. Она выразила сомнѣніе въ подлинности писемъ и приказала имъ истребовать эти письма или копии съ нихъ для разсмотрѣнія, такъ какъ, говорила она, есть много лицъ, которыя могутъ поддѣлать ея почеркъ. Требованіе представителей Маріи Стюартъ о предъявленіи имъ писемъ или копій съ нихъ не было удовлетворено. Не безынтересно, однако, что на людей безпристрастныхъ эти письма не произвели желательнаго впечатлѣнія. Графъ Суссексъ, бывшій на конференціяхъ и видѣвшій эти письма, писалъ Елизаветѣ, что, по его мнѣнію, представители Маріи Стюартъ могутъ выставить противъ Морэ и его товарищей болѣе вѣскія обвиненія, чѣмъ противъ нея.

Когда затѣмъ, въ декабрѣ 1568 г., конференціи были перенесены въ Вестминстеръ и комиссары Маріи Стюартъ протестовали противъ ихъ характера и оставили ихъ, графъ Морэ и его товарищи снова предъявляютъ англійскимъ комиссарамъ шкатулочныя письма, но уже не въ тайномъ и частномъ совѣщаніи, а въ официальномъ засѣданіи. Изслѣдованіе писемъ на такомъ засѣданіи, признаніе ихъ подлинности — фактъ весьма важный. Для насъ, однако, важно знать, какъ строго относились англійскіе комиссары къ предъявленнымъ имъ документамъ. Оказывается, что они были на этотъ счетъ крайне снисходительны. Прежде предъявленія писемъ имъ представлена была „книга статей“ (Book of articles), нѣчто въ родѣ свода преступленій Маріи Стюартъ. И что же? Въ ней, между прочимъ, описывается путешествіе Маріи Стюартъ въ Іедбургъ въ самомъ превратномъ видѣ съ цѣлью доказать развратное поведеніе Маріи. Англійскіе государственные люди лично не возражали противъ этого, хотя Сесиль отлично зналъ истину изъ сообщеній англійскаго уполномоченнаго и зналъ, что самъ графъ Морэ присутствовалъ при единственномъ свиданіи Маріи съ Ботуэлемъ въ то время. Дарнлей представленъ въ этой книгѣ непорочнымъ агнцемъ, сдѣлавшимся предметомъ безпричинныхъ преслѣдованій со стороны Маріи Стюартъ. Тамъ рассказывалось, какъ во время крестинъ Іакова Марія Стюартъ запрещала кому бы то нибыло имѣть сношеніе съ Дарнлеемъ и даже графу Бедфорду, представителю королевы Елизаветы. Англійскіе министры слушали всѣ эти басни съ серьезнымъ видомъ, зная хорошо истину про характеръ и поведеніе Дарнлея, и между ними тутъ же сидѣлъ и самъ графъ Бедфордъ, который хорошо зналъ, что ин-

струкціи, данныя ему королевой Елизаветой, предписывали ему совершенно игнорировать существованіе Дарнлея. Поведеніе аглійскихъ комиссаровъ при чтеніи „книги статей“ показало Морэ и его товарищамъ, что они имѣють дѣло съ такими снисходительными судьями, которымъ можно подносить голую ложь, даже безъ прикрытія фиговымъ листомъ, и они примуть ее за истинный документъ не поморщившись. Шкатулочныя письма были предъявлены въ томъ же засѣданіи, въ которомъ читана была „книга статей“. На этотъ разъ съ ними происходитъ новая метаморфоза. Они являются на французскомъ языкѣ, что нисколько не мѣшаетъ конференціи считать ихъ подлинными, написанными Марією Стюартъ собственноручно. Кромѣ того, въ Іоркѣ представлено было 3 письма, писанныхъ изъ Глазго и 2 изъ Стирлинга; при переѣздѣ въ Вестминстеръ письма размножаются: оказывается 5 писемъ изъ Глазго и 2 письма изъ Стирлинга. Кромѣ того, одно письмо исчезло; о содержаніи его упоминають англійскіе комиссары, бывшіе въ Іоркѣ; оно относилось къ одному обстоятельству, которое могло быть истолковано въ пользу Маріи Стюартъ. Въ Вестминстерѣ это письмо предъявлено не было.

Послѣ того, какъ Морэ предъявилъ письма, онъ взялъ оригиналы обратно, а оставилъ копіи съ нихъ, тоже написанныя на французскомъ языкѣ. Незамѣтно, чтобы англійскимъ комиссарамъ, бывшимъ въ Іоркѣ и сидѣвшимъ теперь тоже и на конференціяхъ въ Вестминстерѣ, показалось страннымъ увеличеніе числа писемъ и то, что они изъ шотландскихъ стали французскими!

Королева Елизавета и Сесиль желали дать этимъ письмамъ возможно большую огласку, а потому, по окончаніи конференцій въ Вестминстерѣ, они были предъявлены англійскому королевскому совѣту въ засѣданіяхъ 14 и 15 декабря 1568 года, въ которыя были приглашены кромѣ членовъ еще шесть важнѣйшихъ графовъ Англій. Тамъ слушались объясненія англійскихъ комиссаровъ, разсматривались бумаги, и графъ Морэ еще разъ показалъ свои французскіе оригиналы писемъ Маріи Стюартъ. Сравнивая ихъ съ письмами ея несомнѣнной подлинности, а именно съ письмами къ королевѣ Елизаветѣ, присутствующіе „не нашли между ними ни малѣйшей разницы“ ни въ письмѣ, ни въ стилѣ. Это указаніе протокола чрезвычайно важно, ибо оно свидѣтельствуетъ официально въ пользу подлинности предъявленныхъ графомъ Морэ оригиналовъ писемъ и вѣрности копій съ нихъ. Часть этихъ копій сохранилась, и къ большому удивленію всѣхъ, знающихъ литера-

турное образованіе Маріи Стюартъ, они изобилуютъ самыми грубыми ошибками, противными грамматикѣ и здравому смыслу. Вотъ, значитъ, каковы тѣ копіи, которыя были подвергнуты первыми юрисконсультами и государственными людьми Англій „строгому и возможно точному сличенію посредствомъ чтенія и разсматриванія и которыя они нашли вполне согласными съ подлинниками“. Такое странное явленіе объясняется показаніемъ Сесилия, заключающимся въ его мемуарахъ. Онъ говоритъ, что сличеніе было произведено очень торопливо и безпорядочно. Бумаги и письма лежали кучей на столѣ, ихъ по одиночкѣ и по нѣскольку штукъ сразу показывали присутствующимъ; при этомъ никакого подробнаго изслѣдованія и сличенія почерка произведено не было. Это свидѣтельство Сесилия, человѣка, заинтересованнаго въ обвиненіи Маріи Стюартъ, для насъ очень цѣнно, такъ какъ его нельзя заподозрить въ пристрастіи въ пользу ея.¹⁾

Коммиссары Маріи Стюартъ не присутствовали, какъ мы ска-

¹⁾ Изслѣдованіе писемъ, въ отношеніи если не почерка, то стиля, произведено нѣмецкимъ ученымъ Бреслау въ 1882 г. (Histor. Taschenbuch. Раумера). Но его способъ изслѣдованія неудовлетворителенъ. Онъ беретъ фразы изъ шкатулочныхъ писемъ и сличаетъ ихъ съ фразами изъ подлинныхъ писемъ Маріи Стюартъ и, видя сходство оборотовъ рѣчи, приходитъ къ заключенію о подлинности шкатулочныхъ писемъ. (Онъ не признаетъ подлинности длиннаго глазговскаго письма). Другіе изслѣдователи справедливо указали, что, слѣдуя методу Бреслау, ни къ чему не придешь. Карлова взяла фразы изъ словаря Литтре совершенно тождественныя съ фразами изъ шкатулочныхъ писемъ и говоритъ, что, по методу Бреслау, слѣдуетъ шкатулочныя письма отнести къ произведеніямъ XIX вѣка. Кардаунсъ извлекъ такія же тождественныя фразы изъ писемъ Екатерины Медичи и справедливо говоритъ, что, оставаясь послѣдовательнымъ, Бреслау долженъ былъ бы признать на этомъ основаніи, что шкатулочныя письма писаны Екатериною Медичи! Стилистическое изслѣдованіе могло бы привести къ серьезнымъ соображеніямъ лишь въ томъ случаѣ, если бы предварительно удалось установить тѣ стилистическія черты, которыя принадлежатъ исключительно языку Маріи Стюартъ. Для этого надо было бы перебрать всѣ произведенія письменности XVI вѣка, да и то едва ли удалось бы придти къ какому либо положительному результату, не говоря уже о томъ, что искусная поддѣлка все таки могла бы остаться незамѣченной. Гораздо плодотворнѣе другой способъ, а именно анализъ фактическаго содержанія писемъ и сопоставленія его съ обстоятельствами, несомнѣнно установленными при помощи историческихъ памятниковъ. Этому методу слѣдовали Онкенъ, Гердесъ, Карлова, Филипонъ и Готье, хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ Гердесъ и Карлова, не упускали изъ виду и особенностей языка шкатулочныхъ писемъ.

зали, въ тѣхъ засѣданіяхъ, когда показывались письма и другіе документы. Они обратились съ просьбой о предьявленіи имъ тѣхъ и другихъ, или по крайней мѣрѣ копій съ нихъ; но имъ въ этой просьбѣ, какъ и въ первый разъ, было отказано. Тѣмъ не менѣе, Елизавета потребовала, чтобы они представили письменныя объясненія по поводу предьявленныхъ противъ Маріи обвиненій. Въ то же время, 16 декабря 1568 г., т. е. на другой день послѣ предьявленія писемъ англійскому королевскому совѣту, Елизавета приказала объявить уполномоченнымъ Маріи Стюартъ, что „со стороны шотландцевъ представлены такія данныя, которыя представляютъ собою сильныя основанія для подозрѣнія, что прежнія сообщенія о преступленіяхъ, приписываемыхъ названной королевѣ, вѣрны. Объ этихъ данныхъ ея величество узнала изъ объясненій ея комиссаровъ съ тѣмъ большимъ удивленіемъ и грустью, что она никакъ не ожидала услышать о такихъ и столь многочисленныхъ моментахъ противъ нея“. Такимъ образомъ англійская королева поспѣшила признать Марію виновною во взводимыхъ на нее преступленіяхъ, не давая ей даже возможности сдѣлать возраженія противъ предьявленныхъ на конференціи документовъ. Въ словахъ Елизаветы мы могли бы видѣть свидѣтельство въ пользу подлинности писемъ, если бы она не вела себя такъ пристрастно по отношенію къ Маріи Стюартъ. Но она сама другимъ своимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ нѣсколькими днями позже, уничтожила значеніе заявленія, сдѣланнаго комиссарами Маріи. Когда послѣдняя отказалась отречься отъ престола (9 января 1569 г.) и когда, значитъ, политическая комбинація, связанная съ вестминстерскими конференціями, потерпѣла крушеніе, Сесиль давалъ прощальную аудіенцію графу Морэ и его товарищамъ (10 января 1569 г.) и по порученію Елизаветы сдѣлалъ имъ слѣдующее заявленіе: „противъ нихъ (обвиненныхъ въ убіеніи Дарнлея) ничего не выяснилось такого, что бы наносило ущербъ ихъ чести или чувству вѣрно-подданныхъ; но, съ другой стороны, они не выставили и не показали противъ своей госпожи королевы ничего такого, въ силу чего бы королева Англій получила дурное мнѣніе о королевѣ, ея доброй сестрѣ“.

Такая противорѣчивость заявленій, сдѣланныхъ въ промежуткъ 25 дней, лишаетъ ихъ всякаго довѣрія. Но какъ же на самомъ то дѣлѣ смотрѣла Елизавета на значеніе тѣхъ писемъ, которыя должны были уничтожить честь и доброе имя Маріи? Историкъ Кэмденъ (Camden), добросовѣстность и осторожность кото-

раго признается всѣми и который писалъ свою лѣтопись по порученію Сесилия, говоритъ: „письмамъ и ститотвореніямъ она (Елизавета) едва ли вѣрила, хотя ревность тутъ была замѣшана“¹⁾.

Это показаніе, высказанное очень осторожно, подтверждается мемуарами самого Сесилия. Онъ имѣлъ обыкновеніе, обсуждая политическое положеніе, дѣлать для себя замѣтки, причѣмъ излагалъ свои соображенія за и противъ даннаго рѣшенія. Въ мемориалѣ, сдѣланномъ 10 марта 1569 года, т. е. два мѣсяца послѣ заявленія, сдѣланнаго имъ же, Сесилемъ, графу Морэ отъ имени королевы, находится замѣтка объ опасностяхъ, которыя угрожаютъ Англiи и о мѣрахъ, которыя должны быть приняты противъ нихъ. Между опасностями упоминается также и возможность возстановленія Маріи на шотландскомъ престолѣ, и по этому поводу говорится: „бракъ королевы шотландской съ Дарнлеемъ²⁾ не существуетъ, а ея бракъ съ Ботуэлемъ расторгнуть папой, и такимъ образомъ виды на новый бракъ весьма благопріятствуютъ ея дѣлу; она можетъ ими воспользоваться, чтобы соблазнить иностранныхъ государей. Молва, что она убила своего мужа (the fame of hir murdering of hir husband) со временемъ заглохнетъ (will by tyme vanish away), или будетъ защитниками такъ обработана (will be so by defence handled), что она не будетъ стоять серьезнымъ препятствіемъ на дорогѣ къ осуществленію ея плановъ³⁾. Такимъ образомъ Сесиль, ведшій протоколы вестминстерскихъ конференцій и разсматривавшій шкатулочныя письма, называетъ обвиненіе Маріи въ мужеубійствѣ лишь молвою. Онъ этого не сказалъ бы, если бы онъ считалъ эти письма подлинными. Но если ни Ели-

¹⁾ О n c k e n. Giessener Studien über Maria Stuart. „Allgem Zeitung“. 1883 Французскій и тоскавскій посланники сообщаютъ своимъ государямъ то же самое.

²⁾ Современники называли Дарнлея обыкновенно Дарлесмъ: буква „н“ является лишь впоследствии. Онкенъ подробно разъяснилъ этотъ вопросъ въ „Allg. Zeitung“ за 1883 г. въ одной изъ статей, озаглавленныхъ „Giessener Studien über Maria Stuart“.

³⁾ Эти мемуары помѣщены въ сочиненіи Самуила Гэна (Samuel Haynes), озаглавленномъ такъ: „A collection of state papers relating to affairs in the reigns of King Henry VIII, King Edward VI, Queen Mary and Queen Elizabeth from the year 1542 to 1570. Transcribed from original letters and other Authentik Memorials never before publish'd, left by William Cecil Lord Burgley and new remaining at Hatfield House, in the library of the Right Honourable the present Earl of Salisbury. London. 1740.—O n c k e n. Giessener Studien. B r e s l a u. Beiträge zur Geschichte Maria Stuart's (Historische Zeitschrift 1884).

завета, ни Сесиль не придавали письмамъ значенія подлинныхъ документовъ, то затѣмъ же они ссылались на нихъ предъ представителями Маріи Стюартъ и торжественно выкладывали ихъ на показъ въ королевскомъ совѣтѣ, приглашая туда еще шесть знатнѣйшихъ графовъ Англіи? Они нужны были имъ не для доказательства виновности Маріи, а для диффамациі ея, диффамациі, противъ которой,— они это знали,— ей защищаться было почти невозможно. Кэнденъ прямо говоритъ, что хотя она (Елизавета) не вѣрила виновности Маріи, все же она находила удовольствіе въ томъ, чтобы на ея имени лежало позорное пятно. Это „удовольствіе“ будетъ намъ совершенно понятно, если вспомнимъ, что Сесиль считала молву о мужеубійствѣ препятствіемъ къ возстановленію Маріи на престолѣ Шотландіи. Въ интересахъ Елизаветы и преданнаго ей министра было поддерживать и распространять эту молву. Въ ноябрѣ 1571 года она сама черезъ Сесиль приказала своему послу въ Парижѣ распространять тамъ подъ рукою латинскую книжку Бьюкэнэна *Detectio*. „Это будетъ имѣть хорошій результатъ,— прибавлялъ Сесиль,— такъ какъ опозоритъ ее (Марію)“. Но распространять книжку Бьюкэнэна приказано было такъ, чтобы никто не зналъ, что это дѣлается англійскимъ посломъ¹⁾. Для насъ въ данномъ случаѣ интересны, однако, не политическія цѣли, которыя преслѣдовались Елизаветою диффамацией Маріи, а то, что она, диффамируя ее, сама не вѣрила тѣмъ документамъ, которые пускала въ публику.

Наконецъ, мы имѣемъ еще одно свидѣтельство современника, близко стоявшаго къ дѣлу, относительно писемъ, уличающихъ Марію Стюартъ. Это свидѣтельство матери Дарнлея, графини Ленноксъ. Она была кровно заинтересована въ дѣлѣ и сначала со всею страстью матери, потерявшей сына, преслѣдовала Марію, считая ее виновницею своего горя. Но потомъ она перемѣняетъ свои отношенія къ ней и вступаетъ съ нею въ переписку. Въ одномъ письмѣ, которое миссъ Стриклендъ нашла въ англійскомъ государственномъ архивѣ и опубликовала въ своей книгѣ „Жизне-

1) Бьюкэнэнъ былъ продажный писака, который пользовался милостями Маріи Стюартъ; какъ образованный человѣкъ, принималъ участіе въ ея литературныхъ занятіяхъ, а затѣмъ перешелъ на сторону ея враговъ и, чтобы заслужить ихъ благоволеніе, написалъ по порученію Елизаветы злѣйшій пасквиль „*Detectio Mariae*“... Въ немъ помѣщенъ французскій текстъ представленныхъ въ Вестминстерѣ шкатулочныхъ писемъ, а въ шотландскомъ изданіи этой книги они помѣщены на шотландскомъ языкѣ.

описанія королевъ шотландскихъ“, графиня пишетъ заключенной Маріи Стюартъ въ такомъ тонѣ, который исключаетъ всякую возможность предположенія, что она признаетъ Марію хоть скольконибудь виновною **въ приписываемыхъ ей преступленіяхъ** ¹⁾. Въ **письмѣ** своемъ къ Маріи отъ 10-го ноября 1575 г. она **говоритъ**: „Я умоляю ваше величество, не бойтесь ничего и возложите упованіе на Бога. Все пойдетъ хорошо. Вѣроломство вашихъ измѣнниковъ теперь лучше извѣстно, чѣмъ до сихъ поръ“. Сама Марія Стюартъ оставила намъ свидѣтельство о перемѣнѣ отношеній къ ней графини Ленноксъ. 2-го мая 1578 г. она пишетъ архіепископу Глазго: „Графиня Ленноксъ, моя свекровь, умерла мѣсяць тому назадъ. Эта добрая дама,—вотъ уже пять или шесть лѣтъ, какъ начались наши хорошія отношенія,—очень хорошо обращалась со мною и въ своихъ собственноручныхъ письмахъ сознала все зло, которое она мнѣ причинила своими несправедливыми преслѣдованіями. Они были начаты, какъ она дала мнѣ понять, съ ея согласія, такъ какъ она имѣла невѣрныхъ свѣдѣній, но главнымъ образомъ—по приказу англійской королевы и по убѣжденію ея совѣта, которые всегда мѣшали нашему соглашенію. Когда она признала мою невинность, она хотѣла прекратить преслѣдованіе меня и пошла такъ далеко, что отказалась одобрить то, что они сдѣлали ея именемъ“.

Графиня Ленноксъ, какъ мы сказали, была кровно заинтересована въ дѣлѣ; она увлеклась жаждой мщенія такъ сильно, какъ только можно. Ея поворотъ въ сторону Маріи Стюартъ послѣ того, какъ были опубликованы пресловутыя шкатулочныя письма, краснорѣчиво указываетъ, какъ дѣйствовали документы обвиненія на людей, близко знавшихъ дѣло ²⁾.

Изъ всего вышесказаннаго относительно такъ называемыхъ

1) Lives of the Queens of Scotland. Edinb. London. 1854. O n s k e n. Giesener Studien. Онъ вѣрно замѣчаетъ, что измѣненіе отношеній графини Ленноксъ къ Маріи начинается вскорѣ послѣ опубликованія книги Бьюкэнэна съ такъ называемыми шкатулочными письмами.

2) Бреслау говоритъ, что поворотъ графини Ленноксъ въ сторону Маріи ничего не доказываетъ, такъ какъ она была извѣстная интриганка. Но для того, чтобы уничтожить значеніе ея сближенія съ Маріею Стюартъ, надо сперва доказать, что она равнодушно относилась къ своему несчастному сыну, а потомъ, что она могла рассчитывать на извѣстныя выгоды, переходя на сторону первой. Ни того, ни другого доказать нельзя, а легко доказать противное.

шкатулочныхъ писемъ мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Исторія появления на свѣтъ шкатулочныхъ писемъ изобилуетъ противорѣчіями и сопровождается такими обстоятельствами, которыя вызываютъ сомнѣнія и подозрѣнія.

2) Появившись на свѣтъ, письма претерпѣваютъ невѣроятныя метаморфозы. Сначала они оказываются написанными собственноручно самою Марією Стюартъ и подписанными ею. Потомъ подписи исчезаютъ, и ихъ нѣтъ ни на одномъ письмѣ. Далѣе, на конференціяхъ въ Йоркѣ письма, собственноручно написанныя, составлены на шотландскомъ языкѣ, а въ Вестминстерѣ тѣ же оригиналы оказываются на французскомъ языкѣ. При этомъ и съ числомъ писемъ тоже происходитъ метаморфоза: одно неудобное для обвинителей Маріи Стюартъ исчезаетъ, а за то вновь нарождается нѣсколько новыхъ.

3) Не говоря о сторонникахъ Маріи Стюартъ, мы видимъ, что такіе люди, какъ Елизавета, Сесиль, Норфолькъ, Суссексъ, графиня Ленноксъ не вѣрятъ подлинности этихъ писемъ, и если Елизавета и Сесиль рѣшаются пользоваться ими для диффамациі Маріи Стюартъ, то дѣлаютъ это изъ подъ руки и никакъ не отъ своего имени.

Эти данныя не могутъ привести историка къ заключенію о подлинности шкатулочныхъ писемъ, а, напротивъ, къ противоположному выводу. Если юриста могло бы скольконибудь связывать официальное засвидѣтельствованіе подлинности писемъ въ королевскомъ совѣтѣ 14-го и 15-го декабря 1568 г., то для историка, при наличности другихъ данныхъ, это засвидѣтельствованіе не имѣетъ обязательнаго значенія, особенно въ виду той торопливости и небрежности, съ которыми производилась экспертиза ¹⁾.

Изложеніемъ исторіи появления и опубликованія шкатулочныхъ писемъ не ограничивается работа Бреслау, Гердеса, Карлова и Филипсона по изслѣдованію вопроса объ ихъ подлинности. Они обратили вниманіе на текстъ ихъ, чтобы при помощи разбора его придти къ положительному или отрицательному выводу относи-

¹⁾ Бреслау говоритъ, что официальное засвидѣтельствованіе писемъ избавляетъ отъ обязанности представлять доказательства ихъ подлинности тѣхъ, кто признаетъ таковую, а, напротивъ, тѣхъ, кто утверждаетъ ихъ подложность, обязываетъ представить доказательства своего мнѣнія. Это странная теорія исторической критики. Она стремится замѣнить печатью нотариуса добрую половину историческаго изслѣдованія.

тельно подлинности писемъ. Не вдаваясь въ подробности, утомительныя для читателя, мы познакомимъ его съ сущностью выводовъ и съ главными чертами того пути, по которому они пришли къ нимъ.

Отъ главнѣйшихъ писемъ, приписываемыхъ Маріи Стюартъ, сохранились четыре текста: шотландскій, латинскій, который Морэ и его товарищи представили на конференціяхъ въ Вестминстерѣ, называя его переводомъ съ французскаго, англійскій переводъ французскаго текста, такъ называемаго оригинала, и, наконецъ, французскій текстъ, опубликованный въ Detectio Бьюкэнэна, который признавался переводомъ съ латинскаго перевода. Всѣ восемь писемъ—изъ Глазго и изъ Стирлинга, безъ подписи, безъ обозначенія мѣста, откуда они писаны, и безъ числа. Только одно изъ нихъ, „краткое“ глазговское письмо, помѣчено: „сегодня, въ субботу, утромъ“. Но и эта единственная помѣта оказывается не вѣрною: въ 1567 году въ субботу приходилось 25-е января; это единственная суббота, которую Марія Стюартъ могла провести въ Глазго. Но, какъ сейчасъ увидимъ, она не могла писать этого письма изъ Глазго въ субботу, 25-го, утромъ. Филипсонъ беретъ недавно опубликованный журналъ королевскихъ подписей; изъ него оказывается, что 22-го и 24-го января 1567 г. Марія Стюартъ подписывала бумаги еще въ Эдинбургѣ; 24-го же января она даетъ свою подпись въ Линлитгоу, 28-го января она снова подписываетъ ихъ въ Линлитгоу, а 31-го января—въ Эдинбургѣ. Расстояніе отъ Эдинбурга до Линлитгоу 22 киллометра, а отъ этого мѣста до Глазго—45 киллометровъ. Изъ этого слѣдуетъ, что утромъ, 24-го января, Марія была въ Эдинбургѣ и къ вечеру въ тотъ же день прибыла въ Линлитгоу. Если она выѣхала оттуда рано утромъ 25-го, то при состояніи тогдашнихъ дорогъ, да еще зимою, совершая путь верхомъ, она могла пріѣхать въ Глазго лишь поздно вечеромъ 25-го января и не могла, значитъ, писать оттуда утромъ въ этотъ день. Затѣмъ мы видимъ, что она 28-го числа, на обратномъ пути въ Эдинбургъ, снова была въ Линлитгоу. Какъ видно изъ журнала подписей, она ѣдетъ обратно въ Эдинбургъ медленно, чѣмъ ѣхала оттуда въ Глазго, что и естественно, такъ какъ она ѣхала вмѣстѣ съ большимъ Дарнлеемъ, котораго несли на носилкахъ. При такомъ условіи несомнѣнно, что 27-го января она выѣхала изъ Глазго обратно. И что же? Въ это однодневное пребываніе она пишетъ Ботуэлю пять писемъ, изъ которыхъ одно, такъ называемое длинное глазговское, длиннѣе всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ! Все это весьма мало вѣроятно.

Графъ Морэ и его друзья не были такъ глупы, чтобы оставить безъ вниманія такую невѣроятность. Онъ представилъ на конференціи свой яко бы дневникъ, изъ котораго явствовало, что Марія выѣхала изъ Эдинбурга 22-го января и прибыла въ Глазго 24-го утромъ, такъ что она пробыла тамъ не одинъ день, а цѣлыхъ три дня,—время достаточное для страстно влюбленной женщины, чтобы написать пять писемъ. Но журналъ королевскихъ подписей опровергаетъ хронологическія указанія дневника графа Морэ и къ тому же доказываетъ, что дневникъ его—вовсе не дневникъ, а позднѣйшее произведеніе, можетъ быть, и сочиненное для подкрѣпленія и дополненія писемъ. Разбирая шкатулочные письма, Бреслау признаетъ краткое глазговское письмо подлиннымъ ¹⁾. Въ доказательство своего мнѣнія, онъ ссылается на слѣдующую фразу письма: „Я посылаю это Ледингтону, чтобы онъ вамъ передалъ у Битона“. Если бы письмо было подложно, разсуждаетъ Бреслау, то въ немъ не было бы упомянуто имя Ледингтона, такъ какъ такое упоминаніе компрометтировало его, а онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Морэ. Но Карлова возражаетъ на это разсужденіе указаніемъ на то обстоятельство, что этой фразы дѣйствительно нѣтъ въ шотландскомъ текстѣ писемъ, представленномъ, какъ извѣстно, во время конференцій въ Йоркѣ; она является только въ англійскомъ переводѣ съ такъ называемаго французскаго оригинала, представленнаго въ Вестминстерѣ, т. е. тогда, когда Ледингтонъ былъ уже въ дурныхъ отношеніяхъ къ Морэ и когда противъ него уже готовилось обвиненіе въ соучастіи въ убіеніи Дарнлея. Такимъ образомъ эта фраза служитъ доказательствомъ подлога, а вовсе не подлинности письма.

Карлова обращаетъ вниманіе въ этомъ письмѣ еще на другое мѣсто, доказывающее его подложность. Пишущая письмо жалуется, что еще не получила отъ адрессата обѣщанныхъ извѣстій, хотя вчера еще ожидала ихъ. Письмо, какъ мы знаемъ, помѣчено субботою, 25 января. Эта помѣта невѣрна; но даже и допустивъ правильность ея, мы встрѣчаемся съ затрудненіями такого рода. По дневнику графа Морэ графъ Ботуэль провожалъ Марію Стюартъ въ ея поѣздкѣ въ Глазго до Каллендара, одного замка графа Ливингстона около Фалкирка. Въ ту же ночь, т. е. по дневнику вы-

¹⁾ Это письмо, помѣченное числомъ. Оно въ числѣ шкатулочныхъ писемъ именуется № 1. Бреслау не зналъ еще тогда (1884 г.) о журналѣ королевскихъ подписей.

ходить 23 января, онъ поѣхалъ обратно въ Эдинбургъ, чтобы отсюда сейчасъ же отправиться въ Лидесдаль. Положимъ, что хронологія дневника графа Морэ страдаетъ неточностью, но и по его показаніямъ оказывается, что Марія Стюартъ разсталась съ Ботуэлемъ за день до своего приѣзда въ Глазго. Какимъ же образомъ уже 24-го она могла ожидать отъ него извѣстій, зная, что онъ 24-го могъ только возвратиться въ Эдинбургъ? Если же принять въ расчетъ истинную хронологію поѣздки Маріи Стюартъ въ Глазго, то означенная фраза письма дѣлается еще менѣе возможною, такъ какъ 24-го числа Марія Стюартъ сама находилась еще въ Эдинбургѣ и, слѣдовательно, не нуждалась ни въ какихъ письменныхъ извѣстіяхъ ¹⁾).

Длинное глазговское письмо, значащееся въ числѣ шкатулочныхъ писемъ подъ номеромъ 2, не имѣетъ никакой помѣты, не подписано и не заключаетъ въ себѣ никакихъ прямыхъ указаній относительно лица, которому оно адресовано. Въ протоколѣ Вестминстерской конференціи сказано: „Шотландцы представили сначала одно письмо на французскомъ и на латинскомъ языкахъ; они увѣрили, что оно собственноручно писано королевою къ Ботуэлю, когда она была со своимъ мужемъ въ Глазго и когда она собиралась привезти его въ Эдинбургъ“... „Затѣмъ они представили другое, длинное письмо, написанное точно также тою же рукою и на французскомъ языкѣ, и увѣрили, что и оно также написано королевою Ботуэлю собственноручно изъ Глазго“ ²⁾).

Это письмо составлено такъ, что изъ него должно было ясно видѣть всю глубину развращенности Маріи Стюартъ. Изъ письма явствуется, что по приѣздѣ она ведетъ разговоръ съ мужемъ, по-

1) На самомъ дѣлѣ Марія Стюартъ оставила Ботуэля въ Эдинбургѣ и онъ ея вовсе не провожалъ до Каллендара, такъ какъ она туда вовсе не ѣздила. Этотъ замокъ Ливингстона находится на сѣверѣ отъ Эдинбурга, въ 94 километрахъ, въ горахъ. Оттуда до Глазго еще 48 километровъ, а всего 142 киллом., тогда какъ прямая дорога имѣетъ всего 67 километр. Если бы и не было журнала королевскихъ подписей, то и тогда такое круговое путешествіе казалось бы мало вѣроятнымъ. Зачѣмъ же Морэ искажилъ въ своемъ „Дневникѣ“ маршрутъ королевы? — А затѣмъ, чтобы подкрѣпить показаніемъ дневника то мѣсто длиннаго глазговскаго письма, гдѣ разсказывается очень грязная сцена, какъ Марія Стюартъ грѣлась, прижавшись къ Ливингстону (Филипсонъ).

2) Gerdes. Streitfragen zur Geschichte Maria Stuart's. Эти оба письма были представлены два мѣсяца передъ тѣмъ въ Іоркѣ на шотландскомъ языкѣ.

томъ идетъ ужинать и за ужиномъ бесѣдуетъ съ Ливингстономъ, при чемъ содержаніе ихъ бесѣды есть верхъ безстыдства. Потомъ, вставъ изъ за стола, она идетъ опять къ мужу и ведетъ съ нимъ снова лицемѣрно ласковый разговоръ, а затѣмъ садится писать письмо любовнику. Составляя это письмо противники Маріи Стюартъ, что называется, переборщили. Они заставили ее говорить такія вещи, которыя не рѣшится говорить даже публичная женщина, заставили сообщать Ботуэлю такія сцены (напримѣръ, какъ она прижалася къ Ливингстону, и онъ обнялъ ее), которыя ни одна женщина въ мірѣ не станетъ передавать кому бы то ни было, а тѣмъ менѣе своему любовнику. Они забыли, что сами старались доказать, что Марія Стюартъ страстно любила Ботуэля, любила до рѣшимости на преступленіе; они забыли, что любовь и безстыдный развратъ двѣ вещи несомѣстимыя, упустили изъ виду, наконецъ, то противорѣчіе, которое окажется между нравственнымъ образомъ Маріи по этому письму и тѣмъ образомъ, который существовалъ въ дѣйствительности и можетъ быть восстановленъ на основаніи другихъ документовъ, несомнѣнно подлинныхъ.

Въ силу этихъ чертъ, бьющихъ въ глаза своей несообразностью, длинное глазовское письмо вообще признается подложнымъ. Даже тѣ, кто настаиваетъ на подлинности другихъ шкатулочныхъ писемъ, признають его подложность. Бреслау доказываетъ его подложность, ссылаясь на хронологическія несообразности, на отрывочныя мѣста, которыя являются среди письма вдругъ и безсвязно, и наконецъ на показаніе Кроуфорда, въ которомъ сообщаются тѣ же факты, что и въ письмѣ. Карлова признаетъ доводы Бреслау убѣдительными, но съ своей стороны приводитъ еще нѣкоторыя доказательства подлога. Письмо написано такъ, что читатель долженъ думать, что оно написано вечеромъ въ день пріѣзда Маріи Стюартъ въ Глазго. Между тѣмъ въ немъ стоитъ такая фраза: „король послалъ вчера вечеромъ за Іохимомъ“. Фраза эта представляется въ письмѣ совершенно бессмысленною, такъ какъ Дарнлей не могъ звать Іохима, слугу королевы, наканунѣ вечеромъ, когда онъ прибылъ съ нею вмѣстѣ только въ этотъ день. Фальсификаторы, какъ думаетъ Карлова, нашли эту фразу въ замѣткахъ, которыя Марія Стюартъ дѣлала для себя, и заставили Марію сдѣлать это замѣчаніе въ письмѣ, которое она пишетъ въ день своего пріѣзда, не уничтоживъ при этомъ словъ „вчера вечеромъ“. Только при изготовленіи копии

для англійскихъ комиссаровъ въ Вестминстерѣ, они замѣтили это предательское „вчера“ и вычеркнули его. Въ англійскомъ переводѣ этой копіи нѣтъ этого предательскаго „gester night“, которое стоитъ въ шотландскомъ текстѣ ¹⁾).

Также неестественно и другое замѣчаніе: „Что же касается всего остального относительно Уилле Гигета (Willie Hiegate), то онъ сознался въ этомъ утромъ послѣ моего приѣзда“. Это она говоритъ въ письмѣ, которое пишетъ вечеромъ въ день своего приѣзда. А приѣхала она тоже вечеромъ. Значитъ она говоритъ о событіи, которое еще не произошло ²⁾). Есть еще нѣкоторыя другія несообразности, на которыя указываетъ Карлова, но мы не будемъ говорить о нихъ. И сказаннаго довольно. Для объясненія этихъ несообразностей, а также и вставокъ, которыя замѣчаются въ письмѣ, Карлова предполагаетъ существованіе дневника, или чего то похожего на дневникъ, найденнаго врагами Маріи въ ея бумагахъ, что и послужило для нихъ источникомъ для составленія письма; но истина, сплетенная съ выдумкою, изобличила подлогъ. Гипотеза Карлова не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, хотя и не можетъ считаться доказанною. Филипсонъ остерегается принять ее; да онъ и не считаетъ ее особенно необходимою для доказательства подложности письма и для разъясненія источника находящихся въ немъ свѣдѣній. Было уже упомянуто показаніе Кроуфорда, вассала (скорѣе, чѣмъ слуги) графа Леннокса. Цѣлыя отрывки письма цѣликомъ совпадаютъ буква въ букву съ соответствующими мѣстами показанія. Это показаніе, какъ убѣдительно доказываетъ Филипсонъ, легло въ основаніе длиннаго глазговскаго письма. Когда составлено показаніе? Графъ Морэ утверждалъ, что въ тотъ же день, какъ Кроуфордъ былъ свидѣтелемъ разговора Маріи Стюартъ съ мужемъ, онъ изложилъ все видѣнное и слышанное на бумагѣ для графа Леннокса, который лежалъ больной въ постели въ томъ же замкѣ. Писаніе разсказа при такихъ условіяхъ, само по себѣ маловѣроятное, опровергается документомъ: почти полтора года позже, а именно въ письмѣ отъ 11 іюня 1568 года, графъ Ленноксъ проситъ Кроуфорда сообщить ему о его разговорѣ съ

¹⁾ Karlowa. Maria Stuart's angebliche Briefe an den Grafen Bothwell.

²⁾ Карлова допускаетъ еще возможность писанія части письма на другой день вечеромъ послѣ приѣзда, но и въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, сказано было бы: „сегодня утромъ“, тогда какъ выраженіе „утромъ послѣ моего приѣзда“ подразумеваетъ нѣсколько дней, предшествующихъ написанію письма.

королевой, о пребываніи ея въ Глазго, о продолжительности ея пребыванія, объ ея обращеніи съ королемъ и объ ея разговорѣ съ нимъ. Ясно, что до этого времени Кроуфордъ не излагалъ ему письменно этихъ фактовъ. Если же показаніе Кроуфорда легло въ основаніе длиннаго глазговскаго письма, то тѣмъ самымъ опредѣляется время составленія письма: оно составлено лѣтомъ или осенью 1568 г., наканунѣ Юрскихъ конференцій, на которыхъ оно и появляется на шотландскомъ языкѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ, что Бреслау, Карлова и Филипсонъ подвергли разбору два главнѣйшихъ глазговскихъ письма со стороны ихъ фактическаго содержанія и формы выраженія отдѣльныхъ мыслей и пришли къ заключенію, что они подложны. При этомъ Бреслау, отказавшись отъ защиты длиннаго глазговскаго письма и трехъ писемъ второстепеннаго значенія, писанныхъ оттуда же, тѣмъ настойчивѣе старается доказать подлинность краткаго глазговскаго письма (№ 1). Замѣтивъ слабость растянутой оборонительной линіи, онъ бросаетъ часть ея, чтобы, сосредоточившись на одномъ господствующемъ пунктѣ, усилить средства обороны. Онъ самъ говоритъ, что тому, кто можетъ отстоять подлинность краткаго глазговскаго письма (№ 1), мало интереса въ томъ, будутъ ли признаны подлинными или подложными остальные письма. Это заявленіе справедливо только въ томъ отношеніи, что письмо № 1 важнѣе остальныхъ для доказательства того, что Марія Стюартъ была соумышленницей заговорщиковъ на жизнь ея мужа. Но соображенія подобнаго рода не должны руководить историкомъ; онъ долженъ искать истину и только истину, а не подбирать средства защиты и нападенія. Однако же, отстоять краткое глазговское письмо Бреслау, по нашему мнѣнію, не удалось. Карлова и Филипсонъ нашли слабыя стороны его новой позиціи и ставятъ его въ необходимость очистить ее.

Теперь мы остановимся еще на выводахъ, къ которымъ пришелъ Гердесъ изъ разбора краткаго (№ 1) и длиннаго глазговскихъ писемъ ¹⁾. Для ясности припомнимъ, что графъ Морэ представилъ въ Вестминстерѣ письма Маріи Стюартъ на французскомъ языкѣ и при этомъ латинскій переводъ ихъ. Оригиналы онъ взялъ назадъ, такъ что при протоколахъ сохранился и дошелъ до насъ англійскій переводъ ихъ, который, слѣдовательно, и заступаетъ мѣсто ориги-

¹⁾ H. Gerdes. Streitfragen zur Geschichte der Königin Maria Stuart. Gotha. 1886 г.

нала, и по нѣскольку строчекъ французскаго текста отъ каждаго письма. Кромѣ того, до насъ дошелъ шотландскій текстъ этихъ писемъ, представленныхъ въ Йоркѣ и сохранившійся въ шотландскомъ изданіи книги Бьюкэнэна „Detectio Mariæ“, и французскій текстъ во французскомъ изданіи той же книги Бьюкэнэна, составленный посредствомъ перевода съ латинскаго. Итакъ, выходитъ, что сначала появились въ свѣтъ письма на французскомъ языкѣ, написанныя самою Маріею Стюартъ, затѣмъ съ нихъ дѣлается латинскій переводъ, а потомъ, три года позже, когда французскіе оригиналы уже исчезли, Бьюкэнэнъ восстанавливаетъ опять французскій текстъ писемъ, дѣлая переводъ съ латинскаго. Откуда взялся шотландскій текстъ писемъ,—графъ Морэ и его товарищи намъ не сказали, но, конечно, мы его должны признать переводомъ, если признаемъ вмѣстѣ съ нимъ французскій текстъ (сохранившійся въ официальномъ англійскомъ переводѣ) за оригиналь. Гердесъ изучилъ особенности всѣхъ четырехъ текстовъ, сопоставилъ ихъ между собою и пришелъ весьма основательно къ слѣдующему заключенію: протѣмъ всѣхъ текстовъ слѣдуетъ признать шотландскій; латинскій текстъ происходитъ изъ него непосредственно; затѣмъ посредствомъ перевода съ послѣдняго являются такъ называемый французскій оригиналь и второй французскій переводный текстъ. Сопоставляя многія мѣста писемъ различныхъ редакцій, Гердесъ показываетъ читателю наглядно, какъ измѣненія и ошибки, сдѣланныя при переводѣ съ шотландскаго на латинскій языкъ, или съ послѣдняго на французскій языкъ (такъ называемый переводной французскій текстъ), повторяются затѣмъ дальше и въ такъ называемомъ французскомъ оригиналѣ, сохранившемся въ англійскомъ переводѣ. Сравнивая между собою обѣ французскія редакціи писемъ, т. е. ту, которая сохранилась въ англійскомъ переводѣ, съ той, которая находится въ „Detectio“ Бьюкэнэна, мы видимъ, что онѣ совпадаютъ въ огромномъ большинствѣ фразъ. Такую связь можно только объяснить тѣмъ, что они списаны одна съ другой. Отъ французскаго оригинала, представленнаго въ Вестминстерѣ, сохранилось, кромѣ англійскаго официального перевода, лишь по нѣскольку строкъ отъ каждаго письма (онѣ были занесены въ протоколы), и эти строки поразительно совпадаютъ съ соотвѣтствующими мѣстами писемъ во французскомъ переводѣ Бьюкэнэна. Если бы допустить, не смотря на такое сходство, что оба французскихъ текста самостоятельны, то слѣдуетъ допустить такой процессъ: съ французскаго оригинала дѣлается шотландскій переводъ; при чемъ

дѣлаются измѣненія и пропуски; послѣдніе повторяются въ латинскомъ переводѣ, а затѣмъ третій переводчикъ, дѣлая съ латинскаго французскій переводъ, по счастливой случайности ¹⁾, устраняетъ появившіяся при двухъ переводахъ измѣненія, и этотъ счастливый круговоротъ отъ ошибки къ правильности повторяется въ обоихъ письмахъ сотню разъ и при томъ послѣ двойнаго перевода. Такое чудесное сочетаніе случайностей допустить нельзя, а потому надо остановиться на предположеніи Гердеса, что обѣ французскія редакціи списаны одна съ другой.

Какова же ихъ генеалогія? Сравнивая обѣ редакціи, Гердесъ находитъ, что такъ называемый второй французскій текстъ стоитъ ближе къ латинскому тексту, съ котораго онъ переведенъ, чѣмъ такъ называемый французскій оригиналъ, а потому онъ признаетъ, что текстъ, находящійся у Бьюкэнэна, болѣе ранняго происхожденія, а такъ называемый оригиналъ появился позже. Само собою понятны тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ этого анализа текстовъ для оцѣнки оригинала, представленнаго въ Вестминстерѣ и главнымъ образомъ его подлинности. Доказавъ, что шотландскій текстъ есть праотець другихъ текстовъ, и что французскій текстъ, переводной съ латинскаго, былъ предшественникомъ такъ называемаго французскаго оригинала, Гердесъ приходитъ къ выводу, что въ то время, когда графъ Морэ показалъ шотландскій текстъ писемъ, французскаго текста ихъ еще не существовало. Послѣдній изготовленъ былъ лишь въ промежутокъ времени между Юрскими и Вестминстерскими конференціями. Выводы свои относительно двухъ Глазговскихъ писемъ, Гердесъ резюмируетъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) оба Глазговскія письма, предназначенныя служить доказательствомъ виновности Маріи Стюартъ, суть фальсификація; 2) оригиналъ обоихъ писемъ былъ шотландскій; 3) второй или перевод-

1) У него вѣтъ предъ глазами первоначальнаго французскаго текста, иначе незачѣмъ было бы и дѣлать французскій переводъ. Еще въ XVIII в. Гудалль („An examination of the litters said to be written by Mary Queen of scots to James earl of Bothwell: also an inquiry into the murder of King Henry, containing. I. The letters themselves in Scottish, Latin and French. II. The conferences at Jork and Westminster and other writings relative to the litters. By Walter Goodall“. Edinburgh. 1754. 8° (см. у Онкена объ этомъ соч.) указалъ, что по нѣкоторымъ характернымъ ошибкамъ и недоразумѣніямъ при переводѣ можно видѣть, что латинскій текстъ есть переводъ съ шотландскаго, а затѣмъ ужъ съ латинскаго переведено на французскій языкъ. Gerdes, стр. 13.

ной французскій текстъ появился раньше, чѣмъ такъ называемый французскій оригиналь, т. е. до конференцій въ Вестминстерѣ.

Зачѣмъ появляется на ряду съ французскимъ текстомъ и этотъ предательскій латинскій текстъ, разъясняющій происхожденіе такъ называемаго французскаго оригинала? Если сказать, что онъ нуженъ былъ для поясненія французскаго текста англійскимъ государственнымъ людямъ, то это невѣрно, такъ какъ при дворѣ Елизаветы французскій языкъ былъ хорошо извѣстенъ, и французскій текстъ не нуждался въ переводѣ на латинскій. Графъ Морэ зналъ это по собственному опыту. Появленіе латинскаго текста объясняется нѣкоторыми изслѣдователями тѣмъ, что французскій языкъ не былъ достаточно распространенъ въ Шотландіи.

Вѣроятно, нельзя было найти переводчика, который перевелъ бы письма прямо съ шотландскаго на французскій, а потому понадобились два переводчика: одинъ изъ нихъ зналъ шотландскій и латинскій языки, а другой латинскій и французскій. Такимъ образомъ и появился посредствующій латинскій текстъ.

Что касается другихъ шкатулочныхъ писемъ, то такой же разборъ, какому подвергнуты были два глазговскія письма, приводитъ упомянутыхъ нами изслѣдователей къ убѣжденію въ подложности и этихъ писемъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ противорѣчіе съ фактической обстановкой, а также и внутреннія противорѣчія дали возможность выяснить фальсификацію. Когда мы говорили о похищеніи королевы Ботуэлемъ, мы упоминали о тѣхъ доводахъ, которые убѣждаютъ въ подложности писемъ изъ Стирлинга. Мы не будемъ останавливаться на разборѣ, которому Карлова и Филипсонъ подвергаютъ глазговскія и стирлингскія письма. Скажемъ только, что поддѣльватели попадаютъ сами въ просакъ иногда вслѣдствіе недосмотра, иногда вслѣдствіе недостатка образованія. Такъ, напр., въ одномъ письмѣ Маріи къ Ботуэлю находится такая фраза: „non que je vous compare à *un* si malheureuse, ni mou à une si impitoiable“. Карлова говоритъ, что поддѣльватель, вѣроятно, взялъ эту фразу изъ меморіала Маріи, въ которомъ упоминается разговоръ ея съ Дарнлеемъ по поводу слуховъ о разводѣ. Въ разговорѣ этомъ фраза принадлежитъ Дарнлею и гласила такъ: „Non que je me compare à une si malheureuse (Медее), ni vous à un si impitoiable“ (Язонъ). Дарнлей сравнивалъ себя съ несчастною, оставленною Медеею, а Марію приравнивалъ къ жестокосердому Язону. Фальсификаторъ, перевернувъ фразу по адресу Ботуэля, забылъ передѣлать женское окончаніе на мужское,

да кромѣ того далъ всей фразѣ нелѣпный смыслъ: въ составленномъ письмѣ выходитъ, что Марія считаетъ Язона несчастнымъ, а Медею жестокосердою. Такого смѣшенія мнѳологическихъ представлений отъ нея ожидать нельзя. Кромѣ того, совершенно глупо было ей приурочивать этотъ мнѳ къ своимъ отношеніямъ къ Ботуэлю, такъ какъ она надѣялась скоро стать его женою.

Нельзя признать доказаннымъ, какъ мы уже говорили, существованіе меморіала, фразами котораго пользовался фальсификаторъ; но весьма вѣроятно, что были какія то бумаги, которыя служили основаніемъ для составленія писемъ. Эти бумаги, можетъ быть, даже письма, облегчали составленіе подложныхъ писемъ, придавая имъ характеръ подлинныхъ. „Вотъ почему,—говоритъ Карлова,—не смотря на всѣ основанія для подозрѣнія, приходишь къ предположенію ихъ подлинности, такъ какъ они производятъ впечатлѣніе настоящихъ, дѣйствительно написанныхъ писемъ. Этого впечатлѣнія поддѣлыватели достигли тѣмъ, что они изготовили не вполнѣ измышленныя письма, но при помощи вставокъ и измѣненій подладили для своихъ цѣлей настояція письма Маріи Стюартъ, попавшія къ нимъ въ руки послѣ ея ареста. И эти письма выбраны для поддѣлки довольно ловко. Они появились, если не при такихъ же, то при подобныхъ обстоятельствахъ и выражаютъ такія чувства и мысли, которыя очень хорошо могли быть приурочены для такъ называемыхъ писемъ Маріи Стюартъ къ Ботуэлю... Но все таки и поддѣлки не всегда искусны и не закрываютъ вполнѣ слѣдовъ дѣйствительныхъ отношеній“. Такъ, Карлова указываетъ, что одно письмо, относящееся къ дѣлу убіенія Риччіо, превращено было въ письмо Маріи къ Ботуэлю по поводу ея похищенія послѣднимъ ¹⁾. Въ другомъ случаѣ онъ указываетъ, что письмо Дарнлея къ Маріи выдано за письмо къ Ботуэлю (№ 3 шкатулочныхъ писемъ), но вышло совершенно неестественно слезливымъ.

Мы не будемъ, какъ уже сказали раньше, дѣлать разборъ второстепенныхъ писемъ, но постараемся въ заключеніе передать вкратцѣ выводы изъ нашего разсказа о шкатулочныхъ письмахъ.

Исторія появленія шкатулочныхъ писемъ полна недоразумѣній и противорѣчій, способныхъ лишь возбудить подозрѣнія.

¹⁾ Того же мнѣнія держится и Филипсонъ относительно этого письма, но вообще онъ считаетъ возстановленіе настоящихъ писемъ изъ подложныхъ дѣломъ болѣе остроумнымъ, чѣмъ основательнымъ.

Представленіе ихъ на Йоркскихъ и Вестминстерскихъ конференціяхъ не только не разсѣваеетъ, но усиливаетъ подозрѣніе въ подлогѣ.

Разборъ фактическаго содержанія писемъ приводитъ къ убѣжденію, что они не могли быть написаны тѣмъ лицомъ, которому они приписываются, и въ то время, къ которому они приурочены.

Разборъ и сличеніе различныхъ текстовъ писемъ, сохранившихся до нашего времени, приводитъ къ заключенію, что оригиналъ писемъ явился на свѣтъ позже того текста, который считали переводомъ перваго, и что два Глазговскихъ письма, самыя важныя, написаны были первоначально по шотландски, хотя обвинители Маріи и говорили, что она ихъ написала собственноручно по французски.

Наконецъ скажемъ, что Карлова и другіе считаютъ виновниками подлога графа Морэ, Мортонна и Леннокса, которые могли, однако, воспользоваться для своей цѣли услугами Джона Вуда (John Wood), секретаря графа Морэ.

Теперь мы можемъ воротиться къ нашему разсказу объ отношеніяхъ Елизаветы къ Маріи Стюартъ послѣ того, какъ послѣдняя очутилась въ ея рукахъ. Мы попытаемся въ нашей краткой бесѣдѣ намѣтить главныя черты этихъ отношеній.

Съ точки зрѣнія англійской политики было очень опасно выпускать изъ рукъ Марію Стюартъ. Но и держать ее въ Англии было тоже очень трудно. Во первыхъ, нужно было уклоняться отъ дипломатическихъ представленій Франціи и Испаніи въ пользу освобожденія Маріи Стюартъ. Не въ интересахъ Англии было видѣть обѣ эти державы соединенными противъ себя. Къ счастью Елизаветы, ходатайства Франціи и Испаніи не были настойчивы. Хотя политическіе интересы Франціи требовали возстановленія французскаго вліянія въ Шотландіи, значить, возстановленія власти Маріи Стюартъ, но эти интересы теперь не представлялись такими важными, какъ прежде, да къ тому же внутреннія отношенія Франціи связывали ея внѣшнюю политику. Междоусобная война протестантовъ и католиковъ не благопріятствовала ни энергіи дѣйствій въ области внѣшней политики, ни послѣдовательности ихъ. Если перевѣсъ брали католики, политика Франціи склонялась въ сторону Испаніи и противъ Англии; напротивъ, побѣды протестантовъ и преобладаніе ихъ вліянія на правительство отражалось во

внѣшней политикѣ сближеніемъ съ Англіей и появленіемъ плановъ изгнанія испанцевъ изъ Нидерландовъ. Испанія избавлена была отъ непослѣдовательности въ своей политикѣ, порождаемой религіозными разногласіями; но она ввязалась такъ сильно въ борьбу съ Нидерландами, что не могла предпринять чего либо рѣшительнаго въ пользу Маріи Стюартъ. Колебанія внѣшней политики Франціи тоже парализовали предпріятіе Филиппа II въ этомъ направленіи. Наконецъ, интересы Испаніи въ Шотландіи были второстепенными.

Вслѣдствіе этого Елизаветѣ оказалось возможнымъ, не освобождая Маріи Стюартъ, не доводить дѣло до разрыва съ Франціей и Испаніей и успокоивать ихъ обѣщаніями не только освободить Марію Стюартъ, но и оказать ей содѣйствіе въ возвращеніе потерянной власти; если они не вѣрили этимъ обѣщаніямъ, то показывали видъ, что вѣрятъ имъ, и признавали свое дипломатическое воздѣйствіе удавшимся. Кромѣ того, требовалось употребить всѣ старанія къ тому, чтобы не допускать усиленія партіи Маріи Стюартъ въ Шотландіи и всегда поддерживать партію графа Морэ. Надо было направлять эту партію въ интересахъ Англіи, не давая въ то же время замѣтить, что вожаки этой партіи служатъ лишь орудіемъ англійской политики. Бывали минуты, когда положеніе сторонниковъ Маріи Стюартъ становилось на столько выгоднымъ, что нужно было употребить въ дѣло вліяніе самой Маріи Стюартъ, чтобы удержать ихъ на время отъ рѣшительныхъ дѣйствій и такимъ образомъ защитить интересы Англіи отъ грозящей опасности. Тогда Елизавета обращалась къ ней съ заманчивыми предложеніями, прося въ то же время остановить борьбу. Ей удавалось не разъ снова возбуждать въ Маріи довѣріе къ своимъ обѣщаніямъ и дружескимъ чувствамъ. Благодаря такой довѣрчивости, Марія сама удерживала своихъ партизановъ, и выходило то, что благоприятная минута пропускалась, и положеніе ея партіи чѣмъ дольше, тѣмъ становилось хуже. Чѣмъ безнадежнѣе становилось ея дѣло, тѣмъ меньше становилось число ея партизановъ.

Затрудненія Елизаветы въ ея отношеніяхъ къ Маріи Стюартъ являлись еще съ третьей стороны. Въ самой Англіи число католиковъ было еще очень велико, особенно въ сѣверной и средней Англіи. Права Маріи на англійскій престолъ были извѣстны англійскимъ католикамъ и благопріятствовали ихъ надеждамъ на реставрацію католицизма. Иные могущественные лорды католиче-

ской партіи связывали и свои личные честолюбивые замыслы съ возможнымъ торжествомъ шотландской королевы. Въ силу этого обстоятельства очень скоро послѣ водворенія Маріи Стюартъ въ Англии начинается рядъ заговоровъ съ цѣлью освобожденія ея изъ англійскаго плѣна. Сначала косвенно и весьма отдаленно, а потомъ прямо и открыто принимаетъ участіе въ этихъ католическихъ заговорахъ герцогъ Норфолькъ. Онъ былъ могущественнѣйшимъ изъ лордовъ Англии. Его родственныя отношенія ставили его близко къ англійскому королевскому дому. Въ силу этихъ отношеній онъ признавалъ за собою нѣкоторыя права на корону Англии. Его вѣрность католицизму поставила его во главѣ католической партіи въ Англии. Мы видѣли, какъ во время Юрскихъ конференцій герцогъ Норфолькъ оказался неудобнымъ предсѣдателемъ англійскихъ комиссаровъ и какъ онъ сталъ на сторону Маріи Стюартъ въ вопросѣ о ея виновности. Затѣмъ у него является мысль освободить ее, жениться на ней и, соединивъ ея судьбу съ своею, усилить свои права на корону Англии. Когда былъ открытъ первый заговоръ въ пользу Маріи Стюартъ, участіе въ немъ Норфолька и замыслы его на счетъ брака не были ясны, и ему удалось усыпить подозрѣнія Елизаветы и успокоить ее обѣщаніемъ не имѣть никакихъ сношеній съ Маріей Стюартъ. Онъ не исполнилъ своего обѣщанія. Напротивъ, въ слѣдующемъ заговорѣ въ пользу ея онъ принимаетъ прямое и активное участіе. Онъ вступаетъ въ переписку съ шотландской королевой, предлагаетъ ей свою руку и сердце, и съ ея стороны встрѣчаетъ согласіе на бракъ. Заговоръ былъ открытъ, и Норфолькъ поплатился головою за свои замыслы.

Заговоры католиковъ показали Елизаветѣ, что держать королеву шотландскую въ качествѣ плѣнницы, пожалуй, не менѣе опасно, чѣмъ отпустить ее въ Шотландію. Заговоры были открыты и не удались; но могло бы быть и иначе. Католиковъ въ Англии было такъ много, что возстаніе ихъ могло бы быть крайне опаснымъ, особенно при соглашеніи ихъ со сторонниками Маріи Стюартъ въ Шотландіи. Самымъ лучшимъ выходомъ изъ затрудненій какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ, затрудненій, создаваемыхъ подневольнымъ пребываніемъ въ Англии Маріи Стюартъ, было бы устраненіе ея. Эта мысль о лишеніи ея жизни является уже въ это время среди англійскихъ государственныхъ людей. Если позже, когда дѣло Маріи Стюартъ было совершенно проиграно, Елизавета колебалась взять на себя отвѣтственность

за ея казнь, то понятно, что теперь, когда послѣдняя имѣла еще такъ много приверженцевъ, когда ея судьба вызывала большой интересъ въ другихъ державахъ, когда католическая партія въ самой Англїи была еще такъ сильна, рѣшиться произвести самой устраненіе ее было не только трудно, но прямо невозможно.

Вслѣдствіе этого Елизавета начинаетъ переговоры съ графомъ Морэ о выдачѣ ему Марїи Стюартъ съ цѣлью казни ея. При этомъ предполагалось, что когда Марїя Стюартъ будетъ убита, то англійская королева не будетъ нести за это никакой отвѣтственности. Переговоры эти близились уже къ концу, когда неожиданная смерть графа Морэ прервала ихъ. Графъ Морэ былъ убитъ, во время торжественнаго вѣзда своего въ Эдинбургъ, однимъ шотландскимъ дворяниномъ Джемсомъ Гамильтономъ (23 янв. 1570 г.). Убийца мстилъ за тѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергся со стороны регента за свою вѣрность Марїи Стюартъ. Не только его земли были конфискованы, но и имѣніе его жены: когда пришли выгонять изъ дому его семью, его самого не было дома, а жена его лежала больная въ постели и, не смотря на это, ее въ стужу вынесли на дворъ вмѣстѣ съ постелью. Потомъ ее нашли блуждающею въ лѣсу: она сошла съ ума. Ее мужъ рѣшился отомстить графу Морэ и поразилъ его пулей изъ мушкета въ тотъ моментъ, когда онъ верхомъ на лошади ѣхалъ по улицѣ, окруженный ликующею толпою народа.

Смерть Морэ перепутала отношенія. Англїя лишилась вѣрнаго, талантливаго и беззащѣтнаго слуги; она не могла продолжать съ другими лицами тѣхъ деликатныхъ переговоровъ относительно Марїи Стюартъ, которые ведены были съ Морэ. Партія, враждебная Марїи Стюартъ, потеряла своего главу, и въ рядахъ ея произошло неизбѣжное въ такихъ случаяхъ замѣшательство. Наоборотъ, сторонники ея ободрились, воспользовались замѣшательствомъ господствующей партїи, собрались и приготовились къ новой борьбѣ. Положеніе дѣлъ становилось критическимъ. Пораженіе гугенотовъ во Франціи только усиливало опасность. Французскіе католики могли поддержать приверженцевъ Марїи Стюартъ въ Шотландїи и вполне обезпечить имъ побѣду.

Елизавета ловко вышла изъ этихъ затрудненій. Марїя Стюартъ была отчасти сама виновницей ея успѣха. Елизавета начала съ нею переговоры о ея освобожденїи: она обѣщала ей свою поддержку для возстановленія ея власти въ Шотландїи съ тѣмъ, чтобы она удержала своихъ приверженцевъ отъ враждебныхъ дѣй-

ствій. Довѣрчивость Маріи Стюартъ на этотъ разъ снова оказала ей плохую услугу. Она повѣрила обѣщаніямъ Елизаветы и безъ всякой надобности вмѣшалась въ борьбу партій и употребила свое вліяніе на то, чтобы удержать своихъ сторонниковъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Они послушали ее и пропустили благоприятную минуту. Партія протестантская успѣла оправиться послѣ перваго смущенія, собраться съ силами и сама открыла нападеніе, тогда какъ сторонники Маріи Стюартъ уже успѣли разойтись. Ихъ били теперь въ одиночку и преслѣдовали безъ всякой пощады. Надежды на успѣхъ смѣнились полнымъ пораженіемъ. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ и переговоры, начатые Елизаветою ради выигрыша времени, прекратились, и объ освобожденіи Маріи Стюартъ не было уже больше и рѣчи. Никогда больше не повторялась для послѣдней такая благоприятная минута, какаю была пропущена ею послѣ смерти графа Морэ.

Событія всемірно-историческаго значенія повліяли разрушающимъ образомъ на положеніе католической партіи въ Англіи и Шотландіи и тѣмъ самымъ уничтожили надежды Маріи Стюартъ на возвращеніе свободы и власти. Мы говоримъ о Вареоломеевской ночи. Римъ и Мадридъ слушали „Te Deum“ и благодарили Бога за оказанную помощь въ дѣлѣ истребленія еретиковъ. Англія и вся протестантская Европа облеклись въ трауръ. Эта страшная бойня, обогрившая потоками крови улицы Парижа и нѣкоторыхъ большихъ городовъ Франціи, вызвала чувство ужаса, смѣнившася затѣмъ взрывомъ негодованія и жаждой мщенія за кровь единовѣрцевъ. Противъ католиковъ въ Англіи были приняты суровыя мѣры, и онѣ были тѣмъ дѣйствительнѣе, что энергично поддерживались общественнымъ мнѣніемъ. Но настроеніе самихъ католиковъ стало угнетеннымъ подъ впечатлѣніемъ громадности совершеннаго преступленія. Мы говоримъ о католикахъ Англіи. Если фанатики славословили Бога, признавая Вареоломеевскую ночь подвигомъ, то люди не причастные религіозной борьбѣ, сознавали яснѣе настоящій смыслъ совершившагося событія и чувствовали нѣкоторую тяжесть отвѣтственности за преступленіе своихъ единовѣрцевъ. Къ тому же они хорошо понимали, что они будутъ расплачиваться за убійства, совершенныя въ Парижѣ. Послѣ Вареоломеевской ночи англійскіе и шотландскіе католики упали духомъ, а это условіе облегчало дезорганизацію партіи Маріи Стюартъ и ея уничтоженіе. Можно сказать, что Вареоломеевская ночь рикошетомъ добила партію. Маріи Стюартъ, подорванную уже собствен-

ными неудачами. Остались отдѣльные приверженцы заключенной королевы, могущіе дѣйствовать путемъ небольшихъ заговоровъ и одинокихъ покушеній; но партія, какъ политическая сила, съ которой надо считаться, къ половинѣ семидесятыхъ готовъ совершенно исчезаетъ.

Елизавета по совѣту и настоянію Сесилия рѣшилась воспользоваться господствующимъ настроеніемъ, враждебнымъ католикамъ, чтобы покончить съ Маріей Стюартъ. На этотъ разъ рѣшеніе это является въ болѣе опредѣленной формѣ. Тотчасъ послѣ Варооломеевской ночи англійская королева начинаетъ переговоры съ графомъ де-Маромъ, регентомъ Шотландіи и его главнымъ помощникомъ, знакомымъ намъ графомъ Мортонемъ, о выдачѣ имъ Маріи Стюартъ. Правители Шотландіи должны были дать обязательство лишить жизни Марію Стюартъ тотчасъ же, какъ только она будетъ имъ выдана. Переговорамъ этимъ не суждено было привести къ цѣли: скоропостижная смерть де-Мара прервала ихъ. Его преемникъ, графъ Мортонъ, соглашался казнить Марію Стюартъ тотчасъ послѣ передачи ея въ его руки, но съ условіемъ, чтобы англійскій отрядъ охранялъ ее до момента казни. Это было несогласно съ видами Елизаветы и переговоры прекратились.

Чѣмъ болѣе ослабѣвала партія Маріи Стюартъ, тѣмъ хуже становились ея шансы на освобожденіе, тѣмъ менѣе считало нужнымъ англійское правительство церемониться съ нею, тѣмъ откровеннѣе оно третировало ее, какъ плѣнницу и притомъ такую, которая не заслуживаетъ ничего, кромѣ вражды. Послѣ cadaго заговора заключеніе ея становилось все тѣснѣе. Ея свиту мало по малу ограничили только небольшимъ числомъ слугъ. Ее переводили изъ замка въ замокъ, все дальше въ глубь Англій. Съ каждымъ разомъ ея помѣщеніе становилось тѣснѣе и тѣснѣе. Ей приходилось довольствоваться двумя, а иногда и одной комнатою, окна которой были задѣланы рѣшеткой. Сношенія ея съ друзьями все болѣе затруднялись, и, наконецъ, она вовсе лишилась возможности вести переписку (развѣ только тайнымъ образомъ). Съ дѣтства Марія Стюартъ привыкла къ физическимъ упражненіямъ. Верховая ѣзда, охота, сопряженная съ бѣшеною скачкою въ погонѣ за дичью, составляли съ молодю ея любимое удовольствіе. Мы видѣли, что она могла, не слѣзая съ лошади, дѣлать по пятидесяти миль, не чувствуя притомъ утомленія. Теперь она лишена была совершенно этого удовольствія. У нея отняли лошадей. Она могла совершать прогулки лишь пѣшкомъ и притомъ не иначе, какъ окруженная

десятками двумя солдатъ съ заряженными ружьями. Она предпочитала больше сидѣть въ комнатѣ, чѣмъ прогуливаться при такой обстановкѣ. Отсутствие движенія и воздуха отзывалось пагубно на организмѣ, привыкшемъ къ сильному моціону. Десятокъ лѣтъ такой жизни сдѣлалъ свое дѣло. Здоровье Маріи Стюартъ разстроилось. Отъ сырости помѣщеній, въ которыхъ ей приходилось проводить по нѣскольку лѣтъ, у нея развился сильный ревматизмъ. Къ этому присоединились нравственныя страданія. Сожалѣніе о минувшемъ, безнадежность будущаго, одиночество, опасеніе за свою жизнь, которая могла быть прекращена каждую ночь подосланнымъ убійцею,— все это вмѣстѣ только усиливало разрушеніе организма. Между здоровьемъ и настроеніемъ духа было взаимодѣйствіе. Нравственныя страданія разстраивали здоровье, а упадокъ его уничтожалъ бодрость духа. Молодая женщина стала старухой. Отъ энергичной, гордой и смѣлой Маріи Стюартъ, полной сознанія своего королевскаго достоинства, осталась только тѣнь. Она какъ бы притихла, согнулась подъ гнетомъ давящей тяжести. Письма ея къ Елизаветѣ не дышатъ уже сознаніемъ суверенныхъ правъ и независимости. Въ нихъ звучитъ мольба несчастной женщины, изнемогшей подъ тяжестью заточенія. Марія Стюартъ уже далека отъ какихъ бы то ни было притязаній на наслѣдованіе англійской короны: она не помышляетъ даже о возстановленіи своей власти, ни о возвращеніи въ Шотландію. Что ей тамъ дѣлать и чего искать, когда ея родной сынъ оставался совершенно равнодушень къ ея судьбѣ? Она жаждетъ одного — свободы; она молить объ одномъ — о дозволеніи ей уѣхать во Францію и жить тамъ въ качествѣ частнаго лица. Она проводитъ время за рукодѣліемъ, въ которомъ она была большая мастерица. Она дѣлала разныя принадлежности женскаго туалета и посылала ихъ въ подарокъ Елизаветѣ. Если она узнавала, что подарокъ ея принятъ съ удовольствіемъ, она радовалась, какъ ребенокъ, и возлагала надежды на то, что Елизавета, тронутая ея услужливостью, облегчитъ ея тяжелую участь. Но могла ли Елизавета вѣрить искренности отреченія Маріи отъ власти и притязаній? Могла ли она, какъ королева Англій, какъ глава протестантизма въ Европѣ, выпустить на свободу надежду шотландскихъ и англійскихъ католиковъ, вдовствующую королеву Франціи, королеву шотландскую и претендентку на англійскую корону? Только безнадежность положенія Маріи Стюартъ могла заставить ее надѣяться на такое великодушіе англійской королевы! Это была соломинка, за которую

хватается утопающей. Она сама скоро горькимъ опытомъ убѣдилась въ этомъ.

Заговоръ Бабингтона положилъ конецъ долготѣнному заключенію Маріи Стюартъ; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ освободилъ ее и отъ жизни. Она сама въ минуту казни называла смерть освободительницей отъ долгихъ страданій. Заговоръ Бабингтона не былъ, какъ извѣстно, единственнымъ заговоромъ въ пользу Маріи Стюартъ. Но особенность его заключается въ томъ, что онъ съ одной стороны стоитъ въ связи съ прежними попытками сторонниковъ Маріи Стюартъ освободить ее изъ плѣна, а съ другой стороны онъ сопряженъ съ попытками англійскаго правительства отдѣлаться отъ шотландской королевы. Мы говорили уже, какъ оно пыталось достигнуть этой цѣли при посредствѣ графа Морэ и графа де-Мара, чтобы сложить на нихъ и отвѣтственность за это преступленіе. Теперь министры королевы Елизаветы берутъ на себя исполненіе этого чернаго дѣла. Въ заговорѣ Бабингтона они устраиваютъ обстановку, при которой имъ можно было бы достигнуть своей цѣли съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ приличій. Такимъ образомъ заговоръ Бабингтона былъ столько же добровольнымъ дѣломъ его и его товарищей, сколько онъ былъ твореніемъ англійскаго правительства. Обстоятельства дѣла выяснятъ читателю роли заговорщиковъ и англійскихъ министровъ въ этой трагедіи.

Центромъ заговоровъ противъ Елизаветы въ послѣднее время было испанское посольство въ Парижѣ. Испанскій посолъ Мендоза былъ прежде въ Лондонѣ. Онъ долженъ былъ оставить столицу Англии по требованію Елизаветы, такъ какъ участіе его въ католическихъ заговорахъ было для нея несомнѣнно. Переѣхавъ въ Парижъ, онъ продолжалъ оказывать содѣйствіе заговорщикамъ совершенно открыто, хотя, конечно, и съ меньшимъ удобствомъ, чѣмъ это было въ Лондонѣ. Заговорщики являлись обыкновенно изъ среды фанатиковъ, подготовленныхъ иезуитами. Разсадникомъ такихъ дѣятелей былъ католическій коллегіумъ въ Реймсѣ, устроенный иезуитами специально для англичанъ. Двое изъ питомцевъ этой коллегіи, Саваджъ и Баллардъ задумали освободить Марію Стюартъ и убить королеву Елизавету, и съ этой цѣлью отправились въ Англию. Неизвѣстно, самостоятельно ли явилась у нихъ эта мысль, или она была внушена имъ агентами англійскаго правительства; но вѣрно то, что со времени ихъ прибытія въ Англию, дальнѣйшее развитіе заговора происходитъ при благосклонномъ участіи и содѣйствіи англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ Уольсингема.

Черезъ своихъ агентовъ онъ узналъ о замыслѣ Саваджа и Балларда и рѣшился воспользоваться имъ, чтобы впутать въ него Марію Стюартъ. Съ этой цѣлью онъ пристраиваетъ къ заговорщикамъ своего агента Джиффорда.

Джиффордъ былъ молодой католическій священникъ, который очень ловко разыгрывалъ роль фанатичнаго приверженца католицизма и Маріи Стюартъ. Онъ вошелъ въ довѣренность Саваджа и Балларда и свелъ ихъ съ молодымъ знатнымъ дворяниномъ Бабингтономъ, котораго Саваджъ уговорилъ принять участіе въ заговорѣ. Многіе товарищи Бабингтона примкнули къ нему. Но важно было войти въ сношенія съ Маріей Стюартъ. Не говоря о томъ, что со времени перевода ея въ замокъ Чартлей переписка съ нею была рѣшительно невозможна, но и при попустительствѣ англійскаго правительства, надо было имѣть хорошія рекомендаціи, чтобы вызвать ея довѣріе. Эту задачу Джиффордъ выполнилъ блистательно. Онъ отправился въ Парижъ, добился аудіенціи у испанскаго посланника Мендозы и прикинулся такимъ искреннимъ приверженцемъ Маріи Стюартъ, что приобрѣлъ его полное довѣріе. Отъ него онъ получилъ рекомендацію къ французскому посланнику въ Лондонѣ, Шатонефу. Послѣдній отнесся сначала подозрительно къ Джиффорду, особенно, когда онъ ему сообщилъ свои планы и увѣрялъ въ возможности добиться свиданія съ шотландской королевою. Но и онъ поддался въ концѣ концовъ мистификаціи и далъ Джиффору письмо къ Маріи Стюартъ, въ которомъ рекомендовалъ его ей, какъ человѣка, которому можно довѣриться. Самая трудная часть дѣла была сдѣлана. Устранить матеріальныя препятствія сношенія было дѣломъ не труднымъ.

Начальникъ стражи Чартлея, суровый пуританинъ Полеть, получилъ приказаніе смотрѣть сквозь пальцы на тайныя сношенія Маріи Стюартъ съ Джиффордомъ и другими заговорщиками. Подъ видомъ нищаго, Джиффору удалось передать ей во время ея прогулки письмо Шатонефа и затѣмъ вступить съ нею въ переговоры и устроить ея переписку съ Бабингтономъ. Поставщикъ молока, котораго Марія Стюартъ и Джиффордъ называютъ въ своихъ письмахъ „честнымъ человѣкомъ“, но который на самомъ дѣлѣ былъ агентомъ послѣдняго, доставлялъ ежедневно сосудъ молока съ двойнымъ дномъ, подъ которымъ скрывались письма. Когда онъ бралъ опорожненный сосудъ обратно, то въ немъ онъ уносилъ письма Маріи Стюартъ къ Бабингтону, которыя затѣмъ направлялись по назначенію. Роль Джиффорда оканчивается съ устройствомъ и ру-

ководством сношеній Маріи Стюартъ съ заговорщиками. Теперь на сцену выступают другіе агенты Уольсингэма, Филипсъ и Грегори. Первый изъ нихъ прекрасно дешифровалъ письма, а второй вскрывалъ ихъ и опять запечатывалъ такъ, что не видать было слѣдовъ вскрытія письма. „Честный человекъ“ отправлялъ письма Маріи Стюартъ къ Филипсу, который дешифровалъ ихъ, снималъ копии и потомъ отправлялъ по назначенію. То же самое происходило и съ письмами Бабингтона къ Маріи Стюартъ.

Марія Стюартъ и Бабингтонъ обмѣнялись 4 письмами (по два съ каждой стороны). Въ первомъ письмѣ ея не заключалось ничего особеннаго; но во второмъ письмѣ, довольно длинномъ, отъ 17 іюля 1586 г., Марія Стюартъ входитъ въ разсмотрѣніе плана Бабингтона освободить ее изъ тюрьмы и убить королеву Елизавету и косвенно даетъ ему понять о своемъ согласіи на приведеніе этого плана въ исполненіе. Это письмо возбуждаетъ подозрѣніе въ томъ, что Филипсъ въ немъ сдѣлалъ вставки, которыя заключали въ себѣ согласіе Маріи Стюартъ на убіеніе Елизаветы. Исслѣдователи, доказывающіе подлогъ, утверждаютъ, что и въ письмѣ Бабингтона къ Маріи поддѣланы Филипсомъ тѣ мѣста, гдѣ онъ сообщаетъ Маріи о намѣреніи убить Елизавету и просить ее дать на это свое согласіе ¹⁾.

Министръ Уольсингэмъ черезъ Филипса и Джиффорда направлялъ заговоръ и слѣдилъ за его развитіемъ. Когда заговоръ достаточно назрѣлъ, и Марія настолько впуталась въ него, что ее можно было уличить, правительство приказало арестовать Бабингтона и другихъ заговорщиковъ. Нельзя сказать навѣрное, что при обыскѣ у Бабингтона найдены были письма Маріи Стюартъ, такъ какъ въ дѣлѣ фигурируютъ копии съ нихъ. Вслѣдъ затѣмъ произведенъ былъ обыскъ и у нея самой. Для удобства его производства прибѣгли къ хитрости! Ей предложили отправиться на охоту съ соколами. Какъ ни мало она способна была теперь къ ѣздѣ верхомъ, но она съ радостью согласилась воспользоваться любимымъ развлеченіемъ. Нечего и говорить, что никакой охоты не

¹⁾ Русскій собиратель и издатель писемъ Маріи Стюартъ и другихъ ея произведеній, князь Лобановъ, а за нимъ Готье, Опитць, Госакъ и др. доказываютъ подложность письма Маріи Стюартъ къ Бабингтону отъ 17-го іюля. Бреслау въ статьѣ, помѣщенной въ „Historische Zeitschrift“ за 1884 г., опровергаетъ доводы упомянутыхъ исслѣдователей. Намъ кажется, однако, что его аргументы, въ свою очередь, могутъ быть предметомъ серьезныхъ возраженій.

было, а ее только отвезли на нѣсколько дней въ сосѣдній Тиксольскій замокъ. Между тѣмъ въ ея помѣщеніи производятъ обыскъ и забираютъ всѣ бумаги и, можетъ быть, въ томъ числѣ и письма къ ней Бабингтона. Говоримъ „можетъ быть“, потому что въ дѣлѣ фигурируютъ не подлинники, а лишь копіи. Ея секретарей Но и Курле арестовали и отправили въ Лондонъ. Когда Марія Стюартъ возвратилась въ Чартлей, она узнала, зачѣмъ ее увозили въ Тиксоль и поняла, что надежда на освобожденіе еще разъ обманула ее.

По окончаніи процесса и казни лицъ, участвовавшихъ въ заговорѣ Бабингтона, явился вопросъ о томъ, какъ отнестись къ участию Маріи Стюартъ въ этомъ заговорѣ. Для руководителей англійской политики, Елизаветы, Сесилия и Уольсингэма, этотъ вопросъ рѣшенъ былъ заранѣе. Самый заговоръ Бабингтона былъ подстроенъ и благопріятствуемъ въ силу принятаго рѣшенія. Но приличія и порядокъ требовали обсужденія и рѣшенія этого вопроса въ королевскомъ совѣтѣ. Совѣтъ рѣшилъ предать королеву шотландскую суду англійскихъ лордовъ по обвиненію въ покушеніи завладѣть короной Англій и лишить жизни королеву Елизавету. Для производства суда Марію Стюартъ перевезли въ Фотерингай, куда отправились и лорды, назначенные для суда надъ нею. Марія Стюартъ протестовала противъ этого; она отрицала право королевы Англій судить ее, королеву Шотландіи. Ее уговорили, однако, явиться передъ судьями и оправдываться передъ ними, возбудивъ въ ней надежду, что этимъ путемъ она облегчитъ свою участь. Она согласилась, какъ она заявила, отвѣчать англійскимъ лордамъ не потому, что признавала ихъ за судей, а потому, что не хотѣла, чтобы ея молчаніе приняли за признаніе справедливости обвиненія ея въ томъ, что она покушалась на жизнь королевы Елизаветы. Въ этой послѣдней борьбѣ Маріи Стюартъ съ ея исконными врагами къ ней воротились ея бывшая находчивость, смѣлость и энергія. Она искусно и горячо отстаивала себя противъ обвиненій. Она признавала за собой право силой освободиться изъ тюрьмы, въ которой ее держали силою же, вопреки всякому праву, но отрицала рѣшительно приписываемое ей желаніе лишить жизни Елизавету. Она утверждала, что приписываемое ей письмо поддѣлано и даже обвиняла Уольсингэма въ подмѣнѣ шифра и въ подлогѣ писемъ. Она требовала представленія подлинныхъ писемъ, а не копій съ нихъ, и выражала увѣренность, что этихъ подлинниковъ нѣтъ. Она спрашивала, почему не

поставили ее на очную ставку съ Бабингтономъ, если хотѣли уличить ее его показаніями. Показанія ея секретарей, Курле и Но, признавшихъ будто бы подлинность этого письма, она называла ложью. Само собою разумѣется, что для англійскихъ судей эти объясненія и отрипанія не имѣли особеннаго значенія. Они прибыли въ Фотерингай не судить, а совершить юридическое убійство. Они приговорили Марію Стюартъ къ смертной казни. Приговоръ этотъ подлежалъ утвержденію англійской королевы. Елизавета долго колебалась подписать его, не смотря на настоянія Сесилия. Это колебаніе не было только дѣломъ лицемѣрія; оно не было и результатомъ сознанія неправоты предложеннаго поступка. Елизавета колебалась поднять руку на царственную голову Маріи Стюартъ, такъ какъ видѣла въ этомъ посягательство на принципъ королевскаго сана и это коробило ее ¹⁾. Наконецъ она сдалась и подписала приговоръ, но сдѣлала новую остановку: она не дала приказанія приложить большую государственную печать; по понятіямъ же юристовъ тогдашняго времени большая государственная печать имѣла большее значеніе, чѣмъ королевская подпись. Сесиль разгадалъ молчаніе своей государыни; онъ понялъ, что она хочетъ свалить съ себя отвѣтственность за казнь Маріи Стюартъ, и рѣшился угодить Елизаветѣ, взявъ всю отвѣтственность на себя. Онъ приложилъ печать самъ, не дожидаясь приказанія.

Приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе въ одной изъ залъ Фотерингайскаго дворца 8 февраля 1587 г., почти ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Дарнлея.

Когда Марію Стюартъ объявили утвержденный приговоръ, онъ не произвелъ на нее особеннаго впечатлѣнія. Она ожидала его со дня на день и вовсе не обольщала себя надеждою на иную судьбу. Да къ тому же послѣ двадцатилѣтнихъ страданій смерть представлялась ей освобожденіемъ. Она попросила, какъ послѣдней милости, позволенія провести послѣднія минуты жизни со своими вѣрными слугами. Ихъ допустили къ ней, и она вмѣстѣ съ ними молилась и бесѣдовала о предстоящей минутѣ. Не имъ пришлось поддерживать бодрость ея духа; напротивъ, она угѣшала

¹⁾ Сесиль понималъ самъ трудность дѣла, а потому обращался къ коменданту замка, Полету, съ просьбой, чтобы онъ допустилъ тайныхъ убійцъ покончить съ Маріей Стюартъ. Суровый пуританинъ, не любившій Марію, какъ еретичку, отвѣчалъ на это предложеніе рѣзкимъ отказомъ. Онъ сказалъ, что убійцы могутъ проникнуть къ ней только черезъ его трупъ.

ихъ и увѣщевала не слишкомъ предаваться горю. Когда ее привели въ залу, гдѣ устроенъ былъ эшафотъ, то не хотѣли пропустить съ нею туда ея слугъ изъ опасенія сильнаго плача ихъ. Она упросила, чтобы нѣкоторыхъ изъ нихъ пропустили, обѣщая за нихъ, что они будутъ тверды. Стоя на эшафотѣ, она обратилась съ рѣчью къ окружающимъ, въ которой еще разъ поклялась, что никогда не имѣла умысла на жизнь Елизаветы и никому не давала на то своего согласія; затѣмъ она стала молиться вслухъ, пригласивъ и окружающихъ помолиться вмѣстѣ съ нею. Эта громкая молитва, въ которой она просила Бога и за палачей своихъ, и благодарила Его, что Онъ даровалъ ей возможность умереть вѣрною своей церкви, растрогала почти всѣхъ присутствующихъ до слезъ. Когда слуги ея стали сильно плакать, она обратилась къ нимъ со словами утѣшенія и напомнила имъ, что она дала за нихъ обѣщаніе, что они будутъ вести себя спокойно. Когда палачъ хотѣлъ помочь ей разстегнуть воротникъ и подобрать волосы, она отказалась отъ его услугъ и сказала съ улыбкой, что у нея никогда не было такой горничной. Сдѣлавъ сама всѣ нужныя приготовления, она положила голову на плаху и продолжала шепотомъ читать молитву. Палачъ поддался общему волненію. Первый ударъ онъ нанесъ невѣрно. Онъ сдѣлалъ глубокой порѣзъ, но не отрубилъ головы. Не единымъ движеніемъ Марія Стюартъ не выдала ощущенія боли. Второй ударъ покончилъ ея жизнь. Палачъ по обычаю схватилъ за волосы голову,—волосы остались въ его рукахъ, а голова откатилась въ сторону: на Маріи Стюартъ былъ парикъ; отъ ея густыхъ когда то волосъ не осталось почти ничего; сохранилось лишь ничтожное количество — совершенно посѣдѣвшихъ. Когда стали поднимать ея тѣло, чтобы положить въ гробъ, у ногъ ея нашли ея любимую собачку. Спрятавшись подъ платьемъ, она пробралась на эшафотъ и крѣпко прижалась къ ногамъ своей несчастной госпожи.

Когда извѣстіе о казни Маріи Стюартъ пришло въ Лондонъ, протестантское населеніе столицы встрѣтило его шумными выраженіями радости. Вечеромъ городъ иллюминировался, и толпы гуляющихъ выражали криками свое удовольствіе. Елизавета показывала видъ, что она ничего не знаетъ о случившемся и не замѣчаетъ происходящаго въ городѣ. Только черезъ нѣсколько дней, какъ бы случайно, она узнала о казни и разыграла сцену удивленія и негодованія. Она приказала запереть въ Тоуэръ виновниковъ приложенія печати, что не помѣшало ей черезъ нѣкоторое время

осыпать Сесиля щедрыми наградами за его догадливость. Она приказала позвать французскаго посла, сообщила ему съ выраженіемъ глубокой скорби о случившемся и просила его передать его государю, что казнь Маріи Стюартъ произошла безъ ея вѣдома и противъ ея воли и что она строго наказала виновныхъ. Словомъ, она хотѣла увѣрить всю Европу въ томъ, что совершенно непричастна трагическому концу шотландской королевы. Современники не вѣрили этимъ заявленіямъ, хотя заинтересованныя правительства, за неимѣніемъ ничего лучшаго, показывали видъ, что довольствуются данными объясненіями. Что касается насъ, потомковъ, то намъ видна теперь не только сцена, на которой совершались событія, но и то, что дѣлалось за кулисами. Мы видимъ, что то дѣло, которое Елизавета хотѣла прежде свалить на графа Морэ и Мортонa, теперь, по молчаливому согласію съ нею, совершено было Сесилемъ.

Въ нашемъ разсказѣ мы остановились на главныхъ моментахъ жизни Маріи Стюартъ и главнымъ образомъ на ея отношеніяхъ къ Дарнлею. Мы имѣли въ виду познакомить нашихъ слушателей, а затѣмъ и читателей, съ современнымъ положеніемъ вопроса о ея виновности. Мы можемъ теперь сказать, что тотъ образъ, который носился въ поэтическомъ воображеніи Шиллера, когда онъ создавалъ свою „Марію Стюартъ“ подходит къ тому образу, который возсоздаетъ современная исторія. Поэтому ея судьба производитъ на читателя трагическое, захватывающее душу впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ: молодая, красивая, умная, блестяще образованная и добрая женщина, обладающая всѣми данными для счастливой жизни, занимавшая одно время одинъ изъ первыхъ престоловъ Европы, закидывается судьбою въ чуждую ей страну, съ иными нравами, съ иными понятіями, въ среду борющихся религіозно-политическихъ партій, попадаетъ въ тюрьму, въ которой томится цѣлыхъ двадцать лѣтъ и тамъ же складываетъ на плаху свою голову!

Трагизмъ этой судьбы ослаблялся бы нѣсколько, если бы ею совершены были преступленія. Но этого не было. То, въ чемъ ее обвиняли и чѣмъ лицемерно такъ возмущалась Елизавета, вовсе не было въ то время чѣмъ либо особенно выдающимся. Вспомнимъ Діану Пуатье и отношеніе ея къ Франсуа I и въ то же время къ его сыну Генриху. А Генрихъ IV съ его безконечными любовными

похожденіями? А сама чопорная королева Елизавета съ ея нѣсколькими любовниками, изъ которыхъ одного она отправила на эшафотъ? Развѣ всѣ ихъ слабости и пороки помѣшали имъ сойти въ могилу, унося съ собою благословіе современниковъ! Но оказывается, что и то преступленіе, въ которомъ обвиняли Марію Стюартъ, есть измышленіе враговъ, а на самоѣ дѣлѣ не существовало.

Въ чемъ же причина трагизма судьбы Маріи Стюартъ? Въ личныхъ отношеніяхъ къ Елизаветѣ? Нѣтъ, они только, такъ сказать, краешкомъ вдаются въ ея судьбу и играютъ весьма незначительную роль въ ея судьбѣ. Личныя антипатіи къ ней Елизаветы не могли бы лишитъ Марію Стюартъ престола Шотландіи, если бы эти антипатіи не совпадали бы съ стремленіями шотландской протестантской аристократіи. Еще менѣе того эти личныя антипатіи были въ состояніи держатъ Марію Стюартъ въ тюрьмѣ двадцать лѣтъ и привести ее на эшафотъ. Для этого нужно было существованіе извѣстныхъ религіозно-политическихъ интересовъ Англіи, выразителями сознанія коихъ были Сесиль, Уольсингэмъ и сама Елизавета. Не одни такія личныя чувства, какъ зависть къ красотѣ и ревность, вызывали отношенія Елизаветы къ Маріи. Религіозныя и политическія стремленія играли несравненно большую роль.

Трагизмъ судьбы Маріи Стюартъ кроется въ религіозно-политическомъ положеніи Англіи по отношенію къ великимъ континентальнымъ державамъ. Припомнимъ то, что мы говорили объ этомъ въ началѣ первой нашей бесѣды. Англія стоитъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ Испаніи и Франціи. Она поддерживаетъ Нидерланды въ ихъ борьбѣ за независимость и религію, такъ какъ она видитъ въ независимости этой страны гарантію Англіи противъ иноземнаго вторженія. Сесиль называлъ Нидерланды форпостомъ Англіи и ставилъ краеугольнымъ камнемъ англійской политики положеніе, что Нидерланды не должны принадлежать никакой могущественной державѣ. Англія поддерживала голландцевъ, какъ протестантовъ, и въ этой солидарности религіозныхъ возрѣній народовъ и въ возбужденности религіознаго чувства скрывался могущественный рычагъ политики англійскихъ государственныхъ людей.

Политическія отношенія Англіи и Франціи опредѣлялись еще традиціями столѣтней войны. Притязанія англійскихъ королей на французскую корону не были оставлены, хотя и имѣли уже болѣе платоническій характеръ. Но за то пріобрѣтеніе французами Калэ,

усиленіе ихъ вліянія въ Шотландіи создавали не эфемерную, а вполне реальную опасность для Англіи. Если англійскіе государственные люди считали опаснымъ появленіе какой либо сильной державы въ Нидерландахъ, то тѣмъ болѣе они должны были признавать опаснымъ занятіе французами Калэ и появленіе ихъ вооруженной силы въ Шотландіи. Укрѣпленіе французовъ въ Шотландіи дѣлало эту страну ахиллесовой пятой Англіи. Къ политическому антагонизму присоединился религіозный. Религіозное чувство всколыхало изъ конца въ конецъ всю Европу, отъ южныхъ окраинъ ея до скалистыхъ береговъ Шотландіи и Норвегіи. Оно заволокло всѣ другіе интересы, всѣ другія стремленія. Оно подняло на горизонтѣ Европы такія высокія волны, съ которыми бороться не могли ни отдѣльныя личности, ни даже цѣлыя поколѣнія. Государственные люди лишь могли принаравливаться къ нимъ и эксплуатировали силу ихъ размаха.

Въ этотъ водоворотъ политической и религіозной борьбы попала Марія Стюартъ. Нельзя согласиться со Шпильгагеномъ, что ужъ таковъ удѣлъ человѣческой жизни, что можно быть только либо молотомъ, либо наковальной. Но въ періодъ такой жизни, какая досталась въ удѣлъ XVI столѣтію, другаго выбора не было. Особенно это вѣрно по отношенію къ тому положенію, которое Марія Стюартъ заняла въ Шотландіи, этомъ узлѣ политическо-религіозныхъ отношеній. Но Марія Стюартъ не могла быть ни молотомъ, ни наковальной. Для того, чтобы быть молотомъ, ей многого не доставало. Въ тотъ жестокой вѣкъ у нея не было жестокости и было слишкомъ много доброты; со своей крайней довѣрчивостью она очутилась среди коварства, вѣроломства и хитрости; въ страну фанатиковъ она явилась съ склонностью къ религіозной терпимости; наконецъ, при тѣхъ сложныхъ и критическихъ отношеніяхъ Шотландіи къ Англіи и Франціи требовалось дальновидность и государственный умъ, чтобы удержаться на высотѣ положенія, а этого ей какъ разъ не доставало.

Наковальной Марія Стюартъ тоже не могла быть. Она была слишкомъ высокаго понятія о своемъ королевскомъ достоинствѣ и слишкомъ предана своей вѣрѣ, чтобы склониться безропотно предъ своеволіемъ шотландской аристократіи, требованіемъ кальвинистовъ съ Джономъ Ноксомъ во главѣ и стремленіями Елизаветы сдѣлать Шотландію вассальною страной Англіи. Не будучи ни молотомъ, ни наковальной, она очутилась между ними и была разбита.

Итакъ, трагизмъ положенія Маріи Стюартъ заключается въ томъ, что она очутилась между большими борющимися политико-религіозными силами. Она не могла приладиться ни къ одной изъ нихъ, а при такомъ условіи гибель была неминуема. Марія Стюартъ была жертвой религіозно-политической борьбы.

Не оставимъ безъ вниманія, наконецъ, и того, что въ ея судьбѣ, какъ и во многихъ явленіяхъ того времени, сыграла роковую роль идея — цѣль оправдываетъ средства. Эта идея была результатомъ, такъ сказать, абераціи человѣческаго ума, сбитаго съ толку религіознымъ чувствомъ, доведеннымъ до бѣлаго каленія. Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время люди отбросили совершенно эту идею, какъ невѣрную и вредную. Не мѣсто здѣсь развѣивать аргументы противъ этой идеи, но не могу не высказать вамъ моего глубокаго убѣжденія, что дурныя средства никогда не служили человѣческому прогрессу.

Правда и справедливость суть лучшіе рычаги прогресса и человѣческаго счастья, чѣмъ ложь, насиліе, кровь и желѣзо.

Postscriptum.

Когда уже первая глава моей книги была отпечатана, въ сентябрьской книжкѣ „Revue Historique“ появилась новая статья Филипсона, служащая продолженіемъ его „Этюдъ по исторіи Маріи Стюартъ“. Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, приводитъ такія важныя данныя объ отношеніяхъ Маріи Стюартъ къ Ботуэлю послѣ смерти Дарнлея, что я считаю нужнымъ довести о нихъ до свѣдѣнія читателя, дабы онъ самъ могъ сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ разсказѣ о выходѣ Маріи Стюартъ замужъ за графа Ботуэля. Приводимые Филипсономъ новые документы почерпнуты имъ изъ англійскаго государственнаго архива. Это нѣкоторыя депеши англійскаго посла Друри. Въ депешѣ 29 марта 1567 г., значить почти за мѣсяць до похищенія Маріи Стюартъ графомъ Ботуэлемъ, онъ пишетъ, что въ Шотландіи всѣ увѣрены, что Ботуэль женится на Маріи и что онъ уже хлопочетъ о разводѣ съ своею женою. Въ этой же депешѣ онъ описываетъ тяжелое нравственное состояніе Маріи Стюартъ и, упоминая въ тоже время о готовящемся процессѣ Ботуэля, говоритъ, что процессъ этотъ будетъ только простою формальностью.

Въ депешѣ 24 апрѣля 1567 г. онъ заранѣе сообщаетъ о томъ, что Марія Стюартъ будетъ похищена Ботуэлемъ; событіе это дѣйствительно совершилось въ этотъ самый день, только онъ еще не зналъ о томъ, что оно совершилось. Очевидно, что предстоящее похищеніе далеко не было строгою тайною.

Въ депешахъ 2-го, 4-го и 5-го мая онъ рассказываетъ обстоятельства, при которыхъ совершилось похищеніе Маріи Стюартъ графомъ Ботуэлемъ, а затѣмъ сообщаетъ о депутаціи отъ лордовъ, которая отправилась къ Маріи Стюартъ, имѣя во главѣ графа

де-Мара и Атоля, и имѣла цѣлью узнать ея намѣренія относительно графа Ботуэля. По словамъ Друри, королева сообщила депутатамъ, что Ботуэль поступилъ съ нею очень странно и очень дурно, но что теперь она не можетъ жаловаться на него и приказываетъ лордамъ оставаться въ покоѣ.

Изъ депеши 6-го мая видно, что Марія стоитъ за Ботуэля и выказываетъ ему большое расположеніе; но въ депешахъ 20-го и 25-го мая, писанныхъ, значить, одна черезъ пять, а другая черезъ 10 дней послѣ свадьбы Маріи Стюартъ съ Ботуэлемъ, есть прямыя указанія, что послѣдній не церемонится съ своей молодой женою, рѣзко выказываетъ ей свой гнѣвъ, но что она покорно выносить эти взрывы и сильно къ нему привязана. Рядомъ съ этимъ Друри сообщаетъ, что она сильно измѣнилась и постарѣла.

Вотъ что говоритъ англійскій уполномоченный. Изъ его сообщеній выходитъ, что похищеніе Маріи было подготовлено далеко не такъ скрытно, чтобы она не могла знать объ этомъ; что она отклоняетъ предлагаемыя услуги лордовъ противъ похитителя и выражаетъ довольство своей судьбою и что, наконецъ, она привязана къ Ботуэлю, хотя жизнь съ нимъ и не совсѣмъ сладка для нея. Показанія Друри должны быть принимаемы съ большою осторожностью, такъ какъ онъ является противникомъ Маріи Стюартъ и находится въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ врагами ея. Но Филиппсонъ принимаетъ ихъ потому, что они сходятся съ показаніями другихъ лицъ, не могущихъ быть заподозрѣнными во враждебныхъ чувствахъ къ Маріи Стюартъ.

Испанскій посланникъ въ Лондонѣ Гуцманъ де-Сильва (Guzman de Silva), человекъ несомнѣнно расположенный въ пользу Маріи Стюартъ, въ депешѣ отъ 3-го мая 1567 года, сообщая своему королю Филиппу II о похищеніи послѣдней Ботуэлемъ, утверждаетъ, что все было заранѣе подстроено. Онъ передаетъ, что за нѣсколько недѣль говорили уже о планѣ Ботуэля жениться на Маріи Стюартъ, а она, однако, ничего не предпринимала противъ осуществленія этого плана. Правдивость этого показанія не подвергается сомнѣнію; но по поводу его можетъ быть замѣчено, что Гуцманъ де-Сильва былъ далеко отъ мѣста событій и могъ почерпнуть свои свѣдѣнія изъ сомнительныхъ источниковъ.

Французскій посланникъ Дю-Крокъ отправленъ былъ въ Шотландію съ инструкціями, вполнѣ благоприятными для Маріи Стюартъ. Во время своего пребыванія въ Шотландіи, онъ игралъ роль посредника, старавшагося примирить съ Марією Стюартъ возстав-

шихъ противъ нея лордовъ. Въ письмѣ отъ 12-го іюня, адресованномъ французскому правительству, онъ рѣзко осуждаетъ бракъ Маріи Стюартъ съ Ботуэлемъ и совѣтуетъ своему правительству принять не благосклонно тѣ объясненія, которыя ему будутъ представлены по этому предмету епископомъ Денблэномъ (Dunblane), посланнымъ Марією Стюартъ ко французскому двору специально для представленія объясненія причинъ этого страннаго брака.

Далѣе Дю-Крокъ говоритъ, что когда онъ дѣйствовалъ въ качествѣ посредника между возставшими лордами и Марією Стюартъ, то она ни за что не соглашалась отдѣлить своего дѣла отъ дѣла Ботуэля.

Эти показанія человѣка, стоявшаго близко къ событіямъ и притомъ вовсе не враждебнаго шотландской королевѣ, очень важны и косвенно подтверждаютъ сообщенія Друри.

Что же говорила сама Марія Стюартъ о своемъ бракѣ съ Ботуэлемъ? Она чувствовала потребность объяснить это по меньшей мѣрѣ странное дѣло и посылаетъ письмо французскому королю съ упомянутымъ епископомъ Денблэномъ, поручая ему представить и словесныя объясненія. Въ этомъ письмѣ она выставляетъ, какъ главное оправданіе, насиліе, совершенное надъ нею графомъ Ботуэлемъ.

Въ инструкціяхъ Роберту Мельвиллю, посланному въ Лондонъ, съ цѣлью оправдать тотъ же бракъ предъ королевой Елизаветой, ни полслова не говорится объ этомъ насиліи; между тѣмъ именно тутъ то и слѣдовало ожидать ссылки на этотъ фактъ. Отсюда Филипсонъ приходитъ къ заключенію, что рассказъ о похищеніи и насиліи, заключающійся въ инструкціяхъ Денблэну и въ письмѣ Маріи Стюартъ, долженъ быть подвергнутъ сомнѣнію.

Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ показаній выходитъ, что хотя всѣ документы, представленные Морэ, съ цѣлью доказать предварительное соглашеніе Маріи Стюартъ съ Ботуэлемъ на счетъ похищенія, должны быть отвергнуты, но показанія современниковъ устанавливають съ большою вѣроятностью тотъ фактъ, что похищеніе дѣйствительно было устроено только для вида, для сохранения приличій. Люди, расположенные къ Маріи Стюартъ, рѣзко осуждаютъ ея поведеніе въ это время и несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что она желала выйти замужъ за Ботуэля. Вотъ въ какомъ смыслѣ должна быть видоизмѣнена соотвѣтствующая часть нашего разсказа о Маріи Стюартъ.

Укажемъ въ заключеніе еще на одинъ документъ, который Фи-

липсонъ извлекъ изъ англійскаго государственнаго архива и на который, по его словамъ, до сихъ поръ не было обращено вниманія. Это письмо Ледингтона къ Сесилу, писанное 8 февраля 1567 года, т. е. наканунѣ убійства Дарнлея. Въ немъ Ледингтонъ сообщаетъ, что Марія Стюартъ хотѣла послать его въ Лондонъ, но что онъ уклонился отъ этой командировки, оправдывая свое уклоненіе болѣзнию жены, и даетъ понять, что другіе интересы были главной причиною отказа. Извѣстно, что Ледингтонъ былъ изъ числа главныхъ заговорщиковъ на жизнь Дарнлея; понятно, что онъ не хотѣлъ уѣзжать наканунѣ осуществленія заговора. Но, съ другой стороны, позволительно думать, что Марія Стюартъ не вздумала бы посылать въ Лондонъ въ такой моментъ одного изъ главныхъ дѣятелей заговора, если бы она имѣла о послѣднемъ какое нибудь понятіе. Съ этой стороны Филипсонъ придаетъ этому письму Ледингтона весьма важное значеніе среди другихъ документовъ, доказывающихъ невѣдѣніе Маріи Стюартъ о заговорѣ на жизнь Дарнлея.

Les sociétés de crédit mutuel en Russie.

Mesdames, Messieurs, la propriété commune de la terre, qui s'est conservée dans la plus grande partie du peuple russe, est un des traits caractéristiques de la vie sociale russe, le principal sans doute, et celui qui la distingue d'une manière bien tranchée de celle des populations de l'Europe occidentale.

Il est vrai que la propriété commune des terres se retrouve dans quelques recoins de l'Europe occidentale, par exemple en Suisse; mais il n'y a plus là que les dernières traces d'une organisation sociale antérieure, depuis longtemps éteinte. En Russie, au contraire, la propriété commune des terres constitue, actuellement encore, le mode principal des relations mutuelles de bien des millions de gens et se trouve non seulement appliquée à l'organisation foncière des campagnes, mais dans beaucoup d'autres cas où l'on croirait, au premier abord, ne découvrir aucune trace de ce principe.

Pour donner plus de clarté à ce qui va suivre, nous devons dire, tout d'abord, que le principe de la caution solidaire se présente chez nous comme complément, comme satellite de la communauté, l'une n'étant pas possible sans l'autre. Si la responsabilité de tous pour chacun et de chacun pour tous n'existait pas, on ne saurait trouver cette liaison, qui constitue les bases de la commune. Là, au contraire, où n'existent même pas les bases de la propriété commune, mais où existe cependant encore la caution solidaire, nous devons quand même reconnaître le principe de la communauté quoique combinée avec le principe de l'individualisme.

Toute la question se résout donc non pas à l'analyse qualitative mais à l'analyse quantitative. Il existe bien même dans la com-

mune rurale, à côté de la terre commune, quelques propriétés individuelles — maison du paysan avec dépendances et potager, puis sa propriété mobilière — dont il répond pour le mir c'est vrai, mais dont il dispose indépendamment et sans conditions. Nous voyons donc ici une combinaison des principes de la propriété commune et de la propriété individuelle; seulement cette dernière occupant une place très restreinte.

Ce n'est pas ici le lieu de s'arrêter sur les discussions engagées entre les Slavophiles et les Occidentalistes ¹⁾ sur l'origine de la communauté des terres et de la caution solidaire. Ceux que ces discussions intéressent en trouveront l'exposé dans le livre de M. de Laveleye (*De la Propriété*). Pour moi, j'appartiens à cette école, qui reconnaît que la communauté des terres et la caution solidaire remontent aux origines les plus éloignées de la vie russe, et je crois que de là vient leur grande vitalité, malgré beaucoup de circonstances défavorables. Cela même expliquerait le succès des institutions russes fondées sur le principe de la caution solidaire et où on l'a raisonnablement mise en pratique, comme par exemple la banque foncière de Kherson qui est une des institutions les plus anciennes et les plus célèbres de cette nature; elle est fondée sur le principe de la caution solidaire de tous les propriétaires fonciers qui ont hypothéqué leurs terres; chacun des propriétaires, qui profite des prêts de la banque, répond par ses terres pour toutes ses opérations et pour toutes les obligations qu'elle a émises.

L'application du principe de la caution solidaire au crédit foncier ne présente en elle-même aucun danger, puisque la terre est la garantie de ce crédit; et quelle que soit la conduite du propriétaire elle ne peut avoir beaucoup d'influence sur la valeur de ses terres et, par conséquent, sur les opérations de cette banque; mais il en serait tout autrement, si ce principe venait à être appliqué à des opérations de crédit personnel. Au premier abord, on s'aperçoit que l'opération serait hasardeuse. Cependant l'expérience démontre que les associations de crédit personnel, fondées sur le principe de la caution solidaire, sont assez populaires en Russie et fonctionnent mieux que des banques de commerce fondées au moyen d'actions.

¹⁾ Les Slavophiles sont partisans du développement autochtone de la vie russe. Les Occidentalistes sont, au contraire, partisans du développement de la vie russe sur le modèle et selon les principes de celle des peuples occidentaux.

Je veux ici décrire les sociétés de crédit mutuel, et faire connaître leur organisation et leur mode de fonctionnement.

Les sociétés de crédit mutuel ont commencé sous le règne d'Alexandre II, c'est-à-dire vers 1860. C'est en grande partie à M. E. I. Lamansky, ex-administrateur de la Banque impériale russe, que l'on doit leur fondation et leur organisation. Le but de ces sociétés était de favoriser l'industrie et le commerce; mais comme les banques montées par actions ont le même objet en vue, il est nécessaire d'indiquer ici la différence qui existe entre ces institutions de crédit.

Les banques par actions ont uniquement en vue le placement avantageux du capital et préfèrent les grosses entreprises commerciales ou industrielles. Elles ne cherchent donc l'abaissement du taux de l'intérêt qu'autant que cela est avantageux au capital lui-même. Il en est tout autrement des sociétés de crédit mutuel qui ont pour objectif, d'abord, d'organiser un crédit peu élevé et accessible à la masse. Comme nous le verrons plus loin, ces associations sont surtout composées de consommateurs du capital et non de ses possesseurs, et par leur essence même, elles ont leur action sur le petit commerce et la petite industrie. Cela, néanmoins, n'empêche pas qu'il y ait à Moscou, à Riga et à Varsovie des sociétés de crédit mutuel qui fassent de grosses affaires et qui soient constituées par des négociants de premier ordre. Mais la grande majorité de ces sociétés consiste en marchands et industriels ayant une situation moyenne; il faut y ajouter encore des professeurs, des magistrats, des avocats, des propriétaires fonciers et des paysans, ces derniers à titre exceptionnel; en un mot, la composition de ces établissements est très variée. Mais, dira-t-on, si tous ces membres des sociétés de crédit ne sont pas possesseurs de capitaux, comment peuvent-ils faire partie de la société et lui emprunter de l'argent? Ceci nous oblige à décrire le mode de fonctionnement des sociétés de crédit mutuel russes qui présente un intérêt de premier ordre.

Les moyens d'action de la société de crédit mutuel se composent: 1° du capital de circulation; 2° du capital d'assurance; 3° des dépôts à terme ou à vue. Celui qui est admis comme membre de la société verse une somme égale à la dixième partie du crédit, qui lui sera ouvert; cet apport constitue le „pai“ et la totalité de tous les „pai“ forme le capital de circulation. Chaque membre en même temps que le versement de son pai s'engage à répondre pour les

neuf autres dixièmes du crédit qui lui est ouvert et en même temps garantit les pertes de la société par ses biens mobiliers et immobiliers, proportionnellement à ce crédit. La somme totale de ces engagements constitue le capital d'assurance de la société.

Enfin nous avons dit que la société dispose d'une troisième ressource consistant dans les dépôts à elle faits par ses membres ou par des personnes étrangères. La totalité de ces dépôts est naturellement variable et dépend soit des fluctuations du marché financier, soit du plus ou moins de crédit de la société.

Comme on voit par ce qui précède, le capital de circulation est dans la proportion de 1 à 9 au capital d'assurance. Quant aux dépôts, les règlements exigent qu'ils ne dépassent pas plus de cinq fois les capitaux actifs de la société; et cette règle a pour but de faciliter les remboursements surtout pour les sommes déposées pour un temps indéterminé et payables à première réquisition.

En réalité cette règle n'est pas strictement appliquée; la pratique démontre que la livraison ininterrompue des apports en temps normal ne rencontre pas de difficulté même si la relation entre ces apports et les capitaux propres de la société s'est modifiée à l'avantage des premiers. Dans la société de crédit mutuel de marchands de Moscou qui est la plus importante de toutes, le capital de circulation s'élève à 3.899,000 roubles et les dépôts à 20.759,000 roubles c'est-à-dire près de sept fois la valeur du premier. Dans la société de crédit mutuel d'Astrakhan les capitaux de circulation et réserve s'élèvent seulement à 264 mille roubles, pendant que le chiffre des dépôts atteint 2.006,000 roubles, soit 8 fois les premiers. Dans la seconde société de crédit mutuel de Riga les dépôts sont de 7 fois supérieurs au capital propre et dans celle d'Odessa de 6 fois. Tous les chiffres cités ici sont ceux du mois de novembre de l'année passée, c'est-à-dire d'un moment où le marché manquait d'argent et où les dépôts avaient considérablement diminué; mais auparavant, surtout au moment de la dernière crise industrielle-commerciale, les dépôts dans les sociétés de crédit mutuel, aussi bien que dans les autres institutions de crédit, étaient bien plus considérables. Il y avait donc une surcharge énorme par rapport au capital de circulation. En général les dépôts sont bien supérieurs à 6 fois le capital de circulation et cela ne procure aucun désavantage.

Il semble que l'évaluation du rapport fixé entre le capital de circulation et les dépôts ait été empruntée à la pratique des banques

d'émission; or un tel emprunt n'est pas rationnel, car dans les deux cas les conditions ne sont pas les mêmes. Mais en admettant même des conditions analogues il faudrait pour déterminer la normale tenir compte du caractère national. Là où le peuple n'est pas sujet aux paniques et ne perd pas la tête dans les moments difficiles, la réserve d'une banque peut être bien moins importante que là où une clientèle impressionnable s'élance à la moindre alarme aux guichets pour retirer ses apports. Je pense que mes compatriotes n'ont pas ces dispositions aux paniques et que par conséquent la proportion entre le capital de circulation et les dépôts peut être plus de 1:5, à condition pourtant que l'institution n'ait pas perdu la confiance du public. Une fois la confiance perdue, ces proportions même strictement gardées ne sauraient la défendre contre la faillite.

Maintenant que nous connaissons les ressources des sociétés de crédit mutuel, examinons la nature de leurs opérations. La plus importante est l'escompte des billets à ordre endossés d'une signature et des billets à ordre sans endossement. Dans ce dernier cas le papier doit être garanti soit par une propriété mobilière, soit par des marchandises. Dans la société de crédit mutuel de Kiev qui pendant longtemps eut pour président M. N. Ch. Boungué, ancien ministre des finances, et autrefois professeur d'économie politique à la faculté de Kiev, l'escompte des soloveksels (de billets à ordre), garantis par des immeubles occupe la première place, et atteint le chiffre de 12 millions de roubles. Ensuite viennent les prêts sur les valeurs de crédit garanties ou non par l'État. Cette opération atteint des proportions considérables dans les villes où se trouvent des Bourses, telles que Pétersbourg, Moscou, Odessa, Kiev, Varsovie, Riga, etc.; elle est au contraire nulle dans les petites villes qui en sont dépourvues.

Beaucoup de sociétés font des prêts sur marchandises; mais on comprend que ces opérations n'ont lieu que dans les grands centres industriels et commerciaux qui sont relativement peu nombreux. En revanche dans les comptes des 19 sociétés de crédit mutuel se trouvent mentionnés des prêts sur bijoux. Ceci s'explique par le fait que jusqu'à ces derniers temps il ne se trouvait de mont-de-piété que dans les capitales, aussi l'usure était-elle fort répandue. La loi qui fixait le taux de l'intérêt était très facilement éludée et ne garantissait nullement les nécessiteux; l'abolition de cette loi n'a eu aucune influence sur l'élévation du taux de l'intérêt; elle a au

contraire favorisé son abaissement en diminuant les risqués. Plusieurs sociétés se décidèrent donc à lutter contre les usuriers et les prêteurs sur gage en leur faisant concurrence.

Elles abaissèrent l'intérêt de 5 et même 10⁰/₀ à 1⁰/₀ par mois et naturellement obligèrent ces derniers à se montrer moins exigeants. Mais comme le prêt sur gage fut une opération compliquée et demandant une organisation spéciale, les sociétés n'acceptèrent comme nantissement que des objets d'or, d'argent ou des pierres précieuses. Cela répondait à un besoin si évident que pendant l'année 1887, la société de crédit mutuel d'Odessa prêta de ce chef plus de 400 mille roubles; Odessa compte près de 250 mille habitants, cela fait donc 1 rouble 60 copecks par habitant. L'année passée après l'ouverture du „Lombard“ (Mont-de-piété) dans cette ville, la société de crédit mutuel liquida cette affaire. Comme la tendance à la suppression de l'usure par l'institution des monts-de-piété a pris des proportions considérables et s'est étendue même aux petites villes, les autres sociétés de crédit mutuel restreindront sans doute de pareilles opérations. On peut donc dire qu'en donnant une grande extension aux prêts sur gages mobiliers les sociétés de crédit ont prouvé que ces opérations peuvent être faites avantageusement et sans porter préjudice aux emprunteurs; ils ont permis ainsi l'établissement des monts-de-piété qui feront une concurrence plus large et plus dangereuse aux usuriers.

Dans les ports et autres centres de commerce de blé, on éprouve aussi le besoin d'emprunter sur le blé. Ces emprunts sont contractés encore dans des banques par actions et des sociétés de crédit mutuel et même chez de simples particuliers. A Odessa on emprunte sur le blé jusqu'à concurrence de 5 millions de roubles. Les premiers élévateurs ont été construits en Russie l'année passée notamment dans la ville de Jeletz ¹⁾ (gouvernement d'Orel). Voilà pourquoi le blé sur lequel on prête reste en dépôt chez l'emprunteur; et comment alors la société de crédit est-elle sûre que le nantissement demeurera intact? Par un système fort original que nous allons expliquer.

Il est inutile de dire que l'hypothèque est soumise à certaines formalités. Ces formalités n'ont rien d'important; tout l'intérêt se porte sur le moyen employé pour garder, surveiller la marchandise

¹⁾ Une sorte de dock's pourvu des machines pour cribler, vanner, trier et peser les grains.

engagée. Sous le nom d'artelchik apparaît un facteur d'une nature particulière. Les artelchiks appartiennent pour la plupart au grand Artel du Gostinnoï Dvor de Moscou¹⁾. C'est une société formée par des paysans et dont les membres sont tous solidaires; elle possède un capital de réserve de 500 mille roubles déposé au comité de la Bourse de Moscou²⁾. L'Artel est administré par un ancien (starosta). Une autre fois, quand je parlerai des artels en général, je décrirai l'organisation de celui-ci. Pour le moment je me contente de dire que celui-ci possède une succursale à Odessa. Une partie des artelchiks surveille les dépôts en douane, un autre s'occupe de la réception et de la livraison des bagages à la gare du chemin de fer; c'est à cet artel que s'adresse la société du Crédit mutuel d'Odessa et la Banque d'escompte lorsqu'elles ont besoin d'un artelchik; le starosta met alors à leur disposition un ou plusieurs artelchiks selon leurs besoins. L'artelchik reçoit de 45 à 50 roubles par mois et s'engage à surveiller le blé hypothéqué et à empêcher qu'il ne soit emporté du magasin sans la levée de l'hypothèque; il doit veiller aussi à ce qu'il subisse les opérations qui doivent l'empêcher de se gâter par échauffement ou pourriture. L'artel répond des faits et gestes de son artelchik. Ce mode de surveillance garantit complètement les sociétés de crédit. On ne connaît pas de cas où se soient produites des fraudes de la part de ceux qui avaient ainsi emprunté sur hypothèque. Quant aux artelchiks leur honnêteté est traditionnelle. Ce mode de surveillance a l'avantage de débarrasser les prêteurs des offices toujours coûteux de quelque grande compagnie monopolisant les dépôts de blé.

Tout naturellement ce n'est pas tant dans le capital de 500 mille roubles déposé à la bourse de Moscou, que dans la caution solidaire de quelques centaines d'hommes qui n'acceptent parmi eux que des gens éprouvés, que l'artel trouve toute sa force et sa valeur. Sans cela la caution de 500 mille roubles eût été insuffisante pour garantir des affaires se chiffrant par 10 millions de roubles. D'ailleurs ce capital sert déjà à garantir les dépôts en douane et les bagages des voyageurs. Ajoutons ici que les places de caissiers dans la société de Crédit mutuel d'Odessa sont occupées par des

¹⁾ Il existe encore à Moscou un autre Artel dit du vieux Gostinnoï Dvor.

²⁾ C'est une institution officielle constituée par des marchands nommés à l'élection et ressemblant assez aux chambres de commerce.

artelchiks; seulement ces derniers reçoivent des appointements plus considérables (de 75 à 80 roubles par mois).

On voit par ce qui précède que les opérations très considérables des sociétés de Crédit mutuel sont aussi très variées. Quant à leur rapport il est loin d'être insignifiant. Au début plusieurs d'entre elles eurent des moments difficiles en partie par suite d'imprudences, de négligence ou même d'abus par les administrateurs. Cela servit de leçon. Ainsi la société de Crédit mutuel d'Odessa subit en 1875 et 1877 des pertes dont la valeur totale est estimée à un demi-million de roubles; mais dans le courant des années suivantes ces pertes furent couvertes, et depuis, chaque année se solde avec un bénéfice considérable. Pour l'année 1888 ce profit est de 175 mille roubles, soit 29% du capital de circulation (de 640 mille roubles).

Voyons maintenant comment sont répartis les bénéfices. Le règlement veut que 1/10 du bénéfice net soit versé au capital de réserve. Ce chiffre est souvent dépassé surtout dans les petites sociétés qui mettent beaucoup plus d'ardeur à augmenter leur capital de réserve que les grandes. Du tableau ci-joint par exemple il ressort que la société de Crédit mutuel de la petite ville d'Izume (gouvernement de Kharkov) possède un capital de réserve de 23 mille roubles, presque égal à son capital de circulation de 25 mille roubles ¹⁾.

1) Opérations évaluées en mille roubles

Les sociétés de crédit mutuel A	Capital d'assurance	Capital de circulation	Capital de réserve	Dépôts	Es-compte	Avances
Astrakhan	2.006	220	44	2.006	1.440	766
Ekaterinoslav	2.214	246	45	1 781	1.621	86
Izume	230	25	23	115	167	12
Moscon (des Marchands)	35.095	3 899	32	20.759 ^a	11 147	14.072
Nijni-Novgorod	2.124	236	19	1.052	1.148	155
Novotcherkask	2.246	249	9	1 087	787 ^b	221
Odessa	6 067	674	95	4.584	2.244	2.319 ^c
Riga (2-me)	3.447	383	16	2.675	1.349	127

a) De cette somme, 10 millions sont versés par les membres de la société.

b) Dans le bilan de la Société de Novotcherkask, la somme d'escompte comprend en outre 695,000 roubles de billets à ordre garantis par des immeubles.

c) Les chiffres des opérations de la Société de crédit mutuel d'Odessa sont pris dans le bilan du 1 janvier 1889.

Enfin dans quelques sociétés de Crédit mutuel il existe en outre un capital particulier de réserve. Ce capital particulier est destiné à équilibrer le dividende des membres, lorsque le chiffre de celui-ci tombe au-dessous d'une certaine normale convenue; ils reçoivent alors sur cette réserve particulière une plus-value qui ramène leur dividende à la moyenne.

Après avoir décompté le capital de réserve il faut faire de nouveaux décomptes au profit de l'administration et des employés. Si la société possède une caisse de retraite pour les employés, une partie des bénéfices est destinée à l'augmenter. Dans quelques sociétés, par exemple à Moscou et à Simphéropol, on fait certains prélèvements dans un but de bienfaisance, c'est-à-dire pour des établissements de charité ou d'instruction commerciale. Ces prélèvements se font aussi naturellement sur les bénéfices.

Ce n'est qu'après toutes sortes de prélèvements que l'on compte les parts formant l'intérêt du capital de circulation. Ces parts forment néanmoins une somme respectable. Si par exemple le bénéfice net est de 20%, il est probable que le capital de circulation jouira encore d'un dividende de 13 à 14%.

Il est à remarquer que dans quelques sociétés telles que celle du Crédit mutuel des marchands de Moscou, il existe non seulement un dividende se rapportant au capital, mais encore un autre pour les opérations faites par les membres. Chaque membre reçoit donc un dividende, non seulement pour son paï, mais encore pour le quantum des emprunts qu'il a faits à la société. Ce système a beaucoup d'analogie avec celui de la distribution des profits dans les sociétés de consommation et est fondé sur le même principe.

Jusqu'à présent nous ne nous sommes occupés que du cas où les opérations donnent un bénéfice.

Voyons maintenant le cas où il y aurait déficit.

Le déficit est de suite couvert par le capital de réserve. Si celui-ci est insuffisant, l'excédent du déficit est demandé au capital de circulation, ou bien, ce qui revient au même, est réparti entre les membres de la société au prorata de leur paï (mises). Les membres sont alors mis en demeure de compléter immédiatement ces mises pour solder le déficit.

Enfin, si tout le capital de circulation se trouve insuffisant, il reste le capital d'assurance. On invite les membres à faire des versements complémentaires au prorata de leur mise (paï). Mais des faits semblables, où tout le capital de circulation aurait été absorbé,

sont rares. Nous n'en connaissons que deux cas: la société de Crédit mutuel de Voronège et la première société de Crédit mutuel de Vilna, où, tout le capital de circulation étant perdu, les sociétés ont dû liquider. Il faut remarquer que ces désastres étaient dus à des abus des administrateurs.

L'administration des sociétés de crédit mutuel se compose: 1) d'une assemblée générale, 2) de la direction, 3) du conseil et 4) du comité d'admission.

Orbitairement dans les banques par action, la participation aux assemblées générales est proportionnelle au nombre d'actions souscrites par chaque membre. On suppose, Dieu sait pourquoi, que l'intelligence, l'honnêteté, l'esprit pratique et les autres qualités nécessaires à l'administration d'une institution de crédit dépendent de la profondeur du gousset. Ce point de vue ne paraît pas très flatteur pour la dignité humaine.

Dans la pratique, on trouve que la prédominance donnée aux gros actionnaires se transforme en une sorte de despotisme et que la société elle-même devient une fiction. On peut citer, comme exemple, la société du chemin de fer d'Azof sur lequel a eu lieu dernièrement une catastrophe qui faillit coûter la vie à S. M. l'Empereur: on n'a jamais vu mieux que là combien est désavantageuse au point de vue des intérêts sociaux l'administration des poches bien garnies.

Les sociétés de crédit mutuel procèdent d'un système opposé, celui de l'égalité. Tous les membres prennent part à l'assemblée générale et jouissent de droits égaux, quelle que soit l'importance de leur mise (paï). Les absents peuvent néanmoins transmettre par délégation leur pouvoir à d'autres, mais nul ne peut avoir plus d'une voix par procuration. Dans quelques sociétés, comme, par exemple, celles de Kiev et de Pétersbourg, l'assemblée générale est composée de représentants élus par tous les membres de la société et qui décident de toutes les affaires. L'ancien ministre Boungué préférait ce système, se fondant sur ce qu'il donne la possibilité de mieux juger les affaires que l'on ne pourrait le faire dans une assemblée, composée de quelques centaines d'hommes. Sans nier les inconvénients des assemblées trop nombreuses, on peut dire en leur faveur qu'il est plus difficile d'y faire des coalitions, que les intérêts personnels y prédominent avec moins de facilité sur les intérêts sociaux. La pratique du système de la représentation dans la société de crédit mutuel de Saint-Pétersbourg ne parle pas en sa

faveur; là s'est formé un nid d'intrigues où la négligence des affaires sociales a permis le détournement de sommes importantes par l'un des administrateurs, M. Britnev. A Kiev, dans la société de crédit mutuel, un détournement semblable avait eu lieu, fait par M. Sviridov, élu par le même mode de représentation. Je ne veux pourtant pas dire que ces faits doivent être absolument mis sur le compte de ce système. J'affirme seulement qu'il ne renferme pas de plus grandes garanties contre les abus que le règlement des affaires par la totalité des membres de la société et ne doit être employé que lorsque la société devient tellement nombreuse que la participation de tous ses membres au règlement des affaires devient matériellement impossible.

L'assemblée générale nomme l'administration qui se compose de trois ou de cinq membres et de neuf députés desquels on n'exige aucune condition spéciale et dont le pay n'est nullement déterminé. La volonté des membres de l'assemblée, de la majorité, voilà l'unique condition pour devenir membre de l'administration ou député. Les membres de l'administration sont élus pour trois ans et rééligibles par tiers, aussi bien que les députés. L'administration réunie en collège mène toutes les affaires courantes et supporte la responsabilité de sa gestion. Les députés sont spécialement élus en vue du contrôle de l'administration, mais suppléent à ceux des administrateurs qui doivent s'absenter; ces derniers jouissent alors de tous les droits des administrateurs. De plus les députés et les administrateurs constituent le conseil qui a deux fonctions importantes: 1° La nomination et la révocation de tous les employés; 2° l'élection des membres du comité d'admission. Cette dernière fonction a une certaine importance. Comme nous l'avons vu au commencement de cette étude, la réussite et la stabilité de toute société de crédit mutuel dépend non pas du capital de circulation, qui est loin d'être important, mais du capital de garantie, c'est-à-dire de la somme des obligations souscrite par les membres de la société acceptés par le conseil. Il est donc évident que l'existence de la société repose sur la composition de ses membres, leur solvabilité, et leur moralité; telles sont les bases de toute société de crédit mutuel et voilà pourquoi l'admission de membres de la société doit être entourée de grandes précautions, précautions dont se porte garant le comité d'admission.

Ce comité est composé de vingt membres. Ils sont nommés, comme nous l'avons dit, par le conseil et remplacés chaque seme-

stre par quart; de plus, les membres sortants ne peuvent être réélus qu'au bout de six mois, de façon que le renouvellement ne soit pas fictif mais réel. De la sorte on évite jusqu'à un certain point dans ce comité la formation de coteries. Dans ses assemblées hebdomadaires, le comité examine les demandes de ceux qui veulent faire partie de la société; il prend sur eux toutes les informations nécessaires, et par un vote secret décide de leur admission.

Pour être admis, il faut obtenir plus de deux tiers des voix. Non seulement le vote, mais aussi les consultations du comité doivent être tenues rigoureusement secrètes, autrement l'indépendance morale des votes ne serait pas suffisamment garantie. La pratique nous démontre que ce mode d'élection des membres de la société assure suffisamment sa bonne composition et la défend contre une affluence de membres, sur lesquels on ne pourrait faire aucun fond.

Quoiqu'en général la durée des sociétés de crédit mutuel ne dépasse pas vingt-cinq ans, on peut déjà préjuger de leur vitalité. Pendant cette durée de temps deux d'entre elles seulement, celles de Vilna et de Voronège, ont succombé par la faute de leurs administrateurs; toutes les autres marchent bien et présentent des conditions qui assurent leur durée.

Voilà donc quelles sont les conditions d'existence et d'activité des sociétés de crédit mutuel. De tout ce que nous avons dit il faut conclure que ces sociétés sont assez originales dans leur principe. Leur base principale est, nous l'avons dit, le capital de garantie. Est-ce un capital dans le sens rigoureux du mot? N'est-ce pas plutôt la représentation d'une certaine force morale capable, dans un cas donné, de remplacer par un nouveau capital celui qui serait perdu. L'essentiel est en effet que cette force morale soit escomptée sur le marché, et acceptée aux mêmes conditions que le seraient des valeurs matérielles. Aussi les possesseurs de valeurs matérielles les apportent-ils sans crainte à la société de crédit mutuel et lui fournissent ainsi les capitaux de circulation.

Donc finalement, si nous analysons ce mécanisme, nous trouvons qu'il repose sur la confiance accordée à cette force morale qui constitue le capital de garantie. Sans entrer dans plus de détails on voit que si ces obligations étaient présentées isolément sur le marché, elles n'auraient pas cours au quart de leur valeur actuelle. Il est clair que ce superflu de confiance repose sur la caution solidaire qui relie entre eux les membres de la société de crédit mutuel. Le mérite de ces sociétés, en Russie, est d'attirer, de grouper les ca-

pitaux et de les répandre dans le commerce et l'industrie de second et troisième ordre. Nous savons que beaucoup d'argent français a été versé dans la société de crédit mutuel à Odessa. C'est à peine si l'industrie de cette ville pourrait se passer du secours des sociétés de crédit mutuel.

Au commencement de cette étude nous avons démontré que le succès et l'extension des sociétés de crédit mutuel en Russie dépendent de ce principe qui forme la base du caractère national russe. Nous ne voulons pas dire pourtant que le principe d'action commune soit spécial à la race slave, comme l'affirment les slavophiles. Nous sommes persuadé que d'autres nations pourraient le développer aussi dans leur sein. Nous voulons seulement attirer l'attention sur ce fait que chez les Russes, le principe d'action commune fait partie du caractère national; il n'est pas nécessaire de l'y introduire, ni de s'efforcer à le faire entrer dans les mœurs; et de là dépendent les succès futurs de la vie économique du peuple russe, si les autres conditions de son développement sont aussi favorables. En outre, nous avons voulu démontrer aussi que les phénomènes économiques, auxquels on se plaît à accorder un caractère cosmopolite, revêtent, si on les soumet à un examen méticuleux, un caractère éminemment national. Aussi ce n'est pas en violentant le caractère national au nom de principes abstraits, mais bien plutôt en lui accommodant toutes les institutions capables de contribuer au progrès du peuple qu'on garantira le progrès et le succès de la vie sociale. (Applaudissements).

M. Claudio Jannet.— Vous avez raison, Messieurs, d'applaudir ce travail, dont la forme n'est pas moins remarquable que le fond. Nous sommes heureux d'entendre un étranger parler aussi bien notre langue. C'est que M. Afanassiev comprend et aime les choses françaises. Il a écrit un livre excellent sur Turgot. Il prépare un travail magistral sur le commerce des grains dans la mer Noire depuis le XVIIe siècle, qui intéressera autant la France que la Russie.

La Société d'économie sociale a des sympathies particulières pour la Russie. Le Play aimait cette grande nation. Il lui a consacré un volume presque entier des *Ouvriers européens*. Il a fait de longs séjours dans l'Oural et la région du Donetz. En 1854 il était sur le point d'entreprendre un grand voyage avec son ami le général Vlangaly, dans cette Asie centrale que la Russie vient de

conquérir si glorieusement à la civilisation. Mais la guerre éclata. Les deux nations ont oublié cette mésintelligence passagère; elles ne se souviennent que du courage déployé de part et d'autre, comme les chevaliers du moyen âge qui s'estimaient davantage après s'être bravement combattus.

Nous saluons les compatriotes de M. Afanassiev qui ont bien voulu honorer de leur présence notre réunion de ce soir et nous espérons de leur collaboration dans l'avenir un fécond développement pour nos études.

M. Welche a été frappé d'un fait relevé par l'éminent conférencier, c'est que les sociétés russes de crédit populaire sont constituées avec un capital de rendement assez restreint et un capital de garantie considérable fourni par les dépôts. Cette méthode serait dangereuse avec une population de capitalistes aussi impressionnable et aussi sujette aux paniques que les capitalistes français. Ceux-ci, très imprudents au moment où il s'agit d'engager leurs capitaux dans une affaire, deviennent très méfiants à la moindre alarme et ils se précipitent vers leurs dépôts pour opérer dans le plus bref délai possible des retraits qui paralysent l'action du dépositaire, l'obligent à réaliser ses valeurs à tous prix et entraînent parfois la ruine de l'affaire. En Russie, le capitaliste semble plus froid, moins enclin à prendre peur et à retirer son argent quand la situation paraît moins prospère.

Ceux qui traitent avec ces sociétés trouvent du reste une garantie puissante dans la solidarité qui semble acceptée par les actionnaires, et qui leur fait courir le risque non seulement de ne rien toucher comme intérêt de leur prêt, mais de rapporter pour couvrir les pertes de l'affaire. Les risques de cette solidarité sont atténués par la très grande surveillance exercée par ce conseil de censure, appelé conseil des députés, nommés par les actionnaires et participant à l'administration par le contrôle, par le conseil et parfois par l'action.

Cette organisation pourrait-elle s'appliquer à nos grandes sociétés financières et industrielles? il est à craindre que non; elle serait peu goûtée par des conseils d'administration qui entendent conserver leur liberté d'action en gardant une lourde responsabilité; elle serait peu appréciée par des actionnaires qui, pour la plupart, assistent à peine aux assemblées annuelles, semblent se désintéresser du fonctionnement de l'affaire à laquelle ils ont apporté leur

argent, ne prêtent attention qu'au dividende qu'ils reçoivent avec plaisir s'il est élevé, avec force récriminations s'il est faible et sans jamais songer à exiger des renseignements annuels plus complets et plus détaillés sur la marche de la société.

En Russie l'intérêt servi aux actionnaires semble considérable, il atteint et dépasse 20%, il faut évidemment déduire la différence du change, mais cela laisse encore une marge importante au rendement; cette situation changera avec le temps, et l'abaissement du loyer de l'argent ne pourra qu'être favorable au développement de l'industrie de ce grand et puissant pays.

Nos banques populaires en France ont grand mal à se développer. Un congrès récent tenu à Marseille n'a pu en réunir plus de onze parmi lesquelles on a compté une seule banque agricole, la seule qui ait réussi à s'établir chez nous, c'est la banque du Syndicat agricole de Poligny (Jura). Dans ce congrès qui n'est, nous l'espérons, que la première manifestation de l'existence des banques populaires et qui sera suivi de réunions annuelles utiles et intéressantes, on a pu voir combien l'Italie piémontaise, la Suisse et même l'Allemagne ont sur nous, en cette matière, une avance qu'il importe de regagner.

Parmi les indications curieuses que nous venons d'entendre, il faut aussi noter celle des prêts sur nantissement de denrées agricoles, consentis par diverses banques populaires de Russie. Le cultivateur à court d'argent et espérant de meilleures conditions de vente, emprunte en engageant sa récolte de blé emmagasinée dans ses greniers.— La clé du grenier est placée entre les mains d'un fonctionnaire chargé de la surveillance du blé, des soins à donner à sa conservation, et l'agriculteur peut ainsi attendre le relèvement des cours. Et au témoignage de M. le professeur Afanassiev, il n'y a aucun exemple d'abus de confiance commis: tous les emprunteurs ont fidèlement respecté le dépôt gardé sous leur toit et sur lequel ils avaient donné gage. Cette pratique fait honneur à la probité de l'agriculteur russe et donne une haute idée de la moralité d'un peuple aussi loyalement fidèle à ses engagements.

M. Afanassiev, répondant aux questions de M. Garreau et M. de Boisse-Adrian, donne de nouveaux détails sur le fonctionnement des sociétés de crédit mutuel.— Les déposants ne sont pas tous des sociétaires.— Ceux si étant d'ordinaire d'assez petits capitalistes, la plus grande partie des dépôts appartient souvent à des

étrangers.— Les impôts qui frappent ces sociétés ne sont pas très élevés. Une taxe de 3% sur le bénéfice net et une patente.— Tout versement de dépôt à partir de 50 roubles est affranchi par un timbre de 10 cop.; le total des intérêts perçus par les dépositaires au bout de l'année est chargé d'un impôt de 5%.— La constatation d'hypothèques se fait au moyen de timbres pour une somme insignifiante — En cas de non paiement à l'échéance, le créancier fait un protêt et le débiteur qui ne paye pas peut être mis en faillite soit simple soit frauduleuse.— L'élévation extraordinaire du taux de l'intérêt serait inexplicable, si la Russie n'avait une circulation de papier qui présente un risque pour les prêteurs étrangers et qui les écarte d'ordinaire.— Les sociétés de crédit mutuel ne sont pas subventionnées par le gouvernement: il approuve seulement leurs statuts et les zemstvos (assemblées provinciales) ont parfois fait l'avance des premiers capitaux.

M. Claudio Jannet demande quelques renseignements sur l'origine et la constitution des artels qui sont un puissant auxiliaire des sociétés de crédit mutuel pour l'opération des avances sur les blés.

M. Afanassiev promet une étude sur ce sujet pour l'une des séances de l'année prochaine. Les artels sont en effet l'un des traits caractéristiques de l'organisation du travail en Russie. Dans certaines institutions de ce nom tous les bénéfices reviennent au chef, les membres sont des salariés. Mais il n'en est pas ainsi dans les vraies artels. Ces groupements dont l'origine lointaine est mal connue, se forment dans les villes et surtout dans les villages entre les ouvriers de même métier, et sont régis à peu près exclusivement par la coutume. L'artel s'administre elle-même, se recrute librement; dans les grandes artels, qui se portent garants dans les grandes opérations de commerce, une certaine mise est exigée des nouveaux membres qui peuvent être dispensés de la payer immédiatement, si un membre ancien se porte caution pour eux. Alors cette mise est constituée par des retenues sur le gain de l'ouvrier. Le starosta choisi par ses confrères jouit d'une réelle autorité, reçoit les paiements et contracte au nom de l'artel. Certaines de ces associations sont riches, et louent de vastes maisons pour loger les artelchiques (membre de l'artel).— Les artels des charpentiers et d'autres ouvriers en bâtiment qui viennent à Odessa du nord de la Russie tous les

printemps, ont l'habitude d'amener avec eux quelques femmes d'artelchiques qui font la cuisine et le ménage de l'artel et sont considérées comme membres.

Les bénéfiques sont répartis selon des usages très variés et parfois assez compliqués qui prennent en considération la valeur de chaque travailleur; et ce partage ne paraît pas provoquer souvent de contestations.

M. Fournier de Flaix demande à prendre en main la cause de la mutualité et de la solidarité. Il rappelle que, bien longtemps, avant l'heureux et fécond développement des banques de crédit mutuel en Russie et en Allemagne, les banques d'Ecosse, dont la première remonte à 1695, ont appliqué le principe de la solidarité au crédit populaire au moyen des *Cast accounts* (avance au comptant) garantis par des cautions solidaires. C'est au moyen de ces prêts solidaires que les banques d'Ecosse ont renouvelé l'agriculture écossaise et imprimé une si grande impulsion à la civilisation qui devait produire Hume, Robert Im, Adam Smith, Dugald Stewart. Les statuts originaires de ces banques prescrivent que des avances seront faites au commerce, à l'industrie, à l'agriculture, montrant ainsi le caractère universel du crédit et des instruments de crédit. Les mêmes idées et les mêmes instruments transportés en Australie ont produit les mêmes fruits.

Pourquoi, au contraire, rencontrons-nous, en France, tant de difficultés à introniser le crédit populaire et ses formes, qui ont la mutualité pour fondement!

Est-ce que pendant le moyen âge, la mutualité n'a pas fait, en partie, le succès des communautés agricoles qui ont tant contribué à la mise en culture de notre territoire? Dès lors, tout en leur faisant une part, les difficultés de race n'expliquent pas tout. Une autre part une large part doit être attribuée à cette guerre acharnée qui, dans les deux derniers siècles de la monarchie et pendant la presque totalité de notre propre siècle, a été faite au principe d'association, hostilité dont nos codes, nos lois, nos mœurs, sont la preuve, qui a créé ces traditions de défiance, d'individualisme exagéré, de tendances égoïstes, signalées par tous les esprits qui étudient sans parti-pris l'état actuel de la France.

Espérons que la loi des syndicats professionnels, si utile, si féconde, quant à l'avenir — mais qui ne date que de quatre ans — réagira contre cette situation.

M. Hubert-Valleroux fait observer que si notre législation est peu favorable aux associations sans but lucratif, elle ne témoigne pas la même hostilité aux sociétés qui ont le gain pour objet. Ce sont les mœurs qui chez nous, ne se prêtent pas à la responsabilité solidaire.

M. Charles Lavollée estime que si les banques populaires sont rares en France, c'est tout simplement parce que nous n'en avons pas grand besoin. Les banquiers offrent des capitaux aux gens qui, dans les autres pays, s'adressent à ces institutions. Leur absence n'indique donc pas un état d'infériorité. Sans doute les associations de crédit mutuel ont l'avantage de former une élite, de développer la moralité et la probité. Mais d'autres établissements tiennent leur place dans notre pays.

M. Garreau croit que c'est l'usure qui se développe trop souvent, à défaut de banques populaires.

M. Fournier de Flaix, répondant à M. Lavollée, ne saurait admettre que le crédit soit suffisamment développé en France et que tous ceux qui le cherchent le trouvent; il ne croit pas que si les banques ne sont pas mieux organisées, c'est que les besoins font défaut. A cet égard, il invoquerait, s'il était présent, le P. Ludovic de Besse qui a consacré un si grand dévouement à l'œuvre des banques populaires; il rappellerait que dans la grande entreprise de la reconstitution du vignoble français rien n'a été fait, rien n'est encore fait pour venir en aide aux petits propriétaires.

Mais l'exemple le plus topique de cette utilité constante de la mutualité se trouve principalement aux États-Unis. Malgré les 6,000 banques américaines, on constate depuis quelques années un très notable progrès des banques de crédit populaire et mutuel dans les grands centres.

Aussi faut-il espérer que tôt ou tard la mutualité sera mieux comprise en France, que notamment les syndicats agricoles pourront servir de fondement au crédit agricole populaire.

M. Claudio Jannet, président, remercie le conférencier et les divers orateurs qui ont pris part à la discussion.

Русскія кредитныя учрежденія.

Мы встрѣтили въ парижскомъ „La Revue des Banques“ за текущей годъ весьма интересную статью о русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ нашего мѣстнаго общественнаго дѣятеля Г. Е. Аванасьева. Область эта такъ живо интересуется въ данное время публику, что мы сочли полезнымъ дать нашимъ читателямъ полный переводъ этой статьи.

I.

Не вдаваясь въ исторію кредитныхъ учреждений въ Россіи, можно, однако, отмѣтить тотъ крупный фактъ, что до уничтоженія крѣпостнаго права, иначе говоря, до начала царствованія Александра II Освободителя, въ этой странѣ совершенно не было частныхъ кредитныхъ учреждений за исключеніемъ поземельнаго Александровскаго дворянскаго банка въ Нижнемъ Новгородѣ, учрежденнаго въ 1841 году. Существовали государственныя кредитныя учрежденія, предназначенныя для поземельнаго (ипотечнаго) и коммерческаго кредита; но ихъ дѣятельность была такъ же слаба, какъ были слабы вообще всѣ экономическія функціи страны. Единственная сильно развитая операція въ нихъ были вклады. Обиліе ихъ свидѣтельствовало о слабости оборотовъ и составляло слабую сторону государственныхъ кредитныхъ учреждений. Вклады принимались на болѣе или менѣе короткіе сроки, тогда какъ государственныя кредитныя учрежденія выдавали долгосрочныя ссуды подъ залогъ земли; такимъ образомъ было нарушено равновѣсіе между активомъ и пассивомъ, что потомъ привело къ большимъ затрудненіямъ.

Но вотъ, вѣковое рабство уничтожено. Слово свободы огласило необъятныя пространства святой Руси. Она просыпается послѣ вѣковаго сна. Начинается свободный трудъ миллионѡвъ людей. Земледѣльческая дѣятельность расширяется. Количество хлѣба, отправляемаго на рынки западной Европы, растетъ съ каждымъ годомъ. Промышленная дѣятельность слѣдуетъ за нею. Создаются цѣлые новые раіоны промышленности, мануфактурной и горной. Лодзь, Сосновицы, Кривой-Рогъ (въ Екатеринославской губерніи) съ его металлургіей, Донецкій округъ съ его каменноугольными копами, Баку съ его нефтяными источниками, вытѣснившими американскій петроль съ большей части рынковъ Европы,— все это выросло у насъ на глазахъ. Для такой дѣятельности нужны были новые пути сообщенія. Ихъ не было въ Россіи. Не много шоссеиныхъ дорогъ, одна желѣзная дорога изъ Петербурга въ Москву, да маленькая для прогулокъ оттуда же въ Царское Село, вотъ и все по части сухопутныхъ дорогъ. Наши могучія рѣки видѣли только неповоротливыя барки, спускающіяся по теченію, или поднимаемая вверху силою человѣческихъ плечъ и спинъ (бурлаки) и лишь изрѣдка приводимыя въ движеніе конными кабестанами. Теперь сотни пароходовъ (болѣе 400) бѣгають по Волгѣ, Камѣ и Окѣ; другія рѣки тоже знакомы съ шумомъ колесъ этихъ дѣтищъ Фультона. Желѣзныя дороги покрыли своею сѣтью Европейскую Россію, перешагнули въ Азію, нарушили покой гробницы Тамерлана и стремятся добратъся до береговъ Тихаго океана. Къ концу прошлаго года онѣ составляли протяженіе 24,000 в. (25,580 кил.) и валовой доходъ ихъ составлялъ 289,9 мил. руб. (около 710 мил. фр.).

Такое развитіе экономической жизни отразилось и на развитіи оборотовъ кредитныхъ учреждений.

Слѣдующія таблицы покажутъ намъ, какъ развивались послѣднія.

Въ 1858 г.: основной капиталъ 23 мил. р., запасный капиталъ 9,8 мил. руб., вклады 1,033 мил. руб., учетъ векселей 10,8 мил. руб., ссуды подъ проц. бумаги и разные залоги 536,5 мил. руб. Въ 1881 году: основной капиталъ 212,9 мил. руб., запасный капиталъ 40,2 мил. руб., вклады 901,2 мил. руб., учетъ векселей 502,3 мил. руб., ссуды подъ проц. бумаги и разные залоги 1,629,8 мил. руб. Въ 1885 г.: основной капиталъ 243,4 м. р., запасный капиталъ 58,2 м. р., вклады 889,5 м. р., учетъ векселей 476,0 м. р., ссуды подъ проц. бумаги и разные залоги 1,806,0 мил. руб.

Эта таблица показываетъ, что основнымъ капиталъ кредитныхъ

учрежденій увеличился болѣе чѣмъ въ 10 разъ въ теченіе 27 лѣтъ, учетная операція въ 47 разъ, ссуды разныхъ наименованій болѣе чѣмъ въ 3 раза. Вклады не увеличились, а уменьшились. Но это только повидимому. При ликвидаціи старыхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій вклады не были выданы вкладчикамъ, а обращены въ 5% банковые билеты, 4% государственныя ренты и въ долгосрочныя облигаціи.

Общая сумма этихъ фондовъ представляетъ собою, слѣдовательно, тѣ же вклады. Она представлялась въ 1885 году цифрою 1,383,7 мил. руб. Прибавивъ ее къ суммѣ вкладовъ, числившихся въ банкахъ, получимъ 2,274,2 мил. руб. Эта цифра и должна быть сравниваема съ цифрой вкладовъ 1858 г. для полученія вѣрной картины. Первая больше послѣдней болѣе чѣмъ въ 2 раза. Сумма учета векселей въ 1885 году представляетъ уменьшеніе на 26,5 мил. руб. Оно находится въ связи съ экономическимъ кризисомъ, который переживала Россія въ то время. Коммиссія, учрежденная при министерствѣ финансовъ постановила въ 1859 г. ликвидировать государственныя земельно-кредитныя учрежденія и поощрять устройство частныхъ банковъ, отдавая предпочтеніе обществамъ, основаннымъ на круговой порукѣ. Это рѣшеніе было принято правительствомъ. Оно не осталось безъ результатовъ, хотя въ средѣ земельныхъ банковъ преобладаніе получили акціонерныя банки, а не банки, основанные на круговой порукѣ. Но въ сферѣ кредита коммерческаго и ипотечнаго городского, наоборотъ, товарищества взяли перевѣсъ.

Вотъ таблица числа кредитныхъ учрежденій разныхъ наименованій, существовавшихъ въ Россіи въ 1885 году.

Земельные банки — 19, городскія кредитныя общества — 12, акціонерныя коммерческія банки — 39, общества взаимнаго кредита — 112, городскіе общественныя банки — 264, сельскіе банки — 16, ссудо-сберегательныя товарищества — 752, банки для заклада движимости — 7, государственный банкъ, его конторы и отдѣленія — 97. Всего 1,318.

Основной капиталъ, принадлежавшій этимъ учрежденіямъ въ 1881 и 1885 годахъ, распредѣлялся между ними слѣдующимъ образомъ въ тысячахъ рублей.

Въ 1881 г.: краткосрочныя кредитныя учрежденія — 517, кап. 166,107,0 руб., ипотечныя кредитныя учрежденія — 30, кап. 36,732,9 руб., ссудо-сберегательныхъ товариществъ — 729, кап. 4,954,9 руб.,

банки для заклада движимости—7, кап. 3,438,2 руб. Всего 1,283 учрежденія, капиталъ 211,233,0 руб.

Въ 1885 г.: краткосрочныя кредитныя учрежденія—528, кап. 187,414,3 руб., ипотечныя кредитныя учрежденія—31, кап. 42,835,1, ссудо-сберегат. тов.—752, кап. 6,000,0 р., банки для заклада движимости—7, кап. 4,738,5. Всего 1,318 учреждений, кап. 240,987,8 руб.

Эти цифры показываютъ, что въ подлежащіе четыре года наиболѣе значительно увеличеніе коснулось ссудо-сберегательныхъ кассъ. Число ихъ возрасло почти на 3%, а капиталъ ихъ увеличился болѣе чѣмъ на 17%; за ними слѣдуютъ учрежденія краткосрочнаго кредита. Число ихъ увеличилось на 2%, а капиталъ почти на 13%. Банки ипотечные возрастали гораздо слабѣе; число ихъ увеличилось всего однимъ, но капиталъ ихъ увеличился на 16,8%, то есть гораздо больше чѣмъ капиталъ учреждений краткосрочнаго кредита.

Теперь обратимъ наше вниманіе на то, каковы прибыли, получаемыя этими учрежденіями отъ своихъ операций. Свѣдѣнія наши на этотъ счетъ не совсѣмъ полны. Они взяты нами изъ статистическихъ таблицъ, составленныхъ министерствомъ финансовъ къ январю 1885 г. Но оно составляло таблицы съ спеціальной цѣлью опредѣленія величины 3% налога, которому подлежали прибыли кредитныхъ учреждений, а потому исключило изъ нея государственныя банки съ его конторами и отдѣленіями, а также и всѣ ссудо-сберегательныя кассы съ капиталомъ менѣе 20,000 руб. Таковыхъ оказалось 665. Прибыль государственнаго банка за 1885 годъ можетъ быть опредѣлена въ 3,200 тыс. руб. ¹⁾ Какова была прибыль упомянутыхъ 665 кассъ, мы сказать не можемъ; что же касается прибыли другихъ кредитныхъ учреждений, то она распредѣлилась между ними слѣдующимъ образомъ по балансамъ на 1 января 1885 г.

Земельныхъ банковъ—19, прибыли 7.079,600 р., городскихъ кредитныхъ обществъ—12, приб. 1.315,000 р., гор. общ. банковъ—264, приб. 1.905,200 р., акціон. коммерч. банк.—39, приб. 16.642,300 р., обществъ взаимн. кредитовъ—112, приб. 2.681,100 р., сельскихъ банковъ—16, приб. 36,000 р., ссудо-сберег. товарищ. съ капиталомъ свыше 20,000 руб.—87, приб. 412,000 р., банки для закладовъ движимости—6, приб. 537,200 р.

¹⁾ Валовая прибыль составляла 3,600 тыс. руб.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ перейти къ отдѣльному обзорѣнню двухъ главныхъ группъ кредитныхъ учреждений: земельныхъ и коммерческихъ.

Земельные банки.

Когда комиссія при министерствѣ финансовъ постановила въ 1859 г. ликвидировать государственные поземельные банки, она высказала рѣшеніе поощрять устройство частныхъ кредитныхъ учреждений ипотечнаго кредита, отдавая предпочтеніе товариществамъ, основаннымъ на круговой порукѣ. Мы не видимъ слѣдствъ поощренія, которое должно было оказываться учреждениямъ поземельнаго кредита; основаніе и развитіе ихъ всецѣло принадлежитъ вліянію новыхъ условий, въ которыя поставлено было сельское хозяйство отмѣной крѣпостного права. Даровой трудъ замѣненъ былъ наемнымъ и вообще натуральное хозяйство денежнымъ.

29 мая 1864 года правительство утвердило уставъ старѣйшаго изъ частныхъ поземельныхъ кредитныхъ учреждений, херсонскаго земскаго банка. Банкъ этотъ находится въ Одессѣ; дѣятельность его распространяется на 11 южныхъ губерній. Онъ представляетъ собою товарищество, состоящее изъ землевладѣльцевъ и основанное на круговой порукѣ. Всѣ землевладѣльцы, состоящіе членами товарищества, отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ за облигаціи, выпущенныя банкомъ. Банкъ выпускалъ до послѣдняго времени только 5 $\frac{1}{3}$ % закладные листы, но въ послѣдніе два года онъ сталъ выпускать 5% облигаціи съ цѣлью удешевить кредитъ для членовъ товарищества. Листы эти погашаются ежегодными тиражами и экстренно въ случаѣ уплаты выданной ссуды до срока. Банкъ выдаетъ ссуды на сроки около 35 лѣтъ изъ 6% (около) годовыхъ. За 25 лѣтъ своего существованія херсонскій земскій банкъ вполне упрочилъ свое существованіе. Его резервный капиталъ на столько увеличился, что часть прибылей стали обращать на уменьшеніе ежегодныхъ платежей старѣйшихъ членовъ, за счетъ которыхъ были выпущены первыя серіи облигацій. Херсонскій банкъ, такимъ образомъ, въ значительной степени оправдалъ тѣ ожиданія, которыя возлагались на общества взаимнаго кредита. Два года спустя послѣ учрежденія херсонскаго банка, образовалось другое подобное же учрежденіе въ Петербургѣ подъ названіемъ общества взаимнаго поземельнаго кредита. Оно было задумано въ болѣе широкихъ размѣрахъ; его дѣйствія могли распространяться на всю Россію. По мысли учредителей, оно должно было служить

посредникомъ между русскими землевладѣльцами и заграничнымъ денежнымъ рынкомъ. Поэтому оно стало выпускать облигаціи въ золотой валютѣ, а потому, понятно, и заемщики должны были платить проценты и погашеніе тоже золотомъ.

Выпускаемыя облигаціи были 5%, а ссуды выдавались за 6% безъ малаго. Расчетъ на выгодность привлеченія иностранныхъ капиталовъ оказался невѣрнымъ. Когда курсъ рубля упалъ, заемщикамъ пришлось платить не 6%, а до 9%, что оказалось рѣшительно невозможнымъ. Тогда потребовалась конверсія металлическихъ облигацій въ кредитныя; она была совершена въ 1887 году при содѣйствіи правительства, но не принесла тѣхъ выгодъ, которыя отъ нея ожидали.

Учрежденіемъ херсонскаго земскаго банка и общества взаимнаго поземельнаго кредита окончилось устройство обществъ взаимнаго поземельнаго кредита. Русскіе землевладѣльцы предпочли пользоваться услугами капиталистовъ, устроившихъ акціонерные банки; у нихъ не оказалось достаточно инициативы, чтобы образовать товарищества, выгоды которыхъ блестяще доказаны примѣромъ херсонскаго земскаго банка.

Херсонскій земскій банкъ, какъ мы сказали, началъ свою дѣятельность въ 1864 году. Въ нынѣшнемъ году онъ празднуетъ 25-лѣтіе своего существованія. Въ 1864 году имъ выдано было ссудъ на 1.832,989 рублей, къ концу 1883 года эта сумма возрасла до 50.210,125 рублей. Число десятинъ земли, заложенной въ банкъ, равнялось къ этому времени 3.099,061; валовой прибыли банкъ получилъ за 19 лѣтъ существованія (1865—1883) 4.479,985 рублей. Убытки его были весьма незначительны, всего 194,450 рублей за все время; къ тому же изъ нихъ 182 тысячи падаютъ на 1877 и 1878 годы, когда война заперла порты Чернаго моря для сбыта хлѣба и произвела разстройство въ дѣлахъ и упадокъ цѣны земли. Такой убытокъ не могъ имѣть серьезнаго значенія, такъ какъ запаснаго капитала собрано банкомъ за то же время 2.930,144 рублей, за вычетомъ упомянутыхъ убытковъ. Когда администрація банка увидѣла, что запасный капиталъ болѣе чѣмъ достаточенъ для обезпеченія операцій, она начала съ 1876 года обращать часть прибылей на уменьшеніе ежегодныхъ платежей заемщиковъ. Въ 1876 г. эта сумма равнялась 3,117 р., а въ 1883 г. 286,334 р., а всего за 8 лѣтъ (1876—1883 г.) отчислено съ этой цѣлью 1.428,316 р. Эти факты свидѣтельствуютъ о солидности учрежденія и о выгодахъ, которую приноситъ землевладѣльцамъ принципъ круговой поруки.

Общество взаимнаго поземельнаго кредита вело операціи въ болѣе широкомъ размѣрѣ, но гораздо менѣе удачно. Къ концу 1883 года 187.697,000 рублей. Число десятинъ заложенной земли было 7.318,843. Къ тому же времени собрано было основнаго капитала 9.607,757 рублей и вспомогательнаго капитала 5.000,000 рублей. Сначала дѣла общества шли на столько хорошо, что въ пользу заемщиковъ отчисляли изъ прибыли 18 проц. (въ 1874 г.); но потомъ, когда съ 1877 года курсъ рубля сталъ падать, эти прибыли прекращаются; напротивъ, доплаты общества за разницу въ курсахъ растутъ, такъ что, составляя въ 1876 году сумму 136,317 рублей, до 1883 года они составляли почтенную цифру 1.165,834 рубля. Общество начало терпѣть убытки, къ этому присоединилась въ 1878 году растрата капитала г. Юханцевымъ на 1.784,320 рублей металлическихъ. Дѣла общества пошатнулись, и оно удержалось только благодаря помощи правительства, оказавшаго ему содѣйствіе при конверсіи металлич. (en or) облигацій въ кредитныя (en papier).

Судьба его показала: 1) что принципъ товарищества теряетъ свое значеніе, будучи распространень слишкомъ далеко, и 2) опасность вести операціи на золото при неустойчивости бумажныхъ денегъ.

II.

Акціонерные земельные банки.

Какъ мы сказали, акціонерныхъ земельныхъ банковъ учреждено было больше, чѣмъ основанныхъ на круговой порукѣ. Начали они появляться съ 1871 года, когда былъ утвержденъ уставъ харьковскаго земельного банка. Затѣмъ появились банки полтавскій и тульскій. Всѣхъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ открыто 11 (кромѣ трехъ названныхъ. слѣдующіе: бессарабско-таврическій, виленскій, донской, кievскій, московскій, нижегородско-самарскій, симбирско-саратовскій ¹⁾ и ярославско-костромской. ²⁾

Основной капиталъ этихъ банковъ составлялъ къ 1-му января

1) Онъ уже ликвидированъ.

2) Кромѣ того были устроены два дворянскихъ банка, основанныхъ на сословныя средства: Тифлисскій и Михайловскій въ Тифлисъ и въ Дутаисъ и прежде существовавшій Александровскій (въ Нижн. Новгородѣ) былъ преобразованъ въ 1867 г.

1885 года 31.650.000 рублей и распределялся между ними слѣдующимъ образомъ:

Банки: Харьковскій	4.500,000	руб.
Полтавскій	1.800,000	"
Тульскій	3.750,000	"
Кіевскій	3.250,000	"
Московскій	7.000,000	"
Виленскій	3.375,000	"
Ярослав.-костромской	1.000,000	"
Бессараб.-таврическій	2.175,000	"
Донской	800,000	"
Нижегор.-самарскій .	2.500,000	"
Саратов.-симбирскій .	1.500,000	"
Всего 31.650,000		"

Акціонерные земельные банки выпускаютъ обыкновенно 6% облигаціи и выдаютъ ссуду при 7 $\frac{1}{2}$ %⁰, считая въ томъ числѣ и погашеніе капитала, срокомъ на 43 $\frac{1}{2}$ года.

Общая сумма ссудъ, выданныхъ всѣми банками, къ 1 января 1885 года представляла 313.573,500 рублей. Она распределялась между банками слѣдующимъ образомъ:

	Ссуды	Прибыли валовыя ¹⁾	Потери
Банки: Харьковскій	46,920, ₂	9,549, ₃	1,381, ₁
Полтавскій	23,371, ₅	3,959, ₈	350, ₄
Тульскій	36,830, ₅	6,298, ₅	553, ₂
Кіевскій	35,339, ₈	4,381, ₃	84, ₉
Московскій	72,023, ₃	9,331, ₃	267, ₃
Виленскій	31,394, ₃	3,825, ₈	9, ₈
Ярослав.-костромскій .	3,705, ₀	1,355, ₄	268, ₆
Бессарабско-таврич. . .	23,983, ₅	4,725, ₁	905, ₈
Донской	5,536, ₄	1,292, ₆	76, ₀
Нижегород.-самарскій .	26,241, ₄	3,479, ₉	124, ₉
Саратовско-симбирскій .	8,227, ₁	1,924, ₈	478, ₉
Итого 313,573, ₅		50,123, ₈	4,450, ₇

Потери при продажѣ заложенныхъ имѣній составляютъ почти 10% валовыхъ прибылей, полученныхъ банками. За вычетомъ рас-

¹⁾ Въ этихъ двухъ столбцахъ указанъ итогъ валовой прибыли и потери, понесенной за 12 лѣтъ (1872—1883 г.).

ходовъ по управленію, составившихъ за весь періодъ 14.935,996 рублей (около 30 %) и отчисленіи въ запасный капиталъ 3.170,240 руб. ¹⁾, банки выдавали дивидендъ, средняя цифра котораго за весь періодъ колеблется отъ 2,2 % (нижегородско-самарскій банкъ) до 13,7 % (московскій) и для всѣхъ банковъ вмѣстѣ составляетъ среднюю цифру за весь періодъ въ 11,4 %. Такой результатъ нельзя не признать удовлетворительнымъ, особенно если мы примемъ во вниманіе, что въ произведеніе вошли результаты саратовско-симбирскаго банка, которые должны были неизбѣжно понизить эту среднюю ²⁾. Изъ таблицъ дивиденда, приведенныхъ въ „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли“, оказывается, что наилучшій дивидендъ давали средніе и юго-западные банки, за ними слѣдуютъ западные и южные, а самый слабый дивидендъ давали восточные банки.

Учрежденія коммерческаго кредита.

Всѣхъ акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита, какъ мы сказали выше, образовалось тридцать девять, не считая ихъ отдѣленій. Въ настоящее время учреждается сороковой, одесскій промышленный банкъ, который начинаетъ теперь свою дѣятельность. Мы имѣемъ свѣдѣнія о 32 акціонерныхъ банкахъ. Мы не будемъ называть ихъ всѣ, а только укажемъ наиболѣе значительные, обозначая и величину ихъ основнаго капитала. Основной капиталъ: русскій для внѣшней торговли банкъ 20.000,000, петербургскій международный 13.000,000, петербургскій учетно-ссудный 10.000,000, волжско-камскій 8.350,000, варшавскій коммерческій 6.000,000, московскій торговый 5.000,000 московскій купеческій 5.000,000, петербургскій частный 5.000,000.

¹⁾ Въ этой суммѣ нѣтъ запаснаго капитала Саратовско-Симбирскаго банка, поглощеннаго потерями.

²⁾ Въ послѣдніе годы были учреждены два государственныхъ ипотечныхъ банка, одинъ крестьянскій, а другой дворянскій. Первый устроенъ для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія. Онъ выдаетъ ссуды подъ земли приобретенныя крестьянами, въ самый моментъ ихъ приобретѣнія. Дворянскій банкъ назначенъ для поддержанія дворянскаго землевладѣнія путемъ дешеваго и широкаго кредита. Судя по началу, этотъ послѣдній банкъ будетъ парализировать пользу, могущую произойти отъ дѣятельности крестьянскаго банка, и причинить не мало затрудненій казнѣ вслѣдствіе чрезчуръ большой легкости и широты кредита.

Къ концу 1885 года главнѣйшія статьи дѣятельности 32 акціонерныхъ банковъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Суммы выражены въ тысячахъ рублей. Основн. кап. 101,900, запасн. кап. 16,734, процент. отношеніе къ основному капиталу 16,4, вклады 264,344, проц. отношеніе къ основн. кап. 260, прибыли 19,651; процентное отношеніе къ основному капиталу 19,3, процентное отношеніе къ обороту 1,37, оборот. 1.102,311, учетъ 147,145, проц. отношеніе къ капиталу 144, ссуды 141,723, процентное отношеніе къ капиталу 142, расходы 4,297, процентное отношеніе къ обороту 0,26.

Интересно распредѣленіе операций акціонерныхъ банковъ по географическому положенію послѣднихъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ читатель найдетъ отдѣльно операции банковъ петербургскихъ, московскихъ, западныхъ, южныхъ, центральныхъ и восточныхъ.

	Капиталъ	Учетъ	Ссуды	Протестъ векселя	Срочные вклады	Вклады востребованія
	Въ милліонахъ рублей					
Банки: Петербургскіе	56,33	30,5	50,4	0,17	2,6	57,6
Московскіе . . .	14,6	57,4	33,1	0,29	45,4	32,0
Западные . . .	15,25	20,3	6,6	0,06	8,7	7,7
Восточные . . .	8,75	16,3	18,6	0,14	7,6	18,3
Центральные . .	5,3	25,4	17,0	0,76	16,0	26,6
Южные	8,75	16,3	18,6	0,14	7,6	18,3

Сравненіе этихъ цифръ между собою позволяетъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Такъ, напримѣръ, по величинѣ капиталовъ банки Петербурга сильнѣе московскихъ и другихъ раіоновъ, вмѣстѣ взятыхъ, что указываетъ на сильную централизацию финансовой дѣятельности. Сравненіе операции учета и ссудъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ показываетъ, что Петербургъ больше играетъ на биржѣ фондами, чѣмъ занимается промышленностью и торговлей. Поэтому операція ссудъ подъ процентныя бумаги въ тамошнихъ банкахъ въ 1½ раза больше, чѣмъ въ Москвѣ, тогда какъ, напротивъ, учетная операція въ немъ почти вдвое меньше. Москва, повидимому, богаче Петербурга и ея капиталы медленнѣе двигаются, чѣмъ петербургскіе. Вкладовъ въ Москвѣ 77 милліоновъ рублей, а въ Петербургѣ 60 милліоновъ. Изъ нихъ вкладовъ срочныхъ въ Петербургѣ всего 2 милліона, въ Москвѣ 45 милліоновъ, тогда какъ

безсрочныхъ въ Петербургѣ 57 милліоновъ, а въ Москвѣ 32 милліона.

Изъ другихъ раіоновъ болѣе другихъ оперируетъ на учетъ векселей центральный и восточный, гдѣ развита мануфактурная промышленность, за ними слѣдуетъ западный и послѣднее мѣсто занимаетъ южный. Напротивъ, въ операциіи ссудъ первое мѣсто занимаетъ южный раіонъ, что объясняется значительною хлѣбной торговлей, требующею ссудъ подѣ хлѣбъ, и большими операциями съ фондами, особенно въ Одессѣ. За ними слѣдуетъ центральный и восточный раіоны и потомъ уже западный. Интересно, что должники западныхъ банковъ самые аккуратные, за ними идутъ должники центральныхъ и восточныхъ банковъ, а послѣднее мѣсто по аккуратности занимаютъ южане.

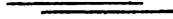
Мы умалчиваемъ о дѣятельности обществъ взаимнаго кредита, и дѣлаемъ это не потому, что ихъ операциіи неважны,—напротивъ, они играютъ большую роль въ средней и мелкой промышленности и торговлѣ,—а потому, что мы не имѣли подѣ руками данныхъ для сужденія объ ихъ операцияхъ. Въ заключеніе нашего обзора приведемъ данныя о государственномъ банкѣ, который имѣетъ большое вліяніе на операциіи всѣхъ другихъ кредитныхъ учрежденій. Государственный банкъ, находясь въ Петербургѣ, имѣетъ 9 конторъ въ болѣе значительныхъ торговыхъ центрахъ и 81 отдѣленіе въ менѣе значительныхъ городахъ. Свѣдѣнія наши относятся къ двумъ моментамъ, къ 1 февраля 1885 года и 1 декабря 1887. Первый изъ нихъ относится къ періоду торгово-промышленнаго кризиса, тогда какъ второй относится къ тому времени, когда кризисъ ослабѣлъ.

1 февраля 1885 г.: учетъ — 112,₅ мил., ссуды разныя — 93,₆ мил., срочные вклады — 28,₇ м., вклады до востреб. — 363,₁ мил. Итого по двумъ послѣднимъ — 391,₈ милліоновъ.

1 декабря 1887 г.: учетъ — 152,₂ м., ссуды разныя — 142,₄ мил., срочные вклады — 37,₃ мил., вклады до востреб. — 334,₈ мил. Итого по двумъ послѣднимъ — 372,₇ мил.

Изъ сравненія этихъ цифръ съ цифрами операциіи акціонерныхъ коммерческихъ банковъ видно, какое огромное мѣсто занимаетъ государственный банкъ въ системѣ коммерческаго кредита; но для вѣрнаго пониманія дѣла и точности сравненія мы должны имѣть въ виду, что въ цифрахъ учета и ссудъ государственнаго банка находятся суммы векселей, переучтенныхъ въ немъ акціо-

нерными банками и обществами взаимнаго кредита, и суммы ссудъ подъ процентныя бумаги, перезаложенныя въ государственномъ банкѣ помянутыми учрежденіями. Къ сожалѣнію, въ балансахъ государственнаго банка, находившихся у насъ въ рукахъ, эти цифры отдѣльно не показаны, а потому мы должны воздержаться отъ выводовъ.

Условія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII в.

Условія, среди которыхъ дѣйствовала хлѣбная торговля во Франціи, сложились прежде всего подъ вліяніемъ антагонизма между городомъ и деревней. Ставъ въ сравнительно независимое положеніе, горожанинъ стремится силою своихъ обязательныхъ постановленій обезпечить себѣ дешевый хлѣбъ и съ этою цѣлью старается всячески прижать земледѣльца и вообще обладателя хлѣба, подозрѣвая послѣдняго чуть ли не въ желаніи уморить голодомъ горожанина. Къ этому присоединяется еще феодальный провинціализмъ, въ силу котораго каждая область старается сохранить свой хлѣбъ для себя и боится вывоза его въ сосѣднюю провинцію. На почвѣ этихъ отношеній вырастаютъ регламенты хлѣбной торговли. Главные пункты ихъ таковы: запрещеніе продажи хлѣба внѣ рынка и связанное съ нимъ запрещеніе держать хлѣбъ у себя долѣе извѣстнаго періода, обязанность земледѣльца снабжать рынокъ и запрещеніе хлѣбныхъ складовъ. Поступивъ на рынокъ, хлѣбъ не могъ быть увезенъ оттуда и не могъ быть укрываемъ отъ непогоды; но на случай, если бы и это неудобство оказалось не въ силахъ заставить обладателя хлѣба поспѣшить съ его продажею, существовало правило, по которому хлѣбъ обязательно долженъ быть проданъ въ теченіе трехъ базаровъ; въ противномъ случаѣ онъ продавался полиціей по пониженной цѣнѣ.

Эти распоряженія разнообразились многими чисто мѣстными установленіями; они нерѣдко не исполнялись въ точности, особенно во время большой дешевизны хлѣба; но, такъ или иначе, они висѣли надъ хлѣбною торговлею домокловымъ мечомъ, всегда готовымъ разить хлѣботорговца. Чтобы слѣдить за выполненіемъ

регламентовъ, а отчасти лишь подъ предлогомъ надзора, создавалась многочисленная рыночная полиція, состоявшая часто изъ наслѣдственныхъ чиновъ, которая жила рыночными пошлинами, нерѣдко довольно высокими. Свободная перевозка хлѣба изъ одной провинціи въ другую не признавалась еще гораздо позже того, какъ исчезли феодальныя государства, и, не смотря на усилія королевской власти представить Францію единою, всѣ части которой солидарны между собою и должны поддерживать другъ друга, феодальная традиція жила довольно сильно, и подъ ея вліяніемъ вывозъ хлѣба изъ данной провинціи долженъ былъ находиться въ зависимости отъ разрѣшенія мѣстныхъ властей.

Затѣмъ, къ условіямъ хлѣбной торговли присоединяется забота правительства о продовольствіи государства вообще и въ частности Парижа, этого „огромнаго города, находящагося вблизи королевской резиденціи“. Эта забота выразилась въ запрещеніи вывоза хлѣба сначала временномъ, а потомъ и постоянномъ. По той же причинѣ и руководясь идеей государственнаго единства, королевская власть освобождаетъ хлѣбную торговлю отъ внутреннихъ пошлинъ, въ томъ числѣ и отъ пеажей, и старается вообще освободить внутреннюю циркуляцію отъ стѣсненій и запрещеній. Что касается освобожденія отъ внутреннихъ пошлинъ, то эта задача въ значительной мѣрѣ была выполнена; но освобожденіе движенія хлѣба между провинціями отъ стѣсненій не могло быть выполнено, потому что часто само правительство боялось чрезмѣрнаго вывоза хлѣба изъ какой либо провинціи, вслѣдствіе этого не рѣшалось совершенно освободить движеніе хлѣба отъ контроля администраціи, а мѣстныя власти усугубляли стѣснительность этого контроля, отчасти вслѣдствіе предразсудковъ по отношенію къ хлѣбной торговлѣ, а отчасти вслѣдствіе того, что они извлекали выгоду изъ надзора надъ послѣднею. Движеніе хлѣба внутри государства, помимо этихъ обстоятельствъ, парализовалось еще регламентами его купли и продажи. Они затрудняли сколько нибудь значительныя сдѣлки. На сколько сознавалось это вліяніе регламентовъ, видно изъ того, что парижскіе хлѣботорговцы при покупкѣ хлѣба для снабженія столицы освобождались отъ обязательства покупать его на рынкѣ. Заботы правительства о продовольствіи Парижа выражались въ томъ, что нѣкоторыя провинціи, какъ, на примѣръ, Шампань, были признаны естественными поставщиками столицы, а потому правительство слѣдило, чтобы хлѣбъ изъ нихъ не направлялся никуда, кромѣ Парижа. Когда во время

голодовки 1709 года, Шампань была въ конецъ истощена неурожаемъ, страшно суровой зимою и продовольствованіемъ большаго количества войска, когда раннею весною мертвые и умирающіе люди валялись по дорогамъ со слѣдами земли и травы на губахъ, когда могшіе двигаться жадно ѣли пробивающуюся молодую траву, и интендантъ провинціи доносилъ генераль-контролеру обо всѣхъ этихъ ужасахъ и просилъ, чтобы королевскіе комиссары не брали хлѣба въ Шампани для снабженія столицы, — послѣдній отвѣчалъ ему отказомъ, приказывалъ не дѣлать никакихъ препятствій увозу хлѣба въ Парижъ и прибавлялъ: „король приказалъ вамъ сообщить, что вы отвѣтите своею головою, если что либо произойдетъ въ столицѣ“. Чтобы парижане не шумѣли, ихъ старались кормить дешевымъ хлѣбомъ. Другимъ средствомъ для этого, послѣ доставки хлѣба, считалась строгая регламентація продажи хлѣба на рынкахъ столицы; поэтому регламенты Парижа были особенно сложны, и соблюденіе ихъ обезпечивалось особенно многочисленною рыночною полиціею, оплачиваемою, однако, потребителями хлѣба. Когда, съ развитіемъ города, торговля, парализуемая регламентаціею, оказалась не въ силахъ снабжать Парижъ хлѣбомъ, правительство беретъ на себя восполненіе недочета. Оно беретъ за торговлю хлѣбомъ, а потомъ заводитъ въ Корбейѣ и свои мельницы. Но его вмѣшательство въ торговлю хлѣбомъ, парализуя частную предпріимчивость, влекло за собою все большее расширеніе казенныхъ операцій безъ пользы для дѣла.

Скажемъ, наконецъ, что въ XVIII вѣкѣ стали смотрѣть на запретительную систему по отношенію къ внѣшней хлѣбной торговлѣ, какъ на существенную часть промышленнаго протекціонизма, и стали объяснять созданіе ея тѣмъ, что Кольберъ запретилъ вывозъ съ цѣлью удешевить содержаніе труда промышленника и тѣмъ создать для французовъ благоприятный шансъ въ международной конкуренціи. Это было не такъ, но въ этомъ были убѣждены.

Въ сороковыхъ годахъ появляется сомнѣніе въ правильности господствовавшей хлѣбной политики. Вліяніе примѣра Англіи дало толчекъ развитію идеи освобожденія хлѣбной торговли, какъ средства поднять земледѣліе и благосостояніе народа. На сколько до того времени интересы земледѣльца играли служебную роль, на столько въ новомъ направленіи мысли ему отводилось первенствующее положеніе въ государственной экономіи, и фізіократы довели прославленіе земледѣлія до отрицанія производительности всякаго

другаго труда. Когда то Генрихъ IV устраивалъ въ Луврѣ ремесленниковъ, теперь жена Людовика XVI у себя въ Трианонѣ сама одѣвалась крестьянкою, доила коровъ и поила молокомъ своихъ приближенныхъ. Господствующая система требовала дешеваго хлѣба для горожанина, во чтобы то ни стало, а физиократы, напротивъ, провозгласили: „если бѣдны крестьяне, бѣдно и государство“. Но они доказывали при этомъ, что и потребитель выиграетъ отъ поднятія благосостоянія земледѣльца и отъ упраздненія запрещенія вывоза хлѣба и регламентаціи внутренней хлѣбной торговли. Подъ вліяніемъ физиократовъ предпринимаются реформы въ области хлѣбной торговли.

Эти реформы представляютъ собою два момента. Первый падаетъ на шестидесятые года, когда изданы были министрами Бертенемъ и Лаверди декларація 25-го мая 1763 года и іюльскій эдиктъ 1764 года. Первая провозглашала свободу внутренней торговли хлѣбомъ, а второй разрѣшалъ при извѣстномъ уровнѣ цѣны вывозъ его за границу. Торжество друзей земледѣлія и свободы хлѣбной торговли было не продолжительно. Едва прошло два года послѣ разрѣшенія вывоза, какъ онъ былъ остановленъ почти всюду. Затѣмъ, семь лѣтъ спустя (1770), дѣйствіе деклараціи 25-го мая было остановлено аббатомъ Террэ, министромъ финансовъ, и старая регламентація снова вошла въ силу. Эта реакція продолжалась четыре года. Послѣ аббата Террэ постъ генераль-контролера финансовъ переходитъ въ руки Тюрго, наиболѣе сильнаго сторонника свободы хлѣбной торговли. Съ его министерской дѣятельностью совпадаетъ второй моментъ реформъ въ хлѣбномъ законодательствѣ. Этотъ моментъ отличается отъ перваго тѣмъ, что не только свобода хлѣбной торговли была провозглашена возстановленіемъ деклараціи 25-го мая 1763 года, но и приняты были рядъ мѣръ, долженствовавшихъ имѣть въ результатѣ отмѣну многихъ мѣстныхъ учрежденій и рыночныхъ регламентовъ, которые способны были значительно сократить возможность пользоваться закономъ о свободѣ внутренней циркуляціи хлѣба. Гальяни говорилъ: „не достаточно провозгласить свободу торговли, надо сдѣлать ее“. Тюрго понималъ значеніе этой мысли и сталъ дополнять общій законъ рядомъ частныхъ постановленій, не останавливаясь и предъ отмѣною парижскихъ регламентовъ. Такимъ образомъ, второй моментъ въ реформѣ хлѣбнаго законодательства является болѣе значительнымъ, чѣмъ первый, хотя Тюрго и воздержался отъ разрѣшенія вывоза хлѣба.

Онъ не кончилъ своего дѣла, особенно по части отмѣны рыночныхъ пошлинъ; отставка застигла его въ разгарѣ работы. Его паденіе было результатомъ параллельнаго дѣйствія многихъ реакціонныхъ элементовъ. Поэтому послѣ его ухода настала новая реакція въ распоряженіяхъ правительства по хлѣбной торговлѣ. Изслѣдованіе условий хлѣбной торговли въ этотъ послѣдній періодъ XVIII вѣка составляетъ предметъ настоящей работы, которую мы предлагаемъ снисходительному вниманію читателей.

Нэккеръ.

Условія хлѣбной торговли послѣ Тюрго не остались въ томъ видѣ, какъ они были установлены его реформами. Они пережили еще три фазиса, изъ которыхъ два были реакціонными, а третій былъ новою попыткою возстановить и упрочить свободу хлѣбной торговли. Временемъ реакціи были два министерства Нэккера, тогда какъ министерство де-Калонна было моментомъ оживленія надеждъ сторонниковъ свободы хлѣбной торговли.

Реакція, о которой мы будемъ говорить, имѣетъ, однако, особенный характеръ. Хлѣбные законы, возстановленные и дополненные Тюрго, не были отмѣнены какою либо королевскою декларацией или постановленіемъ королевскаго совѣта. Но фактически они отмѣнялись административными предписаніями; иногда же издавались такія постановленія свѣта, которыя, игнорируя существующіе законы, предписывали дѣйствія, противорѣчившія и буквѣ, и духу ихъ. Благодаря такой системѣ, установилась въ сферѣ хлѣбной политики такая путаница, что никакъ нельзя было сказать, какія правила обязательны, а какія слѣдуетъ считать отмѣненными. Въ такомъ недоумѣніи бывали и блюстители закона. Въ перепискѣ прокуроровъ и полицейскихъ чиновъ съ генераль-прокуроромъ Жоли-де-Флери, хранящейся въ копіи въ отдѣлѣ рукописей Парижской Національной Библиотеки, есть цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ, до какой степени спутались у этихъ представителей судебно-полицейской власти представленія о томъ, что законъ и что не законъ. Напримѣръ, фискаль при бальяжѣ Валансэ (Valançau, около Буржа) спрашиваетъ генераль-прокурора: „долженъ ли считаться дѣйствительнымъ эдиктъ, изданный при Тюрго?“¹⁾

¹⁾ Письмо отъ 15-го декабря 1784 года. Bibl. Nat. Mns de Joly de Fleury № 1743, f. 161.

Такой порядокъ вещей находился въ связи съ взглядами Нэккера на хлѣбную полицію. Онъ не считалъ возможнымъ установить какіе либо неизблемые законы для хлѣбной торговли, а съ другой стороны безусловно отрицалъ и неограниченную свободу ея не только внѣ, но и внутри государства. Такимъ образомъ онъ допускалъ одну разумную систему,— это дѣйствіе „смотря по обстоятельствамъ“, а опредѣленіе таковыхъ ставилъ въ зависимость отъ „мудрости администраціи“. Надо прибавить къ этому, что, не будучи по принципу противникомъ хлѣбной циркуляціи, онъ считалъ однако, что во время дороговизны спекуляціи купцовъ „всегда опасны“, и что операціи, совершаемыя купцами въ „разчетахъ на повышение цѣны“ (*dans la vue de profiter de la hausse des prix*), „совершенно бесполезны для землевладѣльцевъ и существенно вредятъ потребителю“ (*qui [genre des spéculations] n'est point utile au propriétaires et qui nuit essentiellement au consommateurs*)¹⁾ Считая возможнымъ допускать свободу хлѣбной торговли въ то время, когда хлѣбъ дешевъ, потому что тогда услуги купца полезны, и настаивая на прекращеніи ея, когда хлѣбъ поднимается въ цѣнѣ, онъ представлялъ себѣ, что хлѣбная торговля можетъ благополучно существовать періодической жизнью, то замирая, то оживая сызнова. Къ такимъ сбивчивымъ понятіямъ о хлѣбной торговлѣ присоединялось еще убѣжденіе въ жадности земледѣльцевъ, могущихъ морить голодомъ горожанина. Принявъ все это во вниманіе, мы поймемъ, какъ, прилагая на практикѣ свою систему, Нэккеръ логически пришелъ къ возстановленію блаженной памяти регламентовъ начала XVIII столѣтія.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія, обратимся къ болѣе подробному разсказу о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась хлѣбная торговля послѣ Тюрго²⁾.

1) Arch. Nat. A. D. XI, 40. Предисловіе къ постановленіямъ совѣта 23-го ноября 1788 г. и 23-го апрѣля 1789 г.

2) Матеріалы для этой главы почерпнуты мною, главнымъ образомъ, изъ Национальнаго архива изъ отдѣловъ A. D. XI, 40 (Законодательство и судебные приговоры) F¹¹* 1 и 2 (переписка Монтарана [Montaran (fils)], которому Нэккеръ поручилъ вѣдѣніе хлѣбныхъ дѣлъ) F¹¹. 224 и F¹¹. 265 (разная переписка и мемуары по хлѣбной части). Кроме того, интересныя бумаги, относящіяся къ 1783—1786 годамъ, прочитаны мною въ отдѣлѣ рукописей Нац. Библиотеки. Это копія переписки ге-нераль-прокурора парижск. парламента Жоли де-Флери. Хотя всѣ эти документы и даютъ довольно полное представленіе объ условіяхъ хлѣбной торговли послѣ Тюрго, но въ нихъ

Послѣ отставки Тюрго свобода внутренней торговли была дополнена разрѣшеніемъ вывоза хлѣба за границу. Позволенія вывоза были даны разновременно въ теченіе 1776 и 1777 годовъ и посредствомъ различныхъ актовъ. Настойчивыя ходатайства „землевладельцевъ, земледѣльцевъ и фермеровъ“ обращены были къ правительству о разрѣшеніи вывоза, „какъ единственнаго средства помочь имъ предоставленіемъ сбыта за границу ихъ продуктовъ“. Низкая цѣна послѣднихъ и отсутствіе потребленія ставили ихъ въ невозможность нести повинности и платить подати и арендные деньги ¹⁾).

Нѣкоторымъ провинціямъ разрѣшеніе вывоза дано было простыми предписаніями, посланными пограничнымъ таможнякъ. Въ такомъ положеніи были: Эльзась, Мець, Лоррэнъ, Франшъ-Конте, Бургонь, Дофинэ, Бретань и Ларошель. Провинціи Гіэнь, По, Руссильонъ, Лангдокъ и Провансъ получили разрѣшеніе въ силу королевской деклараціи, коею возстановленъ былъ эдиктъ 1764 года. Но не во всѣхъ этихъ провинціяхъ онъ былъ возстановленъ въ одинаковой формѣ. Парламенты По и Бордо регистрировали его безъ измѣненій; но парламентъ Тулузы и высшій совѣтъ Руссильона представили ремонстраціи. Наученные опытомъ, они не желали ставить прекращеніе и возобновленіе вывоза въ зависимость отъ административнаго усмотрѣнія. Эдиктъ 1764 года ставилъ прекращеніе вывоза въ зависимость отъ цѣны хлѣба; но о возстановленіи его потомъ, когда цѣна понизится, не говорилъ ничего и ставилъ его, такимъ образомъ, въ зависимость отъ министерскаго распоряженія. Вслѣдствіе сказанныхъ ремонстрацій сдѣлано было дополненіе, что вывозъ хлѣба „возстановляется самъ собою безъ того, чтобы для этого требовалось новое распоряженіе, если въ теченіе трехъ рынковъ цѣна будетъ ниже 12 l. 10 s. за кенталь“, и что „вывозъ допускается черезъ всѣ порты и мѣста, гдѣ

есть пробѣлы двоякаго рода. Есть пробѣлы въ самой перепискѣ, вѣроятно потому, что она временами была очень скудною, и есть пробѣлы, происходяшіе отъ пропажи документовъ, несомнѣнно существовавшихъ; на примѣръ, вѣдомости о цѣнахъ, о вывозѣ хлѣба (въ 1776 и 1777 годахъ).

¹⁾ Memoire sur la partie des subsistances. Presenté par M. Aubé à M. De Lessart pour M. Necker. Juillet 1777. Arch. Nat. F¹¹. 265. Valdes de Lessart. Maitre des Requêtes, rue du Sentier. Служилъ въ отдѣленіи: Detail d. l'administration des finances Aubé служилъ въ отдѣленіи Монтарана и въ его вѣдѣніи была переписка о продовольствіи (detail de la correspondance sur les subsistances). Almanach Royal, 1778.

существуют таможенные конторы⁴. Въ этомъ исправленномъ видѣ декларация была регистрована и въ парламентѣ Прованса ¹).

Ко времени вступленія Нэккера вывозъ былъ значить разрѣшенъ на востокѣ, югѣ и на всемъ западѣ Франціи, за исключеніемъ женералите Пуатье. На сѣверѣ вывозъ былъ запрещенъ, такъ какъ полагали, что женералите Канъ, Руанъ, Пикардія, Фландрія и Геннегау (Эно) должны служить для снабженія Парижа; на томъ же основаніи было упомянуто особое запрещеніе вывоза изъ Шампани; хотя она не была пограничною провинціею, но, какъ тогда говорили, хлѣбъ ея естественно предназначенъ былъ для продовольствія столицы, а потому казалось опаснымъ сосѣдство Шампани съ Лоррэнью и Бургундіею, изъ которыхъ вывозъ былъ дозволенъ ²).

Какъ великъ былъ вывозъ хлѣба со времени его разрѣшенія, мы не знаемъ, но онъ не возбуждалъ никакого безпокойства ³).

Какъ только Нэккеръ вступилъ въ управленіе финансами (29-го іюня 1777 года), онъ сейчасъ же поднялъ вопросъ о прекращеніи вывоза. 11-го іюля онъ посылаетъ циркуляръ интендантамъ Эльзаса, Меца, Лоррэни, Франшъ-Конте, Бургони, Дофине, Бретани и Ларошели съ запросомъ, не слѣдуетъ ли остановить или ограничить вывозъ хлѣба въ виду дурной погоды, которая можетъ попортить урожай и вызвать повышение цѣнъ? Въ то же время, надо думать, онъ приказалъ изготovitъ докладъ по дѣлу о вывозѣ хлѣ-

¹ Ibid Memoire d'Aubé. Я не нашелъ ни въ архивѣ, ни въ коллекціи Нац. Библіотеки этой декларации и не могу сказать точно, была ли она изда-на. Декларация 17-го іюня 1787 г. говоритъ, что декларация 10-го февраля 1776 г. и Lettres patentes 25-го мая 1776 года разрѣшили вывозъ. Если это допустить, то выходитъ, что разрѣшеніе вывоза было дѣломъ Тюрго, что мало вѣроятно. Я взялъ томъ протоколовъ королевскаго совѣта за первую половину 1776 года (Arch. Nat. O¹ 121, A. Secrétariat) и никакихъ слѣдовъ декларации 10-го февраля 1776 г. не нашелъ. Есть Lettres patentes 19-го мая 1776 г., но они относятся къ пошлинамъ на рисъ, чечевицу и бобы. Есть и Lettres patentes 25 мая 1776 г., но они относятся не къ хлѣбу, а къ отелямъ Конде въ Фон-тенебло. Изданіе распоряженій (не одного, а двухъ или трехъ), разрѣшившихъ вывозъ въ 1776 г. или въ 1777 г., несомнѣнно; кромѣ доклада Обе, который, очевидно, зналъ дѣло, ихъ изданіе подтверждается и инвентарями департаментскихъ архивовъ. Но несомнѣнно, что они сдѣланы были не въ тѣ числа, которыя указываются декларацией 17-го іюня 1787 года.

² Aubé, Memoire sur la partie des subsistances. Arch. Nat. F¹, 265.

³ Къ докладу Обе приложены были вѣдомости вывоза 1776 года и за первые мѣсяцы 1777 года: но онѣ, вѣроятно, остались у Нэккера, ибо ихъ при бумагѣ нѣтъ.

ба, который и былъ составленъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Нѣкоторые интенданты не торопились отвѣчать на запросъ Нэккера, такъ какъ, вѣроятно, они не питали никакого безпокойства, которое вызывало бы надобность запрещенія вывоза хлѣба ¹⁾.

До половины сентября 1777 г. и Нэккеръ, повидимому, не безпокоится относительно вывоза, но неутѣшительныя вѣсти объ урожаѣ въ юго-западной Франціи и о неурожаѣ въ Испаніи съ новой силою возбуждаютъ его безпокойство. 16-го сентября онъ спрашиваетъ интенданта Бордо, не слѣдуетъ ли остановить вывозъ изъ Бордо, Бретани и, пожалуй, Лангдока или по крайней мѣрѣ ограничить его цѣною въ 24 л. за сетье (10 л. за кенталь). Не дождавшись отъ него отвѣта (5½ дней шли туда дилижансы), онъ уже пишетъ интенданту (20-го сентября) Бретани, выражая безпокойство, что много вывозится хлѣба, особенно въ Англію и Испанію, и проситъ его сообщить, не слѣдуетъ ли остановить вывозъ. Но едва подписавъ это письмо, онъ дополняетъ его собственноручно *Postscriptum*'омъ: „я хочу направить хлѣбъ вашей провинціи въ Гіэнь; хлѣбъ къ тому же у васъ въ хорошей цѣнѣ, найдете ли вы резонныя препятствія запрещенію его вывоза?“ ²⁾.

Три дня спустя онъ пишетъ въ Лангдокъ и Провансъ. Такъ какъ обѣ эти провинціи были расположены къ вывозу, то онъ старается подѣйствовать на нихъ примѣромъ другихъ. Онъ говоритъ интендантамъ Прованса и Лангдока, что королевскій совѣтъ хочетъ остановить вывозъ вслѣдствіе получающихся отовсюду ходатайствъ ³⁾ и проситъ интендантовъ сообщить ихъ мнѣніе по этому вопросу относительно ихъ провинцій, но тутъ же прибавляетъ, что, можетъ быть, и раньше полученія ихъ отзыва помянутая мѣра будетъ принята (23-го сентября 1777 года). Дѣйствительно, они не успѣли получить его письма, какъ 27-го сентября онъ ихъ извѣщаетъ, что запрещеніе вывоза состоялось, и предписываетъ сдѣлать соответствующія распоряженія ⁴⁾. Постановленіе совѣта, запретившее вы-

1) Въ письмахъ интенданта Бретани отъ 20-го сентября 1777 года Нэккеръ жалуется, что онъ до сихъ поръ не отвѣчалъ на его запросъ о вывозѣ. Arch. Nat. F¹¹, 1 Aubé Memoire F¹¹, 265.

2) Письмо 20-го сентября 1777 г., *ibid.* F¹¹*, 1.

3) Только и было заявленій, что отъ интендантовъ Оша, Монтобана и Гіэни да отъ судебныхъ чиновъ г. Орильака (Aurillac) въ Оверни, *ibid.*

4) Еще наканунѣ онъ послалъ циркуляръ интендантамъ Ларошели и Бретани съ извѣщеніемъ, что состоялось запрещеніе вывоза изъ провинцій Лангдокъ, Провансъ, Ошь, Руссильонъ и Бордо и объявляетъ объ остановкѣ вывоза изъ ихъ провинцій. Письмо 26-го сентября.

возъ, было издано 27-го сентября 1777 года. Оно, собственно говоря, останавливало вывозъ только изъ Гіэни; но такъ какъ во введеніи сказано, что король желаетъ прекратить вывозъ и изъ со-сѣднихъ провинцій, то это распоряженіе было послано въ тотъ же день въ Лангдокъ и Провансъ.

Въ циркулярѣ, сопровождавшемъ запрещеніе, Нэккеръ говоритъ, что король, желая, „чтобы различныя провинціи его королевства оказывали взаимную другъ другу помощь, рѣшился прекратить вывозъ хлѣба изъ вашего генералите и отмѣнить приказы, которыми онъ былъ дозволенъ“ ¹⁾.

Провинціи, въ которыхъ еще допускался вывозъ (Франшъ-Конте, Эльзась, Лоррэнъ, Мець), были мало по малу почти все закрыты. Остались свободными дольше другихъ генералите Мець и Лоррэнъ. Вывозъ изъ Меца былъ остановленъ 10-го марта 1778 года, а вывозъ изъ Ларрэни былъ разрѣшенъ въ Австрійскую Фландрію, потому что, какъ писалъ Нэккеръ интенданту, неудобно было, да и бесполезно, не допускать вывозъ хлѣба въ эту провинцію въ то время, когда французское правительство само ходатайствовало у Австріи о разрѣшеніи вывезти изъ этой самой провинціи хлѣбъ для Бордо ²⁾. Но вывозъ хлѣба изъ Лоррэни въ Люксембургъ былъ остановленъ (10-го марта 1778 года) на томъ основаніи, что до свѣдѣнія министра дошло, что тамъ этотъ хлѣбъ употребляютъ на приготовленіе водки. Онъ вновь разрѣшилъ отпускъ туда хлѣба (18-го апрѣля 1778 года), когда убѣдился, что водки тамъ изъ хлѣба не гонятъ. Нужно замѣтить при этомъ, что, вслѣдъ за изданіемъ послѣднихъ запрещеній вывоза, самъ Нэккеръ признавалъ въ апрѣлѣ 1778 года, что недостатка въ хлѣбѣ нѣтъ, и что нѣтъ надобности слишкомъ строго относиться къ этимъ запрещеніямъ. По

¹⁾ Циркуляръ 26-го сентября 1777 г. интендантамъ Бретани и Ларошели. Arch. Nat. F¹¹*, 1. Постановленіе совѣта 27-го сентября 1777 г., *ibid.* E. 2,538. Этимъ постановленіемъ Нэккеръ отмѣнилъ дѣйствіе деклараций короля, регистрованныхъ въ парламентахъ Бордо, Тулузы, По, Экса и въ высшемъ совѣтѣ Руссильона. Это противорѣчило законному порядку. Въ тотъ же день были посланы приказы по таможенному откупу въ Провансъ, Лангдокъ, Руссильонъ, Ошь, Бордо и Дофинэ о прекращеніи вывоза.

²⁾ Письмо 8-го марта 1778 г. Вывозъ изъ Франшъ-Конте остановленъ былъ 8-го октября. 21-го октября Нэккеръ затребовалъ отъ интендантовъ Эльзаса, Меца и Лоррени вѣдомости о вывозѣ хлѣба. 5-го декабря онъ пишетъ интенданту Эльзаса, что хотя вывозъ изъ его провинціи ничтожный, но все же лучше было бы остановить его. 10-го января 1778 года онъ посылаетъ ему приказъ о прекращеніи вывоза. *Ibid.* F¹¹*, 1.

поводу одного ходатайства о выпускѣ хлѣба онъ собственноручно приписываетъ въ письмѣ къ интенданту Эльзаса, что разрѣшить вывезти хлѣбъ можно, „въ виду того, что хлѣба много и нѣтъ надобности быть особенно строгимъ въ поддержаніи запрещенія“ ¹⁾).

Запрещеніе вывоза застало хлѣбную торговлю врасплохъ; нѣкоторые купцы заключили сдѣлки на доставку хлѣба, приготовили партіи къ отправкѣ и теперь увидѣли всѣ свои расчеты разрушенными министерскимъ распоряженіемъ. Болѣе другихъ затронуты были интересы Бретани, которая больше всѣхъ вывозила хлѣба: нантскіе купцы, въ рукахъ которыхъ была отпускная торговля бретанскихъ хлѣбовъ и тѣхъ, которые сплавлялись по Луарѣ изъ Мэна, Анжу, части Орлеанэ, Оверни и Пуату, жаловались на запрещеніе вывоза, ссылаясь на іюльскій эдиктъ 1764 года. На это имъ отвѣчено было, что, такъ какъ разрѣшеніе вывоза изъ Нанта сдѣлано было путемъ простаго министерскаго предписанія, то и запрещеніе состоялось тѣмъ же порядкомъ ²⁾).

Иные купцы ходатайствовали о разрѣшеніи имъ вывезти определенное количество хлѣба, которое было уже продано раньше запрещенія вывоза. На всѣ подобныя ходатайства послѣдовалъ отказъ безъ всякаго вниманія къ тѣмъ убыткамъ, которые отъ этого несли потерпѣвшія отъ запрета лица. Сначала какъ будто думали о ихъ вознагражденіи. Когда купецъ С. Мало Blaise de Maisonneuve просилъ о разрѣшеніи ему вывезти въ Англію 110 тоннъ хлѣба, купленнаго имъ по порученію и приготовленнаго къ отправкѣ еще до изданія распоряженія о вывозѣ, ему, по порученію Нэккера, предложено было направить этотъ хлѣбъ въ Бордо и сказано было, что о могущихъ произойти отъ этого убыткахъ Нэккеръ доложить королю для того, чтобы его вознаградить. Блезъ де-Мэзонневъ такъ и сдѣлалъ. Когда онъ сообщилъ о совершенной операци и обратился съ просьбою о вознагражденіи, то получилъ въ отвѣтъ письмо, въ которомъ министръ его очень хвалилъ за то, что онъ направилъ въ Бордо грузы, предназначавшіеся въ Испанію (sic), но на счетъ вознагражденія отвѣчалъ отказомъ, „такъ какъ онъ не намѣренъ принимать продовольственныхъ мѣръ за

¹⁾ Письмо интенданту Эльзаса отъ 17-го апрѣля 1778 г., *ibid.*

²⁾ Письмо 15-го ноября 1777 года Монтарана интенданту, въ отвѣтъ на представленіе консуловъ Нанта, *ibid.*

счетъ короля“ ¹⁾). Послѣ этого случая другимъ купцамъ отказывали въ вывозѣ безъ всякихъ обѣщаній вознагражденія.

Нантскіе купцы *Hamars* и *Lameignère* ходатайствовали черезъ интенданта о разрѣшеніи вывезти въ Испанію 200 тоннъ пшеницы и 500 бочекъ муки. Отказъ (11-го октября).

Купецъ *Симонъ де-ла-Вигъ* ходатайствовалъ черезъ своего пріятели парижскаго банкира *Селона* (*Selons* или *Selous*. Не разобралъ) о разрѣшеніи вывезти 500 бочекъ муки даже не за границу, а въ *Гвіану*. Отказъ (24-го октября).

Нантскій купецъ *Данашъ* (*Danach*) просилъ выпустить въ Испанію 50 тоннъ пшеницы. Отказъ (24-го октября). Всѣмъ имъ рекомендовали послать хлѣбъ въ *Бордо* или *Байонну*.

Испанскій посоль, извѣстный *Пабло Аранда*, ходатайствовалъ о позволеніи городку *Azpetia* (въ *Гвипускоѣ*) вывезти изъ Франціи 600 тоннъ хлѣба, купленныхъ раньше запрета. Отказъ (1-го декабря 1777 года).

Испанскій консулъ *Пауло* просилъ о разрѣшеніи гаврскому купцу *La Lanne* отправить въ Испанію 20,000 кенталей хлѣба. Отказъ (15-го ноября).

Одинъ купецъ оказался въ этомъ отношеніи счастливецъ другихъ, потому что у него была сильная протекція. Эльзасскій купецъ *Виріо* (*Vigiot*) везъ 1,500 мѣшковъ пшеницы въ *Бернъ*. Запретъ засталъ его у самой границы въ *Бельфорѣ*. Обозъ арестовали. Онъ обратился къ заступничеству хранителя печатей, который написалъ *Нэккеру*, прося его разрѣшить выпускъ этой партіи. *Нэккеръ* любезно согласился исполнить эту просьбу и дѣйствительно далъ соотвѣтствующее приказаніе интенданту Эльзаса, объяснивъ ему, что этотъ хлѣбъ *Виріо* обязался доставить въ *Бернъ* еще до запрета вывоза. На этотъ разъ, однако, интендантъ не исполнилъ приказанія (20-го февраля 1778 г.). Только въ половинѣ мая *Виріо* получилъ разрѣшеніе вывезти изъ *Бельфора* хлѣбъ, да и то лишь 800 мѣшковъ ²⁾. Такимъ образомъ и этотъ счастливецъ все таки понесъ порядочный убытокъ.

¹⁾ Письма 8-го и 21-го октября, *ibid*. Во второмъ письмѣ имя купца изъ *Maisonpeuve* передѣлали въ *Mlaisenneuve*. Отговорка была неудачна, такъ какъ въ это время *Нэккеръ* уже принималъ продовольственныя мѣры за счетъ казны въ *Бордо* и *Монтобапѣ*.

²⁾ Письмо *Монтарана* отъ 13-го мая 1778 года. Всѣ перечисленные случаи относятся къ партіямъ хлѣба, купленнымъ за границу раньше запрета.

Бывали ходатайства вывезти муку или кукурузу съ обязательствомъ привезти изъ за границы равное количество пшеницы; но такія ходатайства тоже встрѣчали отказъ.

Только весною уже 1778 гсда Нэккеръ разрѣшилъ, по ходатайству виртембергскаго посла, выпустить 200 мѣшковъ ячменя изъ Эльзаса, мотивируя свое разрѣшеніе тѣмъ, что хлѣба много и что не надо быть очень строгимъ относительно соблюденія запрещенія вывоза ¹⁾.

При такомъ строгомъ отношеніи къ вывозу, которое мы только что видѣли, не удивительно, что малѣйшіе случаи хлѣбнаго вывоза, контрабанднаго или происходившаго по другимъ причинамъ, вызывали въ Нэккерѣ живѣйшее безпокойство. Случаи контрабанды хлѣба бывали.

Осенью 1778 года онъ обращаетъ на нихъ вниманіе интендантовъ Канна, Руана, Фландріи и Пикардій; въ январѣ 1778 года онъ обращаетъ вниманіе интенданта Дофинэ на то, что вывозятъ хлѣбъ въ Савойю по соглашенію съ таможенными чиновниками ²⁾. Бывалъ вывозъ муки, сдѣланной изъ ввезеннаго иностраннаго хлѣба; его допускали, не въ силу какого либо specialнаго разрѣшенія, а въ силу распространенія на муку правила, созданнаго іюльскимъ эдиктомъ 1764 года (§ 8), по которому ввезенный иностранный хлѣбъ могъ быть вывезенъ обратно въ теченіе опредѣленнаго срока. Бордо былъ въ обыкновенное время большимъ пунктомъ отправки крупчатой муки во французскія колоніи въ Америку: тамъ приготовляли для этого specialныя тополевыя бочки и умѣли укладывать въ нихъ муку такъ, чтобы она могла оставаться долгое время, не подвергаясь порчѣ и не боясь даже сырости. Говорили, что хорошо уложенная мука можетъ храниться долго, даже много лѣтъ ³⁾.

1) Бордоскіе купцы ходатайствовали о разрѣшеніи вывозить кукурузу съ обязательствомъ привезти равное количество пшеницы. 15-го ноября 1777 года имъ отказано. Командующій войсками въ Бордо ходатайствовалъ о позволеніи одному байонскому купцу вывезти 20 кент. муки съ обязательствомъ привезти столько же пшеницы. 16-го декабря 1777 года отказано. Удовлетвореніе ходатайства виртембергскаго посла о вывозѣ ячменя состоялось не сразу, благодаря сопротивленію интенданта Эльзаса. Хотя въ собственноручной припискѣ къ письму 17-го апрѣля 1778 г. Нэккеръ позволяетъ ему дать разрѣшеніе вывезти ячмень, тотъ его далъ только тогда, когда ему было 6-го мая рѣшительно предписано сдѣлать это. Arch Nat. F11* 1.

2) Письма 20 сентября и 29 декабря 1777 г. и 21-го января 1778 г., *ibid.*

3) „Journal Oeconomique“ 1758 года, іюньская книжка.

Въ Байонѣ тоже занимались вывозомъ муки. Поэтому въ бас сейнѣ Гаронны происходила переработка иностраннаго зерна на муку съ цѣлью обратнаго вывоза. Таможенныя вѣдомости доставляли въ генеральный контроль свѣдѣнія о вывозимой мукѣ какъ разъ изъ того района, о продовольствіи котораго Нэккеръ такъ хлопоталъ. „Кто позволилъ вывезти 200 кенталей муки?“ — спрашиваетъ онъ интенданта Бордо 15-го ноября. Но вывозъ продолжается. 20-го декабря 1777 года онъ спрашиваетъ директора таможеннаго округа въ Байонѣ, на какомъ основаніи выпущены въ Испанію 1080 кенталей муки, сдѣланной будто бы изъ иностраннаго зерна. 13-го января онъ повторяетъ вопросъ, съ большимъ безпокойствомъ указываетъ на повторяющіеся случаи вывоза и говоритъ, что „вотъ уже 3.000 к. вывезено“. Вывозъ былъ временно приостановленъ; но потомъ, когда директоръ откупа представилъ объясненіе установившейся практики, а интендантъ Оша разъяснилъ, что свободный вывозъ муки, сдѣланной изъ иностраннаго зерна, содѣйствуетъ приливу иностраннаго хлѣба, Нэккеръ успокоился и разрѣшилъ вывозъ муки на практиковавшихся до тѣхъ поръ основаніяхъ ¹⁾).

На юго-востокѣ Франціи были недоразумѣнія по поводу вывоза въ область Жексъ и въ Женеву. Жители Жекса, находившагося на положеніи области иностранной, имѣли право получать изъ Франціи тридцать шесть тысячъ *coupes* въ годъ. Въ 1777 году они взяли больше этого количества, воспользовавшись тѣмъ, что изъ Бургони вывозъ былъ остановленъ только 3-го февраля 1778 года. Этотъ вывозъ въ Жексъ очень безпокоитъ Нэккера. „Не злоупотребляютъ ли они этимъ вывозомъ? Не перепродаютъ ли они этотъ хлѣбъ въ Женеву? Вотъ интендантъ Франшъ-Конте разрѣшилъ жителямъ Жекса вывезти хлѣбъ по свидѣтельствамъ мѣстныхъ властей о томъ, что они нуждаются! Они этими свидѣтельствами торгуютъ, а хлѣбъ въ Женеву отправляютъ!“ Таковы были подозрѣнія Нэккера, которыя выражены въ письмахъ Монтарана. Наконецъ, онъ порѣшилъ, что интенданты Бургони и Франшъ-Конте могутъ выпускать въ Жексъ 36.000 *coupes*, но не сразу, а помѣсячно, — равными частями и только черезъ двѣ таможни Мизу и Лонжерэ, по 1,500 купъ въ мѣсяць черезъ каждую

1) Письма 15-го ноября и 29-го декабря 1777 года, 13-го, 27-го и 29-го января, 9-го февраля (вывозъ остановленъ), 10-го марта (вновь дозволенъ) и 20-го марта 1778 года, *ibid.*

таможню. По улаженіи этого затрудненія встрѣтилось другое. Таможенные чиновники стали требовать отъ купцовъ удостовѣренія о нуждѣ въ хлѣбѣ и относительно разрѣшеннаго къ отпуску количества и кромѣ того изъ отпуска 1778 года стали вычитать переборъ 1777 года. Пришлось снова писать разъясненія и инструкции, чтобы устранить эти нелѣпости. Контрабанда съ своей стороны тоже исправляла ущербъ, чинимый торговлѣ стѣсненіями таможенъ ¹⁾.

Вообще, во всѣхъ распоряженіяхъ о вывозѣ въ 1777 и 1778 году сквозить какая то нервная возбужденность, которая, очевидно, мѣшала Нэккеру хладнокровно взглянуть на положеніе дѣла и увидѣть его въ настоящемъ свѣтѣ. Неурожай не былъ ни на столько великъ, ни на столько всеобщъ, чтобы слѣдовало такъ бояться вывоза хлѣба даже туда, откуда сами старались его получить. Такъ, напримѣръ, строжайше слѣдили за вывозомъ въ Испанію, а сами, какъ увидимъ, просили оттуда хлѣба; съ опаской разрѣшили вывозъ во Фландрію, а хлопотали въ то же время получить хлѣбъ оттуда. Въ результатѣ оказалось весною 1778 года, что хлѣба лишняго много.

Мы не имѣемъ подробной переписки по хлѣбной части за послѣдующіе годы перваго министерства Нэккера; но мы знаемъ, что онъ не издавалъ на счетъ вывоза новыхъ постановленій, а ограничивался частными распоряженіями. Вывозъ то запрещался, то дозволялся. Онъ былъ не великъ. Съ 1780 по 1782 г. онъ не превосходилъ 200.000 сетье въ годъ ²⁾. Его ближайшій сотрудникъ Монтаранъ такъ характеризуетъ его хлѣбную политику въ докладѣ, поданномъ преемнику Нэккера, Жоли-де-Флери въ 1781 году: „до Нэккера существовало законодательство, которымъ условія вывоза, казалось, были предусмотрѣны; но затѣмъ почувствовали и испытывали неудобство сообразоваться въ точности съ этимъ законодательствомъ и незамѣтно приучили публику и даже суды обращаться

¹⁾ Письма 5-го декабря 1777 г., 10-го января, 3-го и 6-го февраля 1778 г. интенданту Бургони и 10-го и 25-го января и 6-го февраля 1778 года — интенданту Франшъ-Конте; письма 18-го и 22-го июня 1778 года таможенному откупу. Свойства мѣстности благоприятствовали контрабандѣ. Какъ видно изъ дѣла одного крестьянина, она боролась не безъ успѣха съ таможней. Этого крестьянина задержали съ возомъ хлѣба въ ста шагахъ отъ границы и конфисковали у него лошадь, повозку и хлѣбъ за предполагаемое намѣреніе вывезти хлѣбъ изъ Морэ (Morez). Онъ говорилъ, что везъ его на мельницу. Таможенные признавали, что хлѣбъ проходитъ тайно, особенно ночью, что весьма вѣроятно.

²⁾ „Biollay“ Pacte de Famine, p. 231.

къ благоразумію администраціи за позволеніемъ вывоза или относительно запрещенія его; правительство даетъ на этотъ предметъ только частныя распоряженія, скомбинированныя сообразно обстоятельствамъ“¹⁾). Подъ этими обстоятельствами, по словамъ Монтарана, Нэккеръ разумѣлъ не только степень удовлетворительности урожая во Франціи, но и дороговизну хлѣба за границей, если она давала поводъ опасаться слишкомъ большаго вывоза.

Къ концу министерства Нэккера вывозъ былъ разрѣшенъ изъ Пикардіи, женедалите Руана, изъ Бретани, Ларошели, Бордо, Оша, Руссильона, Лангдока (изъ послѣдняго только для Марсели), изъ Лоррени, Эльзаса и Меца; но вслѣдствіе войны съ Англіей вывозъ былъ, какъ мы сейчасъ видѣли, незначителенъ. Запрещеніе вывоза изъ Лангдока, Дофинэ и Бургундіи можетъ быть объяснено тѣмъ, что Провансъ по случаю войны не могъ продовольствоваться съ моря въ достаточной степени, а потому хлѣбъ названныхъ провинцій былъ удержанъ для его пропитанія.

КАБОТАЖЪ.

Мы видѣли выше, что при запрещеніи вывоза взоры правительства съ опасеніемъ обращались на транзитъ хлѣба черезъ Марсель. Мы видѣли также, что Тюрго устранилъ тѣ стѣсненія этого транзита, которыя были созданы при аббатѣ Террэ и продиктованы страхомъ, чтобы французскій хлѣбъ не ушелъ черезъ Марсель за границу. Въ сущности это опасеніе было не основательно, но оно держалось въ силу того, что въ министерствѣ не были достаточно знакомы съ мѣстными условіями, а потому давали вѣру довольно неправдоподобнымъ соображеніямъ.

Нэккеръ понималъ значеніе каботажа для циркуляціи хлѣба, а потому, стѣсняя вывозъ, онъ не стѣснялъ движенія хлѣба между портами; но на Марсель онъ смотрѣлъ подозрительно, находя, что тамъ очень развито мошенничество въ хлѣбной торговлѣ²⁾). Поэтому ему казалось, что дозволеніе хлѣбнаго транзита черезъ

1) Memoire de Montaran, présenté à M. Joly de Fleury en 1781. Arch. Nat. FII 265. „On a insensiblement habitué le public et les cours même à s'en rapporter pour la permission d'exporter, ou pour la prohibition à la prudence de l'administration, qui ne donne plus à cet égard que des ordres particuliers et combinés d'après les evenements“.

2) Письмо 16-го марта 1778 года по дѣлу дюнкирхевскихъ купцовъ Salchl и Rappard, отправившихъ хлѣбъ черезъ Марсель и Септемъ въ Провансъ. FII* 1.

Марсель представляет большія опасности. Тотчасъ послѣ остановки вывоза хлѣба посланъ былъ запросъ директору таможеннаго откупа въ Марсели на счетъ того, какъ слѣдуетъ понимать фразу: „en replissant les formalités anciennes et accoutumées“, находящуюся въ § 2 постановленія Совѣта 13-го сентября 1773 г., регулировавшаго провозъ хлѣба изъ Прованса въ Марсель. Директоръ таможни объяснилъ, что подъ этимъ разумѣются правила, изложенныя въ таможенномъ ордонансѣ 1687 г. (titre 2), и установившіяся на основаніи его таможенные порядки, коими предписывается, чтобы извозчики, доставляющіе хлѣбъ изъ Прованса въ Марсель, представляли въ Септемѣ декларацію рода и количества хлѣба и подвергали его досмотру таможенныхъ чиновниковъ ¹⁾. Давая эти объясненія, таможенный директоръ спрашивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ быть съ Марселею и съ эдиктами 12-го (13-го) сентября 1773 года и 14 января 1775 года (относительно транзита французскаго хлѣба черезъ Марсель и ввоза туда провансальскаго хлѣба). Ему приказано было сообразоваться съ этими эдиктами и посылать точныя вѣдомости ввоза хлѣба въ Провансъ и вывоза изъ него ²⁾. Но едва дано было это предписаніе, какъ въ генеральномъ контролѣ явилось безпокойство и на счетъ транзита и на счетъ вывоза хлѣба въ Марсель изъ Прованса. Въ письмѣ 25-го ноября 1777 года Монтаранъ сообщаетъ интенданту Де-Ла-Туру за вѣрное, что относительно транзита французскаго хлѣба черезъ Марсель въ 1775 и 1776 году практиковалось злоупотребленіе такого рода. Хлѣбные грузы, доставленные въ Марсель, тамъ и оставались вмѣсто того, чтобы идти въ Провансъ, для того же, чтобы очистить въ септемской таможнѣ обязательство доставить хлѣбъ въ Провансъ, подписанное въ портѣ отправленія, часть партіи путешествуетъ изъ Марсели въ Эксъ и обратно черезъ септемскую таможню, и такимъ образомъ получается удостовѣреніе, что вся партія провезена въ Провансъ. Убѣжденіе въ существованіи такого мошенничества причиняло Нэккеру сильное безпокойство, такъ что въ январѣ 1778 года онъ съ тревогою спрашиваетъ интенданта, не слѣдуетъ ли остановить вывозъ хлѣба изъ Прованса въ Марсель. Затѣмъ у него явилась мысль: не останавливая вы-

1) Письмо директора Марсельскаго таможеннаго округа. Помѣчено 11-го октября 1777 года, но навѣрно написано нѣсколько позже, ибо служить отвѣтомъ на запросъ отъ 11-го октября 1777 года. Arch. Nat. F¹¹ 224.

2) Письмо директора таможенъ отъ 8-го октября и отвѣтъ Нэккера 22-го октября 1777 года. Arch. Nat. F¹¹ 224.

воза изъ Прованса, установить правило, чтобы возчики, провезшіе хлѣбъ черезъ Септенъ, возвращаясь обратно, непременно имѣли удостовѣренія, что они дѣйствительно сдали хлѣбъ, провезенный въ Провансъ 1).

Очень можетъ быть, что эти опасенія и вызванные ими проекты получили бы практическое значеніе для марсельской и провансальской хлѣбной торговли, если бы мѣстный интендантъ Де-Ла-Туръ не употребилъ всѣхъ усилій, чтобы разсѣять неосновательные страхи министра. Онъ представилъ ему вѣдомость таможни, которая свидѣтельствовала, что вывозъ хлѣба изъ Прованса въ Марсель на столько ничтоженъ, что не составляетъ и десятой части потребленія Марсели, и что кромѣ того вывозъ изъ Прованса въ Марсель за сентябрь, октябрь и ноябрь 1776 года менѣе значителенъ, чѣмъ онъ былъ въ 1773 и 1774 годахъ за тотъ же періодъ времени, а въ ноябрѣ 1777 г. цифра вывоза увеличилась противъ 1776 г. весьма немного 2). Успокаивая министра на счетъ

1) Письма Монтарана 14 и 25 ноября 1777 г. Письмо Нэккера отъ 31 января 1778 г. Докладъ (Націон. собранію) о рѣшеніяхъ, принятыхъ по отношенію къ хлѣбной торговлѣ черезъ Марсель (1790 г). Arch. Nat. F¹¹* 1 и F¹¹ 224.

2) Вотъ эта таблица, дающая свѣдѣнія за каждыя полмѣсяца:

В р е м я.	Пшеница. Ввезенное въ Марсель количество въ кенталяхъ.	Рожь. количество въ кенталяхъ.	Эти двѣ таблицы составляютъ черновыя вѣдомости.
1773 г.			
Октября	1.743	13	}
1-я 1/2 ноября	2.650	—	
2-я „ ноября	2.994	—	
1-я „ декабря	3.540	3	
2-я „ декабря	2.261	—	
1774 г.	12.188	16	
1-я 1/2 сентября	1.672	—	
2-я „ сентября	1.871	—	
1-я „ октября	1.445	—	
2-я „ октября	3.513	—	
1776 г.	8.501	—	}
2-я 1/2 сентября	1.328	—	
1-я „ октября	1.532	—	
2-я „ октября	1.347	—	
1-я „ ноября	293	—	
1777 г.			}
1-я 1/2 ноября	725,50	—	
2-я „ ноября	1.191	—	Офіціальныя вѣдомости.

Arch. Nat. F¹¹ 224. Потребленіе Марсели въ 1790 г. опредѣляли въ 500.000 q. См. докладъ о рѣшеніяхъ, цитированный выше.

вывоза изъ Прованса, онъ пишетъ ему въ февралѣ 1778 года, что въ Марсели и такъ хлѣба довольно, что тамъ на складахъ его около 60.000 шаржъ, не считая того, что есть у мелкихъ торговцевъ (около 12.000 шаржъ), и что ужъ потому нечего опасаться вывоза хлѣба изъ Прованса, что прибывающій изъ-за границы хлѣбъ дешевле провансальскаго. Въ это время, добавляетъ онъ, обыкновенно заграничный хлѣбъ идетъ изъ Марсели въ Провансъ. Цѣны стоятъ умѣренныя какъ въ Марсели, такъ и въ Провансѣ. „Тревоги бить и принимать мѣры не надо; только напугаемъ всѣхъ, и всѣ станутъ жаться, дѣлать закупки, воздерживаться отъ продажъ, и цѣны поднимутся“ ¹⁾.

Относительно мошенничества въ транзитѣ Де-Ла-Туръ вошелъ въ сношеніе съ прокурорами провинціи (администраторы отъ провинціального собранія чиновъ) и представилъ ихъ мемуаръ Монтарану, сказавъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ ихъ соображенія. Они доказывали, что предполагаемый провозъ взадъ-впередъ черезъ септемскую таможеню одного и того же количества хлѣба невѣроятенъ. Для примѣра они указывали, что если бы изъ партіи въ 1.000 шаржъ взять 100 шаржъ, чтобы провезти ихъ взадъ-впередъ черезъ Септемъ десять разъ, то это обойдется 61 л. на шаржу. Во что же обойдутся, спрашивали они, тѣ 900 шаржъ, которыя хотятъ будто бы вывезти изъ Марсели за границу? Этотъ аргументъ былъ убѣдителенъ, ибо расходы составили бы болѣе 6 л. на шаржу, а при такомъ накладномъ расходѣ вывозъ за границу становился невыгоднымъ ²⁾.

Проектъ Нэккера обязать извозчиковъ представлять при обратномъ проѣздѣ удостовѣренія о сдачѣ хлѣба Де-Ла-Туръ считалъ непрактичнымъ, потому что въ случаѣ надобности эскские купцы всегда снабдятъ ихъ такими удостовѣреніями.

Эти возраженія интенданта, повидимому, убѣдили Нэккера и его ближайшаго сотрудника Монтарана, и потому марсельская хлѣбная торговля оставлена была на прежнемъ основаніи. Но тревога все таки не покидала ихъ. Видя по вѣдомостямъ, что изъ другихъ мѣстъ выдано на Септемъ больше обязательствъ, чѣмъ ихъ очищено въ этой таможенѣ, Монтаранъ сейчасъ плетъ мар-

¹⁾ Письмо Де-Ла-Тура Монтарану отъ 26-го февраля 1778 г. Arch. Nat. F¹¹ 224.

²⁾ Письмо Де-Ла-Тура отъ 18-го января 1778 года и мемуаръ при немъ. Arch. Nat. F¹¹ 224.

сельскому директору таможенъ запросъ: куда дѣвался хлѣбъ по этимъ обязательствамъ? Тревога была напрасною, такъ какъ по объясненію директора эти партіи еще не успѣли прибыть въ Марсель ¹⁾ и окажутся въ слѣдующихъ вѣдомостяхъ. Позже 1778 года не видно, чтобы генеральный контроль безпокоился о марсельскомъ хлѣбномъ транзитѣ; но таможенные не переставали подозрѣвать, что хлѣбъ провозится въ Провансъ лишь фиктивно. Въ 1782 году Сюдръ, контролеръ откупа въ Септемѣ, пишетъ (13-го декабря 1782 г.), что хлѣбъ, назначенный въ Эксъ, провозится оттуда обратно въ Марсель для вывоза въ Италію. Онъ поставилъ у каждыхъ воротъ Экса по чиновнику, но ничего изъ этого не вышло.

Относясь подозрительно къ марсельскому транзиту, Нэккеръ поддерживалъ его въ другихъ случаяхъ и старался отстранить тѣ затрудненія, которыя встрѣчались. Нѣкоторыя изъ нихъ были случайными. Вслѣдствіе готовившейся войны съ Англіей матросы

¹⁾ Письмо Монтарана директору марсельскихъ таможенъ отъ 10-го марта и отвѣты послѣдняго. При нихъ вѣдомость о прибывшихъ въ Марсель партіяхъ французскаго хлѣба:

Изъ какого мѣста?	Время от- правленія.	П р и б ы т і е.	Количество.	Родъ хлѣба.
Нанта	12-го декабря 1777 г.	15-го, 20-го и 25-го января 1778 г.	1,501,50 q.	пшеница.
Ларошели	25-го декабря 1777 г.	18-го, 26-го, 27-го и 30-го января 1778 г.	2,500 „	„
Нанта	12-го декабря 1777 г.	4-го и 13-го февраля 1778 г.	999 „	„
Ларошели	25-го декабря 1777 г.	21-го и 27-го февраля 1778 г.	1,500 „	„
Дюнкирхена	23-го января 1778 г.	26-го февраля 1778 г.	1,500 „	„

Какъ видно изъ этой вѣдомости, морская доставка не брала слишкомъ много времени. Даже изъ Дюнкирхена при благоприятныхъ условіяхъ хлѣбъ доходилъ въ мѣсяць. Мнѣ попалась накладная на 28 мѣшковъ муки, посланныхъ купцу Жюльену въ Марсель изъ Парижа „sous la garde de Dieu et conduite de M. Blanc voiturier“. Цѣна мѣшка (въ 325 ф. вѣсомъ) 24 l., фрахтъ тоже 24 l., да кромѣ того, возчику должны быть возмѣнены пошлины и *gagne-deniers des differentes douannes*. Накладная помѣчена въ Парижѣ 17-го ноября 1782 года, а въ Септемѣ копія съ нея снята по прибытіи подводы 13-го декабря 1782 года. Грузъ былъ въ пути 26 дней. Контролеръ септемской таможи задержалъ грузъ, подозрѣвая, что онъ идетъ за границу, и полагая, что изъ Парижа въ Марсель нельзя вывозить хлѣбъ. Arch. Nat. F¹¹ 224.

были забраны на военные суда, а это очень стѣснило каботажъ. Нэккеръ хлопоталъ передъ морскимъ министромъ Сартиномъ о возможномъ облегченіи въ этомъ отношеніи. Просьба его была уважена. Далѣе онъ хлопочеть, чтобы эмбарго, наложенное на французскія суда, было снято съ судовъ съ хлѣбомъ и чтобы для охраны каботажа на западномъ побережьѣ назначены были два фрегата ¹⁾. Мы не знаемъ о результатѣ этого послѣдняго ходатайства; что же касается освобожденія отъ эмбарго судовъ съ хлѣбомъ, то оно, повидимому, было сдѣлано.

Другія затрудненія произошли отъ продовольственныхъ мѣропріятій, предписанныхъ самимъ Нэккеромъ. Въ Бордо комиссіонеръ правительства Лаба-де-Сереннѣ (Labat-de-Serenne) съ помощью мѣстныхъ властей заставлялъ лодочниковъ брать партіи хлѣба, которыя ему надо было поднять вверхъ по Гароннѣ. Напуганные этими мѣрами, лодочники стали избѣгать Бордо и ближайшіе города, и купцы горько жаловались на стѣсненія, происходящія отсюда для каботажа ²⁾.

Наконецъ, затрудненія третьяго порядка происходили отъ причинъ постоянныхъ. Мы знаемъ, что Тюрго въ значительной степени упростилъ процедуру съ обязательствами на хлѣбные грузы, перевозимые изъ порта въ портъ. Но тѣмъ не менѣе затрудненіе сейчасъ же являлось, какъ только таможенные чиновники почему либо не хотѣли выдать квитанцію о выгрузкѣ груза. Формальныхъ же поводовъ у нихъ для этого было всегда довольно. Купецъ Жакъе и К^о изъ Нанта жаловался, что таможня въ Бордо не выдаетъ его прикащику квитанціи на доставленный грузъ. Переписка по этому поводу шла довольно долго ³⁾. Въ случаѣ аваріи эти затрудненія становились болѣе значительны, потому что иногда поднимался вопросъ о продажѣ подмоченнаго хлѣба не въ томъ портѣ, куда онъ назначался. Постановленіе закона Тюрго о каботажѣ, разрѣшавшее выгрузить хлѣбъ и не въ портѣ, обозначенномъ въ обязательствахъ, не всегда исполнялось ⁴⁾.

¹⁾ Письма Нэккера Сартину 27-го декабря 1777 г., 14-го февраля, 10-го марта и 17-го марта 1778 г. Arch Nat. F^{11*} 1.

²⁾ Письма Монтарана интенданту Бордо отъ 30-го ноября 1777 г. и 21-го декабря 1777 года, въ которыхъ онъ указываетъ послѣднему на эти факты. Ibid. F^{11*} 1.

³⁾ Письма Монтарана, начиная съ 13-го апрѣля 1778 г. Ibid.

⁴⁾ Дюкирхенскіе купцы Salchli и Rappard получили съ трудомъ, почти черезъ мѣсяцъ, разрѣшеніе продать въ Сеттѣ и Агдѣ—часть подмоченнаго

Судя, однако, по незначительному числу жалобъ и по благосклонному отношенію Нэккера къ хлѣбному каботажу, надо думать, что онъ былъ въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ при аббатѣ Террэ. Я говорю, конечно, о времени до начала войны съ Англійей.

ВНУТРЕННЯЯ ЦИРКУЛЯЦІЯ.

Нэккеръ признавалъ значеніе свободы внутренней циркуляціи хлѣба. Полезность ея стояла для него внѣ спора. Но онъ не признавалъ тѣсной зависимости, существующей между свободой циркуляціи и свободой купли-продажи хлѣба на рынкѣ и внѣ его. Признавая первую безъ ограниченій, онъ далеко не безусловно допускалъ вторую. Это противорѣчіе повело его на практикѣ къ тому же, къ чему приходили и сторонники регламентаціи.

Въ началѣ, послѣ своего вступленія въ министерство, онъ энергично поддерживаетъ свободу внутренней хлѣбной торговли. По случаю возвышенія цѣнъ въ юго-западной Франціи вслѣдствіе плохого урожая парламентъ По издалъ постановленіе, стѣснявшее хлѣбную торговлю и, судя по письму Монтарана, предписавшее приведеніе въ извѣстность всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ. По этому поводу Нэккеръ пишетъ интенданту Оша, предлагая ему „обезпечить за хлѣбной торговлей всю безопасность и свободу, въ коей она нуждается“. Про постановленіе парламента онъ говоритъ, что такія инквизиціи способны только возбудить тревогу и тѣмъ удалить отъ провинціи необходимую помощь. Когда владѣтельница мѣстечка Gogon ¹⁾ мадмуазель де-Байель (M-elle de-Bailleul dame de Gogon) захотѣла разграничить время покупки хлѣба на мѣстномъ рынкѣ между купцами и потребителями, онъ убѣждаетъ ее, что такое распредѣленіе времени никогда не приносило пользы потребителямъ, такъ что часто они дешевле покупали хлѣбъ на рынкѣ же черезъ купцовъ, чѣмъ сами. Онъ не совѣтуетъ ей стѣснять покупокъ, дѣлаемыхъ купцами на рынкѣ, въ томъ соображеніи,

хлѣба (50 шаржъ), а другую въ Марсели. Грузъ назначался въ Септемъ. Затрудненіе продать въ Марсели понятно, но не было надобности въ особомъ разрѣшеніи министра на продажу хлѣба въ другихъ городахъ, ибо мѣстныя власти не имѣли права запрещать это.

¹⁾ Въ департаментѣ Маншъ около Briqueville sur Mer, теперь поселокъ въ 40 жителей.

что, когда надо будетъ, то они же доставятъ хлѣбъ въ Горонъ ¹⁾).

Въ такомъ направленіи мыслей Нэккеръ продержался недолго. Уже въ концѣ сентября мы замѣчаемъ отступленіе. По поводу жалобы интенданта Монтобана на дороговизну онъ соглашается съ нимъ, что слѣдуетъ „принять мѣры“, но онъ еще находитъ неудобнымъ отмѣнить существующее законодательство, а потому совѣтуетъ интенданту войти въ соглашеніе съ генераль-прокуроромъ Тулузскаго парламента на счетъ выработки этихъ мѣръ и приказовъ (20 го сентября 1777 года). Нѣсколько дней позже у него уже исчезли сомнѣнія относительно неудобства отмѣны существующаго законодательства. Генераль-прокуроръ Тулузскаго парламента затруднился дать своимъ помощникамъ приказъ, противный предписаніямъ указа (Lettres Patentes) 2-го ноября 1774 г., регистрація котораго въ Тулузскомъ парламентѣ состоялась по его же требованію ²⁾). Нэккеръ допускалъ возможность такихъ затрудненій, но не соглашался отступить передъ ними, потому что, говорилъ онъ, „нельзя допустить (on ne peut cependant se persuader), что король когда либо имѣлъ въ виду поощрять спекуляціи, которыя не только не увеличиваютъ изобилія, но способны только вызвать недостатокъ хлѣба“. Онъ пишетъ поэтому интенданту Монтобана (8-го октября), что „король уполномачиваетъ его дѣйствовать сообразно своему благоразумію“ (prudence). Но, чтобы дѣйствія интенданта не встрѣтили препятствій въ юридическихъ сомнѣніяхъ Тулузскаго генераль-прокурора и его помощниковъ, Нэккеръ одновременно съ этимъ обратился къ хранителю печатей Мироменилю съ просьбой о содѣйствіи. Онъ пишетъ ему о необходимости не допускать купцовъ въ Монтобанѣ скупать хлѣбъ, ибо цѣна поднимается, не столько отъ недостатка хлѣба, сколько отъ захвата его купцами. „Операціи этихъ спекуляторовъ, говоритъ онъ,

¹⁾ Письмо Нэккера къ M-elle de-Bailleul 4-го августа 1777 года. Въ такомъ же духѣ онъ писалъ интенданту Бордо, жаловавшемуся (9-го сентября) на недостатокъ хлѣба. Онъ рекомендуетъ ему поддерживать хлѣбную торговлю. Письмо 16-го сентября 1777 г. Arch. Nat. F¹¹* 1.

²⁾ Нэккеръ пишетъ интенданту Монтобана 8-го октября 1777 года: „въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, генераль-прокуроръ Тулузскаго парламента, по требованію котораго состоялась регистрація указа 2-го ноября 1774 года, сопровождавшаго поставленіе совѣта 13-го предыдущаго сентября, затрудняется дать своимъ помощникамъ приказъ дѣйствовать противно предписаніямъ сего закона“... Ibid.

полезны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ во время большаго изобилія, но они очень вредны во время недостатка хлѣба“... „правда они могутъ сослаться въ свою пользу на содержаніе указа 2-го ноября 1774 года, даннаго къ постановленію Совѣта 13-го сентября 1774 года, и слѣдовало бы (il serait interressant) издать объяснительный законъ къ этому постановленію; но послѣдній долженъ быть редактированъ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ. Имѣя въ виду, что генералите Монтобанъ находится въ положеніи, требующемъ, чтобы фактически были отмѣнены (que l'on degoge par le fait) нѣкоторыя предписанія упомянутаго указа, и такъ какъ очень важно, чтобы интендантъ и чины полиціи генералите не встрѣтили препятствія мѣрамъ, которыя они найдутъ нужнымъ принять для снабженія рынковъ, я имѣю честь просить Васъ написать гг. президенту Тулузскаго парламента и генералъ-прокурору, чтобы они смотрѣли сквозь пальцы на то (qu'ils ferment les yeux), что будетъ дѣлаться въ этомъ отношеніи“... 1).

Миромениль, какъ извѣстно, не былъ изъ числа сторонниковъ реформъ Тюрго, а потому онъ сейчасъ же согласился послать требуемый циркуляръ 2).

Письма Нэккера интенданту Монтобана и хранителю печатей представляютъ собою точную характеристику его хлѣбной политики. Какъ въ вопросѣ о вывозѣ онъ не измѣнялъ законодательства, но фактически отмѣнялъ его и „пріучилъ незамѣтно публику и даже суды ссылаться лишь на благоразуміе администраціи“, такъ точно онъ дѣйствуетъ и по отношенію къ внутренней хлѣбной торговлѣ: разъ онъ встрѣчаетъ въ законѣ препятствіе приложенію своихъ взглядовъ, онъ фактически отмѣняетъ законъ и замѣняетъ его „благоразуміемъ администраціи“.

Когда интендантъ Оверни донесъ ему, что его очень стѣсняетъ въ его дѣйствіяхъ законъ 1774 года, Нэккеръ далъ ему тоже полную свободу дѣйствій. „Нельзя допустить, говоритъ онъ, что законодатель, имѣвшій въ виду этимъ постановленіемъ лишь поощрить свободную циркуляцію хлѣба, намѣревался бы разрѣшить злоупотребленія, могущія повлечь за собою недостатокъ хлѣба и нарушить общественное спокойствіе. Выборъ средствъ,

1) Письмо хранителю печатей 8-го октября 1777 г. Arch. Nat. F11* 1.

2) 11-го октября Монтаранъ сообщаетъ интенданту Монтобана, что хранитель печатей согласился дать инструкцію прокурорамъ, а 18-го октября онъ уже препровождаетъ ему копию циркуляра хранителя печатей прокурорамъ округа Тулузскаго парламента. Ibid.

чтобы съ успѣхомъ противиться тѣмъ, кто вздумалъ бы практиковать ихъ (злоупотребленія), непременно долженъ быть предоставленъ администратору“. (Письмо 11-го октября).

Результаты стѣсненій торговли, продиктованныхъ „благоразуміемъ администраціи“, не замедлили сказаться. Въ письмѣ 16-го ноября 1777 года интенданту Оша Монтаранъ горюетъ, что тамошніе купцы отказываются отъ хлѣбныхъ операций. На другой день онъ пишетъ интенданту Лангдока, что до свѣдѣнія Нэккера дошло, что „негоціанты, опасаясь стѣсненій отъ мѣропріятій министра, торопятся окончить дѣла, начатыя ими раньше, и, кажется, не хотятъ снова взяться за тѣ, которыя имъ рекомендуются обстоятельствами“.

Въ тотъ же день онъ пишетъ тулузской торговой палатѣ, завѣряя ее относительно сохраненія свободы ввоза и внутренней циркуляціи. Это завѣреніе было не вѣрно, потому что въ это время къ мѣрамъ относительно снабженія рынковъ въ сосѣднемъ Монтобанѣ присоединилась уже дѣятельность хлѣбныхъ комиссіонеровъ за счетъ правительства ¹⁾.

Мы видѣли выше, что рыночныя пошлины и связанныя съ ними права разныхъ должностныхъ лицъ признаны были при Тюрго подлежащими отмѣнѣ. Коммиссія, учрежденная для разборовъ документовъ свѣтскихъ и духовныхъ сеньеровъ и учреждений, имѣвшихъ право на сборъ рыночныхъ пошлинъ, должна была заняться ими для опредѣленія размѣра вознагражденія этихъ лицъ и учреждений за потерю этихъ правъ, такъ какъ послѣднія рѣшено было упразднить. При Нэккерѣ направленіе дѣятельности этой комиссіи измѣняется. Она занимается подтвержденіемъ правъ разныхъ лицъ и учреждений на сборъ рыночныхъ пошлинъ съ хлѣба и отмѣняетъ лишь тѣ, которыя не оправдывались годными документами ²⁾. О первоначальной цѣли законовъ 10-го августа 1768 и 13-го августа 1775 годовъ какъ будто забыто. Такое отношеніе комиссіи къ рыночнымъ пошлинамъ гармонировало со взглядомъ Нэккера на это дѣло. Какъ видно изъ его книги о

¹⁾ Письма Монтарана 16-го и 17-го ноября 1777 г. и письмо его интенданту Ошъ отъ 28-го октября 1777 г. относительно комиссіонеровъ. Arch. Nat. F¹² 1.

²⁾ Постановленія совѣта 7-го, 23-го и 26-го февраля 1777 года по дѣламъ о пошлинахъ архіепископа Р. ймса капитула Notre Dame de Semur en Azois и абатиссы и монахинь монастыря Nogent-l'Artault. Arch. Nat. A. D. XI, 39.

хлѣбной торговлѣ, онъ не считалъ нужнымъ отмѣнять рыночныхъ пошлинъ.

Между тѣмъ жизнь сама указывала на то, что отмѣна этихъ пошлинъ, а главное рыночныхъ порядковъ, съ ними связанныхъ, составляетъ необходимость. Дѣло о рынкѣ въ Греноблѣ служить на то хорошимъ указаніемъ. Парламентъ въ Греноблѣ призналъ за виконтессою де-Понъ (*M-me la vicontesse de-Pont*) право на взиманіе съ хлѣба пошлины (*leyde*) лейдъ на городскомъ рынкѣ¹⁾. Вслѣдствіе этого подводы съ хлѣбомъ стали останавливаться за городомъ, на эспланадѣ у французскихъ воротъ, и тамъ устроился импровизированный хлѣбный рынокъ. Это наносило ущербъ интересамъ виконтессы, но интендантъ, повидимому, былъ противъ этого налога и въ донесеніи Нэккеру о дѣлѣ указывалъ на то, что лейдъ подходитъ подъ категорію тѣхъ пошлинъ, которыя подлежатъ упраздненію. Но Нэккеръ посмотрѣлъ на дѣло иначе, онъ обратилъ вниманіе интенданта и генераль-адвоката на то, что парламентъ можетъ запретить собранія купцовъ за французскими воротами на томъ основаніи, что никакой рынокъ не можетъ открываться безъ королевскаго указа. Затѣмъ, когда мѣстные власти не рѣшились прекратить существованіе хлѣбнаго базара за французскими воротами, онъ послалъ имъ соответствующее постановленіе совѣта и порекомендовалъ интенданту для приведенія его въ дѣйствіе принять слѣдующую мѣру: взять у казеннаго поставщика хлѣбъ и поручить вѣрнымъ людямъ продавать его на рынкѣ съ уплатою „для примѣра“ пошлины лейдъ. „Онъ надѣется, что такія продажи заставятъ и хлѣботорговцевъ начать продажу на городскомъ рынкѣ“. Такая инструкція только парализовала энергію интенданта, а пущенные въ дѣло маневры привели къ нежелательнымъ результатамъ. По поводу пошлины въ пользу де-Понъ произошли въ Греноблѣ волненія. Нэккеръ обвиняетъ за нихъ интенданта, упрекая его за ошибки, и проситъ его „ради Бога употребить въ этомъ дѣлѣ все свое стараніе и усердіе“²⁾.

¹⁾ Такое названіе носили рыночныя пошлины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Франціи.

²⁾ Письмо интенданту Гренобля и генераль-адвокату парламента отъ 18-го августа и 9-го сентября 1777 г., *Lettres Patentes* о закрытіи торговли за городомъ 6-го сентября 1777 г. и письмо интенданту отъ 6-го и 25-го октября 1777 г. Интендантъ *Rajot de Marcheval*, а генераль-адвокатъ *Collaud de Salcette*. Парламентъ отказался издать запрещеніе продажи хлѣба на на французской эспланадѣ F11* 1.

Недостатокъ матеріала не позволяетъ намъ сказать, какія мѣры были принимаемы къ увѣковѣченію рыночныхъ пошлинъ въ другихъ городахъ.

Чтобы покончить съ мѣропріятіями Нэккера по внутренней хлѣбной торговлѣ, упомянемъ еще объ изданномъ имъ постановленіи совѣта 25-го іюня 1781 года. Въ виду опасенія, что крахмальщикъ, будучи въ то же время хлѣбнымъ торговцемъ, можетъ употреблять хорошую муку на выдѣлку крахмала, это постановленіе запрещаетъ крахмальщикамъ и ихъ женамъ или дѣтямъ, живущимъ вмѣстѣ съ ними, заниматься хлѣбной или мучной торговлей¹⁾. Это распоряженіе фактически отмѣняло декларацию 25-го мая 1763 года и постановленіе совѣта 13-го сентября 1774 года, которыя гласили: „il sera libre à toutes personnes, de quelque qualité et condition qu'elles soient, de faire ainsi que bon leur semblera le commerce des grains et des farines“...

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЯ МѢРЫ.

Неудовлетворительность урожая въ Гіени и въ женералите Оша и Монтобана были поводомъ принятія продовольственныхъ мѣръ. Нэккеръ отпустилъ интенданту Монтобана 100.000 л., чтобы онъ употребилъ ихъ черезъ купцовъ на доставку хлѣба въ его женералите. Равнымъ образомъ онъ разрѣшилъ и интенданту Бордо употребить коммиссіонеровъ для доставки хлѣба въ Гіень. Онъ отказывался, однако, самъ выбирать этихъ коммиссіонеровъ, потому что, говорить онъ, „если я заключу здѣсь договоръ съ какимъ либо коммиссіонеромъ, то это будетъ дурно истолковано, да и дѣло будетъ плохо управляемо, а ваши негоціанты будутъ напуганы этою конкуренціей“²⁾. Изъ этого письма видно, что Нэккеръ понималъ неудобства употребленія въ дѣло коммиссіонеровъ, но думалъ, повидимому, что эти неудобства исчезнутъ оттого, что коммиссіонеры будутъ выбраны на мѣстѣ интендантами. Въ этомъ отношеніи у него выходило разногласіе съ его ближайшимъ помощникомъ Монтараномъ. Послѣдній писалъ интенданту Оша слѣдующее интересное письмо по поводу системы продовольственныхъ мѣропріятій: „Я вамъ скажу, мой дорогой собратъ, что я много разъ говорилъ генераль-директору, что я никогда не допу-

¹⁾ Arch. Nat. A. D. XI, 40,

²⁾ Письмо 7-го октября 1777 г. интенданту Бордо. Arch. Nat. F¹¹* 1.

щу въ мою систему, чтобы король покупалъ и продавалъ хлѣбъ. Это самое вѣрное средство запугать нагоціантовъ и подвергнуться (s'exposer) расходамъ, которые и высчитать трудно; но я всегда съ большимъ рвеніемъ буду совѣтовать министру дѣлать жертвы, чтобы побуждать торговцевъ доставлять сѣбѣстныя припасы туда, гдѣ они нужны. Я думаю, что для торговли не существуетъ никакого недоступнаго мѣста; дѣло только въ томъ, чтобы соразмѣрить поощреніе съ рискомъ и съ расходами. На основаніи этихъ принциповъ поощреніе или премія, выдаваемая съ каждой мѣры хлѣба негоціантамъ, которые доставятъ его въ тѣ мѣста вашей провинціи, гдѣ онъ нуженъ, и опредѣленная сообразно риску и затрудненіямъ доставки, казалась бы мнѣ мѣрой самую простой и вѣрной¹⁾.

Интенданты Оша и Бордо послѣдовали совѣту Монтарана и употребили отпущенныя имъ средства на ввозныя преміи, а интендантъ Монтобана дѣйствовалъ черезъ коммиссіонеровъ²⁾.

Какъ тѣ, такъ и другія мѣры, принятія для продовольствія юго-запада Франціи, превысили дѣйствительную потребность. Недостатокъ хлѣба оказался далеко не такъ великъ, какъ это показалось Нэккеру. Между тѣмъ его стараніями привезено было не мало хлѣба изъ-за границы. Весною 1778 года оказалось, что привезенный хлѣбъ некуда дѣвать, и, конечно, прежде всего потерпѣла отъ этого казна. Въ маѣ мѣсяцѣ 1778 года Нэккеръ приказываетъ купцу Леру (Le Roux) въ Ажанѣ (Agen) отмѣнить дальнѣйшую доставку хлѣба на Гаронну и наличныя партіи продать въ Агдѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ письмѣ къ бордоскому интенданту онъ сѣтуетъ на то, что „много казеннаго хлѣба остается не проданнымъ“, и просить сказать, „нельзя ли этотъ хлѣбъ направить въ Ошъ или сдать поставщику флота или вообще сбыть куда нибудь“³⁾.

¹⁾ Письмо 28-го октября 1777 г. Arch. Nat. F¹¹* 1.

²⁾ 25-го ноября 1777 г. ордонансомъ интенданга Бордо назначены были преміи на доставку хлѣба изъ всякихъ портовъ, французскихъ и заграничныхъ, въ Бордо и другіе города Гіэни. Мѣра удалась. Сумма 22.000 л. выдана была 4 купцамъ. Вѣдомости ввезеннаго хлѣба называютъ заграничныя мѣста, откуда хлѣбъ былъ доставленъ: Амстердамъ, Гамбургъ, Данцигъ, С.-Доминго, Волга, С.-Петербургъ, Кенигсбергъ, Данія, Ростовъ и Архангельскъ. Inventaire des Arch. Depart. Gironde. С. №№ 1453 и 1454.

³⁾ Письма Нэккера 15-го мая и 6-го іюня 1778 г. Arch. Nat. F¹¹* 1.

ВВОЗЪ ХЛѢБА.

Продовольственные мѣры Наккера имѣли своимъ объектомъ, главнымъ образомъ, иностранный хлѣбъ. Ввозъ хлѣба при немъ, особенно во время второго министерства его, практиковался въ значительныхъ размѣрахъ. Прежде чѣмъ говорить о ввозѣ хлѣба при немъ, мы скажемъ объ условіяхъ, при которыхъ производился ввозъ хлѣба во Францію въ теченіе XVIII вѣка. До сихъ поръ мы не имѣли случая говорить объ этихъ условіяхъ.

Въ противоположность вывозу законодательство всегда разрешало ввозъ хлѣба какъ моремъ, такъ и сушей ¹⁾. Мнѣ не довелось встрѣтить ни одного запрещенія или даже ограниченія ввоза хлѣба. Нельзя сказать въ точности, взималась ли ввозная пошлина съ хлѣба во всѣхъ пунктахъ границы пяти большихъ откуповъ по тарифу 1664 года и позднѣйшихъ, или же она взималась только съ хлѣба, возимаго черезъ провинціи Мэнъ, Анжу и Thouars (сѣверная часть Пуату). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она взималась въ размѣрѣ 21 l. 10 s. за мюи пшеницы парижской мѣры и 21 за мюи ржи ²⁾. Какъ бы то ни было, это пошлина весьма незначительная, всего 4 s. и 2 d. съ сѣте (1 s. 9 d. съ кентала) пшеницы.

При вздорожаніи хлѣба, когда обыкновенно его освобождали отъ разныхъ проходныхъ пошлинъ, его освобождали и отъ ввозныхъ пошлинъ. Такъ, въ 1709 году и до 1-го октября 1710 г. ввозныя пошлины съ хлѣба были отмѣнены ³⁾.

Затѣмъ ввозныя пошлины были отмѣняемы въ 1713, 1724, 1739 и 1740 годахъ.

Декларация 26-го октября 1740 года освободила хлѣбъ отъ ввозныхъ пошлинъ до конца 1741 года; но потомъ эта льгота практиковалась до 1763 года вслѣдствіе „терпимости“ (*par tolé-*

1) Въ одномъ докладѣ о ввозѣ хлѣба, находящемся въ бумагахъ генераль-контроля, сказано: „Ввозъ хлѣба моремъ всегда былъ разрешенъ черезъ всѣ порты... ввозъ сушей былъ тоже всегда разрешенъ“, но на поляхъ сдѣлано примѣчаніе: „было ли до 1671 г. какое либо противное сему распоряженіе, неизвѣстно“. Arch. Nat. F¹¹. 223.

2) Savari, Dictionnaire de Commerce, t. I, p. 528; что касается ввозныхъ пошлинъ съ хлѣба, то онѣ вовсе не упомянуты въ тарифахъ, за исключеніемъ только хлѣба, возимаго черезъ провинціи Анжу, Мэнъ и Туаръ (Thouars).

3) Декларация 27-го апрѣля 1709 г., 26-го ноября 1709 г. и 11-го мая 1710 г. Arch. Nat. A. D. XI, 38.

ganse), какъ говоритъ законодатель въ постановленіи Совѣта 18-го сентября 1763 года, а скорѣе вслѣдствіе постановленія Совѣта 15-го октября 1742 г., которымъ это изъятіе было продолжено безъ опредѣленія срока ¹⁾).

Когда началось движеніе въ пользу поднятія французскаго земледѣлія, то одною изъ мѣръ для этой цѣли Бертенъ призналъ поощреніе производства муки высшихъ сортовъ посредствомъ назначенія ввозной пошлины на такъ называемую муку „minot“, подъ каковымъ названіемъ разумѣлась крупчатая мука, упаковывавшаяся обыкновенно въ кадушки или боченки (minot). „Въ видахъ поощренія отечественнаго производства муки minot, говорится во введеніи къ постановленію Совѣта 27-го марта 1763 г., для защиты ея отъ иностранной (конкуренціи)... постановляется наложить на крупчатую муку (farine de minot) ввозную пошлину въ 6s съ кенталя“ (14 s. и 4 d. съ сетье). Но въ то же время Бертенъ желалъ привлечь другіе сорта иностранной муки во французскіе порты, а поэтому въ томъ же постановленіи предоставляется иностранной мукѣ право беспошлиннаго склада и вывоза въ теченіе 6 мѣсяцевъ въ портахъ Калэ, Дюнкирхена, С. Валери, Дьеппа, Гавра, Руана, Гонфлера, Шербура, Кана, Гранвилля, Морлэ, С. Мало, Бреста, Ванна, Нанта, Ларошели, Бордо, Либурна, Байонны, Сетта, Марсели и Тулона ²⁾).

2-го января 1764 года къ пошлинѣ на муку прибавляется пошлина на низшіе сорта хлѣба: за овесъ 3s съ кенталя; за ячмень, гречу и маисъ 2 s. 6 d. съ кенталя; а затѣмъ извѣстный эдиктъ іюля 1764 года, разрѣшившій вывозъ хлѣба и регулировавшій его условія, ввелъ ввозную пошлину на пшеницу, въ размѣрѣ 1 % съ ея стоимости, и на рожь и проч. зерно въ размѣрѣ 3 %.

Этотъ эдиктъ имѣетъ въ виду также нѣкоторыми выгодами облегчить, на случай надобности, притокъ во Францію иностран-

1) Arch. Nat. A. D. XI, 39. Tarif de droits d'entrée et des sortie des cinq grosses fermes ordonnés être perçus par l'Edit de 1664 sur toutes les marchandises, augmenté des Notes et Observations sur les mutations des droits depuis le dit Tarif... Rouen, 1758. 280. T. I, p. 282.

2) Черезъ шесть мѣсяцевъ однако предписано было (18го сентября 1763 г.) взимать пошлину въ 6s съ кенталя со всякой иностранной муки; поводомъ этой мѣры было то обстоятельство, что пошлину стали взимать не со всякой крупчатой муки, а лишь съ той, которая приходила въ бочкахъ и боченкахъ, а упакованную иначе пропускали беспошлинно и тѣмъ обходили законъ. Arch. Nat. A. D. XI. 39.

наго хлѣба. Онъ разрѣшаетъ ввозить всякаго рода зерно и муку какъ французамъ, такъ и иностранцамъ, и при томъ на судахъ всѣхъ національностей. Кромѣ того, онъ предоставляетъ ввезенному хлѣбу право беспошлиннаго склада, пшеницѣ—въ теченіе года, а низшимъ сортамъ хлѣба—въ теченіе шести мѣсяцевъ. Въ теченіе этого періода они могли быть вывезены обратно за границу въ томъ же видѣ или въ видѣ муки безъ уплаты пошлины.

Опредѣленіе размѣра пошлины процентнымъ отношеніемъ оказалось неудобнымъ въ томъ отношеніи, что она возвышается вмѣстѣ съ увеличеніемъ дороговизны хлѣба, а потому скоро (7-го ноября 1764 г.) она была замѣнена пошлиной съ кенталя даннаго хлѣба, причеиъ была издана таблица хлѣбныхъ пошлинъ:

Пшеница	1 s. 3 d.	съ кенталя
Рожь, ячмень, суржикъ и проч.	2 s. 6 d.	" "
Овесъ	3 s.	" "
Мука ¹⁾	6 s.	" "

На самомъ дѣлѣ, однако, пошлина взималась въ нѣсколько большемъ размѣрѣ. Постановленіе Совѣта 7-го ноября 1764 г. ничего не говоритъ о добавочныхъ процентныхъ сборахъ, такъ называемыхъ „су съ ливра“; но таможни ихъ взимали такъ, что таблица пошлинъ получаетъ слѣдующій видъ (сборъ высчитанъ съ кенталя):

Установленная пошлина.	6 су съ ливра.	Всего.
Пшеница 1 s. 3 d.	+ 4 ¹ / ₂ d.	= 1 s. 7 ¹ / ₂ d.
Рожь, суржикъ, ячмень и пр. 2 s. 6 d.	+ 9 d.	= 3 s. 3 d.
Мука ²⁾ 6 s.	+ 1 s. 9 ³ / ₅ d.	= 7 s. 9 ³ / ₅ d.

Эти покровительственныя пошлины продержались недолго. Подъемъ цѣнъ въ 1768 году вызвалъ потребность въ иностранномъ хлѣбѣ, ввозъ котораго былъ значителенъ. Правительство нашло, что „пошлины, установленныя эдиктомъ іюля 1764 г., оказываютъ вредъ купцамъ и народу“, и, „желая оказать подданнымъ

¹⁾ Arch. Nat. A. D. 39 и F¹¹ 223.

²⁾ Въ бумагахъ генеральнаго контроля. Arch. Nat. F¹¹ 223. „Dispositions des reglements concernant la traite des grains“. Составитель экстракта говорить на основаніи таможенныхъ вѣдомостей. Изъ сдѣланныхъ имъ выписокъ изъ вѣдомостей видно, что добавочный сборъ не вездѣ взимался въ одинаковомъ размѣрѣ. Въ Эльзасѣ, на примѣръ, взимались 2 sou pour livre только.

помощь, которую может принести торговля, и предоставить имъ пользоваться выгодами, могущими произойти для нихъ отъ свободы ея“, оно постановленіемъ 19-го сентября 1768 года отмѣнило пошлины и вмѣсто нихъ приказало взимать съ ввозимыхъ зерна и муки столько же, какъ и съ вывозимыхъ ¹⁾. Этимъ распоряженіемъ ввозныя пошлины были значительно понижены, такъ что новый тарифъ ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Пшеница	7½ d.	+ 2¼ d.	= 9¾ d.	съ кенталя
Суржикъ и рожь	5 d.	+ 1½ d.	= 6½ d.	” ”
Овесъ	6 d.	+ 1¼ d.	= 7¼ d.	” ”
Ячмень, греча, ма- исъ и проч.	5 d.	+ 1½ d.	= 6½ d.	” ”
Мука ²⁾	1 s.	+ 3¾ d.	= 1 s. 3¾ d.	” ”

Послѣ 19-го сентября и 31-го октября 1768 года не было измѣненій ввозныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ мы можемъ отмѣтить въ ихъ исторіи 4 періода: первый до 1740 года, когда онѣ взимались, повидимому, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ весьма незначительномъ размѣрѣ, при чемъ дѣлались временами полныя изъятія; второй періодъ до 1764 года, когда никакихъ ввозныхъ пошлинъ не было; третій—съ 1764 по 1768 годъ, когда были установлены покровительственныя пошлины, и четвертый—до конца стараго порядка, когда ввозныя пошлины имѣли значеніе развѣ только для учета ввоза.

У меня не было данныхъ для опредѣленія величины ввоза хлѣба во Францію. Рубо говоритъ, что „съ тѣхъ поръ какъ намъ запрещено продавать хлѣбъ, мы его покупаемъ въ Англіи на довольно значительныя суммы, на 10—11 милліоновъ въ 1748, 1749 и 1750 годахъ, а 13 милліоновъ ливровъ въ 1740 году“ ³⁾. Но эти цифры не выражаютъ собою нормальнаго хода дѣла, потому что мы знаемъ, что въ 1740 году былъ сильный неурожай и правительство поручало покупку и доставку хлѣба изъ-за границы за

¹⁾ Arch. Nat. F¹¹ 223.

²⁾ Въ постановленіи Совѣта 31-го октября 1768 г. сказано, что хлѣба ввозятся, не платя другой пошлины, кромѣ 7½ d., согласно постановленію 19-го сентября 1768 г. Но нельзя сказать, чтобы эта цифра была признана относящеюся ко всѣмъ сортамъ хлѣба. Въ бумагахъ генеральнаго коитроя мы имѣемъ указаніе, что пошлина взималась съ дополнительнымъ сборомъ. F¹¹ 223.

³⁾ R o u b a u d, Représentations aux magistrats, d'Arch. p. 217.

счетъ казны; въ 1748 и 1749 годахъ цѣны были особенно высоки; въ 1750 г. вслѣдствіе дороговизны, вызванной спекуляціями поставщиковъ военныхъ этаповъ при плохомъ урожаѣ, казна озаботилась о ввозѣ. Машо купилъ за счетъ правительства 200 тысячъ кенталей хлѣба, привезеннаго изъ-за границы ¹⁾). На основаніи многихъ соображеній можно думать, что вообще нормальный ввозъ хлѣба во Францію средствами торговли былъ не великъ. Прежде всего цѣны хлѣба во Франціи не были благопріятны для сильнаго ввоза. Съ 1716 года по 1768 годъ стояли невысокія цѣны, только въ 1725, 1726 и 1741 гг. средняя годовая цѣна сѣтѣ хлѣба была выше (двадцати пяти) 25 ливровъ и была выше 20 за сѣтѣ въ 1724, 1740, 1742, 1752 и 1757 годахъ ²⁾).

При такомъ условіи большого ввоза не могло быть ни изъ Англіи, ни изъ Данцига, черезъ посредство Голландіи. Мы видимъ, что до 1764 года ввозимый во Францію хлѣбъ не пользуется безпошлиннымъ складомъ и правомъ обратнаго вывоза. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ порядками внутренней торговли, не было поощрительно для ввозителей хлѣба. Наконецъ, мы видимъ, что при всякомъ повышеніи цѣнъ хлѣба правительство беретъ за ввозъ его и дѣлаетъ это по необходимости. Мы не говоримъ здѣсь о Марсели, хлѣбная торговля которой стояла въ исключительномъ положеніи. Тамошніе купцы знали, гдѣ и какъ достать хлѣбъ, и имѣли постоянныя сношенія по этой части. Но въ другихъ городахъ, особенно сѣверныхъ, дѣло стояло иначе. Въ Руанѣ во время голодовки 1693 года изъ 15 самыхъ значительныхъ негоціантовъ только пятеро согласились, по предложенію интенданта, доставить хлѣбъ съ сѣвера, а остальные отозвались незнаніемъ торговли съ сѣверомъ. Въ то же время въ компаніи, которую удалось соста-

1) Arch Nat. A. D. XI. 39; Biollay, Pacte de Famine, p. 67.

2) Arnould. De la balance du Commerce et des relations commerciales etc. Paris. 1795, 2 vol. in. 8°. Цѣны до 1764 г. взяты имъ у Messance'a, а послѣднія изъ вѣдомостей Парижскихъ мѣрщиковъ. Эти цѣны нѣсколько ниже дѣйствительныхъ среднихъ цѣнъ для всей Франціи. Если мы возьмемъ цѣны Гарнье, таблица которыхъ имъ приложена къ изданію 1860 г. перевода сочиненія Адама Смита (о богатствѣ), то увидимъ, что выше 25 fr. (на теперешнюю монету) за гектолитръ цѣна стояла въ 1725, 1726, 1740 и 1741 г., а выше 20 fr. за гектолитръ была въ 1724, 1739, 1755, 1757 и 1767 годахъ. У него показана цѣна въ 51 fr. 99 c. за гектол. для 1756 г., но это, вѣроятно. опечатка вмѣсто 15 fr. 99 c., ибо и у Арну и у Мессанса въ этомъ году показана цѣна 16 l. 3 s. 9 d. за сѣтѣ, что составитъ на теперешнюю монету 16 fr. 51 c. за сѣтѣ (что составляетъ за гектолитръ 10 fr. 58 c.).

вить купцу Лежандру изъ тринадцати руанскихъ негоціантовъ для доставки хлѣба изъ Балтійскаго моря, было только пять хлѣботорговцевъ ¹⁾. Много лѣтъ спустя, въ 1768 г. невѣдѣніе купцовъ по части данцигской и кенигсбергской торговли не уменьшилось, если не увеличилось. Аббатъ Рубо изъ Гродно поучалъ ихъ, указывая, къ кому слѣдуетъ обратиться въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ, почему хлѣбъ и что стоитъ фрахтъ до Руана или Гавра ²⁾.

Всѣ эти обстоятельства дали намъ основаніе сказать, что ввозъ хлѣба во Францію былъ обыкновенно незначителенъ. Если и принять, что ввозъ его на 10—11 милліоновъ ливровъ въ годъ, показанный Рубо для 1748, 1749 и 1750 годовъ, былъ близокъ къ среднему, то этого количества было слишкомъ мало въ случаѣ недорода. Между тѣмъ, благодаря только что указаннымъ условіямъ, ввозъ хлѣба не могъ быть эластичнымъ, расширяться и сжиматься сообразно потребности. Вслѣдствіе этого для увеличенія его правительство прибѣгло къ экстреннымъ мѣрамъ въ видѣ назначенія особыхъ комиссіонеровъ, которымъ поручалась покупка хлѣба за границей и доставка его въ извѣстные пункты страны на казенныя деньги. Такія мѣры мы встрѣчаемъ въ 1709 и 1710 годахъ, потомъ во времена Машо, аббата Террэ и Нэкера ³⁾.

Другою мѣрой увеличенія ввоза хлѣба было поощреніе частной предпріимчивости посредствомъ ввозныхъ премій. Въ первый разъ съ ввозными преміями мы встрѣчаемся въ 1768 году. Когда стали подниматься цѣны на хлѣбъ вслѣдствіе посредственнаго урожая 1767 года и плохого урожая 1768 года правительство, какъ мы видѣли, 19-го сентября 1768 года понизило ввозныя пошлины на всѣ сорта хлѣба. Но эта мѣра оказалась недостаточною. 31-го октября того же года оно издало новое постановленіе Совѣта, которымъ, сохраняя ввозныя пошлины, назначало ввозныя преміи на разные сорта хлѣба и поставило высоту ихъ въ зависимость

¹⁾ Arch. Nat. G⁷. 1632. Донесенія интенданта Руана 1-го и 15-го октября 1693 г.

²⁾ Правда, что въ „Journal de Commerce“ печатались одно время въ 50-хъ годахъ голландскіе, данцигскіе и кенигсбергскіе цѣны и фрахты; но эта затѣя не имѣла ни значенія, ни успѣха.

³⁾ Переписка интендантовъ съ генераль-контролеромъ въ 1709 и 1710 годахъ. Arch Nat. G⁷. 1630 — 1658; также у Біоллэ въ его Pacte de Famine, главы II, III и VIII.

отъ времени ввоза. Премія разсчитана была на кенталь ввезеннаго въ порты Франціи хлѣба въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Пшеница	Рожь.	Ячмень и др. сорта хлѣба.
1. Съ 1-го ноября 1768 г. по 1-е февраля 1769 г.	12 s. 6 d.	8 s. 4 d.	4 s. 2 d.
2. Съ 1-го февраля по 1-е ап- рѣля 1769 г.	8 " 4 "	6 " 8 "	3 " 4 "
3. Съ 1-го апрѣля по 1-е июня 1769 г.	4 " 2 "	3 " 4 "	1 " 8 "

Лицамъ, получившимъ премію за ввезенный хлѣбъ, позволялось вывезти его обратно за границу или перевезти въ другой французскій портъ по предварительномъ возвращеніи полученной преміи. Кромѣ того, иностранные корабли, привезшіе хлѣбъ, освобождались отъ ластоваго сбора до 1-го іюля 1769 года ¹⁾.

Мы не знаемъ, какіе практическіе результаты принесли предоставленныя ввозу хлѣба льготы; но надо полагать, что онѣ оказали свое дѣйствіе, такъ какъ мы знаемъ, что аналогичныя съ ними поощренія, оказанныя хлѣбной торговлѣ Тюрго, когда онъ былъ интендантомъ, увѣнчались успѣхомъ. Только въ одномъ декабрѣ 1770 года привезено было въ Бордо 1.655,885 фунтовъ пшеницы и суржика и 1.395,420 фунтовъ ржи ²⁾.

Когда Тюрго сдѣлался министромъ, онъ прибѣгъ къ ввознымъ преміямъ во время дороговизны 1775 года. Постановленіемъ совѣта 25-го апрѣля 1775 года назначены были ввозныя преміи за хлѣбъ, доставленный въ королевство, и, кромѣ того, за доставку его въ Парижъ и Ліонъ. За хлѣбъ, ввезенный изъ-за границы въ порты Франціи, назначена была премія въ 18 су за кенталь пшеницы и 12 су за кенталь ржи. За хлѣбъ, привезенный въ Парижъ непосредственно изъ-за границы или доставленный туда изъ какого либо порта Франціи, платилось 20 су за кенталь пшеницы и 12 су за кенталь ржи сверхъ привозной преміи; за таковой же хлѣбъ, доставленный въ Ліонъ,— 25 су за кенталь пшеницы и 15 су за кен-

¹⁾ Arch. Nat. F¹¹, 224. Бумаги генеральнаго контроля о хлѣбной торговлѣ въ концѣ царствованія Людовика XV.

²⁾ Ibid. Тюрго не давалъ премій, а давалъ безпроцентныя ссуды купцамъ и городамъ на покупку хлѣба и поручалъ его покупку на комиссіонномъ началѣ. За 1770 годъ доставлено было 47,285 сетье лиможскихъ, не считая хлѣба, доставленнаго купцами безъ авансовъ. Отчетъ Тюрго объ операціяхъ, относящихся къ неурожаю. *Oeuvres de Turgot*, t. 11, p. 72.

таль ржи. Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ было издано 8-го мая другое, которымъ устанавливалась премія за ввозъ хлѣба сухопутьемъ въ Эльзась, Лотарингію и Три Епископства въ размѣрѣ 15 су за кенталь пшеницы и 12 су за кенталь ржи.

Не смотря на заботы правительства о поощреніи ввоза различными льготами, послѣдній все таки встрѣчалъ затрудненія со стороны мѣстныхъ учреждений и регламентовъ по хлѣбной торговлѣ, которые, какъ мы не разъ уже замѣтили, нерѣдко парализовали общія мѣропріятія правительства. Такъ, когда одинъ діепскій негоціантъ Жанъ выписалъ въ 1768 году хлѣбъ изъ за границы, онъ натолкнулся на недоброжелательство мѣстной корпораціи привилегированныхъ хлѣботорговцевъ. Они сначала предложили ему довольно высокую цѣну, лишь бы онъ продалъ имъ прибывшую партію, когда же онъ не согласился на это, то они сильно понизили цѣну и продавали хлѣбъ себѣ въ убытокъ, лишь бы проучить его ¹⁾.

Въ 1775 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, пришелъ въ Ларошель изъ за границы хлѣбъ купца Ришмона (Richemont), оказавшійся подмоченнымъ. Мѣстная полиція устроила визитацію этого груза и обязала грузовладѣльца не продавать его въ теченіе 15 дней и подвергать его въ это время перелопачиванію. По истеченіи 15 дней предполагалась новая визитація, которая и должна была рѣшить, можетъ ли этотъ хлѣбъ быть пущенъ въ продажу. А между тѣмъ, по обычаю существовавшимъ въ сѣверныхъ портахъ, страховая премія по случаю аварій выдавалась только тогда, когда грузъ проданъ ²⁾. Прошелъ почти мѣсяцъ, пока это распоряженіе полиціи было отмѣнено постановленіемъ королевскаго совѣта. Такія и подобныя затрудненія въ значительной степени парализовали дѣйствіе премій.

При Нэккерѣ выдача премій практиковалась; но онъ самъ болѣе склонялся къ порученію ввоза хлѣба комиссіонерамъ, тогда какъ помощникъ его Монтаранъ стоялъ за выдачу премій ³⁾. По свойству своихъ отношеній къ частной хлѣбной торговлѣ Нэккеръ не могъ ограничиться одной выдачей премій. Мы видѣли, что онъ считалъ дѣятельность купцовъ во время дороговизны вредною;

¹⁾ R o u b a u d, Représentations p 99.

²⁾ Arch. Nat. A. D. XI, 39. Это распоряженіе полиціи было отмѣнено постановленіемъ совѣта, 7-го апрѣля 1775 г.

³⁾ Цитированное выше (стр. 373) письмо Монтарана интенданту Оша, отъ 28-го октября 1777 г.

этотъ взглядъ давалъ просторъ мѣстнымъ властямъ въ стѣсненіяхъ, которымъ они склонны были подвергать хлѣбную торговлю, а это не могло не отражаться вредно и на ввозѣ и парализовать вліяніе премій.

Нэkkerъ желалъ знать въ точности положеніе ввоза, а потому вскорѣ, по своемъ вступленіи въ должность, онъ потребовалъ отъ таможеннаго откупа, чтобы въ генеральный контроль доставляемы были ежемѣсячно вѣдомости ввезеннаго хлѣба (циркуляръ 12-го августа 1777 года). Такъ какъ неурожай въ 1777 году постигъ, главнымъ образомъ, юго-западъ Франціи, то по совѣту Монтарана интендантъ Бордо, извѣстный Дюпре де С. Моръ, своимъ ордонансомъ назначилъ ввозныя преміи за хлѣбъ, изъ какихъ бы портовъ таковой ни былъ доставленъ въ Бордо. Онъ истратилъ на это дѣло 22.000 ливровъ, что указываетъ, что мѣра удалась, хотя купцовъ, занявшихся этимъ дѣломъ, было всего четверо¹⁾. Кромѣ того, самъ Нэkkerъ употреблялъ разныя мѣры для привлеченія хлѣба во Францію. Черезъ министра иностранныхъ дѣлъ Вержена онъ ходатайствовалъ передъ Австріей о выпускѣ для юго-западной Франціи 30—40 тысячъ сѣте пшеницы изъ австрійской Фландріи. Разрѣшеніе получено было, и то съ трудомъ, на 20—30 тысячъ сѣте²⁾. О томъ же онъ ходатайствовалъ передъ Испаніей и получилъ разрѣшеніе на 20,000 cahis³⁾, а также и передъ папскимъ правительствомъ объ отпускѣ хлѣба изъ Церковной области. Отвѣчая Верженю на его сообщеніе объ этомъ разрѣшеніи, Нэkkerъ замѣчаетъ, что, по всей вѣроятности, имъ воспользоваться не прійдется, такъ какъ хлѣба достаточно⁴⁾.

Съ конца февраля 1778 года Нэkkerъ освободилъ корабли съ хлѣбомъ, ввозимымъ изъ-за границы въ Бордо и другіе юго-запад-

1) Inventaire des archives depart. Gironde. С. 1453, 1454. Вѣдомости, цитируемыя въ инвентарѣ, кромѣ французскихъ портовъ, называютъ слѣдующія мѣста, изъ которыхъ былъ привезенъ хлѣбъ: Амстердамъ, Архангельскъ, Волга, Гамбургъ, Голландія, Данія, Данцигъ, С. Доминго, Кенигсбергъ, Петербургъ и Ростокъ. Подъ № 1462 той же серіи С помѣщена переписка С. Мора съ Нэkkerомъ по поводу неурожая 1777—1778 г.

2) Письмо Нэккера Верженю 3-го февраля 1778 года. Arch. Nat. F¹¹, 1.

3) Письмо 11-го апрѣля и 22-го мая 1778 года, *ibid.*—Cahis, или caffis, испанская мѣра хлѣба равна 381 ф. тагс, или 1,58 сѣте парижскаго; см. S a v a r i, Dictionnaire, t. 1, стр. 729. По расчету африканской компаніи caffis Алжира равнялось 1½ шаржамъ марсельскимъ. Arch. Nat. G¹, 1648.

4) Письмо Верженю отъ 8-го мая 1778 г., *ibid.*

ные и южные порты, отъ ластоваго сбора, а въ половинѣ марта назначилъ премію въ 30 су на буассо хлѣба, ввозимаго въ Бордо, и подтвердилъ свободу отъ ластоваго сбора кораблей, приходящихъ съ хлѣбомъ въ Агдъ и Нувелль (для Лангдока) ¹⁾.

Льготы, предоставленныя ввозному хлѣбу, недостаточно были извѣстны. Такъ, изъ письма Монтарана дюнкирхенскому купцу Девину (Devines) отъ 10-го марта видно, что послѣдній ничего не зналъ объ освобожденіи кораблей съ хлѣбомъ отъ ластоваго сбора. Съ другой стороны и портовые власти дѣлали затрудненія, препятствуя иностраннымъ судамъ выгружать хлѣбъ. Въ письмѣ отъ 4-го марта къ морскому министру Сартину Нэккеръ жалуется на то, что портовые власти въ Нантѣ не даютъ практики иностраннымъ судамъ ²⁾. Эти условія, а также и слабость развитія хлѣбной торговли были причиной того, что предоставленныя ввозу хлѣба льготы не вполнѣ достигали желательнаго результата. Къ тому же, какъ мы знаемъ, Нэккеръ не считалъ частной хлѣбной торговли способною удовлетворить потребности публики во время дороговизны. Вслѣдствіе этого мы видѣли, что, кромѣ премій и освобожденія отъ пошлинъ, Нэккеръ поручалъ покупку хлѣба за границей за счетъ казны, выдавая на это значительные авансы. Уже въ началѣ марта 1778 года имъ было выдано купцамъ болѣе 2 миллионъ ливровъ авансовъ на приобрѣтеніе хлѣба на сѣверѣ ³⁾.

Размѣры недостачи хлѣба были, какъ мы видѣли выше, опредѣлены преувеличенно, а потому какъ строгости по части запрещенія вывоза хлѣба оказались излишними, такъ и закупленныя за границую партіи хлѣба не находили помѣщенія. Въ письмѣ отъ 6-го мая 1778 года къ интенданту Бордо Нэккеръ жалуется, что много хлѣба не продано, и проситъ его совѣта, куда бы его сбыть. Нѣсколькими днями позже онъ пишетъ купцу Леру (Le Roux) въ Ажанѣ (Agen), комиссіонеру казны, и приказываетъ ему прекратить дальнѣйшую доставку хлѣба на Гаронну, а остающійся у него на рукахъ хлѣбъ продать въ Агдѣ ⁴⁾.

Подводя итоги дѣятельности Нэккера въ области хлѣбной

1) Премія въ 30 су на бордоское буассо составляетъ 60 су на сетье парижской мѣры или 25 су на кенталь. Это весьма значительная премія.

2) Письмо къ Devines'у отъ 10-го марта 1778 года и къ Сартину 4-го марта 1778 г. Arch. Nat. F¹¹*, 1.

3) Письмо Нэккера къ маршалу Муши отъ 9-го марта 1778 г., *ibid.*

4) Письма 6-го мая 1778 г. къ Дюпре де С. Мору и письмо 15-го мая къ купцу Леру.

торговли во время перваго его министерства, мы видимъ, что въ отношеніи внѣшней торговли онъ снова ввелъ въ практику ту боязнь вывоза хлѣба, которою руководствовались французскіе государственные дѣятели въ теченіи почти всего XVIII столѣтія и отъ которой какъ они, такъ и общественное мнѣніе стали освобождаться подъ влияніемъ ученія физиократовъ. Поддавшись страху вывоза хлѣба, онъ остановилъ его тогда, когда въ сущности необходимости въ томъ не представлялось. Поощряя, напротивъ, ввозъ хлѣба, онъ и тутъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что купецъ вслѣдствіе своей склонности къ наживѣ способенъ только приносить вредъ своими спекуляціями, а потому онъ не поощряетъ частной предпримчивости, а дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, при помощи комиссіонеровъ, то есть, возвращается къ практикѣ аббата Террэ, хотя и ведетъ эти операціи въ меньшихъ размѣрахъ и не возводитъ ихъ въ систему. Но, взявшись за опредѣленіе степени нужды въ хлѣбѣ и за соотвѣтственное развитіе продовольственныхъ мѣръ, Нэккеръ ошибся въ расчетахъ и приобрѣлъ хлѣба больше, чѣмъ требовалось. И это произошло не только вслѣдствіе недостатка точныхъ данныхъ, но и въ силу его мѣропріятій. Последнія, пугая купцовъ и публику, заставляли хлѣбъ прятаться и такимъ образомъ искажали въ худшую сторону истинное положеніе дѣла. Въ отношеніи внутренней циркуляціи Нэккеръ считалъ себя сторонникомъ свободы, но такъ какъ онъ ограничивался лишь признаніемъ свободы процесса передвиженія хлѣба по дорогамъ, а не перехода его изъ рукъ въ руки, то на практикѣ онъ стѣснилъ и внутреннюю хлѣбную торговлю. Существенный же результатъ его дѣятельности заключается въ томъ, что онъ распаталъ законодательство о хлѣбной торговлѣ. Онъ не отмѣнилъ новыхъ законовъ, не возстановилъ старыхъ, но на практикѣ поставилъ „мудрость администраціи“ выше закона. Не окрѣпнувшее новое законодательство было подорвано, въ умахъ установилась путаница, и мѣстнымъ властямъ открытъ былъ широкій просторъ дѣйствовать по усмотрѣнію, а послѣднее, какъ мы знаемъ, склонялось въ пользу рутины. Такимъ образомъ, дѣятельность Нэккера снова задержала освобожденіе хлѣбной торговли послѣ реформъ Тюрго.

Д е - К а л о н н ъ .

Во время министерства де-Калонна вопросы, относящіеся къ хлѣбной торговлѣ, получаютъ новое движеніе, и при томъ въ смыс-

лѣ требованій физиократовъ. Это произошло не потому, чтобы самъ генераль-контролеръ имѣлъ на этотъ счетъ опредѣленные взгляды, а потому, что въ его вѣдомствѣ образовалось особое учрежденіе, называвшееся „администраціей земледѣлія“ (administration de l'agriculture). Это учрежденіе образовалось по инициативѣ Гравье де-Вержена (Gravier de Vergennes), начальника отдѣленія налоговъ (bureau des impositions) и завѣдывавшаго въ то же время дѣлами, относящимися къ земледѣлію (objets relatifs à l'agriculture)¹⁾. Поводомъ къ учрежденію этой „администраціи“ была сильная засуха 1785 года, грозившая полнымъ неурожаемъ травъ и хлѣбовъ. „Администрація“ представляла собою комитетъ, предсѣдателемъ котораго назначенъ былъ Гравье-де-Вержень, а членами Дарсе (Darcet), профессоръ французскаго коллежа (Collège de France), химикъ и геологъ, „просвѣщенный сторонникъ реформъ, которыхъ не имѣлъ смѣлости осуществить—старый порядокъ“; Тилле (Tillet), членъ академіи и парижскаго сельско-хозяйственнаго общества, извѣстный своими работами надъ хлѣбной ржавчиной (carie des blés); Лавуазье, извѣстный химикъ, бывший и сельско-хозяйственнымъ практикомъ; Дюпонъ-де-Немуръ, извѣстный физиократъ, членъ парижскаго сельско-хозяйственнаго общества, и, наконецъ, Пуассонь, лейбъ-медикъ, государственный совѣтникъ, членъ академіи Парижской, Петербургской и Стокгольмской. Со временемъ въ этотъ комитетъ вошли герцогъ Лянкуръ, сильный своими связями при дворѣ, сторонникъ реформъ, аббатъ Лефебръ (Lefebvre), генераль-прокуроръ ордена св. Женевьевы и членъ парижскаго сельско-хозяйственнаго общества, и Лазовскій, полякъ, послѣдовавшій за Станиславомъ Лещинскимъ въ Лотарингію, бывший въ это время инспекторомъ мануфактуръ и пользовавшійся покровитель-

¹⁾ Когда Бертенъ оставилъ въ 1763 г. постъ генераль-контролера, онъ устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ особаго министерства земледѣлія и торговли. Это былъ особый департаментъ (département), почти независимый отъ генераль-контролера, въ которомъ вѣдались разныя дѣла торговли, промышленности и земледѣлія. Нѣккеръ изъ экономіи и изъ нерасположенія къ физиократамъ, другомъ которыхъ былъ Бертенъ, принудилъ его удалиться (1780 г.). Дѣла, касающіяся земледѣлія, были переданы въ завѣдываніе д'Айи (Ailly), начальника отдѣленія налоговъ („Par esprit d'économie et peut être aussi par malveillance pour les physiocrates dont Bertin était l'ami, le forçât de se retirer (1780)“... „les objets relatifs à l'agriculture furent placés sous la direction de d'Ailly chef du bureau des impositions“). Pigeonneau et Foville, L'Administration de l'Agriculture au Contrôle Général des Finances (1785—1787). Procès-verbaux et rapports, pp. VII (X введеніе).

ством герцога Лянкура, впоследствии одинъ изъ руководителей коммуны ¹⁾).

Этотъ комитетъ въ своихъ засѣданіяхъ занимался практическими и теоретическими вопросами, относящимися къ земледѣлю, и не могъ миновать вопросовъ хлѣбной торговли ²⁾).

Желая имѣть данныя о положеніи земледѣлія и его нуждахъ, комитетъ рѣшился обратиться къ содѣйствію духовенства для приобрѣтенія ихъ, не считая интендантовъ и субделегатовъ годнымъ для этой цѣли орудіемъ ³⁾). Аббатъ Лефебръ велъ корреспонденцію со священниками. Въ засѣданіи 4-го августа 1786 года онъ читалъ извлеченія изъ многихъ писемъ священниковъ Шампани, Бри и Орлеана, въ которыхъ они жаловались на низкія цѣны хлѣба. „Хорошая цѣна, — говорятъ они, — оживила земледѣліе; слишкомъ быстрое и долго продолжающееся паденіе цѣнъ повергло его въ прежнее вялое состояніе (*languueur*); фермеры не могутъ его выдержать“ ⁴⁾).

По этому поводу былъ поднятъ вопросъ о разрѣшеніи вывоза хлѣба. Предсѣдатель комитета писалъ объ этомъ Монтарану, который по прежнему вѣдалъ дѣла хлѣбной торговли, но онъ ему отвѣтилъ такъ, какъ будто онъ не понялъ предмета письма или же притворился, что не понимаетъ его. Онъ написалъ, что вывозъ хлѣба изъ провинціи въ провинцію всегда былъ свободенъ, какъ будто дѣло шло не о вывозѣ за границу (17-го ноября 1786 г.) ⁵⁾. Нѣсколько дней позже снова идетъ рѣчь о вывозѣ хлѣба (24-го ноября 1786 г.). Аббатъ Лефебръ докладывалъ отвѣты, полученные имъ по этому предмету отъ 161 корреспондента. Изъ нихъ 97 требовали свободы вывоза, а 64 желали сохраненія его запрета. Въ засѣданіи 22-го декабря 1786 г. Лазовскій въ докладѣ объ общихъ условіяхъ французскаго земледѣлія затронулъ вопросъ о хлѣбной торговлѣ. Однимъ изъ бичей земледѣлія, — сказалъ онъ, — самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ является запретительная система правительства по отношенію къ хлѣбной торговлѣ; она ограничиваетъ промыселъ (дѣятельность) земледѣльца и препят-

¹⁾ Ibid., pp. XI, XVIII, XXIII et XXIV.

²⁾ Рядомъ съ докладами о разведеніи клевера, свекловицы, мы видимъ докладъ о земледѣльческомъ доходѣ Франціи и Англіи (Лазовскаго), о невыгодахъ запретительной системы (Дюпонъ-де-Немура).

³⁾ Ibid., p. XVII.

⁴⁾ Ibid., p. 288.

⁵⁾ Ibid., p. 316.

ствууетъ ему собирать хлѣба больше, чѣмъ нужно для внутренняго потребленія государства ¹⁾).

Еще въ засѣданіи 24-го ноября по поводу доклада Лефебра Дюпонъ де-Немуръ обѣщаль составить докладъ о вывозѣ хлѣба. Въ засѣданіи 19-го января 1787 года онъ сообщилъ комитету, что онъ говорилъ генераль-контролеру о желаніяхъ комитета касательно вывоза хлѣба и мотивахъ, на которыхъ они основаны. Министръ рѣшается представить королю и собранію нотаблей слѣдующія предложенія:

1) „Подтвердить эдиктъ 1764 года и *lettres patentes* 1776 года въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ предписывается, чтобы всѣмъ лицамъ всякаго званія и состоянія дозволено было вести торговлю хлѣбомъ и мукою какъ внутри государства, такъ и внѣ его“.

2) „Отмѣнить эти самые законы въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ опредѣляется, что вывозъ хлѣба будетъ запрещенъ или дозволенъ, смотря по тому, будетъ ли цѣна хлѣба стоять выше или ниже извѣстнаго предѣла“.

3) „Постановить, что свобода вывоза хлѣба будетъ обычнымъ состояніемъ, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ за правительствомъ возможность останавливать вывозъ мѣстными и частными законами въ силу ходатайствъ провинцій и провинціальныхъ собраній, которыя будутъ скоро введены, съ тѣмъ, что эти запрещенія никогда не будутъ издаваться на срокъ болѣе одного года и будутъ продолжаемы новымъ распоряженіемъ, если обстоятельства того потребуютъ, лишь на основаніи новаго ходатайства провинціальныхъ собраній ²⁾).

Дѣйствительно де-Калоннъ сдѣлалъ обѣщанное представленіе собранію нотаблей. Въ этомъ докладѣ говорилось, что „вопросъ о хлѣбной торговлѣ, столь долго обсуждавшійся, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые доведены до состоянія зрѣлости временемъ, опытомъ и свободнымъ обмѣномъ идей. Съ обѣихъ сторонъ все сказано, и можно видѣть, что принципъ, требующій полной свободы (*une grande liberté*), восторжествовалъ въ умахъ. Пора, чтобы

1) Ibid., p. 334.

2) Ibidem. Протоколъ засѣданія комитета земледѣлія 19-го января 1787 года, p. 352. Говоря о *lettres patentes* 1776 года, Дюпонъ-де-Немуръ ошибался. Такихъ *lettres patentes* не было. Можно думать, что онъ имѣлъ въ виду декларацию 1776 г., изданную для Гіэни, По, Руссильона, Лангдока и Прованса.

власть освятила его и окончательно утвердила его въ общественномъ мнѣніи“.

Далѣе говорится, что народъ привыкъ къ тому, чтобы въ дѣлѣ предовольствія принимались мѣры предосторожности, что даже въ ничтожныхъ случаяхъ онъ требуетъ ихъ возмѣщенія. Авторъ признаетъ, что эти мѣры будутъ нужны, но требуетъ, чтобы онѣ были принимаемы незамѣтно и чтобы „онѣ имѣли въ виду не устраненіе неудобствъ свободы, а лишь первые моменты ея, когда страхъ можетъ сбить съ толку умы (*mais à des premiers moments d'une crainte qui pourrait égarer les opinions*); что касается послѣдующаго времени, то свобода сама о немъ позаботится (*la liberté s'en charge*). Такимъ образомъ мѣрами простыми и осторожными администрація обезпечить отъ всякаго посягательства законъ, такъ давно требуемый разумомъ и общественнымъ интересомъ“.

Далѣе объявляется, что король предполагаетъ издать распоряженіе о свободѣ хлѣбной торговли внутри и внѣ государства. Въ этой части доклада воспроизводится докладъ Дюпонъ-де-Немура, сдѣланный комитету земледѣлія въ засѣданіи 19 января 1787 г. ¹⁾

Предполагавшійся законъ не появился при де-Калоннѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1787 г. онъ оставилъ свой постъ, потерпѣвъ полное фіаско въ своей дѣятельности. Проектированный имъ законъ явился лишь въ іюнѣ 1787 года, когда генераль-контролеромъ сталъ уже Ломени-де-Бриенъ ²⁾.

1) Ibid., стр. 474, приложение II. Весьма вѣроятно, что докладъ де-Калонна писалъ Дюпонъ-де-Немуръ. Де-Калоннъ его назначилъ госуд. совѣтникомъ и *commissaire de commerce*. Въ его вѣдѣніи была переписка по сѣверной торговлѣ (*correspondance pour le commerce du Nord*). *Lalanne* и *Almanach Royal*, 1788.

2) Со вступленіемъ послѣдняго въ должность генераль-контролера Дюпонъ-де-Немуръ едва не потерялъ своего мѣста. Въ длинномъ письмѣ отъ 11-го іюля 1787 г. къ *Edelsheim'u* (*Oberkammerherr und Gesandter beim Schwab. Kreis*) въ Баденѣ онъ сообщаетъ, что отставка де-Калонна, трехчлѣнное министерство Фурке (*Fourqueux*) и вступленіе въ министерство Ломени-де-Бриеня поставили его въ критическое положеніе. Ломени сердился на него за то, что онъ поддерживалъ кандидатуру *de-Fourqueux*, и даже сказалъ ему, что онъ ему больше не нуженъ. „*J'ai senti tout le péril de ma position,—* пишетъ онъ, *mais comme son plus mauvais résultat était de redevenir laboureur, libre et pauvre trois metiers dont j'ai l'expérience et qui ne m'inspirent aucun dégoût, je n'ai pas été forcé d'alarmer*“. Онъ подалъ Ломени-де-Бриеню докладную записку, въ которой изложилъ свою службу. Послѣ этого Ломени пригласилъ его остаться. Дюпонъ-де-Немуръ не предвѣщаетъ долговѣчности

Этотъ законъ изданъ былъ въ формѣ деклараціи, помѣченной 17-го іюня 1787 г. Регистрована она была 25-го іюня 1787 г. Въ ней говорится, что декларація 10-го февраля 1776 года разрѣшила вывозъ вслѣдствіе просьбъ со всѣхъ сторонъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ эдиктъ іюля 1764 года и даже съ облегченіемъ, а именно, при нормѣ 12 l. 10 s. за кенталь. Вслѣдствіе безпокойствъ относительно урожая 1777 года, какъ говорится въ деклараціи, въ сентябрѣ этого года вывозъ былъ пріостановленъ. Послѣ того вывозъ нѣсколько разъ разрѣшался и воспрещался. Далѣе, объявляется, что свобода торговли должна быть правиломъ, а сокращеніе ея—исключеніемъ, допускаемымъ по ходатайству собраний чиновъ и провинціальныхъ собраний. „Да будетъ свободно навсегда лицамъ всякаго званія и состоянія вести торговлю зерномъ и мукой внутри королевства на всемъ пространствѣ его. Разрѣшается также всѣмъ нашимъ подданнымъ свободно вывозить хлѣбъ за границу черезъ всѣ порты и таможни“.

Вывозъ можетъ быть пріостановленъ изъ тѣхъ провинцій, чины коихъ (états) или провинціальныя собранія будутъ о томъ ходатайствовать, и если необходимость остановки будетъ признана правительствомъ. Остановка вывоза не можетъ распространяться и на другія провинціи, изъ коихъ не поступало ходатайствъ объ остановкѣ и относительно коихъ таковая не была признана необходимою. Пріостановка вывоза простирается только на годъ, за исключеніемъ случая возобновленія ея новымъ постановленіемъ, если то будетъ признано необходимымъ и если просьба о томъ будетъ возобновлена со стороны провинціальныхъ чиновъ и провинціальныхъ собраний.

Отмѣняются всѣ постановленія, деклараціи и регламенты противные сему и, между прочимъ, эдиктъ іюля 1764, lettres patentes 25-го мая 1776 г. и декларація сентября 1776 г., коими регулировалось запрещеніе или разрѣшеніе вывоза хлѣба сообразно съ его цѣною ¹⁾.

министерству Ломени. „Il (le ministère) a été acheté par de bien grandes promesses bien difficiles à réaliser, surtout pour quelqu'un qui ne veut point de secours, qui n'a que des admirateurs et des ennemis qui croit pouvoir porter seul un monde“. E r d m a n s d ö r f e r, Correspondenz Karl Fredrich von Baden 1783—1806, Heidelberg, 1881 vol., p. 269—276. Въ этомъ же письмѣ Дюпонъ сообщаетъ, что онъ приготовилъ торговый договоръ съ Россіей.

¹⁾ Декларация 17-го іюня 1787 г., регистрованная 25-го іюня 1787 г. Въ текстѣ ея не сказано, по чьему докладу она была издана. Введеніе ея сви-

Содержаніе деклараціи 17-го іюня 1787 года находится въ тѣсной связи съ исторіей вывоза, начиная съ эдикта 1764 года. Она отмѣняетъ совершенно норму цѣны, при которой допускается вывозъ, и разрѣшаетъ его принципиально, въ видѣ общаго правила и навсегда. Практика показала, что вовсе не трудно было злоупотреблять нормой и останавливать вывозъ, когда это нужно было ради тѣхъ или другихъ цѣлей. Практика показала въ то же время, что эдиктъ 1764 г. заключалъ въ себѣ пробѣлъ въ томъ отношеніи, что онъ совсѣмъ не регулировалъ условій возобновленій вывоза, а потому стоило только остановить вывозъ хлѣба на законномъ основаніи, чтобы затѣмъ поставить его судьбу въ полную зависимость отъ произвола администраціи. Такъ стояло дѣло во время министерствъ аббата Террэ и Нэккера. Вотъ съ цѣлью то устраненія этого неудобства, декларація 17-го іюня 1787 г. заботится о томъ, чтобы допускаемая въ видѣ исключенія пріостановка вывоза не стала правиломъ. Поэтому она ставитъ распоряженіе о прекращеніи вывоза въ зависимость отъ ходатайствъ провинціальныхъ собраній, ограничиваетъ силу этого распоряженія однимъ годомъ и объявляетъ, что возобновленіе запрета вывоза хлѣба можетъ быть сдѣлано лишь по ходатайству тѣхъ же собраній и при томъ не можетъ простирается на такія провинціи, изъ которыхъ не послѣдовало соотвѣтствующихъ ходатайствъ.

Нельзя не замѣтить, что эти предосторожности навѣяны были особенно распоряженіями Нэккера относительно вывоза, который старался поставить его въ зависимость отъ мудрости администраціи. Мы увидимъ, однако, что эти предосторожности оказались недостаточными отчасти потому, что въ самой редакціи деклараціи 17-го іюня 1787 года была неточность, а, во вторыхъ, потому, что въ то время соблюденіе закона не считалось обязательной добродѣтелью правителей. Неточность редакціи заключалась въ томъ, что возобновленіе запрета вывоза могло состояться, если то будетъ признано необходимымъ и если ходатайство о томъ будетъ возобновлено со стороны сказанныхъ чиновъ (*états*) и провинціальныхъ собраній. Съ натяжкой можно было бы признать первую половину фразы самостоятельной, не придавая большаго значенія

дѣтельствуеетъ, что она составлена физиократомъ, — весьма вѣроятно, Дюпонъ-де-Немуромъ. Arch. Nat. A. D. X¹. 40. Какъ упомянуто выше, декларація ошибочно ссылается на соотвѣтственные законы 10-го февраля 1776 года, *lettres patentes* 25 мая 1776 г. и декларацію сентября 1776 г.

союзу, соединяющему ее съ другою половиною, и допустить изда­ніе возобновленія запрета только на основаніи признанія его не­обходимости.

Въ докладѣ о хлѣбной торговлѣ, составленномъ Дюпонъ-де-Немуромъ для представленія Собранію Нотаблей отъ имени де-Калонна, между прочимъ, говорилось, что пора уже, чтобы власть освятила принципъ свободы хлѣбной торговли и подтвердила его. Онъ находитъ, что вопросъ этотъ уже достаточно созрѣлъ въ умахъ. Дѣйствительно, вопросъ о свободѣ хлѣбной торговли требо­валъ новаго подтвержденія, но не въ силу того, что распоря­женія противорѣчиваго характера спутали представленія о томъ, что освящено закономъ и что запрещено имъ. Если вопросъ о сво­бодѣ хлѣбной торговли созрѣлъ въ умахъ передовой части обще­ства, то нельзя того же сказать не только о массѣ публики, но даже и относительно мѣстныхъ властей. Тамъ еще крѣпко держа­лись старые порядки и взгляды, поддержанные системой Наккера. Такой чинъ, какъ фискаль Валансэ (Valançay около Буржа), спра­шивалъ генераль-прокурора, долженъ ли считаться дѣйствитель­нымъ эдиктъ, изданный при Тюрго („Turgaut“) и заявлялъ, что если онъ и предоставитъ дѣла ихъ собственному теченію (торговлю хлѣбомъ на рынкѣ), то все-таки будетъ наблюдать, чтобы публика покупала раньше купцовъ ¹⁾.

При малѣйшемъ подъемѣ цѣнъ лица, стоявшія у власти, да­же и выше поставленные, чѣмъ фискаль бальяжа Валансэ, обра­щали взоры на стѣсненіе торговли, какъ на спасительное сред­ство. Въ 1784 году была засуха въ средней Франціи (Овернь, бас­сейнъ верхней Луары, часть Шампани) и на востокѣ ²⁾. Вслѣдствіе этого лѣтомъ этого года въ мѣстахъ, постигнутыхъ засухою, цѣны на хлѣбъ временно поднялись и мѣстами довольно сильно ³⁾. По-

¹⁾ Письмо фискаля при бальяжѣ Валансэ отъ 15-го декабря 1784 года. Bibl. Nation. Mns. Joly de Fleury. № 1743, f. 161.

²⁾ Письмо де-Калонна къ генераль-прокурору Жоли-де-Флери отъ 30-го іюня 1784 г., *ibid.*, № 1742, f. 69.

³⁾ Въ С. Дизье въ (Шампани) цѣны на пшеницу были таковы:

Апрѣль 1784 года	48—45 s.	за буассо
Май	„ „	40 52 s.	„
5-го іюня	„ „	45—52 s	„
12-го іюня	„ „	50—56 s.	„
19-го іюня	„ „	56—58 s.	„

Ibid., № 1743, f. 64. Выпись изъ вѣдомостей мѣстныхъ мѣрщиковъ.

томъ, когда виды на урожай поправились, то и цѣны понизились, и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, онѣ не были очень высоки; но, тѣмъ не менѣе, этотъ подъемъ цѣнъ вызвалъ безпокойство, охватившее и администрацію¹⁾. Первымъ дѣломъ обращено было вниманіе на то, чтобы, подъ видомъ доставки хлѣба въ Провансъ черезъ Марсель, его не увозили за границу. Монтаранъ снова поднялъ тотъ вопросъ, который онъ поднималъ уже въ 1778 г., что хлѣбъ только для виду провозится черезъ Септемъ въ Эксъ, а на самомъ дѣлѣ снова увозится въ Марсель и оттуда за границу. Для устраненія этого злоупотребленія онъ предлагалъ вовсе прекратить вывозъ хлѣба изъ Прованса въ Марсель. Въ отвѣтъ на это предложеніе интендантъ Прованса де-ла-Туръ снова объяснялъ ему, что провозить фиктивно хлѣбъ въ Эксъ и обратно не выгодно и что вывозить изъ Марсели провансальскій или лангдокскій хлѣбъ за границу нѣтъ расчета, потому что эти хлѣба дороже заграничныхъ. По поводу проекта не выпускать хлѣба изъ Прованса въ Марсель онъ замѣчаетъ: когда цѣлые мѣсяцы иногда дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ и не допускаетъ хлѣбовъ ни съ востока (Levant), ни изъ Итали, что бы дѣлала Марсель, не получая хлѣба ни изъ Прованса, ни изъ другихъ частей королевства?²⁾. Это письмо, повидимому, успокоило Монтарана.

Провинціальныя власти безпокоились гораздо болѣе, и тотчасъ по наступленіи дороговизны многія изъ нихъ приступили къ мѣропріятіямъ, освященнымъ стариною, но противорѣчившимъ новому законодательству. Мѣропріятія ихъ были направлены къ тому, чтобы стѣснить купцовъ и понудить ихъ продавать ихъ запасы.

¹⁾ Калоннъ пишетъ Жоли-де-Флери, что дороговизна въ Оверни, Блуа и др. мѣстахъ дѣйствительно была и была слѣдствіемъ спекуляціи на засуху; но, такъ какъ погода улучшилась и жатва близко, то сами купцы начинаютъ продавать, и надо надѣяться, что дороговизна окажется временною. Цитированное письмо отъ 30-го іюня 1784 г. Въ Согъ (Saugues, Haute Loire) въ началѣ іюня цѣна сильно поднялась, а къ 1-му іюля понизилась до 22—23 л. за сетъе вслѣдствіе подвоза хлѣба изъ С. Флура (S. Flours). Донесеніе lieutenant général de la prévôté de Saugues отъ 12-го іюня и 1-го іюля 1784 г., *ibid.* № 1743, f. 89 и 93. Прокуроръ Мо сообщаетъ Жоли-де-Флери отъ 10-го іюня 1784 г., что въ послѣдніе базары цѣна повышалась и дошла до 20 л. 10 с. за сетъе, и объясняетъ это болѣе строгимъ взиманіемъ рыночныхъ пошлинъ, *ibid.*, f. 29. Это цѣна невысокая, всего 8 л. за кенталь.

²⁾ Письма Де-ла-Тура Монтарану отъ 30-го октября 1784 г. и отъ 3-го января 1785 г. и письмо его же де-Калонну отъ 15-го декабря 1784 г. Arch. Nat. F¹¹, 224.

Такъ, прокуроръ Монтро (Montereau, Seine et Marne, недалеко отъ Мулена) жаловался (27-го августа 1784 г.), что дороговизна происходитъ отъ большихъ закупокъ и вывоза, производимаго тремя, четырьмя мѣстными купцами. По его словамъ, „они сначала дѣлали свои закупки ночью, чтобы избѣжать ярости народной. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ. Но на прошломъ и запрошломъ базарахъ ихъ смѣлость превзошла всякую мѣру“. Онъ жалуется на то, что существующее законодательство обрекаетъ полицію на роль пассивнаго зрителя злоупотребленийъ купцовъ. Изъ того же письма, однако, видно, что полиція и самъ прокуроръ не всегда оставались въ роли пассивнаго зрителя. Прокуроръ сообщаетъ, что двѣ крестьянки торговали на базарѣ хлѣбъ у одного земледѣльца, который просилъ за него 22 л. 10 с. за сѣтье. Подходить одинъ изъ купцовъ и даетъ ему цѣну гораздо большую чѣмъ та, которую онъ проситъ. „По жалобѣ этихъ женщинъ,—говоритъ онъ,—я заставилъ земледѣльца черезъ полицейскаго комиссара выдать имъ то количество хлѣба, которое онѣ торговали, и при томъ по той цѣнѣ, которую онъ первоначально просилъ“. Этотъ „актъ справедливости“ сдѣлалъ то, что на слѣдующемъ базарѣ купцы еще до звонка закупили тайно весь хлѣбъ, такъ что послѣ звонка рынокъ открылся лишь для формы, и всѣ лари (sais) тотчасъ же закрылись. „Только нѣкоторымъ родомъ насилія и угрозами прибѣгнуть къ нашей власти удалось булочникамъ отвоевать нужное имъ количество хлѣба“¹⁾.

Лейтенантъ превоства (lieutenant de la prevoté) въ Согъ (Saugues Haute Loire) проситъ у генераль-прокурора позволенія открыть хлѣбные склады купцовъ (12-го іюня 1784 года). Ему въ этомъ разрѣшеніи было отказано въ виду противорѣчія подобной мѣры съ закономъ 1774 года. Двумя недѣлями позже (1-го іюля 1784 г.) онъ сообщаетъ, что подвезли много хлѣба изъ С. Флура и что цѣны упали²⁾. По всей вѣроятности, этого подвоза не было бы, если бы ему позволили осуществить свое намѣреніе.

1) Письмо прокурора городка Монтро къ генераль-прокурору Joly de Fleury отъ 27-го августа 1784 г. Bibl. Nat. Mns. Joly de Fleury № 1743, f. 32. Оказывается, что цѣна хлѣба въ Монтро въ августѣ была вовсе не высока. Изъ замѣтки, находящейся въ той же рукописи (f. 34), видно, что 8-го мая (то-есть, до засухи) 1784 г. пшеница продавалась въ Монтро отъ 27 до 30 л., а суржикъ отъ 20—24 л., сѣтье парижской мѣры.

2) Ibidem, ff. 89, 92 и 93. Письмо лейтенанта отъ 12-го іюня и 1-го іюля и 1-го іюля 1784 г. и замѣтка Жоли-де-Флери отъ 11-го іюля. Въ началѣ

Въ деревнѣ Ременнекуръ (Remennecourt), около Баръ-ле-Дюка, мѣстный священникъ Барбонне продалъ часть своего хлѣба: когда онъ хотѣлъ его вывезти, то мѣстный полицейскій чинъ (lieutenant de la paroisse) Ломбаръ побудилъ население воспрепятствовать этому, при чемъ часть хлѣба у священника отняли, заплативъ ему за него по своей оцѣнкѣ. Интересно, что прокуроръ бальяжа Баръ-ле-Дюкъ, донося о случившемся генераль-прокурору парижскаго парламента, видитъ въ этомъ фактѣ нарушеніе ордонанса 1670 года, а о постановленіи совѣта 1774 года не говоритъ ни слова. Кромѣ того, онъ пишетъ, что въ виду того, что этотъ случай выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, онъ не принялъ никакихъ мѣръ и просить указаній. Генераль-прокуроръ не оказался слишкомъ строгимъ; онъ приказалъ ему расклеить во всѣхъ приходяхъ ордонансъ съ напоминаніемъ о содержаніи деклараціи (не декларація, а lettres patentes) ноября 1774 года и съ угрозою 20 л. штрафа за всякую помѣху свободному движенію хлѣба ¹⁾.

Самъ генераль-прокуроръ, хотя и грозилъ незначительнымъ штрафомъ за помѣху движенію хлѣба, но не признавалъ возможнымъ допускать свободу его безъ ограниченій. Прокуроръ бальяжа Блуа, сообщая ему о дороговизнѣ хлѣба (21-го іюня 1784 года 50 л. за мюи), писалъ, что „хотя свобода движенія и вывоза хлѣба очень выгодна, но лишь по стольку, по скольку они совершаются подъ надзоромъ и бывають останавливаемы съ перваго же момента опасеній за урожай“.

Генераль-прокуроръ отвѣтилъ ему на это, что его замѣчанія очень важны и будутъ приняты во вниманіе, и тотчасъ сообщила (24-го іюня 1784 года) генераль-контролеру копію письма прокурора Блуа ²⁾.

іюля хлѣбъ продавался въ Согъ по 22—23 л. сетье.—С. Флуръ—мѣстечко въ 73 киломъ отъ Aurillac'a.

¹⁾ Ibid., № 1742, листы 8 и 9. Донесеніе прокурора изъ Баръ-ле-Дюка (27-го іюня 1784 года), отвѣтъ Жоли-де-Флери и протоколъ съ жалобой священника.

²⁾ Ibid., листы 26, 27 и 28. Прокуроръ Блуа подъ вывозомъ разумѣлъ не заграничный вывозъ, а вывозъ изъ провинціи. Если случались интенданты, которые поддерживали свободу торговли и при повышеніи цѣнъ, то они подвергались доносамъ. Въ бумагахъ Жоли-де-Флери находится мемуаръ (Observations sur ce qui s'est passé dans la généralité de Rouen à l'occasion de la cherté des grains et reflexions qui en résultent, помѣчево 25-го мая 1784 г.), въ которомъ интендантъ Руана Крозю (Crosue) обвиняють въ томъ, что онъ остановилъ вывозъ изъ Нормандіи не въ сентябрѣ 1783 года, а лишь въ де-

Въ 1785 г. засуха постигла бассейнъ нижняго теченія Луары, главнымъ образомъ женедалите Пуату и Ларошель. Цѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднялись, но кажется, что опасенія ихъ дальнѣйшаго подъема были гораздо значительнѣе, чѣмъ это оправдалось дѣйствительностью ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пуату произошли волненія по поводу дороговизны, направленные противъ булочниковъ и купцовъ. Какъ водится, первыхъ обвиняли, что они повышаютъ цѣны изъ жадности, а вторыхъ въ томъ, что они захватываютъ хлѣбъ, чтобы вызвать его недостатокъ и затѣмъ продавать его по произволу. Иногда эти волненія происходятъ по пустому поводу. Такъ, прокуроръ въ С. Мэксанъ сообщаетъ о волненіи женщинъ въ этомъ городкѣ по поводу того, что нѣкій Бутенъ купилъ 6 буассо хлѣба (12-го октября 1775 г.) ²⁾.

Мѣстные судебно-полицейскіе чины, встревоженные дороговизной, сейчасъ же обратили вниманіе генераль-прокурора парижскаго парламента на необходимость принятія мѣръ противъ дороговизны. По мнѣнію генераль-лейтенанта полиціи Пуату де-ла-Бутери (de la Bouterie), дороговизна главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что купцы закупаютъ хлѣбъ, и онъ находитъ, что вѣрнѣйшее средство помочь народу заключается въ томъ, чтобы запретить купцамъ, фермерамъ, землевладѣльцамъ и другимъ лицамъ захватывать хлѣбъ, а особенно продавать его внѣ рынка. Онъ жа-

кабрѣ, и въ томъ, что онъ не хотѣлъ пускать въ продажу казеннаго хлѣба и настаивалъ, что торговля сама доставитъ хлѣбъ извнѣ. Вывозъ изъ Нормандіи разрѣшенъ былъ передъ тѣмъ вслѣдствіе многочисленныхъ ходатайствъ. Изъ мемуара видно, однако, что интендантъ прибѣгъ таки потомъ къ продажѣ казеннаго хлѣба, но пустилъ его сразу на цѣлую треть (или на 5 l. на кенталь) дешевле рыночной цѣны и тѣмъ раслугалъ всѣхъ торговцевъ. Авторъ мемуара—прогивникъ внѣшней торговли хлѣбомъ и допускаетъ внутреннюю лишь съ „большими предосторожностями“.

¹⁾ Въ донесеніяхъ своихъ судебно-полицейскіе чины не указываютъ цифръ, а ограничиваются фразами. Прокуроръ сенешальства Ларошели (procureur en la sénéchaussée à la Rochelle) пишетъ (27-го августа 1785 года), что хлѣба осталось всего на мѣсяць, что цѣна его дошла до 3 s. 3 d. за фунтъ (печенаго) и дойдетъ навѣрно до 5 су. Изъ таксъ на зиму 1785—1786 г., находящихся въ рукописи Joly-de-Fleury № 1742, видно, что цѣна не поднималась выше 3 s. 7 d. за фунтъ. Прокуроръ помнитъ цѣну въ 1 s. 3 d. за фунтъ въ 1763 году. Ibid., листъ 72.

²⁾ Интендантъ Пуату сообщалъ де-Калонну, что беспорядки произошли въ Jazeneuil, Sauxai и S. Sauvant. Письмо де-Калонна Жоли-де-Флери (23-го сентября 1785 г.) Ibid., листъ 69.

луется, что существующее законодательство связывает руки полиціи, и ходатайствуетъ объ его отмѣнѣ.

Прокуроръ при сенешальствѣ (St. Mahan) С. Маанъ (въ Пуату) приписываетъ дороговизну дѣйствию эдикта, разрѣшающаго хлѣбную торговлю, благодаря которому жители дошли до такой бѣдности, что едва влачатъ свое существованіе. Онъ жалуется далѣе на то, что хотя эдиктъ и говоритъ, что если цѣна достигнетъ 6 l. за кенталь, то торговля прекращается, но это обѣщаніе не исполняется¹⁾. Откуда онъ взялъ такое постановленіе не извѣстно; но представленіе о существованіи такого ограниченія торговли существовало въ воображеніи не только его одного: прокуроръ С. Мэксана тоже говоритъ о существующемъ будто бы запрещеніи производить хлѣбную торговлю, когда цѣна хлѣба стоитъ выше 6 l. за кенталь²⁾.

Всѣ получавшіяся жалобы на дороговизну и недостатокъ хлѣба Жоли-де-Флери передавалъ де-Калонну. Въ генеральномъ контролѣ, повидимому, поддавались вліянію жалобъ на купцовъ и, отстаивая въ принципѣ свободу торговли, на практикѣ допускали ея ограниченія. Отвѣчая на сообщенія Жоли-де-Флери, де-Калоннъ пишетъ (4-го сентября 1785 г.), что, хотя урожай дѣйствительно плохъ, но свобода торговли привлечетъ хлѣбъ въ Ларошель и Пуату; но онъ проситъ генераль-прокурора приказать полиціи слѣдить за соблюденіемъ рыночныхъ регламентовъ, чтобы никто не мѣшалъ доставкѣ хлѣба на рынокъ и что бы никто не захватывалъ хлѣба, съ цѣлью продавать его потомъ по произволу³⁾. Ссылаясь на регламенты, де-Калоннъ имѣлъ въ виду препятство-

1) Ibid, № 1743, листы 47 и 67. Прокуроръ въ S. Mahan назывался Biard.

2) Ibidem, листъ 83. Прокуроръ рассказываетъ, что, когда онъ ѣздилъ въ Ранпру (Ramprou), то онъ „видѣлъ массу бѣдняковъ. Между ними были половники и фермеры, которые приходили къ священнику просить милостыню. Находили мужчинъ, женщинъ и дѣтей мертвыхъ по дорогамъ и въ домахъ“. Муниципалитетъ С. Мэксава выписалъ хлѣбъ изъ Лимузена, но не можетъ продать его безъ потери, ибо въ виду надеждъ на хорошій урожай цѣны упали. Буассо продавался по 6 l. 8 s., что составляетъ 12 l. 16 s. за кенталь. Онъ находитъ, что, если бы можно было заставлять владѣльцевъ хлѣба продавать хлѣбъ, то бѣдствія не было бы. (Письмо отъ 28-го марта 1786 г. генераль-прокурору).

3) Съ своей стороны онъ далъ соотвѣтствующее предписаніе маршалу Сегюру, чтобы онъ далъ соотвѣтствующее предписаніе полиціи. Ibid., № 1742, листъ 75.

вать захвату хлѣба подѣ городомъ перекупщиками¹⁾, но, ссылаясь на регламенты вообще и на захватъ хлѣба вообще, безъ достаточнаго опредѣленія, онъ санкціонировалъ всѣ тѣ стѣсненія свободы хлѣбной торговли, къ которымъ полиція была и безъ того слишкомъ склонна.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полиція старалась вліять на гуртовья цѣны хлѣба путемъ таксированія печенаго хлѣба. Вслѣдствіе побужденія со стороны правительства нѣкоторые ларошельскіе купцы взялись (осенью 1785 г.) за доставку хлѣба изъ-за границы. Благодаря тому, что владѣльцы первыхъ прибывшихъ партій хлѣба продали ихъ съ значительною выгодой, многіе другіе купцы взялись за ввозъ хлѣба и привезли его въ серединѣ зимы въ такомъ значительномъ количествѣ, что цѣны значительно понизились. Въ началѣ осени 1785 года, когда округъ Ларошели и Пуату былъ постигнутъ неурожаемъ, прокуроръ Ларошели писалъ (27-го августа 1785 г.), что хлѣба есть только на мѣсяцъ и на сѣмена, и что цѣна дошла до 3 s. 3 d. за фунтъ печенаго хлѣба; онъ предсказывалъ, что она дойдетъ до 5 су²⁾. Но, благодаря подвозу, самая высокая цѣна печенаго хлѣба доходила до 3 s. 7 d. за фунтъ, то-есть, поднялась противъ августовской цѣны только на 25%³⁾. Когда съ середины зимы цѣны стали понижаться, то

1) Въ Одессѣ и сейчасъ существуетъ классъ людей, которые выходятъ за городъ, сторожатъ привозителей сѣстныхъ припасовъ, чуть не силой садятся къ нимъ на возы и затѣмъ продаютъ на рынкѣ ихъ продукты, взимая за это извѣстный процентъ Ихъ называютъ митропасами. Другіе спеціалисты занимаются тѣмъ, что караулятъ привозителей хлѣба, ведутъ ихъ къ своимъ магазинамъ, употребляя для этого всякіе обманы и даже силу, и тамъ надуваютъ ихъ на вѣсѣ и мѣрѣ, а иногда и на цѣнѣ.

2) Письмо интенданта Ларошели Guéau de Reverseaux прокурору балляжа Ларошели отъ 31-го мая 1786 г. Письмо этого послѣдняго интенданту отъ 10-го іюня 1786 г., *ibidem*, № 1742, листы 92, 98 и 99—101. Письмо прокурора балляжа Ларошели генераль-прокурору Жоли-де-Флери отъ 27-го августа 1785 г., *ibid.*, листъ 72. Прокуроръ Ларошели говоритъ, что онъ помнитъ цѣну въ 1 s. 3 d. за фунтъ печенаго хлѣба въ 1763 г.

3) Надо думать, что подъемъ цѣнъ на печеный хлѣбъ сдержанъ былъ отчасти таксою, но послѣдняя стала понижаться лишь во второй половинѣ зимы, когда цѣны хлѣба понизились. Поэтому надо заключить, что умѣренность максимальной цѣны не была въ значительной зависимости отъ таксы. Вѣдомость о таксахъ хлѣба въ Ларошели въ концѣ 1785 года и до конца мая 1786 года, *ibid.*, листъ 78—91. Въ протоколѣ балляжа 17-го іюня 1786 г. значится, что 13-го іюня въ Маранъ-д'Алигрѣ хлѣбъ былъ проданъ лучший отъ 225 до 260 l. тонна, второй сортъ по 240 l., а третій отъ 200 до 225 l.

судебно-полицейскія власти стали еще сильнѣе понижать таксу печенаго хлѣба. Купцы стали жаловаться интенданту, говоря, что при такихъ условіяхъ они должны нести убытки, ибо булочники не могутъ у нихъ покупать хлѣба. Интендантъ сдѣлалъ внушеніе полиціи и предложилъ ей не издавать таксы безъ совѣщанія съ купцами (31-го мая 1786 г.). Прокуроръ Ларошели отвѣчалъ на это предложеніе длиннымъ посланіемъ, въ которомъ оправдывалъ пониженіе таксы и говорилъ, что судебныя власти считали себя обязанными „предоставить бѣдному населенію хлѣбъ по цѣнѣ, установившейся на рынкахъ и на складахъ“. Де-Калоннъ съ своей стороны просилъ генерала-прокурора Жоли-де-Флери и президента парижскаго парламента предписать чинамъ полиціи Ларошели не издавать таксы безъ соглашенія съ интендантомъ, такъ какъ черезчуръ большое пониженіе таксы вводитъ купцовъ въ убытки и обезкураживаетъ ихъ тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ лишь въ первый разъ взялись за хлѣбную торговлю по приглашенію самого правительства и выручили изъ бѣды округъ, въ которомъ продовольствія было не болѣе, какъ на три мѣсяца (14-го іюня 1786 г.). Это вмѣшательство генераль-контролера осталось безъ результатовъ. Хотя генераль-прокуроръ и президентъ парламента написали прокурору въ Ларошель письма, но они ни къ чему не обязывали послѣдняго.

Булочники Ларошели были счастливѣе. По ихъ жалобѣ парламента издалъ правила для составленія таксы, поставившія цѣну печенаго хлѣба въ опредѣленное отношеніе къ цѣнѣ буассо зерна¹⁾. Булочники торжествовали это постановленіе, какъ побѣду, и расклеили афишу съ новой таксой. Прокуроръ и судебно-полицейскіе чины горько жаловались на это торжество, высказывали опасенія за сохраненія спокойствія въ городѣ и указывали, что табелью парламента устраняется совершенно ихъ дѣятельность и

(Ibid., листы 105—108). Тонна въ Маранѣ была 2155 - 2250 ф. и заключала въ себѣ 42 буассо (Ibid., листъ 157). Письмо мѣстнаго сенешала Magans d'Aligre былъ хлѣбнымъ рынкомъ Ларошели. Еще и теперь онъ ведетъ хлѣбную торговлю на 5 милліоновъ франковъ въ годъ. Неглубокой портъ.

1) Въ этой таблицѣ указано, что при цѣнѣ буассо въ 3 l. 2 s. 10 d., (то-есть, 130 l. за тонну) хлѣбъ 1-го сорта таксировался въ 2 s. за фунтъ; 2-го сорта—1 s. 8 d.; 3-го сорта—1 s. 4 d. Далѣе слѣдуютъ промежуточныя цѣны до 9 l. 4 s. 4 d. за буассо (387 l. за тонну); при послѣдней цѣнѣ первый сортъ долженъ былъ стоить 6 s. 1 d. за фунтъ, 2-й—4 s. 2 d. и 3-й—3 s. 4 d. (Ibid., листъ 133). По этой нормѣ цѣна фунта хлѣба 2-го сорта въ іюнь при цѣнѣ въ 240 l. за тонну должна была быть 3 s. 3 d.

мошенничествамъ булочниковъ не будетъ предѣла. (Письмо отъ 19-го сентября 1786 г. генераль-прокурору).

Опасенія ихъ оказались пророческими: 25, 26 и 27-го сентября произошли въ Ларошели волненія противъ булочниковъ по поводу возвышенія цѣны, имѣвшія въ результатѣ изданіе новой таксы на основаніи тарифа 1700 года ¹⁾).

Поведеніе судебно-полицейскихъ властей въ Ларошели представляетъ собой явленіе обыкновенное. Оно совершенно аналогично съ поведеніемъ парижскаго парламента во время *Guègte des Farines*.

Въ августѣ 1785 года въ Ниорѣ были тоже волненія противъ булочниковъ и вражда между послѣдними и судебно-полицейскими властями, при чемъ послѣднія взводили на первыхъ почти тѣ же обвиненія, которыя выставлялись ларошельскими властями, и арестовали побитыхъ булочниковъ вмѣсто того, чтобы преслѣдовать буняновъ. Въ генеральномъ контролѣ были того мнѣнія, что во всемъ происшедшемъ сами судьи виноваты ²⁾).

¹⁾ Во время этихъ волненій булочныя были разграблены и даже деньги украдены, квартира прокурора была осаждена. Во время волневій войска было довольно въ городѣ, но оно не было употреблено для усмиренія бунтовавшихъ. *Messieurs de la Sénéchaussée et siège presidial de la Rochelle* ограничили изданіемъ афиши, запрещающей собираться подъ страхомъ наказанія, согласно ордонансамъ. Трое арестованныхъ по указанію булочниковъ были, по словамъ прокурора (Ренью), не виноваты, другихъ 28 арестованныхъ онъ не рѣшилъ преслѣдовать, потому что изъ нихъ только противъ одного есть два свидѣтеля, а противъ остальныхъ только по одному. Поэтому и эти были освобождены. За то булочники оказались кругомъ виноваты своей „заносчивостью, высокомѣриемъ, роскошью, великолѣпиемъ и разными выходками (*divers propos*)... тѣмъ, что они крайне нахальны и притязательны и очень нуждаются въ уздѣ“. Особенно обвиняетъ онъ жену булочника Лежандра, который былъ ходатаемъ булочниковъ предъ парламентомъ и выхлопоталъ новый тарифъ. Нѣсколько времени спустя, противъ самого Лежандра составленъ былъ протоколъ за грубость по отношенію къ чиновникамъ, но генераль-прокуроръ велѣлъ оставить его безъ послѣдствій. Донесенія прокурора Ренью генераль-прокурору Жоли-де-Флери, *ibid.*, № 1742, листы 157, 159, 172 и 174. Можно безъ большой ошибки сказать, что прокуроръ и его коллеги были благодарны волненію, воротившему имъ прежнюю власть въ таксированіи хлѣба; отсюда ихъ снисходительность къ возмущившимся и строгость къ булочникамъ, не желавшимъ, чтобы судьи на ихъ счетъ кормили бѣдныхъ дешевымъ хлѣбомъ. Вѣроятно, они уже очень дешево таксировали хлѣбъ, если таксу въ 3 s. 3 d. булочники торжествовали, какъ побѣду.

²⁾ Прокуроръ Ниора Бутери приписываетъ дороговизну скупкѣ и предлагаетъ запретить купцамъ, фермерамъ, землевладѣльцамъ и другимъ захва-

Министерство де-Калонна представляется намъ временемъ оживленія интереса къ земледѣлію и связаннымъ съ нимъ вопросамъ хлѣбной торговли. Сторонники свободы хлѣбной торговли становятся снова господами положенія и стараются освободить внутреннюю и внѣшнюю торговлю отъ стѣсненій. Благодаря такому условію, въ общемъ этотъ моментъ былъ благопріятенъ для хлѣбной торговли и представляется толчкомъ къ ея освобожденію; но въ частностяхъ прежнія затрудненія оказывали серьезныя препятствія этому освобожденію. Интенданты и ихъ подчиненные дѣйствовали, понятно, согласно съ направленіемъ своего начальства; но органы судебно-полицейской власти, независимые отъ генераль-контролера и проникнутые рутинной, ставили препоны свободѣ хлѣбной торговли. Заботы объ обеспеченіи хорошихъ цѣнъ хлѣба съ цѣлю поднятія земледѣлія выразились въ новомъ законѣ, которымъ старались обезпечить вывозъ хлѣба лучше, чѣмъ это было сдѣлано прежде.

Новый законъ дѣйствительно былъ редактированъ лучше, чѣмъ прежній, но практическіе результаты его умалылись по столько, по сколько внѣшняя торговля находится въ зависимости отъ долговѣчности и прочности закона. Авторы его могли объявлять въ самомъ текстѣ закона, что распоряженія его издаются навсегда, но это „навсегда“ повторялось во французскихъ законахъ не разъ, что нисколько не мѣшало этимъ законамъ очень скоро смѣняться новыми, прямо имъ противоположными. Тамъ, гдѣ законъ могъ фактически упраздниться министерскими распоряженіями, нельзя было разсчитывать на его прочность. Авторы деклараціи 1787 г. о свободѣ вывоза сами убѣдились, что законъ, созданный ими навсегда, не просуществовалъ и 15 мѣсяцевъ. Поэтому практическіе результаты деклараціи 17-го іюня 1787 года для измѣненія условій хлѣбной торговли не могли быть велики.

тывать хлѣбъ и особенно продавать его внѣ рынка. Онъ сообщаетъ приговоръ полиціи, наказывающій булочниковъ Жака и Рене Донию (Daupiaut) по поводу возмущенія противъ нихъ же, а о возмущившихся ни слова (24-го августа 1785 г.). Генераль-контролеръ на сообщенное ему донесеніе прокурора Ниора писалъ Жоли-де-Флери, что все возмущеніе могло бы быть предупреждено, если бы полиція, въ виду дѣйствительнаго возвышенія цѣны хлѣба, разрѣшила поднятіе таксы и не допускала народа до столкновенія съ булочниками (Письмо отъ 4-го сентября 1785 г.), *ibid.*, № 1743, листы 38 и 46.

Второе министерство Нэккера.

20-го августа 1788 года Нэккеръ вторично вступилъ въ домъ генеральнаго контроля на улицѣ Neuve des Petits Champs и на этотъ разъ уже въ качествѣ генераль-контролера и съ гораздо большимъ авторитетомъ, чѣмъ прежде. Какъ и въ первое свое министерство, такъ и теперь, онъ тотчасъ же озаботился о прекращеніи вывоза хлѣба. 7-го сентября онъ издалъ постановленіе совѣта по этому поводу. Въ немъ говорится, что въ виду ходатайствъ „многихъ провинцій и главнымъ образомъ внутреннихъ“ вывозъ хлѣба приостанавливается изъ портовъ и таможенъ „впредь до разрѣшенія“. Корабли, начавшіе грузиться, могутъ догрузиться и отправиться, равнымъ образомъ партіи хлѣба, назначенныя къ отправкѣ за границу (сухопутьемъ) и достигшія границы въ моментъ опубликованія этого постановленія, могутъ быть вывезены. Заграничный хлѣбъ, ввезенный въ страну, можетъ быть вывезенъ обратно беспошлинно ¹⁾.

Это нарушеніе только что изданнаго закона не оправдывалось никакими экстренными обстоятельствами. Хотя мы не знаемъ лѣтнихъ и осеннихъ цѣнъ хлѣба въ 1788 году, но средняя цѣна этого года была 24 l. за сетье ²⁾; въ предыдущіе годы она была: въ 1787 г. 22 l. 2 s. 6 d., въ 1786 г.—20 l. 12 s. 6 d., въ 1785 г.—24 l. 17 s. 6 d., а въ 1784 г.—29 l. 10 s.; вообще въ предыдущее десятилѣтіе она колебалась между 19 l. 18 s. 9 d. и 26 l. 10 s., такъ что среднюю цѣну 1788 г. нельзя признать очень высокою. Точно также нельзя сказать, чтобы значительность вывоза хлѣба внушала опасенія. Правда, публика приписывала всегда дороговизну хлѣба вывозу и даже тогда, когда хлѣбъ несомнѣнно не вывозился, но для Нэккера не могли быть тайною свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ хлѣба, доставляемыя въ генеральный контроль таможенными конторами. По цифрамъ, сообщаемымъ Юнгомъ, оказывается, что въ 1787 году вывозъ хлѣба разнаго сорта равенъ былъ

¹⁾ Arch. Nat. A. D. IX, 40.

²⁾ Arnoult. De la balance du commerce..., Paris, 1795. Въ его таблицѣ цѣны до 1764 г. списаны съ таблицъ Messence'a „Recherches sur la population des généralités d'Auvergne, de Lyon“ etc., Paris, 1766, in 4°, а съ 1764 по 1788 г. изъ вѣдомостей мѣршиковъ и переведены на цѣну денегъ 1788 г., считая по 54 l. за марку серебра. Я перевожу 24 l. на нынѣшнюю монету, считая ливръ по 99 с., согласно таблицамъ де-Фовилля (de Fauville, Les Variations de la Livre Tornois sous l'ancien régime).

10.674,700 л., а ввозъ 11.476,000 л., то-есть, послѣдній превысилъ вывозъ на 800.000 л.; при этомъ пшеницы ввезено было почти на два милліона ливровъ больше, чѣмъ вывезено. Это было при цѣнѣ 22 л. за сетье. Во время дороговизны 1784 года, при средней цѣнѣ 26 л. за сетье, вывезено было хлѣба на $3\frac{1}{8}$ милліона, а ввезено на $5\frac{1}{8}$ милліона ¹⁾. Превышеніе ввоза надъ вывозомъ въ 1787 году, при полной свободѣ послѣдняго, даетъ возможность съ большой вѣроятностью думать, что запретъ, изданный Нэккеромъ, былъ скорѣе плодомъ его антипатіи къ свободѣ хлѣбной торговли, чѣмъ результатомъ дѣйствительнаго положенія дѣла.

Въ изданномъ впослѣдствіи сочиненіи своемъ о собственномъ управленіи Нэккеръ говоритъ, что во время его вступленія въ министерство въ августѣ 1788 года онъ засталъ полную свободу вывоза, и прибавляетъ, что „принципъ предоставленія дѣла продовольствія частной торговлѣ, одинъ изъ догматовъ философіи экономистовъ, которая только что снова воскресла, не былъ бы, конечно, оставленъ добровольно; во всякомъ случаѣ одной предусмотрительности было бы недостаточно, чтобы заставить (экономистовъ) рѣшиться на такую жертву“.

1) Arth. Young, Voyages en France, изд. 1860. Изъ его таблицъ оказывается, что ввозъ и вывозъ 1787 г. даютъ слѣдующія цифры:

	Ввозъ.	Вывозъ.
Пшеница	8.116,000 л.	6.559,900 л.
Рисъ	2.040,000	} 3.165,600
Ячмень	375,000 зерно	
Бобовыя	945,000	
	11.476,000 л.	10.674,700 л.

Въ 1784 году вывозъ слагался изъ слѣдующихъ цифръ:

Пшеница	2.608,000 л.
Рожь	239,400
Ячмень	321,100
Греча	633,100
Мансъ	52,700
	3.854,000 л.

Ввозъ 1784 года хлѣба въ зернѣ указанъ въ общей цифрѣ, безъ подробностей, въ 5.651,500 л. Свои цифры Юнгъ взялъ изъ „registres du Bureau général de la balance du commerce“. Полемизируя съ извѣстнымъ агрономомъ Розье (Rozier), который утверждалъ, что вывозъ хлѣба изъ Франціи достигаетъ 78 милліоновъ сетье, Юнгъ говоритъ, что Франціи надо было бы имѣть въ 30 разъ больше кораблей, чтобы произвести такой вывозъ (т. II, pp. 347, 348, 354, 356 и 358).

Далѣ онъ говорить, что руководимый этими соображеніями и вступая въ министерство тотчасъ послѣ жатвы 1788 года, я успѣшилъ выполнить одну изъ первыхъ обязанностей моего положенія, собравъ изъ всего королевства подробныя свѣдѣнія о новомъ урожаѣ и о запасахъ, оставшихся отъ предыдущаго. Я справился также о нуждѣ въ хлѣбѣ, обнаружившейся во многихъ чужихъ странахъ, а также и о тамошнихъ запасахъ, на которые можно было рассчитывать. Я сейчасъ же сообразилъ, что неотложно необходимо сохранить для Франціи ея собственные ресурсы. Я успѣшилъ приостановить вывозъ хлѣба въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ особенно опасенъ, а 7-го сентября король запретилъ его вообще ¹⁾.

Принимая во вниманіе, что всѣ тѣ справки, о которыхъ Неккеръ говорить, невозможно было бы собрать въ 17 дней и теперь, а при состояніи тогдашнихъ орудій статистики и путей сообщеній и подавно, надо признать, что мотивомъ то была вражда къ философіи экономистовъ, которая снова возродилась. Оказывается, кромѣ того, что общему запрещенію предшествовали частныя, которыя послѣдовали раньше, чѣмъ черезъ 17 дней, то-есть, тогда, когда Неккеръ не успѣлъ бы получить изъ многихъ мѣстъ и отвѣтовъ на свои запросы, если бы даже первые были посланы на другой же день по полученіи послѣднихъ.

Въ слѣдующемъ году, когда на политическую сцену выступили представители народа, запретъ вывоза хлѣба былъ подтвержденъ декретомъ Національнаго Собранія 29-го августа 1789 года, подтвержденнымъ постановленіемъ совѣта 21-го сентября того же года. Главное содержаніе этого декрета относится къ внутренней хлѣбной торговлѣ, о внѣшней говорится только во второмъ пунктѣ, и при томъ въ мотивахъ о внѣшней торговлѣ ничего не говорится. Но именно этотъ пунктъ исполнялся лучше другихъ, благодаря содѣйствію общества, и даже вопреки намѣреніямъ законодателя. Какъ мы сказали, публика вѣрила, что причина дороговизны вывозъ, и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы его не было. Артуръ Юнгъ, совершавшій одно изъ своихъ путешествій именно лѣтомъ 1789 года, говорить: всюду, гдѣ я ни проѣзжалъ, я справлялся о причинахъ дороговизны. Мнѣ говорили, что, хотя урожай не хорошъ, но что онъ мало отклоняется отъ нормы и что, слѣ-

¹⁾ Necker, Sur l'administration de M. Necker par lui-même, pp. 284 и 285.

довательно, недостатокъ хлѣба произведенъ вывозомъ. Я спрашивалъ, увѣрены ли они, что дѣйствительно вывозъ былъ. Никто не могъ сказать утвердительно; но говорили, что это сдѣлано секретно. Такіе отвѣты, говоритъ Юнгъ, достаточно доказываютъ фантастичность этихъ вывозовъ ¹⁾.

Вслѣдствіе такого отношенія вывозъ не допускался тамъ, гдѣ онъ былъ дозволенъ существующими постановленіями. Вслѣдствіе паденія авторитета правительства лѣтомъ 1789 года послѣднее теряетъ руководящую роль, и вывозъ хлѣба остается въ рукахъ мѣстныхъ властей, избранниковъ обывателей. Эти власти не обращали никакого вниманія на распоряженія генераль-контролера и даже самого Собранія и дѣйствовали по собственному усмотрѣнію, а послѣднее естественно не шло выше господствовавшихъ предразсудковъ.

Жители Базельскаго епископства, владѣвшіе землями въ Эльзасѣ, имѣли право на основаніи договора 20-го іюня 1780 г. возить къ себѣ продукты своихъ земель, находившихся въ предѣлахъ Франціи. Нэккеръ разрѣшилъ имъ пользоваться своимъ правомъ тѣмъ болѣе, что въ 1790 г., когда было возбуждено ходатайство, хлѣба было много и цѣны были низки. Но муниципалитетъ Гегенгейма (Hegenheim'a) ни за что не хотѣлъ исполнить приказанія министра безъ декрета Національнаго Собранія. До конца 1790 года тянулась переписка по этому вопросу безъ всякаго результата ²⁾.

Венгерскій посланникъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи вывезти хлѣбъ для четырехъ пограничныхъ деревень Люксембурга. Нэккеръ самъ не рѣшился дать просимое разрѣшеніе и передалъ ходатайство Національному Собранію. Послѣднее передало его въ

¹⁾ Ibid., t II, 33). 2-й пунктъ декрета Національнаго Собранія запрещалъ вывозъ впродъ до новаго постановленія Собранія и выражень былъ такъ: fait pareillement défences à qui que ce soit d'exporter des grains et des farines à l'étranger jusqu'à ce que par l'Assemblée Nationale et sur le rapport et requisitoire des assemblées provinciales. il en ait été autrement ordonné à peine d'être les contrevenants poursuivis comme criminels de lèze-nation. *Moniteur Universel*, № 48. Procès verbal de la séance du 29 août... Arch. Nat. F¹¹* 2. Письмо Нэккера 26-го іюня 1790 г. Обратный вывозъ иностраннаго хлѣба былъ регулированъ декретомъ Ноціональнаго Собранія 27-го сентября 1789 г. Ibid., письмо Нэккера отъ 26-го мая 1790 г.

²⁾ Arch. Nat. F¹¹* 2. Письмо Нэккера отъ 12-го октября 1790 г. и письмо Ламберта, его преемника, отъ 31-го декабря 1790 г.

свою очередь на разрѣшеніе мѣстныхъ властей департамента Арденнъ. Эти власти дали просимое разрѣшеніе, но дѣлали всяческія затрудненія его осуществленію, такъ что съ мая по сентябрь 1790 года хлѣбъ все таки не могъ быть вывезенъ, и, вѣроятно, осенью уже миновала надобность въ немъ ¹⁾.

Жители долины Аранъ (въ Пиренеяхъ) обыкновенно продовольствовались въ сосѣднихъ французскихъ общинахъ. Встрѣтивъ затрудненіе въ полученіи оттуда хлѣба, они обратились къ Нэккеру. Тотъ имъ отказалъ, сославшись на декретъ Національнаго Собранія 29-го августа 1789 года, но затѣмъ Національное Собраніе декретомъ 21-го іюля 1790 года разрѣшило жителямъ Арана временно продовольствоваться изъ округа Комменжъ (Comminges). Разрѣшеніе это, однако, ни къ чему не послужило, потому что муниципалитетъ Фосъ (Fos) отказался публиковать этотъ декретъ ²⁾.

На сколько тревожились одной мыслью о возможности вывоза и на сколько были увѣрены, что сосѣди Франціи спятъ и видятъ, какъ бы вывезти изъ нея хлѣбъ, видно изъ слѣдующаго случая.

Въ комитетъ разслѣдованій (Comité des recherches) Національнаго Собранія поступилъ лѣтомъ 1790 г. доносъ, что будто въ Германіи составленъ проэктъ тотчасъ послѣ жатвы вывезти изъ Фландріи, Пикардіи и Лоррѣни большое количество хлѣба. По поводу этого доноса Нэккеръ издалъ 5-го августа 1790 г. циркуляръ къ департаментамъ Верхняго Рейна, Нижняго Рейна, Мозеля, Арденнъ и Сѣверному, въ которомъ, хотя и признаетъ упомянутый доносъ неправдоподобнымъ, но все таки предписываетъ зорко слѣдить, чтобы никакого вывоза не было ³⁾.

Большой нужды въ этомъ циркулярѣ не было, потому что провинціальныя власти и такъ усердствовали не по разуму, не только въ запрещеніи вывоза хлѣба за границу, но и перевозки его изъ одной провинціи въ другую. Единственное исключеніе, которое довелось намъ встрѣтить, читая административную переписку того времени, составляетъ департаментъ Мозеля, который разрѣшилъ подданнымъ архіепископа Трирскаго и герцога Нассау-

1) Ibidem, письма Нэккера отъ 5 мая и 18 сентября 1790 г

2) Ibidem, письма Нэккера отъ 8 и 29 августа 1790 г.

3) Ibidem, циркуляръ 5 августа 1790 г.

скаго вывезти хлѣбъ, собранный на принадлежащихъ имъ земляхъ во Франціи ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ запрета вывоза хлѣба Нэккеръ оказался въ согласіи съ большинствомъ депутатовъ въ Национальномъ Собраніи и съ огромной массой французскаго общества, которое разсматривало вывозъ хлѣба, какъ причину всѣхъ золъ. Кончаясь, старый порядокъ оставлялъ вопросъ о вывозѣ хлѣба въ томъ же видѣ, въ какомъ застало его начало XVIII вѣка; вывозъ хлѣба можно разрѣшать съ осторожностью въ урожайные годы и обязательно запрещать его, лишь только урожай становится сомнительнымъ. Разница въ томъ, что въ началѣ столѣтія запрещенія и разрѣшенія вывоза давались на основаніи жалобъ на дороговизну или убыточную дешевизну хлѣба, тогда какъ въ концѣ столѣтія къ этому присоединяется принципиальная борьба сторонниковъ и противниковъ запретительной системы. Борьба эта имѣла значеніе, пока власть короля и министровъ пользовалась авторитетомъ; сторонники или противники запретительной системы, получая вліяніе на власть, проводили свои взгляды въ правительственныхъ распоряженіяхъ. Но вотъ, когда правительство пало и когда все всецѣло стало въ зависимость отъ общественнаго настроенія, оказалось, что число сторонниковъ свободы вывоза хлѣба при всякихъ обстоятельствахъ ничтожно, и вопросъ о вывозѣ хлѣба становится въ то же положеніе, въ которомъ онъ находился при Людовикѣ XIV.

ВВОЗЪ ХЛѢБА.

Нэккеръ полагалъ на основаніи сравненія цѣнъ хлѣба во Франціи и за границею, что обычный ввозъ хлѣба будетъ недостаточенъ для продовольствія населенія, а потому рѣшился усилить его поощрительными мѣрами. Вслѣдствіе этого онъ предложилъ назначить премію на хлѣбъ, ввезенный изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Постановленіемъ совѣта 23-го ноября 1788 года установлена была ввозная премія въ 30 су за кенталь пшеницы и 40 су за кенталь муки. Кромѣ того, суда, привозящія хлѣбъ изъ Сѣверной Америки, освобождались отъ ластоваго сбора. Эти льготы распространялись на хлѣбные грузы, которые

¹⁾ Ibidem, письмо генераль-контролера Ламберта отъ 12 октября 1790 г., въ которомъ онъ одобряетъ рѣшеніе, принятое департаментомъ Мозеля.

прибудутъ во Францію въ теченіе времени съ 15-го февраля 1789 года по 30-е июня того же года. Вслѣдъ затѣмъ вывозныя преміи и освобожденіе отъ ластоваго сбора распространены были и на хлѣбные грузы всякаго происхожденія, не только американскаго ¹⁾. Но эти мѣры признаны были недостаточными еще раньше, чѣмъ начался срокъ дѣйствія изданныхъ постановленій. Причина этого заключается, съ одной стороны, въ безпокойствѣ, которому Нэккеръ поддавался черезъ мѣру, а во вторыхъ въ томъ, что онъ самъ распугалъ хлѣботорговцевъ и населеніе другимъ постановленіемъ совѣта, касавшимся внутренней торговли хлѣбомъ и изданнымъ въ одинъ день съ постановленіемъ о преміяхъ. Въ немъ онъ нарисовалъ такую картину неурожая и такъ рѣшительно возвѣстилъ дороговизну, что, по словамъ Серра, депутата Верхнихъ Альпъ въ конвентѣ, „эта прокламація Нэккера была для всѣхъ земледѣльцевъ набатнымъ звономъ“. Съ другой стороны, въ томъ же постановленіи онъ обвинилъ всѣхъ купцовъ въ жадности и въ нечестныхъ спекуляціяхъ и объявилъ о возможномъ возстановленіи нѣкоторыхъ старыхъ регламентовъ. Тотчасъ рынки опустѣли; всѣ прекратили продажу хлѣба ²⁾. Мы вернемся еще къ этому постановленію совѣта, когда будемъ говорить о внутренней торговлѣ; теперь мы коснулись его, чтобы объяснить, почему недостатокъ хлѣба показался большимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и почему такъ скоро потребовались новыя поощренія для ввоза хлѣба.

Постановленіемъ совѣта 11-го января были вновь объявлены и увеличены преміи на ввозимый изъ-за границы хлѣбъ. Таможенные чиновники должны были выдавать привозителямъ свидѣтельства о количествѣ и происхожденіи ввозимаго хлѣба. Форма свидѣтельства и подробности формальностей должны были быть выработаны директорами таможенъ по соглашенію съ мѣстными му-

¹⁾ Arch. Nat. A. D. XI, 40. Arrêt du Conseil d'Etat du Roi pour encourager par des primes l'importation en France des blés et des farines venant des États Unis de l'Amérique, 23 novembre 1788. Necker. Sur l'administration de M. Necker, p. 286. Монтаравъ въ письмѣ къ директору таможенъ въ Марсели отъ 18-го марта 1789 г. говоритъ, что преміи учреждены постановленіемъ совѣта 29-го ноября 1788 г. и 11 января 1789 г. (Arch. Nat. F¹¹ 224); но онъ ошибается числомъ; 11-го же ноября произошло распространеніе пошлины на хлѣба не американскаго происхожденія.

²⁾ Biollay, Pacte de Famine, p. 25. Авторъ относитъ приведенныя заявленія къ постановленію совѣта о ввозныхъ преміяхъ,— это ошибка.

ниципалитетами. Сообщая эту инструкцію директору таможенъ въ Марсели в тамошнему муниципалитету, Монтаранъ снова вспомнилъ уже два раза поднимавшійся вопросъ о возможности двойного провоза хлѣба черезъ Септемскую таможену изъ Марсели и обратно; но на этотъ разъ онъ не рѣшается предписывать мѣръ для предупрежденія этого злоупотребленія, а предоставляетъ самимъ таможнямъ принять мѣры противъ обмана ¹⁾).

Купцы, возложившіе надежды на преміи, ошиблись въ своихъ расчетахъ и потерпѣли убытки, такъ какъ, не довѣряя частной предпримчивости, правительство само занялось выпиской хлѣба изъ-за границы черезъ своихъ комиссіонеровъ. Эти закупки стали особенно значительны со второй половины 1789 года. Хлѣбъ получался сначала изъ Англіи и Ирландіи, пока вывозъ оттуда не былъ запрещенъ; потомъ онъ вывозился изъ Петербурга, Гамбурга, изъ ганзейскихъ городовъ, изъ Амстердама, Неаполя, Берберіи и изъ Американскихъ Штатовъ. Изъ Америки доставлена была въ Гавръ мука.

Весь хлѣбъ, прибывшій въ Гавръ, поступалъ въ распоряженіе субделегата Урселя (Oursel), который былъ уполномоченъ правительствомъ распредѣлять его между мѣстными муниципалитетами и направлять его въ Руанъ и оттуда въ Парижъ. Въ Парижѣ весь хлѣбъ, прибывавшій изъ Руана, поступалъ въ склады, находившіеся въ Военной школѣ, и оттуда уже поступалъ на рынокъ. Въ Бордо тоже былъ уполномоченный правительства по хлѣбной части, нѣкто де-Кассьеръ (de Cassières), который распоряжался снабженіемъ юго-запада Франціи. Въ Марсели, повидимому, этимъ дѣломъ завѣдывалъ директоръ Африканской компаніи. Юнгъ говоритъ, что затраты Нэккера по продовольственнымъ мѣрамъ 1789—1790 года простирались до 40 милліоновъ ливровъ, и прибавляетъ при этомъ, что въ результатѣ получено было трехдневное пропитаніе страны. Самъ Нэккеръ говоритъ, что расходы на покупку хлѣба, считая фрахтъ и проч., простирались до 70 милліоновъ ливровъ и что приобрѣтено было разнаго хлѣба 3.600,000 кенталей. Главнымъ предметомъ заботы правительства по прежнему, какъ и при Людовикѣ XIV, былъ Парижъ. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ 1789 года въ склады Военной школы

¹⁾ Arch. Nat. F¹¹ 224. Письма Монтарана 18-го марта 1789 г. генеральному ступу, директору таможенъ въ Марсели и марсельскому муниципалитету.

поступило изъ Руана 21,615 кенталей рису, 1,451 кенталь пшеницы и 101 кенталь муки ¹⁾. Широкия продовольственныя мѣропріятія Нэккера не оправдывались, какъ оказалось впоследствии, дѣйствительною нуждою въ хлѣбѣ. Артуръ Юнгъ говоритъ, что онъ во многихъ провинціяхъ узнавалъ про обычныя цѣны и про цѣны текущія и нашель, что послѣднія мало разнятся отъ первыхъ ²⁾.

Переписка Нэккера въ 1790 году по хлѣбнымъ дѣламъ доказываетъ до очевидности преувеличенность опасеній относительно недостатка хлѣба. Въ этомъ преувеличеніи отчасти виноватъ характеръ самого Нэккера, который, какъ мнѣ кажется, сильно поддавался впечатлѣнію минуты и слишкомъ обобщалъ его: мы уже видѣли это въ 1777 году; но значительную долю вины надо отнести на счетъ мѣстныхъ властей, которыя осаждали Нэккера тревожными письмами на счетъ неурожая и просьбами о помощи. Не имѣя средствъ провѣрить эти показанія и скорѣе склонный преувеличивать эти опасенія, чѣмъ отнестись къ нимъ скептически, онъ подчинялся этимъ впечатлѣніямъ и пускалъ въ ходъ экстренныя мѣры. Такъ, на примѣръ, прокуроры Прованса били тревогу и требовали доставки изъ-за границы, по крайней мѣрѣ, 25,000 шаржъ хлѣба. На основаніи этого Нэккеръ приказалъ Африканской компаніи доставить хлѣбъ изъ Туниса и Алжира. Компанія доставила въ Марсель 16—18 тысячъ шаржъ, изъ коихъ 15 ты-

¹⁾ Necker, Sur l'administration de M. Necker, p. 290. J o u n g, Voyages en France t, II, p. 471, Arch. Nat. H., № 2200. Подъ этимъ номеромъ находятся два большихъ тома подъ названіемъ: Entrées et sorties des grains et farines; administration 1789, представляющіе собою приходо расходныя книги. Къ сожалѣнію, у меня не было времени заняться разборомъ этихъ счетовъ, и я извлекъ только изъ счета хлѣба, прибывавшаго въ военную школу (съ 23-го августа 1789 г. по 31-е декабря 1789 г.), слѣдующія цифры: 4233 мѣшка по 500 ф. рису; 1160 мѣшковъ по 125 ф. пшеницы; 22 мѣшка по 460 ф. муки, которые я перевелъ въ кентали старыя. Предъ банкирскимъ домомъ Гоппе (Норре) въ Амстердамѣ Нэккеръ лично поручился за Францію въ 1 милл ливровъ. Когда онъ былъ удаленъ въ іюль 1789 г. съ должности, то, прихавъ въ Брюссель, онъ не взялъ назадъ св. его ручательства, хотя и могъ это сдѣлать.

²⁾ Онъ полагаетъ, что средняя цѣна въ Шампани 18 л. сетье въ 240 ф., въ Лотарингіи 17½ л., въ Эльзасѣ—22 л., Франшъ-Конте—20 л., въ Бургундіи—18 л., въ Авиньонѣ и Провансѣ—24 л.; для Парижа, полагаетъ онъ, средняя должна быть 19 л., а для всей Франціи 20 л., что онъ находитъ недостаточнымъ для вознагражденія земледѣльца. Arth. J o u n g, Voyages, t II, p. 347.

сячь для Прованса, но за полученіемъ ихъ никто не явился. Компаніи пришлось продать этотъ хлѣбъ съ убыткомъ ¹⁾. Въ родѣ этого были факты и во многихъ другихъ мѣстахъ Франціи. Понятно, что хлѣба было выписано слишкомъ много, и его пришлось сбывать во что бы то ни стало.

Получивъ въ концѣ іюня 1790 года извѣстіе о томъ, что въ Марсель прибыло судно съ 1,860 шаржами пшеницы, Нэккеръ проситъ продать ихъ хотя бы съ убыткомъ, а также и тѣ 7,300 шаржъ, которыя находятся въ Марсели на счету правительства. Онъ пишетъ, что онъ предпочитаетъ понести убытокъ или продать хлѣбъ въ кредитъ, чѣмъ хранить его дольше ²⁾. Де-Кассьеру, завѣдывающему продовольствіемъ въ Бордо, онъ предлагаетъ сбыть военнымъ поставщикамъ хлѣбъ, оставшійся непроданнымъ. Въ началѣ августа Нэккеръ обращается къ морскому министру и проситъ его, по случаю увеличенія продовольствія флота, купить запасы хлѣба, находящіеся въ Гаврѣ, Руанѣ, Вернонѣ и Мантѣ. Въ сентябрѣ онъ получаетъ извѣстіе, что любекскій корабль „Contente“, шедшій изъ Петербурга съ 1,200 четвертями пшеницы (въ 2,400 мѣшкахъ), разбился около Калэ. Вытащенный и подмоченный хлѣбъ былъ, по его приказанію, проданъ за 7,500 л. ³⁾.

При форсированной продажѣ остатковъ хлѣба, которые оказались излишними, казна потерпѣла большіе убытки. Какъ велики они были, мы не можемъ сказать, но что они были очень значительны, это несомнѣнно. Они были двоякаго рода. Во-первыхъ, правительство потеряло на продажѣ и на портѣ тѣхъ запасовъ, которые принадлежали ему, а, во-вторыхъ, оно потеряло большую часть тѣхъ партій хлѣба, которыя были приобрѣтены за счетъ городовъ и провинцій, при чемъ надо сказать, что многіе города захватывали правительственные транспорты хлѣба, присвоивали ихъ, продавали или раздавали обывателямъ, а денегъ правительству не возвращали.

Изъ переписки видно, что тѣ запасы хлѣба, которые Нэккеръ предлагалъ то военнымъ поставщикамъ, то морскому министру, не были проданы еще въ концѣ 1790 года, послѣ его ухода, и

1) Arch Nat. F^{11*} 2. Письма Нэккера отъ 26-го іюня, 2-го и 24-го іюля 1790 года.

2) Arch Nat. Ibid. Письмо Нэккера отъ 2-го іюля 1790 г.

3) Ibidem, письма отъ 2-го и 31-го іюля, 7-го августа и 1-го октября 1790 г.

часть их попортилась; нѣкоторая часть ихъ была вывезена обратно за границу ¹⁾).

Мы говорили выше о хлѣбѣ, который ввезла въ Марсель Африканская компанія, и который она въ значительной части должна была продать съ убыткомъ. Сравнительно съ другими мѣстами Франціи положеніе дѣла для владѣльцевъ хлѣба было выгодно въ Марсели потому, что, по случаю русско-турецкой войны, подвоза хлѣба изъ Архипелага и Мореи почти не было, а провансальскій хлѣбъ всегда былъ дороже африканскаго и восточнаго. Поэтому тамъ запасы хлѣба какъ казенные, такъ и выписанные за счетъ казны, нашли покупателей, хотя и по убыточной цѣнѣ. Нэккеръ предложилъ компаніи обратиться за возмѣщеніемъ убытковъ къ муниципалитету Марсели и къ муниципалитетамъ другихъ городовъ Прованса, обѣщая съ своей стороны уплатить то, что приходилось на счетъ правительства. Компанія протестовала противъ такого способа расчета; она напомнила Нэккеру его письмо отъ 30-го октября 1789 года, въ которомъ онъ бралъ всю отвѣтственность за ввезенный хлѣбъ на казну. Тогда Нэккеръ отвѣтилъ, что онъ не отказывается отъ отвѣтственности, но только проситъ компанію сначала обратиться къ муниципалитету Марсели и къ управленіямъ департаментовъ, образованныхъ изъ Прованса, которые, вѣроятно, не откажутся платить ²⁾).

Оказалось, однако, что полученіе денегъ съ муниципалитетовъ Прованса не удалось. 27-го сентября 1790 года Монтаранъ пишетъ Бертрану, директору Африканской компаніи, что ему удалось убѣдить Нэккера оставить надежду на полученіе денегъ съ муниципалитетовъ Прованса. Преемникъ Нэккера сдѣлалъ попытку получить хоть что нибудь, но тоже безъ успѣха. Съ одной только Марсели причиталось въ казну 255,664 л.; не смотря на многочисленныя требованія, муниципалитетъ не заплатилъ ни гроша ³⁾).

1) Въ циркулярѣ къ агентамъ правительства отъ 26-го ноября 1790 г. Монтаранъ пишетъ, что всѣ запасы зерна и муки въ Гаврѣ, Руанѣ и другихъ мѣстахъ должны быть проданы и что часть ихъ попортилась. 18-го декабря 1790 г. онъ посылаетъ главному сборщику таможеннаго откупа въ Нантъ (*Receveur Général des Fermes*) счетъ вывезеннаго обратно изъ Бретани иностраннаго хлѣба. 24-го декабря 1790 г. онъ посылаетъ такіе же счета въ Марсель и Тулонъ.

2) Письма Нэккера отъ 2-го и 24-го іюля 1790 года и письмо къ нему африканской компаніи отъ 14-го іюля 1790 года. Arch. Nat. F^{11*} 2.

3) Письмо Монтарана отъ 27-го сентября 1790 г., письмо де-Ламбера отъ 25-го декабря 1790 г. и дальнѣйшія письма. Ibidem.

Муниципалитетъ Макона захватилъ 426 мѣшковъ хлѣба, которые лионскіе купцы Кондасія и сынъ (*Condatia et fils*) препровождали въ Корбей за счетъ правительства. Это было въ іюлѣ 1789 года; въ августѣ 1790 года правительство не могло получить съ него 4,280 л., причитающихся только за доставку этого хлѣба ¹⁾. Цѣлый рядъ бумагъ въ перепискѣ Монтарана (1790 г.) свидѣтельствуетъ, что города, получавшіе въ 1789 и въ началѣ 1790 г. хлѣбъ, выписанный правительствомъ изъ-за границы, продавали его, но денегъ правительству не возвратили.

Такимъ образомъ, ввозъ хлѣба во Францію во второе министерство Нэккера совершался при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ 1777 и 1778 годахъ, только въ 1789 году размѣры его были болѣе значительны. Сначала, повидимому, остановились на мысли, на которой, по всей вѣроятности, настаивалъ Монтаранъ, поощрять ввозъ назначеніемъ премій. Но, какъ мы знаемъ, Нэккеръ не довѣрялъ частной предпримчивости, а потому очень скоро онъ самъ берется за ввозъ хлѣба и распределеніе его. Когда лѣтомъ 1789 г., въ силу крушенія стараго порядка, центральное правительство лишается своихъ органовъ въ провинціи, Нэккеръ долженъ былъ поручить въ большинствѣ случаевъ городамъ завѣдываніе сбытомъ хлѣба. Они дѣлали то, что прежде дѣлали интенданты, субделегаты, начальники полиціи и королевскіе комиссіонеры, то-есть, продавали хлѣбъ за счетъ правительства, но только деньги оставляли въ свою пользу. Оттого убытки казны на хлѣбныхъ операціяхъ въ 1789—1790 годахъ были гораздо значительнѣе убытковъ 1777 и 1778 годовъ.

Продовольственныя мѣры Нэккера не ограничивались привлеченіемъ въ страну иностраннаго хлѣба. Онъ оперировалъ также и на счетъ хлѣба внутренняго происхожденія.

Какъ сказано выше, главнымъ предметомъ заботъ правительства было снабженіе Парижа. Мы упоминали о томъ, что предъ отмѣною парижскихъ регламентовъ относительно хлѣбной торговли Тюрго заключилъ контрактъ съ негоціантами Леле, въ силу котораго они должны были имѣть наготовѣ 25,000 мѣшковъ муки. Договоръ этотъ заключенъ былъ въ октябрѣ 1775 года на срокъ съ перваго января 1776 года по конецъ 1781 года. Въ 1777 году

¹⁾ Письмо Монтарана отъ 3-го августа 1790 г. *Ibidem*.

Нэkkerъ увеличилъ вознагражденіе, которое они получали за свои услуги, съ 50,000 л. до 62,500 л. Въ 1782 году ихъ контрактъ былъ возобновленъ опять на шесть лѣтъ, при чемъ ихъ вознагражденіе было увеличено до 77,500 л., но они должны были за то содержать наготовѣ не 25 тысячъ, а 31,000 мѣшковъ муки въ распоряженіи правительства. Затѣмъ въ 1784 году на тѣхъ же Леле возложена была обязанность доставлять въ королевскія резиденціи Версаль и С. Жерменъ 3,000 мѣшковъ муки по 4 л. за мѣшокъ, что составляло 12,000 л. Сверхъ того, въ ихъ распоряженіе отданы были королевскія мельницы и амбары въ Корбейѣ, и имъ выплачивалось за наемъ другихъ мельницъ какъ въ Корбейѣ, такъ и въ Эссонѣ (въ 2 километрахъ отъ Корбейя) 7,200 л. въ годъ. Такимъ образомъ, всего они получали къ концу срока второго контракта (31-го декабря 1787 г.) 96,700 л. 10-го октября 1787 г. контрактъ былъ возобновленъ на срокъ съ 1-го января 1788 г. на три года или на шесть лѣтъ. Сущность отношеній Леле къ правительству заключалась въ томъ, что они должны были доставлять на парижскій рынокъ 25,000 мѣшковъ муки въ годъ по требованію генераль-лейтенанта полиціи. Эта мука продавалась или за ихъ счетъ по текущей цѣнѣ, или же по цѣнѣ, назначенной полиціей. Кромѣ того, они должны были держать всегда наготовѣ 6,000 л. въ мѣшкахъ для экстренныхъ надобностей, которыя могли бы проявиться на рынкѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ, заботы правительства о дешевомъ хлѣбѣ для парижанъ выражаются въ 1787 году въ тѣхъ же мѣрахъ, въ которыхъ онѣ выражались и при Лаверди. Разница въ томъ, что Малиссе могъ, не выходя изъ предѣловъ контракта, вести широкія хлѣбныя операціи казеннымъ хлѣбомъ подъ предлогомъ возобновленія запаса зерна и муки, тогда какъ Леле казеннаго хлѣба въ свое распоряженіе не получали, а должны были, въ качествѣ подрядчиковъ, держать въ распоряженіи правительства известное количество муки и продавать его только въ Парижѣ или по вольной цѣнѣ, или по цѣнѣ, указанной генераль-лейтенантомъ полиціи. Но идея, лежавшая въ основѣ мѣропріятій по снабженію Парижа, остается та же. Какъ въ началѣ столѣтія и раньше были убѣж-

¹⁾ Biollay, Paste de Famine, стр. 228 и 233. Онъ цитируетъ мемуаръ, поданный королю въ 1777 году, который онъ приписываетъ съ большою вѣроятностью Нэkkerу (Arch. Nat. K. 908), и мемуаръ Монтарава для Фурке (Fourqueux) въ концѣ 1787 г. (Arch. Nat. H, 1444). Во второмъ контрактѣ, кромѣ Леле, контрагентомъ числится еще Монтессюи (Montessuy).

дены, что такой огромный городъ, какъ Парижъ, не можетъ быть продовольствуемъ обычными средствами торговли, такъ и Нэkkerъ говорилъ въ своешъ сочиненіи о хлѣбномъ законодательствѣ, „что огромная столица (*une capitale immense*) заставляетъ администрацію постоянно пещись о ней; соединеніе невдалекѣ отъ государя 600,000 человѣкъ обязываетъ во многихъ случаяхъ къ такимъ операціямъ, которыхъ нельзя предвидѣть“¹⁾.

Когда наступили опасенія за урожай 1788 года, Нэkkerъ не удовольствовался контрактомъ съ Леле для своихъ продовольственныхъ мѣропріятій. Онъ обратился ко многимъ комиссіонерамъ, которые покупали хлѣбъ внутри страны за счетъ правительства и доставляли въ указанные мѣста для продажи. Начались тѣ же операціи, которыя велись при аббатѣ Террѣ, хотя, можетъ быть, и не съ такими злоупотребленіями. Даже лица выступаютъ знакомыя. Самыя значительныя операціи за счетъ правительства въ въ 1789 году совершались Думеркомъ, который дѣйствовалъ при Террѣ. Но дѣятельность комиссіонеровъ Нэккера была гораздо труднѣе. Какъ только расшатался авторитетъ администраціи, такъ сейчасъ агенты правительства стали предметомъ проявленій народнаго гнѣва и подозрительности по отношенію ко всѣмъ хлѣботорговцамъ. Самъ Нэkkerъ говоритъ, что „негоціанты многихъ городовъ въ моментъ наибольшей дороговизны не только отказывались доставлять заграничный хлѣбъ за собственный счетъ, но они не хотѣли даже быть простыми агентами правительства; между тѣмъ обыкновенно этого положенія сильно добиваются, потому что оно доставляетъ комиссіонный процентъ безъ всякихъ затратъ капитала и безъ всякаго риска. Даже лица, по своему положенію подчиненныя администраціи (агенты), брались за эти операціи лишь изъ послушанія, и многія изъ нихъ подвергали жизнь опасности, исполняя свои обязанности“²⁾.

1) Necker, Essai sur la législation et le commerce des grains.

2) „Les negociantes des plusieurs villes, au moment de la grande cherté, se refusaient non seulement à faire venir des grains étrangers pour leur compte, mais ils ne voulaient pas même être employés comme de simples agents, sorte de fonctions néanmoins recherchées avec empressement; parce qu'elles procurent un droit de commission sans obliger à aucune avance et sans exposer à aucun risque. Les personnes attachées par leur état à l'administration ne se chargeaient de pareilles commissions que par obeissance et plusieurs en s'acquittant de leurs devoirs ont courru le risque de la vie“ (Sur l'administration de M. Necker par lui-même, p. 288). Преувеличенія тутъ нѣтъ; многіе факты

„Вотъ чего добился Нэккеръ,—замѣчаетъ по этому поводу Біоллэ,—когда онъ въ постановленіи совѣта 23-го ноября 1788 г. возвѣстилъ о жадности спекуляторовъ“ (lorsque par l'arrêt du Conseil du 23 novembre 1788 il avait dénoncé la cupidité des spéculateurs“). Это замѣчаніе справедливо лишь отчасти. Опасность, которой подвергались королевскіе коммиссіонеры, усилилась не только отъ того, что подозрительность народа была возбуждена громогласнымъ обвиненіемъ купцовъ въ жадности самимъ правительствомъ, но отъ того, главнымъ образомъ, что правительство лишилось власти и не могло уже теперь защищать ихъ, какъ оно дѣлало это прежде. Благодаря всей хлѣбной политикѣ Франціи, народъ привыкъ смотрѣть на всякаго хлѣботорговца, какъ на своего врага; казенные же коммиссіонеры пользовались этимъ нерасположеніемъ вдвое, потому что ихъ подозрѣвали въ вывозѣ хлѣба за границу, и операціи ихъ были шире, и бороться съ ними было нельзя. Теперь, когда это нерасположеніе не встрѣчало полицейской сдержки, оно стало чувствительнѣе и сильнѣе.

Національное Собраніе видѣло путаницу въ дѣлахъ, которую производили продовольственныя мѣропріятія Нэккера, и тѣ огромныя потери, которыя были связаны съ ними, и при томъ безъ серьезныхъ результатовъ. Въ продовольственномъ комитетѣ, учрежденномъ при Собраніи, большинство составляли сторонники Тюрго и противники Нэккера. Они не разъ заявляли Нэккеру требованіе о поддержкѣ свободы внутренней торговли. Наконецъ, чтобы предупредить всякое вмѣшательство правительства въ продовольственныя мѣры, Учредительное Собраніе декретомъ 12—19 сентября 1790 года приказало продать немедленно (à bref délai) весь хлѣбъ,

доказываютъ, что въ то время достаточно было хоть чуточку быть подозрѣваемымъ въ скупкѣ (ассар гement) хлѣба, чтобы рисковать жизнью. Альфредъ Мори въ разговорѣ со мною по этому поводу сообщилъ слѣдующій характерный фактъ. Въ день 5-го октября 1789 г. его бабушка сошла съ „Новаго Моста“ (Pont-Neuf) на набережную, неся въ передникѣ два или три хлѣба. Тутъ она наткнулась на кучку людей, которые обратили вниманіе на ея ношу. Развернувъ передникъ и увидя тамъ хлѣбъ, они пришли въ ярость, признали ее за скупщицу (ассарагеuse) хлѣба и потащили къ фоварю, чтобы безъ дальнѣйшихъ околичностей повѣсить ее. Никакія клятвы съ ея стороны и увѣренія въ противномъ не помогали. Къ счастью ея, на набережной появилась другая толпа и чѣмъ то привлекла вниманіе тѣхъ, которые собирались ее казнить. Воспользовавшись этимъ моментомъ, она успѣла ускользнуть и скрыться въ ворота ближайшаго дома.

находившіся въ казенныхъ магазинахъ ¹⁾. Нэккеру не пришлось окончить ликвидацію своихъ операций,—это убыточное дѣло осталось въ наслѣдіе его преемникамъ.

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ.

Декретъ Національнаго Собранія, прекратившій продовольственныя мѣропріятія Нэккера, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, возстановленіе внутренней хлѣбной торговли, которая подверглась большому потрясенію со времени вторичнаго вступленія Нэккера въ генеральный контроль. Въ положеніи внутренней хлѣбной торговли въ это время мы можемъ отмѣтить два момента. Первый до лѣта 1789 г., когда Нэккеръ распоряжался на всей своей волѣ, и второй, когда съ конца іюня этого года онъ долженъ былъ считаться съ мнѣніемъ Національнаго Собранія и въ то же время съ паденіемъ авторитета правительства, открывшаго путь анархіи. Счеты Нэккера съ Національнымъ Собраніемъ по вопросамъ хлѣбной торговли имѣли скорѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе, потому что въ это время уже ни у него, ни у Національнаго Собранія не было силы для того, чтобы заставить признавать свои воззрѣнія и слушаться приказаній. Крушеніе же стараго порядка и паденіе власти получило несомнѣнно практическое значеніе, такъ какъ на сцену выступили и дѣйствовали безпрепятственно всѣ тѣ предрасудки по отношенію къ хлѣбной торговлѣ, которые существовали давно въ обществѣ и были оживлены послѣдними распоряженіями Нэккера.

Нэккеръ самъ говорилъ: „какъ только я вступилъ въ министерство, я поторопился собрать свѣдѣнія о результатахъ урожая и о нуждахъ въ чужихъ странахъ“. Эти свѣдѣнія, которыя онъ собиралъ и, надо думать, собралъ въ нѣсколько дней, были далеки отъ истины. По поводу ихъ Юнгъ говоритъ: „какая самонадѣянность, какая пустота могутъ заставить человѣка вѣрить, что правда составляетъ удѣлъ такихъ изслѣдованій, что находишься ближе къ цѣли (qu'on est plus près d'une ligne, d'un point) по ихъ окончаніи, чѣмъ когда ихъ не начинали! Вообразите себѣ на минуту интенданта французской провинціи или англійскаго лорда-намѣстника, получающими приказъ о производствѣ такого изслѣдованія, прислушайтесь къ разговору, который ведется по этому

¹⁾ Biollay, Pacte de Famine. p. 251.

повсду за обѣдомъ, поѣзжайте верхомъ вмѣстѣ съ нимъ (лордомъ-намѣстникомъ, такъ какъ интенданту никогда бы и въ голову не пришла такая мысль) поразспросить фермеровъ; замѣтите безсвязность, ложность, небрежность свѣдѣній, которыя онъ получаетъ, и тогда подумайте о простотѣ той системы, которая опирается на такія изслѣдованія“. (Нэkkerъ утверждалъ, что его система относительно хлѣбной торговли самая простая и заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакой неизмѣнной системы, а дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ) ¹⁾.

Мы знаемъ, что Нэkkerъ на основаніи такихъ свѣдѣній представилъ себѣ положеніе дѣлъ въ гораздо худшемъ видѣ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; но самое собраніе этихъ свѣдѣній или только слухи о немъ ухудшили положеніе.

„Именно эти разслѣдованія сентября 1788 года,—говоритъ Юнгъ,—произвели все зло. Они проникли во все королевство, распространили всеобщій страхъ, цѣны поднялись; а когда онѣ поднимаются во Франціи, то сейчасъ затѣмъ слѣдуютъ несчатья; буйность черни дѣлаетъ опасною внутреннюю торговлю...“ Какъ обыкновенно бывало, хлѣбовладѣльцы стали опасаться появляться на рынкѣ, чтобы не подвергнуться грабежу черни или не стать жертвою великодушія полиціи. Хлѣбъ сталъ прятаться, рынки пустѣть. Нэkkerъ заявлялъ въ своемъ трактатѣ о хлѣбномъ законодательствѣ, что свобода внутренней торговли не только не полезна во время дороговизны, но даже вредна и требуетъ надзора администраціи. Теперь ему представился случай приложить къ дѣлу свою теорію. 23-го ноября 1788 года онъ издалъ постановленіе совѣта, въ которомъ громко возвѣстилъ о недостаткѣ хлѣба въ выраженіяхъ, способныхъ нагнать страхъ, и объявилъ походъ противъ скупщиковъ и спекулянтовъ. „Освѣдомившись о цѣнахъ на хлѣбъ и о различныхъ обстоятельствахъ, вліяющихъ на дороговизну,—говорилось во введеніи къ этому постановленію,—король съ прискорбіемъ узналъ, что умолотъ не далъ обычнаго количества хлѣба и что земледѣльцы вообще были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что губительный градъ опустошилъ поля на большомъ пространствѣ, и многія несчастныя причины повліяли на посредственность урожая въ большей части провинцій королевства. Но его величество освѣдомленъ, что нечего бояться недостачи хлѣба, а что, можетъ быть, не хватаетъ

¹⁾ Jung, Voyages en France, t. II, p. 336.

только излишка, необходимаго для того, чтобы удержать цѣны на справедливомъ уровнѣ, который былъ бы желателенъ. Не во власти его величества господствовать надъ законами природы... но онъ запретилъ вывозъ“; сверхъ того, говорилось далѣе, „въ силу своего отеческаго безпокойства и на основаніи обращенныхъ къ нему жалобъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ положить предѣлъ нѣкоторымъ спекуляціямъ, которыя бесполезны для землевладѣльцевъ и существенно вредятъ потребителямъ, это—закупки и скупки (ce sont les achats et les assaragements); предпринятія исключительно для того, чтобы воспользоваться возвышеніемъ цѣны, и которыя внушаютъ затѣмъ опасное желаніе возвышенія цѣнъ. Такія спекуляціи приносятъ свои выгоды въ урожайные годы, но онѣ вызываютъ тревогу и могутъ имѣть дурныя (facheuses) послѣдствія въ то время, когда цѣны на продовольствіе уже поднялись. Не желая, однако, разрѣшать какихъ либо розысковъ (inquisitions), которыми легко злоупотреблять, (король) признаетъ себя обязаннымъ возстановить на этотъ годъ (какой?) старинное предписаніе продавать и покупать только на рынкѣ, дабы поставить чиновъ полиціи въ возможность обнаруживать (éclairer) поведеніе тѣхъ, которые предаются нечестной торговлѣ...“

Вслѣдствіе этихъ соображеній постановленіемъ совѣта 23-го ноября 1788 года издаются слѣдующія распоряженія:

I. Подъ страхомъ наказаній, налагаемыхъ старыми регламентами, запрещается продавать хлѣбъ внѣ рынка.

II. Запрещается купцамъ и разнымъ лицамъ выходить на встрѣчу хлѣбу, закупать его на задатки и дѣлать иныя сдѣлки.

III. Запрещается заниматься торговлей хлѣбомъ чинамъ рыночной полиціи и лицамъ, причастнымъ къ министерству финансовъ. Затѣмъ параграфомъ шестымъ подтверждаются распоряженія старыхъ регламентовъ о распредѣленіи времени базара между купцами и частными лицами. Срокъ этого распоряженія назначенъ былъ годичный ¹⁾; но годъ спустя Нэккеръ былъ уже не въ силахъ возстановить свободу хлѣбной торговли, хотя бы онъ и хотѣлъ этого.

Этимъ распоряженіемъ Нэккеръ отмѣнилъ дѣйствіе деклараціи 1763 года и шагнулъ прямо къ регламентамъ добраго стараго времени, которые были подтверждаемы и формулируемы королевскими деклараціями и постановленіями совѣта конца XVII и на-

¹⁾ Arch. Nat. A. D. XI, 40.

чала XVIII вѣка ¹⁾. Едва ли Нэkkerъ зналъ въ подробности эти старыя регламенты, на которые теперь ссылался, и, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что они въ нѣкоторыхъ случаяхъ грозятъ розгами за покупку хлѣба внѣ рынка на задатокъ. Какъ бы то ни было, своими распоряженіями онъ оживилъ эти старыя регламенты, любезные общественнымъ предразсудкамъ оживилъ подозрительность противъ хлѣботорговцевъ, обвинивъ послѣднихъ всенародно въ жадности и спекуляціяхъ, вредныхъ для потребителя и бесполезныхъ для землевладѣльца, и нагналъ страхъ на вся и всѣхъ призракомъ голода и возвѣщеніемъ отеческаго безпокойства правительства о продовольствіи націи. Какъ говорилъ впоследствии членъ конвента Серръ, это постановленіе произвело впечатлѣніе набата: рынки опустѣли, хлѣбъ скрылся, купцами и фермерами овладѣла паника. Нечего и говорить, что мѣстныя власти развивали распоряженіе правительства и еще болѣе парализовали хлѣбную торговлю. Цѣны поднялись ²⁾. Результатъ получился обратный тому, котораго хотѣлъ достигнуть Нэkkerъ.

Въ послѣднемъ пунктѣ (VIII) постановленія совѣта 23-го ноября 1788 года Нэkkerъ, устами короля, „увѣщаетъ“ фермеровъ и землевладѣльцевъ снабжать въ достаточной степени рынки и тѣмъ восполнить отсутствіе предписаній, которыя король не считаетъ пока своевременнымъ возстановить. Отъ увѣщаній начальства до приказаній, обыкновенно, очень недалеко. Запрещая продажу внѣ рынка, Нэkkerъ не могъ не придти къ предписанію снабжать рынокъ. Весною 1789 года онъ пришелъ къ этому.

1-го апрѣля 1789 года онъ писалъ интенданту Бургони: „Парижскій парламентъ, я полагаю, скоро прикажетъ, чтобы чины полиціи обязывали землевладѣльцевъ, фермеровъ и складчиковъ

¹⁾ Декларация 1-го іюля 1694 г., ссылаясь на ординасы: Людовика XI,—1462 г., Франсуа I—1539 г., Генриха III—1577 г. и Людовика XIII—1629 г., запрещаетъ покупать хлѣбъ на задатки подъ страхомъ строгаго наказанія, „установленнаго мудрыми ординасами“, а именно: конфискаціи хлѣба, денегъ за него данныхъ, 1,000 л. штрафа съ каждой стороны и тѣлеснаго наказанія въ случаѣ повторенія. Ординасъ 21 ноября 1577 г. подробно регулировалъ продажу хлѣба.

²⁾ Въ іюнь 1789 г. Юнгъ говорилъ со многими свѣдущими людьми, и они ему говорили, что цѣны слишкомъ высоки сравнительно со спросомъ, но что недостатка хлѣба не было бы, если бы Нэkkerъ оставилъ въ покоѣ хлѣбную торговлю. Его стѣснительные эдикты, чистые комментаріи къ его книгѣ объ этомъ предметѣ, содѣйствовали поднятію цѣнъ болѣе, чѣмъ все остальное. *Young, Voyages, t. I, p. 190.*

хлѣба везти таковой на рынки. Парламентамъ Дижона и Франшъ-Конте, по всей вѣроятности, предложено будетъ сдѣлать то же самое“ ¹⁾. На счетъ парижскаго парламента онъ говорилъ не вѣрно. Нэkkerъ иногда прибѣгалъ къ такому приему: выдумывалъ, несуществующіе примѣры, чтобы побудить провинціальныя власти сдѣлать то, что ему хотѣлось. Парижскій парламентъ ограничился только просьбой о видоизмѣненіи деклараціи 1787 года (о вывозѣ); но парламенты Дижона и Безансона издали распоряженія, которыя шли дальше цѣли, предположенной Нэkkerомъ; они запретили вывозъ хлѣба изъ предѣловъ ихъ округовъ. Нѣсколько раньше интендантъ Шампани запретилъ вывозъ хлѣба изъ предѣловъ своего женералите ²⁾.

Не достигнувъ своей цѣли у парламентовъ, Нэkkerъ издаетъ 23-го апрѣля 1789 года новое постановленіе совѣта. Перечисливъ принятія правительствомъ продовольственныя мѣры и указавъ на то, что оно выхлопотало у другихъ привительствъ разрѣшеніе вывоза хлѣба во Францію, онъ говоритъ: „но спекуляторы, всегда опасные во время дороговизны“, должны быть обезкуражены. Желая идти дальше запрещенія продажи внѣ рынка, король приказываетъ:

I. Что собственники, фермеры и купцы могутъ быть принуждаемы судьями и полицейскими чиновниками достаточно снабжать рынки;

II. Уполномочиваетъ судей и полицію забирать свѣдѣнія, хотя бы даже судебнымъ порядкомъ, о количествѣ хлѣба въ амбарахъ и складахъ ихъ округа ³⁾.

Такимъ образомъ, Нэkkerъ воскресилъ распоряженія, изданныя во время голодовки 1709 года. Административное изслѣдованіе количества хлѣба, находящагося въ частныхъ амбарахъ, съ тѣхъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не практиковалось вовсе, а принудительное снабженіе рынка хотя и практиковалось, но въ видѣ частной мѣры. То, что предпринималось въ началѣ столѣтія, во время голодовки, когда цѣна доходила до 75 л. за сѣтье (32 л. за кенталь), когда мертвые люди валялись по дорогамъ, а живые ѣли весною траву и разныя корни,—то же самое Нэkkerъ предпринялъ въ концѣ столѣтія, въ годъ, когда неурожай былъ не-

¹⁾ Arch. Nat. F¹, 1174. Biollay, Pacte de Famine, p. 236.

²⁾ Biollay, p. 237.

³⁾ Arch Nat. A. D, XI, 40.

много хуже обыкновеннаго и когда о голодовкѣ не должно было быть и рѣчи. Распоряженія же дижонскаго и безансонскаго парламентовъ и интенданта Шампани шли даже дальше распоряженій, издававшихся во время этой знаменитой голодовки. Тогда при перевозкѣ хлѣба изъ одной провинціи въ другую, требовалась подача заявленія интенданту съ показаніемъ вывозимаго количества, но абсолютнаго запрещенія вывоза не допускалось. Правда, мѣстныя власти пытались запрещать циркуляцію хлѣба между провинціями, но не дѣлали этого въ абсолютной формѣ ¹⁾.

Дальше этихъ распоряженій Нэккеръ не шель, потому что оставалось еще только одно средство для обузданія жадности спекулянтовъ и земледѣльцевъ: это—конфисковать весь наличный хлѣбъ и продавать его за счетъ правительства; но это было фактически невозможно. Къ тому же съ наступленіемъ революціи у него выпала власть изъ рукъ, и онъ лишился прежней возможности руководить условіями хлѣбной торговли.

Съ наступленіемъ революціи къ путаницѣ, вызванной въ положеніи хлѣбной торговли нэккеровскими распоряженіями, противорѣчившими законамъ и возбуждавшими народную подозрительность, присоединяется паденіе центральной власти, открывшее дорогу анархіи. Распоряженія муниципалитетовъ и комитетовъ замѣщаютъ собою распоряженія центральнаго правительства; разнообразіе и противорѣчіе ихъ сдѣлали путаницу невообразимою. Дальше мы увидимъ, какъ распоряжались хлѣбной торговлей мѣстныя власти.

¹⁾ Декларация 27-го апрѣля 1709 года предписывала визитацію и опись наличнаго хлѣба въ складахъ частныхъ лицъ и общинъ Декларация 7-го мая того же года учредила комиссаровъ для этого дѣла, предоставивъ имъ право взламывать двери складовъ, описывать въ отсутствіи хозяина, конфисковать, въ случаѣ нарушенія ордонансовъ, хлѣбъ и продавать его на рынкѣ. Они должны были заставлять снабжать рынки и для этого распредѣлять хлѣбовладѣльцевъ между рынками, назначая количество хлѣба, которое должно быть доставляемо туда каждымъ изъ нихъ. Декларация 20-го іюня 1709 г. предписываетъ всѣмъ безъ изыятія сдѣлать декларацию количества собраннаго хлѣба черезъ 8 дней послѣ жатвы. Постановленіе совѣта 2-го апрѣля 1709 г. завляло, что король освѣдомился, „что вслѣдствіе жадности нѣкоторыхъ купцовъ и негоціантовъ перейдена справедливая мѣра помощи, которую одні провинціи могли оказать другимъ“ (on a excédé la juste mesure de secours que certaines provinces pourraient fournir à d'autres), и предписываетъ, что всѣ, желающіе купить хлѣбъ для вывоза въ другія провинціи, должны подавать интенданту заявленіе, который опредѣлитъ количество, дозволяемое къ покупкѣ. Arch. Nat. A. D. XI, 38 и коллекц. Нац. Библиот. F., 3444, f. a. 27.

Другимъ условіемъ, видоизмѣнившимъ съ наступленіемъ революціи дѣятельность генераль-контролера, было появленіе на сценѣ представителей сословій. Неограниченные никакой программой дѣятельности, они входятъ иногда даже въ детальные вопросы хлѣбной торговли; Нэккеръ долженъ былъ считаться съ ихъ мнѣніемъ и въ концѣ концовъ преклониться предъ нимъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ представители сословій были расположены къ свободѣ хлѣбной торговли. Относительно вывоза хлѣба большинство держалось взгляда, что его допускать не слѣдуетъ при наличныхъ условіяхъ; но что касается внутренней торговли, взгляды были весьма разнообразны. Не имѣя возможности войти въ разборъ ихъ, скажемъ только, что въ учредительномъ собраніи встрѣчались приверженцы самыхъ отсталыхъ взглядовъ. Всѣхъ перешеголялъ въ этомъ отношеніи Парижъ. Привыкнувъ кормиться дешевымъ хлѣбомъ на счетъ Франціи, третье сословіе столицы требовало въ наказѣ, данномъ депутатамъ, чтобы не только вывозъ былъ строжайше запрещенъ, но чтобы прекращена была свободная циркуляція хлѣба между провинціями, только чтобы ввозъ хлѣба во Францію былъ всегда свободенъ. Наказъ Медона требуетъ, чтобы каждый земледѣлецъ былъ обязанъ доставлять свѣдѣнія о количествѣ собраннаго хлѣба въ снопахъ, въ кадушкахъ (bottes) и въ мюи, а также и о проданномъ количествѣ въ теченіе каждаго мѣсяца. Наказъ Реймса требуетъ строжайшаго преслѣдованія скупщиковъ, „этой язвы государства“, и т. д. Интересно, что Барреръ и другіе будущіе террористы сильнѣе другихъ декламировали противъ скупщиковъ и требовали суровыхъ мѣръ противъ нихъ. Барреръ требовалъ, чтобы хлѣбные спекулянты были объявлены внѣ закона: „мы найдемъ,—говорилъ онъ,—средства, чтобы напугать монополію и ободрить торговлю“. Онъ требовалъ свободы циркуляціи хлѣба и въ то же время одобрялъ обыски (perquisitions), предписанные нѣкоторыми интендантами. Это были понятія о свободѣ хлѣбной торговли Людовика XIV, мѣропріятія котораго якобинцы чуть ли не копировали впоследствии.

Какъ бы тамъ ни было, большинство Учредительнаго Собранія склонялось къ идеямъ Турго по отношенію къ внутренней хлѣбной торговлѣ. Интересуясь вопросомъ о продовольствіи, Собрание учредило (іюнь 1789 года) „продовольственный комитетъ“ (Comité des subsistances). Настроеніе большинства этого комитета обозначилось тѣмъ, что Дюпонъ-де-Немуръ избранъ былъ его докладчикомъ.

Для разъясненія своимъ товарищамъ хлѣбнаго законодательства онъ составилъ и напечаталъ *Analyse historique de la législation des grains depuis 1699, à la quelle on a donné la forme d'un rapport à l'Assemblée Nationale* (Paris, 1789). Сдѣлавъ очеркъ законодательства о хлѣбной торговлѣ, авторъ въ концѣ излагаетъ идеи, которыя должны лечь въ основу новыхъ законовъ.

Нэkkerъ понялъ, что онъ долженъ считаться съ мнѣніями сторонниковъ свободы хлѣбной торговли и почувствовалъ потребность оправдать свою дѣятельность по продовольственной части. Онъ составилъ (*Memoire instructif*) „Объяснительную записку“, которая была издана при „*Journal de Paris*“ въ началѣ іюля мѣсяца. Въ этомъ документѣ онъ снимаетъ съ правительства отвѣтственность за стѣсненіе циркуляціи хлѣба. Онъ ей всегда покровительствовалъ; въ посягательствахъ, предметомъ которыхъ была хлѣбная торговля, виноваты парламенты и мѣстныя власти, которыя были возбуждены народными воплями. На сколько были близки къ правдѣ эти заявленія Нэkkerа, видно изъ вышеприведенныхъ нами фактовъ. Онъ выставялъ далѣе въ этой „Запискѣ“ широкія продовольственныя мѣры, имъ принятыя. По его словамъ, онъ обезпечилъ за собою за границей 1.404,463 кенталей хлѣба, изъ коихъ 800,000 уже прибыло во Францію. Онъ объяснялъ дороговизну тѣмъ, что „въ 1787 году Франція отдалась хлѣбной торговлѣ съ большею энергіей, чѣмъ когда либо, и что поэтому значительное количество хлѣба было вывезено за границу“, Онъ не могъ не указать и на скупщиковъ, какъ на причину дороговизны, хотя и дѣлаетъ это осторожнѣе, чѣмъ прежде въ ноябрьскомъ и апрѣльскомъ постановленіяхъ королевскаго совѣта. „Скупщичество есть главная причина, которой народъ (*multitude*) приписываетъ дороговизну,—говоритъ Нэkkerъ,—и въ самомъ дѣлѣ часто можно было жаловаться на жадность спекулянтовъ“¹⁾.

Если Нэkkerъ своею „Объяснительною запискою“ искалъ оправданія своихъ мѣръ сторонниками Тюрго, то онъ не достигъ своей цѣли; если публикаціей ея онъ старался усилить свою популярность, то это ему, пожалуй, удалось, по крайней мѣрѣ у па-

¹⁾ „*Memoire instructif*“ напечатанъ въ приложеніи къ номеру отъ 10-го іюля 1789 г. „*Journal de Paris*“. За немнѣніемъ его подъ руками, мы его цитируемъ по Біоллэ (*Pacte de Famine*, p. 249) и по Юнгу (*Voyages en France*, t. II, pp. 335 и 340). По всей вѣроятности, раньше онъ появился въ видѣ официальнаго изданія, ибо Юнгъ относитъ его публикацію къ концу іюня.

рижскаго народа, хотя и не надолго; но что его „Объяснительная записка“ могла пугать население Франціи и особенно „жадных“ земледѣльцевъ и хлѣботорговцевъ, это несомнѣнно. Кричать во всеуслышаніе о полномъ недостаткѣ хлѣба и о жадности спекуляторовъ вообще неудобно, а при тогдашнихъ условіяхъ это было просто таки опасно. Юнгъ говоритъ, что онъ собственными глазами видѣлъ эффектъ, произведенный изданіемъ „Объяснительной записки“: немедленно обозначилось огромное возвышеніе цѣны. На рынкѣ въ Нанжи хлѣбъ продавался отъ 38 до 43 л. за сетье; на слѣдующій день 1-го іюля онъ стоилъ 49 л.; еще день спустя въ Куломье полиція таксировала хлѣбъ въ 4 л. 5 s. и 4 л. 6 s. за 25 ф.; но такъ какъ по этой цѣнѣ фермеры не хотѣли везти на рынокъ, то они продавали у себя на мѣстѣ по 5½ и даже по 6 л. за 25 ф., то-есть, 75 л. за сетье. Возвышеніе цѣны въ Нанжи было на 11 л. на сетье въ 14 дней (то-есть, болѣе 25%), а въ Куломье это вздорожаніе было еще сильнѣе. Замѣтимъ, что эти рынки находятся неподалеку отъ столицы, для которой Нэккеръ сдѣлалъ такіе огромные запасы ¹⁾.

„Объяснительная записка“ не избавила Нэккера отъ неудовольствія видѣть порицаніе своей системы со стороны Учредительнаго Собранія. Послѣ длинныхъ и запутанныхъ преній оно издало 29-го августа 1789 года постановленіе, которымъ, запрещая вывозъ хлѣба за границу, объявляло свободу внутренней хлѣбной торговли. Пренія о хлѣбной торговлѣ касались трехъ пунктовъ: предложенія объявить оскорбленіемъ націи посягательство на циркуляцію хлѣба, запретить вывозъ его и позволить, и даже предписать, внутреннюю циркуляцію хлѣба. Читая протоколы преній, можно замѣтить, что нѣкоторые депутаты (изъ участвовавшихъ въ преніяхъ) не знали существующихъ хлѣбныхъ законовъ, напри- мѣръ, о каботажѣ. Результатомъ преній было постановленіе слѣдующаго содержанія: „Національное Собраніе, принимая во вниманіе, что государство состоитъ не изъ различныхъ обществъ, чуждыхъ другъ другу, тѣмъ менѣе непріятельскихъ..., что нельзя было бы сопротивляться движенію хлѣба (изъ мѣста, гдѣ онъ дешевле, въ мѣста, гдѣ онъ дороже), не произнося настоящей про- скрипціи противъ провинцій, которыя испытываютъ недостатокъ въ немъ, что ничто такъ не противно законамъ королевства, которые вотъ уже 26 лѣтъ постоянно предписывали, чтобы ни въ

¹⁾ Arth. Jung, Voyages t. II, pp. 335 и 336.

какомъ случаѣ и никакимъ способомъ не было чинимо препятствій транспортовкѣ хлѣба изъ одной провинціи въ другую и изъ кантона въ кантонъ, что, слѣдовательно, необходимо обезпечить исполненіе этихъ законовъ и позволить циркуляцію зерна и муки,—единственного средства уравнить распредѣленіе и цѣну продовольствія,—подъ охраною (*sauve garde*) націи и короля, повелѣло и повелѣваетъ:

I. Чтобы существующіе законы, предписывающіе свободную циркуляцію зерна и муки изъ одной провинціи въ другую, изъ города въ городъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко и изъ деревни въ деревню, исполнялись по точному смыслу и буквѣ; кассируются и уничтожаются всѣ ордонансы, приговоры и постановленія, которые изданы противно этимъ законамъ; запрещается всѣмъ судьямъ и администраторамъ, какого бы то ни было рода, издавать подобныя распоряженія подъ страхомъ преслѣдованія за оскорбленіе націи (*lèse nation*), запрещается также, кому бы то ни было, посягать прямо или косвенно на сказанную циркуляцію хлѣба подъ страхомъ тѣхъ же наказаній¹⁾.

„Это было,—говоритъ Биоллэ,—лишь подтвержденіемъ принципа, такъ какъ въ это время законы были безсильны, суды были лишены авторитета, а народъ принималъ своеволие за свободу“²⁾.

По понятнымъ причинамъ Нэккеръ не хотѣлъ обнародовать декрета 29-го августа и добивался его отмены. По всей вѣроятности, по его внушенію комитетъ докладовъ (*comité des rapports*) Учредительнаго Собранія совѣтовалъ послѣднему въ вопросахъ хлѣбной торговли положиться на „мудрость министра“ (*sagesse du ministre*), но Собраніе не вышло этому совѣту и постановленіями 15-го и 19-го сентября поручило президенту просить короля обнародовать декретъ³⁾. Сопротивляться было трудно. Парижскій хлѣбный рынокъ былъ почти пустъ; въ Монитерѣ появились статьи, обвинявшія правительство въ спекуляціяхъ на народный голодъ; впечатлѣніе этихъ статей было тѣмъ значительнѣе, что слухи на этотъ счетъ, какъ мы видѣли, ходили уже давно, а изъ приведеннаго выше показанія Юнга мы видимъ, что въ существованіе секретнаго вывоза всѣ вѣрили.

1) „*Moniteur Universel*“, № 48, отъ 29—31 августа 1789 г. Протоколъ за сѣданія Национальнаго Собранія отъ 29-го августа.

2) Biollay, P. de F., p. 224. „*Les lois étaient sans force, les tribunaux sans autorité et le peuple prenait la licence pour la liberté*“.

3) Biollay, l. c., p. 245.

Результатомъ ходатайства президента Собранія предъ коро-
лемъ было изданіе постановленія совѣта 21-го сентября 1789 года,
коммъ былъ обнародованъ декретъ Национальнаго Собранія. Изда-
вая это постановленіе, Нэккеръ далъ ему совершенно необычную
форму, такъ что было явственно, что этотъ документъ исходитъ
не отъ короля, а отъ Собранія ¹⁾).

Какъ декретъ Собранія 29-го августа, такъ и это постанов-
леніе было лишь подтвержденіемъ принципа; практическаго значе-
нія оно не имѣло. Въ то время, какъ Нэккеръ и Собраніе спо-
рили изъ-за принципа, страна не слушалась ни Нэккера, ни Со-
бранія, и каждый городъ, каждое мѣстечко поступали по соб-
ственному усмотрѣнію, призывая на помощь тѣ средства, которыя
диктовались привычками, предрасудками и узкими мѣстными инте-
ресами, не простиравшимися даже до предѣловъ провинціи, не
говоря уже о цѣломъ государствѣ. Интересно то, что въ этой су-
мятицѣ проявили въ массѣ населенія полную жизненность тѣ ре-
гламенты и идеи, которые уже потеряли кредитъ въ образован-
ныхъ сферахъ общества и, судя по многимъ распоряженіямъ пра-
вительства и послѣднему декрету Собранія, сданы были въ архивъ.
Нэккеръ оказывался солидарнымъ съ массой населенія; весьма вѣ-
роятно, что въ силу этой солидарности его распоряженія 23-го
ноября 1788 г. и 23-го апрѣля 1789 г. оказали вліяніе на направ-
леніе распоряженій мѣстныхъ властей въ 1789 и 1790 годахъ. По-
смотримъ на то, что дѣлалось въ провинціи.

Начальство въ Нанжи запретило покупать одному и тому же
лицу болѣе двухъ буасо хлѣба въ теченіе одного и того же ба-
зара въ предупрежденіе скупки. „Я видѣлъ сегодня,—говоритъ
Юнгъ,—какъ продается пшеница на базарѣ подъ эгидой этихъ
правиль. Пикетъ драгунъ стоялъ посреди площади для предупреж-
денія беспорядковъ. Обыкновенно народъ споритъ съ булочниками,
говоря, что они запрашиваютъ цѣну выше существующей (au des-
sus du cours); отъ спора онъ доходитъ до кулаковъ, поднимаетъ
бунтъ и разбѣгается, захвативъ пшеницу и печеный хлѣбъ и не
заплативъ ни гроша. Это самое произошло въ Нанжи и во мно-
гихъ другихъ мѣстностяхъ; послѣдствіемъ было то, что булочники

¹⁾ Въ предисловіи говорилось: „L'Assemblée Nationale convaincue, d'après
le rapport qui lui a été faite par le comité des subsistances que la sureté du
peuple, relativement au besoins de première nécessité et la securité à cet égard...
sont essentiellement attachés, en ce moment à une exécution rigoureuse de son
décret du 29 août dernier a décrété et décrète“... (Ibid., въ примѣчаніи).

и фермеры перестали являться на рынокъ до тѣхъ поръ, пока недостача хлѣба не дошла до крайней степени и цѣна поднялась до невозможности; это увеличило зло и сдѣлало необходимою постановку солдатъ, чтобы обезпечить поставщиковъ рынка“ (roug voyageurs du marché, 29-го іюня 1789 г.).

Въ Медонѣ полиція распорядилась, чтобы никто не смѣлъ покупать пшеницы безъ того, чтобы не взять равнаго количества ячменя (10-го іюня 1789 г.)¹⁾:

Муниципалитетъ Бурга (Bourg) издалъ 30-го іюля 1789 года ордонансъ, которымъ запрещалось мѣстнымъ купцамъ покупать хлѣбъ внѣ рынка и выходить на встрѣчу хлѣбу, запрещалось открывать хлѣбный рынокъ (grenette) раньше 11 часовъ и появляться туда купцамъ раньше этого часа; иногороднимъ купцамъ запрещалось совсѣмъ покупать хотя бы и на рынокъ, если у нихъ нѣтъ официального свидѣтельства, что хлѣбъ нуженъ въ томъ мѣстѣ; откуда они явились²⁾.

Комитетъ избирателей въ Маконѣ издалъ 21-го августа 1789 г., безъ всякаго на то права, приказъ, подобный предыдущему, называя его „обезпеченіемъ свободной циркуляціи, единственнаго средства обезпечить изобиліе“³⁾.

Въ Эксѣ милиція арестовала обозъ въ 22 повозки съ хлѣбомъ, шедшій въ Марсель, подъ предлогомъ, что этотъ хлѣбъ везутъ въ Марсель затѣмъ, чтобы провезти его оттуда обратно и взять вторично премію. Собралась толпа, вытащила изъ домовъ двухъ купцовъ, хозяевъ этого хлѣба, волокла ихъ по улицамъ и чуть не убила; имъ спасли жизнь тѣмъ, что обоихъ посадили въ тюрьму. Офицеры милиціи объявили хлѣбъ конфискованнымъ въ пользу бѣдныхъ. Д'Андре торжественно освободилъ купцовъ и остановилъ раздачу хлѣба впредь до рѣшенія министра (январь 1790 г.)⁴⁾.

Аресты обозовъ хлѣба или же запрещеніе увоза партій его, купленныхъ правительствомъ, стали обычнымъ явленіемъ. Къ этому присоединился еще грабежъ хлѣбныхъ партій, направляв-

1) J o u n g, Voyages, t. I. стр. 190 и 222.

2) Philibert le Duc, Histoire de la Révolution dans l'Ain (Bourg en Bresse) б. 80, 1879—1884, t. I, стр. 59—60.

3) Ibidem, стр. 98.

4) Arch. Nat. F¹¹ 224. Донесеніе d'André Нэккеры отъ 31-го января 1790 г. и письмо St. Priest ему же 3-го февраля 1790 г. D'André или Dandré, вѣроятно, депутатъ Учредительнаго Собранія, впоследствии генераль-директоръ полиціи, уроженецъ Экса.

шихся по главнымъ воднымъ путямъ для снабженія большихъ городовъ. Это явленіе стало особенно частымъ послѣ взятія Бастиліи ¹⁾.

Муниципалитеты городовъ Орэ (Auray) и Ваннъ (Vannes) въ Бретани арестовали въ 1789 году хлѣбъ, приобрѣтенный правительствомъ, и въ теченіе цѣлаго года не позволяли тронуть его съ мѣста. Даже когда правительство въ слѣдующемъ году рѣшило употребить его тамъ же, въ Бретани, для солдатъ, то все же населеніе не позволило перевезти его изъ одного кантона въ другой ²⁾.

Муниципалитетъ Розуа (Rosoy, или, какъ его теперь зовутъ, Rozoy-en-Brie) арестовалъ партію хлѣба одного купца, везшаго его въ Парижъ. Нэккеръ приказалъ муниципалитету немедленно освободить этотъ хлѣбъ (9-го іюня 1790 г.); но это приказаніе не было исполнено. Мѣсяць спустя, онъ вторично повторяетъ его, вѣроятно, съ такимъ же успѣхомъ ³⁾.

Комитетъ избирателей Ориоля (Oriol) арестовалъ 96 кенталей хлѣба, направлявшагося въ Парижъ (29 іюля 1789 г.), и, не смотря на всѣ приказанія, въ іюнѣ 1790 г. еще не возвратилъ его.

Муниципалитетъ Ларошели взялъ въ свою пользу $\frac{1}{4}$ груза, направлявшагося въ Пуату.

Муниципалитетъ Жекса жаловался лѣтомъ 1790 года, что изъ округовъ Брессы и Бюже (Bujex) совсѣмъ не выпускаютъ къ нимъ хлѣба; если бы Женева да муниципалитеты общинъ С. Кло и Оржеле (St. Claud, Orgelet) имъ не помогли, то они пропали бы совсѣмъ. Эти два муниципалитета составляли счастливое исключеніе по отношенію къ хлѣбной торговлѣ. Поэтому Нэккеръ благодарить ихъ за то, что они содѣйствовали снабженію хлѣбомъ Жекса и успокоили населеніе относительно этого вывоза ⁴⁾.

1) Нэккеръ говоритъ: „cependant un autre genre de contrariétés était survenu pendant mon absence (іюль, 1789), le pillage des grains le long de la Seine avait été l'un des effets du relachement de l'ordre public“ (Necker, Sur l'Administration de M. Necker, p. 298)

2) Arch. Nat. F¹¹* 2. Письмо Нэккера муниципалитетамъ Орэ и Ванна отъ 17-го мая 1790 г.

3) Ibidem, Письма Монтарана муниципалитету Розуа отъ 9-го іюня и 5-го іюля 1790 г. Въ письмахъ не указано, въ какой Розуа (Rosoy) адресуются они: въ Rozoy-en-Brie (около Куломье) или же въ Rozoy-sur-Serre (около Лана, въ департаментѣ Энъ); но болѣе вѣроятно, что мы имѣемъ дѣло съ первымъ городомъ, который былъ хлѣбнымъ рынкомъ для Парижа.

4) Arch. Nat. F¹¹* 2. Письма 9-го іюня и 5-го іюля 1790 г. муниципалитету Розуа, 16-го іюня муниципалитетамъ Жекса, С. Кло и Оржеле и Ларошели, 25-го іюня постоянному комитету Ориоля.

Получая со всѣхъ сторонъ жалобы на стѣсненія хлѣбной торговли и циркуляціи хлѣба, Нэккеръ былъ безсиленъ остановить анархію, да кажется и не особенно хлопоталъ объ этомъ. Онъ выражалъ надежду, что организація департаментовъ и ихъ управленія устранить препятствія циркуляціи хлѣба ¹⁾. Но эта надежда была напрасна; анархія продолжалась, а новыя департаментскія учрежденія продолжали прежнюю политику и въ свою очередь имѣли мало фактической силы, которую могли бы противопоставить самоуправству населенія. Директорія Перпиньяна, напри- мѣръ, самостоятельно издаетъ правила для хлѣбнаго каботажа и создаетъ ими очень стѣснительныя формальности для перевозки хлѣба. Нэккеръ ограничивается совѣтомъ отмѣнить эти пра- вила ²⁾.

Суассонцы арестовали хлѣбъ, купленный агентами города Меца, а когда муниципалитету Суассона указали на декретъ Національнаго Собранія о свободной циркуляціи хлѣба, то онъ отвѣ- тилъ на это, что декретъ Собранія разрѣшаетъ не свободный вы- возъ (extraction) хлѣба изъ какого либо города, а лишь свобод- ную циркуляцію его. Обыватели же Суассона (peuple de Soissons) воспрепятствовали только вывозу хлѣба, а транзиту не мѣшали. (Это было 31-го іюля 1790 г.).

Это хитроумное толкованіе закона было доложено комитетомъ разслѣдованій (comité des recherches) Національному Собранію въ засѣданіи 23-го сентября 1790 года. Интересно, что Робеспьеръ защищалъ мѣропріятіе суассонцевъ тѣмъ соображеніемъ, что хлѣбъ, купленный въ ихъ городѣ, могъ быть увезенъ за границу, и совѣ- товалъ собранію не предписывать имъ выдать купленный хлѣбъ и не преслѣдовать ихъ за нарушеніе закона, чтобы не отвратить отъ себя сердце суассонскаго народа. Депутатъ Редереръ энер- гично возсталъ противъ теоріи Робеспьера, и Собраніе приняло резолюцію о преслѣдованіи виновныхъ въ препятствіяхъ свобод- ному движенію хлѣба ³⁾.

Большая часть департамента Варъ получала хлѣбъ изъ Ланг- дока по каналу. Муниципалитетъ Нарбонны перехватывалъ хлѣб- ные грузы и поставилъ Тулонъ въ такое положеніе, что, по сло-

¹⁾ Ibidem. Отвѣтъ муниципалитету Жекса отъ 16-го іюня 1790 г.

²⁾ Ibidem. Письмо директоріи Перпиньяна отъ 21-го сентября 1790 г.

³⁾ Протоколъ засѣданія Національнаго Собранія отъ 23-го сентября 1790 г., „Moniteur Universel“, № 268.

вамъ депутата Андре, этотъ городъ въ началѣ сентября 1790 г. очутился наканунѣ голода ¹⁾.

Движеніе хлѣба по Сенѣ было такъ затруднительно, что два люгера (Chasses-marées) должны были постоянно крейсировать между Гавромъ и Руаномъ, чтобы защищать хлѣбные грузы отъ захвата. Такія же затрудненія происходили на Луарѣ. Нантскій муниципалитетъ жаловался осенью 1790 года, что мѣстныя власти по теченію Луары совершенно прекратили движеніе хлѣба. Нантскіе купцы и ихъ агенты подвергались въ Орлеанѣ даже личной опасности. Муниципалитетъ Нанта проситъ поставить по берегамъ войска для защиты плывущихъ грузовъ. Нэккеръ находитъ эту мѣру не исполнимою, то, что сдѣлано было на Сенѣ, не находили возможнымъ сдѣлать на Луарѣ. Въ первомъ случаѣ заинтересованъ былъ Парижъ, а его боялись, на Луарѣ же интересы Парижа были второстепенными. Нѣсколькими днями позже, однако, (27-го октября 1790 г.) мы встрѣчаемъ энергичный циркуляръ генераль-контролера къ директоріямъ департаментовъ Луаре, Луары и Шеры, Эндры и Луары, Мэна и Луары, въ которомъ, ссылаясь на тѣ же жалобы Нанта, онъ предписываетъ обезпечить свободу движенія хлѣба и предлагаетъ употребить въ дѣло милицію и войска, если убѣжденія не подѣйствуютъ. Въ этотъ же день онъ пишетъ муниципалитету Орлеана отдѣльно и требуетъ принять мѣры къ обезпеченію циркуляціи хлѣба ²⁾.

Препятствія въ циркуляціи хлѣба, конечно, ставили въ затрудненіе главнымъ образомъ большіе города, которые не могли снабжаться мелкими, незамѣтно проходящими партіями хлѣба. На-

¹⁾ Протоколъ засѣданія Національнаго Собранія отъ 13-го сентября 1790 г., *ibid.*, № 257.

²⁾ Письмо Нэккера отъ 25-го 1790 г. упоминаетъ объ охранѣ на Сенѣ. Письма Монтарана отъ 4-го и 19-го октября и циркуляръ Ламбера отъ 27-го октября 1790 г. Arch. Nat. F¹¹* 2. Нэккеръ вышелъ въ отставку въ началѣ сентября. (По Зибею, 4-го или 10-го сентября 1790 г.). Отвѣтъ муниципалитету Нанта на его ходатайство объ охранѣ Луары писанъ, по всей вѣроятности, Монтараномъ въ духѣ Нэккера. Энергичный тонъ циркуляра 27-го октября 1790 г. могъ быть результатомъ и новыхъ представленій Національнаго Собранія королю о принятіи мѣръ къ тому, чтобы въ Орлеанѣ исполнялись декреты о свободѣ циркуляціи хлѣба. Эти представленія поставлено было сдѣлать въ засѣданіи 13-го сентября 1790 г. по поводу жалобъ депутата Орлеана Саломона, что виноградари мѣшаютъ движенію хлѣба по Луарѣ и грозятъ городу большими несчастіями. „*Moniteur Universel*“, 1790, № 257.

селеніе, возбужденное политическими событіями, волновалось и иногда въ дороговизнѣ и недоставкѣ хлѣба склонно было видѣть проявленіе махинацій „аристократовъ“. Поэтому хлѣбные бунты въ городахъ были въ 1789 году явленіемъ гораздо болѣе частымъ, чѣмъ прежде.

Наиболѣе чувствительны были затрудненія циркуляціи хлѣба для Парижа. Со времени взятія Бастиліи, по словамъ Неккера, начался грабежъ хлѣба вдоль по Сенѣ. „Къ тому же нужда въ хлѣбѣ въ Нормандіи проявилась въ страшныхъ размѣрахъ, и законъ необходимости заставлялъ Руанъ и другіе города, лежащіе вдоль по Сенѣ, арестовывать большую часть грузовъ, предназначавшихся первоначально для снабженія Парижа“¹⁾. Сосредоточеніе нѣкоторыхъ полковъ вокругъ столицы, возбуждая тревогу въ населеніи столицы, усиливало затрудненія въ ея снабженіи. Произошло волненіе 5-го октября, сопровождавшееся экспедиціей парижской толпы и національной гвардіи въ Версаль и закончившееся переселеніемъ короля въ Парижъ.

Намъ кажется, что политическія причины движенія 5-го октября 1789 года играли роль параллельную съ главною причиною экономической. Ни золото герцога Орлеанскаго, ни желаніе Лафайета произвести давленіе на правительство съ цѣлью скорѣйшаго утвержденія деклараціи правъ не могли бы вызвать этого движенія, если бы не было двухъ фактовъ первостепенной важности: 1) дѣйствительной недостачи хлѣба, особенно чувствительной вслѣдствіе застоя въ дѣлахъ, и 2) убѣжденія парижанъ во всемогуществѣ правительства въ дѣлѣ созданія изобилія или недостачи хлѣба. Иначе и быть не могло въ городѣ, привыкшемъ кормиться дешевымъ хлѣбомъ, — въ городѣ, въ которомъ правительство издавна взяло на себя заботу о снабженіи населенія хлѣбомъ, и гдѣ цѣною его распоряжался полицеймейстеръ.

Справедливость этого воззрѣнія на движеніе 5-го октября подтверждается сообщеніемъ Національному Собранію, сдѣланнымъ Тарже со словъ другихъ депутатовъ, прибывшихъ изъ Парижа въ Версаль утромъ въ этотъ день и видѣвшихъ начало движенія. По ихъ словамъ, недостача хлѣба была очень велика и броженіе сильное, и они понимали это броженіе, какъ результатъ нужды. Національное Собраніе, повидимому, раздѣляло это мнѣніе, потому что тотчасъ занялось обсужденіемъ мѣръ обезпеченія про-

1) Necker, Sur l'Administration de M. Necker. p. 299.

довольствія Парижа и свободной циркуляціи хлѣба и постановило послать депутацію къ королю и просить его поддержать декретъ 29-го августа 1789 г. и принять мѣры къ обезпеченію циркуляціи.

Когда депутація парижанокъ, пришедшихъ въ Версаль, являла въ Національное Собраніе, то ораторъ этой депутаціи Майяръ (Maillard) объявилъ, что онѣ пришли требовать хлѣба, что аристократы хотятъ морить голодомъ Парижъ и съ этой цѣлью платятъ мельникамъ деньги съ тѣмъ, чтобы они не мололи хлѣба, и требовалъ, чтобы Національное Собраніе занялось обсужденіемъ вопроса о хлѣбѣ¹⁾.

Въ Версали узнали о движеніи парижанъ довольно рано, такъ что на совѣщаніи у короля обсуждался вопросъ о томъ, что дѣлать королю: оставаться ли, или уѣхать? Рассказывая объ этомъ, Нэккеръ сообщаетъ о мотивахъ, которые онъ выставилъ противъ отъѣзда короля. Главнымъ мотивомъ было то, что Парижъ, лишенный продовольственныхъ запасовъ, живущій изо дня въ день партіями хлѣба, разыскиваемыми внутри и внѣ королевства, неизбежно подвергся бы всѣмъ ужасамъ голода, если бы при подобныхъ условіяхъ удаленіе короля и волненія, которыя были бы его результатомъ, подорвали довѣріе различныхъ агентовъ, дѣятельное посредничество которыхъ давало возможность удовлетворять лишь самыя насущныя нужды. Далѣе Нэккеръ говоритъ, что „къ чести короля надо сказать, что это соображеніе произвело на него большое впечатлѣніе“.

Такимъ образомъ депутаты, прибывшіе въ Версаль, видѣвшіе парижскія волненія, свидѣтельствуютъ, что причина ихъ лежитъ въ недостаткѣ хлѣба. Учредительное Собраніе точно также понимаетъ дѣло, на совѣщаніи у короля рѣчь идетъ опять таки о хлѣбѣ, и соображеніями о продовольствіи Парижа рѣшается вопросъ огромной политической важности: остаться ли королю въ Версали и ждать тутъ парижанъ, или же уѣхать отъ грозившей опасности? Фактъ недостачи хлѣба и затруднительность его доставки въ Парижъ засвидѣтельствованы депутатами, самимъ Нэккеромъ, женщинами, явившимися въ Національное Собраніе, и, наконецъ, подтверждаются всѣми обстоятельства хлѣбной торговли во Франціи вообще и условіями продовольствія Парижа въ частности.

Возстаніе 5-го октября было явленіемъ, подобнымъ тѣмъ, ко-

1) „Moniteur Universel“, № 68. Протоколъ засѣданія.

торыхъ опасались еще въ 1709 году по поводу затруднительности доставки хлѣба въ Парижъ изъ Шампани; о немъ говорили, какъ мы видѣли, и позднѣе, когда заходила рѣчь о продовольствіи Парижа. Тогда, доказывая необходимость продовольствовать Парижъ казенными средствами, указывали на опасность близости отъ королевской резиденціи такого огромнаго скопища людей,—и Парижъ кормили казеннымъ способомъ. Парижанъ пріучили думать, что они должны составлять предметъ особыхъ заботъ правительства, что отъ него вполнѣ зависитъ, сыты ли они или голодны. Что же непонятнаго, что теперь, когда хлѣба стало мало, когда они стали голодать,—они возстали и вздумали идти къ правительству и къ королю требовать хлѣба. То же самое происходило въ другихъ городахъ; только тамъ осаждали не короля, а ближайшее начальство.

Не сомнѣваясь въ добротѣ и благожелательности короля, народъ приписываетъ свои бѣдствія аристократамъ; онъ говоритъ про нихъ, что они побуждаютъ мельниковъ и булочниковъ не молоть и не печь хлѣба. Въ этихъ разговорахъ мы видимъ знаменіе времени и отголосокъ рѣчей Пале-Рояля. Отъ этихъ разговоровъ до мысли освободить короля изъ-подъ вліянія аристократовъ было уже не далеко.

Теперь является другой вопросъ: откуда эта мысль привезти короля въ Парижъ? Разрѣшеніе его кроется уже не въ общемъ настроеніи парижской массы, а въ условіяхъ данной минуты. Тутъ надо принять въ расчетъ и дѣятельность демагоговъ, и золото агентовъ герцога Орлеанскаго, и желанія и вліяніе Лафайета. Исторія указываетъ и доказываетъ существованіе этихъ факторовъ; но какова ихъ роль? Золото ли агентовъ герцога Орлеанскаго, вліяніе ли политическихъ замысловъ Лафайета и Нэккера, сила ли рѣчей палерояльскихъ ораторовъ произвели движеніе 5-го октября, или же они воспользовались этимъ движеніемъ и извлекли (не всѣ, а лишь нѣкоторые) извѣстные политическіе результаты? Изъ вышеизложеннаго ясно, что мы приходимъ къ послѣднему заключенію. Замѣчательно, что не изъ среды возставшихъ произнесено было слово о переселеніи короля въ Парижъ, а вице-президентомъ городской думы Вовилье въ то время, когда возставшіе еще не прибыли въ Версаль. Когда же затѣмъ народъ, провожавшій карету короля изъ Версаля въ Парижъ, говорилъ, что онъ везетъ главнаго булочника и главную булочницу, то онъ былъ въ этомъ совершенно искрененъ, истолковывая по своему

смысль совершавшагося событія. Такимъ образомъ, мы не раздѣляемъ мысли Зибеля, что „источникъ и путеводную нить“ движенія 5-го октября „надо искать только въ совѣтѣ министровъ¹⁾, а, напротивъ, полагаемъ, что главная причина его экономическая и кроется не только въ современныхъ условіяхъ продовольствія Парижа, но и въ исторіи этихъ условій; затѣмъ слѣдуетъ поставить вліяніе политическаго настроенія эпохи, то есть, антагонизма между привилегированными и непривилегированными классами; значенію же дѣятельности Лафайета и его партіи мы отводимъ третье мѣсто и полагаемъ его въ томъ, что они дали толкованіе этому движенію и воспользовались его результатами²⁾.

Извиняясь передъ читателемъ за сдѣланное отступленіе, мы возвращаемся къ нашему разсказу о положеніи внутренней хлѣбной торговли. Мы видѣли, что въ концѣ октября 1790 г. изданъ энергическій циркуляръ, съ цѣлью подавленія препятствій движенію хлѣба. Этотъ рѣзкій поворотъ наступилъ послѣ того, какъ Нэккеръ покинулъ отель генеральнаго контроля. Циркуляръ принадлежитъ его преемнику Ламберу. Нэккеръ, какъ мы видѣли, не принималъ мѣръ къ прекращенію анархіи. Силы на это у правительства не было,—это правда; но и желанія къ тому тоже не было. По крайней мѣрѣ, мадамъ Сталь говоритъ, что, хотя у министровъ мало было средствъ противъ безпорядка, но они ихъ не употребляли, льстя себя надеждою, что это несчастное положеніе вещей заставитъ Собраніе предоставить правительству больше власти („encore ne les employaient ils pas, se flattant que ce malheureux état des choses obligerait l'Assemblée à rendre plus de force au gouvernement“).³⁾

Собраніе было тоже безсильно помочь бѣдѣ, но оно настаивало, хотя и безуспѣшно, на томъ, чтобы министръ принялъ мѣры къ восстановленію свободы внутренней хлѣбной торговли. Во многихъ декретахъ въ маѣ 1790 г. оно подтвердило свой взглядъ на этотъ вопросъ и 2-го іюня, по докладу Тарже, оно объявило врагами конституціи тѣхъ, кто возбуждаетъ народъ къ посягательству на собственность; тѣхъ, кто препятствуетъ движенію хлѣба, и тѣхъ, кто побуждаетъ народъ требовать регламентаціи цѣнъ съѣстныхъ припасовъ. Эти взгляды шли въ разрѣзъ со взглядами

1) Зибель, Исторія революціи, т. I, стр. 80.

2) На что указалъ Зибель. Ibid., стр. 85.

3) Considérations sur la Revolution Française. Biolley, P. de F. стр. 247.

Нэккера на хлѣбную торговлю, и косвенно онъ былъ сопряченъ къ врагамъ конституціи.

Въ инструкціяхъ, данныхъ 12-го августа 1790 г., Учредительное Собраніе включило въ число истинъ, которыя административныя учрежденія должны особенно усердно распространять, принципы, которые оно приняло окончательно. „Продовольствіе,—говорило оно,—можетъ быть поддержано лишь свободою внутренняго движенія (хлѣба); препятствія, чинимыя послѣднему, не преминуть, если не совсѣмъ заставить его скрыться, то во всякомъ случаѣ вызвать его крайнюю рѣдкость (gareté) и дороговизну“ ¹⁾. Эти объявленія были осужденіемъ нэккеровской системы.

Не довольствуясь провозглашеніемъ принципа, Національное Собраніе, еще съ октября 1789 года требовало отъ министерства, чтобы оно сообщило ему о мѣрахъ, которыя могли бы обезпечить его примѣненіе. Въ отвѣтъ на такія требованія правительство жаловалось обыкновенно на непослушаніе агентовъ, на упадокъ духа судовъ и заявляло, что оно не можетъ принять на себя отвѣтственности за положеніе вещей, въ которомъ „тщетно искали бы мира и субординаціи“. Никакихъ опредѣленныхъ предложеній оно не дѣлало; въ его арсеналѣ таковыхъ не было, потому что Нэккеръ еще до начала анархіи израсходовалъ всѣ мѣры, которыя полагались по его системѣ. Программы у него не было, какъ не было ея и по крупнымъ политическимъ вопросамъ ²⁾.

Собраніе оставило безъ разсмотрѣнія мемуаръ, представленный Нэккеромъ, о положеніи продовольственнаго дѣла и предписало ему сообразоваться въ дѣлѣ продовольствія съ принципами Тюрго ³⁾. Это было уже слишкомъ много для Нэккера; это для него равнозначительно было самоотреченію. Онъ вышелъ въ отставку (сент. 1790 г.), когда представленный имъ одинъ проэктъ налога былъ отвергнутъ Собраніемъ. Побѣдивъ Тюрго въ 1776 г., теперь, 15 лѣтъ спустя, онъ былъ побѣжденъ его идеями. Отставка его прошла незамѣченной. Насколько онъ былъ популяренъ въ началѣ дѣятельности Учредительнаго Собранія, настолько его авторитетъ сталъ ничтоженъ, когда съ нимъ познакомились поближе.

¹⁾ Biollay, p. 246. Moniteur, V, p. 636.

²⁾ Biollay, p. 247. Онъ говоритъ, что тактика Нэккера была въ томъ, чтобы только видѣть положеніе вещей, но не предлагать никакихъ опредѣленныхъ мѣръ. Это справедливо, но только отчасти.

³⁾ Biollay, Pacte de Famine, p. 247.

Въ публикѣ его популярностъ тоже пропала, и не только потому, что она въ сущности была мало основательна, но и потому, что событія опередили его.

Теоретически паденіе Нэккера обозначаетъ торжество сторонниковъ свободы хлѣбной торговли надъ приверженцами регламентации и опеки. Исполнительная власть послѣ Нэккера дѣйствуетъ согласно съ направленіемъ первыхъ. Мы видѣли циркуляръ Ламбера по поводу обезпеченія свободы движенія хлѣба по Луарѣ. Въ тотъ же день (14-го октября 1790 г.) онъ издалъ другой циркуляръ директоріямъ всѣхъ департаментовъ, за исключеніемъ Корсики и Парижа, въ которомъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ организованы департаменты, „его величество обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые изъ нихъ позволили себѣ посягать на свободу внутренней торговли и старались отграничить себя отъ остального государства“. Далѣе разъясняется вредъ стѣсненія движенія хлѣба и необходимость поддержки однѣхъ провинцій другими. Министръ въ то же время успокоиваетъ мѣстныя власти указаніемъ, что, двигаясь, хлѣбъ не уйдетъ за границу, такъ какъ внѣшняя торговля остановлена. Но онъ не зарекается навсегда отъ разрѣшенія вывоза хлѣба за границу; для регулированія внѣшней торговли,—говоритъ онъ,—нужны данныя объ урожаяхъ и цѣнахъ, а потому онъ проситъ департаменты, по примѣру прежняго времени, доставлять ему эти свѣдѣнія ¹⁾).

Этотъ циркуляръ свидѣтельствуетъ, что новый министръ исполнилъ желаніе Національнаго Собранія и рекомендовалъ мѣстнымъ властямъ тѣ истины, пропаганды которыхъ оно требовало постановленіемъ 12-го августа 1790 года. Но можно съ увѣренностью сказать, что и этотъ циркуляръ исполнялся нисколько не лучше, чѣмъ другія распоряженія правительства, если не принимать въ расчетъ того, что лучший урожай 1790 года и пониженіе цѣнъ на хлѣбъ умѣрили вообще ретивость мѣстныхъ властей по части стѣсненій хлѣбной торговли. Какъ бы въ отвѣтъ на провозглашаемая министромъ истины департаментъ Финистере потребовалъ, чтобы военные и морскіе поставщики не смѣли покупать хлѣбъ ближе 12 лье отъ Бреста. Министръ отвѣтилъ, что такого требованія 50 лѣтъ не бывало; но, вѣдь, многое изъ того, что проявилось въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, не показывало признаковъ жизни чуть не съ начала столѣтія.

1) Arch. Nat. Fii^o 2.

Это послѣдній документъ ¹⁾, который намъ довелось читать и которымъ оканчивается второй фоліантъ переписки Монтарана по хлѣбной части. Мы здѣсь остановились въ нашей работѣ. Это не значитъ, что дальнѣйшая эпоха не привлекаетъ нашего интереса. Нѣтъ, напротивъ, она имѣетъ большой интересъ; но разъ надо остановиться, то надо это сдѣлать на рубежѣ. Съ 1789 года начинается новая эпоха; она будетъ новою и для хлѣбной торговли. Старыя воззрѣнія, привычки и предрасудки воспрянули снова и дали сраженіе воззрѣніямъ новымъ. Сначала, казалось, послѣднія проиграли битву; но на самомъ дѣлѣ это было не такъ: идеи новыя относительно хлѣбной торговли восторжествовали въ революціонную эпоху и проникли въ концѣ концовъ глубже въ общественное сознаніе, несмотря на то, что на сторонѣ опеки были такія личности, какъ Наполеонъ I.

Эта переходная эпоха очень интересна въ разсужденіи хлѣбной торговли, и мы надѣемся, что намъ суждено еще ею заняться впоследствии.

1) Письмо отъ 24-го декабря 1790 г. Arch. Nat. F¹¹³* 2.

Les artels Russes.

I.

En Russie on donne le nom d'artel à un groupe d'ouvriers qui s'associent dans le but de produire un certain travail. On ne peut faire partie de l'artel qu'à la condition de prendre part réellement au travail. Un caractère important de l'artel, c'est la caution solidaire de ses membres. Rappelons ici qu'on retrouve ce principe fondamental de l'artel dans notre commune rurale. On sait en effet que la possession de la terre en commun et la caution solidaire font vivre le „mir“ russe, assemblée communale; ainsi l'artel et la commune rurale se trouvent unis par des liens de parenté et les conditions qui ont fait naître ces deux institutions sont identiques. Dispersés à de grandes distances sur toute l'étendue d'un énorme territoire, les Russes devaient encore lutter contre les peuplades finnoises et turques qui les entouraient; ils n'auraient pas pu sortir victorieux de cette lutte s'ils n'avaient été intimement liés par leurs institutions rurales fondées sur la caution solidaire et la possession de la terre en commun. Ces mêmes conditions favorisaient encore incomparablement mieux l'entreprise en commun du travail, quel qu'il fût; en outre les traditions créées par la vie communale contribuaient à reproduire l'organisation du „mir“ dans toutes les branches d'activité.

Tout en admettant que la commune rurale soit la sœur aînée de l'artel, ce dernier cependant a une origine très ancienne: il apparaît, on peut le dire, à l'aube de la vie russe et son développement la suit dans toutes ses phases. M. Kolatcheff¹⁾ a prouvé que

¹⁾ Kolatcheff. „Des artels dans la Russie ancienne et contemporaine“. Saint-Pétersbourg, 1864.

les artels existaient déjà au XI siècle et que leur organisation d'alors avait été nécessairement précédée d'une longue période de développement. Nous bornant ici à ce coup d'œil jeté sur l'histoire, nous allons nous occuper seulement des artels contemporains.

Au premier rang il faut placer les artels de la Bourse, car ils sont les plus puissants et les mieux organisés. S'ils ont pris ce nom, c'est parce qu'ils déploient leur activité topographiquement dans le voisinage de la Bourse ¹⁾ Ils se sont organisés pour s'occuper des travaux de chargement, de déchargement, d'emballage de la conservation des marchandises et de l'exécution de certaines commissions commerciales. Aussi se sont-ils formés tout d'abord dans les grands centres commerciaux, comme Saint-Pétersbourg et Moscou. L'édifice de la Bourse à Saint-Pétersbourg est situé au bord même de la Néva, tout près de l'endroit où ont lieu le chargement et le déchargement des vaisseaux. C'est là que se concentre l'activité des artels qui portent le nom de la Bourse. A Moscou il en est de même: la Bourse est placée au centre de l'activité commerciale, dans cette partie de la ville qui porte le nom de „Kitaï-gorod“ (ville chinoise) ou simplement „Gorod“ (ville) ²⁾. Un espace énorme est occupé par le „Gostinny dvor“, vaste magasin ininterrompu qui rappelle la city à Londres ³⁾. Les marchandises circulent à „Gostinny dvor“ avec rapidité et en abondance, elles arrivent directement des fabriques pour être expédiées par les nombreuses gares de Moscou dans toutes les régions de la Russie et dans les pays étrangers. C'est là encore ou dans les établissements de thé voisins que se règlent les affaires. Toutes les manipulations qui sont nécessaires pour la circulation et la conservation des marchandises se trouvent entre les mains des artels de la Bourse. Mais tout en conservant leur nom générique, chacun de ces artels en particulier porte encore un nom propre quelquefois assez étrange, ce dernier toutefois trouve toujours une explication historique. Ainsi à Saint-Pétersbourg ils portent les

¹⁾ Il y a lieu cependant de faire remarquer ici que l'artel de la Bourse à Moscou se trouve lié au comité de la Bourse dont la caisse garde le capital de l'artel pour servir de garantie contre les pertes que ses membres pourraient causer à leurs clients.

²⁾ De même dans le vieux Paris on appelait ville l'endroit autour de l'Hôtel de ville.

³⁾ „Gostinny-dvor“ peut être traduit par cour des marchands, parce que le mot „gost“ avait la double signification de marchand et d'hôte et „dvor“ cour.

noms de Jaroslavskaïa, Ambourskaïa, Porterova, Koloumbievskaïa, Stouartova, etc. A Moscou ils portent des noms moins bizarres: Gostinnodvorskaïa, Illiynskaïa, Amourskaïa, Alekseievskaïa, etc. Les artels de Saint Pétersbourg et de Moscou possèdent des sections dans différentes villes; pour l'accomplissement de certaines charges aux endroits éloignés, sur la demande des maisons de commerce ils choisissent parmi eux des membres qu'ils envoient au loin.

Les artels de la Bourse, nous l'avons dit, ont pour but de s'occuper principalement du chargement, du déchargement et de la conservation des marchandises. Habituellement ils possèdent tout le train de voitures et les moyens nécessaires pour leurs opérations. Mais le rôle de ces artels est plus étendu. Ils fournissent des caissiers aux banques et à beaucoup de maisons de commerce. C'est encore par l'intermédiaire des artels que se font les paiements. A Odessa ce sont eux qui veillent à la conservation des grains engagés dans les établissements de crédit ¹⁾. Ces artels veillent encore à toutes les manipulations pour le déchargement et la conservation des marchandises qui doivent acquitter les droits de douanes et ils répondent de toutes les fautes commises. Enfin ils sont chargés de recevoir, de livrer et de garder les bagages des voyageurs sur un grand nombre de lignes de chemins de fer.

Si les particuliers, aussi bien que les sociétés et même l'État, préfèrent recourir aux artels pour l'accomplissement des opérations commerciales et autres, c'est qu'ils trouvent dans leur organisation de sûres garanties de travail et de probité, conditions primordiales de toute affaire d'industrie ou de négoce. Depuis bien longtemps, au XI siècle déjà, on a reconnu et apprécié ces avantages; aussi le gouvernement moscovite avait-il ordonné que tous les ouvriers arrivant à Moscou ne fussent admis à travailler qu'à la condition d'appartenir à un artel et d'être inscrits régulièrement. Tous les artels ainsi constitués ont les mêmes traits généraux dans leur organisation. Ceux de la Bourse qui sont les corporations les mieux développées ont élaboré des statuts dont un certain nombre date de 1810. Toujours on y trouve un paragraphe disant que tous les membres de l'artel répondent par la caution solidaire des pertes qui auront été causées aux tierces personnes et aux établissements dont les travaux étaient confiés à l'artel. Cependant, dans certains sta-

¹⁾ V. notre étude sur les sociétés de crédit mutuel en Russie (Réf. soc 1 juillet 1889, p. 35, 41).

tuts, cette responsabilité disparaît et l'artel ne répond plus de rien, si quelque marchand s'accorde directement avec un „artelien“¹⁾ et lui confie un travail en dehors de l'artel. C'est celui-ci, en effet, qui peut le mieux répartir le travail suivant la capacité et la probité de chacun, et si l'accord se fait à son insu, il est dans l'impossibilité de le contrôler²⁾. D'autres statuts, d'une part, défendent aux arteliens, sous peine d'amende et même sous peine d'expulsion de la corporation, de s'occuper d'un travail qui n'est pas indiqué par l'artel; d'autre part, ils leur commandent d'accepter sans objection tout travail prescrit. On voit donc que la liberté individuelle, pour tous ceux qui font partie de l'artel, est très limitée. Mais l'artel comme le „mir“ ne possèdent ce plein droit de commander à leurs membres que parce que l'aliénation partielle des droits individuels est un principe essentiel de leur existence même.

A la tête des artels de la Grande-Russie se trouve toujours un „doyen“ (Starosta). Il représente l'artel dans tous les rapports extérieurs; règle les conditions des opérations dont se chargent les arteliens et met aussi ces derniers à la disposition des établissements, des marchands, etc., en convenant d'avance du taux des salaires. Il répartit les travaux entre les arteliens et veille à leur exécution³⁾. Le doyen recueille et garde l'argent que la corporation gagne, et fait à chacun des arteliens des avances sur la somme qui lui sera attribuée lors du partage du gain. Les droits du doyen ne sont pas les mêmes partout. Certains artels lui confèrent le pouvoir absolu de désigner les arteliens pour des travaux respectifs tandis que d'autres ne lui permettent de les désigner que pour le travail à la journée; dans tous les autres cas il doit s'en rapporter aux membres eux-mêmes. Dans les artels de la Bourse à Saint-Pétersbourg, en général, le pouvoir des doyens est plus limité que dans ceux de Moscou; en revanche ces derniers obligent le doyen de remplir ses fonctions devant les saintes images; car ils y voient le gage de la régularité de sa conduite. Dans tous les artels, les doyens sont honorés et obéis par les arteliens qui doivent exécuter leurs ordres sans réplique.

1) Nous appellerons ainsi désormais tout membre de l'artel.

2) Cf. les statuts de l'artel novokorpousnafa, § 3, dans l'appendice K o l a t - c h e f f. „Russie ancienne et contemporaine“, 1864, p. 70, Saint-Pétersbourg.

3) Il y a aussi un grand nombre d'artels qui d'après leurs statuts partagent eux-mêmes les travaux entre leurs membres.

La désobéissance ou même une parole grossière dite au doyen sont punies d'une amende ou de la privation du travail pendant un certain temps. De son côté le doyen est responsable devant l'assemblée, et s'il était coupable de négligence on pourrait lui infliger une amende; en cas d'abus ou de dommage on pourrait le destituer et même l'expulser de la corporation. En général le doyen est nommé pour un an ou même six mois¹⁾. A côté du doyen il y a le secrétaire qui tient les comptes et fournit les renseignements nécessaires ors des malentendus qui pourraient surgir au sujet des sommes dues à l'artel par les clients. Dans l'artel de la Bourse à Moscou (gostinny dvor) le secrétaire enregistre les sommes d'argent que lui indique le doyen et toujours devant la sainte image. Souvent encore il a le devoir de conserver les livres de l'artel. Il est absolument défendu au doyen d'enregistrer lui-même dans les livres aucun compte. Le doyen et le secrétaire reçoivent lors du partage des gains leur part d'honoraires gagnés, comme les autres arteliens, mais en outre ils touchent une rétribution spéciale, généralement proportionnelle au bénéfice réalisé²⁾.

Le pouvoir supérieur appartient à l'assemblée de l'artel; ses décisions sont sans appel. Voici le texte des statuts de l'artel de Moscou: „Les décisions de l'assemblée générale de l'artel doivent être pour nous un devoir sacré, c'est pourquoi nous engageons à ne pas nous en plaindre, et les tribunaux n'ont pas à en connaître.“ Ceci montre que l'artel étend sa compétence au de là des limites que comportent ses droits réels. D'un commun accord l'artel recrute de nouveaux membres, applique la peine d'amende aux arteliens et les renvoie de son sein. A défaut du doyen l'artel lui-même répartit les occupations entre ses membres, procède à l'élection de ses fonctionnaires et fait le partage de l'argent gagné. Comme tous les membres connaissent bien les droits de l'association artelienne, la plupart des statuts ne les énoncent pas.

1) Dans l'artel „Stouartova“ remplissent les fonctions du doyen successivement tous les membres à tour de rôle, mais si quelque membre ne voulait pas les accepter ou si la corporation refusait à quelque membre confiance, il devrait se faire remplacer au prix d'une certaine rétribution par un autre membre que choisirait l'assemblée (§ 7 des statuts, ibidem). Il y a là une sorte de punition pour l'incapacité ou pour l'infidélité.

2) Dans l'artel „novokorpousnaïa“ de Saint-Pétersbourg, cette rétribution supplémentaire du doyen et de l'écrivain en hiver est deux fois moindre qu'en été.

Quant aux devoirs des artéliens entre eux et envers le public, ils sont déterminés par les deux qualités que doit absolument posséder tout membre de la corporation.— Fidélité et probité! — D'après le texte des statuts de l'artel de Moscou ce devoir est le premier de tous. Il doit être strictement observé dans toutes les actions de l'artelien et de l'artel, aussi bien lorsqu'il s'agit de la conservation des marchandises et des capitaux que lorsqu'il s'agit de diverses commissions. Une simple amende suffit pour punir les fautes de l'artelien. Mais s'il manque aux devoirs de fidélité et de probité, on l'écarte complètement de l'association avec perte des sommes qu'il a versées dans la caisse commune. Pour délits moins graves, dans certains artels le membre coupable est privé de travail pendant une durée de temps déterminée. Presque tous les statuts défendent aux membres de se battre, de s'injurier, de paraître au travail en état d'ivresse. Celui qui ne se présente pas au travail pour cause de maladie ne perd pas son droit au salaire; pendant la durée d'un an il le touchera en entier. Mais, disent les statuts, si l'artelien est lui-même coupable de sa maladie, par exemple, s'il a reçu des coups dans une rixe ou s'il s'adonnait à l'ivrognerie ou à la débauche, alors, non seulement on ne lui paye plus son salaire, mais encore il doit payer à l'artel des dommages-intérêts deux fois plus forts en été qu'en hiver.

Pour garantir la moralité de chaque artelien, son élection est soumise au vote et ensuite il doit verser sa part de capital, appelée „vkoup“, dans la caisse de l'association. Les aspirants, présentés à l'artel sur la recommandation de quelque artelien titulaire ou d'autres personnes connues de l'association, sont élus membres d'après l'approbation générale. Le „novik“, c'est ainsi que s'appelle l'artelien nouvellement élu, apporte dans le capital de l'artel son „vkoup“ qui est généralement de 1,000 roubles, mais qui peut atteindre quelquefois 3,000 roubles. Cependant on n'exige presque jamais toute la somme à la fois. On verse d'abord 100, 200 et 300 roubles et le reste se déduit du salaire du „novik“ par petites parts à chaque nouveau partage de gains. Si le novik verse toute la somme à la fois, on lui fait une réduction. En outre, lorsque les artéliens ayant versé leur part entière dans le capital de l'artel répondent du „novik“, son premier versement du „vkoup“ se trouve facilité encore davantage. Ce premier versement peut se faire aussi par parties. Versé ainsi dans la caisse de l'artel, cet argent est aussitôt partagé entre tous les membres anciens, c'est-

à-dire entre ceux qui faisaient déjà partie de la corporation au moment de l'admission du nouveau membre. C'est pourquoi dans beaucoup d'artels le capital n'est représenté que par les outils, les instruments et le matériel de transport. Pour couvrir les pertes causées par quelque artelien, on fait habituellement la quête auprès de tous les associés. Mais dans le cas de certains artels que leurs grosses opérations commerciales exposent à de grandes pertes d'argent, ce mode de réparation devient insuffisant. Alors on crée un capital en proportion des dommages possibles. C'est ainsi que l'artel „starogostinnodvorskaïa“, à Moscou, possède à cet effet un capital de réserve s'élevant, si je ne me trompe, à la somme de 500,000 roubles, lequel est déposé à la caisse du comité de la Bourse. Il est destiné à assurer la responsabilité de l'artel devant les tiers.

On peut cesser de faire partie de l'association de trois manières: d'abord pour cause de décès, ensuite par sa volonté propre, ou enfin par suite d'expulsion. En cas de mort, l'artel rend à la famille du membre décédé une partie du capital qu'il a apporté: un tiers environ, quelquefois davantage. On agit de même avec les membres qui se retirent de l'artel et dont la conduite a toujours été irréprochable. Ce remboursement s'appelle „vyvod“ (ce qui veut dir.: l'argent de sortie). Il est formé par un prélèvement sur le gain des membres qui ont reçu à l'époque de son admission dans l'artel l'argent versé dans la caisse commune par le membre sortant. Au contraire, si quelque membre est expulsé de l'association pour cause de délit, il perd l'argent qu'il a versé en entrant.

Tels sont les traits principaux de l'organisation des artels de la Bourse, qui sont les plus importantes des associations de ce genre.

Il y en a un grand nombre d'autres qui se sont formés là où se faisait sentir le besoin de coopération. Les plus répandus sont les artels de pêcheurs et de chasseurs. Il existe des artels de pêcheurs presque dans tous les villages situés au bord d'une rivière ou d'un lac présentant quelque avantage pour la pêche. C'est au bord de la mer Blanche et de l'Océan du Nord que se rencontrent les artels les mieux organisés. Dans ces parages, l'artel porte le nom de „Kotliana“ („kotel“, marmite). Lorsque la „Kotliana“ est composée d'arteliens indépendants et travaillant sans patron elle est appelée „forte“. Elle se forme immédiatement avant le commencement de la pêche pour se dissoudre sitôt que celle-ci sera terminée.

Elle se compose habituellement de 8 à 20 membres, dont on choisit trois pour les fonctions supérieures de l'expédition. Ces trois membres portent le nom de „Kormstchik“ (capitaine) „poloukormstchik“ (lieutenant) et de „polouougenchik“ (sous-pêcheurs). Si l'artel travaille pour un patron, l'organisation ne change pas, c'est seulement le partage des produits qui est modifié, car le patron est en effet obligé de fournir les bateaux, l'armement et tous les appareils nécessaires, et alors c'est à lui que revient la plus grosse part du bénéfice, les deux tiers environ de toute la pêche. Le „kormstchik“ ou le capitaine prend de trois à six fois plus que le simple artelien, et le lieutenant moitié moins que le précédent.

Il existe de grandes pêcheries sur l'Oural dans les domaines de l'armée cosaque. Depuis bien longtemps la coutume s'y est établie d'opérer la pêche par artel. Ici le nombre des membres de chaque groupe est variable, mais chaque artel ne peut poser plus de cent filets. Aussi divise-t-on les bords de l'Oural vers son embouchure en circonscriptions égales, suffisantes pour recevoir chacune 100 filets. Tous les ans ces artels qui arrivent aux pêcheries tirent au sort pour occuper les circonscriptions à tour de rôle. Cependant les différents chefs de l'armée cosaque jouissent du privilège d'occuper les pêcheries sans tirer au sort, mais leurs domaines restent toujours les mêmes et ils prennent le nom de pêcheries d'ataman (ataman est le nom du chef du corps des cosaques).

Lorsque l'armement et les filets appartiennent à quelque Cosaque riche, on lui réserve une rétribution cinq fois plus forte que celle du simple artelien, et six fois plus forte dans le cas où il travaille lui-même. Les produits de la pêche sont partagés en parties égales entre tous les arteliens si les appareils appartiennent à l'association. Toutefois si les officiers ont pris part eux aussi au trainage des filets, ils reçoivent selon leur rang le double ou le triple de ce que reçoivent les simples arteliens. En hiver la pêche se fait d'après le consentement général; alors le poisson est déposé en tas et se trouve ensuite partagé entre tous ceux dont les appareils ont été mis en action. On admet quatorze hommes auprès de chaque appareil de pêche dont les propriétaires touchent en hiver six parts de revenu parce que les filets coûtent plus cher en hiver qu'en été, et les officiers touchent deux parts sans distinction de grade.

En comparant entre elles les pêcheries de la mer Blanche et celles de l'Oural, on voit que dans ces dernières le partage des produits de la pêche est moins compliqué et qu'il est basé sur des

principes différents. La pêche dans la mer Blanche est pleine de dangers, son succès dépend des qualités du bateau et de son armement, aussi bien que de l'expérience et de l'audace du pilote et des marins, c'est pourquoi il y a là une rétribution spéciale pour le capital et pour les capacités. Mais sur l'Oural, aux abords de la mer Caspienne, les conditions sont différentes; ce sont les militaires qui s'occupent de la pêche, et leurs chefs ont chacun dans les produits une part supplémentaire proportionnée à leur grade; ensuite le capital est rétribué en moindres proportions; enfin les capacités personnelles, n'étant pas prises en considération, n'obtiennent aucune récompense.

Parlons maintenant des artels d'artisans. Parmi ceux-ci l'artel des ébénistes à Saint-Pétersbourg mérite tout d'abord notre attention. Son fondateur fut l'ébéniste Melnikoff qui engagea dans l'affaire son capital et s'adjoignit comme compagnons d'autres ébénistes. Cette compagnie ne se borna pas à réunir ses capitaux, elle a formé un artel régulier. Ses membres se sont engagés à répondre les uns pour les autres de toutes les commandes devant le public, à travailler tous sans exception et à partager le gain entre eux conformément au travail produit par chacun. Enfin ils ont ouvert leurs rangs aux nouveaux membres dont l'admission se fait deux fois par an aux époques de la convocation de l'assemblée générale.

Cependant ceux qui le désirent peuvent s'inscrire en qualité de candidats sans attendre les réunions générales, à la condition de verser 3 roubles par mois à la caisse de l'artel. Une fois élu le nouveau membre doit verser 25 roubles en une seule fois et fournir au magasin de l'artel pendant les deux premiers mois des meubles pour la valeur de 50 roubles. Tous les membres ensemble possèdent en effet un magasin commun où chacun expose les produits de son travail d'après l'approbation des doyens. Les articles défectueux sont refusés, et pour le retard dans l'exécution d'une commande le coupable paye une amende. Les arteliens seraient passibles d'expulsions s'ils osaient exposer dans le magasin de l'artel quelques produits provenant d'une main-d'œuvre étrangère à l'association. Les commandes sont faites généralement à l'artel tout entier, cependant les arteliens peuvent les recevoir directement des particuliers. Dans le cas où la commande privée de l'artelien est trop forte pour pouvoir être exécutée par lui seul, il est obligé de la diviser entre ses camarades, et ce n'est que sur le refus de ces derniers qu'il

peut s'adresser aux ébénistes étrangers à l'artel. Les doyens donnent aux arteliens, en à-compte sur le prochain partage des gains, tous les matériaux nécessaires pour le travail. Le partage a lieu une fois par an. Après la déduction faite de toutes les dépenses, le gain se répartit entre les membres suivant la valeur des commandes exécutées par chacun d'eux, ou suivant la valeur des objets qui ont été vendus. S'il se retire de l'association, l'artelien reprend son premier versement et sa part de bénéfice. Ici il y a trois doyens qui exercent leur fonctions simultanément. Ils sont élus pour un an. Ce sont eux qui reçoivent les commandes et ont la direction du magasin commun; ils achètent les matériaux et acceptent des arteliens leurs ouvrages dont ils déterminent la valeur. Ils tiennent en outre les livres des comptes de l'association. Je ne sais pas si cet artel continue son existence actuellement, mais il y a quelques années les affaires marchaient très bien. Durant plusieurs années il n'avait pas de statuts; en 1864 seulement un règlement a été élaboré et confirmé par le ministère de l'intérieur. Il est à remarquer que ces statuts étaient écrits et rédigés en deux langues, en russe et en allemand, et que les membres russes de l'association s'en sont peu à peu complètement retirés, les Allemands y restant. Il est intéressant de noter qu'après la disparition, dont j'ignore les causes, de tous les membres russes, les Allemands ont conservé tous les statuts sans aucune modification.

Un autre exemple intéressant d'artel industriel est offert par les habitants du village „Ponomarevo“ et des localités „Ivankovo“, „Polchaninovo“, „Filino“ et „Podviaznovo“ qui se trouvent à une distance de 10 verstes de la ville de „Jaroslavl“. Avant l'abolition du servage, les paysans de ces villages n'allaient pas à la corvée, mais ils payaient seulement l'obrock. En été ils cultivent la terre et en hiver s'occupent de l'industrie de la menuiserie et principalement de la confection des caisses. Dans le but d'assurer à chacun la réalisation du droit au travail, les 400 habitants des villages que nous venons de mentionner ont formé un artel pour la fabrication des caisses de bois. En abandonnant toutes les autres branches de l'industrie de la menuiserie à l'initiative privée, ils se réservèrent le monopole de la confection des caisses. En automne tous les villages se réunissent en assemblée, appelée „vsemirskaja skhodka“ (ou concours de toutes les assemblées communales du pays). Là on discute et on arrête les conditions proposées par les marchands, on fait la repartition des commandes entre les diffé-

rents villages, en cherchant à partager le plus également possible les avantages du travail. Par exemple: si quelque village a reçu les commandes les plus avantageuses cette année, l'année suivante les meilleures commandes seront attribuées à un autre village moins favorisé l'année précédente. La répartition plus détaillée de l'ouvrage entre les différentes familles se fait par le mir local de chaque village. Le mir général de tous les villages réunis choisit un „doyen“ appelé „postavstchik“ (entrepreneur). Ce doyen reçoit tous les ouvrages terminés et règle les comptes avec les clients. Une exécution défectueuse de travail est punie ici d'une amende et quelquefois même d'une peine corporelle. J'ignore ¹⁾ si cet artel de communes si original fonctionne encore, mais nous pouvons indiquer d'autres artels de village qui existent actuellement. En 1888 le ministère de la guerre avait accordé aux paysans industriels appelés en Russie „Koustars“, dans le gouvernement de „Kalouga“, une commande de bottes, à condition qu'ils se formassent en artel. Les „Koustars“, cordonniers de plusieurs villages voisins, constituèrent un artel et terminèrent à temps et très consciencieusement la commande pour la somme de 60,000 roubles. Le ministère trouva cet essai réussi, et résolut pour l'avenir de faire toujours ces commandes à cet artel des Koustars. Dans le gouvernement de Viatka, l'artel de charpentiers appelé „votkinskaïa“ a reçu en 1888 une commande du ministère de la marine pour divers objets de l'armement des navires montant à 30,000 roubles. L'exécution de cette commande eut un tel succès que l'année suivante le ministère en fit une seconde pour la somme de 40,000 roubles. En outre, le ministère s'est si bien convaincu de l'exactitude et du soin consciencieux apportés par l'artel dans l'exécution des commandes, qu'il ne refuse pas maintenant des avances d'argent.

Un autre exemple d'artel industriel doit être mentionné. Nous avons sous les yeux en ce moment des journaux faisant connaître la formation d'associations qui ont l'intention de renouveler une entreprise arrêtée par la faillite d'une importante compagnie d'actionnaires. Dans le gouvernement d'Orel il y avait plusieurs usines appartenant à la compagnie „Maltseff“: une usine métallurgique, une verrerie, et un atelier d'outils mécaniques. Ces usines étaient reliées entre elles par une voie de chemin de fer d'une longueur de plu-

¹⁾ Les faits que nous faisons connaître ici se rapportent à l'année 1864. Cf. Kolatcheff, p. 54.

siers dizaines de verstes. La compagnie ayant fait faillite, les usines ont cessé de fonctionner et des milliers d'ouvriers sont restés sans travail. C'est alors que parmi eux surgit l'idée de former un artel et de reprendre au moins une partie des affaires de la compagnie. Effectivement il s'en est formé d'abord deux seulement dans les villages Lubakhna et Radetskoïé. D'accord avec les liquidateurs de la compagnie „Maltseff“, ils ont pris à ferme le fourneau à reverbères à condition qu'au lieu de payer les fermages en argent ils lui fourniraient toute la fonte au prix convenu d'avance. Pendant les onze premiers mois de l'année 1889 les affaires de ces deux artels ont marché si bien que celui de „Lubakhna“ a fabriqué des produits pour la somme de 60,000 roubles. Les dépenses de l'administration n'ont pas dépassé 800 roubles. Suivant les prix courants de la localité le taux des salaires s'est élevé jusqu'à la somme de 10,000 roubles, il est resté pour le dividende des arтелиens la somme de 3,000 roubles et 3,100 roubles pour le capital de réserve. L'artel de Radetskoïé n'a pas eu moins de succès¹⁾. De tels résultats de l'entreprise ont produit une forte impression dans l'arrondissement. Depuis le commencement de l'année courante, cinq artels nouveaux y fonctionnent dont deux fabriquent la fonte, deux autres travaillent la verrerie et le dernier la quincaillerie. Ces artels ne sont pas entièrement libres: la direction des liquidateurs instituée par le ministère des finances régit leurs affaires en se conformant à l'état du marché; elle fait augmenter ou diminuer la fabrication suivant les circonstances. Pour le reste, les associations sont complètement indépendantes.

Rien n'est plus propre que cet exemple à montrer quelle aptitude pour l'association possèdent les Russes. Ils aiment à travailler ensemble comme les fourmis et les abeilles, et leur coopération prend immédiatement une forme consacrée par l'usage, que tout le monde reconnaît. Pour conclure, nous dirons que tous les ans au printemps sur notre territoire, des centaines d'ouvriers groupés toujours en artels vont du Nord au Sud de la Russie pour chercher du travail. L'ouvrage étant terminé, ces ouvriers (principalement les maçons, les charpentiers) retournent au pays après avoir partagé entre eux le gain de la campagne. Chaque artel se dissout ainsi pour se reconstituer l'année suivante, peut-être avec les mêmes

¹⁾ Communication de M. Teleginsky faite aux „Rousskiya Viedomosti“ à la fin de l'année 1889. Ces artels n'ont pas de statuts pour le moment.

personnes. Un grand nombre de ces artels appartiennent en réalité à un entrepreneur, c'est lui qui retient tout le gain et les ouvriers reçoivent de lui un salaire déterminé. Mais ici encore les ouvriers entre eux se montrent très solidaires à l'égard de l'entrepreneur. Presque toujours ils instituent des artels de consommateurs; c'est la cohabitation sur une large échelle. Les associés louent un logement commun, font le ménage ensemble en le confiant à une ou à plusieurs femmes. Dans ce but spécial, quelques-uns des membres amènent leurs femmes avec eux.

Depuis longtemps il existe à Odessa un artel semblable qui travaille à la douane et ailleurs. Il a été fondé par quelques arteliens de „gostinny-dvor“ de Moscou. Ils ont loué ensemble toute une maison qui est habitée maintenant par quelques dizaines de familles d'ouvriers. Chacune de ces familles habite un logement particulier tandis que les célibataires, qui sont peu nombreux, habitent ensemble. Il y a des personnes qui s'occupent spécialement du ménage artelien. Il y a là aussi des palefreniers arteliens, des cuisinières arteliennes et même un „kvasnik“ ou débitant de „kvas“¹⁾. Autant que j'ai pu m'en assurer, le ménage est très bien ordonné; du moins je ne connais pas à Odessa de meilleurs chevaux et des chevaux mieux entretenus que ceux de l'artel de consommateurs.

Par là nous terminerons la description des artels de la grande Russie. Je n'ai pas la prétention d'avoir présenté un tableau complet de cette manifestation de la vie sociale: je n'avais pour le faire ni le temps ni les matériaux²⁾. Du moins ai-je fait tout mon possible pour esquisser devant mes auditeurs les traits principaux qui caractérisent la physionomie de ces associations.

II.

Jusqu'à ces derniers temps, on croyait généralement que la possession de la terre en commun et le travail en artels étaient propres à la Grande-Russie, mais inconnus aux Petits-Russiens. Les

1) Boisson nationale fabriquée avec du seigle fermenté.

2) Les personnes qui s'intéressent spécialement à cette question peuvent consulter le 5 supplément de l'indicateur bibliographique des ouvrages et des articles qui traitent des associations fondées sur le principe de la caution solidaire, puis des artels, de la situation de la classe ouvrière, de l'industrie des „koustars“ en Russie. Dans ce fascicule de l'utile ouvrage de Mejov, ont paru près de 550 noms d'ouvrages se rapportant à la période de 1884—1886.

recherches de MM. Antonowitch, Ivanitcheff, Loutchitsky, de Novitsky établissent l'existence de la communauté territoriale chez les Petits-Russiens dès le XVIe siècle. Les travaux de M. Loutchitsky, professeur à l'Université de Kieff, sont particulièrement intéressants, car ils nous montrent le mir et les communautés familiales dans la partie de l'Ukraine située sur la rive gauche du Dnièpr. Ces alliances familiales étaient regardées aussi comme appartenant en propre aux Grands-Russiens. Tous ces faits nous montrent que le mode de possession individuel de la terre, bien que prédominant, n'existe relativement que depuis peu de temps, ce qui ne peut pas nous servir d'argument en faveur des tendances individualistes d'un tronçon de notre race. Enfin, c'est un phénomène très intéressant que de voir maintenant les Petits-Russiens revenir de la possession individuelle de la terre à la possession en commun.

En ce qui concerne les artels, les recherches de M. Stcherbina nous obligent également de renoncer à l'idée longtemps accréditée qu'elles n'existaient pas chez les Petits-Russiens. Au contraire, ils ont acquis chez eux depuis longtemps le droit de cité. Ces artels existent encore à présent en Petite-Russie tantôt sous la forme ancienne dont la vitalité s'affaiblit progressivement, tantôt sous des formes plus appropriées aux nouvelles conditions économiques. Il est curieux de savoir que la „Zaporojskaïa Sietch“ (colonies de Cosaques zaporogues sur le Dnièpr) est le type de la plupart des artels Petits-Russiens. Le public français possède des notions bien confuses sur le peuple des Cosaques et sur les colonies zaporogues. Voici ce que nous dit Larousse sur les Cosaques: „Cosaques, hommes de la race tartare qui forment au Sud de la Russie des colonies militaires.“ Cela n'est pas plus exact que si nous disions que les Français sont des Allemands, parce que les Francs et les Burgondes ont concouru à la formation de la race française. Le peuple cosaque s'est formé sur toute la frontière du sud et du sud-est de la Russie, sous l'influence des luttes constantes soutenues contre les hordes nomades de l'Asie. Les Cosaques sont des paysans russes qui cultivent la terre, mais en même temps apprennent à bien manier les armes, car depuis des siècles leur position géographique les expose continuellement à l'invasion des nomades. C'est ainsi que s'est développé l'esprit guerrier chez les paysans cultivateurs. Il s'en détachait continuellement une partie pour former la „Sietch“ des „Zaporogues“ (Za, au delà, porogues, cataractes), qui constituait leur meilleur élément guerrier.

Sur le Dnièpr, il y a en aval des cataractes une île appelée „Khortitsa“ : c'est là que se trouvait le camp retranché des Cosaques Zaporogues. Ils composaient ensemble une commune démocratique d'où les femmes étaient totalement exclues, sous peine de mort. Elles devaient rester dans les villages voisins et s'occuper du ménage. Pour être admis chez les Cosaques il suffisait tout d'abord d'être orthodoxe ¹⁾. A la tête de ses Cosaques se trouvait un chef appelé l'ataman qui exerçait un pouvoir illimité pendant les expéditions militaires. En temps de paix ses fonctions étaient insignifiantes. A côté de lui se trouvait le juge de l'armée qui était en même temps trésorier et conservateur de l'artillerie. Après lui il y avait le scribe qu'on pourrait appeler chancelier et garde des sceaux, enfin un „essaoul“ ou aide d'ataman. L'armée cosaque était divisée en tronçons appelés „courègnes“. Tout d'abord on appelait courègne une grande baraque qui pouvait contenir 250 à 300 hommes. Ensuite le nom de la baraque passa au groupe lui-même. Les habitants du courègne composaient une compagnie intime qui faisait le ménage en commun. Pendant les expéditions le courègne devenait un corps militaire dont le chef était un ataman spécial; il exerçait par sa situation une grande influence dans les affaires et particulièrement dans le choix de l'ataman général de toute la „Sietch“, dont l'autorité s'appuyait sur les atamans de courègne. Le cuisinier du courègne jouait aussi un rôle marquant: il était pour ainsi dire son intendant.

Les „Zaporogues“ faisaient constamment la guerre aux musulmans et particulièrement aux peuplades nomades de la Crimée. En même temps ils attaquaient les possessions turques sur les bords de la mer Noire. Leurs bandes audacieuses portées par de légers bateaux appelés „mouettes“ faisaient leur apparition sur les côtes de l'Asie Mineure et pillaient même les environs de Constantinople. Les Turcs gardaient vainement les bouches du Dnièpr en attendant toujours les Cosaques Zaporogues aux forts d'Otchakoff et de Kimbourne. Les Cosaques, à la faveur de la nuit, passaient entre les fortifications et se dérobaient à la poursuite des Turcs sur les bords des petits affluents du Dnièpr. Les Cosaques Zaporogues se donnaient le nom de „lytsar“ (mot vicié venant de l'allemand „ritter“ —chevalier). Ils se croyaient chargés de la mission de défendre la religion orthodoxe.

¹⁾ Il y a une seule exception à cette règle: c'est le débitant de spiritueux qui était toujours un juif.

Il ne faut pas croire que la „Sietch“ n'ait eu qu'une existence militaire, elle avait ses fonctions pacifiques. Elle avait ses pêcheries et sa chasse, en vue desquelles elle composait des artels. Elle s'occupait de l'élevé du bétail et celui qui en était chargé s'appelait „Stadnik“ (berger de l'armée). En outre la Sietch possédait des terres dont le revenu était distribué en partie par le tirage au sort, en partie par la direction de l'armée. Tous les ans au moment de l'élection du doyen de tous les chefs de l'armée cosaque on tirait au sort la possession des terres et de leurs dépendances. Après avoir réparti de cette façon tout ce qui était nécessaire aux besoins des Zaporogues, le „tovaristvos“ ou la direction de l'armée laissait la possession de tout l'excédent entre les mains des Cosaques cultivateurs qui habitaient les terres de la „Sietch“ et qui se considéraient comme vassaux des Zaporogues.

La „Sietch“ des Zaporogues tire probablement son origine des artels de pêcheurs et de chasseurs ayant habité les contrées où elle se fixa plus tard. Les temps agités ont fait naître ce caractère militaire chez les habitants paisibles de l'Oukraïne et firent presque complètement disparaître les tendances industrielles — je dis presque, car la chasse et la pêche se sont conservées chez les Zaporogues et ils s'en occupaient non pas individuellement, mais en se groupant en artels dont l'organisation se faisait d'après le type de la „Sietch“. Elle avait un caractère militaire.

Il y avait encore une autre industrie très répandue en Petite-Russie: c'est l'industrie des „tchoumaks“. On appelait ainsi des voituriers ou charretiers qui s'occupaient du transport des marchandises. Encore maintenant il arrive que les tchoumaks, grâce à certaines conditions toutes locales, réussissent à faire concurrence, pour le transport des blés, aux chemins de fer. Mais, actuellement, il est impossible de se faire une idée approximative de l'importance qu'avait autrefois cette entreprise. Les tchoumaks tenaient tout le commerce de la Crimée, d'Otchakoff, d'Akerman, avec la Petite-Russie et par elle avec la Pologne et l'Allemagne par la voie de Leipzig d'une part, et avec la Grande-Russie d'autre part. Les principales matières de leur transport étaient les blés, le sel et le poisson. D'après les témoignages de Reissonel et d'Antoine, les Cosaques zaporogues prenaient une grosse part du sel des lacs de la Crimée. Les tchoumaks emportaient ce sel et en échange rapportaient d'autres marchandises. Si nous voulons savoir combien étaient considérables leurs moyens de transport,

lisons les témoignages d'Antoine qui nous montrent qu'en l'année 1804, il arrivait à Odessa de 500 à 1,000 telègues ou voitures chargées de blé ¹⁾. Nous savons également que plus tard l'énorme exportation d'Odessa qui avait complètement absorbé celle d'Otchakoff, de Kozloff et d'Akkerman, se faisait jusqu'à l'année 1870 presque exclusivement par les tchoumaks. Ils n'étaient pas seulement des voituriers mais encore des marchands, car ils vendaient sur les bords de la mer Noire des produits qu'ils rapportaient de la Petite-Russie et d'autres contrées. En même temps sur les bords de la mer Noire, ils prenaient, outre les produits indigènes, les objets de l'industrie de l'Europe occidentale venus par la voie de Constantinople. On a vu des marchands tchoumaks encore dans ces derniers temps. Ils tiraient un grand profit de leur industrie et certains d'entre eux acquièrent de grandes fortunes. Dans la période de 1875 à 1880, un correspondant du journal „Viedomosti“ du gouvernement de Kharkoff parle d'un vieux tchoumak qui lui raconta comment, en l'année 1829, „il avait été envoyé tout jeune par son père faire ce métier, qu'il n'avait cessé de s'en occuper durant ces quarante années“. Au fur et à mesure de l'extension de ses affaires, cet homme prenait à son service un nombre de plus en plus grand d'autres tchoumaks et, à la tête de cinquante paires de bœufs, se mettait en route pour le Don ou pour la Crimée, d'où il rapportait du sel et du poisson. A la fin de cette vie sobre et pleine de labeurs, on lui vola 560,000 roubles. „Pendant toute cette période de quarante années, disait-il, dans le commerce du poisson je ne gagnais pas moins de 12,000 roubles par an.“ En outre, lui et ses camarades cultivaient les céréales et n'étant jamais pressés de réaliser, ils vendaient les grains seulement lorsque les prix de ce produit étaient élevés. „Grâce à cette vie modeste, ajoutait-il, si nous n'avions pas été continuellement opprimés par les seigneurs terriers qui tiraient profit du servage dont nous avons été délivrés après de pénibles épreuves, nous posséderions à présent un million de roubles“ ²⁾.

Voyons maintenant quelle était l'organisation de cette industrie des tchoumaks. En grande partie ce n'étaient pas de simples salariés, mais des entrepreneurs libres qui se groupaient en artels appelés „valka“ ou encore „vataga“ ou bien „pomotch“ (se-

1) Antoine, „Essai historique sur le commerce de la mer Noire“, p. 227.

2) Stcherbina, „Artels Sud-Russiens“, p. 156.

cours). Ce n'est que dans ces derniers temps que cet ordre de choses a été modifié: les opérations commerciales ont été séparées de l'industrie du transport. En même temps se sont montrés des entrepreneurs qui composent les trains de transport à leurs propres risques et périls en prenant des charretiers salariés. Habituellement au printemps les tchoumaks, après avoir mis en bon état leurs voitures, se réunissent à l'endroit convenu appelé „stanovitché“, d'où ils doivent partir ensemble. Chacun d'eux a pris avec lui pour le voyage des quantités déterminées de froment, de lin, de sel et de pain: tous ces vivres seront ensuite réunis ensemble pour constituer une réserve commune et pour être confiés à la gestion d'une personne spéciale. Au point de départ ils choisissent un chef conducteur auquel on donne le nom d'ataman. Il est choisi parmi les hommes qui connaissent bien les chemins, les usages commerciaux et les diverses coutumes locales des pays qu'on doit traverser. Il doit être le plus expérimenté, le plus fort et le plus intelligent. Ce chef dans les conditions ordinaires est simplement conducteur, mais si le convoi se trouve menacé de quelque danger, par exemple d'une attaque des Tartares ou de quelques brigands, cet homme devient dictateur. Dans les vieux temps d'agitation où les steppes étaient peu sûres, tous les tchoumaks emportaient avec eux des fusils et des lances. Lorsque le danger était proche, on mettait toutes les voitures ensemble de façon à former une redoute, au milieu de celle-ci étaient placés les hommes et les bœufs; c'est ainsi que les tchoumaks se défendaient contre l'attaque. L'ataman se trouvait toujours sur la voiture de devant et observait avec attention la steppe de tous les côtés, toujours sur le qui-vive. C'est sur cette voiture que se trouvait également un vieux coq dont le chant du matin servait de signal de réveil pour tous les tchoumaks, ce coq commençant à chanter, disaient-ils, sitôt que le bon soleil apparaissait à l'horizon. Au partage du gain, l'ataman recevait le double des autres tchoumaks.

Depuis que les steppes sont devenues plus sûres au sud de la Russie, le rôle d'ataman a changé, quoique le nom soit resté.

A présent l'ataman n'est pas le chef, mais seulement son guide pendant les voyages et son représentant dans les relations commerciales. Il doit veiller au bon ordre des choses: que les essieux soient bien graissés, que les bœufs soient bien nourris, que les tchoumaks suivent dans l'ordre et observent les usages établis. Il se charge de certaines commissions de la part de ses camarades, s'occupe de

l'achat et de la vente et sert de trésorier pour tout le train des voitures. Pour ses peines il touche quelquefois un traitement spécial, par exemple cinq roubles par voiture, et en même temps il jouit de certains privilèges honorifiques: il ne fait pas le graissage des essieux de sa voiture, ne mène pas ses bœufs à l'abreuvoir, ses camarades le font pour lui. Immédiatement après l'ataman vient l'essaoul. Mais c'est seulement un candidat à la place d'ataman qu'il doit remplacer en cas de maladie, en attendant il n'a aucune fonction définie¹⁾. Parmi les fonctionnaires actifs, il ne faut pas oublier le cuisinier qui tient tous les vivres et prépare la modeste nourriture de ses camarades. Jadis on remarquait fixée sur une perche à trois pieds la marmite signe de sa dignité.

Sous le rapport de la vie sociale, les tchoumaks présentent une association parfaite. Chaque membre de cette compagnie verse une somme déterminée dans la caisse commune pour les dépenses du voyage, qui sont effectuées par l'ataman. Dans les „valkas piriatsinsky“ (qui avaient jusqu'à ces derniers temps pour occupation spéciale le commerce de sel de Crimée), tous les actes et toutes les dépenses se font d'après l'approbation générale. Les dépenses pour les besoins de chacun se font en proportion du nombre de voitures qu'il possède. Un tchoumak prend autant de sel qu'en peuvent traîner ses bœufs. Sitôt le sel chargé sur les voitures ils se mettent en route. D'un commun accord chemin faisant ils en vendent aux marchés et aux foires, en commençant par la vente du sel des dernières voitures. Le produit de la vente est partagé tout de suite entre les tchoumaks dont le sel a été vendu et proportionnellement à la quantité de sel que chacun d'eux avait possédée. On prend aussi en considération la qualité du sel²⁾. Parfois tout le train de voitures appartient à un seul et unique entrepreneur. Alors naturellement les rapports de propriété changent mais l'organisation du train reste la même, à

1) «L'essaoul» ou «l'ossaoul» existe dans les „valkas“ (bandes) de tchoumaks du district Piriatsinsky; dans les autres „valkas“ cette fonction se rencontre rarement; dans les anciens „valkas“ elle existait certainement partout quoiqu'il n'y ait pas des indications historiques à ce sujet (Stcherbina, Essai sur les arts et métiers sud-russiens, p. 156, remarque, et 169.)

2) On prend la somme entière provenant de la vente du sel d'une qualité donnée, puis on la divise par le nombre total de pouds de sel de cette qualité et alors on paye à chacun sa part conformément au nombre de pouds de cette qualité qui lui appartenait. La différence des prix suivant lesquels on a vendu le sel aux différents marchés n'est pas prise en considération.

cette différence près que l'entrepreneur lui-même devient alors son ataman ou bien c'est son agent qui remplit cette fonction. Mais ajoutons que ses rapports avec les autres tchoumaks ne diffèrent que très peu de ceux de l'ataman élu. Les rapports entre les autres tchoumaks restent naturellement les mêmes.

Comme nous l'avons mentionné plus haut, les artels des tchoumaks sont de plus en plus supplantés par d'autres moyens de communication. N'ayant plus de raison d'être, ils vont cesser d'exister, mais ils présentent un très grand intérêt à cause de leur antique origine et encore parce qu'ils caractérisent l'esprit national des Petits-Russiens.

Une forme d'artel non moins ancienne nous est présentée par les artels de pêcheurs qui pratiquaient leur industrie aux „limans“ (lagunes) du Dnièpr et du Boug, puis encore aux bords de la mer Noire et de la mer d'Azov. Ces artels étaient très répandus auparavant et présentaient des associations égalitaires, ayant à leur tête un ataman et un „koukhar“ ou cuisinier. A présent les artels de pêcheurs se rencontrent sous des formes mixtes: ainsi l'ataman est le propriétaire des bateaux de pêche, des filets et d'autres armements, tandis que ses camarades ne possèdent rien. Ce patron commande à l'artel et il reçoit la moitié des produits de la pêche comme intérêt de son capital engagé, tandis que l'autre moitié est divisée en parties égales entre les camarades. Les artels de pêcheurs constituent de notre temps une forme d'association ouvrière qui va cesser d'exister comme les précédentes. Ils cèdent de plus en plus la place à des entreprises fondées sur l'initiative privée du capital. Ils disparaîtront très probablement à la manière des artels de pêcheurs et de chasseurs qui opéraient jadis sur le Dnièpr.

D'autres anciennes formes d'artels ne sont pas encore mortes, mais elles se sont transformées même en conservant parfois leur physionomie première. Nous entendons par là l'usage de „toloka“ ou encore de „pomotch“ (secours), qui existe chez les Grands-Russiens. Il consiste en ce qu'aux jours de fêtes les paysans se réunissent pour accomplir quelque travail de culture de la terre c'est d'ordinaire la récolte des blés ou du foin. Ce travail se fait au profit de quelque habitant du même village et le plus souvent gratuitement les travailleurs sont remerciés seulement par un repas plus ou moins copieux. Il n'est pas rare de voir marcher à la besogne ces travailleurs précédés d'une troupe de musiciens, dont les primitifs instruments font entendre des airs plus ou moins gais à la grande joie des

peysans Par beaucoup de caractères cette forme de coopération atteste une origine bien ancienne et des rapports avec le paganisme slave. La „toloka“ se faisait le jour des fêtes et au profit des prêtres; on peut se demander si elle ne provient pas de quelques charges coutumières en faveur du culte païen.

Quoi qu'il en soit la „toloka“ n'a plus la signification d'autrefois, et pour le moment, cet usage est utilisé assez souvent à leur profit par les accapareurs de village. Mais à côté de cela, l'ancien usage d'accomplir les travaux de la terre en commun se borne ici seulement à labourer la terre ensemble. Cet usage n'est pas encore très répandu, mais il se propage de plus en plus aussi bien au sud qu'au nord de la Russie. Ainsi par exemple au village „Tchernenskaïa“ (district de Dnièpr du gouvernement de la Tauride), les paysans se sont entendus pour cultiver ensemble un certain territoire et pour faire le partage égal des produits de culture. En Bessarabie, au district „Soroky“, il s'était formé dans un village plusieurs groupes de paysans dans le but de cultiver aussi la terre en commun. Tous ces groupes finirent par se réunir en un artel unique qui engloba tout le village. Un artel semblable s'est formé dans un village perdu du gouvernement de Poltava. Dans tous ces cas, le commandement des travaux de l'artel est confié au cultivateur le plus habile nommé par l'élection. A la fin de la récolte, les produits sont partagés entre les familles des cultivateurs proportionnellement à la quantité de main-d'œuvre de chacune de celles qui ont participé au travail. Le travail des enfants compte aussi. Dans le village sus-mentionné du gouvernement de Poltava, les paysans ont un jour proposé de tenir compte dans le partage de la récolte des instruments de culture, du bétail, en somme de tout ce qui constitue le capital, mais cette proposition a été écartée. Ces artels ont réussi; la culture du sol et la récolte se faisaient avec plus de soin et plus de célérité qu'avec des labours individuels et la terre produisait plus de grains qu'auparavant. En sorte que les artels sus-nommés ont cru pouvoir agrandir leurs opérations et alors leurs membres ont pris à ferme les circonscriptions territoriales voisines ¹⁾.

Parmi les artels d'origine toute moderne très répandus au sud de la Russie, on peut citer les artels de faucheurs et d'autres travailleurs de la terre. Ils se composent d'ouvriers arrivés de la Grande et de la Petite-Russie pour chercher du travail dans les steppes de la

¹⁾ Stcherbina, Essai sur les artels Sud-Russiens.

Nouvelle-Russie. Leur effectif change peu. La plupart du temps les mêmes habitants de village vont former les artels au printemps pour se dissoudre au retour des travaux de l'été. Remarquons une particularité intéressante: c'est que ces artels se forment d'après deux types différents. Les uns portent des traces de l'influence des traditions cosaques, ainsi ils ont leur ataman, leur essaoul. D'autres présentent des caractères grands-russiens, ayant à leur tête un doyen qui ne possède de privilèges d'aucune sorte ni pour le travail ni pour le partage des produits; il ne jouit que d'un privilège purement honorifique. Enfin dans certaines villes des bords de la mer Noire, il existe des artels de charretiers, de maçons, de charpentiers et autres qui ont été créés sans aucun doute par les Grands Russiens, mais qui se sont mêlés ensuite aux éléments de la population indigène des Petits-Russiens dont l'influence s'est fait sentir sur le mode d'organisation de l'artel. C'est ainsi que l'on peut rencontrer des artels de caractère mixte qui ont simultanément un doyen, un essaoul et un trésorier.

M. Stcherbina considère comme un exemple de ce genre d'artel mixte celui des bateliers à Sébastopol. Cet artel se forma d'anciens défenseurs de la ville qui se fixèrent sur les côtes nord de la baie. Ces travailleurs s'occupent en été du transport des passagers à travers la baie, et en hiver ils font la pêche. Tout d'abord ces anciens militaires s'occupèrent individuellement de cette industrie de passeurs; mais dans la suite la concurrence des petits bateaux à vapeur les décida à former un artel. Ils n'ont pas eu à se repentir de s'être associés de la sorte, car depuis ils ont toujours pu soutenir cette concurrence. La principale particularité de cet artel consiste en ce que le gain des membres de l'association est versé dans la caisse commune et il est partagé le soir entre tous, indépendamment de la somme de travail fournie par chacun d'eux, pourvu qu'il se soit trouvé ce jour-là à la station des bateaux.

Les bateliers font leur voyage suivant un ordre déterminé. En 1876, l'artel se composait de 40 bateaux; je ne sais pas combien il en a maintenant, mais il continue d'exister. Chez eux il y a aussi un doyen éligible qui est chargé d'observer l'ordre dans les opérations et de représenter l'artel dans ses rapports avec les autorités. Il ne touche aucun traitement spécial pour l'exercice de ses fonctions, excepté la part qui lui revient dans le partage du gain total, à l'égal des autres bateliers ses camarades. A côté du doyen il y a chez les bateliers de Sébastopol un écrivain et un trésorier, chargés

respectivement d'enregistrer et de conserver les sommes apportées par les arteliens à la caisse commune. La situation du doyen chez les bateliers de Sébastopol est tout à fait semblable à celle du doyen des artels grands-russiens¹⁾ De sorte que M. Stcherbina le range parmi les artels mixtes.

Nous allons terminer ici notre étude sur les artels russes. Je n'avais ni le temps ni l'espace nécessaires pour lui donner toute l'étendue qu'elle aurait nécessitée. Pourtant les faits cités plus haut nous permettent déjà d'arriver à un certain nombre de conclusions. Ainsi nous avons vu que l'artel présente dans les contrées septentrionales et méridionales de la Russie une forme traditionnelle de travail, intimement liée au caractère national russe.

Issu des conditions historiques et géographiques de la vie du peuple russe, l'artel s'est conservé au milieu des obstacles aussi défavorables pour son développement que celui de l'état de servage. D'où nous pouvons tirer la conclusion que les conditions qui favorisent le développement du travail du peuple présentent en même temps un terrain favorable pour le développement du principe artelien et pour la variété de ses applications. Faisant abstraction des compagnies et des sociétés de crédit et d'assurance créés en vue de certaines productions par le concours des gens instruits, les artels qui ont l'avantage de fonctionner d'après les usages et de posséder une très simple organisation ne peuvent faire naître aucune appréhension. Mais il n'est pas moins vrai qu'avec la complication des rapports et des conditions économiques, les usages et les modes d'existence des artels ne tarderont pas à devenir insuffisants. Il est très probable que dès maintenant, dans certains endroits, il s'organise des artels plus compliqués et plus perfectionnés qu'au paravant. Il suffit de rappeler à l'appui de cette supposition, l'organisation ouvrière dont nous avons signalé la formation, à la suite de la faillite de la société métallurgique Maltseff (Cf. supra, p. 453) et encore la revision des statuts des artels de la Bourse.

Nous croyons inutile d'insister sur l'importance du rôle économique et social de ces associations. L'attention des hommes préoccupés du bien public s'efforce de ne pas laisser l'artel s'immobiliser dans les anciennes formes coutumières, mais de le faire pro-

¹⁾ Cependant l'existence des fonctions de scribe et de trésorier rapproche cet artel de bateliers de Sébastopol des artels petits-russiens.

gresser et de l'amener, par des modifications de statuts, à des formes plus compliquées et plus appropriées aux besoins actuels.

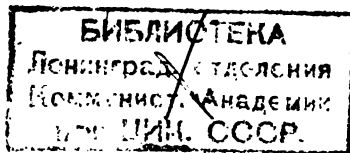
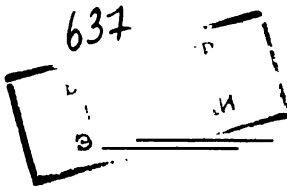
Deux voies sont indiquées pour effectuer cette évolution avec succès. L'une d'elles serait de créer pour tous les artels des statuts types, pouvant servir de modèle, tandis que l'autre consisterait en ce que les statuts de chaque artel, avant d'entrer en vigueur, devraient être ratifiés par le préfet du département. Pour le premier des deux projets, il nous semble douteux qu'on puisse élaborer un statut normal, soit à priori, soit d'après les statuts des artels que nous connaissons déjà. D'une façon comme de l'autre, un statut-modèle ne peut pas servir de type concentrant comme dans un foyer les usages si variés des divers artels. Comme conséquence naturelle, il ne pourra que gêner le développement de ceux-ci. Il pourrait produire un effet semblable à celui que les règlements de Colbert avaient produit en France en imposant à toutes les corporations du pays les diverses règles élaborées d'après les statuts des corporations d'ouvriers parisiens. Il est vrai que ce statut normal ne toucherait pas aux artels dont le fonctionnement se trouve réglé par les usages, mais il pourrait servir d'entrave dans le cas où on aurait besoin d'établir pour quelques artels de nouveaux statuts, si ceux-ci ne répondaient pas aux exigences du statut normal qui aurait été ou trop étroit ou trop exclusif. Il nous semble par conséquent que la publication d'un statut normal ne doit se faire qu'à la suite d'une étude détaillée des usages ayant cours dans les artels et qu'elle doit non pas précéder mais suivre l'exercice de différents statuts. Ce n'est qu'en étudiant ainsi à beaucoup de points de vue les artels et leurs usages que le statut normal pourra servir de modèle d'application commode dans les cas isolés.

La modification des nouveaux statuts de chaque artel par le gouverneur local présente beaucoup moins de difficultés, parce que l'autorité du pays connaît de beaucoup plus près les besoins et les conditions de la vie de ses habitants. Mais y a-t-il lieu d'exiger la ratification pour les statuts d'artel comme condition indispensable? Je ne le crois pas. Ce sera toujours une entrave pour la formation des artels ayant des statuts, car les fonctionnaires de département habitués à observer strictement des formules de loi seront toujours portés à regarder de mauvais œil les moindres écarts que l'on se permettrait à l'égard du texte dans la pratique. Tandis que pour le libre développement des artels, il faut que leur droit coutumier soit interprété aussi largement que possible et qu'il ne soit pas

gêné par les conceptions du droit positif souvent étrangères à l'esprit populaire. A notre point de vue, pour que les statuts acquièrent le droit de légalité, il me semble plus rationnel d'établir un ordre des choses d'après lequel tous les projets de statut devraient être présentés à l'autorité locale pour entrer en vigueur au bout d'un délai de temps déterminé, à moins que d'ici là un „veto“ de l'administration ne soit prononcé contre eux, dans le seul cas d'une contradiction entre le projet de statut et les principes du droit positif.

Il reste encore une question à toucher avant de conclure: doit-on obliger tous les artels à se pourvoir d'un statut formulé par écrit? Notre étude du sujet nous dicte une réponse négative. Si nous prenons en considération que presque tous les artels russes peuvent naître, vivre et disparaître, sans avoir des règles écrites, il est évident que la force de l'usage est assez grande pour permettre de s'en passer. Là où le besoin d'un règlement écrit s'est fait sentir, les statuts ont été élaborés sans aucune pression extérieure. Ce serait une gêne complètement inutile que d'imposer des statuts à ceux qui n'en ont point besoin, d'autant plus que ces gens, c'est-à-dire les associés de l'artel, connaissant très bien les usages, très souvent ne sont pas, faute d'instruction, en état de pouvoir les systématiser et les exposer dans les statuts; et par contre les gens instruits qui possèdent cette capacité n'ont pas la plupart du temps la connaissance nécessaire des usages.

Il serait, par conséquent, tout aussi inutile d'obliger chaque artel d'avoir son règlement particulier que d'imposer à tous les artels un statut type général élaboré a priori.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Вмѣсто предисловія	III
Списокъ публичныхъ лекцій Г. Е. Аванасьева	XIII
Воспоминанія о Викторѣ Ивановичѣ Григоровичѣ	1
Англійская парламентская реформа 1832 года	13
Переходъ къ парламентской реформѣ 1867 года	25
Реформа 1867 года	39
Очеркъ дѣятельности Тюрго	57
Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Одесскаго славянскаго благотворительнаго общества, въ память И. С. Тургенева, 18-го сентября 1883 года	83
Внѣшняя политика Наполеона III	91
Судьбы Ирландіи	143
Двѣ публичныя лекціи о Маріи Стюартъ	225
Les sociétés de crédit mutuel en Russie	319
Русскія кредитныя учрежденія	337
Условія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII в.	349
Les artels Russes	441

H 259.8
Istoricheskiia i ekonomicheskiia st
Widener Library 003834402

3 2044 087 958 468